

С.П. Щавелёв

ФИЛОСОФИЯ

Учебный курс

Курск 2013

Министерство здравоохранения Российской Федерации

Курский государственный медицинский университет

Кафедра философии

С. П. Щавелев

ФИЛОСОФИЯ

**Учебный курс:
конспект лекций,
планы семинарских занятий,
задания для самостоятельной работы,
рекомендуемая литература**

**Том I.
Теория философии**

**Учебное пособие
для студентов высшей медицинской школы**

КУРСК

2013

УДК
ББК
Щ

Рецензенты:

докт. филос. н., член-корр. РАН *И.Т. Касавин* (Институт философии РАН, Москва);
докт. филос. н., проф. *Г. А. Подкорытов* (СПбГУ, Санкт-Петербург);
докт. филос. н., проф. *В.И. Чуешов* (Академия гос. службы, Белоруссия).

Щавелёв С.П.

Философия. Учебный курс: конспект лекций, планы семинарских занятий, задания для самостоятельной работы, рекомендуемая литература. Том I. Теория философии. Учеб. пособие для высшей медицинской школы. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2013. 350 с.

ISBN

Книга обобщает авторский опыт чтения лекций, проведения семинарских занятий, организации самостоятельной работы студентов по философии в Курском медицинском институте (университете) в 1980-е – 2000-е гг. Пропедевтика важнейших понятий и концепций философии сочетается в учебном пособии с внятным объяснением наиболее актуальных теоретико-методологических проблем гуманитарных и естественных наук. Их изложение иллюстрировано материалами из истории науки, художественной прозы и поэзии, кинематографа, прочих жанров искусства, практики разных профессий и житейского опыта. В каждом разделе уделено внимание теоретическим и организационным вопросам медицины и фармации. Библиографический аппарат пособия включает в себя всю важнейшую литературу по философии и смежным дисциплинам, опубликованную в центральных книгоиздательствах страны в 1990-е – 2000-е годы.

Для студентов-медиков и их преподавателей; всех тех, кого интересует философия и другие гуманитарные науки.

© С.П. Щавелёв — текст;

© КГМУ — оригинал-макет, оформление.

Содержание

Методические условия

I. РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

- 1. Мифология
- 2. Религия
- 3. Философия

II. ОНТОЛОГИЯ

- 4. Природа и экология
- 5. Бытие мира
- 6. Человек
- 7. Общество
- 8. Цивилизации
- 9. Судьбы России

III. АНТРОПОЛОГИЯ

- 10. Жизнь и смерть
- 11. Сознание
- 12. Бессознательное
- 13. Язык
- 14. Поведение: этология и этика

IV. ГНОСЕОЛОГИЯ И ЛОГИКА

- 15. Познание и мышление
- 16. Законы логики
- 17. Истина и заблуждение
- 18. Практика

V. АКСИОЛОГИЯ

- 19. Культура
- 20. Искусство
- 21. Религии мира: буддизм, ислам
- 22. Религии мира: христианство
- 23. Власть и политика
- 24. Свобода и демократия

VI. МЕТОДОЛОГИЯ

- 25. Наука
- 26. Метод: эмпирия
- 27. Метод: теория
- 28. Естествознание, гуманитария, техника
- 29. Паранаука
- 30. Медицина и фармация — теория и методология

Проспект II тома «История философии»

Об авторе

МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

... Кто ничего не понимает кроме химии, тот и её понимает недостаточно.

Г. К. Лихтенберг.
Афоризмы.

И раз навсегда скажу тебе, юноша, и ты можешь мне поверить, что лучше плавать с угрюмым хорошим капитаном, чем с капитаном весёлым и плохим.

Г. Мелвилл.
Моби Дик, или Белый кит.

Отношение студентов к учёбе достаточно разнообразно, хотя и довольно типично. Одни молодые люди хотят и могут учиться в высшей школе. Другие вроде бы склонны к наукам, но природа и родители обделили их надлежащими способностями. Третьи учиться, кажется, вполне способны, но желания такого не выражают. Четвёртым не хватает силы воли, характера, чтобы растянуть академическую мотивацию на целый учебный год, а тем более на лет пять-шесть. Пятые готовы день и ночь зубрить профильные для своего факультета предметы, скажем, медицинские или фармацевтические, но откровенно презируют все остальные — теоретические и гуманитарные. Шестые... Впрочем, всех оттенков внутреннего облика *Homo Studiorum* — Человека учащегося и не перечесть.

Кстати и справедливости ради сказать, похожими вариациями своего отношения к педагогическому и дидактическому труду отличаются и преподаватели, даже вроде бы опытные и заслуженные. Эти последние, как правило, хронически устают от студентов и могут повторить слова профессора Чарльза Доджсона (Льюиса Кэррола — автора известных сказок про Алису в чудесной стране), полвека преподававшего математику в Оксфорде: «Тяжёлый и неблагоприятный это труд — навязывать знания неохочим до них людям в ущерб тем, у кого есть желание учиться». Тем более что по наблюдению другого опытного педагога — Умберто Эко, тип студента меняется примерно через каждые пятьдесят лет. Так что преподавателям на возрасте и не угнаться за всё новыми «поколениями младыми, незнакомыми»...

Тем не менее, руководителям семинарских занятий можно переадресовать наставления булгаковской Маргарите, преподносимые перед ежегодным балом у Сатаны его церемониймейстером Фаготом-Коровьевым: «Трудно, будет трудно... Но не унывать! И главное полюбить... Среди гостей будут различные, но никакого никому преимущества... Ни, ни, ни! Если кто-нибудь не понравится, но только, конечно, нельзя подумать об этом... Заметит, заметит в то же мгновение! ... Никого не пропустить... Никого! Хоть улыбочку, если не будет време-

ни бросить слово, хоть поворот головы! Невнимание не прощает никто! Это главное...»

Хотя не всякий, даже, в общем-то, хороший преподаватель придётся ко двору всем без исключения своим ученикам. Межличностная несовместимость бушует не только на подводных лодках да в альпинистских палатках, но и в учебных аудиториях. И тут куда денешься от любимчиков и от (*сейчас в твоих глазах*) «монстров», сидящих напротив тебя в аудитории!?! По-честному будет обеспечить тем и другим равные условия учебной жизни (имеются в виду как студенты, так и сами преподаватели). Зато когда встреча учителя и ученика всё же происходит, душевно обогащаются оба. Роман состоявшейся учёбы по-своему не менее захватывающий, чем роман настоящей любви.

«Professore, скажите, что даёт университетское образование?

Я рассказал, как важно, когда от тебя требуют знания предметов, которые поначалу кажутся далёкими от твоих интересов; как важно попасть в среду юношей и девушек твоих лет — многие из них, как и ты, жаждут получить от университета всё, что можно; как хорошо, если тебе повезёт попасть на прирожденных педагогов, и тем более — великих педагогов...» (*Т. Уайлдер*. Теофил Норт).

Чтобы невзначай не потратить даром учебного времени — а это время далеко не худшее в составе человеческой жизни — стоит заранее предупредить своих учеников о правилах университетской игры. Применительно к философии и автору настоящего учебника они выглядят примерно так.

Философию в разных странах, а теперь и у нас в России, преподают по-разному. В общем, различаются *два* основных *подхода* к ней — так называемые *аналитический (британо-американский)* и *«континентальный» (западноевропейский)*. Первый предполагает анализ и сопоставление различных вариантов решения одних и тех же важнейших проблем, определения отдельных категорий этой дисциплины. Выбор между альтернативными интерпретациями остаётся не обязательным. Историко-философский материал тут подчиняется теоретико-методологическому анализу. Так преподают философию в англоязычных странах и в Скандинавии *. Что касается университетов Западной и отчасти Восточной Европы, Южной Америки, некоторых штатов США, то учебная философия складывается там из реконструкций идейных систем, принадлежащих великим мыслителям прошлого, вроде Гегеля, Маркса, Хайдеггера и прочих. То есть, по сути, как философия преподаётся её история **.

* См. переведённые у нас учебники, принадлежащие к аналитической традиции философствования: *Тейчмен Дж., Эванс К.* Философия. Руководство для начинающих / Пер. с англ. М., 1997; *Поупкин Р., Стролл А.* Философия. Вводный курс / Пер. с англ. СПб., 1997; *Рассел Б.* Проблемы философии / Пер. с англ. М., 2000.

** См., к примеру: *Гурина М.* Философия / Пер. с франц. М., 1998; *Нагель Т.* Что всё это значит. Очень краткое введение в философию / Пер. с англ. М., 2001; *Каратини Р.* Введение в философию / Пер. с франц. М., 2003; *Стивенсон Дж.* Философия / Пер. с англ. М., 2004 («Шаг за шагом»); *Бесс Ж.-М.* Философия: краткий курс / Пер. с франц. М., 2005.

Для сравнения см. неподражаемый опус в смешанном жанре: *Хенкинсон Д.* Философия. Притворись её знатоком / Пер. с англ. М., 2001.

В СССР и, по идейно-методическому наследству, в современной России, имеет место причудливое сочетание и чередование того и другого варианта обучения философии. Авторы новых учебников, подчиняясь министерским программам, взваливают на бедного студента двойную ношу — и теории, и истории самой сложной из наук. На мой взгляд, первая методика больше подходит для школьников и студентов-бакалавров, а вторая для магистров и аспирантов. Поскольку в медицинском университете, как и любой другой специализированной высшей школе, философию изучают на первых курсах, до начала любой специализации, здесь больше подходит первая методика.

Хотя на самом деле нам в связи с федеральными стандартами образования приходится сочетать разные степени сложности учебного материала, вырабатывать некую третью методику, что и пытается проделать автор этого учебного пособия. В первой его части сделан акцент на теорию, а историко-философские экскурсы — на заднем плане.

Следующая методическая оговорка относится к *сочетанию собственно философии* (её первой, по Аристотелю, т.е. наиболее общей части) и «отпочковавшихся» от неё *философских*, но более *специальных дисциплин* — этики, эстетики, логики, культурологии, политологии, теологии и т.д. Мой курс складывался тогда, когда будущим медикам читались только одна-единственная «марксистско-ленинская философия» да ещё «научный атеизм». Поэтому мои лекции затрагивали не только общеметафизические вопросы, но и тематику искусства, религии, политики и целый ряд других областей знания и практики. После формирования в российской высшей школе «блока общегуманитарных и социально-экономических дисциплин» я не убоюсь дублирования части моей тематики с ними. Во-первых, повторение — мать учения. Во-вторых, сколько-нибудь полного совпадения соответствующего материала всё равно не будет, в силу авторской индивидуальности лекторов. К тому же, на большинстве факультетов многопрофильного медицинского университета, где работает автор, почти ничего из что названных философских дисциплин так и не преподаются и мои обзоры могут послужить их бесполезной пропедевтикой. Тем более, что при переходе на новые учебные планы третьего поколения федеральных стандартов большинство гуманитарных предметов в них отменено или предельно сокращено.

Как известно, для отечественной школы традиционна пятибалльная *система оценок знаний*. Правда, в университетах, именуемых в нынешней России классическими, оценки на практических занятиях не очень-то распространены. Там на гуманитарных факультетах на семинарах не ставят никаких оценок, а только значки присутствия или отсутствия на занятиях, да порой «плюс» за выступление. Оценку поставит профессор или доцент на экзамене. Там уж двоек

Разъяснения разных философских вопросов на простых житейских примерах преподавателем Лондонского университета: Лоу С. Философский тренинг / Пер. с англ. М., 2007; *Его же*. Философские истории / Пер. с англ. М., 2007.

бывает довольно много. Как и пятёрки. «Троя, тройка, слабая оценка / Мне нужна пятёрка у доцента / В доме смута, голова на части / Я хочу поэтов видеть чаще / Сочинять стихи, ходить на танцы / Да горячим чаем обжигаться» — сочинила одна студентка (И. Федоськина). Но медицинская школа от отметок никогда не отказывалась. Ремесло есть ремесло!?. Без окриков да подзатыльников и их цивилизованных эквивалентов не «натаскать» ученика хоть в ремесленной мастерской, хоть в спортивном зале, хоть в балетном классе, хоть в казарме. В дореволюционной российской, а затем и в советской школе были установлены следующие *степени оценки успеваемости учащихся* (отметки): *очень плохо* (1); *неудовлетворительно* (2); *посредственно* (3); *хорошо* (4); *отлично* (5). Я не вижу смысла менять эту шкалу на ту, что практикуется во многих странах Запада, а теперь в «СНГ» и даже в некоторых российских столичных университетах, вроде Высшей школы экономики (10, 11, 20 баллов и т.п.). Правда, и у нас бывает, что «пятёрка» «пятёрке», а «двойка» «двойке» рознь. Для сравнения напомним градации, по которым кинокритики оценивают достоинства художественных фильмов: * — провал (в нашем случае семинарского занятия отказ от ответа); ** — лучше не смотреть, а погулять (т.е. не слушать этого ответа студента); *** — посмотрите, если больше нечем заняться (ладно, сойдёт...); **** — стоит увидеть (образцовый ответ); ***** — обязательно посмотреть (творческий подход); ***** — шедевр (на занятии что-то вроде: «Вот уж не ожидал!...»); раньше в наших гимназиях ставили иногда «пять с крестом», т.е. с плюсом).

Для получения удовлетворительной оценки нужно *выучить* (а не только прочесть вслух на будущем семинаре) те ответы на вопросы плана семинарского занятия, которые называются ниже *теоретическим минимумом*. Необходимая для этого информация содержится в соответствующей лекции и указанных сразу вслед за ней в списке литературы по каждой теме учебниках (из них можно выбрать любой). Знаком «звёздочки» — * среди многих замечательных книг и статей отмечены наилучшие для углублённого усвоения данной темы студентом, в особенности для подготовки им устного или письменного реферата по одному из её аспектов.

Хорошая, а может быть и отличная отметка ваших знаний предполагает выход за сжатые пределы учебника — к той или иной дополнительной литературе, прежде всего оригинальным источникам отечественной и мировой философской культуры. Некоторые из них отобраны автором настоящего пособия по своему вкусу и представлены, как правило, в избранных кусочках, в разделе «*Текстологический практикум*». Пропуски в текстах обозначены отточиями — [...]. Никто не мешает потом познакомиться с произведением в целом. Содержание этого раздела вышло довольно пёстрым. Преобладают тексты не собственно философские, а литературные, публицистические. Есть классика, есть образчики современной литературы. Это традиция для России — упрячивать общие идеи в эстетическую форму, старую или новую. Для затравки осмысления, обсуждения после текста предлагается несколько вопросов. Они должны запус-

тить его осмысление читателем, обсуждение в студенческой группе. Разумеется, круг этих вопросов может и должен быть расширен. В обсуждении данного текста может принимать участие не вся академическая группа, а наиболее подготовленные и заинтересованные своим образованием её представители. Те, кто потратил дополнительное время на поиск в библиотеке и чтение данного произведения. Если кто-то из них читал и готов анализировать какое-то другое значительное произведение по той же, как ему представляется, теме — это, как правило, будет только приветствоваться преподавателем. «Знаешь, Цири, что даёт человеку университетское образование? — спрашивал у княжны ведьминки преподаватель философии, затем диссидент отшельник Высогота из Корво. — Нет. Что? — Умение пользоваться источниками» (А. Сапковский. Башня ласточки).

Напоследок этого своеобразного напутствия (или ультиматума?) отмечу дидактическую специфику философии (и не её одной) среди обязательного для высшей школы набора учебных предметов. Выслушать лекцию и *перечитать её вслух* на семинаре — для этого много ума и воли не требуется, хотя некоторым нашим студентам и это даётся с трудом. *Пересказать основное содержание лекции*, разумеется, прибавляя свои суждения, оригинальные примеры, вообще дополнительные сведения по данному поводу; поставить новые вопросы в связи с обсуждаемой темой; *продумать и высказать собственное мнение* по тем и иным поводам; связать обсуждение каждой темы с особенностями своего факультета, задачами будущей профессии — так выглядит более или менее благополучное занятие по философии, на взгляд автора.

Действующие учебные планы нашей высшей школы предусматривают, кроме аудиторных занятий, самостоятельную работу студентов по тем или иным дисциплинам. По данному курсу философии *результаты самостоятельной работы* оцениваются несколько раз за учебный год. Прежде всего, каждый студент за семестр должен успеть сделать на семинаре *устный доклад* по теме, которую вместе с ним выбрал преподаватель либо среди исходных вопросов семинара, либо из списка рекомендуемых к нему же дополнительных реферативных тем, либо по какой-то ещё проблеме сходного круга. Следующие отчёты о самостоятельной работе в виде рукописного или распечатанного текста подаются каждым студентом своему руководителю семинарских занятий не позже, чем за неделю до окончания учебного семестра. В осеннем семестре это *реферат* с изложением взглядов кого-то из представителей философии, литературы или искусства (вкратце о его личности, жизни, творчестве). В семестре весеннем — *эссе* * с изложением собственных мыслей студента по тому или иному философскому вопросу (чья формулировка опять-таки уточняется преподавателем данной учебной группы или лектором курса). Примерная тематика таких очерков приводится, впрочем, в плане занятия по каждой теме. Использование

* *Эссе* (франц. *essai*), согласно «Словарю иностранных слов», — литературный жанр; а именно, прозаический этюд, представляющий в непринужденной форме и, как правило, кратко, общие или предварительные соображения о каком-то предмете или по какому-либо поводу, нередко случайному.

готовых текстов, печатных, либо электронных, при отчёте о самостоятельной работе студента исключается. У преподавателя есть средства разоблачить подделку под самостоятельную работу.

По гуманитарным предметам, в особенности философии, важны не только *результаты* учёбы, но и сам её *процесс*. Одно дело, *что* запомнит и сумеет воспроизвести студент до и особенно после семинара. Другое, не менее, а может стать, более важное — *как* он попробует рассуждать, думать и спорить на занятии; сложится ли там благожелательная и остроумная атмосфера духовного творчества. По-моему, никакие компьютеры, даже их глобальные сети, мультимедийные технологии; ни тому подобные вспомогательные приёмы обучения, при всей их бесспорной и быстро растущей пользе для науки и образования, не заменят нам (гуманитариям) его старых добрых приёмов: лекции, беседы на семинарском занятии, корректного спора с товарищами по академической группе, устного диалога с экзаменатором. А главное — чтения. Другой рецепт стать пообразованнее вряд ли кто когда придумает. А становиться ли пообразованнее, и для чего это *ему* нужно — каждый из нас решает сам и для себя лично.

С.П. Щавелёв
1 сентября 2010 г.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

I. МИФОЛОГИЯ

Теоретический минимум

1. Миф: основные значения термина.

2. Мифология как способ мышления и мировоззрение в первобытном и архаичном обществах:

- социально-исторические причины мифологизации традиционного сознания;
- отличительные черты мифологической мысли;
- исходные типы мифологем.

3. Идейные наследники и союзники мифологии:

- эпос;
- сказка;
- бытовые суеверия; былички о чудесах как жанр городского фольклора;
- эстетический мифологизм литературы и искусства;
- новейшие мифы идеологии и политики.

4. Врачебный оккультизм. Шаман как знахарь и пророк. Соотношение народной (традиционной) и современной (научной) медицины.

Литература

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 («Идея человека в постантропологическую эпоху»).

Введение в философию / Авт. колл.: *И.Т. Фролов* и др. Учебное пособие для высших учебных заведений. 4-е изд., перераб., доп. М., 2006 («Введение. 2. Истоки философии. Миф»).

Спиркин А.Г. Философия. Учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. I. § 1 «От мифа к Логосу»).

Краткий философский словарь / Под ред. *А.П. Алексеева*. 2-е изд. М., 2008.

Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с франц. М., 2012.

Хрестоматия по философии / Сост. *П.В. Алексеев*. 3-е изд., перераб., доп. М., 2009.

Мифология. Энциклопедия / Гл. ред. *Е.М. Мелетинский*. М., 2010 («Общее понятие мифа и мифологии»).

Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах / Гл. ред. *С.А. Токарев*. Т. I. М., 2009 (Ст. «Мифология») *.

Толстой Н.И. Славянская мифология // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 5–26.

Щавелёв С.П. Метод практики: природа и структура. Курск, 1996 (С. 104–108 — «Мифологема»).

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. В 3-х тт. М., 1985.

Беовульф; Старшая Эдда; Песнь о Нибелунгах; Песнь о Роланде; Песнь о Сиде // Западноевропейский эпос. М., 2004.

Дэй М. 100 персонажей классической мифологии: биографии и генеалогическое древо богов, богинь, героев / Пер. с англ. М., 2009.

Исландские саги / Общ. ред. А.В. Циммерлинга. М., 2000 («Studia philologica»).

Калевала. Карело-финский эпос. Л., 1979.

Корни Иггдрасиля. Древнеисландская литература. Эдда. Скальды. Саги / Сост. и отв. ред. О. Смирницкая. М., 1997.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М. – Владимир, 2011.

Лики Ирландии. Книга сказаний. М. – СПб., 2001 («Anima Celtica»).

Сага об Эгиле / Предисл. Х.-Л. Борхеса. М., 1999 («Личная библиотека Борхеса»).

Спенс С. Мифы инков и майя / Пер. с англ. М., 2012.

Дж. М. Барри. Питер Пэн; К. Грэм. Ветер в ивах; Дж. Р.Р. Толкиен. Клад; др. // Английская литературная сказка XIX–XX вв. / Пер. с англ. М., 1997.

Бонналь Н. Толкиен: мир чудотворца / Пер. с англ. М., 2003.

Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М., 2003.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. М., 1986.

Кереньи К. Мифология / Пер. с венг. М., 2012.

Ковтун Е.Н. Поэтика необычного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М., 1999.

Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004.

Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. М., 2011 («Мифы народов мира»).

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2003 («Мифы народов мира»).

Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.

Толкиен Дж. Р.Р. О волшебных сказках // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы / Сост. В.А. Чаликова / Пер. с англ. М., 1991.

Толкиен Дж. Р.Р. Чудовища и критики / Пер. с англ. М., 2008.

Сапковский А. Дорога без возврата. Повести, рассказы, эссе / Пер. с польск. М., 1999.

Шиппи Т.А. Дорога в Средиземье / Пер. с англ. СПб., 2003.

Апинян Т.А. Мифология: теория и событие. Учебник. СПб., 2005.

Архипова А.С., Мельниченко М.А. Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования. М., 2010 (Нация и культура. Антропология. Фольклор. Новые исследования).

Вуд Г. Мистический опыт экстаза: шаманские практики народов мира / Пер. с англ. СПб., 2011.

Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.

Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. Изд. 2-е. М., 2004.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. М., 1999.

Иванова-Казас О.М. Мифологическая зоология. СПб., 2004.

Карл Густав Юнг о современных мифах / Пер. с нем. М., 1994.

- Касавин И.Т.* Шаман и его практика // Природа. 1988. № 11.
- Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб., 2000 («Первобытное сознание и его творцы. Вожди и шаманы»).
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление / Пер. с нем. М. – СПб., 2002.
- Кольев А.В.* Политическая мифология. М., 2003.
- Косарев А.Ф.* Философия мифа. Мифология и её эвристическая значимость. М., 2000.
- Косарев М.Ф.* Миропонимание язычников — мифы, обряды и ритуалы // Природа. 1994. № 7.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.
- Кравченко И.И.* Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. 1999. № 1.
- Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой / Пер. с англ. М., 1997.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с франц. М., 1994.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология / Пер. с франц. М., 1983 (Гл. «Структура мифов»).
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление / Пер. с франц. М., 1994 (Гл. «Неприрученная мысль»).
- Леви-Строс К.* Путь масок / Пер. с франц. М., 2000.
- Леви-Строс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / Пер. с франц. М., 2008.
- Левин А.Е.* Миф, технология, наука // Природа. 1977. № 3.
- Леон-Портилья М.* Философия нагуа: исследование источников / Пер. с исп. 2-е изд., доп. М., 2010.
- Лиственная Е.* Маги и целители XXI века. Главные идеи, афоризмы, малоизвестные факты. М., 2008.
- Лойтер С.М.* Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001.
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в её историческом развитии. М., 1957.
- Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991 (Разд. «Диалектика мифа»).
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2008.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. 2-е изд. М., 1995 *.
- Мелетинский Е.М.* Избр. статьи. Воспоминания. М., 1998 (Разд. «Миф и XX век»).
- Миф. Символ. Ритуал. Народы Сибири / Сост. О.Б. Христофорова.* М., 2008.
- Мифологии древнего мира. Сб. очерков / Ред. В.А. Якобсон / Пер. с англ.* СПб., 2005 *.
- Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймерхамера и др.* М., 2000.
- Монтер У.* Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / Пер. с франц. М., 2003.
- Найдыш В.М.* Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопросы философии. 1994. № 2.
- Найдыш В.М.* Фольклорная родословная квазинаучных мифологем // Человек. 1996. № 1.
- Найдыш В.М.* Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М., 2002.
- Найдыш В.М.* Философия мифологии. XIX – начало XX вв. М., 2004.
- Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманстве. М., 2005.
- Новичкова Т.А.* Эпос и миф. СПб., 2001.
- Оборотова Г.Н.* Миф в структуре познания и деятельности. Вологда, 2000.
- Обрядовая теория мифа. Сб. научных трудов [Д. Фонтенроуза, В. Бэскома, К. Клакхона, С. Хьюмана] / Сост. А.Ю. Рахманин.* СПб., 2003.

- Режабек Е.Я.* Мифомышление (Когнитивный анализ). М., 2003.
- Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение. М., 1991.
- Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Сост. *А.П. Логунов*. М., 1996.
- Современная российская мифология / Сост. *М.В. Ахметова*. М., 2005 («Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика»).
- Современный городской фольклор. М., 2003 («Традиция — текст — фольклор»).
- Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л., 1976 (2-е изд. в его кн.: Труды по филологии. СПб., 2003) *.
- Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре / Пер. с англ. Смоленск, 2012.
- Тахо-Годи А.А.* Греческая мифология. М., 1989.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 2002.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал / Пер. с англ. М., 1983.
- Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование / Пер. с англ. М., 2004.
- Фон Франц М.-Л.* Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. СПб., 1998 («Библиотека аналитической психологии»).
- Фон Франц М.-Л.* Архетипические паттерны в волшебных сказках / Пер. с англ. М., 2007.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Пер. с англ. М., 1984.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. 3-е изд. М., 2012.
- Харитонов В.И.* Шаманы и шаманизм: интегративное исследование личности и явлений. М., 2007.
- Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. М., 2011 (Нация и культура. Антропология. Фольклор. Новые исследования).
- Хюбнер К.* Истина мифа / Пер. с нем. М., 1996.
- Чередникова М.П.* «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002.
- Шаман и Вселенная в культуре народов мира. СПб., 1997.
- Шахнович М.И.* Первобытная мифология и философия. М., 1971.
- Щербак-Жуков А.* Древний миф и современная фантастика, или Использование мифологических структур в драматургии жанрового кино. М., 2010.
- Щукин В.Г.* В мире чудесных превращений (к феноменологии мифа) // Вопросы философии. 1998. № 11.
- Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с франц. М., 1994.
- Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер. с франц. М., 2000 *.
- Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов / Пер. с англ. М., 1997 (Раздел: *К. Кереньи, К.Г. Юнг* «Введение в сущность мифологии»).

Тематика рефератов

От мифа к логосу: начало древнегреческой философии.
 Мифология и наука: сравнительный анализ.
 Паранаука как новая мифология.
 Медицинский оккультизм вчера и сегодня.
 Шаман как знахарь, знахарь как шаман.
 Лекарство и плацебо.

Медицина официальная и маргинальная (на примере гомеопатии или другом).

Заклинание и молитва: народная психотерапия?

Аптека шамана. Плюсы и минусы народной фитотерапии, её культурный контекст.

Концепция асимметрии головного мозга и её социально-психологические трактовки.

Литературная фантастика: особенности и разновидности жанра. Философские идеи science fiction (А. Кларк, Р. Шекли, Р. Ханлайн, А. Азимов, С. Лем, братья А. и Б. Стругацкие, П. Андерсон, др.).

Гуманитарная фантастика. Современная классика fantasy (У. Ле Гуин, Р. Желязны, А. Нортон, А. Сапковский, др.). Анализ сюжетов и героев.

Литературная сказка и характер её мифологизма. Сказочно-мифологическая модель мира в эпопее «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена.

Философский роман XX в. и его вклад в литературную мифологию («Замок», «Процесс» Ф. Кафки; «Улисс» Дж. Джойса; «Доктор Фаустус» Т. Манна; «Игра в бисер» Г. Гессе; «Повелитель мух» У. Голдинга; «Каббала», «Теофил Норт» Т. Уайлдера; Г.Г. Маркес «Сто лет одиночества»; Д. Фаулз. «Волхв (Mag)»; др.).

Мифологизация действительности в живописи сюрреализма (С. Дали, его жизнь и творчество).

Жанр философской притчи в мировом кинематографе («Солярис» Андрея Тарковского; «Человек дождя» Барри Левинсона; «Контракт рисовальщика» Питера Гринуэя, «Бойцовский клуб» Дэвида Финчера; «Король-рыбак», «Бразилия», «Барон Мюнхгаузен», «Братья Гримм» Терри Джильяма; «Беги Лола, беги» Карла Тыквера; другие на выбор).

Мифологические элементы политической теории и практики наших дней.

Ленин как трикстер.

Мистика нацизма.

Либеральный и консервативный проекты для России: споры о степени мифологичности.

Текстологический практикум

«Слово о полку Игореве»:

архаизмы мировоззрения и стиля

1. Фактическая основа и сюжет поэмы. Споры учёных о времени её создания, новые открытия текстологов и лингвистов.

2. Идеинный пафос литературного произведения. Панегирик курянам — опытным воинам.

3. Мифо-эпические черты мировосприятия и поведения героев «Слова».

4. Поэтические достоинства и особенности «Слова о полку Игореве». Его влияние на русскую культуру.

Источник и литература

Слово о полку Игореве. Вступительная статья, редакция текста, дословный и объяснительный переводы с древнерусского, примечания Д.С. Лихачёва. М., 1961 (Или любое другое издание).

Слово о полку Игореве (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. IV. XII в. СПб., 1997.

История русской литературы X–XVII веков. М., 1980 (Или любой другой учебник по истории древнерусской литературы).

Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I–V. СПб., 1994–1995.

Воронцов В.А. «Слово о полку Игореве» в свете историзма. М., 2007.

Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Подлипчук Ю.В. «Слово о полку Игореве». Научный перевод и комментарий. М., 2004.

Рыбаков Б.А. Слово о полку Игореве и его современники. М., 1971.

Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. В поисках автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

Конспект

Мифология и философия. Мифология в истории культуры человечества и при становлении отдельной личности возникает и существует гораздо *раньше* философии, расцветает *накануне* неё, остаётся *наряду* с ней. Философия свойственна сравнительно развитому, к тому же, надо признать, элитарному сознанию. Большинство людей во все времена ничего не слышали о философии как таковой и прекрасно без неё обходятся. А вот мифология буквально вездесуща, принудительна, общечеловечна. Это своеобразная философия для бедных. Именно к ним применимы слова Германа Мелвилла (1819–1891) из его знаменитого романа о Белом Ките: «...Вероятно, мы, смертные, только тогда можем быть истинными философами, когда сознательно к этому не стремимся». Образованные же представители любого общества, интеллектуалы, не только возвышаются над частью традиционных мифологем, но и разделяют другие из них, а, кроме того, выдумывают и тиражируют свои собственные. *Мифология играет роль* своего рода *предфилософии* на заре человеческой истории. А затем сплошь и рядом *становится* своего рода *парафилософией*, то есть духовным суррогатом — упрощённым заменителем настоящей философии. Дело в том, что у них во многом *общие темы* — *мир, человек, человек в мире*. Однако способ решения этих масштабных и вечных проблем у философии и мифологии разный. Поэтому различаются ответы и, главное, системы жизненных ценностей, способы практик, предлагаемые той и другой.

Необходимо различать **основные значения термина «мифология»**.

Прежде чем их назвать, сделаю общую оговорку на будущее чтение этих лекций. Приступая к изучению философии, стоит сразу привыкнуть к такой, на поверхностный взгляд странной особенности, как *многозначность базовых понятий* этой отрасли знания. В контрасте с однозначными терминами естествознания и технологии, философские категории совмещают в себе сразу по несколько значений, поворачиваясь к читателю, собеседнику то одним, то другим из них. Это связано с особой противоречивостью и динамизмом мира человеческой истории и культуры, их негомогенностью (неоднородностью) по сравнению с мирами природы и техники. Более того, каждый человек вправе придавать тому или иному гуманитарному выражению свой, сугубо личностный смысл и им довольствоваться. Но в этом случае ему лучше не ходить на занятия, а особенно на экзамен по философии. В качестве учебного предмета, а тем более области научных исследований, своего рода духовной практики анализа неких универсалий и самоанализа качеств личности, философия предполагает уяснение и согласование исходных для всей культуры смыслов и значений.

За точку отсчёта при работе с научными понятиями не грех взять словарь русского языка, а ещё чаще по философии — иностранных слов. Любая статья там обычно начинается с этимологического, дословного перевода. *Этимологией слова* называется его исходное значение, с которым оно произошло на том или ином языке. Далеко не исчерпывая всех дальнейших значений соответствующего понятия, этимология в большинстве случаев весьма полезна для лучшего его уяснения.

«Myrphos» в прямом переводе с греческого означает «предание», «сказание», «повествование». Соответственно, *мифологией* прежде и чаще всего называется совокупность уходящих в далёкое прошлое сказаний о сотворении мира, его устройстве и грядущем конце; о богах и героях того или иного народа; их происхождении, подвигах, отношениях с людьми и природой. Эти типичные сюжеты были взаимосвязаны в мифологии разных народов Земли, образуя цепочки сказочных событий. Содержание таких рассказов различается от народа к народу, а вот структура, сюжеты мифов типичны для всего человечества. Джозеф Кемпбелл, автор книги «Тысячеликий герой» (1948) так характеризует самую типичную модель мифа: «Герой выпадает из повседневного мира и оказывается в области сверхъестественного, полной чудес; там он встречается с волшебными силами и одолевает их в решающей битве; после чего возвращается в обычный мир; где раздаёт благодетельства людям при помощи силы, обрётённой в результате таинственных приключений». Наши предки верили, что всё, что описывается в мифах, случалось на самом деле. Поэтому в самом первом значении можно говорить об *исторической мифологии*, то есть священных для древнего мира сказаниях о богах и героях. Их творцы и носители давно умерли, а сами мифы сохранились в устной или письменной традиции.

Для потомков, включая нас с вами, эти рассказы стали фактом истории литературы и искусства. Поэтому, во-вторых, будем иметь в виду *литературную мифологию* как памятник устного поэтического творчества любого народа. С таких произведений начинается фольклор любого народа (песни, иные сказания, пословицы-притчи); затем они перерождаются в эпос (см. ниже); наконец, становятся жанром авторской литературы.

В древности мифология господствовала в человеческом сознании. Она заменяла первобытным людям науку, литературу, историю, да и все прочие формы знания. Мифы представляли собой модель мира и образец поведения. Их передавали из поколения в поколение, давно забыв, кто и по какому поводу первым придумал соответствующий сюжет, каким был его реальный прототип.

Образцовой может считаться *олимпийская мифология древних греков и римлян*, которая затем получила наибольшее распространение в культуре остальных цивилизованных стран. И по сей день мы с вами, допустим, смотрим фильмы о приключениях Одиссея и других героев осады Трои, едим кашу «Геркулес», ездим на автобусе «Икарус», храним деньги в банке «Гермес», рассуждаем о «комплексе Эдипа», сталкиваемся с массой других осколков античной фантазии. Как сообщил об этом, в частности, Николай Гумилёв в стихотворении с показательным названием «Современность» (1911):

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна.
На губах трепетало последнее слово.
Что-то ярко светило — фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле пароходных контор,
Агамемнонов между трактирных маркёров.

...

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя...
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Скандинавская мифология представляет собой наиболее яркий вариант общегерманской, записанный в виде Старшей и Младшей Эдд ещё в раннем Средневековье (XI–XIII вв.). Первый обитатель космоса — великан-гермафродит *Имир* вышел некогда из Мировой бездны, а уже из его тела появились на свет другие великаны. От брака великана и великанши родились первые боги (асы), старший из которых — *Один*, повелитель грома и молнии. Боги ополчились на гигантов, убили Имира и из частей его тела изготовили небесный свод, звёзды, облака и прочие части мироздания. Земля образовалась из разложившегося туловища поверженного чудовища. Затем из дерева боги вырезали первых людей — из ясеня мужчину, из ольхи женщину. Весь мир представлен в виде гигантского дерева (*Иггдрасиль*). Оно объединяет Землю, где живут люди (*Миддгард*) и небо (*Асгард*). На небе, где живут боги, расположен рай для павших с оружием в руках воинов (*Вальхалла*). Туда их души провожают летучие девы — *валькирии*. Корни Мирового дерева уходят в царство мёртвых (*Хёль*). Там всегда холодно, как на крайнем севере. С великанами и прочими чудовищами продолжает бороться бог *Тор*, в чьём подчинении находятся гром и молнии. Его атрибут — молот, который он мечет во врагов. Плодородие и мир олицетворяет боги *Фрейр* и его жена *Фрейра*. Отрицательный герой (*трикстер*) среди богов — злой проказник *Локи*. Подземные чудовища норовят вырваться на свободу и когда-нибудь они нападут на богов. В их последней битве (*Рагнарёк*) мир погибнет — будет сожжён и затоплен. Но когда-нибудь возродится снова.

Славянской мифологии не повезло — она пришлась на тот период истории наших предков, когда они ещё не знали письменности. После принятия христианства языческие верования и обряды запрещались и преследовались и церковными, и светскими властями Руси, поэтому достоверных сведений об этих мифах сохранилось немного. Археологи и этнографы гипотетически реконструируют картину мира славянского язычества, которая чем-то похожа на мировоззрение других варварских народов, а чем-то от них отличается. Попытки безапелляционно расписать «русские веды» или «влесовы книги» недобросовестными авторами не заслуживают внимания.

У народов крайнего северо-востока Евразии — чукчей, коряков, ительменов и эскимосов до сих пор распространён цикл мифов о *Вороне*, который создает арктическую природу с её животными (начиная с оленей, тюленей, моржей и остальных объектов северной охоты) и птицами, затем даёт людям солнце, учит их жить в суровых условиях вечной мерзлоты. Причём этот легендарный Ворон — вовсе не всесильное божество, а своего рода культурный герой. Он то помогает людям в их бедах, то сам становится человеком (шаманом), а в конце концов заболевает и умирает. Дальнейшая судьба мира зависит уже от самих людей и взаимодействующих с ними благих и вредоносных сил природы, духов. Эти последние олицетворяют положительные (солнце, тепло, свет) и отрицательные (луна, стужа, тьма) стихии природы.

Знакомство с античным или любым другим конкретным вариантом мифологии входит в задачу школьной учёбы или самообразования. По курсу философии необходимо уяс-

нить общую природу всякой мифологии, учесть её вклад в культуру человечества, различить её типические проявления в современную эпоху.

Третье и *основное значение термина «мифология»* носит **социально-психологический характер**. Перед нами *особый тип человеческого сознания* и, соответственно, мировоззрения, мышления, *присущий первобытному обществу*. Такому, которое уже отделилось от природы, остальных зверей, но не достигло ещё уровня, именуемого цивилизацией, с её более или менее устойчивыми гарантиями существования человека и развития социума. Первобытный человек потенциально уже может всё, на что способны и наши с вами интеллект и воля. Если, вообразим, каким-то чудом взять сегодня на воспитание маленького кроманыонца, его, наверное, вполне можно было бы подготовить к поступлению в университет и худо-бедно обучить там. Что Робинзон и сделал со своим верным туземцем Пятницей в классическом романе Даниэля Дефо, а французские этнографы на самом деле с юной индеанкой из Южной Америки, окончившей Сорбонну. Но техническое оснащение, культурное наполнение таких возможностей на стадиях дикой первобытности остаются крайне скудными, явно отстающими от микрокосма духовных потребностей пробудившейся личности. Именно *миф восполняет, достраивает человеческую психику до работоспособного состояния в условиях острого и хронического дефицита необходимой информации*, в очень неравновесных условиях выживания. Образно говоря, миф выступает в функции культурного «транквилизатора», а то и «нейролептика» интеллекта и остальной души на заре существования человечества.

Если после сравнения, которое всегда поневоле хромает, попытаться дать содержательное *разъяснение мифа как формы мышления*, то одно из лучших принадлежит выдающемуся русскому учёному скандинависту Михаилу Ивановичу Стеблину-Каменскому (1903–1981). **Миф — это такое повествование, которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни выглядело неправдоподобно, фантастично с каких-то иных точек зрения**. Допустим, борьба Одиссея с сиренами или же его беседа с Афиной Палладой первоначально воспринимались предками эллинов как поучительный рассказ о действительных событиях, а вовсе не как галлюцинации, аллегории или досужие выдумки. Выбрасывая за борт своего корабля часть завоёванных сокровищ, скандинавский викинг всерьёз верил, что боги оценят этот дар и умножат его удачу на будущее, встретят его после смерти гостеприимно. При затмении солнца чукчи и другие народы Севера стучат в бубны, тазы, сковородки и всё, что попадёт под руку, пока злой дух-кэле не отпустит светило на свободу. В конце концов затмение заканчивалось, что и подтверждало в глазах людей их победу над духом. Так и сегодня нормальный ребёнок всерьёз принимает волшебные перипетии сказки, верит в приход Деда Мороза и т.п. сюрпризы, т.е. живёт отчасти в мире волшебной фантазии. А верующий в Бога человек без тени сомнения воспримет чудесное спасение разрубленной или взорванной иконы, «плач» изображения на ней и т.п. специальные эффекты, на самом деле вполне естественные, а нередко кем-то подстроенные или воображённые, галлюцинированные.

Некоторые общности людей (вроде американских индейцев или эскимосов, австралийских папуасов или африканских бушменов, российских чукчей или якутов, тому подобных народов) так и не смогли преодолеть сопротивление особенно суровой природы или оказались отброшены ходом социальной истории от цивилизационных рубежей и потому надол-

го, вплоть до наших дней сохранили архаическое, традиционное сознание — мифологическое по преимуществу. В одном из африканских племён этнографу доказывали, что обезьяны — тоже люди. Учёный возразил, что ведь они лишены дара речи. На это ему было сказано, что обезьяны только притворяются не говорящими, чтобы мы не заставили их работать. Как видно, для мифологически мыслящего лица нет границ между человеком и природой, реальным и сверхъестественным, возможным и невозможным.

На законный вопрос, почему люди так склонны выдавать желаемое за действительное с помощью мифов, понятно отвечает другой выдающийся специалист, на сей раз востоковед — И.М. Дьяконов. Согласно основному выводу его исследования «Архаические мифы Востока и Запада», *миф возникает из тропа*, то есть *иносказания* (греческое *tropos* — поворот, направление; в данном случае — слово или оборот речи, употребляемые в переносном значении). Образцом чего служит *метафора* — образное сближение слов на основе их переносного значения, мысленный обмен признаками между ними. Метафора отличается от простого сравнения (допустим, лицо как луна, руки как крылья и т.п.). Метафора — скрытое сравнение, в ней слова «как будто», «словно», «как» опущены, но подразумеваются (вспомним пушкинскую «телегу жизни»; гоголевскую «птицу-тройку» (Россию); блоковский «революционный пожар» и прочие классические литературные метафоры).

Метафорическое сближение явлений и предметов, нередко самых разных, таит в себе неограниченные возможности постижения их скрытых сторон, сущности. Недаром метафора стала основным способом моделирования мира в искусстве. Но читатель, зритель авторского произведения искусства сознаёт условность метафор, их сугубо эстетическую нагрузку. А мифолог верит в действительное родство охваченных образным сравнением явлений (например, молния — оружие божества; земля родит урожай как любое другое существо женского рода; и так далее). Именно образами, метафорами вынужден мыслить первобытный или вообще необразованный человек, поскольку ему не хватает абстрактных категорий, отвлечённых понятий, точных фактов. Мозг у творцов и пользователей мифов устроен точно так же, как и наш, и по своим умственным способностям мы в принципе равны. Однако средства для переработки информации у носителя примитивного мышления в явном дефиците. Ему не с чем сравнить неизвестные явления, процессы. Мал запас фактических и теоретических знаний. Вот он и сравнивает их с простыми визуальными впечатлениями — цвета, формы, запаха и прочими, доступными любому. Отсутствие научных и технических сведений восполняется тем, что всегда под рукой — простым сравнением одной наглядности с другой (допустим, Земля похожа на круглую плоскость типа тарелки, только громадных размеров, а стоит она на черепахе, которую мы тоже видали). Любая народная культура пронизана метафорической символикой — приметами, знаменами, предсказаниями, иными ассоциациями.

Видный американский востоковед Генри Франкфорт (1897–1954) уточняет разницу современного (так или иначе онаученного, рационализированного) и древнего (по преимуществу мифологизированного) мышления. Для нашего современника окружающий его мир

явлений воспринимается как некое безличное «Оно», а для древнего, примитивного по складу ума человека этот мир суть родственное «Ты». Первый вид сознания мира лёг в основу западноевропейской науки. Он предполагает объективное, бесстрастное рассмотрение субъектом объекта таким, каков тот есть сам по себе. Такое знание носит понятийный — опосредованный, расчленённый на смысловые единицы характер. А второй предполагает непосредственное понимание вещей и событий как похожих на нас самих; живое впечатление от их пользы или вреда нам лично, а значит и переживание чувств (страха, надежды и т.д.) по поводу всего окружающего без исключения. «Ты», присутствуя рядом с нами, как-то проявляет себя, и это позволяет дикарю мыслить о его значении для людей. «Оно» в принципе предсказуемо, поскольку управляется универсальными причинами и законами. Наука и техника, открывая эти последние, позволяют нам прогнозировать будущее и влиять на него волевым образом. Напротив, «Ты» по определению непредсказуемо и проявляет по отношению к людям свою собственную волю, благую или злую. Поэтому дикарь вступает с диалог с животным миром и даже неодушевлёнными стихиями природы, надеется договориться с ними о мирном сосуществовании или даже союзе, взаимной поддержке. Заметим, что язычник или его «агент влияния» на природу — шаман не умоляют духов природы о милости, не капитулируют перед их всесилием, как поклонники мировых религий. Дикарь договаривается с камнями, растениями, животными так же, как с людьми-соплеменниками; угрожает им или задабривает их. «Ты» в природе переживается как всегда живое, цельное, от которого зависит твоё собственное существование. В мифах, таким образом, воплощён опыт бесчисленных встреч людей и сил природы. Но это опыт более или менее успешных действий по поводу повторяющихся событий, а вовсе не объяснение их скрытой сущности. Поэтому древние люди рассказывали мифы, то есть олицетворяли природу, её силы вместо того, чтобы анализировать события и делать общие выводы.

Типичным представителем такого мировосприятия выступил Дерсу Узала — проводник русского путешественника по Дальневосточному Приморью Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930). Вот описание их знакомства: *«Это, вероятно, медведь, сказал Олентьев и стал заряжать винтовку. — Стреляй не надо! Моя люди!.. — послышался из темноты голос и через несколько минут к нашему костру подошёл человек. Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка. — Здравствуй, капитан, — сказал пришедший, обращаясь ко мне. Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. ... Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали его мы. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не расспрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято в тайге. — Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету. Пока он ел, я продолжал рассматривать его. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные; такие же, но ещё более глубокие шрамы лежали на его лице: один на лбу, а другой на щеке около уха. ... Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо: — Ты кто будешь, китаец или кореец? — Моя гольд, — ответил он коротко. — Ты, должно быть, охотник? Да, — отвечал он. — Моя постоянно охота ходи, другой работы нет ... — А где ты живёшь? ... — Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай, спи. Постоянно охота ходи, как дома живи? ... Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нём было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тай-*

ге... Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т.д. ... Меня поразило то, что Дерсу кабанов называл «людьми». Я спросил его об этом. — *Его всё равно люди*, — подтвердил он — *только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Всё равно люди...* Для меня всё стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому он всё окружающее очеловечивал» (Арсеньев В.К. *По Уссурийскому краю*).

Нейрофизиология мифа выясняется благодаря открытию и изучению феномена *асимметрии головного мозга человека* — органа обработки и осознания информации. Его правое и левое полушария обрабатывают информацию по-разному. В результате целого ряда экспериментов было доказано, что у абсолютного большинства людей правое полушарие воспринимает мир синтетически, образно, по аналогии, а левое — аналитически, по логической схеме. Р. Сперри (Нобелевская премия 1981 г.) так характеризует специфику разнополушарного восприятия: «Имея дело, например, с лицами, правое полушарие, по-видимому, реагирует на всё лицо в целом ..., в то время как левое обращает внимание на отдельные выдающиеся признаки и детали, к которым легко могут быть приложены вербальные ярлыки, и использует эти признаки для различения и узнавания». Правое полушарие позволяет сразу охватить ситуативные связи на каком-то участке реальности и воспринимать его в динамике таким, каким он внешне является человеку в своей целостности. По отзыву другого выдающегося физиолога Дж. Экклса, функции правого полушария у высших животных и человека очень похожи. Левое же полушарие у людей специфично — оно занимается анализом, знаково-символическим обозначением реальности с точки зрения её внутренних, общих, сущностных сторон; оперируя дискретными единицами информации, соответствующими целым классам объектов. Оно же ведает речью, устной и письменной; цифрами и математическими формулами. Но левое полушарие нечувствительно к музыке и плохо распознает сложные образы, которые не делятся на простые элементы.

В зависимости от характера деятельности и условий окружающей среды у человека активизируются тот или иной из отмеченных типов мышления. У представителей первобытных народов их культура и экология востребует в большей степени правополушарный тип сознания. Не случайно среди них в десятки раз больше левшей, чем в индустриальных социумах (неврологически это свидетельствует о правополушарном доминировании). Охота на диких животных, постоянная угроза нападения извне, непрерывное изучение природы в поисках полезных ресурсов требуют быстрой оценки ситуации в целом и отчётливой зрительной ориентировки. В экстремальных условиях внешней среды успешнее адаптируются лица, акцентирующие правое полушарие. Здесь смутное ощущение опасности или удачи важнее последовательного перебора сенсорной информации. Всё решает быстрота реакции. Как показывает в своей работе российский философ Евгений Ярославович Режабек, *мифомышление* базируется на работе *правого* полушария, а специализированные типы духовности вроде *науки* или *философии* опираются прежде всего на возможности *левополушарного* мышления. Предполагается, что народы Востока больше налегают на возможности правого полушария, а европейцы — левого. Поэтому восточная культура более синтетична и интуитивна, а западная — рациональна, логична. Только последняя породила экспериментальное естествознание, технику и высокие технологии. Зато поплатилась медициной на уровне целого организма. Но это уже особая тема.

В цивилизованных частях ойкумены мифология оказалась основательно потеснена новыми, специализированными формами духовной культуры, прежде всего религией, искусством, наукой, философией. Но пока человек остаётся человеком, он не в состоянии совсем отказаться от чего-то мифического. Отсюда *дополнительные значения мифологии*. Они связаны с её превращёнными со-

стояниями, когда она гнездится по соседству со своей духовной родиной, опустошённой прогрессом знания и практики. Прежде всего, в своих облагороженных формах *мифы образуют идейный фундамент любой религии*, своего рода «теорию» всякого богословия. Когда к мифологии присоединяются обрядовая практика (культовые действия) и организация (церковная община) — получается *религия*. Внутри неё мифы увеличивают свою авторитарность — боги большинства национальных и мировых религий уже не партнёры, как духи для язычников, а владыки человека.

Далее, значительная доля мифологизма аккумулируется художественной *литературой* и остальным авторским *искусством*. Здесь, в отличие от религии, условность, игровой характер мифа преобладает над догматическим доверием к нему. Хотя присущая мифу в первую очередь функция образного, воображаемого воссоздания разных моментов действительности до реально недоступных человеку пределов, примирения его с нею остаётся в силе и тут. Эстетическая ипостась мифов — наиболее современная и благородная. Сюрреалистическая живопись, фантастическая литература, артхаусное кино, модернистская музыка заставляют человека думать, позволяют ему сопереживать страсти, недоступные или опасные в его реальной повседневности.

Признанными мастерами мифологистской прозы в XX веке выступили, к примеру, Джеймс Джойс и Михаил Булгаков, Томас Манн и Герман Гессе, Франц Кафка и Джон Фаулз, Хорхе Луис Борхес и Милорад Павич, Уильям Голдинг и Станислав Лем, многие другие художники слова. Не говоря уже о творцах литературных сказок, самыми известными из которых выступают сегодня Джон Рональд Руэл Толкиен с его «Хоббитом» и трилогией о кольцах всевластья; Анджей Сапковский с его семитомной сагой о ведьмине Геральте, волшебнице Йеннифер, их воспитаннице княжне Цирилле; и следующем его же циклом исторических романов о лекаре-магике Рейневане фон Беляу, попавшем в водоворот гуситских войн XV в.; похожие по стилистике авторы.

В своей лекции «О волшебных сказках» профессор Толкиен поясняет сверхзадачу данного жанра литературы: каждый человек, поскольку ему присуща способность к фантазии, способен придумать или изобразить нечто нереальное, например, *зелёное солнце*; но для того, чтобы «создать вторичный мир, в котором зелёное солнце будет восприниматься с доверием», необходимо создать произведение искусства, а вот на это мало кто способен. Потому что «мир с зелёным солнцем» — это целая система образов, со своей историей и логикой существования. Зато любоваться подобным миром *фэнтези* — *гуманитарной фантастики* (а не то *сайнс фикшн* — научно-технической фантастики, кому что нравится) будут многие, кому мало одного-единственного — настоящего мира, да ещё зауженного до взгляда из окна.

Представления мифологического типа возникают везде, где человек оказывается в ситуации незнания чего-то для себя важного, интересного; или неполного знания; или же его по каким-то причинам не устраивает имеющееся знание. Даже повседневная жизнь самого рядового обывателя не полностью предсказуема, таит в себе нечто загадочное и опасное для каждого из нас (болезнь, катастрофа, иная неожиданность). Поэтому «осколки» повреждённых ходом исторического развития мифов разлетаются по миру в виде полного *набора бытовых суеверий и примет* (от избегания следа чёрной кошки до стучания по дереву и плевания через плечо в сомнительных ситуациях, множества иных).

Как и в каменном веке, тёмные и запуганные современники до сих пор верят в оборотней и ведьм, вредоносный «сглаз»; с упоением рассказывают былички о страшных или забавных сверхъестественного толка (русалках, домовых, ангелах и иже с ними).

Гораздо сложнее и часто опаснее, однако, не эти, в своей массе невинные, а то и поучительные капризы ума, по-своему милые слабости души, предчувствия опасности, либо удачи, а плодящиеся вновь и вновь *мифы идеологии и политики*. **Идеология** — это представления, в которых реальная действительность так или иначе дозирована, искажена в угоду интересам той или иной группы людей (партии, государства, народа, поколения, землячества, профессии, корпорации и так далее). Как и любая другая мифология, идеология — это не вульгарный обман или чьё-то личное заблуждение. Идеологемы, во-первых, облегчают сложные моменты жизни людей до приемлемого уровня. Например, обычно люди считают, что деньги — это воплощение общественного богатства, а не просто разрисованные бумажки, кусочки металла. Только периоды финансовых кризисов обнажают истинную природу богатства, но жить с таким «правильным» знанием становится гораздо хуже; по сути, невыносимо. И люди возвращаются в психологически уютные мифы социально-политической идеологии. «Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от некой травматической, реальной сущности», — уточняет словенский философ-радикал Славой Жижек. В зеркале идеологических мифов люди видят себя сторонниками «правого дела», носителями «высоких идеалов»; им угрожают «тёмные силы», «недочеловеки» типа гоблинов или орков. Подобные представления повышают самоуважение, способствуют обретению смысла существования, объединяют людей в социум. Этим идеология полезна людям.

Однако политическая идеология, с другой стороны, таит в себе и опасные тенденции. Это ведь своего рода духовный наркотик. Превышение дозы идеологии по сравнению с наукой и здравым смыслом грозит отравлением ума и души. Время от времени кучка людей стремится навязать свою идеологию остальному человечеству. Ужасными примерами чего могут служить призывы левых радикалов к социалистической справедливости и коммунистическому раю на Земле; крайне правых к расово-национальной исключительности и мировому господству одного народа (или религии) над остальными. Миф Маркса и Ленина — о справедливом герое-искупителе страданий человечества — пролетариате, его верной дружине богатырей — коммунистической партии, которые победят чудовищ — гидру контрреволюции, завоюют «трудящимся» земной рай, Золотой век — коммунизм. Схожим образом положить конец мировой истории — только на почве расистских выдумок об «арийцах» как героических предках современных народов — думали Муссолини, Гитлер, Франко и прочие диктаторы. Сегодня представители особенно фундаментального ислама опять стремятся завоевать весь мир во имя Аллаха. За деньги и выдумки о загробном воздаянии мученикам-«шахидам» они шлют всё новых террористов убивать всех «неверных» — американцев, евреев, русских, испанцев, англичан... В результате насильственного внедрения подобных утопий в массовое сознание и поведение ни за что ни про что оказались уничтожены миллионы людей, а у спасшихся десятков мил-

лионов искорёжена жизнь, отнято будущее. Что особенно характерно для мифа — его *смысловой герметизм*. Никакие уроки не идут ему впрок и ядовитые антиидеи привлекают к себе всё новых сторонников, может быть, чуть изменяющих облик старых политических выдумок.

Наконец, изрядное влияние мифологии содержит практика врачевания, особенно в так называемой *«народной», традиционной медицине*. Истоки народной медицины восходят к тем доисторическим временам, когда наш предок, руководствуясь полуживотными инстинктами, пытался облегчить свои болезненные состояния, прибегая к помощи природных средств. Древние люди, что подтверждается этнографическими исследованиями, превосходили нас в способности видеть мельчайшие детали и связи природы, улавливать их тонкие влияния на жизнь человека. В архаичной картине мира человек — естественная частица природы, с которой он связан неразрывно. Отсюда понятно, почему в народной медицине целебными свойствами обладает всё, что окружает человека и с чем он взаимодействует: травы, цветы, корни, плоды, молоко и кровь животных, минералы, смолы, глины; то есть сама земля и все природные стихии.

Столетие за столетием, в мириадах проб и ошибок отбирались крупинцы реальных знаний, действительных средств и способов лечения. Лечебная помощь раньше всего стала оказываться при травмах, родах, уходе за новорожденными, функциональных хворях вроде простуды. Позднее возникли некоторые специальные приемы лечения различных заболеваний с явно выраженными внешними признаками. Арсенал лекарственных средств, используемых в народной медицине, насчитывает около десяти тысяч видов — растительного, животного происхождения, а также минералов.

В народной медицине есть качественное своеобразие и свои достоинства, которых нет и не может быть в медицине научной, современной. Среди них — длившийся тысячелетия широчайший поиск целебных средств по всему полю реального мира; отсутствие каких-либо формальных ограничений по выбору средств и методов лечения; глубина истории, в которой совершался скрупулезный практический отбор рационального. Вместе с тем, обыденное сознание, сколь угодно умудренное вековым опытом, скользит по поверхности явлений; оно обречено заполнять мифами представления об их сущности и действительных причинах. Так, причинами болезней шаманское сознание полагает злых духов, «порчу» путём «сглаза» и прочую чепуху.

По сравнению с народной, научная медицина ещё молода. Ей лет двести. Все её действия находятся под постоянным контролем общественности и управленческих структур, что в некоторых случаях заметно сужает свободу поиска и эксперимента. Отмечаются практически все средства и способы лечения, которые кажутся странными учёным, противоречат современному научному рассудку. Синтезированные лекарственные средства, даже при тщательных клинических испытаниях, не проявляют сразу всех своих побочных эффектов, отрицательных и положительных. Таковые обнаруживаются иногда через деся-

тилетия массового применения. Современная медицина все более превращается в мощную, всесторонне оснащённую ремонтную базу человеческих тел. По лечению многих болезней существуют хорошо отработанные технологии, гарантирующие успех с высокой долей вероятности. Всё это приводит к тому, что классическое требование медицины — лечить не болезнь, а больного во всей его уникальной индивидуальности — на практике осуществляется всё реже. Народная медицина, напротив, держится на строгом, хотя бы по форме общения, индивидуальном подходе. Знахарь обращается к больному интегрально, как к личности. А медицина официальная волей-неволей обращает своё внимание на заболевший орган, какую-то часть организма.

Зато научная медицина позволила ликвидировать целый ряд тяжелейших эпидемий, уверенно излечивать многие остающиеся недуги и реально облегчать страдания любого рода пациентов. Ничего этого не в состоянии была добиться народная медицина за все тысячелетия своего существования. В фундаментальном исследовании по исторической антропологии «Homo sapiens. История болезни» А.П. Бужиловой (2005) суммированы данные о средней продолжительности жизни людей в разные эпохи. В каменном веке она была самой короткой: ниже 20 лет у австралопитеков; ниже 23 у неандертальцев; чуть выше 26 у первых кроманьонцев (сапиенсов); 31–32 года в эпохи верхнего палеолита (охотники на мамонтов), мезолита и неолита. С периодов раннего металла (бронзы, железа — первые земледельцы и скотоводы) и до позднего Средневековья таковая составляла около 35 лет для мужчин и около 30 лет для женщин. Только с конца XVIII в., то есть в условиях индустриальной цивилизации эти показатели достигли соответственно 70 и 75 лет. Решающую роль в этом достижении сыграли возможности научной медицины и гигиены (в первую очередь вакцинация, асептика, анестезия). Женщины, по крайней мере, сумели превзойти «сильный пол» по продолжительности жизни только при правильной постановке родов и резком снижении младенческой смертности в Новое время.

Конечно, официальная медицина может изучать накопленный опыт народного врачевания (приёмы, средства), извлекая рациональное из прошлого, или критически оценивать вновь появляющиеся находки современных самородков-врачевателей.

Народная медицина предельно консервативна — рецепты в ней передаются от поколения к поколению без особых изменений. А научная медицина постоянно развивается. Пределов её роста не просматривается. Например, с помощью нанотехнологий станет возможным транспортировать лекарство (скажем, антибиотики) точно в тот орган, который нуждается в излечении.

Как всякий спонтанный, стихийный процесс, народную медицину невозможно ни запретить, ни искусственно стимулировать в развитии. Запрет на врачевание без диплома и требование лицензирования некоторых народных приёмов врачевания остаются на бумаге. Вопреки закону, в нашей стране множество знахарей открыто ведут приём пациентов, прикрываясь патентами предпринимателей по оказанию «услуг населению». Абсолютное большинство их клиентов — или тёмные, малограмотные, или отчаявшиеся люди; среди них преобладают женщины в возрасте менопаузы.

В народной медицине условно можно выделить три компонента. Первый — обширный набор лечебных средств самой разной природы, проверенных ты-

сячелетней практикой. Многие из них, после исследования современной медициной, рекомендованы к применению. Это дееспособное ядро народной медицины, фундамент, на котором она существует, и будет существовать ещё достаточно долго. Второй компонент — средства и приемы врачевания, в основе действенности которых лежит *плацебо* (лат. placebo — понравлюсь), и шире, психотерапевтический эффект. Имеются в виду лекарственные формы, по виду или вкусу имитирующие какое-либо лекарство, но на самом деле содержащее фармакологически нейтральные вещества. Хотя на самом деле никакого воздействия на организм плацебо не производит, почти всегда у большинства пациентов оно приносит временное облечение болезненной симптоматики. Эта часть знахарства функциональна и способствует популярности целителей, ибо пользы здесь больше, чем вреда. *Плацебо-эффект* — спутник любого врачевания, даже самого современного. Наконец, третий компонент народной медицины — приметы, обычаи, традиции, прилагаемые к лечению, сопутствующие ему. Они больше всего подвержены старению, утрате содержания и лишь немногие из них сохранили хоть какой-либо смысл и психотерапевтическое содержание. Суеверия есть суеверия, сколько не тверди об их психологической пользе.

Народная медицина несомненно уступает современной по объёму и качеству оказываемой помощи, а также в подавляющем большинстве случаев и по эффективности. Она бессильна против большинства тяжелых, хронических недугов. Хотя бы потому, что в далёком прошлом люди просто не доживали до таковых. Но она произрастает на «свободных территориях», не освоенных современной медициной, имеет собственные объективные основания, круг приверженцев и пациентов, и потому способна приносить некоторую пользу при разумном взаимодействии с современной научной медициной.

Медицинский оккультизм (от лат. occultus — тайный, сокровенный) — это попытки врачевания болезней без рационального объяснения их природы, но с претензией на использование сверхъестественных или ещё не познанных наукой сил. Они, оказывается, всё же подчиняются якобы избранным служителям соответствующих тайн. Любое лечение предполагает внушение и самовнушение — мобилизацию психики пациента, обращение к его целостной личности. В такого рода сотрудничестве врача и пациента нет ничего оккультного, хотя ещё далеко не все механизмы психосоматического взаимодействия пока вполне ясны естествознанию и медицине. Однако в большинстве случаев одного внушения бывает слишком мало для исцеления и тогда врачевание без диплома становится уголовным преступлением, поскольку угрожает здоровью и даже жизни больного, уменьшает его шансы на излечение или по крайней мере избавление от невыносимых страданий.

Для общества, живущего первобытным строем, — в избах или кибитках, ярангах или ледяных хижинах, *шаман, пророк, знахарь* — нужные и закономерные фигуры, своего рода *культурные герои*, с помощью которых решаются важные задачи индивидуальной и коллективной практики. С мелкими недомоганиями или другими жизненными затруднениями представители традиционных обществ справляются сами. Они накопили большой запас эм-

пирических сведений о полезных и вредных сторонах природных явлений. К шаману обращаются, когда болезнь протекает тяжело, когда не ясны её причины (не простуда, не травма, а колдовство, порча?) или же когда предстоит явно рискованное предприятие (охота, война, стихийное бедствие). Задача шамана — изгнать злых духов и приманить к людям добрых. Характерен антураж шаманских сеансов (камланий). Шаман работает обычно вечером или ночью, в жилище больного, которое освещается только огнем очага; в присутствии его родственников и прочих зрителей, которые частью составляют пассивную аудиторию, частью помогают создавать звуковой фон сеанса; пользуется набором магических атрибутов (бубен, колотушка, бич) и реальных снадобий (мази, настойки из трав и т.п.). Веру в себя шаман старался укрепить разными экстравагантными действиями (хождение сквозь огонь, долгое погружение в воду, элементы гипнотического внушения разных чудесных «эффектов», вроде мнимого, на глазах заживающего пореза своего тела). Нередко одежда шамана имитирует облик зверя или птицы, вплоть до соответствующей маски на голове. Представители древних и традиционных обществ обладали повышенной внушаемостью, первая сигнальная система (органы чувств) преобладала у них над второй (словесно-смысловой). Это повышало эффективность шаманских трюков (зомбирующий психику равномерный шум бубна, барабанов; пассы в ходе танца; поглаживания тела пациента; внушение видом и взглядом).

Первые шаманы появились ещё в каменном веке, среди охотников на медведей и мамонтов; следы ритуальной деятельности шаманов, даже их изображения встречаются на древнейших росписях пещер, затем на петроглифах (рисунках на камнях) эпох неолита и бронзы.

На взгляд шамана и его клиентов существуют три мира — верхний, средний и нижний. На небе обитают добрые духи, под землёй — злые, а на земле — люди. Но обитатели всех трёх миров могут перемещаться между ними и вступать в контакты, то полезные людям, а то опасные, даже губительные. Единство мироздания обеспечивает мировое дерево, корни которого уходят в подземный мир, а верхушка достигает поднебесья. У других народов похожую роль играет мировая река. Именно шаману дан чудесный дар посещать своей душой, впавшей в экстаз, верхний или нижний миры и там общаться с их обитателями, заступаться за людей. Те или иные животные (вроде ворона или орла, оленя или лося, т.д.) выступают символами того или другого яруса шаманистского мироздания. В птиц, насекомых, летучих мышей и т.п. животных якобы превращается шаман, когда работает над выполнением заказа клиента.

В языческой «теории» роль шамана сводится к заключению союза с чуждым духом, как бы женитьбе на нем с тем, чтобы подчинить его задачам клиентов. Шаман стремится контролировать странствие душ путем изменения своего внешнего (танцы) и внутреннего (вещий сон или же экстаз, затем транс, вплоть до каталепсии) состояния. Но все эти изменения — только средство для достижения главной цели шамана. А она состоит в том, чтобы осуществить желания пациента, чаяния коллектива. Шаман претендует регулировать круговорот жизненной силы в природе (у охотничьих народов) и цикл общественного воспроизводства, отношения живых и мертвых (у скотоводов и ранних земледельцев). Все шаманские практики связаны с непредсказуемыми, но важными для людей ситуациями их жизни — появлением диких животных, погодой, урожайностью; здоровьем, взаимностью в любви, выигрышем в игре; возвращением из путешествия, победой на войне и т.п. Успех здесь прямо связывается с умением шамана перехитрить или задобрить духов и тем самым повлиять на действительность в нужном отношении. Удача заслуживается, завоевывается шаманом вместе с его клиентами. Когда у человека нет реальных средств изменить или предсказать действительность, он и обращается к шаману, который изменит хотя бы его сознание.

Иное дело *окультизм в индустриальном обществе*. Новоявленные шаманы и колдуны, гомеопаты и «фитотерапевты», экстрасенсы и уфологи, астрологи и гадатели вроде пресловутых Джуну, Ванги, Кашпировского, Чумака, Глобы и т.п. — имя им ныне легион —

это мифология в чистом виде, причем далеко не лучшего сорта. Путём знахарского внушения можно излечить не все заболевания, а только относительно легкие, прежде всего неврогенные. Теряя время при тяжелой соматической патологии, пациент лишает современную медицину реальных возможностей исцелить или хотя бы облегчить его страдания. Однако наукоёмкая медицина не сулит бессмертия, не даёт стопроцентных гарантий успеха. Поэтому даже обитатели небоскрёбов да лимузинов сплошь и рядом склонны мистифицировать себя и окружающих, прибегая к платным услугам знахарей. У каждого собеседника, должно быть, наготове рассказ о чудесном исцелении знахарями пациента, которого официальная медицина признала безнадежным. Мало кто задумывается, каков был средний возраст людей, набор их заболеваний, масштаб страданий, когда роль врачей исполняли только знахари. Интерес к «нетрадиционным», экзотическим методам врачевания сродни интересу детского ума к сказкам с хорошим концом.

Законом «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» от 1993 г. впервые юридически определен порядок занятий народной медициной. Статья 57 этого закона определяет народную медицину как методы оздоровления, профилактики, диагностики и лечения, основанные на опыте многих поколений людей, утвердившиеся в народных традициях и не зарегистрированные в порядке, установленном законодательством РФ. Правом на занятия народной медициной обладают только те граждане, кто получил диплом народного целителя, выдаваемый органами исполнительной власти субъектов РФ в области здравоохранения. Решение о выдаче диплома принимается на основании заявления гражданина и представления профессиональной медицинской ассоциации, либо учреждения, имеющего лицензию на медицинскую деятельность. Такой диплом действителен только на территории того субъекта РФ, где он был выдан. Никакие международные дипломы юридически у нас недействительны. Надо заметить, что Комитет здравоохранения Курской области до сих пор не выдал ни одного такого диплома. Между тем знахари и экстрасенсы всякого рода, пользуясь общей либерализацией правоохраны в нашей стране, успешно занимаются своей практикой, регистрируясь как частные предприниматели и маскируя свои медицинские занятия графой «и другие услуги». Приказ Министерства здравоохранения РФ 1998 г. о «Перечне видов медицинской деятельности, подлежащих лицензированию», особым 8 пунктом перечисляет таковые применительно к народной медицине (целительству): гирудотерапия (пиявки), гомеопатия, мануальная терапия, рефлексотерапия, медицинский массаж, фитотерапия. Попытки представителей ассоциаций знахарей расширить этот перечень решением Верховного суда РФ не увенчалась успехом. Верховный суд оставил соответствующий иск без удовлетворения.

Замечательный английский писатель, истовый католик по своим убеждениям — Гильберт Кийт Честертон (1874–1936) в рассказе «Вещая собака» пророчески говорит (устами своего героя сыщика патера Брауна) о «поветрии, которое в наше время распространяется всё больше и больше. Оно узурпаторски захватило власть над умами. Я нахожу его в газетных сенсациях, даже в модных словечках. Люди с готовностью принимают на веру любые голословные утверждения. Оттесняя наш старинный рационализм и скепсис, лавиной надвигается новая сила, и имя ей — суеверие. Вот оно, первое последствие неверия. Люди утратили здравый смысл и не видят мир таким, каков он есть. Теперь стоит сказать: "О, это не так просто!" — и фантазия разыгрывается без предела, словно в страшном сне. Тут и собака что-то предвещает, и свинья приносит счастье, а кошки — беду, и жук — не просто жук, а скарабей. Словом, возродился весь зверинец древнего политеизма. ... Так вы катитесь назад, к обожествлению животных, всё лишь потому, что вас пугает слово "человек"».

Основные религии отвергают шаманизм потому, что предлагаемый колдунами транс лишает человека свободы воли и, значит, сбивает его с осознанного пути к Богу. Однако и внутри современных религий, и вообще в обыденном сознании до сих пор уживаются родственные шаманизму представления. Это, скажем, вера в личных ангелов-хранителей, знаки

зодиака, счастливую звезду, талисманы, те же приметы удачи или несчастья; общение с мёртвыми душами. Так что *даже самая архаичная мифология в каких-то своих превращённых формах навсегда остаётся с человеком, то помогая, то мешая ему жить, а зачастую сочетая то и другое.*

«Народная» медицина пропитана оккультизмом неравномерно. Больше мистики в её экзотических, выдуманных городскими шарлатанами вариантах («восточная», «тибетская», «славянская» и т.д.) с их доморощенной аптекой, мануальными навыками и всё тем же, вечным как человеческий мир внушением («заговоры», амулеты разного рода). В отсутствие медицины научной, технологичной, наши предки веками вынуждены были использовать всевозможные подручные средства для того, чтобы хоть как-то бороться с недугами. Среди средств народной медицины находятся и относительно полезные, практически безвредные; и бесполезные, играющие роль *плацебо*; и более или менее ядовитые, опасные для организма, лечащие его в одном отношении и калечащие в другом.

Знахарям, повторю, верят люди тёмные, необразованные, или ослабевшие духом, отчаявшиеся, или просто поддавшиеся моде на медицинскую экзотику, настырной рекламе новоявленных панацей вроде фитотерапии, экстрасенсорики, биодобавок к пище и т.п. чудодейственных бальзамов, капель, мазей, настоек, аппаратов. Вот один из множества примеров того, чего может стоить обращение к нетрадиционной медицине. Во влиятельном медицинском журнале Human Reproduction недавно были опубликованы результаты исследования, которые доктор Луи Чан из университета в Гонконге провел с таким широко известным и на Востоке, и на Западе энергетиком, как женьшень. «Корень жизни» давали беременным крысам. В результате у крысиных эмбрионов, а затем и плодов возникали пороки развития сердца, глаз и конечностей. При увеличении дозы с 30 до 50 мг уродства увеличивались, а объём тела новорожденных уменьшался. По мнению ученых, низкие дозы женьшеня вели к более мелким порокам, не всегда сразу заметным. Этим может объясняться тот факт, что ядовитое действие этого препарата веками недооценивалось по сравнению его явно стимулирующего организменные процессы эффекта. По справедливому заключению А. Мельникова, обнаруживавшего эти факты в отечественной прессе, «вся эта история очень показательна для так популярной сегодня фитотерапии — препараты из лечебных трав стали большим бизнесом задолго до того, как изучили их безопасность. ... Потребители, медики и чиновники как-то сразу поверили формуле "натуральное — значит безопасное", забыв, что растения содержат массу ядов. ... Проверить безопасность «травок» гораздо сложнее, чем "химии". Гораздо проще торговать "травками" и легендами».

Медикам с высшим образованием, прежде всего врачам и провизорам, необходима осознанная, критичная позиция по отношению к представителям народной медицины. В отдельных случаях они — союзники, но в большинстве — конкуренты, как правило недобросовестные. Просвещение пациентов, популяризация достижений науки и техники — одна из нравственных обязанностей учёного доктора и аптекаря.

Как видно из всего сказанного, **мифология как таковая** представляет собой *донаучное знание*. Это древнейший и универсальный, вечный для людей — упрощённый, прямолинейный способ «объяснить» (хоть как-то) самих себя, окружающую действительность и, главное, *примирить* неразрешимые без помощи высших достижений разума (а то и с их помощью!) противоречия между

человеком и миром. Миф рождается и процветает на сравнительно простом, низком, причём чреватом катастрофами уровне жизнедеятельности. Когда и куда наука, религия и философия ещё не имеют доступа — тогда и там царство или, по крайней мере, заповедник мифического. В лице мифа перед нами единственно возможный ответ первобытного или примитивного сознания на суровые вызовы жизни.

В романе уже упоминавшегося мной Анджея Сапковского «Меч предназначения» (1994) ведьмак Геральт спорит с Борхом, по прозвищу Три Галки, существуют ли на самом деле золотые драконы. «...Золотой дракон — существо мифическое. Легендарное. Как, скажем, феникс. Фениксов и золотых драконов не бывает». — Заявляет он. Борх возражает: «... У каждого мифа, у каждой легенды должны быть какие-то корни. И у этих корней что-то лежит. — Лежит, — согласился Геральт. — Чаще всего мечта, желание, тоска. Уверенность, что нет пределов возможному. А иногда — случай. ... Только в легендах может выжить то, что в природе выжить не может. Только легенде и мифу не ведомы пределы возможного». Борх, добавлю, это и есть по сюжету романа золотой дракон, лишь перевоплотившийся на время в людское обличье...

В истинном своём качестве *миф позволяет человеку объяснить необъяснимое и достичь невозможного — отчасти в своём воображении, но отчасти на деле*. «Мне не дано познать Вселенную. Я всего лишь работаю в ней», — говорит сам себе герой фантастического романа Пола Андерсона «Щит времён». Неплохой девиз для мифолога. При подобных условиях мифология выступает гармоничным синтезом уже накопленных личностью / обществом крупиц рационального знания, с одной стороны, а с другой, — до(вне)религиозных, примитивных верований *относительно того, что ещё не познано или никогда не может быть и не будет познано научно* (например, индивидуальная судьба, шансы личности на счастье или несчастье). Именно в лоне мифологии вырастают все будущие формы духовной культуры — искусство, мораль, религия, наука и философия вместе взятые.

Как такое возможно, станет яснее, если перечислить **отличительные черты мифологии** по сравнению с наукой и остальными формами современной культуры.

Среди таких *differentia specifica* на первое место надо поставить *антропоморфизм*, т.е. очеловечивание, олицетворение всего на свете как исходную и ключевую особенность мифологизации сознания (Не «Я — ОНО» в системе «человек / природа», а всегда «Я — ТЫ»). Мало что объективно зная об окружающем его мире, особенно по части его глубинных закономерностей и общих принципов устройства, человек склонен проецировать на мир гораздо лучше знакомые ему — свои собственные качества. Как отмечал известный русский этнограф Л.Я. Штернберг (1936), воспринимая окружающий мир, «первобытный человек имел только один достоверный критерий — его собственное «я». ... Идя таким образом от единственно хорошо ему известного (его «я») к неизвестному, он, естественно, должен был сознательно или бессознательно переносить на окружающее атрибуты своей собственной природы: одушевлённость, разумность, волю, активность — словом, мыслить природу по образу и подо-

бию своему». В результате природа воспринималась и «объяснялась» по образу и подобию людей, их межличностных и коллективных отношений. Как человек, прежде всего глава патриархальной семьи, творец и распорядитель её жизни, обустроивал дом, усадьбу, угоды, так и олицетворение высших, космических сил — боги и герои творят целый космос и управляют течением событий во вселенском масштабе. Мифологический космос всегда выглядит глобализированной усадьбой рачительного хозяина, окружённой пустынными землями, где живут только разные чудовища, враждебные людям. Скажем, в христианской мифологии Бог-Саваоф за семь дней творения создает Землю из предшествующего хаоса, населяет её разными тварями и, наконец, лепит из глины первого человека — Адама, а из его ребра изготавливает ему напарницу — Еву. За те или иные участки посю- и потустороннего бытия в любой мифологической системе взглядов назначаются ответственные лица сверхъестественного уровня.

Как в замечательной «Балладе о парашютах» первого советского барда Михаила Анчарова (1923–1990):

И сказал господь:	Он грешниц любил,
— Эй, ключари,	А они его,
Отворите ворота в сад.	И грешником был он сам.
Даю приказ —	Но где ты святого найдёшь одного,
От зари до зари	Чтобы пошёл в десант?
В рай пропускать десант...	Так отдай же, Георгий,
И сказал господь:	Знаю своё,
— Это ж Голицы летит,	Серебряные стремяна.
Благодатский атаман,	Пока этот парень держит копье,
Череп пробит,	На свете стоит тишина.
Парашют пробит,	...
В хвост его автомат...	1964 г.

Если присмотреться к мифологическим персонажам, то они, как правило, представляют собой метко подмеченные разные типы людей, олицетворение общечеловеческих качеств. Так, древние «греки брали за образец самих себя. Меня, вас, своих жён, матерей, сестёр. Они изучали разные людские характеры и наделяли ими своих богов. В сущности, они просто возводили самих себя на Олимп. Переберите их главных богинь: одна — мать и хранительница домашнего очага, другая — возлюбленная, третья — девственница, четвертая — ведьма из преисподней, пятая — хранительница цивилизации и друг человека...» Причём «в женщинах чаще всего перемешаны все пять или шесть главных богинь. ... Счастлива та женщина, что из Артемиды созревает в Афродиту, потом в Геру, а заканчивает свой путь Афиной Палладой. И плохо той, которая застревает на чём-нибудь одном» (Торнтон Уайлдер. «День восьмой»).

Логике мифа образует простая аналогия — отдавая духам часть добычи, надеются вернуть её сторицей; против любой опасности обращают символ оружия, крепости, остроты. Так под венцы новостройки на счастье закладывают монеты, а бросают их в колодец или в тот водоём, куда рассчитывают вернуться; под крыльцо сельского дома кладётся железный топор или замок; первые волосы ребенка после стрижки сохраняются, а в одежду закалывается булавка (против «сглаза») — этим и т.п. обычаям несколько десятков тысяч лет.

Следующая особенность любого настоящего мифа — его *синкретичность*, т.е. сочетание, даже слияние воедино различных, в том числе несовместимых нигде кроме и после мифологии элементов сознания и практической деятельности человека. Мифы включают в себя одновременно:

- и какие-то *эмпирические знания*, в общем, правильные догадки или воспоминания;
- и чистой воды вымыслы, но художественно *яркие фантазии*, эстетически оформленные мечты по разным поводам;
- и наставления неких приличий, *заповеди* мудрого поведения;
- и много ещё чего найдётся в мифологической котомке бредущего по дорогам истории человечества.

Всякий миф лукаво или открыто *авторитарен* в том смысле, что не терпит проверок, доказательств, аргументов своей правоты. Ему просто верят; в противном случае он убежит с пути скептика, равнодушного человека, или же просто испарится на вершинах опытного исследования, разумного верования или авторского сочинительства.

Существование мифа *стихийно* — он передается от поколения к поколению с незначительными вариациями с незапамятных времён; им владеет весь народ, а не кто-то в отдельности.

Миф не отвлечён от непосредственной жизни, а вплетён в неё без остатка. Его структурная единица — *наглядный образ*, чувственно воспринимаемый сюжет, эмоционально окрашенная метафора. Недаром у тех же греков Нарцисс превратился в прекрасный цветок с надломленной чашечкой, а Геракл несёт на плечах львиную шкуру. Наш Илья Муромец ломает могучий дуб, а Вольга Всеславич ныряет в подводное царство как рыба. Или взять модные сейчас знаки Зодиака, претендующие символически выразить разные типы характеров и дороги судьбы («Рождён в созвездии Весов / Искать созвездье Близнецов...», в стихе Любви Якушевой). Мифология вообще ничего не объясняет, но всё описывает, показывает, рассказывает, на всё имеет примеры — так оно выходит любому понятнее, интереснее. Однако эстетическая форма сама по себе не важна для мифологии — в этом её отличие от авторской литературы и искусства. В мифах важнее содержание — назидание, заповедь, а как и кто их излагает — не существенно.

Типичные сюжеты мифологизирования сложились еще в древности. Выделяют следующие *виды исторических мифов*:

- *креационистские* (лат. «creatio» — созидание, порождение) — о начале, происхождении всего мира, его природных стихий; первых шагах того или иного народа на исторической сцене; появлении важнейших достижений цивилизации, обычаев и обрядов;
- наоборот, *эсхатологические* (греч. «eschatos» — последний, конечный) — о грядущем когда-то конце света; о загробном существовании душ ушедших из жизни людей; для кризисных, переломных моментов истории характерны всплески интереса широкой публики к пророчествам типа центурий (столетий) Нострадамуса — каждая эпоха вкладывает в них своё, новое содержание, хотя суть дела остается той же (войны, правители-тираны, природные катастрофы, эпидемии и т.п.);
- *патриотические* — о кульминационных этапах истории народа, его героях-защитниках, их подвигах и победах над врагами;

• *этиологические* (греческое «aitia» — причина) — о причинах, обстоятельстве-ствах происхождения чего бы то ни было (географических названий, человеческих способностей, прочих явлений культуры).

Здесь уместно повторить вывод, открытый мифологами-структуралистами: основные сюжеты древних мифов похожи или даже целиком совпадают у всех народов Земли, на разных её континентах. Отчасти такое сходство может объясняться заимствованием, но в большей степени — общечеловеческим характером мыслительных ходов и эмоциональных реакций. Чаще всего в мифах повторяются такие темы, как путешествие героя в поисках мудрости, бессмертия и т.п. благ; борьба героя с чудовищем (змеем, драконом и т.п.); благодеяния, совершенные героем ради соплеменников; всемирный потоп (или иного рода глобальная катастрофа); «мировое дерево» (ось мироздания); некоторые другие. Отдельные авторы пытаются трактовать соответствующие мифологемы слишком прямолинейно — как отражение неких реальных событий. На самом деле не совсем так — и миграции, и катаклизмы, и культурные открытия были на самом деле, но в мифах запечатлелись не конкретные случаи того, другого и третьего, а их художественно синтезированные образы, оформленные по канонам эстетики и этики, а не истории. Например, потоп (типа подводного землетрясения-цунами) в мифах древнего Междуречья происходит из-за того, что богам якобы мешал «людской шум», а спасает людей один из тех же богов по своему капризу. Похожий сюжет Библии изображает затопление суши, но уже по причине людских грехов, а спасение Ноя со всеми «тварями» — его праведностью. Здесь видна разница ранних религий многобожия и первой религией искупления вины перед единым Богом-творцом и вседержителем.

Встречаются и менее масштабные, не столь оригинальные, обновлённые и смешанные сюжеты для мифологизирования. *Искусственные мифы* порождаются уже вне примитивного общества, дальнейшим развитием культуры. Ведь **после древней мифологии** духовная культура специализируется. Отдельные её формы опираются на те или иные стороны мифологического наследия, но в целом его далеко превосходят.

Занятный пример относительно новых, книжного происхождения мифов — любимые нами новогодние ритуалы. Ночь на Новый год воспринимается как особое — чудесное время, выходящее за рамки повседневности; время даров и загадывания заветных желаний. Центром новогоднего действа выступает ёлка, организаторами его — Дед Мороз и Снегурочка. Между тем, у восточных славян, а затем на Руси культовыми деревьями служили дуб и берёза, а ель символизировала смерть, ассоциировалась с нечистой силой. Пётр I 20 декабря 1699 г. издал указ, согласно которому день новолетия переносился с 1 сентября на 1 января («по примеру всех христианских народов»). На новый праздник велено было украшать дома (снаружи) «от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных». Внутрь дома их тогда не заносили, а после Петра Великого новый обычай был на время забыт. Ёлки оставались лишь как фасадная примета питейных заведений, кабаков (намек на праздничность пия?). Ёлка снова пришла в Россию из Западной Европы только в XIX в. Впервые ставить в домах ёлки и украшать их на радость детворе фруктами и сахарными изделиями стали в Германии ещё в XVI в. У немцев и заимствовали постепенно это милый обычай остальные христианские народы. В сочельник зажигали свечи на ёлке, под неё клали подарки и пускали в помещение детей, которые сначала любовались елкой, а потом срывали с неё лакомства, после чего дерево выбрасывалось. У нас немецкая мода только лет полтора назад быстро вошла в городской обычай и русифицировалась. Новогодние деревья стали крупнее, поэтому они ставились на пол, на крестовине. Вокруг ёлки развешивалось новогоднее действо с хороводами, отыскиванием подарков и т.д. Со временем кроме семейных ёлок стали устраивать общественные, для детей и взрослых — в дворянских и офицерских собраниях, гимназиях. Первую публичную ёлку устроили в 1852 г. в Петербурге, в Екатерингофском вокзале.

К началу XX в. уже казалось, что новогодняя ёлка в России была всегда и это чисто народный обычай. Хотя ни в деревне, ни в домах духовенства никаких ёлок никогда не ставили. «Мужичок», срубивший ёлочку в детской песенке, делал это на продажу в город. Так постепенно сложилась новогодняя мифология, выделяющая главный праздник года в нашей стране. Праздничное деревце приобрело рождественские черты — звезду (символ Вифлеема), фигурки ангелов, горящие свечи. Поэтому большевики после революции сначала запретили ёлку (и в 1920-е гг. её ставили в интеллигентных домах тайком, завешивая окна одеялами), а разрешив её снова в 1935 г., заменили библейское наверхие пятиконечной звездой. К тому времени окончательно сложилась ёлочная программа, отвечающая на детские вопросы: откуда берется ёлка, кто приносит подарки. Так были придуманы новогодние персонажи — дед Мороз, Снегурочка, бабушка Зима, Старый и Новый год и прочие. Их наряды изменились — в соответствии с более суровым климатом, традициями России. С Рождества акцент оказался перенесен на новый календарный год.

В католической Европе, а затем в США прототипом главного новогоднего героя стал Святой Николай Мирликийский, считавшийся в Средние века покровителем детей, в особенности школьников. Он якобы подбрасывал золотые монеты в печные трубы бедняков и эти дары оказывались в башмаках, сушившихся в остывающих очагах. Протестанты отрицали культ святых, поэтому в Германии и в Англии он превратился в Рождественского деда, затем во Франции — в отца Ноэля и, наконец, в Америке в Санта-Клауса (по-голландски Св. Николай). Его современный образ нарисовал в 1860-е гг. Томас Наст, художник популярного еженедельника «Харперс иллюстрейтед уикли».

Итак, праздничный миф о владыке зимнего леса, живущем где-то далеко на Севере (в другом мире) и посещающем грады и веси в момент перехода к новолетию, вобрал в себя в упрощённой форме многие фольклорные мотивы разных народов и времён. На общественных елках он играет роль судьбы между добрыми и злыми силами, которые изгоняются или раскаиваются. Вера в Деда Мороза стала важным признаком детства, а её утрата — своего рода инициацией — испытанием на начало взросления. Подарки должны обеспечить семье счастье и благополучие на весь новый год. Разве не мифологична наша игра в Новый год? Разве новогодний миф не симпатичен? Примерно так и творится людьми всё новая и новая мифология.

Преемники и наследники мифологии в истории духовной культуры разнообразны. Среди них прежде всего выделяется *эпос*. Эпические произведения в поэтической или прозаической, устной или книжной формах повествуют о начале уже не всего мира и не просто человека, но определённого народа, его предках и их подвигах. Классическими образцами такого — героического эпоса служат греческие поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея»; индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», английский «Беовульф»; исландские саги — родовые, королевские, фантастические; германо-скандинавские Эдды; русские былины; финская «Калевала»; казахско-киргизский «Манас»; осетино-вайнахские «Нарты» и т.п. произведения устного народного творчества. Эпос, таким образом, это *начало литературы*. Им опосредуется переход от первобытного общества с его коллективизмом рода-племени к цивилизации с её государственностью, новыми лидерами, о которых судят не по их происхождению, а по личным способностям. В структурном плане эпические моменты сознания носят столь же общечеловеческий характер, как и миф, только они выражают следующий этап развития самосознания. Ведь миф как таковой отражает не индивидуальное, а коллективное, родовое сознание. Любой мифологический герой — это не само-

стоятельный индивид, не суверенная личность, а представитель своего племени, народа. За достижения и проступки такого персонажа благодеяние или кара богов постигает всех соплеменников. Скажем, царь Фив Эдип по незнанию убил отца и женился на матери. Наказание за это понёс не только он сам, боги отомстили и его детям, и всем его подданным. А вот эпический герой выступает творцом собственной судьбы, он сам отвечает перед богами и соотечественниками за свои поступки. Примером чему может служить другой древнегреческий герой — хитроумный и поэтому многострадальный Одиссей. А в наши дни — литературные эпопеи вроде тетралогии Д.Р.Р. Толкиена или септологии, затем трилогии А. Сапковского. Героям мифов трудно подражать, тогда как эпическая поэзия и проза вдохновляют нас и сегодня.

Миф самодостаточен, застыл раз навсегда. Эпос — перерастает и в религию, и в философию, и в литературу. Все эти — уже современные типы мировоззрения по-своему трактуют эпическую идею ответственности человека, добра и зла в его поведении, т.е. вопросы морали. Мифы в таких условиях из «правды» о далеком прошлом превращаются в вечную аллегория — иносказание-назидание.

Сказка сюжетно похожа на мифы и эпос, но, во-первых, отличается от них малым форматом своего содержания, а во-вторых, и это главное, — заведомо признается вымыслом и рассказчиком, и слушателями; творится с развлекательными и поучительными целями, прежде всего для детей и, как жанр художественной литературы, — для взрослых. В миф верят, а в сказку нет (кроме самых маленьких детей). В отличие от эпоса, народная сказка неконкретна, внеисторична, её сюжет разворачивается в воображаемом «царстве-государстве», с героями-типами (вроде Иванушки дурачка или Василисы премудрой, Бабы-Яги ил Кощея Бессмертного), а не реальными предками.

Таким образом, *многие жанры народного искусства* (в первую очередь легенды, саги, сказки, басни, притчи, приметы) сохраняют элементы мифа. Но все они отличаются от настоящих мифов условностью своей фантазии. Настоящий миф всегда серьезен, ведь он увековечивает открытие человеком самых разных «Ты» в окружающем мире, без которых ему не прожить.

Как видно, мифология по своему значению в культуре и жизни человека амбивалентна. **Польза и вред мифа** парадоксально предполагают друг друга. По большому счёту миф обманывает своего обладателя, сообщает ему не то, что было, есть или будет на самом деле. Однако к носителю мифов как нельзя лучше применимы слова поэта: «Ах, обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад». Обман становится мифом (и значит, не совсем обманом, потому, что направляет поведение людей) тогда, когда истина по каким-то веским причинам недоступна или непосильна человеку. В этом случае именно миф заполняет пустоты сознания, перебрасывает мостик от желаний к результатам (пусть этот мостик воображаемый, но без него, иллюзорного, путник, идя по узкой тропке над пропастью, не удержит равновесия). Таким образом, миф — постоянный спутник человека в тех условиях, где узнать или сделать что-то необхо-

димое ему не по плечу. Чем примитивнее культура, чем слабее личность, тем больше мифов они порождают. Но поскольку каждый человек уязвим, смертен, постольку никто из нас не свободен от элементов мифологизма в своем сознании и поведении. Просто у одних людей их личные мифы поужаснее, даже в конечном счете губительнее для них и окружающих, а у других они красивые и добрые, возвышающие над прискучившей реальностью данной судьбы. И у тех, и у других мифология служит формой коллективной памяти о далёких предках, без которых не было бы и нас.

* * *

Итак, миф представляет собой особый способ мышления, при котором выдумка принципиально смешивается с реальностью. В своем оригинальном виде, в полной мере миф присущ только первобытному, глубоко архаичному, либо детскому уму простодушного человека. В сознании взрослого цивилизованного человека фантазия подчиняется реалистичному разуму, по крайней мере, в принципе, как правило. Но и здесь неизменно присутствуют те или иные остатки, переделки мифологии, пропущенной через идейный фильтр более развитых форм духовной культуры — религии, искусства, этики, политики и прочих. Сама по себе логика мифа, те умственные схемы, согласно которым создатель и потребитель мифов решает жизненные задачи, остаются весьма универсальными, общечеловеческими — в силу творческого призвания человека разумного, но и принципиальной ограниченности, уязвимости людского существования. Первым условием мифологизации мышления выступает недостаток объективной информации о мире, незнание, а вторым — победа эмоций над логикой, желаний над реальностью. И то, и другое всегда имеет место в нашей жизни.

Правда, для наивных верующих в ту или иную религию её мифы — святая истина, а мифы других религий — выдумки. Скажем, Иисус Христос на самом деле ходил по воде и воскрешал покойников, а пророк Мухаммед мог летать на чудесном коне на полсвета. Ближе истине те благоразумные верующие, в глазах которых свои и чужие мифы — ступени в богопознании, просто притчи, наводящие на верные выводы. С точки зрения внерелигиозной философии мифы — шаги на длинном пути познания мира и самопознания человека.

Отсюда и в современной медицине присутствие мифологических элементов то благотворно (в качестве полезной психотерапии, заменяющей или дополняющей остальные врачебные манипуляции), то реакционно (когда за фальшивой мифологемой рекламы, моды, отчаяния теряется надежда на самом деле помочь страждущему организму и мучающейся личности, либо, на худой конец, по крайней мере, облегчить невыносимые страдания обречённого пациента).

Образованный представитель современной культуры с интересом знакомится с накопленным человечеством библиотекой мифов, но старается критично

оценить старые и новые суеверия, за которые всегда цепляются нищие духом и слабые телом его современники.

**Слово о походе Игорево,
Игоря, сына Святославова, внука Олегова**

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратную повесть о походе Игорево, Игоря Святославича? Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову! Ведь Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. [...] Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле. Игорь ждёт милого брата Всеволода. И сказал ему Буй-Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже осёдланы у Курска. А мои куряне бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. А сами скажут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы». Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью всё его войско прикрито. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонила ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копьё преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона». [...] Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозных птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой [...].

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вещают: «Половцы идут!» — от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлёными щитами. Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат головы поганных половцев, расщеплены саблями каленые шлемы аварские от твоей руки, Яр-Тур, Всеволод! [...] Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились два, а на третий день к полудню пали стяги Игоревы. [...] Тогда Игорь князь пересел из золотого седла в седло невольничье. [...]

На Дунае Ярославнин голос слышится, одна-одинёшенька спозаранку как чайка кличет. «Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые раны на горячем его теле». Вспенилось море в полночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. [...] Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая студеную росу: загнали они своих быстрых коней [...].»

Перевод О.В. Творогова, 1997.

Вопросы для обсуждения текста

Найдите в тексте литературного памятника христианские и языческие мотивы. Как они, по-вашему, сочетаются в тексте?

«Слово о полку Игорево», как известно, — единственное светское произведение в обширной библиотеке древнерусской литературы, в остальном церковной по авторству и содержанию. Как объяснить такую пропорцию литературных жанров?

Какие политические идеи и моральные заповеди заложены в это произведение?:

Кем мог быть оставшийся для нас загадочным автор «Слова»?

Как сочетается трагедия и лирика в сюжете и стилистике «Слова»?

Какие реалии пограничья тогдашней Руси стоят за панегириком «курянам — опытным воинам»?

Патриотично ли это произведение? В чём может состоять его современное значение?

II. РЕЛИГИЯ

Теоретический минимум

1. Разные определения религии.
2. Идея Бога, аргументы за и против неё. Феномен чуда и его интерпретации.
3. Атеистические и богословские догмы о сущности и назначении религии.
4. Религиозный опыт выхода в запредельные состояния психики.
5. Происхождение и ранние формы религии.
6. Структура и функции религии.
7. Палитра отношений людей к Богу и церкви.
8. Варианты свободомыслия по отношению к вере: еретичество, богоборчество, антиклерикализм, агностицизм, атеизм.
9. Религия, общество, политика:
 - а) религия и церковь в России до и после революции;
 - б) свобода совести в правовом государстве; Конституция и Федеральный закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях»;
 - в) церковь и образование.
10. Религия и медицина.

Литература

Лекция 2.

Введение в философию. М., 2003 (Ч. 3. Гл. 5. «Религиозная философия»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., пераб., доп. М., 2011. (Гл. XVIII. 5. «Философия религии»).

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2011 (Гл. 11. «Идея Бога в жизни человека»).

Хрусталеv Ю.М. Общий курс философии. Т. II. М., 2003 (Гл. 4. «Религия как феномен культуры»).

Лебедев В.Ю. Религиоведение. М., 2012 (Бакалавр).

Основы религиоведения. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. И.Н. Яблокова. 5-е изд., перераб., доп. М., 2008 (Гл. I–V).

Религии народов современной России. Словарь. Отв. ред. М.П. Мchedlov. М., 1999.

Религиоведение. Учебное пособие / Под ред. М.М. Шахнович. СПб., 2006 («Социология религии»; «Антропология религии»; «Психология религии»; «Феноменология религии»).

Религиоведение. Учебник для бакалавров / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 2012.

Ильин В.В., Кармин А.С., Носович Н.В. Религиоведение. СПб., 2006.

Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований / Пер. с франц. М., 2011.

Свобода совести: проблемы теории и практики / Под ред. Ф.М. Рудицкого. М., 2012.

Конституция Российской Федерации. М., 1994 (Ст. 14–14, 28–29, 59).

О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон // Российская газета. 1997. 16 сентября. С. 5.

Алексеев С. Все религии мира. Энциклопедический справочник. М., 2007.

Армстронг К. История Бога. 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. 4-е изд. М., 2012.

Малерб М. Религии человечества / Пер. с франц. М. – СПб., 1997.

Альбедиль М. Индуизм. Главная религия Индии / Пер. с франц. СПб., 2005.

Альбедиль М. Буддизм / Пер. с франц. СПб., 2005.

Вихнович В. Иудаизм. СПб., 2005.

Резван Е. Ислам. СПб., 2006.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий / Пер. с франц. М., 2012.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства / Пер. с франц. М., 2012.

Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.

Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пер. с англ. М., 2012 (Historica Rossica).

Гордиенко Н.С. Современное русское православие. М., 1991.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

Чумакова Т. Православие. СПб., 2005.

Армстронг К. История Бога: 400 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. М., 2008.

Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с франц. М., 1994.

Бибихин В.В. Философия и религия // Вопросы философии. 1992. № 7.

Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. М., 1993 *.

Жижек С. Хрупкий абсолютизм, или почему стоит бороться за христианское наследие / Пер. со словенск.. М., 2003.

Жерар Р. Насилие и священное / Пер. с франц. М., 2000.

Зедерблом Н. Становление веры в бога // Мистика, религия, наука / Пер. с англ. М., 1998.

Ильин И.А. Путь духовного обновления // В его кн.: Путь к очевидности. М., 1993.

Кариайнен К., Фурман Д.Е. Люди на тающей льдине // Вопросы философии. 1999. № 1.

Касавин И.Т. Магия: её мнимые открытия и подлинные тайны // В кн.: Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999 («Магия как предельный опыт»).

Кимелёв Ю.А. Философия религии. Систематический очерк. М., 1998.

Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с франц. М., 2007.

Красиков А.А. Религиозный фактор в европейской и российской политике (Исторический аспект). М., 2000.

Кураев А.В. Догмат и ересь. Введение в мир богословия. М., 1999.

Ле Гофф Ж. Рождение чистилища / Пер. с франц. Екатеринбург – М., 2011.

Лобазова О.Ф. Эволюция религиозности в России. М., 2008.

Лонерган Б. Метод в теологии / Пер. с англ. М., 2010.

Лосева И.Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию // Вопросы философии. 1992. № 7.

- Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев / Под ред. *И.Т. Касавина*. М., 1994.
- Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М., 1998.
- Митрохин Л.Н.* Философия религии (опыт истолкования Марксова наследия). М., 1991.
- Митрохин Н.* Российская Православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006.
- Мосс М.* Социальные функции священного / Пер. с франц. СПб., 2000.
- Отто Р.* Священное / Пер. с нем. // Религиоведение. 2003. № 1–3.
- Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. СПб., 2008.
- Ранкур-Лаферьер Д.* Традиция почитания икон Богоматери в России глазами американского психоаналитика. М., 2005.
- Рассел Б.* Почему я не христианин / ер. с англ. М., 1988.
- Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.
- Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 2003 («Религия как свет и радость» и др.).
- Религия и политика в посткоммунистической России // Вопросы философии. 1992. № 7.
- Свобода совести, религия, право // Вопросы философии. 1994. № 12.
- Синелина Ю.Ю.* Секуляризация в социальной истории России. М., 2004.
- Сысоева Ю.* Записки попады. Особенности жизни русского духовенства. М., 2008.
- Сумерки богов. М., 1989.
- Тихонравов Ю.В.* Судебное религиоведение. М., 1998.
- Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990.
- Томсон М.* Философия религии / Пер. с англ. М., 2001.
- Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. 4-е изд. СПб., 2005 *.
- Тэнасе А.* Культура и религия / Пер. с рум. М., 1975.
- Философия русского религиозного искусства. XVI–XX вв. Антология. Вып. 1. Сокровищница русской религиозно-философской мысли / Под ред. *Н.К. Гаврюшина*. М., 1993.
- Флоровский Г.* Вера и культура. Избр. труды по богословию и философии. СПб., 2003.
- Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура / Пер. с нем. М., 1992.
- Шохин В.К.* Философия религии и её исторические формы (Античность – конец XVIII в.). М., 2010.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения / Пер. с франц. М., 1995.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей Пер. с франц.. Тт. 1–3. М., 2001–2003.
- Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э.* Террор во имя веры. Религия и политическое насилие. М., 2011.
- Яблоков И.Н.* Основы теоретического религиоведения. М., 1994.

Тематика рефератов

Восточные религии духовного опыта: даосизм, индуизм, буддизм.
 Библейские религии откровения (иудаизм, христианство, ислам).
 Фома Аквинский и реаниматоры его учения в XX в.
 Августин Блаженный и представители католического экзистенциализма.
 Персонализм и его вклад в философскую антропологию.
 «Бог есть любовь»: Л.Н. Толстой — еретик и вероучитель.

- «Красота спасёт мир»: религиозно-философские искания Ф.М. Достоевского.
 Образы русских священников и мирян в произведениях Н.С. Лескова.
 Д.С. Мережковский о «религиозной революции».
 Н.Ф. Фёдоров — основоположник космической религии.
 Религиозно-философская система В.С. Соловьёва.
 В.В. Розанов — защитник православия и критик его церкви.
 П.А. Флоренский о возможностях религиозного познания.
 Н.А. Бердяев о свободе совести.
 С.Н. Булгаков: «от марксизма к идеализму».
 «Аксиомы религиозного опыта» И.А. Ильина.
 Икона — умозрение в красках (Е.Н. Трубецкой о Богочеловечестве).
 Религиозные откровения Л.Н. Шестова.
 В.И. Ленин о задачах воинствующего атеизма.
 В.Ф. Войно-Ясенецкий и его религиозно-медицинская этика.
 Верующие естествоиспытатели: Бог есть Природа.
 П. Тейяр де Шарден, его космо- и антропология.
 «Смерть Бога» в теологии протестантизма.
 Вульгаризаторы мистицизма: культурологический диагноз (Е.П. Блаватская и ее теософия; Н.К. Рерих о «живой этике»; Д.Л. Андреев с его «Розой мира»; прочие визионеры прошлого века).
 Разум и вера: борьба или союз?
 Социальная доктрина Русской Православной церкви: критический анализ.
 Церковь и здравоохранение: исторический опыт и сегодняшняя практика.
 Диагноз и молитва, лекарство и жертвоприношение.
 Педагогические притязания церкви в зеркале общественного мнения многоконфессионального социума.

Текстологический практикум

Евангелие от Матфея

1. Евангелия — сердцевина Библии, энциклопедия христианской философии жизни.
2. Исторический контекст событий Нового завета. Евангелист Матфей — первый биограф и апостол Иисуса Христа.
3. Композиция и особенности первого Евангелия.
4. Нагорная проповедь: парадоксальность и глубина христовых поучений. Аргументы «за» и «против» практического идеализма христианства. Попытка неканонической трактовки евангельских рекомендаций. Сила и слабость христианской доктрины.
4. Евангельские образы в зеркале литературы и искусства.

Источник и литература

- Евангелие от Матфея. М., 1991 (Или любое другое издание Библии, Нового Завета или Евангелия от Матфея).
 Канонические Евангелия. М., 1992.
 Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового заветов. Канонические. М., 2012.
 Большой библейский словарь / Под ред. У. Элуэлла, Ф. Камфорта / Пер с англ. 2-е изд. СПб., 2008.

Косидовский З. Сказания евангелистов / Пер. с польск. М., 1990.

Миркина З., Померанц Г. Великие религии мира. М., 1995 (Гл. 4. «Бог есть любовь»).

Ренан Э. Жизнь Иисуса / Пер. с франц.. М., 1991.

Ренан Э. Евангелия. Второе поколение христианства / Пер. с франц.. М., 1991.

Конспект

Религия, как и её «старшая сестра» мифология, состоит в духовном родстве с философией и даже с их самой «младшей сестрой» — наукой потому, что все они стремятся сформулировать некие общие понятия и выводы относительно человека и мира, в котором тот живёт и действует. Каждая из названных сфер духовной культуры помогает людям как-то справиться с абсурдом и безысходностью их существования. Однако у каждой из этих форм сознания свои *критерии достоверности используемого ими знания*. В науке (хоть в физике, хоть в истории) возможно убедительно для всех вменяемых желающих лиц установить те или иные факты (например, те, что вода состоит из водорода и кислорода, а князя Андрея Боголюбского убили заговорщики). В философии же и религии единых критериев истинности знания нет. Они обращены ведь к иного рода вопросам. Однако если к философии неприложимы эмпирические критерии, то приложимы теоретические. Не факты, а логические аргументы позволяют нам выбирать ту или иную философскую интерпретацию как наиболее убедительную (скажем, материалистическое, идеалистическое или плюралистическое объяснение устройства природы или хода истории общества). Что касается религии, то здесь ни эмпирическое, ни теоретическое доказательства не внесут согласия — консенсуса. Допустим, историк докажет, что библейский Моисей на самом деле совершал те поступки, что описаны в соответствующих книгах Ветхого завета. Но как быть с утверждениями этого вождя еврейского народа о том, что сам Бог сообщал ему религиозные истины? Что сухой куст загорелся по воле бога, а не просто от удара молнии? Христос ходил по воде? Мохаммед летал на волшебном коне с одного континента на другой? А до них и то, и другое проделывал Будда? Обычным путём такие утверждения проверить нельзя. В них можно или верить (признавать), или нет (отрицать), или сомневаться (воздерживаться от окончательного вывода), или игнорировать. Сторонники всех этих решений могут спорить до бесконечности, но не переубедят друг друга. Что же, если религия недоказуема обычными путями, значит она в отличие от философии и от науки — просто «обман трудящихся»? Не будем спешить с выводами.

И наука, и философия стремятся к общим, типичным, закономерным сторонам бытия. Их не интересуют отдельные случайности, единичные образчики чего бы то ни было. Использование общих знаний рано или поздно, так или иначе позволяет улучшить жизнь множеству людей. Но человеку всего этого мало. Ведь каждый из нас и есть то самое единичное, неповторимое явление. Наука объяснит, допустим, почему и как погибают или исцеляются от разных

болезней пациенты. Философия растолкует, как можно в принципе понимать счастье и горе. Но ни наука, ни философия не берутся объяснить данному человеку, почему именно он сейчас наслаждается или страдает, живёт или умирает. Здесь нет правил, принципов, законов. Есть более или менее осознанный выбор между целым спектром вариантов бытия и небытия. Речь идёт не о мелочах нашего быта, а о важнейших устоях личности, переломных пунктах на её жизненном пути. Осознанное человеком его собственное бытие можно назвать *экзистенцией* (лат. *exsistentia*). Согласно Мартину Хайдеггеру, экзистенция — это «бытие того сущего, которое открыто для откровенности бытия, в котором оно находится благодаря тому, что переносит её». Для усвоения такого рода экзистенциальных вопросов — быть или не быть? как быть? зачем именно так? — и предназначена религия (или её антипод — атеизм). Без осмысления этих вопросов жизнь быстро превратится в полный мрак и абсурд. Растает воля к жизни.

Только **личный духовный опыт как субъективное переживание некоего откровения** способен служить основанием для выбора той или иной разновидности веры (конфессии) или же неверия (свободомыслия). Верующий соотносит своё внутреннее состояние с внешним поведением, поэтому его вера по-своему реальна. Соответственно, иные душевные переживания поведут кого-то к отказу от *религиозной* веры. Поэтому навязать веру или безверие со стороны весьма затруднительно, особенно для психически здорового человека. Но отрицать реальность искренней веры вообще не приходится. Случаи ханжеского притворства здесь рано или поздно разоблачаются несоответствием декларируемых взглядов и поступков (Вспомним бессмертный образ мольеровского Тартюфа и тому подобных лицемеров).

Понятие священного (сакрального) вообще-то шире религии. Священными, то есть предельно ценными для человека, обычно являются не только боги и храмы, но и родство, родина, здоровье, богатство, удача и много чего ещё в жизни и культуре. Но эти понятия тесно взаимосвязаны: именно религия социализирует, упорядочивает потребность людей в поклонении чему-то высшему, запредельному по отношению к их житейскому миру.

По изложенной причине — разницы критериев истины для разного рода выводов единая **дефиниция религии** невозможна и не нужна. Необходимо учесть разные, но самые типичные, причём сущностные её определения. Даваемые, так сказать, извне и изнутри веры в Бога, с точки зрения науки и с позиций остальной культуры. По данной теме вообще следует не столько укрепляться в своей вере или в своём свободомыслии по церковно-религиозной части, сколько прислушаться к альтернативным взглядам (при том обязательном условии, что они выражены сдержанно, хоть как-то объяснены вдумчивыми доводами дискутирующих сторон).

Итак, *первое* — **богословское определение религии** даётся обычно с точки зрения неё самой. В этом случае имеется в виду *путь к спасению человеческой души* через её единение с неким высшим творящим началом всего бытия. Проще говоря — *вера в Бога* и какие-то жертвоприношения ему. По словам русско-

го философа, ставшего священником, Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944), «религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом». Недаром одна из возможных этимологий термина относит его появление к латинскому слову «religare» — «связь, объединение» (сторонников определённой конфессии между собой и с предметом их поклонения). Тут — *антропология религии*, то есть её человеческое предназначение.

Второе — научное определение религии предпринимается, что называется, со стороны, — с позиций гуманитарных наук (истории, социологии, культурологии), для которых религия — одно из общественных явлений, разновидность мировосприятия людей. С этих позиций религиозная вера предполагает *мысленное удвоение мира* на реальный, «тварный» и идеальный, божественный. Последний населяют особые существа — боги, демоны, ангелы. Посюсторонний и потусторонний (трансцендентный) миры как-то связаны. Из чего логически следуют поиски взаимодействий между этими двумя горизонтами существования мира и человека. По словам первого русского марксиста Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918), любая религиозность предполагает *веру в сверхъестественное*. Это, можно сказать, *психологическая сторона* религии, её сугубо личностное измерение.

С другой стороны, религия служит не только каждому верующему в отдельности, но и всему обществу. Она удовлетворяет глубокую потребность множества людей в некой сакрализации (освящении, ритуализации) каких-то моментов, сторон своей жизни. Здесь открывается другая — *социальная сторона* религии. Человеку свойственно поклоняться высшим силам, откупаться от опасностей судьбы. Наиболее естественные формы удовлетворения такого рода потребностей представляет собой религия. Богослужение в храме представляет собой демонстрацию солидарности единомышленников, сограждан. Их самых благородных помыслов и чувств. Дома или на улице, в центрах досуга и развлечений такого эффекта не добиться. Поэтому для многих верующих церковь — своего рода *общественный клуб*, где можно людей посмотреть и себя показать в наиболее выгодном свете. Такая народная психотерапия — молитва, исповедь, вся прочая обрядность поддерживают самоуважение личности, помогают преодолеть опасные переживания.

В любой религии совмещаются нравственные и эстетические моменты. Призывы к добру и справедливости здесь звучат в блеске личных амулетов, красках икон, звуках литургии, пропорциях храмовых зданий, эффектности облачений священнослужителей и прочих произведений церковного искусства. Вера в некие святыни вбирает в себя длительную историю народа, традиции его *культуры*.

В основе как тонкого богословия интеллектуалов, так и примитивной веры простых людей лежит, в таком случае, *процедура гипостазирования* (от греч. «hipostasis» — сущность, субстанция), т.е. придание отвлечённым понятиям (вроде добра, святости, греха, зла, любви и т.п.) самостоятельного существования наряду с материальными объектами (природными, социальными). Если учесть, что люди из-за такого рода идеальных сущностей радикально меняют своё поведение, рискуют самой жизнью и подчас отказываются от неё,

гипостазирование в вопросах веры уже не выглядит столь наивно, как на первый, обывательский взгляд или же с позиций физико-математического естествознания, признающего за действительную реальность только материальные явления природы. Между тем, особая — субъективная реальность человеческого сознания не менее, а чаще всего более важна для каждого из нас, чем объективная реальность природы, либо объективно-субъективная реальность общественной жизни. А в формировании и общества, и личностей большинства его членов религия (в тех или иных формах) вносит большой и до сих пор практически незамеченный вклад.

Таким образом, с научной точки зрения религия представляет собой *особую форму общественного сознания*, одно из вечных отличий Человека разумного от стихийного мира Природы.

Третье — философское определение религии возможно также извне, но с куда большей дистанции, чем научная; а именно, с точки зрения остальных областей культуры и, в особенности, философии как её идейной вершины. Тут надо задуматься, какие человеческие потребности вызвали религию к жизни и обеспечивают её вечность, безусловную необходимость для Homo sapiens'a. Где люди — там и религиозная вера. Нет ни одного народа на земле, у которого этнографы не зафиксировали бы каких-то религиозных верований, пусть самых примитивных. Сколько ни воевали с той или иной церковью, сколько ни уничтожали религию вообще, сколько ни убывало в людях веры, но без неё общества и даже личности представить невозможно. Почти все, даже совсем неверующие в обычной жизни, молятся в тех случаях, когда им или их близким угрожает смертельная опасность. Почему?

Убедительный ответ на этот вопрос предлагает выдающийся немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920), согласно которому *религия — это «способ рационализации иррационального»* в жизни и культуре. Имеются в виду, повторим, попытки примирить человека с неразрешимыми в принципе, по природе своей нерешаемыми на самом деле проблемами его бытия. Вера в Бога возникает вместе с человеком для заполнения тех участков его творящего целый мир сознания, где полёт мысли упирается в барьеры неведомого, недостижимого, антиразумного. Религия артикулирует наши запредельные переживания и размышления. Так проясняется ещё одна, *глубинная и интегрирующая ипостась* религии, которую и называют *экзистенциальной* (сущностной). Её постигает уже не антропология, не психология, не социология, не культурология (при всей важности каждой из них), а философия.

Главное в большинстве религий — **идея Бога**. А Богом, если разобраться, в различных религиозных системах считается некое совершенное и всемогущее, извечное и надмирное начало, выступающее суммой идеалов верующих людей в отношении самого человека, общества и природы.

Вопрос о том, существует ли Бог или нет, представляет собой типичную философскую проблему. Её вряд ли возможно разрешить эмпирическим путем. *Доказательства бытия Божия* часто пытаются основать на якобы фактах — откровениях и чудесах. *Откровение* предполагает, что Бог порой являет (открывает) себя смертным (иудеи верят, будто Яхве встречается с Моисеем на

горе Синай, чтобы передать ему скрижали с 10 заповедями; мусульмане в то, что Аллах разговаривал с Мухаммедом; а христиане в появление погибшего на кресте и похороненного снова живым Христа перед его учениками-апостолами). *Чудеса разного рода* в глазах верующих нарушают научно установленные законы природы ради того, чтобы помочь людям, выручить их из беды, подсказать им что-то важное. Однако никакой проверке, критическому взгляду ни случаи откровения, ни чудеса не поддаются. Для любого здравомыслящего человека они представляют собой или тонкий обман, подлог, или же самообман, иллюзию. Повторить эти эпизоды при беспристрастном контроле просто невозможно. Так что эмпирические (опытные) подтверждения божества несостоятельны, что называется, по определению.

Богословы — представители иудаизма, христианства и, отчасти, ислама рассматривают Бога как вечное, бесконечное и никем не сотворенное Сущее, творца нашего мира и нас самих. Среди поклонников разных религий преобладает *слепая вера в Бога*. Она или не требует никаких аргументов, или заменяет их словами о пользе такой веры и о гибельности неверия. Логики и вообще смысла в таких заверениях не содержится. Приводимые их апологетами единичные примеры спасения, исцеления, либо, напротив, кары за грехи, никак нельзя проверить или объяснить иначе, чем простой случайностью, сочетанием обстоятельств, или же преднамеренным мошенничеством, фальсификацией.

Разговор о боге надо перевести из области внешнего событийного опыта в сферу разума. Мыслители разных времен и народов стремились привести доказательства бытия Божия. В европейской традиции философствования их накопилось пять.

Космологическое доказательство имеет в виду, что раз наш физический мир (космос) существует, то его кто-то должен был создать. Такое вечное и, безусловно, необходимое бытие материалисты называли природой, а теологи — богом. Критики такого вывода обращали внимание на то, что у божества, по идее, в свою очередь должна быть причина; бог сам от чего-то произошел. Так что данное доказательство создает порочный круг в логическом рассуждении, и поэтому не может быть принято всерьёз.

Телеологическое доказательство опирается на целесообразность устройства нашего мира (греч. *telos* — цель), где одно сопряжено с другим довольно разумно. Отсюда делается вывод, что какая-то мудрая сила позаботилась о столь гармоничном устройстве природы. Правда, за рамками богословского телеологизма остаются всевозможные катастрофы и прочие моменты полного хаоса, абсурда как в природе, так и в общественной жизни. Не слишком убедительно выглядит попытка объяснить наличие зла и страданий в мире божеским наказанием за всевозможные грехи людей (включая ни в чем ещё неповинных младенцев и взрослых праведников). Бог тогда выходит неким злым надсмотрщиком над нами — его рабами.

Онтологическое доказательство сформулировал один из основоположников католической философии Ансельм Кентерберийский (1033–1109). Он считал общие понятия (универсалии), вроде истины, добра, красоты, существующими реально и, более того, порождающими соответствующие качества вещей. Поскольку понятие Бога мыслится его поклонниками как абсолютное совершенство, то нелогично будет отказать ему в таком атрибуте, как бытие, реальное существование. Философы Нового времени стремились уточнить такое доказательство. Р. Декарт подчеркнул, что мы не можем представить себе идею бога без

представления об его реальном существовании. Г.В. Лейбниц добавил к этому такое соображение: бог должен существовать, если в понятии о нём нет внутреннего противоречия, а этого последнего не может быть потому, что богу нами приписываются одни только совершенства. Тем не менее, и этому доказательству не удастся убедительно перейти от субъективной сферы человеческого мышления к объективному бытию мира. Формальное обоснование идеи бога ещё не означает появления бога на самом деле. Как шутил И. Кант, моя мечта о деньгах не зазвенит в кармане серебряными монетами. А совершенство универсума — вещь довольно спорная.

Историческое доказательство отражает тот факт, что все народы мира поклоняются каким-то богам, имеют религию. Откуда могло повсеместно взяться представление о боге? Ведь человеческое сознание, тем более первобытное, несовершенно и ограничено. Идея всесовершенного существа могла быть сообщена всем людям Земли только самим богом... На самом деле религиозные верования разных племен и народов настолько различны, столь причудливы и во многом примитивны, что логичнее объяснить появление и существование религии, наоборот, ущербностью и незащищённостью человека перед лицом грозных сил природы и общества. Тем паче, что с древности и до наших дней среди людей то и дело встречаются еретики, безбожники и безразличные к вопросам веры лица, причём в немалых количествах.

Моральное доказательство предложил И. Кант, предварительно раскритиковав все предыдущие доказательства как несостоятельные с точки зрения разума. Согласно анекдотической легенде, соответствующую лекцию профессора Канта подслушал его старый слуга, отставной солдат Лямпе. И со слезами на глазах попросил хозяина не убирать бога совсем, оставить его людям. Вот Кант и придумал новое доказательство. Применительно к последнему прибежищу бога — морали — мыслитель из Кёнигсберга имел в виду, что людям присуще сознание всеобщего и неизменного нравственного закона. Сам человек не способен согласовать противоречащие друг другу требования нравственного долга и стремление к счастью. Равновесие между полюсами долга и счастья может установить лишь инстанция высочайшей нравственности, а именно бог. Проще говоря, люди нуждаются в боге как верховной инстанции оценки их поступков, своего рода беспристрастного судьи их доблестей и грехов. Ведь никто из смертных, даже праведники из праведников, именно в силу своей праведности не должны претендовать на источник всеобщей морали. Припомним знаменитый диалог персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который они вели жарким летним днём в час заката на Патриарших Прудах Москвы:

«— ... Позвольте Вас спросить, как же быть с доказательствами бытия, доказательствами, коих существует ровно пять? — осведомился иностранец крайне тревожно.

— Увы, — ответил товарищ Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит. Их давно сдали в архив. В области разума никаких доказательств бытия Божия нету и быть не может.

— Bravo! — вскричал иностранец. — Bravo. Вы полностью повторили мысль старикашки Иммануила по этому поводу. Он начисто разрушил все пять доказательств, потом, черт его возьми, словно курам на смех, вылепил собственного изобретения доказательство!

— Доказательство Канта, — ответил, тонко улыбаясь, образованный Берлиоз, — также не убедительно, и не зря Шиллер сказал, что Кантово доказательство пригодно для рабов...»

Попробуем развить (популяризировать) кантовский подход к идее бога. Наука постигает законы, принципы, начала, но она бессильна предсказать, а не то что предопределить траекторию такой песчинки мироздания, каков человек и даже целые общества, цивилизации, затерянные на краткий миг в бескрайних пучинах Космоса, то и дело поглощаемые им без малейшего следа. Куда подевались миллионы поколений наших предков? Пара экспонатов в музее — ничтожный итог их жизни и деятельности. Более того, и в те моменты, когда

природное бытие людей относительно устойчиво, они то и дело допускают невиданную в живой природе внутривидовую агрессию: убийства, войны, прочие насилия и авантюры. Религия более или менее успешно пытается противостоять этим тёмным сторонам, ужасным провалам человеческого духа и поведения. Так, учёный медик объяснит пациенту этиологию и патогенез его заболевания, перечислит факторы риска, однако никакая наука не объяснит, почему *именно этот* пациент попал в число заболевших и должен страдать, а скоро совсем уйти в мир иной, а точнее — в небытие. А молитва худо-бедно облегчит пациенту и его близким переживание смертельного риска. Пускай это паллиативное облегчение; лучше такое, чем никакого. Образно говоря, та или иная вера в того или иного бога представляет собой некий духовный наркотик, болеутоляющее средство («опиум народа», согласно К. Марксу), только не для тела, а для души. «Горько-сладкий яд», как говаривал доктор З. Фрейд. Не случайно большинство людей вспоминают о религии только тогда, когда у них где-то заболит (под бомбами или перед ножом хирурга все или почти все люди начинают молиться).

Как бы там ни было, этическая трактовка религии в духе И. Канта представляется сегодня единственно возможной с точки зрения светской философии и науки. Религия в роли катализатора нравственности — усмирителя разнузданных инстинктов выглядит убедительнее, нежели при её сопоставлении с наукой или философией с их гордым вызовом природе вещей.

Вот как зарифмовал этот вывод замечательный ленинградский поэт *Александр Кушнер* в кантианском стихотворении:

... Бог — это то, что не в силах пресечь камнепад,
В каплях блестит, в шевеленье живет и в накрапах.

То есть его, говоря осмотрительно, нет
В онтологическом, самом существенном смысле.
Бог — совершенство, но где совершенство? Предмет
Спора подмочен, и капли на листьях повисли.

Старому Лампе об этом не скажешь, бедняк
В боге нуждается, чистя то плащ, то накидку.
Бог — это то, что, наверное, выйдя во мрак
Наших дверей, возвращается утром в калитку.

1984.

Но и преувеличивать морально-нравственное значение религии и тем более церкви не стоит. В прошлом мировые религии сыграли свою полезную роль, сделав общественные нравы более гуманными, чем среди язычников. Однако переделать людскую натуру религия не в силах. Она помогает людям выйти из критических ситуаций, но они повторяются снова и снова вечно. Смешно изображать бога неким злобным надсмотрщиком, день и ночь следящим, куда пошёл каждый «муравей» на отдалённой планете нашей Галактики, чем этот муравей питается, с кем спит и так далее. Кроме верующих, всегда встречались свободомыслящие в религиозных вопросах люди. Они искали путь к истине и добру помимо идеи бога и нередко находили такой путь.

Получается, что бога нельзя доказать логически или эмпирически, а можно только воображать и переживать эмоционально.

Феномен чуда заслуживает быть обсуждённым в связи с вопросами веры и неверия. Понятие чуда пора освободить от монополии догматического богословия и поделиться этой категорией с философской теорией познания, конечно, неклассической. Современной эпистемологии предстоит заново аргументировать известный тезис житейского здравого смысла насчет того, что «чудес на свете не бывает». Точнее, не бывает в природе, где чудо выглядит синонимом чего-то статистически крайне маловероятного. Но не невозможного в смысле нарушения законов природы. Разумеется, известных нам (науке) на данный момент. В.И. Даль с этого и начинал русское определение чуда: «Всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы». А вот в бытии социума и в личной жизни индивида некие их моменты приходится называть чудесными. И там, и тут остается место для философской рефлексии чуда.

Этимология понятия «чуда». Дословно чудо в лексическом родстве с удивлением. Чудесным выглядит нечто неожиданное, небывалое в прежнем опыте, казавшееся невозможным, исходя из него же и потому загадочное. Причём, даже после своего совершения чудо не становится «роднее», понятнее. Слышится в этом слове оттенок тайны. Наречие «чудом» означает «непонятно как, загадочно, необъяснимо». Наконец, этим же словом именуют и что-то в общем понятное, но редкое — по своему совершенству, небывало высокой степени развития. Так рассматриваемая лексема завершает смысловой круг, приходя к той же коннотации — увлекательного, поразительного, сказочного. Причем чудесное впечатление может варьироваться от привлекательного «чудно-дивного» через сомнительное, странноватое «чудное» до пугающего «чудища-страшилища»... «Чудесить» по-русски может значить и «мудрить», «хитрить» — и «дурить», «сумасбродствовать».

Между прочим, славянское *sudo* в языковом родстве с греческим «чудос», т.е. «слава, честь». А то, в свою очередь, уходит к индоевропейскому *a-kutis* — *умысел*, а также *учитель, мудрец*. Отсюда общеславянские производные слова — *чуть, чуют, чудесник*. Главная же лингвистически и потому философски наиболее поучительная лексема тут — *чужой*.

Так язык со всей очевидностью выдает нам сущностные коннотации чуда — его редкость, маловероятность, доступность немногим избранным, во всяком случае не нам с вами... «Чудью» в древнерусской летописи звались не славянские, а балтские или финские племена (для славян необычные на внешний вид («чудь белоглазая»)), непонятные по языку).

Сохраняя общепсихологическую подоплеку сказочного «дива дивного», чудеса качественно меняются в призмах разных форм общественного сознания.

Без чудес: мифо-магическое «всесилие» архаичного сознания. «По религиозным и мифологическим представлениям, сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы» — так определяет чудо общий словарь русского языка. Исторiku, антропологу, просто путешественнику к отсталым народам Земли их жизнь представляется переполненной чудесами. Они ведь могут говорить с духами, заклинать промысловых животных, еще что-то вещать в пророческом трансе. Всё это выглядит волшебным только на посторонний, ретроспективный взгляд. Изнутри архаичной мифологии чудесам не остается места. Для мифа ведь нет пределов возможному. Возможно всё, что способен помыслить шаман, маг, сказитель преданий. «Полеты» шамана в иные миры конечно впечатляют зрителей и особенно слушателей, но вера в их реальность, даже ожидаемость их результата как-то нейтрализует волшебность столь запредельности акций.

Единственным чудом для носителей мифо-магического сознания остается возможность встречи с представителями, проявлениями другой цивилизации. Когда африканцы или индейцы впервые увидели белых людей, а затем их ужасные создания вроде огнестрельного

оружия, затем самоходных повозок и даже самолетов. Хотя и для такого рода диковин в ряде случаев у аборигенов имелись некие легендарные предвидения.

Итак, первобытное и архаичное, пережиточное сознание «приручает чудеса», переводит их в смысловую противоположность — чего-то доступного в повседневности. Недаром историки науки называют магию ее непутевой праmaterью...

Рождение чудес: религия и богословие. Чудеса рождаются вместе с более или менее развитыми религиями. Отделив сакральный мир от повседневного, переместив своих богов за пределы собственной жизнедеятельности, вера во всеисилие чего-то сверхъестественного расчищает место чудесам в массовом сознании. Когда клир отделяется от прихожан, и тем и другим требуется время от времени нечто чудесное, дабы подпитать свою веру в нечто неосоздаемое повседневно. Первобытный человек, современный дикарь живут вместе со своими духами и не нуждаются в чудесах для их ореализации. Верующий в богов или в Бога, напротив, предполагает всеисилие божества, однако понимает непредсказуемость этого субъекта запредельного опыта. Чудес ждут, их просят, выкупают у бесчисленных алтарей-жертвенников, никогда до конца не знают, дойдут ли молитвы о чуде до их адресата, соизволит ли он их удовлетворить.

На религиозной почве рождается первая группировка чудес — по основным направлениям веры в сверхъестественное и церковь как своего рода «главпочтамт» (или если угодно «Интернет») таких интенций. А именно:

- *чудо-богоявление* — явно исходное, потому что подтверждает надежду на все остальные возможные чудеса; строго говоря, те тоже являют собой милость бога, так что вся группировка выходит несколько условной; однако для верующего эпизоды богоявления (прямые — сам пророк, богоматерь, ангелы, т.п. представители горнего мира вдруг обнаруживают себя перед простыми смертными; либо косвенные, когда согласно божественной воле «плачут» иконы», на какой-то поверхности вдруг проступает божественный лик; и т.д., и т.п.);

- *чудесное спасение*, избежание разных опасностей для жизни и благосостояния верующих;

- как наиболее частотный и жизненный вариант предыдущего — *чудесное исцеление* от разного рода недугов;

- *чудесное превращение* — разумеется, грешника в праведника.

При беспристрастной проверке все эти «чудеса» распределяются на две категории: мошеннической фальсификации с тем или иным умыслом, либо невольного самообмана тех бедняг, кто без чудес выжить не мог.

Расколдованное чудо: индустриальный социум как сам себе «волшебство». Рождение настоящей науки в лице классического естествознания и сопутствовавшей этому рационалистической философии прерывает монополию религии и церкви на фабрикацию и расфасовку чудес. Скептики (в лице прежде всего Д. Юма и Вольтера) весьма убедительно для всякой не слишком предубежденной аудитории свели так называемые чудеса к обману или к самообману. Корысть и простодушие — вот истинные «корни» всевозможных чудес массового обыденного сознания.

Тот факт, что от века к веку, в том числе в наше время и в нашей стране не только «простые», а проще говоря — убогие люди верят в чудеса, но и довольно многие представители вроде бы образованных классов общества верят или делают вид, что верят не в то, что Бог пошлет им хорошего врача и необходимое лекарство, но исцелит хвори именно чудесным образом, нисколько не колеблет предлагаемой типологии чудесного. «Просто» понятие образования деформируется в культуре под натиском всех прочих ее тектонических сдвигов на пути к постиндустриализму и постчеловечности (в духе Ф. Фукуямы).

Но разоблачение церковных чудес, надо признать, предельно примитивных (и потому именно, наверное, таких живучих для консервативного массового сознания) — не единст-

венное и даже не главное последствие обсуждаемого феномена культуры. Для внерелигиозных субъектов, прежде всего учёных исследователей, это понятие тоже имеет значение, только внерелигиозное (Тут надо оговорить, что один и тот же человек как ученый способен отрицать вульгарные чудеса в предмете своих академических занятий и одновременно признавать нечто чудесное в своей же жизни как обывателя). Чудо в рамках научного сознания лежит за пределами той или иной его собственной парадигмы (в смысле Т. Куна). Незведанная пока область реальности по определению полна чудес, т.е. чего-то немислимого, невозможного в рамках старой парадигмы. Отсюда популярная фраза Н. Бора о сумасшедших теориях.

Но и внутри некой парадигмы научного исследования отыщется местечко для чудес. Оно прячется в уже упоминавшейся области маловероятного, пренебрежимого для ожиданий ученого. Но все же принципиально не то, что возможного, но не исключаемого, в принципе теоретически допустимого с точки зрения уже открытых наукой ее законов. Время от времени столь редкостный эффект вдруг да достигается на практике (наблюдения или эксперимента). Примерами могут служить неожиданные находки вроде бы окончательно вымерших существ (вроде кистеперой рыбы-целаканта — но никакого не «снежного человека» или живого динозавра...). Но в этом пункте наука тоже похожа на свою отдаленнейшую предшественницу магию — ученые мгновенно переводят «чудесное» открытие в частный случай в принципе возможного. А в то, что возможно всё на свете мыслимое, верят только представители паранауки. В настоящей (сегодня) науке есть только познанное, познаваемое пока что гипотетически и еще непознанное (но уже тематизированное в качестве проблемы). Куда же на такой скорости научной мысли деваться чуду?

Философский концепт чуда. Всё сказанное вовсе не отрицает признания чуда, только не в ортодоксально-религиозном и не в конкретно-научном, а в философском смысле этого слова. Если в природе чудес как таковых не бывает, а в области слепой веры чудеса нетрудно выследить и истребить силой разума, это не значит, что чуду больше негде угнестись. Эпистемологическое убежище чуду предоставляет вненаучное знание. На его границах — в области этики, эстетики, вообще аксиологии — приволье всему чудесному. Правда, лишь в эмоциональном, субъективно-личностном смысле данного термина. Чудо — удел человеческой свободы, бросающей вызов тотальной детерминации космоса и частичной детерминации социума. Когда знания недостаточно или оно вовсе не нужно, тогда его дублирует чудо как синоним субъективного, ничем не обусловленного извне выбора. Так получают чудеса родства, любви, дружбы, надежды и всех прочих недетерминированных, но онтологически укорененных в жизнебытии людей реалий этой самой жизни. Чудо, получается, не что иное, как непредсказуемый результат эволюции природы и, главное, последующей культуры. Короче говоря, чудо придумал сам человек для объяснения себе лично необъяснимого всем другим.

Итак, философия должна вывести понятие чуда из области религии и богословия. Однако отрицать чудо в духе классического скептицизма сегодня уже не актуально. Надо рационализировать чудо в рамках неклассической теории познания. В таком случае всё чудесное в жизни личности и культуре социума можно объяснить с помощью понятий веры, надежды и любви. Тогда в природе чудесное будет равно предельно редкому или же в принципе возможному в будущем.

Религия и мифология похожи друг на друга своим акцентом на иррациональное, интуитивно-эмоциональное восприятием действительности. Существенная разница между ними прежде всего в том, на что направляется вера в сверхъестественное. Миф как-то компенсирует нечто жизненно важное, но *временно* недостижимое, хотя вообще-то, в будущем в принципе доступное человеку. Так, шаман нужен до тех пор, пока нет реальных лекарств от тяжёлой болез-

ни. А развитая религия относится к действительно и вечно запредельным сторонам жизни. Тем, о причинах и последствиях которых никто ничего по сути не знает и никогда не узнает. Такова прежде всего смерть. Что-то представлять может живое существо. Умирая, оно сливается с неорганической природой. Контраст между жизнью и смертью, осознание неминуемой кончины всех людей и себя лично, бренности наших свершений на этом свете — вот что в первую очередь породило религию в глубокой древности и питает её до сих пор.

Русскому поэту Серебряного века *Ивану Тхоржевскому* принадлежит следующий стих:

Лёгкой жизни ты просил у Бога:
Посмотри, как тяжело всё кругом...
Бог ответил: Подожди немного,
Ты меня попросишь о другом.

С каждым годом всё трудней дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Лёгкой жизни ты просил у Бога —
Лёгкой смерти надо попросить.

Но не только тайна смерти, своей и чужой, служит ключом к вере в Бога. В не меньшей, а для определённых возрастов и типов личности в большей степени на неё влияют светлые, оптимистические моменты жизни. Осознание удивительной гармонии природы, безначальной и безграничной; хаос случайностей, из которого соткана личная судьба; бремя страстей, обретений и потерь, через которое выплывает наша душа на свет каких-то принципов и даже идеалов. Вот в таких душевных переживаниях скрываются, из них прорастают плодородные семена веры в какие-то высшие, сверхприродные силы, воздействующие на нашу жизнь.

Осип Мандельштам так формулирует эти вопросы:

Дано мне тело — что мне делать с ним?
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло,

Запечатлеется на нём узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пусть мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть!

В общем, вера в своей культурной норме вовсе не противоречит разуму, а контролирует его там и тогда, где и когда выработанные разумом знания влияют на судьбы людей, на нашу жизнь. По словам нашего модного богослова, дьякона Андрея Кураева, «входя в храм, надо снимать шляпу, а не голову». А, добавлю стихами Иосифа Бродского, «тот, кто плюёт на Бога, плюёт сначала на человека...» Ведь если нам перед лицом вечности не жалко самих себя, стоит пожалеть хотя бы других людей, которые нуждаются в таком утешении, которое даёт им религия. Отдельный человек вполне может ни во что не верить. Но представить себе народ атеистов невозможно.

Впрочем, религия — столь сложное явление личной и общественной жизни, что любое её определение останется односторонним и спорным. По крайней мере, она мало кого оставляет равнодушным и заставляет определять какое-то отношение к себе. При этом лучше избегать распространённых, к сожалению, крайностей. Обратим же внимание на две группы идейных искажений, извращений действительной природы и роли религии.

Старые (для современной России) *антирелигиозные догмы* — плоть от плоти учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и иже с ними. От этапа к этапу развития и практического воплощения марксистской идеологии её изначально атеистический характер нарастал (На этом историческом фоне предвыборные заигрывания нынешних лидеров КПРФ с православием выглядят просто смешно, а, по сути, кощунственно). *Отношение марксизма и, в частности, советской власти к религии и церкви* можно свести к следующим тезисам:

- *религия якобы не вечна*; в начале истории человечества был де безрелигиозный период; религия придумана жуликами для дураков; в дальнейшем наряду с религией якобы всегда побеждал атеизм, богоборчество в общественной мысли; при социализме значение религии неуклонно снижается; при коммунизме вера в бога полностью отомрёт;

- религия будто бы *аморальна*, потому что призывает трудящихся отказаться от революционной борьбы с их угнетателями; тем самым, способствуя порабощению народа господствующими классами; (она — «вздых угнетённой твари», по определению Маркса); её заповеди — сплошное лицемерие, они невыполнимы и необязательны для сознательных граждан;

- религия — вообще *тормоз общественного развития*; враждебна светским формам культуры; оглушает население, мешает его просвещению и политическому самоопределению («опиум народа», по Марксу; «духовная сивуха», согласно Ленину).

Надо признать, что пропаганда такого рода, при всём своем алогизме и кощунстве, находила поддержку у части населения — наиболее тёмной, ущербной и жаждущей легализовать свои грабительские наклонности с помощью идей «классовой борьбы», в том числе против служителей культа. Но вместо добродушной критики отдельных недостатков духовенства и некоторой ограниченности, противоречивости самих религиозных догматов, широко представленной в фольклоре и классической литературе, мы получили в нашей стране

буквальное исполнение легкомысленного завещания Вольтера, мечтавшего о временах, когда «последнего попа повесят на кишках последнего царя».

После февральской революции 1917 г. церковные круги восстановили патриаршество. Большевики, придя к власти, заключили избранного 5 ноября патриарха Тихона под домашний арест. После его смерти в 1925 г. нового патриарха не избирали до 1943 г. Тогда Сталин, в самый разгар Отечественной войны, поручил извлечённым из тюрем иереям провести архиерейский собор. На нём был избран новый патриарх Сергей, тут же призвавший всех православных верующих к борьбе против фашизма.

За 1920-е – 1930-е гг. в СССР практически полностью репрессировали духовное сословие (расстреляли, заключили в концлагери, сослали в места весьма отдалённые десятки тысяч монахов, священников, приходских активистов, сектантов). Вот архивная статистика (собранный историком В.В. Раковым и его учениками) по одной Курской губернии и только за 1937 г. Тогда местными органами НКВД было арестовано 8354 человека. Среди них «духовенство и монашествующие элементы» составили 245 человек (3 %), из них к высшей мере наказания приговорено 146; «сектантский и церковный актив» — 576 (7 %), из них расстреляно 213. А ещё раньше, в годы революции и Гражданской войны большевики расстреляли епископа Белгородского Никодима (Кононова); настоятеля Успенского Николаевского собора в Белгороде протоиерея о. Порфирия (Амфитеатрова), смотрителя Белгородского духовного училища протоиерея о. Петра (Сионского), настоятеля церкви села Мясоедова протоиерея о. Константина (Ничкевича), настоятеля Преображенской церкви г. Белгорода протоиерея о. Алексия (Попова), священника с. Журавлинка о. Константина (Ефремова), тимского священника Пузанова и несколько десятков других священнослужителей Курско-Белгородской епархии.

К началу 1930-х гг. оказалось закрыто больше 90 % монастырей и храмов (в той же Курской губернии на 1917 г. действовало 13 монастырей, 1 скит, 1440 храмов, 57 часовен), здания которых в своём большинстве подверглись разрушению, несмотря на архитектурную ценность многих из них. Земельные владения и прочее имущество церкви подлежало «национализации». «Чёрными досками» русских икон XIV–XIX веков комсомольцы обивали полы и стены сельских клубов. На металлолом шла церковная утварь, начиная с колоколов. Тысячелетние святыни русского народа оказались безжалостно поруганы. В образовании и просвещении на десятилетия утвердился малограмотный, но воинствующий атеизм.

Гонения на церковь продолжались до конца 1980-х гг. Празднование тысячелетия крещения Руси в 1988 г. стало началом возрождения российского православия.

Прекращение, а затем и законодательный запрет государственного атеизма, возвращение церкви её гражданских прав, реальное признание свободы совести для всех граждан — одно из важнейших завоеваний периода демократических реформ 1990-х годов в России. Раньше, в 1950-е – 1980-е годы, когда уголовные репрессии за веру поутихли, в случаях выявленного партийными органами крещения новорожденного, вообще посещения церковных служб студентов снимали со стипендии; за ношение крестика-тельника исключали из комсомола; выявленных среди студентов баптистов и прочих сектантов безоговорочно исключали из высшей школы.

Осуждая вульгарный и воинствующий атеизм большевистского типа нельзя закрывать глаза на атеизм действительно научный, обоснованный теоретически и практически. Антирелигиозное свободомыслие в разных формах существует всегда. Целыми тысячелетиями в древности и средневековье оно было возможно только внутри какой-то религии или церкви. Такого рода альтернативные течения именовались адептами господствующей веры *еретичеством*. Еретики порывали со старой верой, но, как правило, организовывали новую,

как-то реформированную (как у западных протестантов) или, напротив, отрицали церковные реформы (вроде наших отечественных старообрядцев). Кроме того, издревле встречались *богоборцы* — мыслители, вообще-то признающие существование богов (или Бога), но критикующие небесные силы за какие-то упущения в руководстве земными делами.

Эпоха Возрождения и особенно Новое время в Западной Европе востребовали более принципиальное отрицание слепой веры во всемогущих идолов.
Антирелигиозный скептицизм

Агностицизм

Наконец, *атеизм*, т.е. принципиальное отрицание религии как умственной иллюзии

Представители настоящего, благородного атеизма относятся к богу или богам как к излишней гипотезе; они с уважением относятся к чужой вере в религиозные ценности; а осуждают лишь фанатизм и ханжество в этой связи; сами же не нуждаются в мишуре церковной обрядности. Недавно ушедший в вечность известный писатель-фантаст Артур Кларк завещал: на его похоронах «не должно быть абсолютно никаких религиозных обрядов какого-либо рода, связанных с какой-либо религиозной верой».

Критическое, культурное отношение к религии и церкви сегодня актуально как никогда, потому что на место старых догм тут на наших глазах приходят новые, не такие страшные, как те, но в свою очередь далёкие от цивилизованных оценок рассматриваемого явления культуры и потому далеко небезопасные.

Новые мифы о религии и особенно церкви выглядят зеркальным отражением прежних, советско-марксистских в демократизируемом мало-помалу сознании русских людей:

- якобы *роль религии в жизни общества постоянно растёт*; церковная обрядность обязана освящать все стороны нашей жизни, иначе факты рождения, брака, покаяния, смерти приобретают почему-то сомнительный характер;
- *религиозные заповеди* выдаются за синоним *общечеловеческой морали*; неверующий человек будто бы не может быть вполне нравственным;
- *религия*, в глазах многих, — *символ национальной культуры*; в связи с чем предлагается богословская добавка к среднему образованию; наша конфессия представляется единственно правильной, остальные — ересями, с ними призывают бороться, изгонять их из России.

Так, в муниципальных школах Курской и целого ряда других областей теперь насаждают «уроки православной культуры», привлекая к их проведению и методическому обеспечению и церковнослужителей, и преподавателей государственного университета. Даже если допустить полную добровольность посещения таких занятий (в нашей школе вообще трудно представимую), то само себе публичное провозглашение тезисов вроде: «Душа — христианка!», «Русская национальная школа — православная», тому подобных способно жестоко обидеть сверстников из семей католической, мусульманской, еврейской, протестантских и прочих конфессий, не говоря уже о неверующих, свободомыслящих согражданах.

Иосиф Бродский ещё когда, в 1980-е годы предвещал:

«Входит некто Православный, говорит: Теперь я —
главный!

У меня в душе Жар-Птица и тоска по государю.
Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной.
Дайте мне перекреститься,
а не то — в лицо ударю...».

В 1850 г. цензура запретила публиковать в курских и других «Губернских ведомостях» — единственной газете в тогдашней России статьи палеонтологов о находках окаменелых остатков древнейшей фауны. Дескать, они противоречат Ветхому Завету, его версии сотворения мира. Полным и вредным анахронизмом выглядят продолжающиеся нападки на теорию Дарвина и другие научные взгляды как якобы безбожные. Ни один из критиков того же дарвинизма не способен даже сдать по нему зачёта. Как видно, позиция церкви меняется мало с тех времён, когда за научные мысли сожгли Джордано Бруно и принудили к покаянию Галилео Галилея. Тащить в современную школу религиозные догмы бесполезно и недальновидно.

Между тем, религиозное воспитание и особенно образование при желании вполне доступно на уровне самой семьи и церковно-приходских, конфессионализированных школ (вроде частной курской гимназии имени Феодосия Печерского). А в государственных школах целесообразно *изучать основы всех мировых и национальных религий*, причем на добровольной, факультативной основе.

Указанным или любым другим преувеличениям, искажениям религиозно-церковного компонента нашей жизни противостоит выстраданный и завоёванный передовым человечеством **принцип свободы совести**. Он закреплён в действующей Конституции Российской Федерации (1993 г.), которая среди «прав и свобод человека и гражданина» выделяет, согласно статье 14, следующие положения:

«Российская Федерация — светское государство, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. ... Каждому гражданину Российской Федерации гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Право на свободу вероисповедания, наравне с правом на свободомыслие в религиозных вопросах, конкретизировано в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятом Государственной Думой осенью 1997 г. — после жарких споров о нём законодателей разных фракций, президентской стороны и представителей общественности. Некоторые из последних справедливо указывали на чрезмерные преимущества, предоставляемые этим законом отдельным конфессиям, признанным законодателями наиболее традиционными для России — буддизму, иудаизму, исламу, православию (исключив из таковых католицизм и ряд протестантских организаций, что выглядит явно несправедливым угождением православию, исламу, иудаизму и буддизму).

Дискуссия по поводу улучшения религиозного законодательства не меняет самого важного принципа в данной области, давно принятого передовыми

странами Западной Европы и Америки: там *церковь законодательно отделена от государства, а государственная школа от церкви*. Отправление религиозных обрядов, церковное образование и воспитание — *частное дело граждан*, их семей и общественных объединений соответствующего толка. Безусловно уважая официально признанные конфессии, создавая благоприятные условия для их существования, государство и его представители обязаны обеспечивать равенство прав и обязанностей разных вероисповеданий. В обязанности государства входит и подавление экстремистских, фанатических проявлений со стороны отдельных религиозных групп (так называемых *тоталитарных сект*, дающих о себе знать и в России — вспомним японскую «Аум сёнрикё», устроившую газовые атаки в токийском метро и закупавшую оружие в нашей стране; доморощенное «Белое Братство», объявившее «конец света» и пошедшее на штурм православных храмов в Киеве; импортных «Свидетелей Иеговы», запрещающих своим адептам, в частности, сдавать кровь на анализы и переливать её; исламских экстремистов вроде ваххабитов на Кавказе, вторгшихся осенью 1999 г. из Чечни в Дагестан с оружием в руках и устраивающих взрывы в российских городах; т.п. ужасные «религии» с их призывами и попытками к прямому насилию для достижения своих извращённых ценностей).

В действительности, *роль религии в истории человечества противоречива*, соткана из светлых и тёмных моментов, которые парадоксальным образом предполагали друг друга. Вера не могла бы помочь бедным (прежде всего духовно) и страдающим людям, не ограничив их же в каком-то отношении, порой — чрезмерно. Не случайно больше всего верующих среди наименее грамотных и наиболее уязвимых слоёв населения. С помощью религии они стремятся как-то компенсировать свою ущербность.

Вместе с тем надо признать, что именно благодаря религии, особенно её мировым вариантам (буддизму, исламу, христианству) оказалась внедрена в массовое сознание **идея гуманизма**. Эта идея предполагает человека, его жизнь и счастье высшей ценностью бытия, неразменной ни на какие другие ценности и блага мира. В животном мире царствует слепой отбор сильнейших и удачливых особей в беспощадной борьбе за существование. В первобытном, примитивном обществе нормы морали языческого типа распространяются только на кровных родственников, да и то от слабейших из них при экстремальных обстоятельствах (голод, прочие стихийные бедствия) дикари избавляются без особых сантиментов (общеславянское слово «старик» происходит, между прочим, от глагола «оставлять» — беспомощных членов клана при перекочёвках). Род, племя — выше каждого из своих членов. Что же говорить о чужаках? Они вообще не люди. Побольше бы их скальпов сушится в нашем вигваме.

Мировые же религии с помощью тезиса о бессмертной, спасаемой для вечной жизни с Божией помощью душе человека вывели его судьбу из-под власти волчьих законов выживания сильнейшего. «Чем больше ты убьёшь чужаков — тем лучше» — призывает соплеменников любой вариант язычества. «Око за око, зуб за зуб» — ограничивают кровную месть национальные религии. «Какой мерою мерите, такой и вам отмерится» — возразил герой Нового Завета хри-

стианства Иисус Христос на эту ветхозаветную норму. И призвал: «Простите и возлюбите врагов ваших». Вам же, дескать, от этого лучше будет.

Заповеди религиозной морали не в силах, конечно, полностью раз и навсегда изменить к лучшему поведение людей. Преступления, обман, угнетение человека человеком остаются навсегда, но в свете религии меняется отношение к этим язвам жизни общественного мнения. Понятие греха, надежда на загробное воздаяние воодушевляют убогих людей, активизируют совесть их более сильных гонителей. Церковь во все времена выступает посредником между разными слоями общества, способствует примирению между ними, смягчению граней богатства и бедности, здоровья и болезни, удачи и несчастья. Даже Маркс соглашался со своим учителем Людвигом Фейербахом в том, что религия — «сердце в наш бессердечный век, дух бездушных порядков».

Вместе с тем, отдельные конфессии и особенно некоторые церковники, проповедуя смирение и примирение, то и дело теряют чувство реальности и впадают в ханжество, демонстрируют узость кругозора и аллергию к прогрессу знания (как в случае с гонениями католицизма на все виды контрацепции, его же требование запретить аборт и научные опыты над животными, начиная с генной инженерии). Впрочем, их призывы такого рода бесполезны, поскольку заставляют относиться к прогрессу знаний и техники с большей осторожностью.

Гораздо хуже церковные поощрения терроризма. «Священная война против неверных» — ужасная реальность многих веков истории и наших дней.

Цня свою религию, стоит ли почитать басурманами, безбожниками аполетов других вариантов веры? Или же тихих безбожников? В лучшем романе Редьярда Киплинга «Ким» главный герой — ирландский мальчик, осиротевший младенцем и выросший в самой пёстрой по народонаселению стране — Индии. Один из его наставников в Большой Игре (шпионской разведке на просторах Евразии), афганский пуштун знатного рода, конский барышник Махбуб Али советует: «Среди сахибов никогда не забывай, что ты сахиб, среди людей Хинда всегда помни, что ты... — Он сделал паузу и умолк, загадочно улыбаясь.

— Кто же я? Мусульманин, индус, джайн или буддист? ...

— Ты, без сомнения, неверующий и потому будешь проклят. Так говорит мой закон, или мне кажется, что он так говорит. Но, помимо этого, ты мой Другок Всего мира, и я люблю тебя. Так говорит моё сердце. Все эти веры — всё равно что лошади. Мудрый человек знает, что лошадь — хорошая скотина, из каждой можно извлечь пользу. Что касается меня, то, хотя я хороший суннит и ненавижу людей [шиитов] из Тираха, я держусь того же мнения обо всех верах. Ясное дело, что катхлаварская кобыла, оторванная от песков её родины и приведённая в западный Бенгал, захромает. ... Поэтому в сердце своём я говорю, что все веры подобны лошадям. Каждая годится для своей родины.

— Но мой лама говорит совсем другое!

— О, он старый мечтатель из Бхтияла...».

Альтернативы религии разнообразны. Вера в богов никогда не была монопольной. Хотя нет ни одного народа Земли, с древности до наших дней, у которого не было бы какой-то веры, но среди каждого народа находились противники и критики религии. Как и верить в богов или бога можно по-разному,

так и протестовать против них случалось различно. Перечислим основные варианты отрицания религии, встречавшиеся в мировой истории человечества.

Сектантство

Еретичество

Богоборчество

Антиклерикализм

Агностицизм

Атеизм

Свободомыслие

Когда-то именно на религиозной основе появились и закрепились в большинстве регионов Земли главные достижения цивилизации — письменность, книжность, городская архитектура, изобразительное и музыкальное искусства, здравоохранение и многое другое полезное людям. Первыми писателями, историками-летописцами, архитекторами, иконописцами, философами, врачами нешаманского типа на Руси, положим, были лица духовного звания. Создатели славянской азбуки византийские монахи Кирилл и Мефодий, основоположник русского монашества Феодосий Печерский, его послушник Нестор-летописец, черноризец иконописец Андрей Рублёв, реформаторы православия патриарх Никон и протопоп Аввакум, епископ-хирург Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий), не так давно скончавшийся архиепископ Питирим (Нечаев), многие другие церковники стали просветителями и духовными лидерами русского народа. Ещё большее число деятелей национальной культуры вдохновлялись в своём творчестве религиозными идеями. Правда, не всегда канонически ими понимаемыми. Русская православная церковь имела серьёзные претензии к первому философу России Владимиру Соловьёву и ко Льву Толстому, к Николаю Лескову и Илье Репину. Как бы то ни было, все они творили в культурном круге православия, христианства.

С другой стороны, та же самая церковь периодически практиковала нападки на отдельные проявления светской культуры, мирской жизни, доходившие до прямых репрессий действительных или мнимых противников веры, запрета передовых знаний и технологий, как якобы богопротивных. Ещё больше жертв принесли любому народу межконфессиональные распри, поощрявшие гражданские и захватнические войны. Русская православная церковь в отдельные моменты своей истории сжигала на кострах раскольников-староверов, эксплуатировала монастырских крестьян, освящала «крестовые походы» против «инородцев» Средней Азии, Сибири, Казахстана, Крайнего Севера, поставляла секретных осведомителей КГБ, поддерживала прочие тоталитарные действия властей.

Надо признать, что сегодня церковь извлекает определённые уроки из своей собственной истории и постепенно отказывается от наиболее абсурдных сторон своей догматики, которая модернизируется (так Ватикан недавно оправдал Галилея и Джордано Бруно; православие осудило синодальную практику

своего огосударствления от Петра Великого до Николая II; и тому подобные тёмные страницы своего прошлого).

Разбираясь в предназначении церкви, стоит вернуться к самым её истокам и рассмотреть **ранние формы религии**. Они представляют собой прямые последствия рассмотренного по предыдущей теме мифологического мировоззрения для подвластного ему поведения людей. Когда к мифу как идее, смыслу прибавляется ритуал, т.е. практика поклонения продуктам мифологического мышления, то получается религия. Перечислим её первоэлементы.

Анимизм (от лат. «*anima*» — душа) — одушевление в принципе бездушного, т.е. природного. На самом деле, с научной точки зрения, у природы как таковой нет и не может быть цели, плана «действий», т.п. желаний. Природные процессы протекают стихийно, по матрицам объективных законов неорганической и живой материи. Применительно к природе бессмысленно ставить вопрос: «Зачем?» Осмыслен лишь вопрос: «Почему?» Но по упрощённой «логике» антропоморфизма наивное сознание персонифицирует причины любых событий, переносит на природу и вообще событийную стихию специфику человеческих отношений: «Кто виноват? Чей дар? С кого спросить? Кому воздать?» Анимизация внешнего мира состоит в мысленном населении его различными сверхъестественными, надприродными существами — духами, волшебными персонажами (то ли конкретизированными — вроде ангелов, чертей, леших, ведьм, домовых и т.д., и т.п.; то ли абстрагированными силами вроде эманации вражды-сглаза; некой «ауры» святости или греховности у отдельных лиц или предметов; «кармы», предопределяющей судьбу). Обладая особой в глазах верящего в них человека природой, сверхъестественные участвуют в событиях его жизни, с ними возможен диалог, их лучше умиловить жертвой.

Кульминацией же анимизма выступает *понятие души* как нетелесной сущности человека, чьё существование во многом параллельно существованию тела, начинается до рождения человека, а продолжается после его гибели его тела. Отсюда религиозные идеи о переселении душ, их загробном существовании и общении с ними живых людей (путем культовой практики, особенно жертвоприношений разного рода, заупокойного культа).

Не находя научных подтверждений, анимизм философски и психологически вполне понятен и оправдан — человек нуждается в такой идеалистической «достройке» своих ограниченных возможностей. Отсюда же идёт врачующая душу (психику) поклонение могилам близких, другая ритуализация быта и бытия; разговоры с животными, даже вещами, «общение» с природой вообще. Очеловечивая внешний мир, люди возвышают свой мир внутренний, очищают его от тёмных сторон своей животной и социальной природы. В конце концов, вывод о примате духовного над материальным, проистекающий из анимистической позиции, носит глубоко человеческий характер. Этот вывод является подспудным двигателем всякого творчества. Однако разминать одухотворение мира на суеверия типа «чудотворных икон» или злых чертей, сегодня как-то странно.

Остальные из ранних форм религии следуют из анимизма, конкретизируют его на практике.

Фетишизм (порт. «*fetico*» — амулет) — мысленное наделение отдельных вещей сверхъестественными, вредными или, чаще, полезными свойствами. Идея анимизма здесь овнешняется, овеществляется. Различного рода святые для человека предметы и места (нательные украшения-обереги, иконы, другие реликвии; памятники, храмы, кладбища, прочие культовые сооружения; освященные территории вроде чудотворных источников, монастырских земель, полей сражений и т.п.) выступают как бы материальным каркасом, на котором держится духовная культура личности и нации. Фетишизируется, т.е. освящается, поэтизируется по сути историческая память народа, судьба отдель-

ной личности. Когда же вещи-символы превращаются в самоцель, заслоняют собой всю жизнь, которая превращается в сплошное паломничество к неким святыням, тогда фетишизм выступает одной из массовых форм суеверия.

Тотемизм (англ. «totem» из языка индейцев племени алконгинов значит «его род») — представление о природных предках, прародителях людей данного народа. В роли таких «отдалённых родственников» могли выступать животные (ср.: Чингачгук — Большой Змей; тотем, скажем, чукчей, часто изображаемый ими на одеждах — бабочка; хищники в гербах разных государств и дворянских родов; и т.п.); растения (вспомним хотя бы образы деревьев и цветов в фольклоре); целые природные стихии (вроде огня и воды).

Этот источник веры отражает общий мифологический постулат о единстве человека и природы, их постоянной взаимосвязи, доходящей до взаимного перехода. Подобные идеи служат простым и надёжным способом консолидации компактной общности людей, предполагающей обычно противопоставление её прочим общностям («Мы одной крови», храбры как соколы, орлы, миролюбивы как голуби; а чужие — потенциальные враги, они — «волки», «шакалы», «чёрные вороны» и т.п. опасные твари). Из тотемизма происходят такие моменты нашей жизни, как пищевые предпочтения и запреты; сюжеты украшения одежды, жилища; татуировок; дрессировка животных и т.п., как видно, глубоко этические и эстетические, если не доводить идею нашей сопричастности природе до абсурда полного подчинения её стихиям, не ставить природу выше человека.

Магия (по-русски, — колдовство, ворожба, волхование) представляет собой практическую, действенную часть любой мифологии, а, значит, в преобразованном виде, и религии. Это те *символические действия*, которые человек совершает из расчета на анимизм, фетишизм и тотемизм вместе взятые. Магия возникает, когда человек, в принципе исчерпав по поводу решения какой-то своей проблемы весь возможный репертуар рациональных поступков, материальных действий, не останавливается на этом, а дополняет их действиями символическими. С помощью этих последних он стремится подключить к решению своей проблемы силы сверхъестественные. Типичные в этом смысле элементы магического ритуала — жертвоприношения, заговоры, заклинания, охранительные или вредоносные жесты, позы, телодвижения и т.п. символические действия.

Отличия магии от собственно религиозного культа прежде всего в том, что колдует человек без посредников, напрямую апеллируя к неким духам. В лучшем случае, в особо ответственных случаях в роли посредника в диалоге с высшими силами выступает шаман (жрец, колдун, вещунья, маг, волхв, знахарь и т.п.)-одиночка.

Магия — совсем не абсурд, как может показаться с позиций утрированного рационализма, механистического детерминизма. У неё своя, довольно изощрённая логика, которую можно рассматривать как предшественницу или вынужденную заместительницу научной методологии познания и практики. Предполагается, что кроме непосредственно воспринимаемого мира, существует ещё мир скрытых сущностей. Чтобы привлечь их на свою сторону, нужно разработать правильный маршрут и шаг за шагом двигаться по нему. По форме таково же и научное исследование микро-, макро- и мегамиров. Только содержание у магии и у науки разное. Одно то самовнушение, соответствующее задачам предстоящей деятельности настроение, которое обычно придается человеку колдующему, объясняет его резон. Ритуальная пляска индейца, выходящего на тропу войны; стрела, посланная чукчей в темноту святилищной пещеры; торговка на курском базаре, обмахивающая свой товар полученной от первого покупателя денежной купюрой; многие т.п. сугубо магические действия плотно вплетены в быт малограмотных людей.

В составе магии реальные знания и, соответственно, технологии сочетаются, как только что говорилось, с сугубо символическими, знаковыми. И не всегда здесь легко отделить

разумное от абсурдного. Так, лечебная магия способна мобилизовать защитные силы психики пациента в тех ситуациях, когда реальных лекарств нет или они неэффективны; гадания (на чём угодно) служат организующим своё выполнение прогнозом; знамения разного рода помогают самопознанию личности («сны сбываются так, как их истолкуешь», гласит исландская пословица); и т.д., и т.п.

Эффект магии зависит от степени доверия к ней. Проклятие жреца способно довести до смерти от испуга мнительного соплеменника. Человек другой закалки стоит вне магических чар. Как в колоритном эпизоде за 1071 г. из нашей первой летописи — «Повести временных лет»: «... Волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: «Предвижу всё...» И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идёт за ним, кто же верует в Бога, пусть ко кресту идёт». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошёл к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю всё». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобой сегодня?» — «Чудеса великие сотворю», — сказал [тот]. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мёртв, и люди разошлись».

Бытовые суеверия наших дней — осколки древней магии. За многими приметами стоят очень тонкие психологические наблюдения за человеческой натурой. Не всегда, но нередко соль просыпают на кухне излишне нервные, импульсивные люди; встреченная охотниками, моряками женщина невольно отвлекает их от сложной цели, стойкий запах её менструальной крови отпугнёт чуткого зверя; здороваясь через порог, можно споткнуться об него; возвращаясь с полдороги, деформируем доминанту трудового дня; и так далее. Однако без доли шутки, игры вера в приметы выглядит уже диковато.

Привкус магии ощущается даже во вполне осмысленных видах деятельности. Таковы заклинания политических лидеров, проклятия врагам, любовные чары, «зомбирование» телезрителей рекламой, многие т.п. Вообще, где меньше логики, разума, там больше магии, мистики. Пропорция ясного и таинственного меняется в зависимости от условий нашей деятельности и наших способностей к ней.

Когда возникают развитые формы религий — национальных и мировых, формы ранней религиозности видоизменяются и становятся компонентами единой веры (в до предела анимистического Бога; магия же воплощается в молитве и священных таинствах во храме; тотемизм замечен в зооморфных образах ангелов — с крыльями, дьявола — с копытами, хвостом и рогами; фетишизируются иконы, мощи святых и прочие реликвии). В составе настоящей религии, впрочем, её примитивные предшественники так или иначе облагораживаются, одухотворяются и, значит, перестают быть конкурентами научной логики, но дополняют её, достраивают до полноты человеческого духа, как это вообще свойственно настоящей религии.

Структура большинства религий включает в себя такие неперенные части, как:

- *вера в Бога* как высшую благотворную силу, источник гармонии в жизни людей и во всей природе; эта вера развёртывается и подкрепляется целой системой догм — выводов, которые для верующего не требуют проверок, доказательств или пересмотра; это познавательная часть религии как *особого типа*

знания о мире и человеке; именно догматика предопределяет все остальные слагаемые религии;

- *культ* — обрядовая практика священнодействия, индивидуального (молитва, жертвоприношение) и коллективного (молебны, крестный ход, *священные таинства* вроде крещения, причастия, исповеди, венчания, елеосвящения и отпевания в христианстве);

- *церковь* — во-первых, как община верующих в одного Бога и, во-вторых, как соответствующая организация служителей этого Бога — духовных лиц и учреждений службы (диоцезов, приходов, храмов, монастырей, орденов, соборов и прочих); в целом религия — особый социальный институт.

Вряд ли можно назвать действительно верующим человека, который не соотносится прямо с какой-то из этих базовых ипостасей религиозности. Сейчас появилось довольно много людей, которые веруют в Бога в душе своей, но в церковь не ходят и священное писание не читают, знают понаслышке. Либо наоборот, регулярно и усердно бьют поклоны в храме божьем, а, выйдя за его порог, ведут жизнь вовсе не праведную. Сами они причисляют себя к верующим, но не самообман ли это?

Ведь варианты отношения людей к религии и церкви разнообразны:

- *истинно верующие* — систематически исполняющие церковные обряды и вполне сознающие их смысл; таких прихожан, а может быть, и самих священнослужителей теперь явное меньшинство — годы массовой атеизации, прогресс культуры и её же частичное вырождение отвадили от религии, как, впрочем, и от духовной культуры вообще, одичили значительную часть населения;

- *свободно верующие* в Бога как своего личного покровителя; прибегающего к молитве в трудные минуты жизни; но не часто утруждающие себя посещением храма и тем более исполнением религиозных обрядов, пока всё у них идёт своим чередом;

- *якобы верующие* — для них по сути нет религии, они думают, что знают церковь, но в действительности ее атрибуты для них — не более, чем мода на определенную одежду и стиль поведения; такие носят нательный крестик поверх платья и бегают в храм только перед экзаменом или другим жизненным испытанием, поставить свечку — заплатить за очередную порцию удачи);

- *индифферентные* к религии люди, которые или от большого ума, или, наоборот, от дремучего невежества вполне равнодушны к церкви и её призывам; обходятся какое-то время без Бога;

- *свободомыслящие* личности сомневаются в правоте богословия, стоят выше религиозных догматов, но уважают выбор верующих людей и своего скептицизма никому не навязывают; на Западе их называют *агностиками*, потому что доказать им, что Бог есть так же невозможно, как и то, что Бога нет;

- *атеисты*, напротив, пытаются вести борьбу с религией и церковью, применять к верующим, в зависимости от меры своей власти, те или иные репрессивные меры;

• религиозные *фанатики*, точно также как атеисты, опираются на насильственные меры, только приобщающие к вере новых поклонников или по крайней мере уничтожающие ей же противников.

Сплошь и рядом встречаются некие промежуточные виды веры и неверия, а также дрейф от одной из намеченных градаций к другим. Замечательный русский поэт Николай Глазков (1919–1979) с долей мудрой шутки выразил относительность веры и неверия: «Я прихожу к монахам / И говорю им как поэт: / Вы, ничтожные как Монако, / Знайте, что бога нет. / Я прихожу к атеистам / И говорю как пророк: / Там, на небе мгlistом, / Есть Господь Бог!»

Вот ещё один юмористический (на первый взгляд) пассаж, прозаический. Как вы думаете, какую из перечисленных позиций в отношении к религии он выражает?

В повести С.Д. Довлатова «Зона» один солдат — охранник исправительно-трудового лагеря говорит другому: «— Знаешь, что я сейчас делал? Богу молился... Молитву сам придумал. Изложить?

— Ну, — произнёс Алиханов.

Фидель поднял голову и начал:

— Милый Бог! Надеюсь, ты видишь этот бардак?! Надеюсь, ты понял, что значит вохра?! Так сделай, чтобы меня перевели в авиацию. Или, на худой конец, в стройбат. И ещё распорядись, чтобы я не спился окончательно. А то у бесконвойников самогона навалом, и всё идёт против морального кодекса...

Милый Бог! За что ты меня ненавидишь? Хотя я и гопник, но перед законом чист. Ведь не крал же я, только пью... И то не каждый день...

Милый Бог! Совесть есть у тебя или нет? Если ты не фрайер, сделай, чтобы капитан Прищепа вскорости лыжи отбросил. А главное, чтобы не было этой тоски... Как ты думаешь, Бог есть?

— Маловероятно, — сказал Алиханов.

— А я думаю, что пока всё о'кей то, может быть, его и нет. А как прижмёт, то, может быть, и есть. Так лучше с ним заранее контакт установить...»

Так пестро в религиозных делах было всегда и так сложно там останется, по всей видимости, в сколько-нибудь обозримом будущем. Верующих среди населения западных стран становится то больше, то меньше, в зависимости от социально-политической конъюнктуры, но вряд ли когда-нибудь какой-то народ весь уверует в Господа, либо сплошняком разуверится нём.

Религия и медицина издавна находятся в тесной, но противоречивой связи.

По мнению действующего американского психоаналитика Дениэла Ранкур-Лаферьера, «эмпирические наблюдения показывают: верующие живут дольше, они счастливее и здоровее неверующих. В такой специфической области, как душевное здоровье, влияние религии можно признать благотворным, особенно в отношении людей, обладающих «внутренней» верой, то есть ценящих религию как таковую, а не как средство к достижению целей. Напротив, нерелигиозный человек в большей степени подвержен риску оказаться не в лучшем душевном состоянии».

* * *

Итак, религия — нечто более сложное, чем каждому из нас сейчас представляется. Своих взглядов на неё нельзя никому навязывать; не стоит вообще

афишировать собственный выбор между верой и неверием, а тем более придирается к чужим убеждениям в этой области. К ним требуется терпимое отношение. Надо только помнить, что *вера не равна религии* — можно верить не только в Бога, но и в человека, дружбу, семью, природу, деньги, любовь, оружие, другие светские ценности. В свою очередь, *религия не равна церкви*, но всегда шире и глубже любой конфессии. Кроме верующих того или иного прихода да атеистов-безбожников, во все времена было много людей, верующих в некое высшее начало, по сути беспредельную и непостижимую Природу. Среди столь свободно мыслящих людей были не только малограмотные профаны, но и мудрейшие представители всего человечества. Далее, *церковь не равна* своим *священнослужителям* и тем более *прихожанам* (ведь живые люди греховны, а светочи нашей церкви построили храм нашей веры, просветили народ, очередным поколением которого мы являемся).

Хотя верующие ортодоксы всегда составляли и сейчас составляют значительную часть любого народа, всего человечества, однако какая-то часть людей во все времена верила в богов по-своему или не верила вовсе. На мой взгляд, большинство стихийно неверующих глупее, некультурнее большинства верующих, а меньшая часть населения — свободомыслящие поумнее, просвещеннее массы слепо верующих в Бога. Если отрицание бога и церкви не навязывается окружающим, оно совсем не обязательно тождественно нравственной тупости. Точно также и религиозность далеко не всегда признак культурной отсталости. В Бога искренне верили такие выдающиеся естествоиспытатели, как Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн, Иван Петрович Павлов и многие другие. В то же время, идею Бога подвергали сомнению и даже отрицанию не менее выдающиеся мыслители — Бенедикт Спиноза, Вольтер, Карл Маркс, Бертран Рассел и многие другие. А уж боролись с «отсталой» церковью далеко не только фанатики вроде большевиков или нацистов, но и по-своему Лев Толстой, Василий Розанов, Николай Бердяев, Жан-Поль Сартр и многие другие представители высокой европейской культуры. Нечего гордиться своей верой, как и своим неверием. Но не стоит их же стесняться. Лучше всего задуматься над мотивами противоположной твоей позиции в вопросах религиозности и церковности.

Вера или неверие — дело свободного выбора. И личной ответственности за него. Эту нехитрую мысль лучше всех зарифмовал Юрий Левитанский:

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе

щит и латы, посох и заплаты.
 Меру окончательной расплаты
 каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя...
 Выбираю тоже, как умею,
 ни к кому претензий не имею —
 каждый выбирает для себя.

Приложение

Библия

Книги священного писания ветхого и нового заветов

Ветхий завет. Вторая книга Моисея. Исход

Десять заповедей

И изрек Бог к Моисею все слова эти, говоря:

... Да не будет у тебя других богов пред лицом моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. ...

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...

Помни день субботный, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему: не делай в тот день никакого дела...

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; ни жены ближнего твоего; ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего.

...

Книги нового завета.

Евангелие от Матфея

Глава 5. Нагорная проповедь

Увидев народ, Он взошёл на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное.

Блаженны плачущие, ибо утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное. ...

Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришёл я, но исполнить. ...

Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай; кто же убьёт, подлежит суду». А я говорю Вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; ... а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

Миришь с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним

Вы слышали, что сказано древним: «Не прелюбодействуй».

А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. ...

Сказано также, что если кто разведётся с женою своею, пусть даст ей разводную.

А Я говорю Вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует.

Еще слышали вы, что сказано древним: «Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои».

А Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город Великого Царя; ни головой своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

Но да будут слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх того, то от лукавого.

Вы слышали, что сказано: «Око за око, и зуб за зуб».

А Я говорю вам: не противьтесь злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. ... Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас. ... Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный.

Первое послание к коринфянам апостола Павла

О любви

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая и кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. ...

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

не радуется неправде, а сорадуется истине;

всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит. ...

О дарах духовных

... Братья! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцами, а по уму будьте совершеннолетними. ...

Наставления

Братолюбие между вами да пребывает.

Гостеприимства не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство ангелам.

Помните узников, как если бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле.

... Имейте нрав не сребролюбивый, довольствуйтесь тем, что есть. ...

Так что мы смело говорим: «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?»

Помните наставников ваших, которые проповедовали вам Слово Божие; и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

Иисус вчера, и сегодня, и вовеки Тот же.

Синодальный перевод, исправленное издание 2000 г.

Вопросы для обсуждения текста

Чем заповеди Христа принципиально отличаются от 10 заповедей Моисея?

Почему христианство, возникнув среди евреев, оказалось вытеснено за пределы своей исторической родины?

Можно ли реально выполнить в жизни то, чего требовала Нагорная проповедь Христа? На что рассчитывал Иисус, задавая столь высокую моральную планку наших помышлений и поступков?

Сравните поучения Христа и его апостолов. Есть разница между ними?

За что могли критиковать христианство его противники в истории европейской культуры? Чьи аргументы выглядят убедительнее — апологетов или противников евангельской этики? Все ли грехи человеческие учтены евангельской этикой?

Как звучат христианские призывы сегодня? Меняется ли их тональность со временем? Не устарели ли они? Стоит ли их редактировать, дополнять?

Почему западная цивилизация пошла по христианскому пути своего развития?

III. ФИЛОСОФИЯ

Теоретический минимум

1. Обыденные и обывательские взгляды на философию.
2. Происхождение философии в Древнем мире.
3. Основные этапы исторического самоопределения философской мысли.
3. Объект и предмет изучения философии, её дисциплинарный состав (структура философского знания).
4. Особенности философского знания и мышления.
5. Философия и медицина: эволюция и принципы отношений на Востоке и на Западе. Место медицины в системе наук и практик.

Литература

- Введение в философию. Учебное пособие для высших учебных заведений / Отв. ред. *И.Т. Фролов*. 3-е изд., перераб., доп. М., 2003 (Введение. «Что такое философия») ***.
- Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2006 (Гл. 3–4).
- Ермакова Е.Е.* Философия. Учебник для технических вузов. М., 2004 (Гл. 1 «Философия как она есть»; гл. 6 «Философия перед зеркалом») *.
- Марков Б.В.* Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. 2. «Онтология, гносеология, аксиология»).
- Поупкин Р., Стролл А.* Что такое философия? // Философия. Вводный курс / Пер. с англ. М.–СПб., 1997.
- Спиркин А.Г.* Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 («Вводное слово: 1. О предмете философии и её месте в системе научного знания; 2. Философия и мировоззрение»).
- Хрусталёв Ю.М.* Общий курс философии. Учебник для студентов медицинских и фармацевтических вузов. В 2-х тт. Т. 1. М., 2003 (Гл. 1–2) **.
- Тейчман Дж., Эванс К.* Философия. Руководство для начинающих / Пер. с англ. М., 1997 («Введение. Что такое философия?»).
- Гурина М.* Философия. Учебное пособие для выпускных классов лицеев, для поступающих в высшие школы и студентов первого цикла высшего образования / Пер. с франц. М., 1998 (Гл. 4. «Что такое философия?»).
- Краткий философский словарь / Под ред. *А.П. Алексеева*. 2-е изд. М., 2012.
- Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994 (Гл. 2. § 4 «Мудрость и глупость, хитрость и остроумие с точки зрения гносеологии»; § 5 «Динамика сомнения и убеждения при творческом действовании»).
- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. СПб., 2005.

- Адо П.* Философия как способ жить. Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом Дэвидсоном / Пер. с франц. СПб., 2005.
- Бердяева Л.* Профессия: жена философа. М., 2002.
- Брэдишоу Д.* Аристотель на Востоке и на Западе. Метафизика и разделение христианского мира / Пер. с англ. М., 2012.
- Вера и знание. Соотношение понятий в классической немецкой философии / Под ред. *Д.И. Разеева*. СПб., 2008.
- Гуссейнов А.А.* Философия — мысль и поступок. Статьи, доклады, лекции, интервью. СПб., 2012.
- Декомб В.* Современная французская философия / Пер. с франц.. М., 2000.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с франц. М., 1998.
- Доброхотов А.* Введение в философию. Рабочая тетрадь. М., 1995.
- Ильин И.А.* Философия как духовное делание // Сочинения в двух томах. Т. 2. Религиозная философия. М., 1994.
- Каган М.С.* Философия как мировоззрение // Вопросы философии. 1997. № 9.
- Киссель М.А.* Метафизика в век науки. Опыт Р. Дж. Коллингвуда. М., 2002.
- Лефевр В.* Рефлексия / Пер. с франц. М., 2003.
- Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М., 1988.
- Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1990.
- Марсель Г.* Трагическая мудрость философии / Пер. с франц. М., 1995.
- Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 3. Наука, философия и религия / Под ред. *Ю.С. Владимиров*. М., 2010.
- О преподавании философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1997. № 9.
- Ойзерман Т.И.* Амбивалентность философии. М., 2011.
- Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? / Пер. с исп. М., 1991.
- Потёмкин А.В.* О специфике философского знания. Ростов-на-Дону, 1973.
- Сагатовский В.Н.* Вселенная философа. М., 1972.
- Тростников В.* Вера и разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины. М., 2010.
- Философия в диалоге культур. Материалы Всемирного дня философии. М., 2010.
- Хайдеггер М.* Что такое философия? / Пер. с нем. // Вестник МГУ. Серия 7. «Философия». 1995. № 2–3.
- Хайдеггер М.* Что такое метафизика / Пер. с нем.. М., 2007 («Философские технологии»).
- Хайдеггер М.* Лекции по метафизике / Пер. с нем. М., 2010.
- Хэнкинсон Дж.* Философия. Притворись её знатоком / Пер. с англ. СПб., 2001.
- Ясперс К.* Введение в философию / Пер. с нем. М., 1995.
- Дёрнер К.* Хороший врач. Учебник основной позиции врача / Пер с нем. М., 2006 (1. 2. «Медицина как философия; 3. Основная позиция врача с философской точки зрения») **.

Тематика рефератов

- Мифология как предфилософия (на материале олимпийской или другой мифологической традиции).
- Происхождение философии в Древнем мире: предпосылки и традиции.
- Культура эллинов — матрица нового миропонимания.
- Личность философа и характер его учения (на примере Сократа, И. Канта, Ф. Ницше, другом).

Мудрость и глупость, хитрость и остроумие — лики житейского философствования.

Философия и наука: общее и особенное.

Философия и религия: варианты взаимодействия.

Философия и искусство: пути коэволюции.

Философские идеи в классической литературе (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, другие авторы).

Философская поэзия: возможности жанра.

Философия и медицина: взаимовлияние в прошлом и настоящем.

Философские взгляды знаменитых врачей прошлого.

Позитивистская версия философии.

Задачи философии экзистенциализма.

Философская герменевтика.

Феноменология как философия.

Философия под натиском постмодерна.

Разные подходы к преподаванию философии (англо-саксонская, континентальная, отечественная традиции).

Текстологический практикум

Диалог Платона «Пир»

1. Древняя Греция — колыбель европейской культуры. Предпосылки «греческого чуда».
2. Сократ — образец античного философствования (личность и судьба, ученики и противники, диалектика спора).
3. Действующие лица и темы диалога «Пир».
4. Жизненная позиция философа и стиль его мышления в изображении Платона (диалог, ирония, определение понятий, «знание о незнании», «демон» Сократа).

Источник и литература

Пир // Платон. Избранные диалоги / Пер. с древнегреч. СПб., 2011.

Платон. Соч. в трех томах / Пер. с древнегреч. Т. II. М., 1970.

Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч. М., 2011.

Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 1993.

Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976.

Богомолов А.С. Античная философия. М., 1976.

Кессиди Ф.Х. Сократ. М., 1979.

Лиссарг Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира / Пер. с франц. М., 2008.

Нерсесянц В.С. Сократ. М., 1977.

Суриков И.Е. Сократ. М., 2011 (ЖЗЛ. Вып. 1318).

Конспект

Термин «философия», как большинство названий других областей знания, многозначен. Тем более типично именно для него расхождение повседневно-

ного, расширительного значения слова и его же научного, строгого смысла. Ведь «философией» в житейском обиходе, журналистике, литературе часто называется не совсем то или совсем не то, что представляет собой философия как учебный предмет, особая наука и область духовной культуры. Причём эти *внефилософские значения философии* возникают не на пустом месте, но, как правило, причудливо отражают отдельные этапы её собственной истории, достоинства и недостатки разных философских учений.

Обыденная молва, художественная литература, публицистика допускают примерно следующие — явно расширительные или, напротив, зауженные трактовки слова «философия». Перечислим их по мере удаления смысла этого слова от его научного понятия. Итак, одним и тем же словом «философия» нередко называется:

- *любая общая теория, либо основной принцип* какой-то области знания или деятельности; суммарная, стратегическая направленность некоего произведения или предприятия (сравните: «философия медицины» в смысле общих представлений о здоровье, болезни и стратегиях врачевания; «философия рынка» как сознательная «игра» производителей и потребителей товаров и услуг по законам их стоимости и конкуренции; даже «философия спорта» — подходы к игре, исповедуемые тем или иным тренером, его командой; многое тому подобное);

- *глубокомысленное, серьёзное отношение к жизни*; обстоятельное обсуждение сложных вопросов теории и практики; *углублённый анализ* любой проблемы или *самоанализ личности*; твёрдое убеждение, выношенное суждение (возьмите: «философская поэзия» — Фёдора Ивановича Тютчева или, допустим, Николая Алексеевича Заболоцкого, то есть поэтов, проникающих в глубины человеческой души и тайны мироздания; «философский роман» — Томаса Манна, Германа Гессе или, скажем, Марселя Пруста, т.е. писателей, создающих величественные саги о судьбах целых поколений; и т.д.);

- *стойкое противостояние ударам судьбы; безразличие к переменам образа жизни, бедствиям и лишениям; терпимость к окружающим людям, понимание их особенностей, интересов*; в общем — сложившаяся *жизненная позиция* (вспомним выражение: «относиться к жизни философски»; например, наш биатлонист Сергей Чепиков в споре за бронзовую медаль на Олимпиаде в Альбервиле проиграл финну 0,9 секунды, а на Туринской олимпиаде — норвежцу 0,8 секунды; после чего в интервью ему был задан вопрос: «Правда ли, что президент Союза биатлонистов России запретил вам читать перед стартом?»; Чепиков ответил: «Запретил давать интервью и читать философов. Но философия это такая штука, которую нельзя запретить...»). В зависимости от обстоятельств, философское отношение к жизни может оцениваться отрицательно — как предосудительное малодушие, эгоизм и безразличие к окружающим («смотреть на мир сквозь розовые очки», «махнуть на всё рукой», согласно рецептам доктора из сказки Е.Л. Шварца «Тень»), либо положительно, даже восторженно — как образец душевной стойкости, мужества.

- *скрытое от большинства, потаённое от непосвящённых знание; тайная мудрость* немногих избранных (как искомый средневековыми алхимиками «философский камень» (для превращения разных веществ в золото) или обучение «философии» по ходу приключенческого сюжета достаточно тупых литературных или видеогероев вроде Конана-варвара, Волкодава и тому подобных);

- беспочвенное, оторванное от жизни рассуждения, заумные разговоры на отвлечённые темы; *ложное мудрствование* вместо необходимого дела; опасное для веры и власти вольнодумство (сравним сентенцию Фамусова из «Горя от ума»: «Пофилософствуй — ум вскружится...» или же расхожее осуждение — «разводить философию»; и прочее в этом духе);

- нечто вовсе *непонятное* для самого говорящего, загадочное для слушателя.

Юмористическим образчиком этого последнего словоупотребления может служить анекдот о двух приятелях, которые пили пиво (из американского учебника по философии Ричарда Поупкина и Аврума Стролла). Один из них поднял кружку на свет, тщательно рассмотрел содержимое, после чего заметил:

— Жизнь — словно кружка пива...

Его товарищ внимательно рассмотрел кружку, повернулся к другу и спросил:

— А почему это жизнь похожа на кружку?

— Почём я знаю, — ответил тот, — я не философ.

Таким образом, не всегда философией является то, что ею называется. И наоборот, философия порой находится там, где она не упоминается по имени. Однако при любом употреблении этого слова остаётся впечатление о чём-то внушительном, углублённом, обобщённом. Это впечатление отражает реальную роль философии в истории культуры.

Круг философских тем и проблем, в чём-то меняясь от эпохи к эпохе, тем не менее, сохраняет удивительную преемственность от древности до наших дней. А именно, философия занимается такими проблемами, как:

- существование природы и сущность её сфер;
- устройство общества; справедливость среди людей;
- познание реальности;
- мораль и нравственность; добро и зло;
- красота в искусстве и жизни,
- счастье человека;
- целый ряд тому подобных.

Как видно, всё это *проблемы общего, предельного и запредельного характера*. Ни одна из них не сводится к частным случаям, отдельным примерам (хотя ими более или менее ярко иллюстрируется). Для обсуждения философских вопросов требуется *абстрактное*, т.е. отвлечённое от всех и всяческих частных, синтезирующее главные выводы *мышление*.

В любом мало-мальски цивилизованном обществе люди время от времени, так или иначе обсуждают указанные только что — философские вопросы. Хотя бы одно это подтверждает необходимость и своеобразие философии как одной из полноправных областей духовной культуры человечества — наряду с религией, наукой, искусством. Философия нужна почти всем людям, только в разной степени. Точнее говоря, самые разные люди рано или поздно сталкиваются с достаточно философическими вопросами и как-то пытаются на них отвечать. Интеллектуальная элита любого общества делает это на профессиональной основе, опираясь на достижения мировой философской мысли, специали-

зированные формы культуры. Средние слои того же общества ограничиваются на этот счёт заповедями здравого смысла и перлами фольклора. Даже «отбракованные» тем же обществом убогие и деградировавшие личности — пролетарии, люмпены, маргиналы исповедуют собственную немудрящую «философию», как правило, нигилистической окраски.

Одно из ярких воплощений такой тематики представляет собой фильм *англо-американского режиссера Терри Джильяма «Король-Рыбак»*. Выходец из США, этот художник начинал как мультипликатор и актёр в сюрреалистической группе «Монти Питон». Его герои — прирождённые, идейные борцы с однообразием повседневности, с наступлением скуки на человеческие души. Главный герой рассматриваемого фильма Джек Люкас — преуспевающий деятель шоу-бизнеса, популярный ведущий радиопрограммы (его играет Робин Уильямс). Он на взлёте своей карьеры; его приглашают и на телевидение, предлагают там вести авторскую программу. Из накатанной колеи самовлюбленного героя («Голос нации!», а будет «Лицо нации!») выбивает несчастный случай с одним из слушателей — некий маньяк после диалога в открытом эфире с модным ведущим («Остановим сытых и благопристойных!») берётся за оружие и расстреливает первых встречных посетителей бара. Хотя официальных претензий никто Джеку не предъявляет, у него просыпается совесть, наступает депрессия, он уходит с работы, пьянствует. Его новая сожительница, владелица видеоматериала (актриса М. Руэлл), несмотря на всю свою итальянскую экспансивность, не в силах вытащить его из невроза, быстро переходящего в психоз. На грани самоубийства беднягу останавливает случайная встреча с сумасшедшим бродягой по кличке Пэрри (знаменитый актёр Джеф Бриджесс). Тот неожиданно выручает Джека при столкновении с хулиганами в парке. Так Джек попадает в странный мир тронутого умом бедняги и его нищенского окружения, которое на задворках Нью-Йорка разыгрывает, кто как может, сюжеты литературного сказания о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Разумеется, что и новоявленный «король-рыбак» Перри мечтает обрести свой Грааль. Этому мешает страшный Красный рыцарь, наподобие всадников Апокалипсиса время от времени преследующий по улицам мегаполиса воспалённое воображение умалишённого. Джек, как может, утешает бедного умом бродягу, подыгрывает ему. Хотя живописные лохмотья и вызывающие поступки новоявленных рыцарей нелепы, их игра подчёркивает общечеловеческую и вечную суть происходящего на экране: в кельтском эпосе Амфорт, Король-Рыбак, страдает, потеряв любимую и вместе с ней цель в жизни; сэр Парсифаль, желающий помочь другу, излечить его от страдания, должен для этого добыть заветную чашу — Грааль.

Странный интерес Джека к психически больному обитателю «дна» находит своё объяснение: то бывший профессор филологии, чью невесту в его же присутствии застрелил тот самый радиоманьяк, после чего учёный и помешался. Идефикс самого Джека становится вернуть Пэрри к нормальной жизни. Ради этого он проходит несколько этапов. Денежные подачки впрямь не идут — Перри тут же отдаёт их другому сумасшедшему, бывшему брокеру (пародия на обезличивание наших доходов банковскими счетами). Тогда Джек устраивает знакомство подопечного с девушкой-аутисткой (дебютантка в кино Аманда Пламмер — неподражаемая игра на грани убогости и красоты), в которую тот влюбился (пародия безответности наших самых заветных чувств). Однако ни деньги, ни женщина — земные блага и соблазны — не в силах вернуть гармонию в надломленную ими же в прошлом душу. Перри после очередной драки с хулиганами оказывается в коме. Что же спасёт его? Джек вспоминает пафосный монолог уходящего в вечность друга о Граале — его теперешней мечте. То плача от жалости к бедняге-приятелю, то матерясь от сознания собственного алогизма, Джек с риском для жизни забирается на верхотуру замка миллионера и похищает эту самую «чашу Грааля — символ Божьей милости» (в действительности спортивный кубок с надписью «Ланни Кармайклу, Рождество 1932»), приносит чашу в больницу, вкладывает в руки

Перри. «Не надпись важна. Важна человечность. Сердце», замечает сентиментальный поляк Анджей Сапковский. Сознание возвращается к профессору Генри Сагану. С ролью рыцаря Перри, Короля-рыбака, он под конец фильма начинает прощаться, возвращаясь в личность профессора Генри Сагана.

Как видно, сытая повседневность способна до невыносимости обременить чем-то уязвлённую душу. Вроде бы вполне нормальный, но пустотелый как гнилой орех быт отравляет и когда-то любимую работу, и домашний отдых. Потому кто-то бежит на дно жизни. Пусть страдает тело бродяги, зато его пришибленная душа согрета огоньком порванных векселей неподъёмного жизненного долга, обесмысленной работы, невозможного в одиночку праздника, механизированного ритуала. Редкие маргиналы получают возможность и находят в себе силы вернуться в некогда счастливые будни «большой жизни», к ответственности за близких и своё собственное призвание творца жизни и работы (из которых может и не выйти-то ничего путного!).

Так вот и герои Т. Джилльяма в финале фильма о «Короле-Рыбаке», вроде бы возвратившиеся к дневным заботам семьи и профессии, тёплой летней ночью снова и всерьёз валяют дурака — раздевшись донага, лежат на лужайке Центрального нью-йоркского парка и созерцают звёздное небо... Джек-Парсифаль предлагает силой воли разогнать тучи на этом небе, а Перри-Генри его урезонивает («это просто ветер...»). Сдружившись и проверив дружбу на смертельный излом, они как бы обменялись психологическими характеристиками. А их общая цель Грааль — на то и Грааль, чтобы искать его без конца («Женщины ведут дом, чтобы рыцари могли искать Грааль, вырезая целые деревни...», говаривал профессор Саган, пока был настоящим сумасшедшим). Положение в обществе не меняет стратегической задачи романтиков. Это их жизненная философия.

Другие фильмы Джилльяма на разные лады развивают эту художественную философию («Бразилия», «Мюнхаузен», «Братья Гримм», «Воображариум доктора Парнасса»).

О политике и свободе, грехе и каре за него, судьбе и будущем, своём народе и инородцах, любви и женской красоте, мужской преданности и слабости, на многие другие столь же всеохватные и фундаментальные темы время от времени рассуждают и во дворцах, и в хижинах, и во всех прочих зонах межличностной коммуникации (среди которых и рестораны, и пивные, и кофейни, и бары, и бани, и российские кухни и гаражи, вагоны и кабины транспорта, и все прочие места отдыха от рабочей или бытовой рутины).

Можно подумать, что философствование сродни праздной болтовне, которая, в конечном счете, ничего не даёт ни уму, ни сердцу. Как отмечалось в самом начале этой лекции, встречается и такого рода «философия». Умещается она где-то в диапазоне между откровенной демагогией и небесполезной логотерапией. Житейская философия, конечно, отличается от профессиональной, но чем-то они сродни — если не масштабом и глубиной обобщений, то ценой, которой оплачиваются выводы. В эту цену входят «нервы», страсть, душевная боль и похожие переживания. Как, например, у героев романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», которые «разговаривали уже давно, несколько битых часов, как разговаривают одни только русские люди в России, как в особенности разговаривали те утраченные и тосковавшие и те бешеные и иступлённые, какими были тогда в ней все люди». Актёр и священник Иван Охлобыстин назвал это «синдромом русского нерасставания».

Но словам предшествуют мысли и чувства. Практически у любого мало-мальски вменяемого человека время от времени наступают свои «три минуты молчания», как их назвал писатель Георгий Владимов по аналогии с тем сектором судовых часов, когда радистам всех кораблей в море положено слушать, не прозвучит ли откуда-нибудь сигнал SOS. Так вот и

герой одноименного романа, простой моряк Сеня Шалай под занавес трудной экспедиции опускается на стул в портовом буфете, чтобы «кое о чём подумать. Потому что мы вечером встретимся в «Арктике» и там, конечно, будем под банкой, и всё опять пойдёт своим чередом. А хорошо бы всё-таки понять — для чего мы живём, зачем ходим в море. И про этих шотландцев — почему мы пошли их спасать, а себя не спасали? И о том, что будет со мной в дальнейшем... Если бы у каждого из нас было бы хоть три минуты на дню — помолчать, послушать... Разве это так много — всего три минуты! Но так понемногу и делаешься человеком» (Г.Н. Владимов. «Три минуты молчания»).

Как видно, думать и говорить философски — в природе человека. Среди мотивов жизненного поведения людей выделяются:

- *биологические* потребности (жизнеобеспечения, безопасности индивида, продолжения рода);
- *социальные* (успеха деятельности в сферах труда и быта, престижа в различных группах, статуса в обществе);
- *духовные* (познания и понимания окружающего мира и самого себя; оценки и переживания истины, красоты, добра; заблуждения, безобразия, зла).

Философия находится в обратной пропорции к перечисленным группам потребностей людского бытия. Духовные потребности прямо удовлетворяются с её большей или меньшей помощью, а биологические и социальные так или иначе испытывают на себе её влияние. Пытаясь разобраться в самом себе и в природе вещей, человек извечно и неизбежно философствует. Часто не отдавая себе в этом отчёта — любясь природой, подводя итоги своего труда, планируя будущее, восхищаясь и негодуя, убеждаясь и споря при общении с ближними. *Философия в широком смысле этого слова* выражает пытливость мысли, её склонность к обобщениям; примат ума над чувствами. Отсутствие продуманных взглядов на жизнь и способности к творческому сомнению оставляет в душе место для худших предубеждений века, всегда в чём-то ограниченной среды, превратного воспитания. Рационалистическая и гуманная философия — противоядие в отношении обывательской или экстремистской псевдофилософии.

Происхождение философии связано с приходом цивилизации на смену дикости и варварству в истории человечества. Само слово «философия» дословно переводится с древнегреческого («phileo» — «люблю» + «sophia» — «мудрость») как «любовь к мудрости», «любомудрие». Согласно достоверной легенде, это выражение придумал Пифагор. Он имел в виду, что подлинная мудрость доступна только бессмертным богам, а слабый (по сравнению с природными стихиями), ограниченный человек способен лишь стремиться к ней, самозабвенно искать её всю жизнь. «Ибо преждевременно было бы философию называть «мудростью», а упражняющегося в ней «мудрецом», как если бы он изострил уже свой дух до предела...» (Диоген Лаэртский. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»).

Кроме Древней Греции, философия примерно в то же время, то есть *около 2,5 тысяч лет назад* появляется и на Востоке — в Индии и Китае.

На полуострове Индостан к тому времени расселились так называемые арийцы. Священные книги этих племён — *Веды* (на санскрите «знание»; сравним славянские слова «ведать», «разведывать»), созданные более 3,5 тысяч лет назад, были в VIII–V веках до новой эры дополнены такими религиозными текстами, как *Упанишады* (от санскритских слова «сидеть рядом» (с учителем), т.е. доступные только немногим посвящённым в их тайную

мудрость). Вся дальнейшая индийская философия развивает темы Упанишад — о единстве всего сущего (*Брахман* — первоначало, из которого развивается всё существующее), циклически вечно повторяющемся мировом процессе (отсюда идея *реинкарнации* — переселения душ в соответствии с личной кармой); внутренней сущности индивида (*Атман*), в которой отражается весь космос. Для религиозно окрашенной индуистской мысли характерна практика аскетизма (вроде известной йоги), позволяющая отдельным лицам вырваться из круговорота перерождений (*сансары*) и приобрести высшее знание.

В Древнем Китае философия возникает в двух вариантах, которые существуют и сохраняют идейное влияние до сего дня. Во-первых, это учение о законе и пути — *Дао*, основоположником которого считается легендарный мудрец *Лао Дзы*.

Во-вторых, китайская мысль испытала не меньшее влияние идей *Конфуция* (европеизированное имя *Кун Цзы*).

Прочие очаги первых цивилизаций дали миру массу приоритетных достижений. До сих пор поражают воображение храмы-зиккураты, клинописные таблички и эпос о Гильгамеше шумеров; египетские иероглифы, пирамиды и мумии; алфавит и мореходство финикийцев; выросшие среди джунглей города майя, ацтеков, инков и других народов доколумбовой Америки. Но философии все эти страны и народы не знали. А в Индии и Китае философия так и не отделилась от религии. Образ жизни и менталитет там долго не востребовали светскую мудрость. *Принципиально новое сознание*, совсем другой стиль мышления продемонстрировали эллины. Именно с *Древней Греции VI–V вв. до новой эры* начинается европейская мысль, которая и породила западную цивилизацию. Все её достижения — от теоремы Пифагора до современного компьютера, от книгопечатания до атомной бомбы, от знания реальной анатомии человека до вакцины от смертельных болезней, и так далее, и тому подобное — порождены в конечном счёте некоторыми особенностями греческого мышления (которое подхватили и развили следующие в истории западные народы).

Историки долго обсуждали причины так называемого «греческого чуда» — почему вдруг среди «океана варварства» появился такой «духовный остров», как Эллада. Должно быть, на северном побережье Средиземноморья воинственные, мобильные и любознательные арийцы вовремя попали в исключительно благоприятные для духовного творчества природные и социально-политические условия.

Эллинам не сиделось на месте. Но кочевниками, как многие восточные народы, они не стали. Каменистые приморские долины северного Средиземноморья не могли обеспечить продовольствием и прочими ресурсами всё растущее население греческих городов-государств *полисов*. Началась периодическая и широкая колонизация — островов, малоазийских и черноморских побережий. Основанные там греками колонии клонировали устройство своих метрополий. Галсовое мореходство обеспечивало надёжную связь колонистов с исторической родиной. На новых землях греки узнали много нового. Сопоставляя идеи вавилонских магов, индийских йогов, египетских жрецов, представителей многих других этносов, эллины закономерно *начали сомневаться* в истинности одного-единственного миропонимания.

Не случайно первые классики европейской философии Платон и Аристотель полагали началом философии *интеллектуальное чувство удивления* — тому, что большинству людей кажется простым и обычным, либо слишком уж сложным и бесполезным. Любознательность и скептицизм, осторожное сомнение — вот первые импульсы западного склада ума.

На Востоке массы подданных трепетали перед фараоном, царём, раджей, ханом. Среди пустынь или джунглей без деспотической воли земного бога было не выжить. Боги Востока предстают в звериных обликах — они воплощают подавление человека природой. Териоморфная (чудовищная) мифология отражает представление о мире как непостижимом для человека; таким, чьи проявления не могут быть переведены на людской язык. А у греков боги очень похожи на людей, только могущественных. Антропоморфная мифология Олим-

па характеризует новое понимание универсума как в принципе понятного человеку, «говорящего» на человеческом языке, а следовательно вполне познаваемого нами.

Среди греков тоже попадались тираны, но их соотечественники относились к ним весьма критически. Смертная казнь у них почти всегда заменялась изгнанием. Через горный перевал или морской пролив лежал родственный полис. Полисы Эллады могли объединяться против общего врага, могли конкурировать в торговле или на спортивных аренах. Так родилась *демократия* — разделение власти и управления между всеми гражданами полиса. Каждого дееспособного мужчину могли избрать в состав правящего совета, в судьи; в случае войны полис выставлял вооружённое ополчение тех же самых граждан. Подкупить народное собрание мудрено. Пришлось развить логику и риторику — *доказывать правоту* своего предложения *аргументами*, понятными всем; *опровергать* точку зрения *оппонента* также *доводами*, а не силой оружия. Так родилось *доказательство истины* как магистральный путь познания.

Состязательный характер эллинов получил воплощение в спорте — добровольном соревновании атлетов. Олимпийские и другие игры востребовали идеал гармонично развитой личности — физически сильной, морально стойкой, хитроумной, чтобы перехитрить соперников. Античные статуи сохраняют значение эталона мужской и женской фигуры. Ярким проявлением эллинского образа жизни стала так называемая средиземноморская диета: оливки и масло из них, козий сыр, виноградное вино. Эти продукты до сих пор признаются кардиологами наиболее профилактическими.

Ощувив качественное превосходство перед варварами, эллины законно гордились своими преимуществами в мысли и жизни. Отсюда, должно быть, произошло *открытие теоретического знания* — умозрительного, проникающего гораздо глубже пёстрого потока повседневной психики, где господствует вечный калейдоскоп ярких и обманчивых образов-картинок, сиюминутных желаний. За этой мутной пеленой греки уловили наличие неких постоянных и вечных элементов — принципов, законов. Первоэлементам природного космоса соответствуют общие понятия нашего ума — идеи, категории, умозаключения. Открытие стабильных структур бытия и познания сопровождалось и закреплялось широким распространением алфавитной письменности, которой учили всех граждан полиса (а не только служителей культа, как в Египте, или императора, как в Китае — сложным иероглифам).

Таким образом, греческая культура впервые в мировой истории представила знание как доказательное, умозрительное, основанное на проверке любых данных (творческим сомнением), а мир как сущностно познаваемый. Эти духовные достижения воплотила в себе античная философия.

«Как устроен космос? Что есть истина? Добро или зло правит миром? Как добиться справедливости в общественных делах? Что ждёт нас после смерти? Объективна ли красота или она есть дело личного вкуса? В чём заключается счастье жизни?» Эти и похожие по своей смысловизменности, судьбоносности вопросы с тех античных пор специально трактуются философами, у которых слушатели и читатели ищут на них более или менее правдоподобных ответов, идейной пищи для собственных размышлений. Так что *в узком, собственном смысле термин «философия»* означает особую отрасль знания — о самых общих и принципиальных вопросах. Теоретическое рассмотрение таких вопросов обычно переходит в духовную практику самопознания личности и общества.

Мыслители разных времён и народов афористично формулировали главные вопросы человеческого бытия, ответы на которые издавна и до сих пор ищут философы и просто философствующие люди. Едва ли не ёмче всех это удалось Иммануилу Канту:

«Что я могу знать?

Что я должен делать?

На что я могу надеяться?

Что есть человек?»

В конечном счёте, подлинные философы своим образом жизни, стилем мышления и творчеством оригинальных и глубоких идей, теорий, гипотез выражают меру цивилизованности общества, душу народа, интеллект нации. Так, среди прочих знаменитостей политики, искусства, науки, Элладу, например, олицетворяют Демокрит, Сократ, Платон и Аристотель; древний Рим — сенатор Марк Туллий Цицерон и император Марк Аврелий; Германию — профессора Иммануил Кант и Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Артур Шопенгауэр и Людвиг Фейербах, Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс; Францию — вольнодумцы Вольтер, Дени Дидро, Жан-Жак Руссо, Блез Паскаль, Рене Декарт, Анри Бергсон, Альбер Камю и Жан-Поль Сартр; Англию — мыслители Френсис Бекон, Томас Гоббс, Джон Локк, Дэвид Юм, Джордж Беркли, Робин Дж. Коллингвуд и Бертран Рассел; США — отшельник Генри Дэвид Торо и прагматист Вильям Джемс; Россию — Владимир Соловьёв и Николай Бердяев, Василий Розанов и Павел Флоренский, Иван Ильин и Сергей Булгаков. Гражданами мира, властителями дум целых континентов на долгие века стали Эразм Роттердамский и Бенедикт Спиноза, Фридрих Ницше и Сёрен Кьеркегор, Людвиг Витгенштейн и Зигмунд Фрейд, Фёдор Достоевский и Лев Толстой. Знакомство с работами этих и многих других (не обязательно всех сразу) великих мыслителей человечества всегда входило, входит и будет входить в систему высшего образования и, что главнее, самообразования интеллектуальной части любого общества. В этом смысле — своих первоисточников, вершинных достижений философия, надо признать, вовсе не демократична, а скорее *эзотерична*, потому что обращается к достаточно узкому кругу людей, желающих и способных в какой-то степени ею заниматься.

В чём же заключается **специфика философии**, не позволяющая заместить её никакой другой наукой или отраслью духовности вообще? Надо сразу сказать, что любая философия лишь *отчасти научна* в смысле объективизированного знания о некоем предмете, вне и независимо от человека находящемся и отражаемого научным знанием с помощью системы фактов и понятий, принципов и законов. Научность философии видна скорее *в форме* её высказываний, аргументов, выводов, чем в их содержании, всегда достаточно неожиданном, авторском, субъективном.

С другой стороны, философия сродни практике как процессу применения знания обратно к наличной действительности ради её покорения и вообще освоения человеком. Опять-таки, в лице философии перед нами не совсем то, что вся остальная практика, но, прежде всего, работа человека над самим собой, уяснение им своего места в мире, своего отношения к действительности, оценка собственной деятельности. Примерно такого рода *духовную практику самопознания представляет собой философия*.

Житейскими, всем нам знакомыми ипостасями философии выступают такие характеристики личности, как *мудрость и глупость, хитрость и остроумие*. Вот что пишет о них

Фазиль Искандер: «Я часто замечал, что люди глупые и одновременно лживые нередко проявляют умную находчивость. В чём секрет? Я думаю так. Привычка ко лжи и необходимость постоянно выворачиваться из лживой ситуации натренировали их мозг в сторону необыкновенной подвижности умственных сил. Хотя у глупого человека этих сил мало, но, умея мгновенно собрать их в единую точку, он добивается на этой точке преимущества. Пока его умный оппонент соображает, что к чему, лжец вывернулся и ушёл. Он хороший полководец своих малых умственных сил.

... Ум — это когда мы самым лучшим образом разрешаем ту или иную жизненную задачу. Мудрость обязательно сопрягает разрешение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обозримой связи. Поэтому мудрость часто пренебрегает самым лучшим решением данной задачи ради чувства справедливости по отношению к другим задачам. Мудрое — не может быть безнравственным. Ум — разит, мудрость — утоляет. Мудрость — это ум, настоящий на совести. Такой коктейль многим не только не по плечу, но и не по нутру» (Из повести «Стоянка человека»).

Рассмотрим две составляющие философии — научную (исследовательскую, теоретическую) и вненаучную (духовно-практическую, жизненную) несколько подробнее.

У любой науки стоит различать объект и предмет ее познания. *Объект* всякого исследования суть некая *часть реальности*, интересующая специалистов определенного профиля. *Предмет* же изучения в таком случае — это тот *аспект*, в котором данная объектная область явлений и закономерностей рассматривается этой дисциплиной, её специфический подход к ним. У нескольких наук может быть один и тот же объект (например, человек рассматривается множеством наук, именуемых поэтому гуманитарными; но у каждой из них имеется свой, полностью неповторимый остальными предмет, так что психология отлична от нейробиологии, антропология от педагогики и т.д.).

Попробуем представить с этих двух позиций философию. По своему *объекту* это самая **общая наука**. Её интересует *и природа, и общество, и, главное, человек* с его уникальным духовным миром, рекордной способностью к творчеству. Что касается *предмета* философии, то он, пожалуй, располагается на стыке этих главных сфер бытия. Именно принципиального характера *взаимоотношения человека с окружающим миром*, связь макрокосма природа и микрокосма людской души составляет, очевидно, отличительный предмет философствования. Мир сам по себе, чуждый человеческим интересам, как и опредмеченный, одномерный человек вне тайны его творчества, моделируются другими науками и управляются иными практиками, нежели философские.

Нисколько не умаляя значимости науки (физики или, допустим биологии), техники (даже компьютерной), надо заметить, что их достижений человеку мало. Ему потребуется разобраться в самом себе, ответить на вопросы, *зачем* он вообще живёт, оценить эту *свою жизнь*, её предпосылки, промежуточные итоги и перспективы. Но применительно к одному-единственному человеку такого рода вопросы нельзя обсуждать без предварительного решения этих проблем *вообще*, относительно всех остальных людей. *Осмысление собственного душевного состояния* — **рефлексия** (лат. reflexio — отражение; в данном случае своего собственного психического, вообще субъективного мира) пред-

ставляет собой практическую сторону философствования. Такого рода работа ума и всей остальной души никак не обходится без сомнений, противоречий, заблуждений, но и побед человека над обстоятельствами и, главное, самим собой.

Такова может быть самая сжатая формулировка направленности философии. Будучи одной из древнейших форм культуры, она за 2–3 тысячи лет своего существования не могла оставаться во всём неизменной. **Этапы самоопределения философии** примерно таковы:

- первоначально философия *отождествлялась с научным (теоретическим) знанием в целом*, всякой светской мудростью, открытой изучению, — в противоположность религии как мудрости богооткровенной, мифологии с её герметичным для критики авторитетом; образцами такой первофилософии могут служить изречения натурфилософов архаической Греции; а на Востоке — поучения Конфуция и Лао Дзы, «благородные истины» Будды; тому подобные заповеди первых общеизвестных мудрецов человечества;

- неизбежное отделение от философии специальных наук вроде математики и физики, истории и географии, начавшееся ещё в античности, оставляло до поры, до времени на её долю *любого рода теорию*, т.е. знание общее, объясняющее конечные причины и главные принципы бытия и сознания; примерами такого рода философского синтеза разрозненных фактов и наблюдений могут служить «Метафизика» Аристотеля, «Сумма теологии» Святого Фомы Аквинского, «Математические начала натуральной философии» Исаака Ньютона, «Философия зоологии» Жана-Батиста Ламарка, «Философия ботаники» Карла Линнея и похожие по содержанию;

- окончательное становление современных отраслей науки привело к дальнейшему уточнению задач философии — во-первых, как *знания* не просто теоретического, обобщающего, но *всеобщего*, универсального по своему охвату; а во-вторых, учитывающего методологию получения самого знания, *пути его обоснования* и применения на практике; современные философы уже не пытаются конкурировать с теоретиками естествознания и обществоведения, но стремятся дополнить выстраиваемую теми картину мира человеческим, гуманитарным измерением; оценкой предпосылок познания.

Критерии специфики философского знания сегодня предполагают и дополняют друг друга; их соотношение варьируется в отдельных разделах философии.

Первое отличие философии (от мифологии и религии) — *признание принципиальной проблематичности мира*. Античные мудрецы поясняли, что философия начинается с удивления. Прежде всего перед тем обстоятельством, что мир, каким мы его знаем в обыденном опыте, и мир, как он есть на самом деле, различны. Картинка в электронном микроскопе разительно отличается от взгляда невооруженным глазом; космос невозможно описать привычными образами земных масштабов; поступки людей диктуются самыми разными мотивами, многие из которых неведомы им самим; и так далее, и тому подобное до

бесконечности. Не случайно ребёнок в «чуковском» возрасте «от двух до пяти» становится завзятым «философом», донимает взрослых неожиданными вопросами («Что было, когда ничего не было?», и так до бесконечности). В общем, мир — вовсе не самоочевидность (как для обывателя), а предмет постоянного вопрошания, обдумывания (для мыслителя, ставящего перед собой сумму проблем). Эту упорную проблематизацию бытия и познания философия передала науке, но та мало-помалу специализировалась на множество более или менее узких специальностей. Отсюда — следующая принципиальная черта философии.

Второй критерий философствования — тотальность мышления, его устремлённость к обобщениям значительного масштаба. Не отдельные частные случаи, конкретные образцы, единичные ситуации (всё это хорошо только для поясняющих примеров), но всеобщие суждения — о мире в целом, всём человечестве, ходе его истории, судьбах целых цивилизаций, человеческой натуре и так далее. Ни одна специальная наука не изучает *первоначал* всей природы, общества *как такового* или же *целого* мира человеческой души, а философия стремится именно к этому — с её помощью происходит *универсализация выводов* относительно таких вопросов, которые достаточно масштабны для этого. Когда мы глубокомысленно изрекаем нечто вроде того, что человеческая природа не меняется через века, а разные культуры должны уживаться друг с другом (или прямо противоположные выводы на тот же самый счёт) — мы философствуем, то есть обобщаем и углубляем свои суждения до мыслимого предела.

Философия не только обобщает мысли, но ещё, *в-третьих*, обязательно углубляет их — *до субстанционального предела*. Субстанция (лат. substantia — подлежащее, находящееся в основе чего-то) как философское понятие означает, что за массой единичных предметов, за вечным калейдоскопом отдельных событий, мириадами различных свойств скрываются некие стабильные центры, вечные первоосновы. Они играют роль неизменной матрицы как для всего мира, так и для каждого класса предметов или ситуаций. Субстанция — не явление, а сущность. То, что существует благодаря самому себе, а не благодаря другому и в другом. Философы разных времен и народов по-разному определяли субстанцию (или несколько субстанций), но сама идея субстанциональности неотрывна от философствования.

Отсюда *четвёртый признак философии* — её *принципиальная теоретичность*, то есть *признание чисто умозрительных*, невыразимых в опыте визуального восприятия или практического действия *сущностей*. Их нельзя увидеть, потрогать, даже измерить — их можно только помыслить, «схватить» разумом. Примерами таких умозрительных реальностей являются числа, общие понятия (категории), разные другие идеи. Причём в отличие от разнообразных фантазий и догм, философские абстракции — закономерный продукт логического мышления, они одинаковы для всех здравомыслящих людей (то есть объективны). Вещество, энергия, информация; красота, добро, судьба; цивилизация, культу-

ра, история — вот образцы философских категорий — абстрактных умозрительных сущностей, за которыми стоит бесчисленное разнообразие вещей, событий, ситуаций.

Пятый критерий отличительности философии называется, как уже говорилось мной, *рефлексивностью* — потому, что философия всегда имеет в виду *мысль о мысли, размышление о размышлении*. Учёный изучает *что-то* вне своего мышления, которое посвящено некоему объекту. Философ же наблюдает за тем, *кто и как* мыслит или делает, какие мыслительные приёмы способствуют истине, поступки — благу. Когда же сам учёный или практик анализирует свой интеллектуальный арсенал, он тоже волей-неволей философствует. Так что любая наука или профессия представляет собой мысль первого порядка, а философия — второго, будучи *метатеорией или методологией науки и практики*. Рефлексия означает мыслить себя мыслящим. Проще говоря, имеется в виду самоанализ — попытки человека разобраться в самом себе, взглянуть как бы со стороны на то, ради чего он живёт, стоит ли так жить...

Похожая ситуация с соотношением философии и практики, когда философ размышляет не столько над тем, *что* делает практик, сколько над тем, *зачем* на самом деле это делается, с какой целью и по каким мотивам.

Перечисленные критерии отличает философию от религии или богословия — те тоже претендуют изложить людям судьбы мира, некие универсалии культуры, сформулировать заповеди праведной жизни для всех, то есть совершить обобщения универсального масштаба. Однако религиозный и даже теологический подходы к знанию возводят его к откровению свыше — знание верующим и священнослужителям даётся всевышним в готовом по сути дела виде. Философии чужд такой догматизм. Философ сам приходит к своим выводам, опираясь на твёрдо установленные наукой или практикой факты и применяя к их истолкованию интеллект — логику, интуицию, всю силу своего духа. Философия всегда открыта новым вопросам, ведущим её вглубь и вширь универсума.

Эти два типа знания — религиозное и философское могут соединяться в той или иной пропорции и тогда мы получаем варианты религиозной философии. В христианстве, допустим, многие отцы этой церкви основывали по сути философские школы — Августин Аврелий, Фома Аквинский или Мальбранш. Их философичность состояла в том, что они, пользуясь собственным умом, обновляли идейную доктрину христианства, помогали церкви выйти из очередного кризиса. Однако большинство философских школ носило светский, свободный от конфессиональных пристрастий характер. Всякая религия обуздывает человека, его страсти, а философия поощряет свободный поиск своего призвания вопреки любым авторитетам.

Тут кроется ещё одна особенность философии. Только что отмечалась её проблематичность. Разные науки тоже ставят и решают проблемы, но всё время новые. А философия уже несколько тысячелетий снова и снова обсуждает близкий по содержанию набор «вечных тем», сходных проблем. А их решения

представителями разных философских школ предлагаются тоже разные. Такая пестрота ответов на одни те же вопросы (о счастье и свободе человека, познаваемости или таинственности природы, конце или начале истории; так далее) вовсе не отбрасывает философию на интеллектуальную свалку, в мёртвый архив познания. Вспомним о принципиальной теоретичности и универсальности философии. Её предмет невозможно проверить эмпирически — загнать «под колпак» эксперимента или наблюдения. К тому же области философствования не гомогенны, как в природе (где, допустим, водород он и есть водород во всём мыслимом космосе). Предмет философии предельно противоречив. Природа остается одна и та же, но наша картина изучаемой реальности постоянно меняется с прогрессом науки и техники; человек вечен своими страстями и надеждами, но общество, в котором он живёт, периодически радикально меняется, а значит меняются самооценки людей. Так что относительное постоянство философской проблематики от века к веку, даже от тысячелетия к тысячелетию не означает, что у философии нет истории, что она не развивается. История философских идей полнее всего сочетает в себе традиции и новации. Здесь особая пропорция согласия и споров.

С отличиями философии связан *вопрос о значении философских идей для человеческой жизни*. В отечественных учебниках обычно перечисляются несколько функций философии — и мировоззренческая, и познавательная, и воспитательная, и практическая, и целый ряд ещё. Но они же самые в принципе присущи любой области теоретического знания (физике или химии, истории или археологии), и не только его, но и противоположным — чувственно-интуитивным, мистическим сферам духовности (мифологии, религии, искусству). Те тоже расширяют кругозор, формируют убеждения, помогают жить и выживать. Привилегией именно философии остаётся *одна-единственная функция — углубление понимания*. Напомню название одной из картин Поля Гогена из его таитянского цикла: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идём?» Мы с вами, а не древние греки, не средневековые жители, но и не будущие обитатели Марса. Поэтому-то философы и возвращаются постоянно к вечным темам человеческого бытия и познания, но каждый раз в новых интеллектуальных условиях.

Хотя философские идеи нельзя потрогать руками или рассмотреть глазами, они постоянно и настойчиво влияют на нашу жизнь, её практику. В условиях разных цивилизаций и культур эти идеи могут отличаться, порой весьма радикально, но влияния своей не теряют. Скажем, европейцами с самого начала их цивилизации двигали идеи истины, добра и красоты. Эти абстрактные идеи уже более двух тысячелетий прокладывают себе путь сквозь массу дичайших заблуждений, океан зла и ужасающие уродства. Всё новые и новые поколения европейских народов развивают науку и технику — с несомненным успехом; реформируют общественное устройство, экономику в поисках справедливости (и живут лучше всего остального населения Земли); гонятся за модой — идеалом телесной гармонии (и задают образцы моды всему свету). В абсолютном большинстве случаев вечная истина, идеальное государство, безу-

пречная фигура — недостижимые фантомы. Но соответствующие идеи — философские абстракции истины, добра, красоты — продолжают вести нас за собой, не дают успокоиться в жизненной борьбе, завещают её потомкам. Так что философия не только теоретична, но и по-своему практична.

Поэт-бард поясняет нам философский подтекст вполне житейской ситуации:

...
Одинокий гитарист
С добрым Генделем на пару
Поднимают к небесам
Этот маленький трактир.

И витает, как дымок,
Христианская идея,
Что когда-то повезёт,
Если вдруг не повезло.
Он играет и поёт,
Всё надеясь и надеясь,
Что когда-нибудь добро
Победит в борьбе со злом.

Ах, как трудно будет нам,
Если мы ему поверим:
С этим веком наш роман
Бессердечен и нечист.
Но спасает нас в ночи
От позорного безверья
Колокольчик над дугой —
Одинокий гитарист.

Ю.И. Визбор. 1982.

В соответствии со всеми перечисленными интеллектуальными претензиями выстраивается и **дисциплинарная структура** философии, т.е. состав её разделов как науки и учебного предмета.

Онтология (греч. «ontos» — «сущее») — *учение о бытии* мира и человека; о первоначалах всего сущего, выражаемых в универсальных принципах и категориях (вроде таких, как «мир», «природа», «материя», «дух», «пространство», «время», «развитие», «эволюция»).

Гносеология (греч. «gnosis» — знание) — *теория познания*, трактующая его сущность и возможности; условия достоверности и отношение к реальности; соотношение в нём истины и заблуждений; само понятие знания и его разновидности.

Теория научного, особо сложного и ответственного *познания* нередко называется *эпистемологией* (греч. «episteme» — «мнение»). Впрочем, последнее время так всё чаще именуют всю теорию познания.

Метафизика — так, с лёгкой руки древних греков, называются онтология и гносеология вместе взятые. Название это возникло случайно — первый редактор сочинений Аристотель при их издании на первом месте поместил трактат

«Физика», а вслед за ним («после физики») — сочинения о бытии, причинности и знании. Сам Аристотель называл эти последние сочинения *первой философией*, имея в виду, что она касается наиболее фундаментальных и существенных проблем человеческой мысли. Таким образом, метафизическими стали называть вопросы о разуме, душе, космосе, причинности, свободе выбора и т.п.

Логика (греч. «logos» — «слово», «понятие», «разумение») — часть теории познания, а именно *учение о мышлении*, его общечеловеческих формах и принципах, законах последовательного и доказательного чередования мыслей при точном обсуждении любой проблемы. Короче говоря, логику интересует правильное мышление (о чем бы то ни было), процедуры проверки этой самой правильности наших размышлений (на любые темы).

Методология (греч. «metodos» — *путь*, имеется в виду — *исследования*, порядок совершения умственных и практических действий) — учение об эффективных приемах работы, принципах рациональной деятельности учёного и профессионала-практика.

Социология (лат. «societas» — «общество») — *объяснение* законов развития и устройства *общества*, путей всемирной истории человечества.

Аксиология (греч. «axia» — «ценность») — трактует *понятие ценностей* жизни и культуры, процедуры оценки значимых для человека явлений и событий (полезных, вредных или нейтральных).

Этика (греч. «ethos» — нрав, обычаи) — *учение о морали*, т.е. правилах поведения людей, счастье и долге человека, его обязанностях по отношению к обществу, государству, своим ближним и к себе самому.

Кроме общечеловеческой морали, существуют ее многообразные модификации применительно к тем или иным группам людей и их практикам. Так, различаются этикет аристократии и обычаи трудового люда, этика предпринимательства и этика медицины, корпоративная этика и этический кодекс отдельной личности.

Медицинская этика со времён Гиппократов постулирует важнейшие принципы гуманного врачевания — постоянную готовность прийти на помощь больному, не вредить пациенту, соблюдать врачебную тайну, проявлять коллегиальность с другими медиками, не совершать эвтанази, почитать своих учителей в искусстве борьбы с болезнями. *Деонтология* (de — повелительная частица +ontos — бытие, в сумме — как должно) — правила поведения на работе всего медицинского персонала конкретизируют клятву Гиппократов применительно к отдельным категориям медиков (доктора, фельдшеры, медицинские сёстры, фармацевты, все прочие) и, главное, направлениям врачевания (своя деонтология у хирургов, своя у педиатров, или, допустим, провизоров; и так далее). Среди основных разделов деонтологического регулирования — внешний вид, интонации речи, выражение лица, мимика и жесты, прочие манеры, правила поведения медика на рабочем месте. А главное — воля к победе над болезнями, оптимистический настрой в общении с коллегами и пациентами.

Достижения современной науки и технологии потребовали активизации этических решений для врачей и остальных медиков. Во второй половине XX столетия появилась новая — *биомедицинская этика*. Она, помимо вечных проблем жизни и смерти, здоровья и болезни, материнства и детства, старения и долголетия, рассматривает также проблемы (их социальные и психологические аспекты), как трансплантации органов человеческого организма; перемены пола; клонирования растений, животных и человека; наследственности и генетических заболеваний; суицида (самоубийства) и наркоманий; аборт и контрацепции, искусственного оплодотворения и суррогатного материнства; эвтаназии; хосписов; многие тому подобные. Все они не имеют однозначных решений в принципе, и тем более применительно к отдельным пациентам; должны обсуждаться не случайным консилиумом узких специалистов, но экспертными советами. В них на паритетных началах представлены представители медицины, церкви, государства (юристы, полицейские), общественности.

Эстетика (греч. «aisthethicos» — ощущение, чувство) — *учение о канонах красоты, формах её освоения и творчества, прежде всего в искусстве.*

Теология или же по-русски *богословие* обосновывает идею Бога и веру в него; анализирует аргументы сторонников и противников религии, пути её исторического развития и роль в современном обществе.

Антропология (греч. «antropos» — «человек») как теоретическая или же социальная дисциплина синтезирует представления о природе и назначении человека, его месте в мире, смыслах жизни и смерти.

За последнее время от философии «отпочковался» целый ряд наук, до недавнего времени даже преподававшихся на философских факультетах. Они сохраняют наиболее тесные связи с философией. Это *психология, культурология, политология, математическая логика, науковедение, праксеология* и некоторые другие.

Все «большие» науки делятся на различные по тематике дисциплины, направления, разделы. Намеченная только что дисциплинарная структура философии более условна, чем в физике или математике. Большинство философских трактатов чем дальше, чем больше писалось на стыке отдельных из прежних тематичностей. Скажем, онтологии и антропологии, этики и эстетики, т.д. Ещё больше тематической гибридизации у философских субдисциплин с другими науками, гуманитарными и даже естественными. Дальше в этих лекциях речь пойдет о социобиологии, биоэтике, этологии и других, по сути междисциплинарных отраслях знания. Всё это закономерный процесс углубления теоретического познания.

Философия и медицина связаны между собой издавна, но неоднозначно. Первая представляет собой наиболее абстрактное, отвлечённое от всех частных знаний; вторая — знание наиболее практичное, безусловным условием которого выступает сохранение жизни и здоровья людей. Философствуют мысленно, в голове. Путь философии от мыслей к поступкам проследить очень трудно. А для медика не меньше, если не больше знаний важны умения приме-

нить их к организму данного пациента. В хирургии умелые руки вообще важнее умной головы. Тем не менее, философов всегда интересовал человек, природные и социальные условия его жизни и деятельности, которые во многом и обеспечиваются медициной. Со своей стороны врачи и провизоры в разные исторические эпохи вдохновлялись представлениями и природе, социуме и человеке, которые высказывали философы. Тут возникает *тема культурно-исторической связи философии и медицины*.

В отдельные периоды развития цивилизации и в отдельных регионах Земли философские системы прямо или косвенно предопределяли статус медицинского знания. Таковы, скажем, *врачебные и аптечные традиции Востока*. Они с древнейших времён и до сих пор представляют собой какую-то смесь мифологии, философии и медицины. Роскошная и предельно опасная для жизни природа тропических широт Азии и Африки предопределила особенности политического устройства и вообще культуры. *Восточная традиция* интуиции и фатализма, ощущения случайности и непредсказуемости отдельной жизни предопределили системную заботу о теле, пока оно здорово, и смирение перед всепоглощающей смертью. Восточный человек ощущает себя песчинкой в океане мироздания. Каждый — раб случая да стихии. Восточные владыки поработали целые народы, и время от времени уничтожали их поголовно. Перед фараоном, раджей, ханом все подданные падали ниц. Восточные единоборства («пустая рука») как-то компенсировали оружие, отобранное у большинства населения.

Европейская традиция врачевания на своём старте в античности также пошла по пути, указанному философией, но другой по духу, нежели восточная — мудростью разумной, с опорой на знания и предметные действия по их реализации. «Человек — слуга и хозяин природы» (Френсис Бэкон). Отрицание смерти обусловило борьбу за жизнь до конца и во что бы то ни стало. Жизнь каждого человека на Западе уникальна. Русский смерд или английский йомен приветствовали своего князя или лорда кивком головы, держась за рукоятку ножа или меча. «Даже кошка имеет право смотреть на короля», гласит английская пословица. Не мифологические фантазии, а изучение анатомии и физиологии человеческого организма легло в итоге в основу западной медицины, правда, уже в Новое время. Хотя за попытки анатомизировать трупы католическая инквизиция наказывала слишком любознательных еще в Средние века.

Таким образом, философия разных стран и народов выясняла и обосновывала общие установки соответствующих культур, которые, в свою очередь, так или иначе определяли идеи и направления, завоевания и пределы той или иной медицинской школы. Философские идеи как бы витали над устройствами больниц, ассортиментом аптек, представлениями врачей и пациентов о здоровье и болезни, жизни и смерти.

Китайская медицина базируется на принципе организмического натурализма — представлении о нерасчленённости тела и духа, целостности организма и его природного окружения. Организм при этом воображается функционально — как микромодель природы, с направленными потоками энергии (Ци).

Направления её движения — «каналы», «меридианы» — представляют собой выдуманные «органы» и «системы», как-то причудливо сочетающие в нашем воображении реальные сердце, печень, почки и т.д. Задача медицины — обеспечить равномерное движение энергии по этим каналам; болезнь выражается в затруднении такого движения. Отсюда методы профилактики и лечения: иглоукалывание, прижигание, точечный массаж, лекарственные настои (из минералов, органов экзотических животных, растений). Цель всех этих причудливых манипуляций — поддержать нормальное функционирование организма.

Индийская медицина ещё того пуще исходила из того, что наше тело способно, если оно здорово, воспринимать вибрации Вселенной. Ведь мы — маленькая, но часть космоса, всей природы. Позы хатха-йоги представляют собой микромоделли этих состояний космоса, направленные на его гармонизацию. Медицинская часть древнеиндийских религиозных текстов — Аюрведа постулирует такие состояния организма, каковы *карма* — запрограммированному кем-то и где-то в космосе перемене состояний организма; *мокша* освобождение от нежелательных перерождений. Здоровье — синоним хорошей кармы, как в прошлой, так и в нынешней жизни; болезнь — закономерное следствие плохого поведения в прошлых жизнях. Главное условие лечения — достижение полного контроля над умом (*манасом*). Главное для индусского врачевания — ментальная регуляция телесных состояний (отсюда несколько упрощённая европейскими психологами аутогенная тренировка).

В целом *медицинская традиция Востока* впитала в себя мифологические, мистические представления; культивировала целостный подход к пациенту; опиралась на психофизиологические эффект внушения. Медикаментозные и даже зачаточные хирургические представления оставались, по сути, на магической стадии — заклинаний и жертвоприношений неким духам. Тут перед нами издревле и до сих пор так называемая народная медицина, только усложнённая и укрупнённая за счет нескольких тысячелетий поисков лучших снадобий и процедур. Как в любой традиционной системе врачевания, рациональные приёмы лечения (травы, минералы, мануальные действия и т.п.) сочетались с фетишизмом (запахов, драгоценных камней, медитации).

Насколько эффективны восточные варианты медицины? Когда человек в основном здоров, все эти гимнастики на свежем воздухе да омовения вреда ему не причинят. Когда хроническая болезнь неуклонно пожирает организм, экзотические снадобья чуть-чуть отвлекут наше внимание от скорого конца. В некоторых случаях, они же совпадут (обусловят?) редкостную с таким диагнозом ремиссию заболевания. Восточная медицина носит сегодня скорее музейный, так сказать туристический характер — для представителей иных цивилизаций, а для самих азиатов, африканцев, полинезийцев и прочих обитателей «третьего мира» — их этническую традицию проведения досуга.

Одни восточные методики более реалистичны, хотя и загадочны (например, акупунктура, физиологически не вполне ясная, но порой результативная); другие — откровенно дикие, заведомо шарлатанские (вроде филиппинских хи-

леров, якобы осуществляющих полостные операции голыми руками без анестезии, что очевидно невозможно для всякого здравомыслящего человека). Надо отдать должное восточным вариантам медицины — они уделяют куда большее внимание сохранению здоровья, предотвращению болезни, чем наши европейские лекари, ориентирующиеся главным образом уже на патологию организма.

Магистральный путь развития реальной медицины находился не на Востоке, а на Западе. В эпоху рождения современного естествознания, промышленно-технического переворота в составе нового — индустриального общества оформлялась и *научная медицина*. В её основе точное знание анатомии и физиологии человека. С этого невыдуманного, а объективно установленного плацдарма можно было качественно усовершенствовать весь арсенал врачевания, и консервативного, и оперативного, и профилактического. Постепенно были установлены истинные причины большинства классов заболеваний — врождённых, инфекционных, травматологических, экологических. Философский принцип системности, целостности всего сущего предопределил торжество мультифакториального, резонансного объяснения причин заболеваний. В большинстве случаев на появление и течение болезни влияет сумма нескольких патогенных факторов, среди которых возможна действующая причина и помогающие ей условия.

Такие взгляды на человека и его организм позволили разработать соответствующий арсенал лекарственных препаратов, медицинских инструментов, врачебных процедур. Не сразу, но по меркам мировой истории довольно быстро, западная медицина в союзе с естественными науками навсегда покончили со страшными эпидемиями, уносившими жизни половины европейцев; в разы уменьшилась смертность от большинства остальных хронических недугов, начиная с ишемии, онкологии. Средний возраст жизни за последние три-четыре века в странах с западным образом жизни вырос раза в два. Наконец, были установлены и внешние факторы здоровья и болезней — генетические, экологические, социальные. Поэтому современная научная медицина — европейская, в целом западная. Представители Китая, Индии, Малайзии и других азиатских, африканских, латиноамериканских стран сегодня предпочитают получать медицинское образование в США, а кто победнее — в России. Напротив, лекарям восточных школ (тибетской, филиппинской) доверяют наиболее тёмные и отчаявшиеся пациенты-европейцы. Образно говоря, рукопожатие победило поясные поклоны при встрече представителей разных культурных миров.

Замечательные успехи нашей медицинской традиции не означают, понятное дело, отсутствия недостатков и глобальных проблем в этой же самой связи. Отдельные недуги, типа рака или в особенности СПИДа, до сих пор не имеют радикального, а главное, — экономически приемлемого лечения. Грядут новые, неизвестные инфекции ураганного распространения вроде атипичного гриппа или следующих версий гепатита. Более того, сами успехи западной медицины с неизбежностью вызвали к жизни новые и серьёзные проблемы медицинского характера. Увеличение возраста жизни, причём полноценной, активной выявило

целый ряд тяжелейших заболеваний пожилого возраста (типа болезней Паркинсона, Альцгеймера), до которых наши предки в своём огромном большинстве просто не доживали.

Возвращаясь к философии медицины вообще, перейдём к современным её возможностям, можно отметить несколько уровней её тематики:

- *биолого-органический* — общие представления о человеческом теле, принципах его жизнедеятельности, норме и патологии его существования;
- *методологический* — классификация методов изучения и врачевания болезней, поддержания здоровья;
- *теоретико-познавательный* (гносеологический) — определение специфики клинического мышления врача; каталог и пути профилактики врачебных ошибок; идея *ятрогении* — речевого, языкового компонента сложного процесса врачевания недугов и охраны здоровья.
- *теоретико-категориальный* — исходные, «каркасные» категории и принципы врачебной и профилактической деятельности (вроде «нормы и «патологии»; «здоровья и болезни»; гуманизма, информированного согласия (пациента на лечение); социальной справедливости при распределении медицинских услуг; т.п.).

Все эти аспекты философской теории и методологии медицины, надо признать, больше интересны философам, вообще гуманитариям, в лучшем случае историкам медицины, а вовсе не врачам и прочим медикам. Тем, по большому счёту, для успешной практики не требуется даже менее общей теории, чем философско-методологическая. Биологи, патофизиологи, гистологи, инфекционисты и многие другие представители современного естествознания передают свои знания специалистам по технологии и инженерии, чтобы те конструировали новые лекарственные препараты и методики оздоровления. Представители практической медицины получают эти средства борьбы с болезнями, за здоровье пациентов в готовом виде, а дальше всё зависит от факторов по сути вненаучных, а именно — искусства, таланта доктора; организационной культуре медицинского персонала; личностных качеств пациентов; общественных условий развития здравоохранения и медицины; наконец. просто вездесущего случая, личной удачливости больного или здорового человека. Медицина впитала в себя достижения многих наук, но сама как таковая наукой ещё не стала, поскольку не выработаны комплексные теории заболеваний, где бы сочетались данные об основных уровнях патологии (физико-химическом, нейробиологическом, экологическом и т.д.) и, тем более, способах её предупреждения и исцеления.

Поскольку единой науки медицины пока достигнуто даже на самом передовом Западе, то «философия медицины» — понятие скорее учебное, историко-научное, а не актуально-содержательное. Работы по философии медицины читают философы, в лучшем случае, преподаватели медицинского и фармацевтического факультетов, а не сами врачи или провизоры. Медицина тут не исключение, а скорее правило. Школьные учителя воспринимают некую методику

уроков, а вовсе не общие курсы педагогики — воплощение никому не нужной схоластики. А много ли решает теория в спорте или же в военном деле? Что-то решает на уровне разработки стратегии, высшего командования. Но ход борьбы чаще всего зависит не от теории, а от совсем других факторов. Так и медицина остаётся сложной, наукоёмкой практикой, а не областью отвлечённого философствования.

Но гигантское усложнение, катастрофизация жизни в мире в новейший период его истории выдвинули ещё одну отрасль знания и практики, которую вполне возможно отнести к философии медицины. Это *биомедицинская этика*. Об этом предмете будущим врачам и провизорам расскажут не раз за период их обучения. В одной из лекций по философии мы тоже вернёмся к её анализу. Пока попробуем передать суть соответствующей проблематики, потому что именно она сегодня претендует на гордое звание философии медицины. Насколько обоснованно?

Все отмеченные как философские аспекты медицины мы постараемся еще раз поподробнее рассмотреть по каждой из следующих тем учебного курса философии.

* * *

Как видно, философия и похожа, и непохожа на остальные дисциплины, привычные по средней школе и факультету школы высшей. Философия то отчуждается от практики, от злобы дня, чтобы воспарить в вечные сферы абстракций, то погружается в житейское «болото», дабы извлечь из него перлы нравственности или шедевры эстетического вкуса. Настоящий профессионал (те же врач или провизор), могут успешно трудиться на своем рабочем посту всю жизнь и ни разу не вспомнить о философии. Но культурный человек не исключит из круга своего чтения на досуге тексты, если не прямо философские, то философичные по своей глубине и серьезности. Так или иначе задуматься о вечном, то есть именно пофилософствовать, придётся всякому. Лучше делать это с оглядкой на опыт великих мудрецов своего народа и остального человечества — знаменитых философов. Их книги переведены на ваш язык, они всегда продаются в книжных магазинах любого города, ими же забиты интернет-библиотеки.

Из того, что сказано о философии только что, вытекают немаловажные выводы методического свойства. И по этому предмету надо усваивать — по лекциям, учебникам, словарям и журналам — определённую сумму знаний. Без этого не обойтись, потому что умножение на нуль ничего не даёт, и нельзя строить на песке. Но заученной информации здесь будет мало. Философия — не столько результат, сколько процесс — поиска, рождения самостоятельной мысли. Поэтому, опираясь на знания, придётся учиться думать самому и рассу-

ждать вслух («Философия — это сознание вслух», согласно Мерабу Мамардашвили), спокойно и обдуманно спорить друг с другом и с преподавателем. Главное — приобрести навык и вкус к обсуждению достаточно отвлечённых (от сиюминутных забот жизни), но важных в принципе, в конечном счёте, проблем.

При этом последнем условии можно будет забыть всё или почти всё из того, о чем говорилось в вашем присутствии на лекциях и семинарских занятиях по философии (только после сдачи соответствующего экзамена, разумеется), но сохранить за собой *право на самостоятельное честное мышление*. И уважение к такому же праву другого человека. Вот это, в конечном счёте, и есть философия.

Приложение

Платон. Пир.

... Все сошлись на том, чтобы на сегодняшнем пиру допьяна не напиваться, а пить просто так, для своего удовольствия. ... Сократ начал примерно так: ... я попытаюсь передать вам речь об Эроте, которую услышал некогда от одной чужестранки, Диотимы, женщины очень сведущей и в этом, и во многом другом... Он находится посередине между мудростью и невежеством, и вот почему. Из богов никто не занимается философией и не желает быть мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще, тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Но не занимаются философией и не желают стать мудрыми опять-таки и невежды. Ведь тем-то и скверно невежество, что человек ни прекрасный, ни совершенный, ни умный вполне доволен собой. ... Философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой. ... Всякий переход из небытия в бытие, — это творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей — их творцами.

— Совершенно верно, согласился я. — Однако, продолжала она, — ты знаешь, что они не называются ни творцами, ни поэтами, а именуются иначе, ибо из всех видов творчества выделена одна область — область музыки и стихотворных размеров, к которым и принято относить название общего этого понятия. Поэзией называется только она, а поэтами только те, кто в ней подвизается.

— Совершенно верно, — согласился я.

Так же обстоит дело и с любовью. По сути, всякое желание счастья и блага — это для всякого великая и коварная любовь. Однако о тех, кто предан таким ее видам, как корыстолюбие, любовь к телесным упражнениям, любовь к мудрости, не говорят, что они любят или влюблены, — только к тем, кто занят и увлечен одним лишь определенным видом любви, относят названия общих понятий «любовь», «любить» и «влюблённые».

— Пожалуй, это правда, — сказал я.

— Некоторые утверждают, — продолжала она, — что любить — значит искать свою половину. А я утверждаю, что ни половина, ни целое не вызовет любви, если не представляет собой, друг мой, какого-то блага. ... Дело в том, Сократ, — продолжала она, что все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном.

... Тут поднялся страшный шум, и пить уже пришлось без всякого порядка, вино полилось рекой. Эриксимах, Федр и некоторые другие ушли, по словам Аристодема домой, а сам он уснул и проспал очень долго... Проснулся он на рассвете, когда уже пели петухи, а

проснувшись, увидел, что ... бодрствуют ещё только Агафон, Аристофан и Сократ, которые пьют из большой чаши, передавая её по кругу слева направо, причём Сократ ведёт с ними беседу. ... Их клонило ко сну, и сперва уснул Аристофан, а потом, когда уже совсем рассвело, Агафон. Сократ же, оставив их спящими, встал и ушёл... Придя в Ликей и умывшись, Сократ провёл остальную часть дня обычным образом, а к вечеру отправился домой отдохнуть.

Пер. С. Анта.

Вопросы для обсуждения текста

Как философствовали древние эллины? Повлиял ли их стиль жизни и мысли на достижения древнегреческой науки и культуры?

Почему пиршество располагает к философствованию?

Философствовать лучше наедине с вечностью или в кругу друзей? Диалог или монолог нужнее для философии?

Философ — это хобби или профессия, призвание или нечто врождённое?

Как сочетаются чувство собственного достоинства (самодовольство?), скромность и философия?

Вопросы для повторения раздела I

Чем миф отличается от логоса как философского понятия?

Приведите конкретные примеры мифологии из мира современной политики.

Какие произведения фантастической литературы вы читали? Они экранизированы? Оцените качество этих романов и фильмов.

Есть ли у вас любимые сказки? Если да, то оцените их литературные достоинства. Ваш любимый сказочный персонаж. Обоснуйте ваш выбор.

Каково отношение магии и науки? В чём их схожесть, а в чём разница?

Чем сильны и в чём бессильны представители медицинского оккультизма, народные знахари? Чему у них могли бы поучиться многие дипломированные врачи и провизоры? Почему нельзя разрешать любым целителям заниматься врачебной практикой официально?

Почему в одних странах древнего мира философия возникала (кстати сказать, где именно?), а в других (например, в Египте) нет?

Можно ли отнести Гиппократу к числу античных философов?

Помогает или вредит врачу и его пациентам вера в Бога? Могут ли плодотворно сотрудничать верующие и неверующие медики?

З. Фрейд определял религию как «горько-сладкий яд», своего рода культурный невроз. Можно ли согласиться с этими оценками? Обоснуйте своё согласие или отрицание.

Какие из разделов философии оказывают наибольшее влияние на теорию и практику медицины и фармации?

В каком возрасте лучше изучать философию?

Среди ваших знакомых можно кого-то назвать философом? Если да, то за что?

Какие философы пользуются наибольшей популярностью среди современной молодёжи и почему?

Что дает философия для формирования профессионального мышления медика?

Дайте определение следующих понятий, базовых для первого раздела учебного курса философии:

- мифология;
- религия;

- философия;
- метафизика;
- идеология;
- Бог;
- мудрость;
- рефлексия;
- антропоморфизм;
- анимизм;
- магия;
- оккультизм;
- свобода совести;
- абстракция;
- свободомыслие;
- гуманизм.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ОНТОЛОГИЯ

IV. ПРИРОДА И ЭКОЛОГИЯ

Теоретический минимум

1. Философская онтология и её основные понятия:

- бытие;
- природа;
- материя,
- субстанция,
- Вселенная,
- галактика,
- мир.

Их значение для научного мировоззрения, методологии медицины и фармации.

2. Мартин Хайдеггер (1889–1976) о разновидностях бытия.

3. Онтологический статус земной жизни — биофилософские вопросы:

- особенности живой природы;
- гипотезы о возникновении жизни на Земле;
- споры вокруг эволюционной теории;
- концепции будущего земной жизни: В.И. Вернадского о био- и ноосфере; И.С. Шкловского об уникальности и финализме жизни во Вселенной.

4. Человек и природа. Глобальные проблемы современного человечества:

- перечень и критерии глобальных проблем;
- этапы развития экологии как науки; экологическая проблема на практике и её основные аспекты;
- региональные и мировые проекты улучшения экологической обстановки;
- польза и вред от экологической идеологии и практики, в том числе в области медицины и здравоохранения.

Литература

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. I. Бытие и человеческое существование).

Введение в философию. М., 2003 (Разд. II. Гл. 1 «Бытие»; гл. 3. «Природа»).

Ермакова Е.Е. Философия. М., 2004 (Гл. II «Философия о мироустройстве, или онтология»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., пераб., доп. М., 2011 (Гл. 9 «Учение о бытии»).

Азимов А. Марс. Луна. Галактики. Звезды. Солнце. Занимательная астрономия / Пер. с англ. М., 2003.

Ахутин А.В. Понятие «природа» в Античности и в Новое время. М., 1988.

Биофилософия. М., 1997.

Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998.

Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской традиции. М., 1986.

Еськов К. Удивительная палеонтология. История Земли и жизни на ней. М., 2010.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

Винер Д.Р. Экологическая идеология без мифов // Вопросы философии. 1995. № 5.

Громов А.Н. Удивительная солнечная система. М., 2012 (Популярная наука)

Индык В.И. Стационарная и динамическая Вселенная (Новая космологическая теория). М., 2007.

Ичас М. О природе живого: механизмы и смысл / Пер. с англ. М., 1994.

Карпинский Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., 1995.

Лосев К.С. Мифы и заблуждения в экологии. 2-е изд., доп. М., 2011.

Кларк Д.П. Микробы, гены и цивилизация / Пер. с англ. М., 2011.

Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М., 2010.

Марков Б.В., Солонин Ю.Н., Шилков Ю.М. Жизнь как предмет философских размышлений // Социально-политический журнал. 1996. № 4.

Миллс С. Теория эволюции. История возникновения, основные положения, доводы сторонников и противников / Пер. с англ. М., 2008.

Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: тридцать лет спустя / Пер. с англ. 3-е изд. М., 2012.

Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990.

Новиков Г.А. Очерки истории экологии животных. Л., 1980.

Основы онтологии. СПб., 1997.

Очерки по истории экологии. М., 1970.

Плотников В.И. Онтология. Хрестоматия. М. – Екатеринбург, 2004.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. М., 1986.

Развитие представлений В.И. Вернадского о ноосфере. М., 1991.

Римский клуб. Декларация. Миссия // Вопросы философии. 1995. № 3.

Рубин С. Устройство нашей вселенной. М., 2010.

Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993.

Родионова И.А. Глобальные проблемы человечества. М., 1995.

Русский космизм и современность. М., 1990.

Смил В. Глобальные катастрофы и тренды: следующие пятьдесят лет / Пер. с англ. М., 2012.

Снакин В.В. Экология и природопользование в России. Энциклопедический словарь. М., 2008.

Сорос Дж. Эпоха ошибок. Мир на пороге глобального кризиса / Пер. с англ. М., 2008.

Тугаринов В.П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978.

Турчин А. Война и ещё 25 сценариев конца света. М., 2008.

Фёдоров Н.Ф. Собр. соч. в 4-х тт. М., 1995–1998.

Фёдоров В.М. Н.В. Тимофеев-Ресовский. Биосферные раздумья. М., 1996.

Франк-Каменецкий М. Королева живой клетки: от структуры ДНК к биотехнологической революции. М., 2010 (Наука и мир).

Хёсле В. Философия и экология / Пер. с нем. М., 1994.

Швебс И.С. Идея ноосферы и социальная экология // Вопросы философии. 1995. № 5.

Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. 5-е изд. М., 1988.

Шубин Н. Внутренняя рыба. История человеческого тела с древнейших времён до наших дней / Пер. с англ. М., 2010.

Циммер К. Эволюция: триумф идеи / Пер. с англ. М., 2012.

Циолковский К.Э. Собр. соч. Т. I–IV. М., 1951–1964.

Человек, космос, эволюция (Традиции русской религиозной философии и современность). М., 1992.

Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976.

Экологическая проблема и пути ее решения. М., 1987.

Экология, этика, религия // Вопросы философии. 1995. № 3.

Эстетика природы. М., 1994.

Тематика рефератов

Онтологии как философская дисциплина: основные проблемы, исторические формы.

Бытие природы и бытие человека: общее и особенное.

Бытие и небытие: соотношение понятий.

Бытие, природа и человек: варианты первоначал.

Наука и религия о бытии мира и человека.

Философия русского космизма: нелепость или прозрение?

Теория ноосферы и возможности её проверки. Мода на ноосферу и критика этой идеи.

«Грёзы о Земле и небе» К.Э. Циолковского: между гениальным прогнозом развития космонавтики и пустой мистикой теософии и оккультизма.

«Земное эхо космических бурь»: версия А.Л. Чижевского (1897–1964) и её философские и биолого-медицинские оценки.

Н.В. Тимофеев-Ресовский и его уроки экологической генетики.

Гипотезы о возникновении живой материи в современном естествознании.

Роль христианской религии в становлении естествознания.

Естествознание и религия: противоречия и диалог.

Дебаты вокруг антропного принципа в естествознании.

Новые открытия и гипотезы в космологии и астрофизике.

Верующие и неверующие естествоиспытатели: разные уроки.

Природный заповедник — эксперимент по сохранению среды обитания человечества.

Злоупотребления экологией в России и за рубежом.

Экологические аспекты медицины и фармации.

Экологические факторы массовых заболеваний человечества.

Экология и лекарства.

Текстологический практикум

Животные — спутники человека в творчестве писателей-анималистов

1. Записки натуралиста как жанр художественной литературы. Его идейные основы и эмоциональные краски.
2. Звери, птицы и рыбы — объект охоты и приручения, изучения и понимания. Этология — наука о поведении высших животных.
3. Практическая экология повседневной жизни людей: борьба с живой природой и помощь ей.
4. Эстетическое восприятие природы, его воспитательное и технологическое значение.

Литература

Дж. Даррел. Юбилей ковчега. М., 1996. А также любые издания его книг: Перегруженный ковчег; Под пологом пьяного леса; Моя семья и другие звери; Птицы, звери и родственники; Гончие Бафута; Три билета до Эдвенчер; Зоопарк в моём багаже; Поместье — зверинец; Земля шорохов; Путь кенгурёнка; Поймайте мне колобуса; По всему свету; Сад богов; Только звери; Пикник и прочие безобразия; Золотые крыланы и розовые голуби; Натуралист на мушке или Групповой портрет с природой; Ковчег на острове; Новый Ной; Звери в моей постели; Розы — моя родня; Филе из палтуса; Ай-ай и я.

Дж. Хэрриот. О всех созданиях — больших и малых. М., 1995. Разные издания остальных его книг: О всех созданиях — прекрасных и удивительных; И все они — создания природы (в англоязычном оригинале названия — Бога); Из воспоминаний сельского ветеринара; Среди йоркширских холмов; Собачьи истории.

К. Лоренц. Человек находит друга. Кольцо царя Соломона. М., 1995; Его же. Год серого гуся. М., 1981; Его же. Обратная сторона зеркала. М., 1998.

Э. Сетон-Томсон. Рассказы о животных (Разные издания); Дикие животные, которых я знал; Жизнь тех, на кого охотятся; Биография гризли; Книга о лесе; Жизнь диких животных; другие его книги.

Дж. Лондон. Белый клык; Джерри островитянин; Майкл — брат Джерри; рассказы о Севере (любые издания).

Ф. Моуэт. Не кричи, волки! М., 1978.

С.Т. Аксаков. Записки об ужении рыбы; Записки ружейного охотника Оренбургской губернии; Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах; Статьи об охоте // Собр. соч. Т. 4. М., 1956 (и другие издания).

Л.П. Сабанеев. Рыбы России. Охотничьи звери. Охотничьи собаки. Охотничий календарь. М., 1995–1996 (и предыдущие издания).

А.Н. Формозов. Среди природы. М., 1985; Спутник следопыта (8 изданий).

Г.Н. Владимов. Верный Руслан (история караульной собаки) // Знамя. 1989 (и несколько отдельных изданий).

Конспект

Онтология — исторически и логически первый раздел любой мало-мальски систематической философии. Этот её раздел стремится выявить первоначала всего сущего, дать окружающей человека действительности *предельно общие определения*. По сути, это прежде всего *философия природы* или же на-

турфилософия (в том числе природных начал человека, его телесного существования и природной среды жизни общества).

Именно вопросы онтологии в наибольшей степени воплощают те особенности и задачи философии, о которых говорилось в предыдущей лекции. Первые — древнегреческие мудрецы потому и стали философами, что поставили перед собой проблему бытия как такового и его первоначал. На повседневный, наивный взгляд, мир состоит из бесконечно разных вещей, которые постоянно изменяются. Поверхностные и случайные картинки окружающей среды обитания сменяются в сознании обывателя с быстротой и бесконечностью игрушечного калейдоскопа, перемежаясь глубинными желаниями, переживаниями личности да словесными играми с близкими людьми. Для элементарного выживания этого достаточно. Уловить какие-то постоянные и универсальные моменты в окружающей реальности органам чувств и здравому смыслу необразованного человека никак не дано. Обыденная картина окружающей реальности не имеет никакого отношения к научно-философской модели мира в целом.

Вот смешной, но показательный для их разницы диалог из самого знаменитого произведения Александра Исаевича Солженицына.

«Отпыхался Шухов пока, оглянулся — а месяц-то, батюшка, нахмурился багрово, уж на небо весь вылез. И ущербляться, кесь, чуть начал. Вчера об эту пору выше много он стоял.

Шухову весело, что всё гладко сошло, кавторанга под бок бьёт и закидывает:

— Слышь, кавторанг, а по науке вашей — старый месяц куда потом девается?

— Как куда? Невежество! Просто не виден!

— Шухов головой крутит, смеётся:

— Так если не виден — откуда ж ты знаешь, что он есть?

— Так что ж, по-твоему, — дивится капитан, — каждый месяц луна новая?

— А что чудного? Люди вон что ни день рождаются, так месяцу раз в четыре недели можно?

— Тьфу, — плюнул капитан, — Ещё ни одного такого дурного матроса не встречал. Так куда ж старый девается? ...

Шухов вздохнул и поведал, шепелявя чуть:

— У нас так говорили: старый месяц Бог на звёзды крошит.

— Вот дикари! — Капитан смеётся. — Никогда не слыхал! Так ты что ж, в Бога веришь, Шухов?

— А то, удивился Шухов. — Как громыхнёт — пойдёшь не поверь!

— А зачем это Бог делает?

— Чего?

— Месяц на звёзды крошит — зачем?

— Ну, чего не понять! — Шухов пожал плечами. — Звёзды-то от времени падают, пополнять нужно».

Вспомним антропоморфную логику мифа (представленную в сказочных пластах шуховского сознания), поймём ещё раз её донаучную закономерность. Растить хлеб, разводить скот, заниматься всеми прочими сельскими промыслами мудрый и ловкий крестьянин типа Шухова вполне может. А вот водить по морю стальные корабли, строить их, вооружать на современный манер способны только учёные инженеры и судоводители вроде капитана второго ранга Буйновского (Его реальный прототип служил до ареста капитаном известного крейсера «Аврора»). Наука и техника сообщила им адекватную картину мира.

Кроме пёстрого калейдоскопа чувственных впечатлений, человеческий ум улавливает некий порядок в жизни и природе. Окружающий мир моментами хаотичен, но ещё чаще упорядочен — день всегда сменяется ночью; всё живое рождается, чтобы рано или поздно умереть; и прочее, и прочее в определённом порядке. Но правил такого порядка не зафиксировать органами чувств, их можно постичь только умом. Учёные открывают *законы природы — устойчивые и всеобщие связи её явлений*. Химические реакции, физические процессы, биологические явления подчиняются этим законам и принципам. Если рассуждать таким образом, мы логично придём к мысли о некоем общем законе всех законов, правиле всех правил. Искомая базовая структура бытия должна скрываться за бесконечной массой предметов и ситуаций, и определять их внутреннюю логику. Древние греки называли незримую, но умопостигаемую структуру всего сущего *архэ* — первоначало. Потом её же именовали по-латыни *материей* — (перво)веществом. После всех попыток конкретизировать идею первоначала в виде отдельных параметров природы — атомов, корпускул, элементарных частиц и их составляющих (вроде кварков), энергии, натурфилософская мысль вернула в центр натурфилософии *понятие бытия* — наиболее точная абстракция всего сущего.

Бытие, во-первых, *охватывает собой всё* то, что существует на самом деле, вне желаний и фантазий людей; оно *тотально*.

Во-вторых, *бытие обуславливает порядок* всех без исключения вещей и процессов, вмещает в себя законы их существования и исчезновения. Отдельные вещи появляются, меняются и исчезают, а бытие как таковое — вечно и неизменно, *целостно*. Этот вывод сформулировал уже древнегреческий мыслитель Парменид: «Бытие есть, а небытия нет», ибо его не помыслишь. Мыслить возможно о чём-то сущем, хотя бы в нашем воображении. Невозможно быть существующим только отчасти, сам факт существования чего угодно не может быть поделён.

В-третьих, *бытие* носит *отвлечённый* от любой конкретики, сугубо *умозрительный характер*. Его нельзя увидеть, потрогать, иначе ощутить; возможно мыслить бытие как предельную по масштабу абстракцию.

Наиболее глубокое и содержательное рассмотрение бытия предпринял немецкий мыслитель Мартин Хайдеггер (1889–1976).

Постигая мир с помощью абстрактного мышления, философия выводит из понятия бытия целую серию *универсальных понятий*, которые именуются *категориями*. Понятия, вообще говоря, бывают единичными (отдельная личность), общими (к примеру, европейцы, русские, москвичи), даже нулевыми («русалка», «кентавр», «вампир» и т.п.). *Самые общие* понятия для той или иной области знания и называются её категориями (вещество, поле, энергия, валентность и т.п. для естествознания). Понятия философской онтологии не просто общие, но всеобщие, глобальные. Их так или иначе используют все области знания и практики, если желают профессионализироваться и осовремениться.

Основой категориального описания мира является существование мыслящего «я», человеческого сознания, которое только и способно постичь мир в понятиях. Всё, что только существовало, существует или будет существовать во внутреннем и внешнем по отношению к этому «я» мире, логически делится на две сферы. Часть вещей и процессов существует в мире независимо от нас, наших мыслей и воли. Иначе говоря, представляет собой *объективное бытие*. Это внешний индивиду мир природы и социума; а также телесная и общественная организация его бытия в мире. Другая часть мира нам так или иначе подконтрольна — это внутренний мир наших мыслей и желаний, *субъективное бытие*. Вспомним, что примитивное, мифологическое мышление не разделяет объективное и субъективное бытие. Скажем, природная катастрофа воспринимается не как часть естественного хода событий (бифуркация сложной системы), а как чей-то (бога, дьявола) умысел, кара за грехи людские... Научное и техническое мышление разделяет объективное и субъективное в бытии мира, причём осознает их частичную взаимосвязь. Благодаря эффективной практике человеческие желания и планы воплощаются материально. Напротив, законы природы и общества отчасти предопределяют строй наших мыслей и чувств. Граница объективного и субъективного движется (и в фило-, и в онтогенезе; по мере прогресса цивилизации).

Продвигаясь по пути познания внешнего и внутреннего мира, человек осознаёт, что его опыт — и сенсорный, и мысленный — ограничен. Не только индивидуально и в настоящее время, но вообще для человеческого сознания. Эта часть бытия носит в принципе непостижимый — *трансцендентный* характер (дословно с латинского — запредельный, находящийся за границей).

Для религии, богословия трансцендентным объектом выступает бог — его ведь нельзя сравнить ни с чем наглядным, нельзя и сформулировать логически. Эпитеты божества (всемогуший, вечный и т.п.) только озвучивают веру в него.

Для науки трансцендентна вся сфера ещё не познанного с достоверностью (причины некоторых болезней, существование других галактик, отдалённое будущее человечества).

Трансцендентны для философии её понятия, которые в принципе не могут быть даны в нашем опыте, — невозможно представить себе не только, допустим, дружбу, любовь или ненависть *вообще*, но и фрукт, либо шар *как таковые*. Общие сущности возможно понять лишь интеллектом, *умозрительно*, и выразить на особом языке, состоящем из уже упоминавшихся категорий.

Та часть мира, что доступна нашему опыту, носит *имманентный* (находящийся внутри), т.е. в принципе доступный человеческому опыту характер. Не целиком сейчас уже освоенный в непосредственном опыте человечества, но вообще-то, когда-нибудь вполне достижимый (так, вирусная этиология многих заболеваний (онкологических, кардиологических, прочих) когда-то непременно подтвердится, или же опровергнется).

Проделанные выкладки в разницу уровней познания и мышления помогут нам усвоить спектр онтологических категорий.

Начать лучше с природы — в силу предельной частотности использования этого выражения, как в просторечии, так и в языке науки и философии. *Этимология термина «природа»* в большинстве языков — от корня «род», то есть начало, исток, откуда всё появляется, происходит. Сравните греческое слово «phisis» от «phyein» — возникнуть, быть рождённым; латинское «natura» — от «nasci» (то же самое); общеславянское «род», «рід», «ред» — от глагола со значениями «кормить, растить, поднимать» (однокоренные слова «урожай», «родник», «рожа», «рожь», «редька» и тому подобные). Так человек рождён природой в том смысле, что представляет собой её производную частицу и постоянно черпает из неё материально-энергетические ресурсы своего существования.

В термине «природа» сочетаются *несколько понятий*:

- *вся* (до- и внечеловеческая) *реальность* — внешний мир, Вселенная и другие почти синонимы предельно универсального содержания; в этом смысле так называется *совокупность всех без исключения вещей и процессов*, бытие (появление и существование) которых никак не зависит от людей, их воли и их деятельности; абсолютно всё то, что было, есть и будет вне нашего сознания;
- (непосредственно) *окружающая человечество среда* его обитания, неорганическая и живая, так или иначе испытывающая на себе его влияния (ландшафт, доступные недра Земли, атмосфера и гидросфера, климат, флора, фауна в их биоценозах);
- производный от только что отмеченных, но разнопорядковый с ними смысл того же самого слова — *сущность* чего-либо, самое главное в чём бы то ни было от начала до конца его существования (допустим, биохимическая природа / сущность организма, подлая или добрая природа/ сущность плохого или хорошего в моральном плане человека; природа вещей (в смысле их принудительной для нас логики); и так далее).

Понятие бытия шире понятия природы потому, что кроме *объективного бытия природы*, существует другое — *субъективное бытие человеческого духа*. Это область реальности автономна по отношению к природному бытию, но *они тесно взаимосвязаны* и взаимодействуют. Начать с того, что никакой дух невозможен сам по себе, вне своих объективных предпосылок и основ. Простейшая психика животных требует особого уровня развития организмов (достигших мозга и всей ЦНС). Разум мог сформироваться только в стаде двуногих приматов, мутирующих по направлению к речи, труду, повышенной социальности. Произведения духовной культуры в виде мифологии, религии, науки и т.д. требуют определённой организации общественного бытия, которое в свою очередь осваивает экологическую нишу природных ресурсов. С научно-философской точки зрения, объективное бытие первично, а субъективное вторично.

Однако первичность не означает всевластия. Возникнув, духовные явления проявляют свою независимость от природного субстрата. Во-первых, они начинают активно *воздействовать* на него, изменяя некие фрагменты внешнего

бытия до неузнаваемости. Во-вторых, носители субъективно-психического бытия получают возможность информационно *копировать* внешний мир, отражать его особенности так, чтобы использовать полученные данные для своих нужд и целей. Возникает особая — виртуальная, вторичная реальность, которая располагается между объективным и субъективным бытием. В-третьих, с помощью материальных ресурсов они *воспроизводят новое*, искусственное бытие, которое продолжает естественное, природное. Так происходит уже в мире животных с их искусными постройками, а вполне проявляется в условиях общественного бытия людей.

Природа и дух исчерпывают собой всевозможное бытие, за их пределами больше ничего нет (по определению, принятому для данных философских категорий). Дух в виде психики, Разума и его интегральных производных — культуры, цивилизации, с одной стороны, и природа «как совокупность всех вещей, поскольку они могут быть предметом наших чувств и нашего опыта» (И. Кант), с другой, во многом полярны, диаметрально противоположны по способам своего существования, структуре и функциям, но в то же самое время они тесно взаимосвязаны.

Характер их связи по-разному трактуется представителями различных философских и богословских направлений. Только что была изложена трактовка, которую можно назвать научным материализмом. Эта теория получила весомые доказательства лишь лет сто с чем-то назад (когда вслед за физикой и химией современный вид приняли физиология, психология и социология). С материализмом и сегодня далеко не все согласятся, причём как в толпе телезрителей, так и среди членов учёных академий. Кроме материализма в истории культуры возникали и до сих остаются в каких-то пропорциях следующие варианты мировоззрения.

Древнейший и самый живучий *анимизм*, напомним, одухотворяет природу по прямой аналогии с человеком, делает из неё объект поклонения. Для анимиста нет границы, разницы между человеком и природой. Всё бытие воображается духовным, а у духовных явлений ищутся материальные аналоги (так колдун якобы наводит порчу на человека, используя прядь его волос или иную частицу тела, принадлежавшую тому вещь).

Теизм (от греческого theos — Бог) мысленно вырывает пропасть между вечным и всемогущим — божественным Духом и вторичной, низкой природой, которая вся представляет собой лишь тварное осуществление Божественного промысла, его временную кальку. «Вначале было Слово (Логос), и слово было Бог» — торжественно провозглашает Библия.

Объективный идеализм трактует природу как временно скрытый и бессильный Дух. Только с появлением человека и общества Дух достигает высот своего самоопределения.

Пантеизм отождествляет Природу и Бога.

Деизм рассматривает Бога в роли «часовщика»-конструктора природы, чей «механизм» после божественного «завода» идёт сам собой. Это старое

сравнение сейчас точнее заменить на Бога-«программиста», «модератора» всего сущего.

Материализм считает дух порождением природы, венцом её «творения», невозможным, впрочем, без материальной основы.

Субъективный идеализм (солипсизм) признает единственной реальностью субъективный мир ощущений и мыслей отдельной личности; вне души на самом деле якобы ничего не существует. Правда, классик солипсизма, англо-американский епископ Джордж Беркли (1684–1753) оговаривал, что все вещи мира существуют в восприятии Бога и потому реальны и для всех нас, суть отпечатки в нас божественного духа.

Надо признать, что в каждой из этих мировоззренческих позиций, если разобраться, есть определённый резон, с помощью которого поддаются гипотетическому решению те или иные из самых трудных проблем современного естествознания (то есть природоведения). Но наиболее логична и продуктивна *в отношении естествознания* материалистическая позиция. Однако *применительно к вопросам культуры, духовности, человеческой истории* представляется более справедливой точка зрения идеализма или же (в иных случаях) *эклектики, точнее плюрализма*, которые в данном случае как-то сочетают материалистические тезисы с идеалистическими. Ведь в жизни человека и общества материальные факторы движутся душевными, духовными качествами людей. Скажем, на войне побеждает не та армия, чьё вооружение более грозное, а та, чьи солдаты мужественнее.

Медицина, её теория и практика, располагается где-то между естественнонаучным материализмом и мистическим идеализмом. Шансы пациента заболеть, умереть или выздороветь зависят от сложной и не всегда понятной даже после всех анализов пропорции генетического субстрата, экологических условий и духовной стойкости пациента.

Материалистическое понимание природы вовсе не исключает романтики её мысленного соотнесения с человеком, даже её одухотворения нами. Человек всегда черпал из «общения» с природой, дикой и окультуренной, жизненные силы, вдохновение для собственного творчества. Мы отдаём себе отчёт, что скорее всего одиноки во Вселенной, и через какое-то время от Земли как планеты ничего не останется. Мечты о переселении на другие планеты — скорее всего прекраснотрошная утопия. В то же время мы понимаем поэта, написавшего так:

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану.
Обращусь я к друзьям —
Не сочтите, что это в бреду:
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду!

Я шагал напролом,
Никогда я не слыл недотрогой.

Если ранят меня
В справедливых тяжёлых боях,
Забинтуйте мне голову
Русской лесною дорогой
И укройте меня
Одеялом в весенних цветах.

Порошков или капель — не надо.
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
Вот чем стоит лечить.

От морей и от гор
Веет вечностью, веет простором.
Раз увидишь — почувствуешь:
Вечно, ребята, живём!
Не больничным от вас
Ухожу я, друзья, коридором,
Ухожу я, товарищи,
Сказочным Млечным Путём.

Ярослав Смеляков. 1960 г.
(в песенной обработке Ю.И. Визбора).

Следующее из важнейших онтологических понятий — **материя**. В дословном переводе с латинского материя означает «вещество». Так это слово и производные от него выражения и понимаются внефилософским сознанием (материально на первый взгляд то, грубо говоря, обо что можно постучаться, что возможно ощутить, потрогать, измерить, то есть соотнести с самим собой и своим тесным житейским мирком).

Философское определение материи предполагает его сопоставление с понятием природы. Они близки, но не одинаковы. Короче всего сказать так, что *философская категория «материя» выражает внутреннее единство всей природы, её скрытую сущность*; некие основания, объединяющие собой всё бесконечное разнообразие природных явлений. Понятие материи абстрактнее (то есть отвлечённое от всего непосредственно данного *), а потому оно беднее определениями, чем природа. Зато понятие материи глубже понятия природы, которое обнимает собой все возможные проявления объективного бытия.

* Вот наглядный пример абстрактности: «Монумент в честь двух представителей клана Кеннеди в Бостоне пока не появится. Местные власти обвинили скульптора Дэвида Льюиса в «отсутствии вкуса и исторической неточности». Памятник стоимостью в 300 000 тыс. \$ представляет собой две фигуры взрослых мужчин — президента США в 1961–1963 гг. Джона Фицджеральда Кеннеди и его сына Джона Кеннеди, погибшего в 1999 г. в авиакатастрофе. Руководство города смутило то, что в 1963 г., когда убили американского президента, его сын был ребёнком. «Это творение нельзя понимать буквально, но у некоторых есть трудности с абстрактным мышлением» — возмущается Льюис» (Искусство должно быть конкретным // Известия. 2000. 16 сентября. С. 4).

С учётом сказанного, можно предварительно *определить материю как мыслимую нами саму по себе объективную реальность*. Подробнее эта категория разбирается в следующей лекции.

Близко к понятию материи *понятие субстанции* (от латинских слов «sub» — под, в основе + «sto» — стоять, существовать = подоснова, глубинная сущность, сохраняемая при всех возможных изменениях). С материалистической точки зрения эти понятия просто совпадают: *материя есть субстанция природы*. С религиозно-идеалистических же позиций субстанцией бытия выступает Дух и его производные в виде Бога-творца или Мирового разума и тому подобных выражений человеческого сознания.

Структурность природы, тот факт, что она подразделяется на разные по характеру бытия уровни и сферы, выражают такие *онтологические понятия*, как мир, Вселенная (по-гречески космос), Галактика. Они то и дело применяются при изложении проблем разных естественных наук и медицины, а также средствами массовой информации, поэтому лучше их не путать.

Мир в онтологическом смысле — *упорядоченная внутри себя часть материи*, отличающаяся от других её частей-миров типом законов и размерами объектов (есть микро-, макро- и мегамиры; пространство / время за пределами нашей Вселенной организовано в другие миры; мир природный — материальный, а мир человеческой души — идеальный; мир культуры — объективно-субъективный).

Как видно, внешний мир природы каким-то образом соотносится с внутренним миром человека — его душой-психикой и сознанием, коллективной психологией всего общества, больших социальных групп. Так макрокосм природы гармонирует с микрокосмом души.

Космос может не ограничиваться *нашей Галактикой*, то есть Млечным путём (звёздной системой, куда входят Солнце со всеми планетами). Выдвинуты гипотезы о *других галактиках*. Это предположительно тоже звёздные системы различного вида (спиральные, эллиптические, неправильные, прочие), так же как и наша Галактика состоящие из звёзд, газовых и пылевых туманностей, иначе рассеянного между звёздами вещества (включая знаменитые «чёрные дыры»). Когда понятие «Вселенная» пишется с заглавной буквы, имеется в виду наша — солнечная Галактика, а когда со строчной — одна из всех возможных вселенных, то есть звёздных систем.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повёрнут Млечный путь

Б.Л. Пастернак.

Космогоническая гипотеза Канта-Лапласа представляет происхождение Земли следующим образом. Сначала газопылевое облако под действием гравитации и вращения сжалось в диск. Затем диск разделился на кольца, из которых

впоследствии образовались отдельные планеты. Вероятно, сначала из пыли сформировались твёрдые ядра планет, которые впоследствии обросли газовой оболочкой. Поэтому соотношение элементов в их массе различается. Самые массивные (вроде Юпитера) втянули из окружающего пространства больше всего водорода и гелия; меньшие, соответственно, не так много (Сатурн, меньше всего — Уран и Нептун).

Возраст Земли составляет 4,6 миллиарда лет, а возраст древнейших горных пород на ней «всего» 3,8. Что собой представляла наша планета в начале своего существования, учёным пока неизвестно. Продвинуться в прошлое нашей Вселенной помогает изучение других объектов Солнечной системы. Изучение вещества, доставленного в земные лаборатории с Луны, показало, что возраст лунных материков достигает 4,5 миллиардов лет. Отсюда последовало предположение об очень быстром по космическим меркам образовании Луны — примерно за 100 миллионов лет. При таком старте она должна была быть очень горячей — из-за выделившейся при ее образовании гравитационной энергии. По этой аналогии можно предположить, что и Земля была раскалена в начале своего существования. Лунная кора, установили американцы, достигает 60 километров. Так что наружный слой нашего спутника какое-то, достаточно длительное время находился в расплавленном состоянии. Похоже, что подобную стадию «океана магмы» прошли и другие планеты, включая Землю. Планеты-гиганты — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун представляют собой газо-жидкие тела, там нет границы между атмосферой и недрами. Пока не ясно, однородно ли вещество, из которого построены планеты Солнечной системы. Если выяснится, что у Марса отношение железа к кремнию не такое, как у прочих планет земной группы, существующие взгляды на происхождение Солнечной системы придется пересматривать¹.

Перечисленные понятия философской онтологии — природа, материя, космос — обладают важным мировоззренческим и методологическим значением. Оно заключается прежде всего в осознании факта их *предельности*. За ними ничего нет. Отражаемые этими понятиями реалии *самодостаточны*. Они существуют объективно, сами по себе и так к ним должен относиться человек работающий, исследующий, мыслящий. *Объективный подход к природе* в целом предполагает её *вечность и бесконечность*. Природа как таковая пребывает без начала и конца, без первопричины и единой цели. По мудрым словам Бенедикта Спинозы, «природа есть причина самой себя» («*natura causa sui est*»). «Логика» природы внечеловечна, чужда цели, плану, смыслу. Все эти характеристики возникают применительно к деятельности человека и характеризуют только её. Смысл привносят в материал природы сами люди, эти смыслы составляют их культуру. О природе же, её событиях и процессах бесполезно спрашивать: «Зачем?» Уместен лишь вопрос: «Почему?» (беспричинных явлений в природе нет,

¹ Реферировано по: Жарков В. Расплавленное прошлое // Поиск. № 8 (978), 22 февраля 2008 г.

хотя типы причинной детерминации сильно варьируются в мега-, макро- и микромирах, где порядок то и дело возникает из хаоса, и наоборот).

Например, конфигурация созвездий на ночном небосклоне придумана уникальным по своей субъективности взглядом человека с определённой точки Земли. «На самом деле», вне фантазийного осмысления показаний зрительных рецепторов, такой картины ночного неба не существует. Никаких «знаков Зодиака» в природе нет. А астрологи — всего лишь артисты, шуты, торговцы всеобщими предсказаниями, для кого-то — психотерапевты. Успех или неудача человеческой деятельности в первую очередь зависят не от подобных, кому-то симпатичных выдумок, а от более или менее реалистического понимания собственных законов и принципов самой природы, её закономерностей и случайностей.

Наивный анимизм и умудрённый идеализм, вездесущая религия приписывают природе творца, хозяина, конечную цель — по мифологического типа аналогии с такими же атрибутами человеческого существования. В составе культуры, обыденной жизни подобные мировоззренческие операции могут быть полезны людям как своего рода анестезия их интеллекта, духа перед пугающим лицом исполинского, необъятного мироздания. Однако в области естествознания, техники, медицины профессионалы должны быть настроены в отношении природы объективно, искать её имманентные (внутренние) законы, а не приписывать ей упрощенно-антропоморфные черты, как это делают обыватели. Да и тем не мешает лучше учиться основам естествознания в школе. А то у нас многие лица нипочём не сдадут зачёта по устройству электрической лампочки, но берутся рассуждать о тайнах Вселенной.

Скромный, но массовый пример: отношение к домашним животным. Многие горожане склонны во всём уподоблять их людям, не делая различий между возрастами, породами, индивидами, условиями содержания собак, кошек и всех прочих «меньших братьев» человека. Из-за непонимания того, чем европейские овчарки, скажем, отличаются от азиатских (первые — собаки для управления *стадом*; вторые — только для защиты *пастуха*); почему ласковый со всеми своими хозяевами щенок года в 2–3 начинает рычать на всех по очереди членов семьи, стремясь занять более высокое положение в «стае»-семье; в чём состоят иные казусы в том же роде, рождаются разочарования, а то и трагедии (когда собака, чья порода выведена селекционерами для силовой защиты, в неумелых руках нападает на самого хозяина или случайного прохожего). Хорошо ещё, если в результате гибнет только животное, от которого наивные и неумелые владельцы вынуждены избавиться. Но вместе с обманутыми глупыми людьми зверями всё чаще гибнут и ни в чём не повинные люди — дети, прохожие, которых насмерть загрызли или покалечили «симпатичные» доберманы или грозные ротвейлеры.

По тому, какую собаку заводит себе человек, нередко можно многое понять в нём самом. Псы крупного размера, бойцовских пород (питбули, стаффордширы, ротвейлеры, доберманы и похожие) чаще всего свидетельствуют о душевной неуверенности своих хозяев. Их заводят многие агрессивные мужчины и женщины, которым на работе достались вторые роли. Жесткошёрстные эрдели, фоксы, «ирландцы», скотчи, вельши и прочие терьеры, либо сеттеры, пойнтеры обычно сопутствуют людям интеллигентного облика. Пушистые колли, спаниели, пудели могут указывать на склонность к семейному уюту. Владельцы чау-чау или водлазов — в душе романтики. Овчарки служат многим из тех, кто склонен к дисциплине и порядку. В общем, домашние животные, в первую очередь собаки, компенсируют многим людям то, чем они обделены в отношениях с другими людьми. Даже те из нас, кто не позволяет себе завести никакого питомца-зверёныша, нередко этим самым выдают собственную душевную неустроенность, личностную неприкаянность.

Сказанное, однако, не должно приводить к полному очеловечиванию зверей, даже вполне прирученных, их уравниванию с человеком. Если хочешь сделать собаку счастливой — накорми и прогуляй её. Когда у известного киноартиста, страстного любителя собаководства, журналисты попросили дать его определение счастья, он ответил: «Быть собакой Алана Делона». И продолжил свою мысль: «Разве могут люди планеты договориться друг с другом, когда нам трудно договориться с консержем или соседом? Я не говорю о семейных отношениях. Вся проблема сводится как раз к тому, что отличает нас от животных. Животное более человечно. Я предпочитаю иметь дело с животным, действующим инстинктивно, без расчёта и всегда находящим наиболее подходящее решение».

Именно адекватное видовому инстинкту животного обращение с ним даёт человеку уникальную возможность компенсировать издержки технического прогресса, урбанизации, вернуть себе *сопричастность живой природе*. Как выразил это поэт:

Пёс! Никто не брал тебя всерьёз,
Но спасал, когда нас забывал
Человек по имени Христос,
Человек породы сенбернар...

А.А. Вознесенский.

Признаки, отделяющие неорганическую природу от живой, составляют философскую проблему. **Специфика жизни и всего живого** с точки зрения естествознания может быть раскрыта в следующих положениях:

- *обмен веществ* организма со средой (дыхание, питание, раздражимость, активность, размножение, рост, кончина);
- *самоорганизация* организмов в соответствии с их генетически заданной программой, генно-хромосомной матрицей;
- *эволюция* организменных объединений в результате их борьбы за существование, наследственной изменчивости и мутационных ответов на вызовы внешней среды.

Впрочем, даже в естественнонаучном смысле этого понятия жизнь не может быть сведена ни к одному из перечисленных признаков по отдельности, ни к указанию на её специфические носители (вроде белков и нуклеиновых кислот). Современные определения жизни как самовоспроизводящегося процесса сочетают идею обмена веществ с организационной, информационной и эволюционной трактовками. Обмен веществ — необходимое условие поддержания и воспроизведения необходимой для жизни структуры, специфичной для каждого вида организмов. С разрушением определённой структурной организации жизнь прекращается. Специфичность структуры обуславливается и поддерживается информацией, содержащейся в размножающихся матричным путём генетических программах. Ошибки их копирования (мутации) порождают разницу особей одного вида, в том числе по части приспособленности к условиям среды. Разнокачественность организмов создаёт предпосылки для естественного отбора. Его результатом служит или усложнение (ароморфоз), или упрощение (дегенерация) или стабилизация (идиоадаптация) организмов в среде их обитания. В итоге, осуществляемый на основе обмена веществ матричный син-

тез и следующая за ним эволюция видов в своей совокупности отличают живую природу от неживой.

Впрочем, предбиологический этап эволюции, промежуточный между неорганикой и органикой, остаётся для учёных загадочным. Например, неясно, почему в живой материи нарушается принцип зеркальной симметрии, характерный для неорганики; нет равенства «правого» и «левого». Ведь все молекулы закручиваются только налево. Следов зеркально антиподной жизни долгое время не обнаруживалось биологами (как и антиматерии в физике). Правозакрученные молекулы оказались случайно созданы человеком. Печально знаменитый препарат от головной боли, созданный в конце 1970-х гг., — талидомид, обнаружил в конце концов страшные побочные действия — принимавшие его беременные женщины рождали детей с генетическими уродствами. Так вот, при проверке оказалось, что молекулы этого лабораторно созданного вещества закручены наоборот всем природным — направо. Отсюда и опасность для организма неприродных биоорганических молекул.

Гипотезы о возникновении жизни сводятся к двум точкам зрения.

Во-первых, утверждение об её земном, скачкообразном происхождении из усложнённых неорганических капель-«кооцерватов» — по академику А.Н. Опарину (1894–1980) — в уникальных условиях первичного океана Земли, вулканизма и атмосферного электричества.

Во-вторых, концепция «панспермии» Сванте А. Аррениуса (1859–1927) и академика В.И. Вернадского (1864–1945), то есть метеоритном заносе простейших форм жизни на Землю из космоса (последние исследования бактерий на метеоритах, извлечённых из арктических льдов, вроде бы подтвердили такую возможность).

Выбрать однозначно эндогенную или же экзогенную версию пока не представляется возможным. Аргументы против уникальности земной жизни заключаются в бесконечно малой вероятности сочетания условий её появления и, главное, сохранения, в особенности, эволюционного развития.

Тезис о вечном присутствии живой материи, пусть в самых элементарных формах, где-то в глубинах космоса, в свою очередь не поддаётся опытной проверке и, главное, никак не объясняет механизм зарождения жизни вне Земли. Прямой зондаж соседних планет Солнечной системы летательными аппаратами установил пока всего лишь возможность того, что когда-то на них была жизнь.

Не исключено, что в конце концов наука придёт к синтезу упомянутых гипотез, чтобы объяснить, каким образом занесённые из космоса предельно примитивные формы жизни в условиях Земли не умерли, а развились до очень сложных состояний.

Перспективы развития живой природы служат предметом философских споров. Крайние точки зрения на сей счёт — оптимистическую и пессимистическую — выразили в своих известных теориях два русских ученых — В.И. Вернадский (основоположник биогеохимии) и другой советский академик — И.С. Шкловский (астрофизик).

Взгляды Владимира Ивановича Вернадского, получившие значительную популярность, вкратце сводятся к следующему. Развитие жизни на Земле привело к появлению *биосферы*. Она состоит из живых организмов, соотнесённых

с ними косных природных тел и бионосных образований, продуктов длительной жизнедеятельности организмов (почв, ила, планктона, атмосферы, иных). Хотя живое вещество составляет всего 0, 01 % массы неорганики в пределах Земли, его влияние на природу приобрело космический масштаб. Главное последствие такого воздействия — появление *ноосферы*, то есть сферы разума. Изобретённые и произведённые людьми с помощью разума продукты жизнедеятельности человечества, — техника, технология, промышленность, в свою очередь, вместе с переходом 5–7 тысяч лет назад к производящему хозяйству, приобрели геологический размах и всё ускоряющимися темпами меняют земную и околоземную природу. В её эволюцию, таким образом, включился *антропогенный фактор*. Он действует быстрее и во многом сильнее самой природы. Причиняя природе значительный вред, ноосфера, вместе с тем, открывает перед человечеством небывалые возможности сохранения и улучшения природы ради прогресса человеческого общества. Планетарное мышление, отвечающее ноосферной логике, предполагает системный анализ наукой проблем экологии; международное сотрудничество в политике, экономике, культуре; приоритет общечеловеческих ценностей над региональными, этническими, государственными.

В изложенной — ноосферной позиции есть много здравых соображений, часть из которых уже реализована сообществом наций, а другая стоит на очереди. Однако версия В.И.Вернадского отличается чертами наукообразного фатализма (недооценка возможностей досрочной катастрофы) и излишнего оптимизма (пока не придумано эффективных рецептов решения глобальных проблем и экологическая ситуация на Земле быстро ухудшается, да и политика то и дело балансирует на грани войны, причём не только «холодной»). Его идея автотрофности человечества — которое продолжает своей деятельностью во взаимодействии с Космосом важнейшую функцию всякого живого вещества по перекачке энергии к земной поверхности и её аккумуляции — повлияла не только на благородную практику дальнейшего освоения природы, но и на новейшие модификации дурного мистицизма (выдумывающего «родство» каждого индивида с «космической энергией», утопии по созданию метасистем «Земля — Общество — Космос» и похожих преувеличения). Наконец, политическая практика наших дней ставит под сомнение возможности реализации неких идеалов, общих для всего человечества. В действительности, каждый народ и особенно содружества близких по уровню развития и геополитическим задачам стран явно или тайно проводят собственные интересы — в ущерб всем прочим государствам и народам. Именно это имеет в виду набирающее в мире силу *движение против глобализации мировой экономики и политики*. Глобализация и её издержки — прямое следствие того, что В.И. Вернадский называл ноосферой. Должно быть, человеческий разум не всесилен по части футурологии. Тем более что в действительности разум никак не желает «упаковываться» в общечеловеческие формы, оставаясь по преимуществу корпоративным, региональным, этническим, конфессиональным, то есть далеко не вполне действительно ноосферным.

Так что *ноосфера* пока и в обозримом будущем — всего лишь мечта, или если угодно — призыв, *проект для человечества*.

Концепция Иосифа Семёновича Шкловского исходит из противоположных идей ноосферы посылок. Радиолокационные и с помощью летательных аппаратов поиски жизни на других планетах не дали никаких результатов. Пока? Или уже? Скорее всего, жизнь и тем более разум — уникальное именно для Земли явление во Вселенной. Человек — нигде и никогда неповторимый мутант биосферы. Единственно возможный вид, наделённый разумом, он быстро осваивает всю биосферу, становится монополистом по части потребления жизненных ресурсов. Исчерпав их земные запасы, человечество устремляется в ближний космос и через какое-то время распространит и туда свои экологические проблемы (загрязнение среды, дефицит источников энергии, накопление вооружений, перенаселение в одних местах и вырождение в других, повреждение собственного генома и необычные по темпам развития и смертоносности заболевания вроде СПИДа, вируса «Эбола», всё новых и новых). Такое живописано в книгах и фильмах апокалиптического толка — «Звёздных войнах» Дж. Лукаса, «Мерзейшей мощи» К.С. Льюиса, «Левой руки тьмы» Урсулы Ле Гуин и многих других поучительных фантазиях. Если наука и техника будут развиваться теми же темпами, что сейчас, то лет через 1000 человек исчерпает вещественные и энергетические ресурсы всей Солнечной системы. На подобное поглощение Галактики, коли наука позволит совершить и это, потребуется 10–15 миллиардов лет. Таким путём в конце концов разум погубит человечество и, значит, самое себя ещё прежде того, как погаснет наше Солнце, которому суждено через 200 миллиардов лет после выгорания всех запасов гелия превратиться сначала во взрывающегося «красного гиганта», а затем в остывшего «чёрного карлика». И тогда некому будет спастись из погибающего Млечного пути к другим, более гостеприимным (?) участкам большого космоса.

Хотя верить мрачному прогнозу И.С. Шкловского не хочется, объективный анализ экологической ситуации даёт больше фактов именно в его пользу. По данным главного в мире *центра экологического прогнозирования — Римского клуба*, если не принять радикальных мер по ограничению темпов роста цивилизации, уже к концу XXI века неминуема глобальная для Земли катастрофа. В её результате люди или вымрут, или деградируют обратно в дикую природу, за пределы цивилизации под влиянием резкого ухудшения климата и прочих катаклизмов, признаки которых заметны уже невооружённым глазом (озоновые дыры в атмосфере; парниковый эффект в гидросфере; ядерные войны за топливные, продовольственные запасы; и много ещё чего убийственного в общечеловеческом масштабе. Об этом, повторяю, неплохо написали в своих романах Станислав Лем, братья Стругацкие и прочие фантасты).

Хотя темпы экологического кризиса и прочих затруднений всего человечества как правило не такие быстрые, как сулят футурологи, но и жизнь преподносит людям такие проблемы с природой и обществом, которых не предвидели самые смелые предсказатели. Распад СССР, взлёт исламского терроризма,

небывалые заболевания, влияние на сознание глобальной информационной сети Интернета, тотальная власть биомедицины над организмом — те сюжеты, которые чаще всего приходится обсуждать и учёным экспертам, и широкой общественности. Однозначных выводов пока нет и не предвидится.

Такого рода проблемы именуют глобальными — по нескольким причинам.

Во-первых, эти проблемы возникают уже не в результате отклонения от пути развития общества, как раньше (природные катастрофы, эпидемии, войны, революции), а неизбежно в результате самого этого закономерного развития (промышленности, военной и прочей техники). Поэтому их до сих пор не удалось ослабить, а тем более решить, ни продолжая это развитие без существенных и проблематичных поправок, ни искусственно тормозя этой развитие.

Во-вторых, если не взяться за их решение всеми доступными человечеству средствами, они уже в обозримом будущем будут угрожать самому существованию человеческого рода, всех без исключения людей, а не просто отдельных регионов проживания; не только снизят уровень жизни, но покончат с ней вообще.

В-третьих, сколько-нибудь эффективно решать глобальные проблемы возможно лишь на путях международного сотрудничества, по сути, в масштабах всей Земли. Ведь вирусы смертельных болезней, радиоактивное заражение, дефицит ресурсов, дефолт международных валют и похожие напасти не знают границ между народами и государствами.

Глобальные проблемы современного человечества можно сгруппировать следующим образом:

- *экологические* — *загрязнение, вообще повреждение окружающей среды* (воздуха, водных потоков, флоры и фауны, поверхностного ландшафта в целом); маловероятна, хотя не исключена полностью, особенно со временем обратная угроза — из космоса Земле (столкновение с другим космическим телом вроде астероида или кометы); метеоритная угроза («астероид-убийца»);

- *ресурсные* — *истощение природных ресурсов* (источников энергии, вообще минерального сырья; пресной водф);

- *военные* — *накопление ядерных, химических, бактериологических, да и «обычных» вооружений*, угрозы их применения в локальных конфликтах и третьей мировой войне; международный терроризм;

- *демографические* — *перекося в структуре народонаселения* (постарение и сокращение населения в одних регионах, одних этносов; неконтролируемый рост рождаемости, не обеспеченный средствами к существованию, в других);

- *медицинские* — *генетические изменения* массового масштаба, резкое увеличение, с угрозой пандемии, обычных (ишемия, онкология, травматология) и новых (иммунодефицит, гепатиты, аллергии) заболеваний, особенно тех, что развиваются ураганскими темпами и против которых ещё не открыто эффективных лекарств; сюда же можно отнести биологически вредные побочные послед-

ствия развития новейших технологий — вроде какой-то «серой слизи» от нано-производства.

К числу явно фантастических предсказаний, имевших хождение среди безграмотных журналистов или просто писателей с богатым воображением, можно отнести такие версии, как захват власти на планете роботами, «чёрная дыра» на месте адронного коллайдера, другие рискованные эксперименты физиков или биологов. Хотя печальный опыт Чернобыля заставляет обсуждать и эти варианты «конца света».

Надо подумать, стоит расширять каталог глобальных проблем за счёт всех тех угроз, с которыми ещё сталкивается или может столкнуться в обозримом будущем человечество. «Международный» терроризм или диктат центра «однополярного мира», необычные болезни (вроде птичьего гриппа) и конечность запасов нефти и газа — всё это приближает «конец света»?

По наблюдениям астрономов, в 2029 г. к Земле приблизится астероид (по сути, малая планета) 99942 Апофиз. Это небесное тело — осколок формирования Солнечной системы. Состоит из твёрдой породы, вращается вокруг Солнца по орбите, которая сближается с нашей планетой. В 2029 г. его можно будет видеть в небе невооружённым глазом. Если астероид окажется в определённом, в несколько сотен километров участке околоземного пространства, столкновение будет неизбежно. Подсчитано, что энергия такого столкновения составит 400 мегатонн в тротиловом эквиваленте. Планетарное общество — общественная организация (Пасадена, США), пропагандирующая космические исследования — разрабатывает проект запуска навстречу астероиду корабль Foresight (Предвидение), чтобы уточнить курс астероида. Если выяснится, что столкновения не избежать, придётся запускать миссию защиты, которая должна будет до 1025 г. попробовать изменить курс Апофиза.

Футурологи предлагают разные сценарии будущей катастрофы:

- международное сообщество найдет пути ослабления напряжения;
- пострадает часть человечества, но остальная выживет, а то и преуспеет за счёт пострадавших конкурентов;
- опасность придёт не с той стороны, откуда её ждут; «апокалипсис» окажется не каким-то взрывом, а долгим и неуклонным скатыванием человечества к своему концу.

Поживём — увидим.

Наиболее вероятный сценарий будущего сочетает в себе оптимизм Вернадского и пессимизм Шкловского. Пропорция улучшения и ухудшения, а главное — темпы последнего будут зависеть от самих людей. И от политиков, и от так называемого «маленького человека». Если этот последний не изменит своего потребительского, а нередко просто варварского отношения к природе, то «его», в смысле наших детей и внуков «хата» будет стоять с самого краю очередных чернобылей, злокачественных новообразований, элементарного голода и всепроникающего холода.

Термин «экология» (от греческого «oikos» — дом, обиталище) предложил в 1866 г. немецкий биолог Эрнст Геккель. Эта наука прошла несколько рубежных этапов в своем развитии. *Биологическая экология* изучает взаимоотношения живых организмов между собой и с физической средой их обитания. В

середине XX в. появляется новая — *социальная экология*, рассматривающая взаимосвязи человеческого общества и природы, методы и сроки решения глобальных проблем мировой цивилизации. К этим междисциплинарным наукам в наши дни добавилась *идеологическая экология* — политика и этика спасения человеческого рода от внешних и внутренних угроз его существованию на Земле.

В современной экологии можно усмотреть как пользу, так и вред для решения глобальных проблем. Движение «зелёных» в политике и общественной жизни имеет неоспоримые заслуги, но и оно небезупречно. Пользы от активной борьбы за «зелёный мир» больше и заключается она примерно в следующем:

- *экспертиза и прогнозы* состояния природной среды позволяют отдельным субъектам общественного развития вносить своевременные коррективы в свою жизнедеятельность ради спасения биосферы;
- *международное сотрудничество* помогает как-то сдерживать глобализацию экологического кризиса;
- *благородные принципы биологической этики*, «благоговение перед жизнью» (Альберт Швейцер) постепенно внедряются в культурную традицию всё большей части населения разных стран. «Я жизнь, которая стремится выжить внутри другой жизни», — вот стратегия выживания человечества по тому же А. Швейцеру, выдающемуся немецкому врачу и философу.

Не надо обманываться кажущейся беззащитностью природы или чересчур восхищаться её гармоничностью. Напомню тезис насчет её внечеловечности. Хотя природа чаще всего не в состоянии отомстить своему непосредственному обидчику, она рано или поздно воздаст по заслугам всем людям. К ним она бывает не только добра, но и безжалостна. Так, лакомящийся лесными ягодами ребёнок может быть тут же разорван на части хищными обитателями того же леса.

Если неорганическая природа бесчувственна, то этого нельзя сказать о живых существах. Они часто страдают и умирают по вине человека. Но жалость к живой природе должна оставаться на почве реальности, иначе она оборачивается безжалостностью по отношению к людям. До тех пор, пока человечество питается мясом животных, потребляет другие природные ресурсы, их уничтожение в меру разумных потребностей неизбежно и необходимо. За жалобами на жестокость человека по отношению к природе нередко скрывается вульгарный паразитизм, стремление загребать жар чужими руками — охотников, фермеров, инженеров, учёных и т.п. специалистов, обеспечивающих людей всем необходимым для жизни.

У экологической пропаганды сегодня имеются и негативные последствия:

- *глубокий экологизм* ставит природу выше человека и предлагает уравнивать права на защиту всех форм жизни без исключения, что явно нереалистично и даже издевательски звучит по отношению к людям;
- попытки всю природу сделать заповедником деформируют психику и мораль, душу и тело новых поколений людей, которые отлучаются от активного

взаимодействия с природой; запрет охоты, проповедь вегетарианства, ограничение туристических путешествий, научных опытов над животными, отказ от меховой одежды, т.п. барьеры между человеком и природой приведут к худшим проблемам, нежели неизбежные потери части биосферы в ходе подобных акций;

- порой экологическими мотивами маскируются *корыстные интересы малой части населения* в глазах остальных (власть имущие разных стран склонны тайком использовать заповедные части природы в собственных целях — отдыха, развлечения, прибыли);

- *испуг людей* перед радио-, химио-, озono- и т.п. фобиями нередко бывает вреднее для их здоровья и качества жизни вообще, чем сами по себе неблагоприятные факторы природной среды.

В области здравоохранения это наглядно видно на таком примере, как *противопоставление официальной, профессиональной медицины «медицин» народной, нетрадиционной, паранаучной*. Дескать, доктора с дипломами только калечат пациентов, провизоры их травят своими лекарствами, мало чем могут им помочь, а вот самозванные «целители» способны вершить чудеса и спасать безнадежных больных. В действительности, знахарям способны поклоняться или безнадежно больные, верящие в чудо пациенты; или, напротив, тёмные, малокультурные больные, многие из которых склонны преувеличивать свои страдания; или же практически здоровые, но скучающие без заботы о своём здоровье типы. При лечении травами и прочей натуропатией чаще всего невозможно разделить терапевтический и побочный эффекты. Русское слово «отрава» не случайно происходит от слова «травя». Экзотические виды врачевания (гомеопатия, акупунктура, «уринотерапия» и проч.) базируются почти исключительно на самовнушении или просто времени, за которое организм возвращается к норме гомеостатическим путём. Дом без всяких лекарств и справочников по их грамотному применению выйдет похуже дома, где близких пичкают таблетками по всякому поводу и без повода.

* * *

В итоге рассмотрения природоохранной проблематики следует предпочесть гуманные и реалистичные *модели соразмерной людям экологии*, где учтены и согласованы разумные потребности общества с условиями возобновления природных ресурсов их удовлетворения; различных групп населения, регионов Земли; отдельных направлений человеческой деятельности; нынешних и следующих (в обозримом будущем) поколений.

Приложение

А. Сапковский

Крещение огнём

«... Друиды — долгожители. Они постоянно находятся на воздухе, среди первобытной и непорученной природы, и это прекрасно влияет на их здоровье. Дышат полной грудью. Лютик, наполняй лёгкие лесным воздухом — тоже будешь здоровяком.

— От этого лесного воздуха, — насмешливо бросил Лютик, — я скоро шерстью обрасту, чёрт. По ночам мне снятся корчма, пиво и баня. А первобытную и непорученную природу пусть первобытная зараза порушит, ибо сомневаюсь я сильно в её спасительном влиянии на здоровье, особенно психическое. Упомянутые друиды — лучший тому пример, поскольку они — выжившие из ума психи. Заиклившись на своей природе и её охране. Сколько раз я был свидетелем того, как они подавали петиции властям! «Не охотиться, деревья не рубить, отходы в реки не спускать» и тому подобная чепуховина. А уж вершиной идиотизма было явиться всей их украшенной венками из омелы делегацией к королю Этайну в Цидарис. Я как раз там был...

— И чего хотели? — любопытствовал Геральт.

— Цидарис, как вы знаете, одно из королевств, в котором большинство населения живёт рыболовством. Друиды потребовали, чтобы король приказал использовать только сети с определённым размером ячеек и сурово наказывал всех, у кого ячейки окажутся меньше размером. У Этайна челюсть отвисла, а омелышники пояснили, что такие ячейки — единственный способ сохранить рыбные запасы от уничтожения. Но король вывел их на террасу, указал на море и поведал, как однажды самый смелый из его мореходов плыл на запад два месяца и вернулся, потому что на корабле пресная вода кончилась, а суши на горизонте и в помине не было. И они, друиды, думают, спросил он, будто можно вычерпать всю рыбу из такого моря? Вполне можно, заявили омелышники, хотя, несомненно, морское рыболовство дольше других продержится в качестве источника пищи, взятой прямо из природы. Однако же придёт время, когда рыб станет недоставать и голод даст о себе знать. Поэтому надо обязательно ловить сетями с большими ячейками, брать взрослых рыб, охранять мелюзгу. Этайн спросил, когда, по мнению друидов, наступит этот ужасный голодный день, а они ему на то — скоро, мол, через две тысячи лет, по их прогнозам. Король любезно попрощался с ними и попросил зайти через тыщонку годков, не стесняться. Тогда он и подумает над их предложением. Омелышники шутики не поняли и принялись было возражать, тогда их выставили за ворота».

Andrzej Sapkowski. Chrzest ognia. 1996. Пер. с польск. Е.П. Вайсброта.

Вопросы для обсуждения текста

- Как совместить незаменимую пользу и всевозможные опасности, которые дикая природа таит для человека?
- На первый взгляд, чем дальше вглубь истории человечества, вплоть до каменного века, тем в большей гармонии с природой жили люди, нежели в наши дни. Так ли это?
- Почему популярный автор романов-«фэнтези» высмеивает защитников живой природы? Это цинизм с его стороны? Или он имеет в виду что-то серьёзное? Вы бы поддержали акции Гринписа или предпочли остаться в стороне? Аргументируйте свои решения.
- Персонаж процитированного отрывка, поэт Лютик, утверждает опасность первозданной природы для нашего здоровья, особенно психического. Что он имеет в виду? Где человеку психологически комфортнее жить — в современном мегаполисе или на лоне дикой природы? Как лучше сочетать то и другое? Кому это удаётся?

- Термин экология сегодня употребляют предельно широко. Говорят об «экологии клеток и тканей в организме», об «экологии человеческой души»? Каков тогда общий смысл данного выражения?

- Академик Д.С. Лихачёв ввёл понятие «экологии культуры». Поясните эту его мысль в целом и на отдельных примерах.

- Прикиньте экологические аспекты вашей будущей профессии в медицине. Затрагивалась ли экологическая тематика в средней школе? Пригодятся ли вам на практике те экологические знания, которые вам преподавали на разных кафедрах вашего факультета?

- Попытайтесь определить роль экологических факторов в статистике наиболее опасных заболеваний. Оцените плюсы и минусы экологического просвещения пациентов с точки зрения их психического здоровья.

- В США уже поступили в продажу тесты на индивидуальные генетические заболевания. Кто-то желает узнать такой прогноз, кто-то предпочитает остаться в неведении относительно своих шансов заболеть так или иначе примерно тогда-то. Прокомментируйте эту практику.

V. БЫТИЕ МИРА

Теоретический минимум

1. Идея материи в истории философии и естествознания:

- античные натурфилософы о первоначалах природы;
- овеществляющая модель материи в классическом естествознании Нового времени;
- революция в естествознании на рубеже XIX–XX вв. и усложнение понятия материи; спор А. Эйнштейна и Н. Бора о степени объективности материи;
- представления о материи в неклассической науке наших дней; антропный принцип, его сторонники и критики.

2. Материя физическая, химическая, биологическая и социальная; их разнокачественность и соответствие.

3. Пространство и время как атрибуты материи. Метрические и топологические параметры пространства. Масштабы расстояний во Вселенной. Способы измерения времени.

4. Покой, движение и развитие в материальном мире. Спорность прогресса. Диалектика. Синергетика.

5. Восприятие людьми пространства, времени и развития: разные психологические установки. О хронотопе медицины и фармации.

Литература

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. I. Бытие и человеческое существование).

Введение в философию. М., 2003 (Разд. II. Гл. 2 «Материя»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. IX. «Учение о бытии»).

Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2003 (Гл. 16. «Дух и материя, предел противоположности»; гл. 17. «Пространство и время»; гл. 20. 1. «Понятие развития. Модели развития»).

Актуальные проблемы онтологии и теории познания / Под ред. В.В. Миронова. М., 2012.

Арнольд В.И. Теория катастроф. М., 1990.

Горбунов Д.С., Рубаков В.А. Введение в теорию ранней Вселенной. Теория горячего Большого Взрыва. М., 2008.

Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной философии. М., 1998.

Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979.

Девис П. Случайная Вселенная. М., 1985.

Доброхотов А.Л. Категория бытия в западноевропейской философии. М., 1986.

- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Социально-психологическое пространство личности. М., 2012.
- Завельский Ф.С.* Время и его измерения. М., 1987.
- Замятин Д.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
- Золотухина-Аболина Е.* Мой личный Гринвич // Человек. 1992. № 3.
- Каганов Г.К.* К поэтике обитаемого пространства // Человек. 1995. № 4.
- Канке В.А.* Философия математики, физики, химии, биологии. Учебное пособие. М., 2011.
- Климишин И.А.* Релятивистская астрономия. М., 1983.
- Лайзер Д.* Создавая картину Вселенной. М., 1988.
- Лехциер В.* Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара, 2008.
- Молчанов Ю.Б.* Проблема времени в современной науке. М., 1990.
- Мигдал А.Б.* Физика и философия // Вопросы философии. 1990. № 1.
- Паркер Б.* Мечта Эйнштейна: в поисках единой теории строения Вселенной. М., 1991.
- Перек Ж.* Просто пространства / Пер. с франц. СПб., 2012.
- Подольский Р.Г.* Освоение времени. М., 1988.
- Пономарёв Л.И.* Под знаком кванта. М., 1984.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
- Пространство и время в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая.* М., 2011.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
- Ставцев С.Н.* Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000.
- Трубников Н.Н.* Время человеческого бытия. М., 1987.
- Уитроу Дж.* Структура и природа времени. М., 1984.
- Уитни Ч.* Открытие нашей Галактики. М., 1971.
- Фейгин О.* Теория относительности. М., 2011 (Открытия, которые потрясли мир).
- Фейнман Р.* Характер физических законов. М., 1987.
- Философия Мартина Хайдеггера и современность / Под ред. Н.В. Мотрошиловой.* М., 1991.
- Фортов В.Е.* Экстремальные состояния вещества на Земле и в космосе. М., 2008.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. Сб. статей и выступлений / Пер. с нем. СПб., 2007.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. М., 2011. *
- Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.
- Хайтун С.Д.* Фундаментальная сущность энтропии // Вопросы философии. 2001. № 2.
- Хасанов И.А.* Время как объективно-субъективная категория. Словарь М., 2011.
- Хокинг С., Пенроуз Р.* Природа пространства и времени / Пер. с англ. СПб., 2007.
- Хокинг С., Млодинов Л.* Кратчайшая история времени / Пер. с англ. СПб., 2008.
- Эйнштейн А.* Мир и физика. М., 2003.

Тематика рефератов

Античные концепции субстанции.
 Объективный идеализм Платона.
 Аристотель о материи и форме.
 Алхимия как феномен средневековой культуры.
 «Физический идеализм» и постклассическая физика.
 Споры о понятии материи в современной философии и науке.

Принцип соответствия Н. Бора и его научно-культурное значение.

Личность А. Эйнштейна и влияние теории относительности на современное естествознание.

Онтология М. Хайдеггера: основные понятия о видах бытия.

Гипотеза суперструн параллельных миров в современной космологии.

Концепции времени в современном естествознании.

Биоритмы и медицина.

«Земное эхо солнечных бурь»: догадки и преувеличения в концепции Чижевского.

Психологическое время личности.

Пространство бытия человека.

Эволюционная теория Ч. Дарвина и её развитие в XX веке: макро- и микромоделли развития живой природы.

Текстологический практикум

Воспоминание о будущем — студент-медик читает биографию великого натуралиста

В известных книгоиздательских сериях «Жизнь замечательных людей», «Классики естествознания», «Наука. Мировоззрение. Жизнь», т.п. и вне этих серий вышли в свет и неоднократно переиздавались биографии практически всех известных физиков, химиков, биологов, инженеров, врачей. Поучительно и занимательно знакомство с тем, почему и как они занялись наукой, что позволило им совершить свои выдающиеся открытия, определяющие современную картину мира. С учетом личности авторов этих открытий лучше понимается смысл и значение выводов и законов науки о природе.

Хотя по-своему интересна каждая из биографий выдающихся естествоиспытателей, в этом славном ряду есть ключевые фигуры. Невозможно сколько-нибудь правильно понимать природу, в особенности живую, не имея представления о том, *что* именно объяснили своими главными трудами *Чарлз Дарвин* (происхождение видов путём естественного отбора и наследственной изменчивости, т.е. механизм биологической эволюции), *Грегор Мендель* (дискретный характер наследования путем передачи по одному независимому гену от пары родителей их потомку), *Альберт Эйнштейн* (взаимосвязь параметров пространства и времени с размерами материальных объектов и скоростью их движения), *Нильс Бор* (вероятностная модель микромира, где микрообъекты существуют не так реально, как в макро- и мегамирах, но потенциально системе измерения субъектом-наблюдателем) и некоторые другие классики науки прошлого и нынешнего веков.

Ярчайшие характеры и удивительные приключения мысли и всей остальной жизни являют собой жизнеописания таких наших славных соотечественников, как *Илья Ильич Мечников*; *Иван Петрович Павлов*; *Александр Алексеевич Ухтомский*; *Владимир Михайлович Бехтерев*; *Николай Иванович Вавилов*; *Лев Давидович Ландау*; *Петр Леонидович Капица*; *Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский*; многие другие великие русские учёные-натуралисты. Особенно полезно чтение их собственных воспоминаний и популярных работ. В любой библиотеке страны имеется выбор такого рода научно-биографической литературы.

Литература

Академик Виталий Иосифович Гольдманский: избранные статьи, воспоминания. М., 2007.

Бэнвилл Дж. Кеплер / Пер. с англ. М., 2008..

Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941 гг. В 2-х кн. М., 2008.

- Войно-Ясенецкий В.Ф. Дух, душа и тело. М., 1997.
 Горелик Г. Советская жизнь Льва Ландау. М., 2008.
 Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М., 2010 (ЖЗЛ).
 Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике. М., 1985.
 Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1981.
 Тимофеев-Ресовский Н. Воспоминания. М., 1995.
 Фейнман Р. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! / Пер. с англ. М., 2008.
 Хофман Б. Альберт Эйнштейн: творец и бунтарь. М., 1983.

Конспект

Идея единой первоосновы всех явлений природы появляется в ранней философии Греции. Первобытное, мифологизированное сознание лишено такой идеи — в его рамках нет ничего невозможного («царевна-лягушка» и т.п.), общие законы бытия остаются для него за густой пеленой массы разрозненных впечатлений. Такой же остаётся до сего дня *обыденная картина мира*. Оставаясь в её рамках, человек созерцает яркую переливчатую текучую поверхность бытия, причудливо преломлённую его органами чувств.

И пред ним, зелёный снизу,
 Голубой и синий сверху, —
 Мир встаёт огромной птицей,
 Свищет, щёлкает, звенит...

Э. Багрицкий. *Птицелов*

Когда — в условиях достаточно развитой цивилизации, при значительном усложнении задач человеческой деятельности — у интеллектуальной части общества появилась потребность в знании общих и отдалённых причин происходящих в природе событий и процессов, философы занялись поиском их универсальной субстанции. Формулировка древними греками такой задачи — определить «arche» — «(перво)начало» или же «stoicheon» — «элемент»(ы), к которым в конечном счете сводятся все возможные вещи окружающего мира — означало появление научного подхода к объяснению природы. За хаосом поверхностных и случайных впечатлений от внешнего мира угадывались его стабильные и универсальные моменты. Греки первыми, пожалуй, поняли: то, что мы видим, слышим, иначе ощущаем, — совсем не то, что есть на самом деле. Они попытались распознавать внутреннего через внешнее, целое — благодаря частям, следствие — по его причине. Т.е. давать объяснение природы из неё самой, а не с помощью фантастических домыслов по её поводу, как в мифологии и религии.

Античные варианты определения материи открываются перечнем отдельных, чувственно воспринимаемых «стихий», которые первыми философами (VII–V вв. до н.э.) предполагались искомой субстанцией. Всё из чего-то одного (или же из немногих первоначал) — вот девиз этих мыслителей-новаторов, с

небывалой смелостью бросивших вызов авторитету мифа, уютной вере во всемогущих и бессмертных богов.

Так, согласно *Фалесу* первоматерией является *вода*, из которой и в которую в конечном счете всё на свете превращается; а по *Анаксимену* — *воздух*; у *Гераклита* — *огонь*, «мерами разгорающийся, мерами потухающий»; *Эмпедокл* же считал материю разночастной, дискретной и к названным трём «стихиям» добавлял четвёртую — *землю*. Эти «стихии» могут существовать как сами по себе, так и в разнообразных смесях, что и обуславливает разницу отдельных вещей.

Следующий шаг на данном пути сделал *Анаксагор*, выдвинувший на роль субстанции так называемые «*гомеомерии*», т.е. сами себе подобные, только мельчайшие копии больших тел (так что, скажем, яблоко состоит из малюсеньких, невидимых глазу яблочек; и т.д.).

Наконец, *Демокрит* разъяснил догадку своего предшественника *Левкиппа* об **атомах** как мельчайших, далее неделимых частицах любого вещества. Из множества атомов состоит каждое тело, хотя эти частички на него не похожи. Разница их обликов объясняется различным качеством, конфигурацией атомов и траекторий их движения в пустоте. Даже боги и души людей состоят из атомов, только особенных — огненных, самых активных.

Атомистическая теория строения природного вещества послужила идейным фундаментом теоретического и экспериментального естествознания в Европе на протяжении тысячи с лишним лет.

Правда, уже в античности высказывались не столь материалистические концепции материи, которые в свою очередь предвосхитили некоторые из новейших решений данной проблемы. А именно, *Анаксимандр* на роль субстанции выдвигал не какое-то определённое телесное начало, но «*апейрон*» — некую бесконечную, ненаблюдаемую среду пребывания отдельных тел; нечто похожее потом физики называли «эфиром», а теперь — полями, «суперструнами» Вселенной.

С точки зрения же *Пифагора* в основе всего мира лежит *число*, т.е. его количественные, геометрические пропорции. Это определение, в свою очередь, верно выражает абстрагирующую направленность поиска субстанции. Идя таким — аналитическим путем, наша мысль неизбежно уходит от наглядных и конкретных впечатлений к геометрическим конфигурациям и математическим замерам материальных объектов предельно малого или, наоборот, очень уж большого размера (запредельного по сравнению с привычными нашим рецепторам параметрами макромира).

Ещё дальше на абстрагирующем направлении в определениях субстанции пошли философы-идеалисты. Родоначальник объективного идеализма — *Платон*. Для него «воздух, эфир, вода и прочие нелепости» натурфилософов, не говоря уже о бесконечном множестве всех прочих явлений — всего лишь бледные отражения высшей, нематериальной, зато абсолютно совершенной реальности, которую составляет *Разум* (по-гречески «нус»). Точнее, у каждой отдельной,

воспринимаемой с помощью органов чувств человека вещи имеется в том идеальном мире свой прототип, некая «идея» или же «форма». Она, как матрица наследственности в современной генетике, предопределяет возникновение, облик и время существования любой вещи. Независимые от отдельных людей, потому объективные «идеи» такого рода соответствуют сами по себе только общим понятиям, категориям. Эти последние в голове человека (скажем, «кошка» вообще, как вид, а не отдельная особь; «вещество» как таковое и т.п.) складываются в качестве воспоминаний о прежнем существовании вечной души в сверхчувственной сфере высшего Разума.

Хотя у Платона сразу нашлись авторитетные критики (начиная с его лучшего ученика Аристотеля), идейное влияние объективного идеализма присутствует не только в богословии, но и в современном естествознании — при «копенгагенской интерпретации» физической материи Н. Бором и В. Гейзенбергом с его «принципом неопределённости» в квантовой механике; а также в так называемом «антропном принципе» эволюции Вселенной (о которых поговорим ниже).

Однако магистральное направление развития естественных наук лежало на стороне материализма, тех философов, которые полагали первичной материю, а не дух. В XVI–XVIII вв. под материализм подводится научный фундамент. Польский каноник, врач и астроном *Николай Коперник* (1473–1543) лишил Землю её места в центре Вселенной, на чём веками зиждилась религиозная мифология и даже церковный календарь. Немецкий астролог *Иоганн Кеплер* (1571–1630) искал божественную гармонию идеальных небесных сфер, а неожиданно вышел на идею сложнейшего, но уже бездушного Механизма Вселенной, где планеты движутся по законам, названным его именем ². Итальянский мыслитель *Галилео Галилей* (1564–1642) придумал *эксперимент* (как лабораторный, так и мысленный) для объективного, безусловно доказательного изучения природных явлений. Итальянского мыслителя интересовало не почему камень падает, а как именно он это делает, в силу какого закона... Британский натуралист *Исаак Ньютон* (1643–1727) разработал *математический аппарат* для точного их описания и, главное, строгого выражения, символической записи законов, которым они подчиняются. *Hypothesis non fingo* — Гипотез я не измышляю! — провозгласил английский математик, физик и богослов. В своём трактате «Математические начала натуральной философии» (1687) он дал строго механистическое и причинно-обусловленное объяснение исходных законов

² «Когда Кеплер предложил издателю своё астрономическое сочинение и тот отказался, последовала реплика Кеплера...

— Я могу подождать читателя ещё сто лет ... если сам господь ждал зрителя шесть тысяч лет.

Другими словами, этот человек счёл себя первым зрителем того алмазного театра, который показывается там, в небе. И ведь это верно — если он первый увидел чертёж, механизм, коллизию этого зрелища, то он и был первым зрителем. До него смотрели, не понимая» (*Олеша Ю.* Ни дня без строчки. Из записных книжек. М., 1965. С. 185).

существования и движения макротел. Таинственную действительность Бога он не отрицал, но полагал непознаваемой.

Ведущим приёмом познания природы стал *гипотетико-дедуктивный метод*, когда из теоретической идеи выдвигается некое необходимое логически следствие, а уж оно воспроизводится опытным путём, в эксперименте или при наблюдении (в астрономии). Весомость, доказательность экспериментальным данным придавали *индуктивные методики* обобщения множества отдельных данных, разработку которых начал знаменитый английский философ *Френсис Бэкон* (1561–1626).

Классическая механика, созданная Ньютоном, стала первым образцом подлинно научной теории. С её помощью не только описывается поведение природных тел в прошлом и настоящем, но и предсказывается, что с ними случится в будущем — при определённых для законов этой теории условиях.

Все дальнейшие открытия классической науки применяли этот метод и эту теоретическую схему к новым классам явлений. Так, *Дж. Максвелл* раскрыл сущность электромагнетизма, включая полевую природу света. *Антуан Лавуазье* своей теорией горения сделал науку из химии, а *Роберт Бойль* помощью корпускулярной теории (т.е. усовершенствованного атомизма) позволил в дальнейшем правильно объяснять остальные химические процессы, преодолеть домыслы алхимиков. Ботаник *М. Шлейден* и зоолог *Т. Шванн* в 1838–1839 гг. выдвинули клеточную теорию единого строения всех тканей растений и животных.

В итоге, классическая наука довольно быстро, на протяжении XIX в. объяснила практически всё, что во Вселенной доступно нашим органам чувств, к тому же усиленным оптическими и прочими приборами. На этом этапе развития философии и естествознания *материя отождествлялась с веществом*. Точнее, с ансамблем важнейших свойств всех макротел:

- протяжённостью,
- подвижностью,
- тяжестью (массой покоя),
- делимостью (на равнокачественные части),
- инертностью,
- твёрдостью,
- непроницаемостью.

Известный просветитель барон *Поль Анри Гольбах* (1723–1789) в трактате «Система природы» (1770) дал обобщающее определение материи в этом её идейном контексте: «По отношению к нам материя вообще есть всё то, что воздействует каким-либо образом на наши органы чувств».

В начале XX в. ту же самую мысль настойчиво повторял *В.И. Ленин* (1870–1924). Рассуждения о материи помогали ему в то время бороться с политическими конкурентами — философами-идеалистами в собственной коммунистической партии большевиков. «Объективная реальность, данная нам в ощущениях» — такое *определение материи* как *ленинское*, а значит непререкаемое,

несколько десятилетий вдалбливалось в головы миллионов советских студентов. Материя де «копируется нашими органами чувств, существуя независимо от них». С помощью данного определения сторонники ленинского марксизма надеялись примирить классический материализм, а значит и всю свою идеологию, с новейшими достижениями в науке. В частности, признав материальными не только элементарные частицы, но и физические поля, вакуум и т.п. состояния природной материи. Между тем поистине революционные открытия 1890-х – 1900-х и последующих лет в физике обусловили *переход к неклассической науке*, для которой материя снова стала достаточно загадочной и противоречивой.

Революция в естествознании на рубеже XIX–XX вв. означала не просто новые достижения в науке, какими она отличается постоянно, но такие, которые обесценивают целую картину мира, требуют её замены. Открытие в 1895 г. рентгеновских лучей продемонстрировало проницаемость физической материи. Случайное обнаружение А. Беккерелем в 1896 г. самопроизвольной радиоактивности урана показало превращение атомов одних элементов в атомы других, при чём излучалась энергия, не сообщенная процессу извне — под вопросом оказался закон сохранения энергии. Регистрация в 1897 г. Дж. Дж. Томсоном первой элементарной частицы — электрона означала делимость атома. И нечто гораздо более странное — субатомные частицы существовали совсем не так, как макротела. Можно даже сказать, что они существовали, т.е. могли быть зафиксированы экспериментальными приборами, не всегда, а только от случая к случаю. Иначе говоря, существовали не целиком, а квантами, своего рода порциями волнового излучения энергии. Соответствующая — *квантовая теория* Макса Планка в 1900 г., дополненная в 1903 г. Эрнст Резерфордом и Ф. Содди, учла происходящий при распаде атома дефект его массы покоя, т.е. по сути исчезновение частицы вещественной материи в никуда (с точки зрения возможностей наблюдателя-экспериментатора).

Наконец, специальная *теория относительности*, выдвинутая Альбертом Эйнштейном в 1905 г., распространила неклассические представления на мегамир космических масштабов и скоростей. С её позиций пространственные и временные свойства материи не абсолютны, но зависят от скорости движения системы отсчёта, относительны ей. Только внутри этой системы можно измерять протяжённость тел и длительность событий, т.к. в другой системе отсчёта эти параметры будут меняться. Пояснением служит известный сюжет научной фантастики с длительным полетом космонавтов, за время которого на Земле пройдёт во много раз больше времени и возвратившиеся домой странники по звёздам никого из своих современников уже не застанут в живых. Ведь чем больше скорость движения одной системы отсчёта, тем медленнее время по отношению к другой системе отсчета, движущейся с меньшей скоростью. Кроме того, при повышении скорости объекта до световой, меняется его масса покоя — она возрастает, пространство растягивается, а сам движущийся столь быстро объект укорачивается. Общая теория относительности А. Эйнштейна (1916)

констатирует не только растяжение, но и искривление пространства в мегамигаштабах, под влиянием увеличения силы тяготения гигантских масс материи.

В итоге всех перечисленных открытий у физической материи не оказалось никаких универсальных свойств, из которых раньше слагалось её философское определение. Исчерпал себя элементаристский подход — вопрос о том, делим ли сам электрон (на гипотетические кварки) похоже не скоро будет решён (вопреки заклинанию В.И. Ленина о его неисчерпаемости). Даже последнее прибежище физического материализма — независимое от субъекта существование материи в неклассической науке остается не более чем одной из гипотез, которой противостоит противоположный — *антропный принцип* устройства и познания природы. Согласно предложенной Нильсом Бором и его последователями в квантовой механике его интерпретации, только акт приборного наблюдения превращает волну вероятностей в некий микрообъект, тот же электрон. Да и тогда мы не можем сказать точно, что из приборно фиксируемых его качеств присуще микрообъекту «самому по себе», а что порождено техническим вмешательством наблюдателя в соответствующий участок микромира (Не пытаемся же мы, допустим, определить нормы кровяного давления на теле, изрешечённом из огнестрельного оружия! А ведь что-то подобное происходит в результате «ловли» микрочастиц с помощью приборной техники). Иными словами, наблюдателю микромира предлагается роль его сотворца. Материя на микроуровнях состоит уже не из частиц вещества и полей, а скорее из вероятностей их появления и ждущего такового наблюдателя. Убрав одну из этих составляющих — объективное, собственно материальное, или же субъективное, антропное, мы уже ничего не можем знать о природе в её крайних проявлениях.

В современной науке появилась тенденция обобщать антропный принцип, распространять его на мегамир. Имеется в виду, что удивительная целесообразность усложнения материи от минимальных до максимальных масштабов наводит на мысль о некоем замысле такой направленной эволюции. Если это и не Творец (в духе мировых религий), то некая естественная, но предустановленная гармония. Ведь будь любая из физических констант чуть-чуть иной, то нашей Вселенной просто не могло бы возникнуть. Например, чуть-чуть уменьшив силу тяготения одной из элементарных частиц — протона, получим вместо всех звёзд «красные карлики» с малой светимостью. А увеличив — «голубые гиганты» со столь высокой светимостью, что все они быстро бы выгорели. В обоих случаях ничего пригодного для жизни вокруг них существовать не могло бы. Чтобы человек мог рассуждать обо всем этом и просто жить, потребовались мириады столь же «счастливых совпадений», вероятность которых пренебрежимо мала в принципе.

Правда, далеко не все учёные согласны с антропным, по сути телеологическим объяснением устройства материального мира. *Телеологией* (от греч. *telos* — цель) называют философское или богословское учение о том, что всё в мире предопределено заранее, Богом или иной творящей и всемогущей силой. Такой подход к процессу развития в природе вызывает много теоретических и

практических возражений. Строго говоря, цели может выдвигать только наделённый разумом и волей субъект — человек. Можно назвать целью некую матрицу развития тех или иных природных явлений в силу присущих им закономерностей. В таком случае развитие получится внешне «целесообразным», хотя и никем не замысленным. Однако совершенно ясно, что и сугубо материалистическое, так называемое «ленинское» «определение» любой материи только как объективной реальности выглядит сегодня недостаточным и упрощённым.

Достижения современной физики, а вслед за ней молекулярной биологии привели к значительному усложнению взглядов на материю. Если брать её в громадных масштабах мегамира и в запредельно малых масштабах микромира, то приходится учитывать следующие **требования к новейшей модели материи в современной науке (естествознании)**:

- *потеря наглядности* — к самым «низким» и к самым «высоким» уровням организации материального мира абсолютно неприменимы чувственные образы макротел (вроде цвета, контура, запаха, перспективы и т.п.); «дальняя» от человека материя сплошь математична и технична, т.е. известна нам лишь на искусственных языках условных систем её описания, измерения; более того — и так она известна лишь в отдельные свои моменты, а в другие остаётся недоступна современным приборам;

- *замена динамических (однозначных) закономерностей на статистические (вероятностные)*; в рамках квантовой теории классические представления о физическом мире как совокупности какое-то время постоянных «тел» и «полей», в которых они движутся, обесмысливаются; элементарные частицы (электроны, нейтроны, все прочие) не просто волны какой-то материальной среды, но вероятностные состояния, лишь внешне похожие на поведение волн жидкости или газа; похожи они в том плане, что для их описания используется схожий математический аппарат; так, электрон с определённой долей вероятности может оказаться в данном месте в данное время — он же с соответствующей долей вероятности может там и не оказаться и тогда о его существовании мы ничего, строго говоря, знать не можем вообще, оно оказывается «размытым» (так называемый *принцип неопределённости Вернера Гейзенберга*);

- *системная организация всего материального мира*, где *порядок* спонтанно возникает *из хаоса* и снова разрушается в хаос по принципам *синергетики* — науки о сложных неравновесных, открытых внешним вызовам (флуктуациям) системах; кроме разнообразных типов причинности, обнаруживаются недетерминированные участки реальности.

Термин «синергетика» ввёл в научно-философский оборот немецкий физик и инженер Хакен.

Сегодня имеется две **концепции природной материи**, напоминающие старый спор материализма Демокрита и объективного идеализма Платона, а то и субъективного идеализма *Джорджа Беркли*, согласно которому материи просто нет, ею мы называем ничто иное, как системы наших ощущений («*Esse est percipi*» — «существовать, значит быть воспринимаемым»).

Первая точка зрения (в физике восходящая к Альберту Эйнштейну, мечтавшему о «единой теории поля», утверждавшему в споре с Бором, что «Бог не играет в кости», т.е. за всякой вероятностью прячется необходимость, якобы беспричинные явления чем-то всё же обусловлены) по-прежнему полагает материю объективной реальностью. Отсутствие в распоряжении науки единых уравнений для описания микрочастиц и полей не говорит ещё, с этой точки зрения, о необходимости «наблюдателя», «творца» для реального существования вероятностных волновых объектов микромира. Дальнейшее познание должно открыть действительно универсальные для всех уровней организации материи законы. Эти законы позволят объяснить «поведение» отдельных микрочастиц, твердо установить их существование и его независимость от экспериментальной ситуации.

Вторая точка зрения вынуждает признать, что микро-, да и мегаматерии нет как таковой без познающего её субъекта с его экспериментальной техникой и теоретическими представлениями. Качества материи прямо зависят от способа её измерения. Тот же электрон предстаёт то волной, то частицей — судя по тому, как его наблюдать. А при измерении импульса частицы неизбежно меняются её координаты в пространстве. Поэтому если микромир и существует сам по себе, то лишь потенциально. Реальным его существование становится только в условиях научного эксперимента. К таким выводам пришли сторонники Нильса Бора, устроившего у себя в Копенгагене международный семинар физиков.

Подобная трактовка противоречит здравому смыслу (Дени Дидро сравнивал доводы Беркли об «исчезновении материи» со взбесившимся фортепьяно, вздумавшем играть само на себе; жаль, в XVIII в. ещё не было компьютеров, которые сегодня не только могут «сами на себе играть», но даже близки к самопрограммированию, т.е. «сочинению музыки»). Однако наивный реализм обыденного опыта уже не может лежать в основе научного метода, с помощью которого учёные всё глубже и шире изучают материю. Дать её однозначное определение сегодня уже затруднительно. Экспериментально до сих пор подтверждается в основном копенгагенская интерпретация природы материи как *объективно-субъективной реальности*.

Физическая теория материи на уровне элементарных частиц (так называемая Стандартная модель) представляет собой громадное и фундаментальное объяснение всех основных моментов мироздания, начиная с первых моментов существования Вселенной. Предсказаны и получены в эксперименте почти все элементарные частицы, объяснены их основные взаимодействия. Однако несколько ключевых моментов в этой всеобъемлющей теории до сих пор не получены опытным путём. На решение этой задачи направлен известный уже повсеместно Большой адронный коллайдер в Швейцарии — международный проект 27-километрового ускорителя элементарных частиц, построенного на 100-метровой глубине возле Женевы. С его помощью ученые надеются получить недостающие звенья — объяснить спонтанное нарушение основных симметрий микромира. Если в этом эксперименте будет зафиксирован так называемый бозон Хиггса, значит явление суперсимметрии подтвердится. Если нет — придётся пересматривать всю Стандартную модель, что маловероятно, — уж очень она стройна и полна. Первые результаты работы коллайдера к середине 2012

г. обнадёжили учёных: похоже, частица Хиггса скорее есть... Работа уникального устройства будет продолжена.

Философская модель материи распространяет эту категорию за пределы физического мира — на область живого и её социальную часть. Имеется в виду, что свои материальные основы имеются не только в неорганике, но и у живых организмов и их объединений-биоценозов. Причем они не сводятся без остатка ни к механическим законам движения, ни к физико-химическим процессам, жизнь порождающим и поддерживающим. Законы биологии ни в коей мере не отменяют и не ограничивают законов физики (и химии как её части), но на уровне жизни материя приобретает качественную специфику (её черты перечислялись выше, в предыдущей теме пособия). *Биологическая материя* суть не просто органическое вещество органов и тел, составляющих всю биосферу, а структурно-функциональные основы живого, информационные матрицы его эволюции.

Похожая ситуация складывается в области общественной жизни. Объективные отношения людей и их коллективов, общностей; институты и традиции базируются на свойственной всем приматам высшей нервной деятельности и вне таковой существовать просто не могли бы. Однако социальная материя принципиально отличается от биологической — культура преобразует инстинктивные начала животного поведения, подчиняет их новым, неизвестным природе принципам гуманности, альтруизма, межгрупповой кооперации. Материальные начала социума воплощены в передаваемых из поколения в поколение знаковых системах языка, традициях поведения и технологиях труда, принципах политического устройства и т.п. — надличностных, относительно устойчивых сторонах общественной жизни. Иными словами, *общественная материя* — это не камень и сталь инженерных сооружений, не зерно и мясо продовольствия, даже не бумага и пластмасса носителей информации. Это структуры отношений между людьми в обществе и государстве, на международной арене.

Так что основные **формы существования материи** —

- механическая,
- физическая,
- химическая;
- биологическая,
- социальная

— находятся в отношениях соответствия и в то же время несоизмеримости. Более сложная форма материи «надстраивается» над всеми предыдущими, опираясь на них, но и качественно превосходя их же по уровню сложности и способности к самоорганизации.

Среди учёных существуют две точки зрения на соотношение различных уровней организации материи. Согласно первой из них, наиболее распространённой среди физиков, все нефизические взаимодействия сводимы к физическим (скажем, «химия — это физика молекул»). Согласно другому взгляду, нефизические взаимодействия (биологические, психологические) столь же пер-

вичны, как и физические, не сводимы к ним (так полагают многие биологи и психологи). Примиряющая позиция в этом вопросе уточняет, что по-настоящему первичны физические поля взаимодействия (гравитационные, электромагнитные и др.), а химические, биологические, психологические процессы «сотканы», каждое по-своему, из физических, образуя многоуровневые структуры (паттерны). Специфика нефизических взаимодействий сосредоточена в образующих их структурах (паттернах) физических полей, сами же по себе физические поля этой специфики не несут (С.Д. Хайтун). Так анализ красок на холсте ровным счетом ничего не скажет о самих картинах как произведениях искусства и изображённых на них сюжетах. Но без этих красок и холста картин не существовало бы.

Как бы ни изменялись, ни усложнялись взгляды учёных на устройство материального мира, философы продолжают определять его в целом, выяснять его принципиальные отношения с человеком как уникальным феноменом на границе материи и духа.

У любой материи имеются *атрибуты* — *неотъемлемые, коренные её свойства*, характеристики.

Важнейший **атрибут материи** — **движение**. Как философская категория движение означает *любое изменение* материального объекта, начиная от его перемещения в пространстве и вплоть до качественного изменения со временем. Движение предполагает *взаимодействие* материальных объектов друг с другом, так что их изменения коррелируют между собой.

В качестве одного из моментов движения должен рассматриваться **покой**, т.е. временное и относительное равновесие материальной системы. Покой — результат динамического равновесия внутренних и внешних тенденций изменения определённого объекта. Хотя в одних отношениях объекты покоятся, в других они непременно вовлечены в движение (как, скажем, мебель, здание вместе с Землёй). А через больший или меньший промежуток времени даже в названном аспекте покой сменится движением (мебель развалится, здания обветшают и будут снесены, перестроены и т.д., вплоть до гибели всей планеты Земли).

Таким образом, *движение абсолютно, а покой относителен*. Эта аксиома метафизики, между прочим, привносит здравую дозу скептицизма в житейское мировосприятие. Лучше всех это выразил библейский Экклезиаст:

Род уходит, и род приходит... и нет ничего нового под солнцем.
Тяжкую задачу дал Бог решать сынам человека!..
Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
Время родиться и время умирать,
Время насаждать и время вырывать насаждения,
Время убивать и время исцелять,
Время плакать и время смеяться,
Время разрушать и время строить...
До поры, как порвется серебряный шнур,
И расколется золотая чаша...
И прах возвратится в землю, которой он был,

И возвратится дыхание к Богу, который его дал.

Развитие — определённый тип движения. Можно сказать, что всякое развитие есть уже тем самым движение, но далеко не всякое движение позволено признать развитием. Разница признаков того и другого представлена в виде таблицы:

Признаки движения:	!	Признаки развития:
<i>обратимость</i> к исходным состояниям процесса, приобретающая циклический, маятниковый характер;	!	<i>поступательность</i> от одних стадий, пройденным безвозвратно, к следующим, и т.д.;
<i>разнонаправленность</i> , доходящая до хаотичности неуправляемой массы изменений;	!	<i>однаправленность</i> в ту или иную сторону, ! подчинённость определённой тенденции (прогрессу, регрессу, стагнации);
<i>постоянство</i> структуры и функций движущегося объекта; происходящие с ним изменения не аккумулируются;	!	<i>качественные перемены</i> ! структуры и (или) состава элементов развивающегося объекта;
<i>стохастичность</i> , т.е. открытость любым случайностям, нет связи между прошлыми и будущими состояниями системы, которые предсказать нельзя	!	<i>закономерный</i> , упорядоченный ! характер изменений в соответствии с определённой матрицей результата («цели»).

Таким образом, под развитием стоит понимать *в целом необратимое, определённым образом ориентированное к некоему результату (цели), закономерно упорядоченное изменение качества того или иного объекта.*

Стратегическими направлениями развития принято считать три:

- восходящее (*прогресс*),
- нисходящее (*регресс*) и, так сказать,
- одноплоскостное (*стагнация*).

Применительно к живой природе трудно решить вопрос о критериях прогресса. Многие авторы полагают, что эволюция в конечном счете ведет организмы и целые виды путем усложнения, морфо-физиологического прогресса (ароморфозы). Так что человек — более развитый, продвинутый организм, чем, допустим, лягушка и тем более бактерия. Другие же исследователи находят это

проявлением субъективизма, уже названного выше антропного допущения, которые вроде бы носят вненаучный характер. Ведь по признаку выживаемости видов простейшие ничуть не хуже приспособлены к условиям своего существования, чем человек, а моментами даже лучше.

На мой взгляд, надо согласиться с первой точкой зрения, допускающей понятие прогресса в естествознании. Высшие существа гораздо лучше приспособлены к среде — в том смысле, что могут адекватно реагировать на более широкий круг её разнообразных изменений, причем не только настоящих, но и будущих. Даже если наш вид по каким-то катастрофическим причинам вымрет раньше простейших, этот факт не отменит прогрессивного направления предшествующей эволюции.

Еще сложнее разобраться с прогрессом в человеческих делах и обстоятельствах. Изучая развитие русского языка, современный лингвист Владимир Станиславович Елистратов точно подметил «три основных исторических архетипа»³.

Архетип первый: **всё неуклонно ухудшается**. Золотой век неизбежно сменяется серебряным, серебряный медным, медный железным, железный — концом света. Язык беднеет, сердца опустошаются. Загрязняются реки, толстеют линзы очков...

Архетип второй: **все неуклонно улучшается**. Из упорной плосколобой обезьян ... в конце концов появился человек... Человечество идёт по неуклонному пути прогресса. Сначала оно жило стадами, потом зажило общинами, затем — царствами, наконец — республиками. Скоро, после всеобщей компьютеризации, мы увидим небо в алмазах. Алмазы, надо думать, будут искусственными.

Архетип третий: **всё идёт по кругу**, или, выражаясь иначе, **всё пульсирует**. Главный закон жизни — повторяемость явлений. История человечества — бег по кругу, в лучшем случае (если соединить третий архетип со вторым, как это сделала европейская философия XIX в.) — по спирали». Образ раскручивающейся конусовидной спирали наглядно объясняет, что в процессе развития очередные, более высокие и широкие стадии-«витки» сближаются с предыдущими, но в целом их не повторяют.

Вдумываясь в слова ироничного автора, можешь прийти к выводу, что история нашего мира демонстрирует черты всех трёх вариантов развития. Пока не ясно, какой вектор победит в дальнейшем.

Каждый из нас выбирает себе то, другое или третье мироощущение в зависимости от возраста, темперамента, жизненных обстоятельств. В общественной психологии сочетаются, соответственно, разные настроения по обсуждаемому вопросу: оптимизм, пессимизм, мудрая терпимость. Средства массовой информации навязывают публике *эйфорию прогресса* — «всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц...»; «жить стало лучше, жить стало веселей»; «мы придём к победе...» (коммунистического труда, удвоения ВВП и т.д.). Многие футурологи и религиозные сектанты, напротив, предвидят появление всадников *апокалипсиса* — крах, взрыв, коллапс всего и вся. Прошрое, в самом деле, даёт нам яркие примеры и того, и другого — наши предки и побеждали, и выживали, и погибали. Но гораздо чаще они просто жили — рожда-

³ От греч. arche — начало + typos — образ; прообраз, первичная форма, образец. В философии К.Г. Юнга архетипы — это структурные элементы коллективного бессознательного, унаследованные от предков векторы психических процессов.

лись и умирали, радовались и горевали, любили и ненавидели, воодушевлялись и разочаровывались. Так будет и с нами, и с вами, и со всеми. По крайней мере, в обозримой перспективе. Жизнь нормальна. Что не исключает из неё моментов спада и катастроф. Пропорция роста и спада, длина пути от катастрофы до катастрофы отчасти в руках людей, отчасти дело случая.

Другой вопрос, хорош прогресс или плох — такая формулировка действительно вне компетенции науки. Особенно если мы переносим данный вопрос в область общественного развития. Здесь за прогресс в технике, технологии, общем уровне жизни приходится платить достаточно дорогую цену (экологическими угрозами, усложнением жизни, потерей некоторых её радостей и т.д.). «Все прогрессы реакционны, если рушится человек...» — воскликнул поэт (Андрей Вознесенский). Нередко «прогрессом» кощунственно называли новые витки ужасного регресса (вроде нацистского рейха, «реального» социализма, государства религиозных фанатиков, дикого «рынка» и т.п.). Однако и в этом случае вряд ли можно согласиться с утопией остановки или даже попятного направления общественного развития, иллюзией конца истории, на чем настаивают некоторые философы. Не всякий прогресс — благо; за всякий прогресс приходится чем-то платить; но и любая остановка в решении проблем человечества чревата их необратимым обострением. Решить проблемы прогресса способен только дальнейший, скорректированный прогресс.

Проблематично соотносятся движение (к новому) и покой (любовь к старому, стабильному) в личной жизни каждого человека. Одни натуры более авантюристичны и открыты обновлению самих себя и внешних условий своего существования. Их девиз: «Лучше пожалеть о том, что пошёл куда-то, чем о том, что остался дома». Другие предпочитают отгораживаться от мира и его вызовов скорлупой давних привычек и насквозь знакомых обстоятельств. Примером могут служить путешествия. Если подолгу сидеть на одном месте — мировосприятие человека блекнет, если же всё время странствовать — душа черствеет.

Александр Володин зарисовал и осмыслил такую картинку:

А девушки меж тем бегут,
Пересекая свет и тьму.
Зачем бегут? Куда? К кому?
Им плохо тут? Неплохо тут.
На них бредущие в обиде.
Завидуют уставшие.
«Бегите, девушки, бегите!» —
кричат им сёстры старшие...
Бегите же, пока бежится.
А не снесёте головы —
Хотя бы память сохранится,
как весело бежали вы...

В фильме Лукино Висконти «Леопард» (Франция – Италия, 1963) Алан Делон играет роль Танкреди Фальконьери, любимого племянника старого аристократа князя Салина (Берт Ланкастер). Молодой человек олицетворяет собой новую эпоху, смену человеческих отношений и жизненных ценностей. В отличие от дяди, племяннику удаётся приспособливаться к любым обстоятельствам. Во время спора с дядей он произносит ключевую фразу фильма:

«Если мы хотим, чтобы всё осталось по-прежнему, надо, чтобы всё изменилось». Равняясь на объективные обстоятельства, он женится не на влюблённой в него дочери обедневшего князя, а на богатой дочери влиятельного политика (её играет Клаудиа Кардинале). Похожий выбор между старым и новым приходится периодически совершать едва ли не каждому из нас.

В особых оговорках нуждаются попытки реформаторов и тем более революционеров быстро изменять к лучшему (с их точки зрения) устройство целого общества. Нередко такие попытки приводили, повторяю, к обратному результату — жуткому упадку культуры, заметному снижению уровня жизни большинства населения, даже геноциду. Так, в результате Октябрьской революции 1917 — 1930-х гг. в России не только потребовалось ни за что, ни про что насильственно умертвить несколько миллионов соотечественников, но и на много десятилетий приучить выживших к товарному дефициту, очередям за предметами первой необходимости, заметному оскудению ассортимента, падению качества продукции и производительности труда, повсеместной нехватке благоустроенного жилья, ограничению возможностей здравоохранения и социального обеспечения; снижению уровня образования, особенно гуманитарного; т.п. печальным последствиям. Авторы всех этих регрессивных изменений декларировали и, может быть, частично сами верили в лучшие, прямо-таки радужные цели социальной справедливости и всеобщего благоденствия.

Демократические реформы 1990-х гг. в России позволили в сжатые сроки преодолеть многие из пороков советского строя: заложить основы рыночных отношений, наполнить прилавки множеством товаров, открыть границы страны для туризма и прочих культурных обменов. Вместе с тем, распад СССР оказался оплачен дорогой ценой: сотни тысяч соотечественников в странах «ближнего зарубежья» были брошены на произвол судьбы; вспыхнули локальные войны; в нашу страну проник терроризм; а само российское общество оказалось расколото на богатых и бедных, относительно процветающие мегаполисы и прозябающую провинцию. Благодаря объективным сложностям и бездарным ошибкам политиков развитие нашей страны пошло по гораздо более сложному и трудному пути, нежели у наших соседей по Восточной Европе или даже в Китае. Однако я бы расценил новейшую историю России именно как развитие, т.е. закономерное, давно назревавшее изменение всех сторон его жизни. Разумеется, эту оценку можно, а может быть даже нужно оспорить (см. выше про пессимизм, оптимизм и взвешенное, умудрённое восприятие хода событий в нашей жизни).

Как ни суди, нельзя заключить, что обществу вообще противопоказаны реформы, в том числе весьма радикальные. Как и отдельный человек, чтобы сохранить всё самое для себя ценное, обязан меняться с годами, нередко весьма круто, так и социум время от времени нуждается в переменах своей структуры и функций. Однако эти перемены обязаны щадить ныне живущие поколения людей, а не приносить их в жертву будущим. Хотя до сих пор чаще всего бывало наоборот — согласно пословице, которую любил цитировать Сталин: «Лес рубят — щепки летят». К сожалению, и в личной судьбе трудно обойтись без бо-

лее или менее драматичного выбора — какой ценой оплатить «лучшее будущее» (т.е. кого предать, оставить в прошлом, ради чего?..).

Пространство и время — тоже всеобщие формы бытия (атрибуты) материального мира.

Кроме движения и развития, материальные объекты немислимы вне таких своих универсальных качеств, как пространство и время. Они обладают не менее удивительными свойствами, чем материя как таковая. С одной стороны, мы отчётливо ощущаем близость и отдалённость отдельных предметов, их сравнительные размеры; правую, левую, переднюю и заднюю стороны света; его перспективные линии; временные интервалы разной величины; т.п. характеристики нашего бытия. Однако нельзя увидеть, вообще ощутить пространство в отдельности от различных предметов; времени — от происходящих с нами событий. Если отдельные локусы пространственного размещения предметов, различные временные отрезки нашей жизни явно конечны, то пространство и время в целом столь же явственно неограничены, без конца и начала.

Иммануил Кант свёл эти парные категории к формам субъективного восприятия действительности человеком, причём восприятия доопытного (априорного) для каждого индивида. Готфрид Вильгельм Лейбниц предложил понимать пространство и время чисто функционально — как отношения между отдельными явлениями природы, не как самостоятельные её начала.

Как видно, данные понятия носят многоаспектный, междисциплинарный характер. Они изучаются не только философией, но и в какой-то степени всеми остальными отраслями естествознания и обществоведения. Геометрия специально рассматривает свойства пространства как такового, отвлекаясь от наличия в его структуре отдельных объектов. Физические науки, в особенности квантовая механика и астрофизика, исследуют взаимодействие пространства и времени с явлениями микро-, макро- и мегамиров. Химические и биологические дисциплины трактуют зависимость свойств веществ, их соединений, живых организмов и биоценозов от пространственной архитектоники и временной динамики атомов, молекул и органических «цепей». Социально-историческое познание интересуют географические параметры и временные темпы общественных процессов. Психология обращает внимание на внутреннее восприятие, переживание людьми своего места в пространстве и времени. И т.д. На долю философии, как всегда, остаются общие определения, интегральные оценки соответствующих измерений бытия.

Пространство можно определить как *взаимное расположение и одновременное сосуществование материальных предметов; структурированность объективного мира*. Универсальными показателями пространства считаются:

- *протяжённость* (и, соответственно, метричность) материи, что позволяет определять расстояния между рядоположенными объектами, их частями; выяснить их взаимодействие;
- *симметричность* макромира, где имеются три равноправные измерения пространства, создающие его объёмность; что касается пространственного уст-

ройства микро- и мегамиров, то они, скорее всего, в этом отношении *неоднородны* (исчезающие малые пространственные интервалы там порождают догадки ученых о «зернах» или же «квантах» пространства, между которыми оно «сворачивается» в «чёрные дыры», замкнутые области Вселенной, где пространство, получается, отсутствует; а точнее говоря, проявляют асимметрию свойств, когда векторы «правого и левого», «верха и низа» и т.п. не полностью идентичны по своим качествам);

- *безграничность*, которая должна пониматься не количественно (отдельные участки мироздания как раз предельны), а качественно, — в смысле безусловности и открытого разнообразия уровней пространственной организации материи.

Таким образом, *пространство* — вовсе не пассивная и инертная среда для протекающих в нем материальных процессов, но *активная сила*, на эти процессы влияющая. Пространство складывается из разнокачественных и в свою очередь многоуровневых миров, каждый из которых ограничен по сравнению с другими; бесконечна их совокупность. Пока самый большой пространственный интервал, известный науке, — расстояние до отдалённых галактик, видимых в телескопы: 10 в 27 степени световых лет, что равно 5 миллиардам световых лет (световой год — расстояние, пробегаемое в течение года светом, движущимся со скоростью 300 000 км в секунду). Самые же малые пространственные интервалы в природе, измеренные на сегодняшний день, — диаметр атомного ядра: 10 в минус 12 степени см и диаметр сердцевинки нуклона: 10 в минус 13 степени см.

Время в самом широком смысле этого понятия представляет собой последовательное существование сменяющих друг друга состояний некоторого материального процесса; необратимая последовательность и длительность отдельных событий при существовании материальных систем.

В отличие от пространства, время:

- *однонаправленно* и потому по сути необратимо; оно «течёт» от прошлого через настоящее к будущему; и в той же самой степени «надвигается» из будущего, чтобы миновать настоящее и превратиться в прошлое; так называемая «машина времени» (см.: Артур Конан Дойл «Сквозь пелену»; Марк Твен «Янки при дворе короля Артура»; Герберт Уэллс «Машина времени»; Марсель Пруст «В поисках утраченного времени»; Михаил Булгаков «Иван Васильевич»; Александр Грин «Клубный арап»; братья Стругацкие «Понедельник начинается в субботу», «Сказки о тройке»; т.п. произведения художественной фантастики) — не более чем художественный приём;

- *размеренно* — так, что *физико-математическое* (во многом условное — календарное, эталонное) время, причем опять-таки в масштабах макромира, монотонно, не знает перерывов, измеряется в одинаковых единицах отсчета; тогда как *астрофизическое и квантово-механическое*, тем более *биологическое и социальное времена* (уровни организации времени) могут менять ритм, ускоряться или замедляться, даже прерываться — прежде всего, в связи с изменением про-

странственных размеров материальных систем; эта взаимосвязь образует *пространственно-временной континуум*.

Чаще всего «квантуется», меняет ритм *психологическое время*, т.е. субъективное восприятие внешнего хода событий человеком. В среднем с возрастом восприятие времени ускоряется — у молодых людей время чаще монотонно тянется, а у стариков пролетает во мгновение ока.

Я знаю — время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течёт
Незамутнённое, простое —
Часов и дней немолчный счёт...

С. Я. Маршак

Разночинец, недавний попович, уже строевой офицер и начинающий (в будущем — великий) археолог Василий Городцов записал к себе в дневник, сохранившийся в его личном архиве: «День графинь Уваровых (Прасковьи Сергеевны и её дочерей Прасковьи и Екатерины — С.Щ.). Я не знаю, можно ли лучше и разумнее жить, чем живут графини. Их время, занятия, отдых, всё распределено с таким умом... Недаром графини пользуются хорошим, бодрым настроением и здоровьем. Их жизнь следует изучать и брать в образец. В 9 часов они пьют чай. С 10 до 12 часов энергично работают. В 12 часов лёгкий завтрак. С 12 до 3 — отдых и прогулки. В 3 ½ — чай. С 3 ½ до 5 опять работа. В 5 часов — обед из трех или четырех блюд, всегда с фруктами. Обед рациональный, легкий, гигиенический. После обеда с час времени лёгкие домашние занятия или прогулка. С 6 до 9 опять серьёзные занятия. В 9 часов вечера чай, после которого все члены семьи обмениваются своими впечатлениями, затем опять занятия или распоряжения по дому и хозяйству. Графини часто ездят в лес для осмотра участков ...; тоже для осмотра школ. ... Таким образом, люди, имеющие средства жить сибаритами, живут действительно трудовой разумной жизнью. Следует заметить, что описываемую здесь жизнь графини ведут на даче и считают её летним отдыхом. ... Я никогда не видел, чтобы графини имели печальные, утомлённые лица; они всегда и все жизнерадостны, энергичны, свежи»⁴.

Как и вообще люди, мы делимся по ежедневному графику сна и бодрствования на «сов» и «жаворонков».

Вот два моих знакомых учёных. Один филолог, лингвист, второй археолог, историк. Первый — заслуженный деятель науки Российской Федерации (в провинции это звание имеют единицы наших коллег, не в пример заслуженным работникам высшей школе — тех хоть пруд пруди). Автор кучи монографий, учебников, пособий, словарей. Второй недавно защитил докторскую, создал и возглавил региональный НИИ археологии. Как они работали, чтобы получить свои незаурядные научные результаты? По-разному. Вот их средние рабочие дни, которых, пожалуй, за год наберётся под 300 (за вычетом воскресений, отпуска, рабочих поездок и экспедиций, где режим меняется).

⁴ Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 144. М.: 2005. с. 11–12

Филолог встаёт очень рано, часов в пять. Выпив чашку кофе, садится к столу и набрасывает мысли и факты (для последующей записи в компьютер). В восемь часов он (в прошлом альпинист и бегун марафонец) бежит трусцой в парке под окнами своего дома несколько кругов, делает физзарядку. После завтрака, в девять утра он уже на кафедре в институте, благо тот в двух остановках троллейбуса от его дома (это расстояние он чаще проходит пешком). До обеда — лекции, беседы с аспирантами, дипломниками; набор в компьютер очередной порции словаря или другой книги; решение текущих кафедральных дел (заведующий кафедрой, лабораторией). В час дня он уже дома — обед. После него с полчаса лежит, а затем направляется — через улицу — в областную научную библиотеку. Там проводит за чтением и выписками несколько часов (Уже сорок лет подряд!). Перед ужином прогулка. На нём же покупки в магазинах и на рынке; большая часть кухонных работ и уборка квартиры. Вечером чтение, немного телевизора, общение с женой; звонят или приходят взрослые дети и внуки. Ложится, по общим меркам, рано — часов в десять. Раз в неделю — обязательно парная баня, с веником и любительским массажем. Никогда не курил; алкоголь — очень редко, при встрече с другом, и преимущественно виноградное вино. Летом — несколько недель на море. Наш герой недавно отметил 70-летний юбилей. Но на его режиме возраст не сказывается. Описанным образом он живёт и работает уже скоро полвека. Его возраста на вид ему никто не даст.

Археолог живёт иначе. Работает он в основном вечерами, прихватывая часть ночи. Много курит, и по ходу работы, и в паузах; дешёвый табак. Физическая активность ограничивается прогулками с пуделем, спорадической вознёй на даче, да ходьбой на раскоп летом, в экспедиции. Довольно много пьёт, самые разные напитки, преимущественно крепкие; по поводу и без повода; с возрастом, правда, поменьше и пореже. Научная работа археолога делится на полевую и кабинетную. Летом надо организовать работу и отдых сотни-другой молодых людей, что называется в чистом поле — палаточном лагере на опушке леса. Кормить, поить, учить методике раскопок, строить дисциплину. Раскопки длятся месяца два. После них нередко — поездка на грузовой машине по другим памятникам, их разведка. Добытый раскопками материал надо обработать, инвентаризировать, задокументировать, изучить и обобщить в виде полевого отчета, статей и книг. Материал колоссальный, не успеешь обработать — не получишь открытого листа на следующий год раскопок. Как говаривал покойный академик Б.А. Рыбаков: «Наши археологи пьют как бурлаки. Но и работают они как бурлаки» (парафраз известного стиха Н.А. Некрасова). Археолог выглядит старше своих лет.

Если поменять режимы филолога и археолога, ни тот, ни другой работать не смогут. Первому претят рваный ритм жизни и бытовые наркотики. Другому — клонированные по часам дни и ночи. У каждого свой светofор, как выразился О. Генри.

Чтобы не отстать от времени, не затеряться в пространстве, личность должна выработать наиболее естественный для себя график труда и отдыха, с возрастом вносить в него определённые коррективы. Все выдающиеся личности, таланты и тем более гении отличались удивительным трудолюбием. Они работали каждый день, и труд приносил им радость, награждал открытиями и свершениями. Вместе с тем, только акцентуированные личности, фанатики совсем отказываются от жизненных радостей, прежде всего периодического отдыха, в том числе пассивного. Трудоголики и сибариты — крайние варианты жизненных типов. Выиграть у времени и пространства личной жизни возможно только соразмеряя человеческое существование с их вечными параметрами и вызовами нашей воле.

Перечисленные по этому разделу курса **философские проблемы естествознания** сложны и открыты для дальнейшего обсуждения. Общая картина природы в наши дни радикально меняется. Однако надо отличать действительные открытия новых свойств материи и возможностей человека от его же собственных фантазий и мечтаний на научные и вненаучные темы. Не всё мыслимое возможно; законы природы могут дополняться новыми, но не нарушаться произвольно. Обсуждать природу вещей надо, опираясь на знания, желательно фактические, экспериментальные, и современную логику нашего разума.

Приложение

Н.В. Тимофеев-Ресовский **Воспоминания**

В моё время в университете все структуры и всё преподавание было построено совершенно иначе, чем сейчас. Во-первых, не было этой бешеной специализации и многофакультетности. В сущности, было четыре факультета: медицинский, юридический, историко-филологический и физико-математический. Юридический был в то время общеобразовательным, на него шли люди, которые ничем особенным не интересовались, но им нужен был диплом о высшем образовании для чисто служебных целей. Историко-филологический и физико-математический разделялись уже на несколько, немного, отделений. Например, на физико-математическом факультете было астрономо-математическое отделение, физическое отделение и естественное отделение, в которое входили все науки, от химии до антропологии и географии.

На естественном отделении первый курс был общий для всех. И это очень было хорошо. Во-первых, потому, что всем естествознакам давало основы основных подразделений естествознания. На первом курсе слушали курс общей физики, общей химии, общей зоологии, общей ботаники с соответствующими малыми практикумами. И лишь со второго курса начиналась специализация ... — зоологи, ботаники, химики, геологи... Первый курс естественного отделения физико-математического факультета ... давал возможность поступившим в университет студентам всерьёз избрать себе специальность. Потому что большинство поступающей в вузы молодежи, в сущности, всерьёз не знает, чем она, эта молодежь, интересуется. ...

Обыкновенно очень крупные ученые бывают неважными профессорами, ораторами не бог весть какими, да и с точки зрения построения их курсы часто бывают сумбурны. И наоборот, так сказать, кафедральные златоусты обыкновенно бывают научными пустышками, ничем не интересными исследователями. Я всю жизнь делал всегда то, что хотел, и не изображал из себя какую-то фигуру, которая страдает от того, что её заставляют всё время делать не то, что ей хочется. ... А крупным, действительно всерьёз крупным учёным не может быть некрупный человек. Некрупный человек может быть хорошим специалистом, но он не может быть крупным учёным. ... Все эти профессорские и академические чины на меня никак не действуют. Я считаю, что это, скорее, отбор по признаку лёгкой бездарности, чем наоборот. Среди академиков, в том числе русских, и даже среди советских академиков, было несколько человек и есть ещё несколько человек действительно крупных ученых, но это, конечно, исключения. Большинство — чиновники. ... Люди бывают очень плохие, плохие, средние, хорошие, очень хорошие, и есть некоторое количество замечательных людей.

... Конечно, ни одна страна в мире не могла бы выдержать таких потерь, как Россия. Колоссальная крестьянская страна, многонациональная, не успевшая ещё утрамбоваться, как началась эта самая власть, начался сталинский режим. ... Это восточная сатрапия. Полный произвол. Все зачатки разумного в сталинские времена у нас подавлялись совершенно. ... Когда всё это кончится? Вот всякая эта молодежь прогрессивная, всё требует демократии, того, сего. Спаси, Господи, и помилуй! Вы представляете, что у нас будет, если у нас вдруг демократия появится?.. [1980 г.]

Вопросы для обсуждения текста

Д. Гранин свой роман — жизнеописание Николая Владимирович Тимофеева-Ресовского назвал «Зубр». Это прозвище одного из самых выдающихся русских учёных привилось. Как вы думаете, почему?

Чем университетская подготовка ученого физика или биолога сегодня отличается от той, что описана в процитированных воспоминаниях об университетах столетней давности? Какую педагогическую методику вы считаете лучшей?

Как, по-вашему, должны соотноситься теоретические и специальные, клинические дисциплины при подготовке медиков с высшим образованием? Надо ли давать будущим медикам ещё и общегуманитарную подготовку? Аргументируйте свой ответ.

Надо ли учёным высказываться на темы общественной жизни, политики? Могут ли их экспертные оценки повлиять на ход исторических событий?

Согласны ли вы с утверждением автора воспоминаний, что для успехов в науке важны личностные, человеческие качества учёного?

Среди ваших преподавателей встречались те типы учёных, что выделены в этих воспоминаниях?

Имеет ли, на ваш взгляд, перспективы карьера учёного в современной России? Прекратится ли так называемая «утечка мозгов» из нашей страны? Какие меры могут повысить престиж профессии учёного?

Вы сами ощущаете интерес к науке? Появлялось ли у вас желание стать учёным? Обоснуйте положительный, либо отрицательный ответ на этот вопрос.

VI. ЧЕЛОВЕК

Теоретический минимум

1. Философские проекции человека:

- а) антропология как наука и ее варианты;
- б) исходные понятия антропологии: индивид; личность; индивидуальность; человек;
- в) антропологический поворот в философии XX в.; гуманизм как теоретический и практический абсолют.

2. Происхождение людей и отличия человека:

- а) разные теории появления человека и общества;
- б) природные условия, основные факторы и этапы антропогенеза по данным современной науки;
- в) встреча неандертальцев и кроманьонцев как рубеж появления верхнепалеолитической культуры;
- г) первобытная культура и искусство: достижения и барьеры.

3. Видовые критерии человека, его место в животном мире и роль на Земле. Телесная, психическая и духовная стороны человеческого бытия. Жестокость и милосердие, антагонизм и взаимопомощь — вечные полюсы человеческих отношений.

Литература

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012. (Гл 3. «Антропологический поворот в философии»).

Введение в философию. М., 2003 (Разд II. Гл. 4. «Человек»; гл. 11. «Личность»).

Ермакова Е.Е. Философия. М., 2004 (Гл. IV. «Новое поприще философии», или «наука о человеческой природе» (Философская антропология)).

(Гл 3. «Антропологический поворот в философии»).

Моторина Л.Е. Философская антропология. Учебное пособие. М., 2005.

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. X. «Человек и его бытие в мире»).

Щавелев С.П. Практическое познание. Воронеж, 1994.

Касавин И.Т., Щавелёв С.П. Анализ повседневности. М., 2004.

Антропология. Хрестоматия / Ред.-сост. *В.Ю. Бахолдина, М.А. Дерягина*. М., 1997.

Феномен человека. Антология / Сост. *П.С. Гуревич*. М., 1993.

Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь. СПб., 2011.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб., 2010.

Бердяев А.Н. О назначении человека. М., 1993.

- Бехтерев В.М.* Проблемы развития и воспитания человека. Избр. психологические труды. М. – Воронеж, 2010.
- Болдуин Д.М.* Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. Исследование по социальной психологии. Т. 1. Личность / Пер. с англ. М., 2011 (Из наследия мировой психологии).
- Бубер М.* Я и ты. М., 1993.
- Бубер М.* Проблема человека // *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.
- Войтыла К (Папа Римский Иоанн Павел II).* Личность и поступок. Антропологический трактат / Пер. с ит. М., 2010 (Книга мысли).
- Вульф К.* Антропология. История, культура, философия / Пер. с нем. СПб., 2008.
- Гелен А.* О систематике в антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Давыдов Ю.Н.* Любовь и свобода. Избранные сочинения. М., 2008.
- Камю А.* Бунтующий человек. М., 1996.
- Мечников И.И.* Этюды о природе человека. М., 2011 (Золотая библиотека российской медицины).
- Мунье Э.* Персонализм. М., 1992.
- Рикёр П.* Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М., 2002.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987.
- Тиллих П.* Мужество быть / Пер. с англ. М., 2011.
- Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Разговор на просёлочной дороге. М., 1991.
- Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 1998.
- Человек в единстве социальных и биологических качеств / Отв. ред. *А.А. Гуссейнов.* М., 2012.
- Честертон Г.К.* Вечный человек. М., 2003.
- Шарп Д.* Типы личности. Юнговская типологическая модель / Пер. с англ. СПб., 2008.
- Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Эккерман Дж.* Краткая история человеческого тела. 24 часа из жизни тела: секс, еда, сон, работа / Пер. с англ. СПб., 2008.
- Дерягина М.А.* Эволюционная антропология. Биологические и культурные аспекты. Учебное пособие. 2-е изд. М., 2003.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. Учебник для студентов вузов. М., 1978.
- Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология. Учебник для студентов биологических специальностей вузов. М., 1991.
- Яблоков А.В., Юсуфов А.Г.* Эволюционное учение (дарвинизм). Учебник для биологических специальностей вузов. 4-е изд. М., 1998 (Гл. 18. «Антропогенез»).
- Алексеев В.П.* Становление человечества. М., 1984.
- Андреев И.Л.* Происхождение человека и общества. М., 1982.
- Бейли Д., Седдон Т.* Доисторический мир. М., 1995.
- Бутовская М.Л., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества. М., 1993.
- В поисках сексуальности. Сб. статей / Под ред. *Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* М., 2002.
- Верещагин Н.К.* Почему вымерли мамонты. Л., 1979.
- Гроувс К.* Происхождение современного человека // Человек. 1996. № 3.

Джохансон Д., Иди М. Люси. Истоки рода человеческого. М., 1984.

Дольник В. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М., 1994.

Зубов А.А. Дискуссионные вопросы теории антропогенеза // Этнографическое обозрение. 1994. № 6.

Зубов А.А. Неандертальцы: что известно о них современной науке? // Этнографическое обозрение. 1999. № 3.

Зубов А.А. Становление и первоначальное расселение рода Номо. СПб., 2011.

Иди М. Недостающее звено / Пер. с англ. М., 1977 («Возникновение человека»).

Козинцев А.Г. Проблемы грани между человеком и животными: антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1997. № 4.

Констебл Дж. Неандертальцы / Пер. с англ. М., 1978 («Возникновение человека»).

Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. Л., 1991.

Линден Ю. Обезьяны, человек, язык. М., 1981.

Майр Э. Человек как биологический вид // Природа. 1973. № 12.

Нейфак А.А. Мы всё ещё кроманьонцы // Человек. 1996. № 3.

Придо Т. Кроманьонский человек. М., 1979 («Возникновение человека»).

Природа и древний человек (Основные этапы развития природы, палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене) / Сост. *Г.И. Лазуков*. М., 1981.

Семёнов Ю.И. Люди или животные? // Природа. 1973. № 2.

Томас Г. Древний человек. М., 2002.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. М., 2004.

Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Брюнинг В. Философская антропология. Исторические предпосылки и современное состояние // Западная философия. Итоги тысячелетия. Екатеринбург, 1997.

Будева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.

Бутовская М.Л., Дьяконов И.Ю., Ванчатова М.А. Бредущие среди нас. Нищие в России и странах Европы: история и современность. М., 2006.

Елисеев О.П. Социальная антропология. СПб., 2005.

Жаров Л.В. Человеческая телесность: философский анализ. Ростов-на-Дону, 1988.

Клонингер С. Теории личности и познание человека / Пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2004.

Кон И.С. Лики и маски однополюс любви. Лунный свет на заре. 2-е изд. М., 2003.

Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб., 1997.

Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.

Марков Б.В. Человек и общество в процессе цивилизации. СПб., 2003.

Подорога В.А. Феноменология тела. М., 1995.

Пушкарёва Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.

Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

Ференци Ш. Тело и подсознание. Снятие запретов с сексуальности. М., 2003.

Философия человека: традиции и современность. В 4-х ч. М., 1991.

Фрай М., Щеглов Л. Книга извращений. Антология. СПб., 2002.

Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности / Пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2004.

Человеческая реальность: проблемы теории. М., 1999.

Чеснокова Т. Пост-человек. От неандертальца к киборгу. М., 2008.

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.

Щеглов Л. Энциклопедия секса. СПб., 2002.

Ярошевский Т.М. Размышления о человеке. Марксистская концепция личности и принципы социалистического гуманизма. М., 1984.

Тематика рефератов

Человек как предмет философской антропологии.

Сёрен Кьёркегор (1813–1855) — вестник человеческого существования..

Макс Шелер (1874–1928) — основатель философской антропологии.

Эммануэль Муньё (1905–1950) и его философия персонализма.

Арнольд Гелен (1904–1976) о природе человека и его положении в мире.

Философия экзистенциализма о духовном мире человека и его жизненных перспективах.

Новые открытия ископаемых предков человека и их значение для концепции антропогенеза.

Современные данные и гипотезы о неандертальском человеке.

Богословие против дарвинизма: кто победил?

П. Тейяр де Шарден и его философско-антропологическая концепция.

Б.Ф. Поршнев и его идея реликтовых гоминид.

«Снежный человек»: история поисков и биологическая экспертиза.

Эксперименты зоологов с обезьянами: новые данные об интеллекте животных.

Происхождение знаковой деятельности гоминид.

Продолжается ли эволюция человеческого рода?

Текстологический практикум

Габриэль Марсель

Человек, ставший проблемой

1. Человек, открытый счастью и страданию, — основной вопрос философии экзистенциализма.

2. Габриэль Марсель (1889–1973) как философ и писатель.

3. Трактат «Проблематизированный человек» (1955) о таких феноменах людско-го бытия, как отчуждение, предательство, беспокойство и т.п.; об антропологических воззрениях Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра.

Литература

Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избр. работы. М., 1995.

Введение в философии. М., 2003 (I. IV. 2. 2 «Экзистенциализм»).

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990.

Конспект

Человек — первая и вечная **проблема** для самого себя. С давних пор богословы, философы, натуралисты, поэты размышляли о природе и назначении человека. Каждая эпоха европейской истории позволяла нарисовать ту или иную картину людского бытия. Мыслители античности начинали изучение природы, поэтому человек в их глазах — микрокосм, подобие большого космоса. Средневековые теологи видели в человеке образ и подобие Божие, орудие все-

вышнего провидения. Просветители Нового времени восславили человеческий разум, в тени которого ютились прочие людские страсти; вместо человека на арене философии фигурировал субъект познания. *Антропологический поворот* европейской мысли предсказали представители *философии жизни*. Фридрих Ницше и Сёрен Кьёркегор задумались об индивидуальной конкретизации человеческого существования как проблеме философии. Своё полное воплощение антропологический подход в философии достиг в *экзистенциализме* (позднелатинское слово *existencia* означает существование, т.е. способ бытия человека в мире и его сущностные характеристики). Так в составе философского знания оформился относительно самостоятельный раздел — антропология.

Антропология в дословном переводе с греческого — *наука о человеке*. А изучать самих себя мы можем в разных масштабах и ракурсах. Поэтому различаются несколько вариантов (направлений) комплексного изучения человека и объяснения его места в мире. А именно:

- антропология *биологическая* — она о происхождении и эволюции физической организации человека и его различных рас; о том, как устроено наше тело, в особенности головной мозг; чем одни популяции населения Земли отличаются от других в анатомо-физиологическом отношении; какое место занимает человек как вид в мире животных;

- антропология *культурная* (или же *социальная*) — про общее и особенное в образе жизни разных народов Земли; традициях их быта, труда и досуга (например, домостроительства, пищевого рациона, одежды, промыслов и ремесел, т.д.; счета родства, общественной организации, религиозных верований и т.п.); основное внимание тут уделяется племенам и народам, отставшим в своем развитии от цивилизованного человечества, живущих в экстремальных природных условиях (крайнего севера или, напротив, тропиков), сохранивших архаичные, по сути первобытные формы жизни; столь традиционные социумы выступают как модели человеческого бытия, не измененного цивилизацией;

- антропология *философская* — о той или иной сущности человека как такового, всей полноте человеческого существования; принципах его отношений с окружающим миром; обобщая самые разные проекции человека в отдельных науках, естественных и общественных, философская антропология ищет ответ на вопрос об интегральной природе человека, соотношении его важнейших сил — телесных, психических и духовных.

Названные варианты человеческого самопознания, конечно, перекликаются между собой, обмениваясь фактами и выводами. Вместе с тем, говорить о какой-то единой модели Человека едва ли возможно. С одной стороны, ясно, что люди представляют собой определенную разновидность животных; высшую ступень органической эволюции на Земле. Телесно человек принадлежит к млекопитающим животным, образуя особый их вид — *гоминид* («человечных» существ). Наши ближайшие «родственники» среди зверей — *понгиды* (человекообразные обезьяны вроде шимпанзе, гориллы, орангутангов). Биологически эти обезьяны очень похожи на людей (с шимпанзе нас разделяет отсутствие у них

одной хромосомы). Люди сохраняют животные (инстинктивные) черты и в своем поведении (см. ниже раздел об этологии). В каком-то смысле человек — самый страшный зверь на планете, уничтоживший за несколько миллионов лет своего существования мириады живых существ вокруг себя. Ни один другой вид животных не убивал столько своих собственных представителей и не делал это с такой жестокостью.

С другой стороны, интеллектуально, а особенно духовно люди коренным образом отличаются от животных — своими способностями абстрактно мыслить, создавать ценности культуры, понимать отвлеченные от непосредственной жизнедеятельности цели и изобретать всё новые средства для их достижения. Сознание человека достигает степени *самосознания* — оценки дурных и хороших поступков, предвидения неизбежных страданий, факта неминуемой смертности. Сознание позволяет человеку вырваться из плена инстинктов, вести себя свободно по отношению к среде обитания и себе подобным. Освободившись от власти тела, душа периодически создает ему угрозу — люди оказываются способны на противоестественное поведение, в их среде возникают такие преступления и извращения, которые невозможны среди животных (хотя в своем большинстве и находят там свои более или менее отдаленные прототипы). Но те же самые по своей природе люди постоянно совершают подвиги добра, любви и милосердия. Человечество не раз ставило природу на грань глобальной катастрофы (от истребления мамонтовой фауны до ядерных взрывов). Однако только люди могут спасти от этой катастрофы среду своего обитания.

Расхождение в философских трактатах слова о *комплексной — биосоциальной природе человека* тоже мало что поясняют в указанной парадоксальности людской природы, то и дело разорванной между телом и духом, добром и злом.

Поэтому не случайно расходятся между собой *философские концепции человека*. Они зависят, ясное дело, от общих установок того или иного мыслителя — религиозных или светских, оптимистических или пессимистических, консервативных или радикалистских; от ориентации на ту или иную отрасль науки, что причастна к изучению людей. Пусть очень важную саму по себе, но ведь далеко не исчерпывающую характеристику человека представители тех или иных философских школ обычно выдают за самую главную, вечную.

Философы-идеалисты искали родовую сущность человека в тех или иных его сверхживотных — психических, душевных способностях. Для *Рене Декарта* это *мышление* (*cogito ergo sum* — «мыслю, следовательно существую»); *Артур Шопенгауэр* и *Фридрих Ницше* возводили на высший пьедестал *волю* (к власти, победе над собственной хлостью и внешними препятствиями); *Эрнст Кассирер* выделял *фантазию* как способность оперировать символами и их системами (в виде мифологии, религии, науки); *Сёрен Кьёркегор* и его последователи экзистенциалисты вроде *Мартина Хайдеггера* или *Жана-Поля Сартра* обращали особое внимание на вечный онтологический *страх* личности перед Ничем и соответствующие ему переживания — страдание, отчаяние, трепет, надежду.

Величайший философ античности *Аристотель* рассматривал человека как «животное политическое», чей разум позволяет ему объединяться в государства, вести цивилизованный образ жизни. В иудео-христианской традиции *библейские пророки* и *апостолы* рассматривают человека как образ и подобие божие, но вместе с тем и как арену борьбы добра и зла, святости с первородным грехом.

Философы-материалисты сводили человеческую природу к чему-то внешнему по отношению к самому по себе духу — способности *трудиться* («животное, выделяющее орудия», по *Бенджамину Франклину*); *любить* других людей, устанавливать сердечное отношение между Я и Ты (*Людвиг Фейербах*); *воевать* с себе подобными за всеобщую справедливость, бунтовать против традиций (*Карл Маркс* и прочие революционеры); «Я возмущаюсь, следовательно, мы существуем», по *Альберу Камю*.

Споры о самом главном в человеке вовсе не мешают философам плодотворно обсуждать различные другие вопросы о его роли в разные эпохи мировой истории и, особенно, в наши дни, в начале XXI века. В недавнем прошлом человек представлялся чем-то сугубо вторичным, побочным по сравнению со всем обществом, государством, миром идей и понятий (наукой или религией). В индустриальном обществе, в эпоху классического капитализма отдельный рабочий или даже инженер служили «винтиками» огромного конвейера индустрии. Казалось, что в условиях рыночного хозяйства всё определяют массы — потребителей, исполнителей, солдат или избирателей. Еще больше подавляли человека тоталитарные режимы социалистического, либо фашистского типов. Они приносили любую личность в жертву «светлому будущему» — коммунизму или же «вечному рейху». Ставили на службу партии (коммунистов или нацистов), классу (пролетариату или бюргеру), расе (арийской или славянской), нации (нашей или чужой). На фронтах мировых войн, в концентрационных лагерях погубили миллионы ни в чем не повинных людей — и Западный мир не рухнул, продолжал своё развитие. А на Востоке человек и не пытался освободиться из-под пяты фараона, раджи, императора, хана, лидера партии. Что значит одна песчинка, если в пустыне буря? Капля воды, когда идет цунами?

Между тем в философии и других сферах социальной науки набирали идейную силу те направления, которые анализировали именно личность отдельного человека, его переживания и надежды. Гуманистические варианты философствования предвосхитили наступление нового этапа развития западной цивилизации. Его называют постиндустриальным или же информационным обществом. Основным товаром и капиталом становится интеллект и другие способности человека к творчеству, фантазии, игре. Одновременно изменяется баланс между производством и потреблением его продуктов, работой и досугом. Благодаря развитию компьютерных и прочих высоких технологий становится возможным посвящать труду сравнительно малую часть жизненного времени; занимать непосредственно в материальном производстве всего несколько процентов населения. Сфера обслуживания людских потребностей заполняет

большую часть рынка товаров и услуг. В таких условиях на практике реализуется афоризм древнегреческого философа Протагора, сказавшего, что «человек есть мера всех вещей».

Конечно, за достигнутый прогресс человечеству приходится платить — новыми угрозами его благополучию и самому существованию, глобальными проблемами, обычными и необычными заболеваниями. Но обратного пути — к порабощению человека вещами, механизмами; к диктату идей над счастьем и благополучием ныне живущих поколений людей — дороги тоже не просматривается. Остается надеяться на то, что человек сохранит себя в новом — самоценном, ничем не заменимом качестве, извлечет уроки из многочисленных попыток заменить гуманизм на какие-то другие принципы нашего совместного существования.

Принцип гуманизма состоит в признании человека, его жизни и счастья высшей ценностью бытия. Все прочие ценности в этом мире должны отсчитываться от человека. Всё у нас имеет цену, а человек по сути своей бесценен. Иммануил Кант так сформулировал данный принцип: «Надо всегда относиться к человеку как конечной цели наших поступков и никогда как к средству чьей-либо воли». По сути та же идея содержится в таких заповедях разных религий, которые получили в философии название «золотого правила нравственности: «Относись к другим людям так, как бы ты хотел, чтобы они относились к тебе».

Как и всякий принцип, т.е. общая установка на все случаи жизни, гуманизм то и дело проходит испытание разного рода страстями, катаклизмами того или иного масштаба и не всегда такое испытание выдерживает. Общечеловеческие ценности сплошь и рядом испаряются перед локальными, частными интересами.

Но принцип и не рассчитан на буквальное стандартное применение. Назначение принципа — дать ориентир, указать тенденцию, помочь увидеть ошибку. В этом смысле гуманистический подход не имеет себе альтернативы как на лично-семейном, так и на коллективно-общественном уровнях человеческой жизни.

Современное состояние проблемы человека кроется в прошлом — в самом начале истории личности и общества.

Антропосоциогенез — *происхождение человека и общества* — составляет громадную (стартовую) эпоху в истории общественной и важнейший момент в истории общеприродной. Появление разумных существ, их объединение в различного типа общности (расы, этносы, государства), создание ими цивилизации означало качественный перелом в эволюции жизни на Земле, а может быть и в устройстве Космоса.

Реконструкция закономерностей, этапов, вариантов антропогенеза опирается на *данные целого ряда научных дисциплин*, прежде всего таких, как:

- *археология* (раскопки останков первых людей, их культурного инвентаря, жилищ, поселений, могил);

- *этнография* (сбор сведений о старейших традициях жизни современных народов; в особенности тех, что задержались на архаичных стадиях общественного развития, во многом похожих на первобытное состояние всего человечества);

- *антропология* (воссоздает физический облик (морфологию) древнейших людей и природные условия их обитания, т.е. биологию вида *Homo sapiens*);

- *этология* приматов (изучает принципы поведения высших животных и в особенности наших самых близких «родственников» — обезьян);

- *история* первобытного общества (намечающая исходные формы и первые этапы общественного развития);

- ряд других (в том числе генетика, приматология, историческая патоанатомия).

Теоретический синтез выводов разных наук, объяснения причин происхождения людей, раздумья над загадочными до сих пор сторонами антропогенеза — этим занимаются богословие и *философия*.

Мифо-религиозные версии антропогенеза сводятся к тотемистическим легендам о животных-прародителях, к притчам о сотворении первых людей Богом (Так, как христианский Саваоф на последний, седьмой день творения мира из хаоса слепил из праха земного (глины) первого человека — Адама, а уже из его ребра изготовил первую женщину — Еву, потомство которых расплодилось на Земле).

Научные теории антропогенеза акцентируют тот или другой из природных факторов и механизмов постепенного отделения предков современного человека от остальных животных. Решающее значение имел труд Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (1871), где впервые оказались обнародованы важнейшие идеи научного подхода к проблеме антропогенеза:

- *человек — часть животного мира*, принадлежащий к млекопитающим, отряду приматов, семейству гоминид, образующий род *Номо*, состоящий из двух видов — *Номо рrimigenius* (Человек первобытный, примитивный) и *Номо sapiens* (Человек разумный);

- *у человека и современных обезьян общие предки*, жившие в третичном периоде; эти своего рода промежуточные звенья, через которые природа отбирала наиболее сапиентные (пригодные для размножения с помощью интеллекта и культуры) особи и целые популяции человекоподобных существ; очеловечивание могло состояться только в среде стадных животных, причем хищников; человек сохраняет в себе многие механизмы животного поведения, индивидуального и стадного, но, как правило, в преобразованном культурой виде;

- *факторы*, мало-помалу продвигавшие процесс очеловечивания, имели *естественный характер* и соответствовали друг другу (сам Дарвин на первое место среди них выдвигал преимущественный отбор брачных партнеров с уменьшающимся волосяным покровом; остальные первопричины сапиентации отмечаются мной дальше);

- возникнув в общем как *случайность природы*, пресапиентные (годные для очеловечивания) формы приматов попали в уникальные по своему сочета-

нию географические, климатические, экологические условия, которые позволили начаться антропогенезу уже как закономерному процессу;

- *отличия человека от зверя*, общества людей от стада животных оказались в конце концов столь велики, что потребовался длительный период перехода от первых ко вторым, насчитывающий несколько огромных этапов и ряд тупиковых ветвей, катастроф на своем пути к победе — расселении людей по всей Земле и создания ими разных вариантов цивилизации.

Дальнейшие открытия археологов и антропологов блестяще подтвердили правоту Дарвина и его сторонников. Были обнаружены и продолжают встречаться различные ископаемые формы непосредственных предков человека разумного. Сегодня помимо вполне естественных разногласий между учеными по отдельным вопросам антропогенеза, наличие известных пробелов в концептуальной модели этого процесса, само ее наличие общепризнанно в мире науки.

Хотя до сих пор не прекращаются попытки опорочить дарвинизм в этом ключевом вопросе теории эволюции, высказать малограмотное сомнение в возможностях её научного познания (например, предположить инициативу «пришельцев-инопланетян» в организации антропогенеза; или же возродить идею божественного творения человека). Когда-то епископ Уилберфорс на публичном диспуте с выдающимся натуралистом Дж. Гексли, прозванным за рьяную пропаганду эволюционной теории «бульдогом Дарвина», ехидно поинтересовался: по линии бабушки или по линии дедушки его почтенный оппонент происходит от орангутангов? Остроумный Гексли сразу ответил, что лучше иметь в родстве обезьян, чем невежественных попов. Наш великий поэт А.К. Толстой в стихотворном «Послании к цензору М.Н. Лонгинову о дарвинизме» (тот, будучи председателем правительственного Комитета о печати, запретил в 1873 г. перевод книги Ч. Дарвина о происхождении человека), с неподражаемым юмором своего литературного alter ego Козьмы Пруtkова писал:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?..
Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати. ...
Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга...

Весьма поучительны *данные молекулярной биологии* о степени генетического родства и скорости эволюции человека и подобных ему обезьян. Так, выясняется, что разделение эволюционных ветвей человека и шимпанзе произошло около 4 миллионов лет назад. При сравнении их митохондриальных ДНК получается, что разделение внутри *Homo sapiens* началось в диапазоне 300–100 тысяч лет назад. В принципе, эволюция всех типов мито-ДНК современных людей может быть прослежена в глубину веков к единой «праматери» (так называемая «митохондриальная Ева»). Хотя на деле речь, конечно, идет не о происхождении всех предков людей от одной-единственной самки, но скорее от ограниченной популяции

антропоидов. То же самое можно сказать о выявленной по тем же методикам степени генетического родства человека с разными породами животных. Кроме обезьян, что подразумевается, в генетической близости к антропоидам оказались и некоторые другие виды, вплоть до копытных; однако преувеличивать значение отдельно взятых показателей такого рода, учёные (в отличие от некоторых дилетантов) не склонны.

Наблюдения над поведением современных обезьян (*приматология*), прежде всего шимпанзе, свидетельствуют об их ближайшем, поразительном родстве с людьми. Оказалось, что если гориллы совершенно не употребляют искусственных орудий, то шимпанзе в дикой природе делают это систематически (палки, ветки, стебли, листья как подручные средства для добычи пищи, демонстративной агрессии, изучении окружающей среды). Эти обезьяны, например, срывают орехи, кладут их на корни деревьев и раскалывают камнями или дубинами. И орехи, и орудия переносятся ими на расстояние в несколько сот метров, оставляются про запас в определённом месте, чтобы через некоторое время вернуться к такому складу. Изредка матери и другие старшие обезьяны показывают детёнышам нужный способ раскалывания, уступают им свои запасы орехов и орудия. Эта форма поведения обезьян в дикой природе ближе всего к человеческому. Она обнаруживает явные черты перехода от условных рефлексов к со-знательности — целеполаганию и планированию. По своему интеллекту шимпанзе находятся примерно на уровне наших детей возрастом около года.

В лабораторном эксперименте удалось научить шимпанзе и горилл различным системам знаковой коммуникации. Говорить они не способны, но в условиях дружеского общения достаточно хорошо понимают человеческую речь. Усвоившие при соответствующей дрессировке жестовый язык глухонемых людей шимпанзе начинают пользоваться им спонтанно при общении с людьми и друг с другом, даже пытаются учить ему других обезьян. Они способны формировать понятия, о чем свидетельствуют даже их ошибки в употреблении знаковых или изобразительных символов: шимпанзе может спутать «еду» с «напитком», «кошку» с «собакой», «цветок» с «деревом», но каждый раз оставаясь в пределах достаточно определённого класса объектов. Наиболее поучительна следующая их ошибка: сортируя фотографии животных и людей, они относят себя к людям. Все животные, видя свое отражение в зеркале, или игнорируют его, или принимают за своего сородича (так, собака обычно или рычит, лает на свое отражение, или же игнорирует его). Только шимпанзе узнаёт себя в зеркале (если испачкать зеркало краской, эта обезьяна подносит руку к лицу, пытаясь ее стереть).

«Таким образом, три качества, каждое из которых у обезьян существует само по себе, независимо от других — социальность, способность к зачаточным формам трудовой деятельности и способность к оперированию символами (первое используется обезьянами в полной мере, второе — в небольшой степени, третье хранится в виде резерва) — у ранних гоминид соединились и образовали ту «критическую массу», которая и дала радикально новое качество» — Человека Разумного (Козинцев А.Г., 1997).

Философские концепции происхождения человека анализируют важнейшие предпосылки и критерии этого процесса. Что касается пусковых механизмов антропогенеза, то имеется несколько вариантов их определения.

Экстравагантная *наяпитековая гипотеза* предполагает особую роль водной среды (речной или приморской), заходя в которую (наподобие мифических наяд) в поисках пищи, пресapiенсы вынуждены были выпрямляться, переходить к двуногому передвижению.

Биологические концепции антропогенеза выделяют ту или иную мутацию в этом процессе, которая представляется решающей для пре-образования зверей в людей (по Ч. Дарвину, нелишне повторить, это половой отбор — наиболее

привлекательных, т.е. в данном случае — антропоморфных партнеров для размножения;)

Социологическая — трудовая теория Ф. Энгельса акцентирует решающую роль деятельности (сначала инстинктивной, затем все более целесообразной) по изготовлению, использованию и усовершенствованию искусственных орудий и технологий труда. С точки зрения марксизма, таким образом, «труд создал человека». Сама идея деятельностной обусловленности перемен в физическом и внутреннем облике наших далеких предков, бесспорно, помогает уяснить этот процесс. Однако скорость антропогенеза слишком велика для эволюционного процесса, а прямое наследование приобретенных признаков, даже если они очень полезны для вида, генетика отрицает. К тому же, сводить главную причину очеловечивания к труду будет неправильным сразу по нескольким соображениям. Во-первых, прямохождение связано не с производством орудий, а с какими-то другими обстоятельствами. Следы прямоходящих обезьян на несколько миллионов лет старше первых каменных орудий. Так что человек не стал двуногим в процессе труда, а произошел (во многом действительно благодаря труду) от двуногого животного. Во-вторых, не искусственные орудия, даже не интеллект сам по себе, а *членораздельная речь* отличает человека от всех других животных. Объяснить же появление речи и связанного с ней мышления, интеллекта трудно иначе, чем *естественным отбором особей, наиболее способных мыслить и передавать накапливаемые знания себе подобным*. В-третьих, кроме тех факторов очеловечивания, которые так или иначе уже просматриваются по имеющимся у науки данным, имелись, очевидно, и такие, от которых видимых следов не осталось. Скажем, между полным формированием мозга человека современного типа и такими следами его активности, как изобразительное искусство, пролегли тысячи лет. Можно только предполагать такие инновации, как загонная охота на крупных животных и т.п. занятия первых кроманьонцев, которые пробудили их мозг к духовному творчеству, к развитию речи. Ведь эти занятия требовали планирования, координации в процессе совершения и последующего анализа результатов, а такого рода умственные операции носят отвлеченный характер от самих по себе поступков.

Итак, антропогенез научно объясняется *давлением среды обитания на определённую популяцию наших обезьяноподобных предков и вызванные этим давлением (отбором) мутационные изменения в их поведении, а затем и в строении их организма*. Стоит заметить, что ныне подобное очеловечивание уже невозможно, потому что давным-давно нет ни животных, пригодных для этого; ни уникального сочетания природных факторов, ни шансов на повторение случайной мутации такого рода.

Этапы антропогенеза могут быть упрощенно представлены следующим образом.

1. *Животные-антропоиды*, т.е. напоминающие человека обликом (рамапитеки), около 9 миллионов лет назад.

2. *Прегоминиды* — древнейшие человекообразные обезьяны, т.е. животные формы, потенциально пригодные для дальнейшей эволюции в направлении человека (*австралопитеки* — «южные обезьяны», поскольку жили в юго-восточной Африке); появились около 2 с лишним миллионов лет назад; отличались прямохождением; представлены несколькими видами.

3. *Первый скачок* — появление биологической «заготовки», оказавшейся пригодной для постепенного и многоэтапного очеловечивания; исходный мо-

мент этого процесса — такие представители австралопитековых обезьян, как *хабилисы* (*Homo habilis* — «человек умелый»), которые перешли к постоянному использованию грубых орудий из камня и, должно быть, дерева; жили между 1 и 1,8 миллиона лет назад; типичные находки в Олдувайском ущелье и других местах северной Кении; в долине Омо в Южной Эфиопии, в Южной Африке.

4. *Гоминиды — обезьяноподобные люди*; начинаются с формы *Homo erectus* — «человек выпрямленный», устойчиво прямоходящий; он представлен серией ископаемых форм (*питекантропы*, *синантропы*, *атлантропы* и т.д.); вдобавок к искусственным орудиям использовал огонь, освоил пещерные жилища; жил начиная с 1,6 миллиона лет назад и до 450 тысяч лет назад; останки обнаружены в Африке, Китае, Индонезии, Индии, Израиле, Европе (гейдельбергский человек).

5. Самая близкая к современному человеку форма гоминид — *Homo sapiens neandertaliensis* — *человек разумный неандертальский* — по мнению многих современных исследователей представлял собой тупиковую ветвь эволюции и какое-то время сосуществовал с настоящими людьми, может быть оказался ими ассимилирован или истреблен, съеден. Скорее всего неандертальцы — это своего рода первое, погибшее человечество. Жили они (останки впервые обнаружили в долине Неандерталь в Германии, а затем по всей остальной Европе, от Гибралтара до Крыма, а также в Израиле, Ираке, Узбекистане) примерно от 230 до 35 тысяч лет назад; сейчас различают несколько их популяций, судьбы которых, возможно, оказались различными; неандертальцам присущи зачатки религии, отразившиеся во вполне человеческом погребальном обряде; их каменные орудия усовершенствовались за счет более тонкой «отжимной» техники изготовления, снабжались рукоятками; выживание в приледниковой зон свидетельствует о появлении какой-то одежды; строение гортани, по-видимому, ограничивало возможности пользования членораздельной речью; за ними отмечены факты людоедства; общий физический облик отличался от современных людей массивностью, огрубленностью черт черепа и остального скелета, однако не настолько, чтобы не признавать в неандертальцах людей и возможность их скрещивания с более развитыми формами сапиенсов. Обнаружены формы древнейших людей, по своему физическому строению переходные между неандертальцами и современным человеком, причем с креном в ту или иную сторону.

6. *Второй, завершающий антропогенез скачок* — *Homo sapiens sapiens* или же, по археологической номенклатуре, *кроманьонец* — человек вполне современного биологического типа, к которому принадлежат и практически ничем от него не отличаются и нынешние люди; примерно начиная с 35 тысяч лет назад; наряду с усовершенствованными орудиями из камня, кости, дерева, создавал замечательные произведения искусства (мелкая пластика, настенная живопись, гравировка и т.п.), сложные жилища из дерева, земли, шкур и костей мамонта и прочих крупных животных; эти стоябища преобладают в равнинной местности; выработал все ранние формы религии, включая магический шаманизм, тотемизм; жили устойчивой родо-племенной организацией; расселились на всех континентах Земли.

Пока неясно, произошел ли Человек разумный путем непрерывного развития в одном и том же, более или менее широком регионе; или же имело место вытеснение промежуточных форм гоминид более сапиентными по ходу их ми-

граций, вызванных климатическими изменениями. Так, что сначала некоторые популяции неандертальцев вытеснили питекантропов, а затем сами оказались поглощены или истреблены первыми кроманьонцами. А может быть, неандертальцы вымерли сами, освободив просторы Евразии для людей более разумных, подтянувшихся с юга. Имеются аргументы в пользу и того, и другого, и третьего решения. Если верна гипотеза замещения, то, вероятно, решающим обстоятельством победы Людей разумных над неандертальцами послужило случайное открытие и закрепление самой высокой для эпохи камня технологии изготовления режущих орудий, характерной для финального палеолита. Благодаря этой технологии из одного и того же количества кремня можно было изготовить в несколько раз больше острого края различных орудий. С таким запасом орудий кроманьонцы могли быстрее отрываться от месторождений кремня и мигрировать вслед за стадами охотничьих животных. По некоторым данным, неандертальцы так и не овладели вполне членораздельной речью. Питались они почти исключительно мясом, т.е. оставались прежде всего хищниками. Кроманьонцы же стали по сути всеядными существами: наряду с мясной потребляли растительную пищу. В итоге антропогенеза победили не самые сильные физически, но самые умные, умелые наши предки, лучше прочих претендентов на роль первенствующего на Земле вида сочетавшие агрессию и альтруизм, животность и духовность.

Недавно в африканской республике Чад археологи нашли древнейший череп человекообразного существа. Ему, как предполагают ученые, семь миллионов лет. Эта находка лишняя раз продемонстрировала, насколько запутанным был эволюционный процесс. Возможно, «сахелантропус чаденис» (так назвали этого предка) окажется прямым предшественником человека, возможно — займёт место на одной из побочных ветвей нашего родословного дерева.

Факторы антропогенеза последовательно подключались к его продвижению и превращались в родовые признаки формирующегося человека, отличающие его от остальных животных. Эти факторы можно сгруппировать ниже следующим образом, опуская некоторые сложности и противоречия при объяснении столь удалённого от нас периода, которые, впрочем, не отменяют общей его картины, достаточно проясненной учеными.

Старт антропогенеза, как любая другая эволюционная мутация в природе, был связан со *случайным совпадением* внешних, экологических условий обитания и оказавшейся в таких условиях популяцией животных, ответившей на вызов среды морфо-физиологическими изменениями сапиентной направленности. Не исключено, что роль исходного мутагена сыграл значительно повышенный на юге Африке радиационный фон (там проходит рифтовый разлом земной коры и располагаются богатые залежи урана). Получившиеся с антропоидами изменения, в свою очередь, предполагали следующие шаги на пути к человеку современного типа. А именно, выход (или вытеснение) предков австралопитека из джунглей в саванну, где их четверорукость потеряла свои преимущества, а отсутствие когтей и клыков затрудняло как охоту, так и защиту от других хищников, привел к прямохождению, освобождению рук; сделал и возможным, и

необходимым изготовление и использование различных орудий из дерева, а затем и камня. Через гибель множества популяций промежуточного уровня, вопреки отклонениям других популяций в стороны различных пород современных человекообразных обезьян, благодаря конкуренции более продвинутых групп с отсталыми, долго — миллионы лет, но неуклонно шел процесс очеловечивания.

Собственно *биологические отличия* антропоидов от остальных животных послужили, как видно, необходимыми предпосылками, исходными факторами их эволюционного расхождения:

- устойчивое *прямохождение* произошло, наверное, в результате приспособления австралопитеков к изменившемуся ландшафту, переходу соответствующей популяции из сплошных джунглей в полуоткрытую саванну;
- освобождение верхних конечностей, их превращение в *руки* с противопоставленным ладони большим пальцем, что делает возможным крепкий захват и тонкие манипуляции с орудиями;
- большой и сложный *головной мозг* обеспечил высшие психические функции управления целесообразным поведением формирующихся людей;
- *животная пища*, подвергнутая термической обработке, как источник быстрого поступления нужного количества белков и других питательных веществ в организм, что высвобождает время от постоянного поиска и пережевывания пищи растительной;
- на первых порах формирование человека не исключало убийства и поедания себе подобных, представителей собственного вида; невиданная в животном мире *внутривидовая агрессивность* человека (каннибализм, уголовная преступность, войны, смертная казнь) дополнялась столь же невероятным для животных *альтруизмом*, когда неандертальцы и тем более кроманьонцы начали содержать своих инвалидов, иногда даже жертвовать собой ради спасения сородичей (уже в погребениях неандертальцев находят особей с прижизненно ампутированными конечностями, стертymi зубами, т.е. таких, которые не выжили бы без помощи сородичей).

Психологические особенности человека вразумлявшегося и, затем, вполне разумного сводятся прежде всего к следующим:

- *членораздельная речь* обеспечила сложную обработку и передачу друг другу больших объемов информации;
- *мышление* как знаково-символическое решение проблемных задач деятельности, отражение сущностных свойств явлений с помощью общих понятий и логически связанных суждений;
- *трудовая деятельность* по изготовлению, использованию и периодическому усовершенствованию искусственных орудий и технологий обеспечения жизни.

Социальные признаки человечности обеспечивали дополнявшую природную — *культурную среду* воспитания и жизнедеятельности первых же людей:

- их первичные — *кровно-родственные общности*, а именно, парная и большая, из нескольких поколений *семьи*, экзогамный (с запретом на браки внутри своего коллектива) *род*, эндогамное (предполагающие браки между входящими в него родами) *племя*, затем в ряде случаев больший или меньший *союз племен*; главной для эволюционного прогресса была, как видно, оптимальная структура таких общностей, когда властность, здоровый авантюризм лидеров сочетались с исполнительностью, терпимостью подчиненных членов сообщества;

- *мораль* как система нормативной регуляции общения и сотрудничества людей, *сочетание альтруизма с эгоизмом* вместо естественного отбора сильнейших физически особей обеспечивало выживание самых сплоченных и полифункциональных коллективов первых людей;

- система *духовной культуры* — примитивная *религиозность* в виде шаманизма и политеизма; прикладное *искусство* как творчество все более сложных и глубоких смыслов и символов — примиряла первых людей с невероятными тяготами и опасностями их бытия на лоне живой природы, при отсутствии большинства самых необходимых для выживания знаний и технологий.

Прародина человечества, судя по всем накопленным сегодня находкам археологов, располагалась в одном регионе — южноафриканском, откуда затем расселялись формирующиеся люди (причём скорее всего не однажды, а в несколько приемов, так что вслед за менее совершенными формами антропоидов прародину покидали уже более разумные, приспособленные к выживанию существа). В итоге территорией окончательной сапиентации оказался почти весь земной шар, от тропиков до арктического севера. Но именно в юго-восточной Африке найден полный набор всех самых древних ископаемых форм антропоидов — останки австралопитеков, хабилисов, эректусов, сапиенсов, причем их различных видов.

Реконструкция первых этапов истории человечества позволяет многое понять в природе человека вообще, включая современных людей.

Приложение

Б.В. Марков

«Сайгон» и «Слоны» — институты эмансипации?

«Великие идеи, всеобщие условия познания, предельные основания культуры — вот на что ориентирована философия. Их природа парадоксальна: с одной стороны, они — имманентные самому знанию идеи, а с другой — оказываются чем-то чуждым, так как не поддаются привычным способам обоснования. Наподобие ума или глупости, они просто даны, и никакие опыт, образование, просвещение не способны их восполнить. Поэтому в актах идеации есть что-то чудесное: увидев мертвеца, больного и нищего, Будда сразу понял суть человеческой жизни; идиот же, которого в порядке эксперимента поцеловала женщина, сказал: мокро и невкусно. Так и в «круг понимания» трудно войти, а не выйти из него. ...

Человек производит не только понятия, но и вещи, он является переживающим и действующим существом, помещенным в мир реальных взаимодействий, усложнение ткани

которых представляется гораздо более важным по своим эмансипирующим последствиям процессом, чем грезы, фантазии и идеи, культивируемые в уединении. ... Поэтому в центре внимания должны быть не только идеи, но и зоны их бытования: люди должны создавать места для интеллектуальной, духовной, психической и социальной эмансипации. Эволюция социального пространства, организации частных и публичных зон обитания человека являются составной частью цивилизационного процесса. ...

«Слоны» — название разливочной, кажется, на Петроградской. Топчутся отяжелевшие от вина люди, кружится перед глазами разноцветный мир, кружится причудливая мысль, повторяется один и тот же вопрос: а ты меня понимаешь?

«Сайгон» — название известной кофейни на Невском. ... Суховатые, смугло-бледные субъекты молча впитывают крохотные порции крепчайшего кофе; скученные вокруг узких высоких столов, они не видят друг друга; взгляд их устремлен в вечность.

Как тепло, хлвно в желудке у пьяницы, как чётко очерчена его мысль, как ярки краски его восприятия. Близорукий, но хорошо «взявший на грудь» субъект может и без очков отчетливо видеть лица женщин и номера трамваев. Алкоголь хоть и горек, зато плоды его сладки. Сладчайшая любовь ко всему живому поначалу столь сильно пронзает сердце пьющего, что в его тёплых и участливых глазах светится готовность слушать и плакать, сострадать и соучаствовать. Алкоголь — это сопричастность к абсолютному, и поэтому пьют не ради вина, а ради того, чтобы воспарить ввысь и остро ощутить истину кажущегося посторонним банальным разговора на троих; чтобы потом плавно опуститься в лоно матери-земли и замереть, успокоиться в сладкой истоме.

Ментальность кофейного человека скручена и напряжена как стальная пружина, его мозг работает как Сатана, тело гибко, а мышцы упруги. Всё это рассыпается, когда проходит действие кофеина. Любитель кофе, хотя и рассуждает о вкусе, способах приготовления кофе, не является гастрономом. Его стихия — мысль; жажда мысли сжигает его душу и тело.

Человек — не только мыслящее, но и страдающее существо. Даже его мысли имеют телесный облик и, как дети или уродцы, образуют свой фантастический мир, который не сводится к логике и фигурам дискурса. Чтобы выразить свою мысль в дискурсивной форме, нужно избавиться от страдания, которое толкает к молчанию. Напиток расслабляет и расковывает, и пьяница. Как медиум, нередко свободно и красиво говорит. Одинокие смертники за стойкой, за письменным столом потягивают возбуждающие средства, чтобы обострить способность говорить и писать. Сжигая себя, они выражают удивительные мысли и образы. Рюмка вина или чашка кофе, выпитые не для того, чтобы кое-как доползти до дома после отупляющего трудового дня, имеют странный метафизический привкус, они причащают к абсолютному. Поэтому приходится пить и много, и часто. ...

Несомненно и то, что употребление возбуждающих напитков связано с телесностью. Молодой и здоровый человек в сущности не нуждается в алкоголе, он весел, если не испытывает голода или усталости. Однако медики говорят о врожденном пристрастии некоторых личностей к спиртному: дети алкоголиков требуют не молока, а кое-чего покрепче. Наше тело уже не принадлежит нам, оно сформировано культурой, например, древними практиками достижения группового единства при посредстве коллективного опьянения. В современном мире трудно жить трезвым. Не только тираны, палачи, работники боен, интеллектуалы, но и представители мирных, механических, отупляющих душу и тело профессий не могут не пить. ...

Современный человек — гражданин, патриот, исполнитель социальных ролей, подвергает свое тело жестокой перегрузке. Он находится в тисках жестких условностей: манеры, жесты, позы, речи, взгляды — всё жёстко кодировано и регламентировано. При этом чувствительность интенсифицирована столь значительно, что хмурый взгляд начальника ввергает подчиненного в страх и трепет. Лучше бы он меня побил, думает иная дама, испытывающая бесконечные поучения супруга, страдающая от его маниакальной чистоплотности.

сти, педантичности, аккуратности. Как можно скорее и дальше бежать от невыносимого бремени семейных и общественных обязанностей, думает мужчина, страдающий от необходимости надзирать и наказывать. Наше тело, онемевшее от страданий, ищет выхода: оно учится либо унижать другого, либо испытывать наслаждение от собственных унижений. ...

Кофейные и рюмочные на первый взгляд кажутся вне- и даже антиинституциональными структурами, где возникает не просто гражданское общество, но духовная общность. ... Можно допустить, что это зона психической эмансипации, где собутыльники выполняют по очереди роли пациентов и терапевтов. ...

Питейные заведения необходимы не только для общественной, но и для семейной жизни. Любовь молчалива и безъязыка. Влюбленные только и могут заверять: я тебя люблю — и спрашивать: ты любишь меня? Это довольно скучно; любовь — слишком ненадежное основание для общественной жизни и поддержки семьи. Поэтому она реализуется за счет различных норм, правил, гарантий и т.п. Цивилизуя отношения браком, люди могут получать изощренное наслаждение из разнообразных семейных игр: сначала мужчин приходит поздно и навеселе, зато утром берет верх женщина, укрепляющая свою власть испытанным механизмом признания вины: где был, с кем, на какие средства. Парадоксальным образом такая игра вместе с соответствующим дискурсом и его фигурами только укрепляет семейную жизнь.

Необходимо освободиться от чисто негативной оценки рюмочных, кофейен и прочих питейных заведений. Все борются с кабаками, шинками и забегаловками как местами, где расположен земной ад, их отвергают как нечто нецивилизованное и бездуховное. На самом деле это не так, и история питейных заведений обнаруживает их цивилизационный характер и важные последствия в преобразовании человеческого бытия. ... Эти заведения выполняют позитивные функции организации свободной общественности, её сомнений и интересов, ценностей и установок. Власть держит людей в состоянии страха или серьёзности, требует ответственности, точности и пунктуальности. В питейных заведениях царят веселье и шутки субъектов, сбросивших узы дисциплины и угодливости. И хотя в реальности они чаще всего выступают лишь дополнением и продолжением присутствия, местами проклятий и озлобленности угнетённых людей, в идеале они могут стать зонами обитания свободной от принуждения общественности...»

Марков Б.В. Храм и рынок.

Человек в пространстве культуры. Научное издание. 1999.

Вопросы для обсуждения текста

Как вам понравился прочитанный отрывок из эссе современного русского (петербургского) философа? Удивили ли вас мысли и идеи автора? Ожидали ли вы, что наш соотечественник может писать на философские темы столь увлекательно?

Всё ли понятно вам в прочитанном тексте? С чем из наблюдений автора вы согласны, а с чем могли бы поспорить? О чём автор вроде как забывает, наблюдая за поведением окружающих его земляков и коллег?

Нет ли в данном тексте скрытой апологии слабоволия, наркомании, алкоголизма? Можно ли, на ваш взгляд, говорить о культуре употребления алкоголя взрослыми, ответственными за своё поведение перед близкими, людьми?

Поддерживаете ли вы тезис автора о том, что здоровым молодым людям, имеющим цель в жизни, не требуется алкоголь, не нужны прочие бытовые наркотики, чтобы сохранять вкус и волю к жизни?

Как вам нравится идея свободной коммуникации самостоятельных личностей за пределами стен домашнего обитания, в зонах общественного времяпрепровождения? Можно ли

отнести к таким местам «организации свободной общественности» бары, кафе и рестораны? Аргументируйте те или иные ответы на такого рода вопросы.

В тексте прослежена связь телесных, психологических и общественных состояний человека. Какое отношение ко всему этому может иметь медицина? Какова позиция врача и провизора по обсуждаемым вопросам?

7. Общество

1. Общество: термин и понятие. Социальная сторона человеческой природы. Личность и общество: альянс и конфликт.

2. Типы людских общностей:

- расы; идеология расизма;
- этнос и его типы (племена, народности, нации); суб- и надэтнические общности; национализм, патриотизм и космополитизм;
- возрасты и поколения; проблема «отцов и детей»;
- диалектика пола — мужчины и женщины; семья, её современные проблемы и формы; феминизм;
- социально-экономическая стратификация — элиты, «средний класс», маргиналы и люмпены; интеллигенция; возможности общественной мобильности.
- масса и толпа;
- человечество и его мировые подсистемы.

3. Сферы социализации и социальности:

- повседневность;
- труд;
- игра;
- ритуалитет;
- праздник;
- экстрим;
- миграция / оседлость.

Литература

Лекция 7.

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. 8 «Человек в обществе»).

Введение в философию. М., 2003 (Разд. II. Гл. 8 «Общество»).

Ермакова Е.Е. Философия. М., 2004 (Гл. V. «Социальная проблематика в философских воззрениях и формирование социальной философии»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. XV. «Общество и человечество, нация и семья»).

Хрусталева Ю.М. Общий курс философии. Т. I. М., 2003 (Гл. 6. «Общество как способ человеческого бытия»).

Азимов А., Болд У. Расы и народы. Генетическая мутация и эволюция человека. М., 2003.

Андреев И.Л. Тамтам связывает посвящённых. Философские проблемы этнопсихологии. М., 2008.

Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012.

Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2001.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1986.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // В кн.: Социология на пороге XXI в. Новые направления исследования. М., 1998.

Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Отв. ред. *М.П. Мchedлов*. М., 2007.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Пер. с англ. М., 2008.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / Пер. с англ. М., 2010.

Дольник В. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М., 1994; 2-е изд. СПб., 2003.

Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / Пер. с англ. М., 2008.

Журавлев В.В., Родионов В.А., Цепляев А.Н. Социальные ценности современной российской молодежи: состояние, динамика, направленность. М., 2002.

Здравомыслов А.Г. Социология. Теория, история, практика. М., 2008.

Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX–XX веков / Ред. *Т.А. Пархоменко*. М., 2012 (Актуальная антропология).

Карлсон А. Общество — семья — личность: социальный кризис Америки. Американская школа альтернативной социологии. М., 2003.

Ливи Баччи М. Демографическая история Европы / Пер. с итал. М., 2010.

Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб., 2003.

Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995.

Садохин А.П. Этнология. Учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям и направлениям. М., 2000.

Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М., 2012.

Сингер Б. Дж. Демократическое решение проблемы этнического разнообразия // Вопросы философии. 1994. № 6.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. *Л.М. Дробизева*. М., 2002.

Тишков В.А. О феномене этничности // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М., 2003.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003.

Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / Пер. с нем. М., 2001.

Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2012.

Щюцц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологии социальной социологии / Пер. с англ. М., 2003.

Юлина С. Женщина, семья, общество: дискуссия в феминистской мысли США // Вопросы философии. 1994. № 9.

Яковлев А.М. Социальная структура общества. Учебник. М., 2003.

Яновский Р.Г., Перминова А.И., Мельников Т.А. Женщины и общество в России // Вопросы философии. 1994. № 9.

Тематика рефератов

Предмет социологии как науки и ее основные задачи.
 Феминизм как общественное движение, его идеология и достижения.
 «Чёрный» и «белый» расизм: идеи и политические движения.
 Гендерные исследования в современной социологии.
 Национальный вопрос в политической жизни современной России.
 Этничность: объективный или субъективный это феномен?
 «Восстание масс» в концепции Х. Ортеги-и-Гассета.
 Элиты и массы в структуре современного общества.
 Споры об интеллигенции в русской общественной мысли.
 Престиж профессии врача (провизора): динамика общественных настроений.

Текстологический практикум

С. П. Щавелёв. Практическое познание

1. Субъект общественной жизни: микро-, макро- и мегауровни его организации.
2. Личность как первоэлемент «общественного организма».
3. Группа-коллектив и ее устройство.
4. Возрастные группы — поколения.
5. Гендер: мужское и женское начала общества.
6. Этнические общности людей.

Литература

Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994 (Гл. II, § 3. «Практики как субъекты постижения действительности»).

Конспект

Одним и тем же словом «общество» называются разные объединения людей. По крайней мере трёх уровней:

- добровольные объединения людей любого рода — производственные (например, ООО и прочие), по другим интересам (общество нумизматов и т.д.);
- другое, производное значение понятия «общество» располагается между индивидом и государством как формально-юридической общностью граждан. В этом смысле говорят о «гражданском обществе» как сфере личной инициативы людей, их добровольных объединениях по тем или иным частным интересам (предпринимательским, досуговым, культурным).
- всё население как таковое, социум, в его вариациях от любой поселенческой общины до всего человечества).

Понятие общества следует отличать как от статистического «населения», так и от отдельных вариантов объединения людей, их *общностей* разного рода, отдельных *социальных групп*. Греческий и латинский эквиваленты данного термина — *socios, socialis* означают «объединённый», «совместный». Старославянское слово *obsъtjo* — «то, что вокруг». Первое отличие общества — его систем-

ный, синтетичный характер, поскольку оно вбирает в себя множество отдельных подсистем — пол, возраст, семью, народность, профессию, религиозную конфессию, форму политической жизни (скажем, государство) и многие другие варианты коллективного объединения людей по тому или иному общему для определенной группы интересу. Общество представляет собой некую сферу межличностных отношений, в которую вплетается указанное множество «нитей». Основа такого объединения — глубинные, коренные интересы людей, направленные на совместное выживание и, значит, сосуществование в некоем участке исторического и географического пространства и времени. Общество похоже на многоэтажное здание — в его конструкцию входят такие «этажи», как:

- дома — жилища индивидуумов и целых семей;
- поселения (города, села и т.п.);
- регионы проживания, страны, их соседские (как СНГ, ЕЭС) и дистантные (вроде ООН, НАТО) объединения;
- и, в конечном счете, всё человечество.

Общество не сводится ни к одной из форм общности людей, однако его существование предполагает их разнообразие.

Во-вторых, человеческое общество качественно отличается от внешне похожих на него объединений животных. Многие звери живут стадами, птицы и рыбы — стаями, а пчелы и муравьи, как известно, создают самые высокоорганизованные в природе сообщества себе подобных особей (с четкой иерархией, разделением труда, взаимопомощью). Зоологи говорят: «Одно шимпанзе — не шимпанзе». Однако социальные инстинкты животных действуют автоматически и стереотипно, а люди сознательно вырабатывают и постоянно, усилиями воли поддерживают традиции коллективного общежития, *нормы и правила социальной организации*. Общество цементируется осознанием большей части своих членов необходимости объединения, сотрудничества — ради общего блага, как минимум, выживания, а как максимум, процветания. Поодиночке людям не выжить вообще; маленькие объединения людей обречены на прозябание, представляют собой жалкую пародию на общество (вроде законсервировавшихся почти что в каменном веке аборигенов Австралии, Южной Америки или Африки). Возможность прогрессивного развития социума, обогащения его экономики и культуры достигается только при условии создания и поддержания общественного объединения того или иного масштаба.

Итак, общество — это любого масштаба объединение людей в совместной жизни и деятельности, на основе гласного или негласного договора, соглашения о сотрудничестве на определённых условиях.

Общественная жизнь, как показывает история человечества, протекает между такими крайностями, как *деспотизм и анархия*. В первом случае, получившие власть над обществом лица распоряжаются ею неразумно, своекорыстно — они доводят свой народ до нищеты и, чтобы удержаться у власти, практикуют террор — физически уничтожают все больше людей. Во втором случае,

доведенные до отчаяния массы народа превращаются в бунтующие толпы, сметающие на своем пути и институты власти, и достижения культуры. Те или формы «золотой середины» между этими крайностями зависят от исторической эпохи и народа, их выбирающего. В одном случае — это демократия западного типа, как в США и их политических союзников. В других случаях — авторитарные режимы, одиозные на посторонний взгляд, но удерживающие общество от распада и взрыва (имена их лидеров благословляются одними и прославляются другими, ряд этих имён бесконечен — Чингисхан, генерал Франко, Мао Дзедун, Николай I, В.Т. Ленин и т.д.).

Социология в качестве самостоятельной науки об обществе возникает в XIX в. благодаря трудам французского мыслителя Огюста Конта. В наши дни социология отделилась от философии и занимается главным образом изучением социальной структуры общества (теоретическая социология), да производит периодические замеры общественных настроений по тому или иному вопросу (прикладная социология).

Социализация человека происходит после его рождения, в процессе постоянного и разнообразного общения личности и ее непосредственного окружения, а также в процессе научения ее важнейшим достижениям культуры опосредованного круга (народа, человечества). Социализация — поэтапный процесс. Наиболее интенсивно она протекает в детстве и юности, когда формируется наша идентичность — складываются представления о собственном Я (личности) и определяется отношение к тем, кого можно в целом назвать ОНИ (социуме того или иного плана). Содержание этих отношений может сильно отличаться от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одного класса общества к другому, но по своей форме социальные отношения представляют собой необходимое условие осмысления жизни, выработки ее целей и способов. Общественная среда так или иначе влияет на самосознание личности: задает ей идеалы и эталоны, правила поведения и духовные ценности. Любой из нас волей неволей включается в те или иные общественные роли, соотносится с определенными социальными институтами (делается, скажем, мужчиной, мужем, отцом, специалистом, любителем спорта или музыки, и т.д., и т.п.). Тем самым каждый в той или иной степени поддерживает эти устои общества, пополняет соответствующие группы людей, объединяемых общими ценностями и целями.

«Поэтому человек разумный — это одновременно человек социальный, и наоборот» (Б.В. Марков).

При всём том *конфликт между обществом и личностью* практически неизбежен.

Социальная структура объединяет в одно органическое целое разные типы и виды человеческих коллективов. Остановимся на самых древних и вечных, главных, присущих любому обществу его элементах. Их, по аналогии с физикой, можно поделить на микро-, макро- и мега-группы.

Микро-группы объединяют непосредственно обозримое число людей, по какому-то определённом их признаку, интересу, роду занятий. Члены такой

группы постоянно контактируют друг с другом. Это: *семьи* (объединение кровных родственников и свойственников по браку — ради продолжения рода и совместного быта, домашнего проживания и хозяйства); производственные *коллективы* (предприятия, фирмы, иные сегменты рынка товаров и услуг), досуговые *объединения* (кружки, спортивные *команды*, *клубы* по интересам и т.п.).

Макро-группы — это уже не «атомы», а целые «органы» или «ткани» общественного организма. Они объединяют массы людей. Социологи называют их «слоями» или же «стратами» общества. Их перечень открывается такими общностями, как:

- *пол / гендер* * (мужчины, женщины);
- *возраст* (поколения — детей, молодежи, «среднего» возраста, стариков, престарелых долгожителей);
- *профессия* (шире — род занятий, положение в сфере занятости, основной источник доходов);
- *конфессия* (отношение к той или иной церкви) или же к числу свободомыслящих в вопросах религиозной веры;
- некоторые другие.

Мега-группы, как явствует из названия, крупнейшие в составе любого общества. Это:

- *расы* — *биологические различия внутри человечества*, его подразделения на определённые типы организмов;
- *классы* — разделения людей по уровню доходов и образу жизни на *элиту*, так называемый *средний класс* и *маргиналов* (люмпенов); есть и иные варианты их классификации (так называемые «белые воротнички» — владельцы крупной собственности; «синие» — их наёмные работники — менеджеры, которые ей оперативно управляют; «комбинезоны» — представители физического труда, исполнительских, обслуживающих профессий.
- наконец, *всё человечество*, обитающее на Земле.

Фонд ООН в области народонаселения в 2005 г. подготовил доклад о состоянии всего человечества в структурном отношении. Если мысленно сократить всё человечество до деревни в 100 жителей, учитывая все пропорциональные соотношения между его реальными частями в наши дни, то среди жителей этой модельной деревни будет:

- *цвет кожи*: 82 небелых, 18 белых;
- 60 азиатов, 12 европейцев, 5 североамериканцев (США и Канада), 8 латиноамериканцев, 14 африканцев;
- *пол*: 49 женщин, 51 мужчин;
- 89 гетеросексуальных, 11 гомосексуальных;
- *благосостояние*: 5 человек будут владеть 32 % всего богатства, и все они будут из США;
- 80 будут лишены достаточных жилищных условий;

* Латинская калька «гендер» акцентирует не биологические отличия между мужчиной и женщиной, не их сексуальные отношения, а разные роли в общественной, политической жизни, на производстве и т.п. социально-исторические характеристики «сильного» и «прекрасного» полов.

- 25 человек будут жить на \$ 1 в день, а 50 человек на \$ 2;
- только у 7 будет доступ в Интернет;
- 67 неграмотных;
- 1 (только один) будет иметь высшее образование;
- 50 будут недоедать, а 1 умрёт с голода в этом году;
- 2 родятся (и к 2025 г. численность деревни достигнет 133 человек);
- 1 будет ВИЧ-инфицированным;
- у 33 не будет доступа к чистой питьевой воде;
- у 24 не будет электричества вообще, а 76 % из тех, у кого оно будет, сможет использовать его только для освещения в тёмное время суток.

Если вернуться от относительных масштабов к абсолютным цифрам, то угрозы большинству человечества предстанут так:

- только 8 % обеспечены финансово (имеют счёт в банке и немного наличности в кошельке);
- 2 миллиарда не умеют читать;
- 75 % населения Земли сегодня не имеют крыши над головой и постели, новой одежды и обуви, запаса еды;
- 1 миллион человек не доживут до следующей недели;
- 500 миллионов человек в этом году переживали войну, тюремное заключение, пытки или голод.

Эти цифры напоминают нам о голодающих в Африке, о бездомных в Азии, о многих других бедствиях и угрозах для современного человечества. Однако в этих же показателях скрывается рецепт выживания. Хотя образованная и зажиточная часть человечества мала, её вполне хватит для того, чтобы как-то помочь бедным и отсталым улучшить свою жизнь.

Расы образовались в силу изолированной эволюции крупных популяций неандертальцев, а может быть, уже эректусов, происходившей в разных географических условиях. Продолжавшийся вплоть до окончания антропогенеза естественный отбор внутри таких изолятов имел результатом большие расы — европеоидов, негроидов, монголоидов. Они делятся на многие малые расы, различия между которыми не столь велики. Если указанное — пассивное приспособление к различным средам обитания привело к контрастам внешнего облика и вообще физиологической организации представителей разных рас (цвет кожи, характер волосяного покрова, тип обмена веществ, пропорции телосложения, др.), то активное приспособление к природе благодаря культуре приводило к принципиально сходным результатам (труд, речь, общественная организация, т.д.). Так что представители разных рас отличаются друг от друга на уровне организма, но похожи на уровне личностных характеристик (интеллекта, эмоций, памяти и прочих). Сочетание общечеловеческого и специфического у представителей разных рас осложнилось неравенством их культурно-исторического развития. Хотя на родине каждой расой созданы были весьма оригинальные культуры, международная политика колониализма привела к долгой эксплуатации одних рас другими. В результате положение, которое занимают в западном обществе люди разных рас, чаще всего контрастирует. У белых обычно выше доходы и общественная активность, среди черных больше безработных и спортсменов, жёлтые чаще выполняют низкооплачиваемую работу в сфере обслуживания. Однако трудно сказать, что именно влияет на эту разницу — сами

по себе расовые различия или же ход исторического развития разных частей человечества.

Расизм (какого бы «цвета» он ни был — «белый», «чёрный» или «жёлтый») не имеет научного обоснования, относится к числу политических мифов. Однако присущее культурному сообществу сугубо отрицательное отношение к расизму как политической идеологии, бытовому предрассудку, не отменяет проблем, возникающих при сосуществовании, конкуренции разных этнических групп в тех или иных регионах Земли. Личность всегда способна установить отношения с другой личностью, какого бы цвета кожи они ни были. Межэтнические браки, разной пропорции метисы тому доказательство. Однако полностью преодолеть стереотипы общественного мнения, соблюсти политическую корректность в отношениях между расовыми группами пока не удаётся даже в самых цивилизованных странах вроде США или единой Европы. Только решать межэтнические проблемы надо стараться мирным путём, поскольку применение насилия быстро становится самоцелью в такого рода борьбе и не способно решить проблему сколько-нибудь долговечно.

Этнос (греч. «ethnos» — народ, люди) выступает основной формой социальной организации населения в таких масштабах, при которых массы людей могут сохранять чувство единства, долг взаимопомощи. Составляющие любого этноса на этапе его формирования:

- *язык* как своеобразный код общей для народа культуры, наследие предков данного этноса;
- *территория* компактного обитания, осознанная как прародина, завоеванная и защищенная предками от враждебных сил природы и других этносов;
- *традиционный уклад быта* (преобладающий тип хозяйства, пищевые рационы, навыки домостроительства, крои одежды, произведения фольклора, т.п. традиции народной жизни);
- *психический склад* народного характера, приводящий к разнице менталитетов, стиля поведения разных этносов.

Хотя многие (далеко не все) этносы отличаются друг от друга даже внешне, почти как расы, главное для них уже не биология. Основным признаком принадлежности человека к той или иной этнической общности выступает, пожалуй, *этническое самосознание* — принадлежности к определённому народу, его культуре, исторической судьбе. И реальное поведение личности вольно невольно, в большей или меньшей степени соответствует этническим стереотипам. Этому способствует прежде всего *эндогамия* — большинство браков заключается между представителями одного и того этноса. Потомство в этом случае естественно и фактически принудительно воспроизводит навыки поведения этого народа. При межэтнических браках чаще всего происходит самоидентификация детей применительно к наиболее авторитетному для них этносу. Впрочем, «чистая» этничность устанавливается далеко не всегда. Сплошь и рядом, например, татарин из Татарстана за границами России представляется и считает

себя русским, как и мордвин или удмурт, приехавший в Москву из своей автономии.

Основные *типы этнических общностей* (культурно-исторических объединений) возникали последовательно в разные эпохи всемирной истории.

Прежде всего это:

- *племя* — *кровно-родственный союз* более или менее отдаленных потомков немногих родоначальников; объединяло несколько больших, многопоколенных семей — *родов*, между которыми устанавливалось отношение *экзогамии* (женихи и невесты принадлежали к различным родам); наиболее характерно для Древнего мира, когда человечество складывалось из множества рассеянных по Земле племен, при миграционных встречах чаще всего обреченных на военные конфликты за природные ресурсы.

В Средние века появляются:

- *народности как территориальные объединения* разросшихся и слившихся союзов племен, в том числе разного происхождения, но сплоченных прежде общим для них политическим пространством, подданством тому или иному государю, династии.

Наконец, самый крупный и сложный тип этноса

- *нация* — продукт Нового времени, когда глобализация экономики в условиях рыночного капитализма приводит к укрупнению и слиянию народностей, выработке *общих черт характера народов*.

Над(супер)– и субнациональные объединения рождены географией и политикой в период Новейшей истории, XX века, когда наряду со старыми нациями появляются более крупные характеристики подобного же рода, — такие, как европейцы, американцы, советские (российские) люди, представители «третьего мира» Азии и Африки, т.п.; а также характеристики более дробные, земляческие (в России, допустим, казаки, сибиряки, волгари, куряне, москвичи, петербуржцы, многие другие).

Иммануил Кант в своё время, на закате эпохи Просвещения, выдвинул проект «*мирового гражданского общества*» (Weltbürgergesellschaft). Но пока проекты возвести космополитизм в принцип международной политики раз за разом терпели неудачу. Лига наций не предотвратила первую мировую войну; Организация объединённых наций превратилась в ширму для агрессии США против Ливии, Югославии, Ирака; Европейский союз не спасает своих членов от всемирного экономического кризиса. Тем не менее подобные надгосударственные, а некоторые и надэтнические объединения представляют собой возможные на данном этапе всемирной истории эскизы объединённого человечества. Проекты разного масштаба, разной прочности — но уж какие возможны. Исламская конференция, СНГ, Шанхайская организация сотрудничества, т.п.

Все перечисленные типы человеческих общностей подспудно воплощают в себе идею социального бессмертия, вечности рода человеческого. Каждый человек знает, что рано или поздно уйдет из этого мира навсегда и, в общем, без следа. Но осознание социальной общности сулит ему надежду, может быть,

иллюзорную, на то, что какой-то частью своей жизни, своих трудов и дней он останется, продолжится в своем народе. Как в стихотворении Ярослава Смелякова «Земляки»:

Когда встречаются этапы
Вдоль по дороге снеговой,
Овчарки рвутся с жарким храпом
И злее бегают конвой.

...

И на ходу колонне встречной,
Идущей в свой тюремный дом,
Один вопрос, тот самый, вечный,
Сорвавши голос, задаем.

Он прозвучал нестройным гулом
В краю морозной синевы:
«Кто из Смоленска? Кто из Тулы?
Кто из Орла? Кто из Москвы?»

И слышим выкрик деревенский,
И ловим окрик городской,
Что есть и тульский, и смоленский,
Есть из поселка под Москвой.

Ах, вроде счастья выше нету —
Сквозь индевелые штыки
Услышать эти вот ответы,
Что есть и будут земляки.

Шагай, этап, быстрее, шибко,
Забыв о собственном конце,
С полублаженной улыбкой
На успокоенном лице.

1964.

Человечество — это народы, его составляющие. Труднодостижимым идеалом отношения между ними является мирное сосуществование, обмен культурными ценностями, взаимно заинтересованное общение (дипломатия, туризм, торговля, вообще экономическое сотрудничество). На практике не избежать столкновений между представителями разных этносов и даже целыми народами, их государствами. При этом важно избежать пагубных крайностей интернационализма («Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...») и национализма, ксенофобии («мой народ — лучше всех, остальных я знать не желаю»). Свои аргументы есть у патриота, свои — у так называемого «гражданина мира». Надо помнить: «народ, поработавший другие народы, куёт свои собственные цепи» (К. Маркс). Отрицательное отношение к русским во многих странах СНГ — осколках СССР (Прибалтике, Западной Украине, Средней Азии) вызвано их насильственным захватом советской

армией, репрессиями, депортациями части коренного населения в Сибирь. А ненависть рождает только ненависть. Не стоит строить иллюзий о «братстве народов», но ещё меньше стоит раздувать их вражду. *Народы — это человечество.*

Даже сражаясь за свободу своего народа с чужой страной, надо видеть за образом врага, особенно побежденного, людей. В принципе таких же, как мы с вами. Когда Сталин приказал вывести бесчисленные колонны пленных немцев на улицы Москвы, то многие москвичи, даже потерявшие самых близких родственников на войне с ними, бросали в колонны этих пленных не камни, а хлеб и куруево. Недавно снятый режиссером А. Рогожкиным фильм «Кукушка» об этом же.

В XVIII–XIX вв. Россия силой оружия присоединила к себе Северный Кавказ, на который претендовали и армии соседних мусульманских держав. Русским пришлось многие десятилетия Кавказ покорять и цивилизовать, приучать к юридической, экономической жизни. В этой борьбе с обеих сторон неразрывно сочетались подвиги и преступления. Сейчас Россия воюет с Чечней — своей взбунтовавшейся провинцией и её соседями, помогающими нашим врагам. Попытки решить этот конфликт мирными средствами были восприняты как признак слабости Москвы. Её пытались запугать традиционными для горских народов приёмами: набегами на мирные города и сёла, захватом заложников и рабов, взрывами вокзалов, поездов, домов. Законный отпор террористам, оказываемый российской армией, приводит к гибели и страданиям части населения на Кавказе. Это, надо признать, зло, но наименьшее по сравнению с той угрозой, которую несёт в себе международный терроризм и для самого Кавказа, и для остальной России. Воюя на Кавказе, русские обороняют свою страну от уже имевших место в недавнем прошлом и ещё возможных в будущем нападений на её территорию со стороны представителей радикального ислама и прочих агрессивно настроенных движений. Однако силовое подавление всяких покушений на российских солдат и чиновников, физическое уничтожение чеченских партизан, запугивание помогающих им земляков должно сочетаться с экономической помощью остальному населению этой многострадальной территории, постепенным налаживанием там относительно мирной жизни. Такие социально-политические проблемы, как чеченская, нигде в мире не решаются быстро и навсегда. Сепаратисты бунтуют и льют кровь в Ирландии и Испании, в Израиле и Алжире, на Цейлоне и в Индии, даже в самих США, многих других местах земного шара.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность постоянного населения нашей страны составляет 145, 2 миллиона человек. Тем самым Россия занимает по численности населения 7 место в мире после Китая (1 миллиард 285 миллионов), Индии (1 миллиард 25 миллионов), США (286 миллионов), Индонезии (215), Бразилии (173), Пакистана (146). Из числа жителей России 1 миллион имеют гражданство других государств и 0, 4 миллиона — лица без гражданства; 40 тыс. имеют двойное гражданство. Около 1, 3 миллиона не заполнили графу о гражданстве в переписной анкете. По сравнению с данными переписи РСФСР 1989 г. россиян стало меньше на 1, 8 миллиона человек. Так что число жителей России постепенно, но неуклонно сокращается. Лет через 50 в центральных областях нашей страны коренного населения (москвичей, туляков, орловчан и т.п.) станет вдвое меньше, чем сейчас. Наша страна вообще переживает демографические процессы, характерные для большинства развитых стран мира. Так, ее население неумолимо стареет. Для стабильного воспроизводства населения в мирных условиях на каждую женщину должно приходиться 2,18 ребенка. У нас этот показатель не превышает 1, 3. Через 15–20 лет пропорция трудоспособных и пенсионеров необратимо изменится в сторону последних. Средний возраст россиян сегодня составляет около 40 лет. В Индии и Пакистане этот показатель не превышает 20–22 лет. 80 % населения России указали в графе «национальность» свою принадлежность к русской нации. На втором месте по численности — татары, на третьем — укра-

инцы. Свыше одного миллиона человек насчитывают 7 российских этносов — русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы, армяне. Из 34 тыс. живущих у нас китайцев около 30 тыс. имеют российское гражданство. Всего на территории Российской Федерации проживают в начале XXI в. представители более 160 народов. Женщин (77, 6 миллиона) среди нас становится больше, чем мужчин (67, 7 миллиона). Иначе говоря, на 1000 мужчин сейчас приходится 1147 женщин. Эта разница медленно растет, однако лишь применительно к возрасту больше 33 лет. Поэтому в России оказалось на 65 тысяч больше замужних женщин, нежели женатых мужчин. Вообще же существует 334 миллиона супружеских пар (из них 3 миллиона официально не зарегистрированы; в незарегистрированном браке рождается каждый 3 ребенок). По сравнению с 1989 г. в 1, 5 раза выросло число лиц с высшим средним профессиональным образованием. 369 тыс. человек имели послевузовское образование (аспирантуру, ординатуру, докторантуру), однако лишь около 5 % населения получают рабочую специальность. По графе «источники доходов» россияне распределились таким образом: 95 % работают по найму; 2 % работодатели; около 3 % индивидуальные предприниматели. Почти каждый третий россиянин живет за счет родственников (43, 5 миллиона иждивенцев).

Быт, досуг и труд: ступени “оповседневнивания” человеческой жизни и мысли

Онтология повседневности начинается прежде всего такими сторонами практики жизни, как *быт и досуг*. Если учесть, что быт ведь и есть первая и явно большая часть досужего (до- и послерабочего) времяпрепровождения, то становится ясно — именно эта зона человеческого существования порождает повседневность. Относящаяся сюда деятельность сравнительно проста, в принципе доступна людям самых разных достоинств, степеней образованности и вариантов культуры. В бытовой сфере деятельность и остальная жизнь теснее всего связаны с телесным, психосоматическим бытием индивида — его, что называется, естественными отправлениями: бодрствованием / сном, вообще активностью / отдыхом; питанием / испражнением; одеванием / обнажением, вообще терморегуляцией; прочими изменениями внешнего вида; половой любовью / агрессивированием разного рода; и т.д., т.п. Кроме интимно-личных по преимуществу дум и занятий, бытовая повседневность предполагает определённые формы их первичной же социализации: заботу о близких, разрешение межличностных противоречий, выстраиванием иерархии в микроколлективах, вообще групповую кооперацию планов и поступков по самым разным поводам.

Хронологические рамки всей этой непосредственной — бытовой повседневности образуются временем, свободным от официальных, внешних по отношению к самой по себе личности занятий — учёбы и работы, участия в обязательных мероприятиях всякого иного рода.

Пространственные зоны обыденности составляют дом и подворье с их собственной микроструктурой из жилых и подсобных помещений; всё посещаемое систематически обитателями этого дома поселение или его часть в мегаполисах (прежде всего “улица” в деревнях и “двор” в городах); ещё, пожалуй, как-то моделирующие на время путешествий жилое пространство средства

ближней и дальней коммуникации, транспорта, связи между частными лицами и их внешними контрагентами.

Пространственно-временной континуум повседневного бытия людей в современной философии всё активнее рассматривается во всевозможных аспектах, а в целом как медиатор, “плавильный тигль” (Б. Вандельфельс) для всех остальных уровней культуры и типов рациональности.

Если быт повседневен практически всецело, то *состав досуга* (так называемого свободного времени) более сложен. В его пределах обыденность не просто флюктуирует в порывы желания и страсти как свои естественные дополнения, там начинают обнаруживать себя её прямые альтернативы, на время “выключающие” обыденное сознание с его стереотипами. Впрочем, эти противоположности бытотовой рутине пока вполне добровольно, сознательно избираются человеком как раз ради разнообразия жизни. В свободное от собственно бытовых и вообще рабочих хлопот время он играет и молится, празднует и пирует, путешествует и приобщается к искусству, обсуждает “миро-вые проблемы” и спорит, размышляет обо всём на свете, вообще меняет одни занятия на другие; наконец, просто пребывает в праздности, более или менее дремотной. Эти и т.п. элементы жизнебытия многие философствующие авторы спешат включить в состав повседневности. Даже если согласиться с этим, стоит подчеркнуть особенность досужего времяпрепровождения — оно, как правило, индивидуализировано и оригинально в большей степени, нежели быт первичного свойства (как выражался Шолом Алейхем, кто любит дыню, а кто свиной хрящик). Кроме того, на досуге ярче проступают духовные потребности и общественные претензии личности (образно говоря, койка сменяется ложем, кухня ресторанным столиком, домашние тапочки спортивными кроссовками или бальными туфлями и т.д.).

Таким образом, досуг начинается в повседневности, опирается на неё, но простирается дальше, в области так или иначе специализированного творчества.

Ещё сложнее определить *степень обыденности труда*. Большинство профессий, особенно в индустриальном обществе, требуют от работника выхода за узковатые пределы обыденного опыта и противостоят ему, как и всякое специализированное занятие и знание. Вместе с тем, заложенные бытовой практикой общие навыки трудовой деятельности чаще всего как-то задействованы и на профессиональном поприще. С другой стороны, служба, даже на самых начальственных постах, не говоря уже об исполнительских ролях, неизбежно рутинизируется до известной степени. В силу чего порождает ещё один, третий по нашему счёту горизонт обыденного мира. Это *повторяющиеся раз за разом моменты трудовой деятельности*, в особенности не слишком когитоёмкой, слаботехнизированной.

Все указанные слагаемые повседневности как таковой образуют своего рода прожиточный минимум любой культуры, они в том или ином виде есть там и тогда, где и когда живет человек. На архаичных или же деградировавших

стадиях общественного, да и личного существования оно просто ограничивается такой обыденностью. На уровнях как-то цивилизованных эта последняя составляет более или менее влиятельный фон (а если разобраться, то бытийный фундамент) для превзошедших её форм общественно-культурной жизни (публичной политики, философии, науки, техники и технологии и прочих специализаций).

Впрочем, дефиниция повседневности вряд ли может провести точную линию по её границам — они пролегают не столько по горизонтали разных сфер общественной и частной жизни, сколько по вертикали определённых позиций живущего здесь и сейчас человека.

Как отмечалось выше, бытийно-структурная проекция повседневности дополняется её сугубо функциональной трактовкой. Скажем, классическое исследование повседневности с исторических позиций — труд Ф. Броделя об экономических основах капиталистической цивилизации включает в себя обзор таких жизненных реалий XV–XVIII вв., как основные продукты питания и способы приготовления пищи, напитки и прочие возбуждающие средства; жилища, одежда и мода; источники энергии для нужд повседневности и промышленности, железо и иное сырьё для металлургии; технические изобретения и денежный оборот; города и протекающие в них урбанизационные процессы⁵. В целом ряде случаев исторические обзоры повседневности того или иного региона определённой эпохи затрагивают ещё более широкий круг сюжетов, включая те, что относятся к ментальному контексту мышления и познания разных слоёв общества и типов личности⁶.

Соответственно отмеченным уровням жизни и деятельности людей, *обыденное сознание* ведаёт усреднённо-общими и постоянными сторонами их существования. На данном уровне человеческой активности уже намечается её фундаментальное разделение на труд, общение, учёбу и игру, однако эти формы жизнебытия здесь связаны теснее, перемешаны сложнее, нежели в остальных — специализированных и профессионализированных сферах практики и познания.

Эти последние (прежде всего производственный опыт массовых профессий) в свою очередь активно влияют на духовный мир повседневности, чем дальше, тем больше делясь с ним новой информацией и модернизированными технологиями. Но затрагивают ли происходящие перемены содержания обыденного сознания его познавательную специфику? Правомерно ли вообще выделять обыденное сознание как отдельный его тип, наряду с прочими типами и формами (мифом, религией, моралью, наукой и т.д.)? Или же оно составляет некую первооснову и необходимый элемент самых разных модификаций знания?

⁵ См.: Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.

⁶ См., например: Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 1999.

Поиск ответов на эти вопросы требует более тщательного рассмотрения места повседневности и опосредующего её сознания в системе культуры.

Относительность повседневности и противоречия её сознания

Обсуждение смыслового ядра, объединяющего разные жизненные явления в сферу обыденного, неминуемо приводит к целому ряду существенных оговорок, подчеркивающих относительность, функциональность данного концепта.

Прежде всего стоит отметить *историко-культурную изменчивость* указанной сферы. Разновременные, иноцивилизационные формы обыденного ментоса образуют исключительно пёстрый калейдоскоп. Общечеловеческие (этологические и социальные) черты будничного духа тонут под грузом различий, привязанных к полу, возрасту, эт-носу, эпохе, региону, вероисповеданию, общественному слою, профессии, государству, региону и многим иным его опосредствованиям. Обыденное внутри одного культурно-исторического типа окажется просто-напросто чуждым другому или даже займёт в его рамках привилегированные позиции (как конная охота на лис в Великобритании). По ходу всемирной истории некая часть содержания обыденности, особенно трудовой, уходит в небытие культуры или же перемещается в сферу досуга, играющего, таким образом, роль своеобразного “отстойника вечности” (В. Степанцов). Скажем, рыболовство, охота, собирательство грибов, ягод и прочих растений, пчеловодство, огородничество, садо- и цветоводство, верховая езда, собако- и вообще звероводство, плавание на лодках, прочие путешествия, многие т.п. занятия, в Древности и Средневековье бывшие безусловно необходимыми для большинства членов многих социумов, после промышленной революции и особенно с наступлением постиндустриальной эры превращаются в более или менее элитарные развлечения какой-то части населения экономически развитых стран.

Далее, структура и функции повседневности заметно меняются *на том или ином горизонте социального пространства*. Скажем, в городе или в деревне, в центре поселения или на его окраине, на хуторе или в загородном коттедже; в той или иной природно-климатической зоне, контрастируют в связи с разницей темпоритмов их жизни, форм труда и отдыха, досуга и отношения к внешней среде.

Важнейшую роль в сотворении и преобразении повседневности играют такие отрезки жизнебытия, каковы *оседлость и миграция*. На первый взгляд может показаться, что обыденное сознание — плод прежде всего оседлого образа жизни и мысли, а миграции разного масштаба — от добровольного путешествия (с расчётом на возвращение) до вынужденного изгнания с родины навсегда — лишь прерывают и деформируют его. Если же присмотреться к затронутой дихотомии с должного культурно-исторического расстояния, то обыден-

ное сознание предстанет скорее некой флюктуацией между миграцией и оседлостью. Т.е. в качестве, с одной стороны, определённой меры накопления всегда нового миграционного опыта и его применения в условиях оседлости, а с другой, — как практика внесения оседлых, стабилизирующих моментов в опыт миграционный.

При всей несомненной разнице оседлого и кочевого образов жизни в истории культур и цивилизаций, контраст между ними рано или поздно ослаблялся. Во-первых, благодаря неизбежному симбиозу, разнообразным контактам кочевников (как правило, скотоводов) и живущего на постоянных местах населения (в основном земледельческого). Во-вторых, путём своего рода переходом противоположно-стей среди этих, на первый взгляд несовместимых устройствах обществ. Ведь кочевники, постоянно перемещаясь в пространстве земной поверхности, крайне медленно меняются с внутренней точки зрения (общественных порядков, бытового оснащения, ментальности; в тюркских каганатах на просторах Евразии, например, они поддерживались одинаковыми не то, что веками, а тысячелетиями). Культура же оседлых социумов в этом смысле более динамична, она скорее “мигрирует” к новым достижениям; да и пространственно, как правило, тоже расширяется за счет медленной, “ползучей” колонизации сопредельных территорий, менее заметной по своим скачкообразным темпам. Наконец, в-третьих, в истории большинства народов периоды миграций, “захвата родины” чередуются, сменяются периодами оседлого освоения этой последней.

Проблема миграции вообще обострилась только в XX веке, когда зрелый капитализм привёл в движение почти весь мир и страны Запада переполнились легальными и незаконными выходцами с Востока. Однако на этом этапе пространственной истории этносов речь должна идти точнее не столько о мигрантах, сколько о маргиналах (коим ниже посвящён в нашем изложении особый раздел).

Крайности того и другого из видов практики — перемены мест обитания, либо закрепления на одном месте — чреваты застоём духовного мира как личности, так и общества (особенно если понимать под миграцией не одно только пространственное перемещение, но в какой-то степени и развитие, реформирование социума в одном и том же земном пространстве его бытия). Ментальная норма в этом плане предполагает, говоря словами писателя-романтика, чтобы “душа ваша не очерствела от частых перемещений по государству или, наоборот, не поблекла от жизни в одном месте...”⁷

Отмеченный *динамизм мира повседневных явлений* означает, далее, *относительность его смысловых границ*. То, что вполне рутинно для одного человека или социума в некоторый период его жизни, для другого способно предстать яркой экзотикой (на этом, между прочим, основана индустрия туризма, в особенности дальнего и экстремального; вообще декоративных развлечений вроде

⁷ Куваев О.М. Территория. Роман и повести. М., 1984. С. 23.

нынешних “дисней-лэндов” или закрытых клубов для игры в гольф, пентбол и многих т.п. развлечений). Пожалуй, ни одно отдельно взятое явление жизни или культуры не может быть признано раз навсегда будничным или же, напротив, небудничным. Дело за точкой зрения, способом оценки (ср. сакраментальные прозрения поэтов: “когда б вы знали, из какого сора / , растут стихи...”; “и воздух чист, как узелок с бельём / у выписавшегося из больницы”; “я вздрагиваю от холода, / мне хочется онеметь / Но в небе танцует золото — приказывает мне петь...” и т.п.).

Зарифмованная повседневность

Метафора повседневности в стихах Б.Л. Пастернака велико-лепно выражает репрезентативную роль быта, значение прозаичных фактов и житейских атрибутов для выражения практически любых состояний и устремлений человеческой души. Конкретика непосредственной и настоящей жизни не отменяется и не презирается поэтом при всех его возвышенных и утончённых чувствах. Напротив, детали быта и его общий облик напропалую используются им для “фильтрации” примелькавшихся ощущений, “промывания загрязненного стекла” души. Он отказывается “получать сдачу разменным бытом с бытия”. Быт для него — основополагающий слой самого бытия, без которого не стать “в родстве со всем, что есть”. А “гениальный дачник” желает “знаться с будущим в быту”, т.е. здесь и сейчас, а не где-то в вымученно вымечтанных эмпиреях интеллигентской фантазии. Этот самый быт становится в глазах поэта своего рода нашим внешним телом, двойником обитающего в нём человека.

Таков, скажем, взгляд temperatureящего, больного обитателя среднего московского дома:

Усадьба и ужас, пустой в остальном:
Шкафы с хрусталем и ковры и лари.
Забор привлекало, что дом воспален.
Снаружи казалось, у люстр плеврит.

Снедаемый небом, с зимою в очах,
Распухший кустарник был бел, как испуг.
Из кухни, за сани, пылавший очаг
Клал на снег огромные руки стряпух.

Поэтические сборники Б.Л. Пастернака представляют собой энциклопедию разных эпох российского быта XX в.; полный словарь разговорной, просторечной лексики тех времён; социологически точный срез повседневного существования основных слоев русского общества новейших его формаций. Из ранних пастернаковских стихов, например, сразу узнаётся, сколько стоила поездка на извозчике на окраину Москвы (“за шесть гривен”); чем обивали мебель

в зажиточных домах (“кресел шелк”); что помещали на зиму между оконных рам от сырости (“стаканчики купороса”); чем украшали подоконник (“цветы герани”); как занавешивали окна в городских квартирах (“качается тюль”); и проч., и проч. Каждая из выбранную наудачу бытовых деталей в контексте поэтической миниатюры запечатлела и выразила настроение художника, увековечила эмоцию неравнодушного жителя этих мест земной Родины — избы и квартиры, столицы и провинции, центра и пригорода, городского транспорта и загородной электрички, морского или горного курорта, грибного леса или цветочного луга; да мало ли куда ещё заносила нелёгкая читателей стихов того — нашего, что ни говори, века. По этим стихам будут изучать культуру мыслей и чувств, воплощённую в стилистике повседневного обихода русской интеллигенции времен её исторического призвания.

С одной стороны, *обыденность самодостаточна*. Её система ценностей, информационных ресурсов рассчитана на замкнутый цикл своего функционирования. Правда, такое возможно лишь в примитивном, традиционном обществе, либо в одном, отдельно взятом сегменте общества развитого. Ибо тотализация повседневных знаний и технологий обрекает соответствующую культуру сначала на стагнацию, а со временем и на вырождение. Ведь для общественно значимых инноваций требуется опыт иного уровня, нежели усредненно-жизненный, опрокинутый в дожившее до сего дня прошлое.

С другой же стороны, повседневность, взятая в целом, как социальный феномен, вряд ли мыслима без целого набора своих *бинарных оппозиций* (вроде игры, праздника, ритуала, беды и прочих вызовов жизни, о которых будет ещё упомянуто ниже). Между соответствующими моментами, сторонами людского бытия происходит информационно-энергетический обмен; их целостная система создаёт своего рода экологическую нишу человеческого тела и духа.

Получается, что в одних отношениях, элементах, эта область бытия и сознания оказывается герметичной к любым внешним воздействиям (со стороны рафинированных, специализированных форм культуры). А в других своих же аспектах обыденность впитывает их информационные влияния и в чем-то меняется в связи с ними.

Так что не только внутренняя структура обыденного мира и его же духа, но и их внешнесистемные отношения требуют пересмотра с философско-антропологических позиций.

Оппозиции-”лигатуры” повседневности

Как уже отмечалось выше, показатели обыденности того или иного явления, момента в жизни и культуре относительно теоретически — зависят от точки зрения, с которой мы о них так судим. К тому же эти критерии на практике подвижны хроно-хронологически — меняются от страны к стране, у разных народов и социальных слоев; от эпохи к эпохе, от поколения к поколению. Кроме того, несомненно влияние, так или иначе оказываемое собственно обы-

денными структурами и функциями на всё и вся в биографии личности, истории общества. При всём том сами по себе понятия обыденности и соответствующего ей сознания, поведения имеют свои смысловые границы. Специфика обыденного опыта выясняется не только и не столько “изнутри” его самого (сущностные определения), но и как бы со стороны, т.е. по сравнению с чем-то другим — сверхобыденным, необычным, превосходящим самую что ни на есть повседневность (дефиниции противопоставления). Перейдем же теперь к вычленению и рассмотрению такого рода антагонистов и вместе с тем “доноров” повседневности.

В философской литературе, монографической и учебной, на роль концептуального “противника” обыденного сознания чаще всего выдвигалась мысль научно-теоретическая⁸. Такое сопоставление выигрышно методологически, поскольку по большинству заданных философом параметров наука и здравый смысл действительно контрастны. Однако на самом деле обыденное знание и наука могут вовсе не встречаться в архаичном пределе, а могут и мирно уживаться, даже взаимодействовать и дополнять друг друга в современном идеале. Поэтому вряд ли стоит ограничиваться таким сравнением, тем более если мы заняты не только методологией науки, а и философской антропологией. Для этой последней гораздо эвристичнее сравнивать свой предмет не со специализированными формами культуры (вроде той же науки), а с тоже тотальными, общечеловеческими моментами людского бытия — но внеобыденными.

Искомые феномены составляют своего рода диалектические противоречия (в гегелевском духе, утрированном адептами марксистско-ленинской “диалектики”) или же бинарные оппозиции (по К. Леви-Строссу) повседневности. С одной стороны, они отличаются от неё по своим задачам и способам осуществления. А с другой, прерывая время от времени мерное течение будней, эти стороны жизни аккумулируют жизненную энергию втянутого в них обывателя ради его же дальнейшей жизни в повседневности. Как в металлургии некие присадки к основной массе определённой руды необходимы для получения сплава нужного качества, так и эти неординарные состояния ума и души, а то и всего тела воссоздают целостность личности. В той или иной пропорции сочетаясь, чередуясь в жизни людей “серые” будни и “красные (черные) дни календаря” только все вместе образуют “контрапункт” жизни, ее логико-аксиологическую полифонию. Поэтому эти антагонисты-дополнения повседневности и называются здесь метафорически её “лигатурами”.

Ритуал

⁸ Точнее, чаще всего это наука сравнивалась со здравым смыслом. Один из наиболее полных перечней таких отличий научного исследования от “обычно-го” познавательного опыта см. в кн.: Подкорытов Г.А. О природе научного метода. Л., 1988. С. 12–19.

Понятие ритуала в гуманитарном познании востребуется всё чаще и шире⁹, что, впрочем, не способствует пока его экспликации. Этимологически этот термин восходит (через прямой перевод латинского *ritus* — обряд, обычай) к идее порядка, точнее — более или менее сознательной упорядоченности, т.е. заданности и повторительно-сти каких-то моментов поведения животных и людей. В этих своих препосылках к размеренности, цикличности любой ритуальности похож на повседневность. Однако же он институционализирован настолько, что далеко перекрывает её. Оставляя в стороне интересные сами по себе, но достаточно спорно сопрягаемые в данном случае с социологией зоопсихологию, этологию ритуализации (отчасти об этом говорилось мной выше), обратимся к тем её культурологическим аспектам, что располагаются на идейной границе онтологии и гносеологии.

Если искать необходимую точку отсчёта для категориального определения ритуала, то придётся, как водится, различить его широкий (как правило, переносный) и узкий (собственный) смыслы. В первом ритуал будет означать все без исключения варианты как-то организованного, стандартизированного (обычаем, законом, привычкой, нуждой, престижем, ещё какой-то идеей или ценностью) поведения человека. В таком понимании ритуал заполняет собой почти всё пространство человеческой жизни и превращается в своего рода социальный рефлекс, культурный инстинкт (спать, есть, одеваться, общаться, работать, отдыхать, любить, конфликтовать, болеть, даже умирать и т.д., и т.п. не как-нибудь, а более или менее строго определённым образом). В этом смысле ритуал совмещается с повседневностью — как её ментальная матрица, культуральная норма.

За рамками столь расширительно понятого ритуала останется немного — всякого рода экстравагантности и причуды, инициативы и вызовы традиции, т.е. акты творчества и конфликты. С повседневной точки зрения — эпизоды социального “безумия” (у кото-рого, впрочем, также имеется своя “логика”, т.е. своего рода ритуали-стика навыворот).

Ритуал в собственном и тем самым куда более эвристичном смысле этого слова может находить себе разные бинарные оппозиции, но наиболее соразмерной из них представляется именно повседневность как неспециализированная — бытовая, отчасти досуговая, а в чем-то даже профессиональная практики и соответствующие им горизонты сознания и знания (здравый смысл, народная мудрость, наивный реализм, шаблонизированные элементы труда, любительские увлечения, т.п. эпистемы). Если принять сознание и поведение Ното *trivialis* — Человека обыденного за некую норму (хотя бы чи-сто количественную по максимальной частотности и массовости его мыслей и поступков), то любой ритуал будет означать периодическое изменение этого сознания и поведения. Но отступление не в сторону социальной патологии, деградации роли

⁹ См. подр.: Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума. СПб., 2001.

личности в социуме или же иного вызова его идеалам, а, напротив, ради перехода на время к иной, как правило более строгой и масштабной норме; возвышение потребностей за счет их коллективизации, идеализации.

Обряд

Первой из ритуализированных оппозиций повседневности должен быть назван *обряд как действия, направленные на символизацию* (идейно-нравственное возвышение и меморацию) *определенных моментов жизнебытия* личности и (чаще) коллектива, общины, сословно-профессионального “цеха”. В большинстве случаев обрядность прямо или косвенно связана с религией, хотя и разного уровня (от примитивной магии язычества до рафинированного молебства мировых культов). Даже обмирщенные варианты обрядности наследуют религии и церкви структурно-функционально. Так появляются торжественные процедуры государственной регистрации новобрачных и новорожденных, свадебные, юбилейные мероприятия светского типа и т.д., вплоть до “гражданской панихиды” и внеконфессиональные формы погребения, украшения могилы, общения с нею ещё живых близких покойника.

Типологические же разновидности обрядовых действий относятся к инициациям подростков поколений, другим памятным датам семьи, общины, постарно-политического образования; рубежам календарных циклов хозяйства; прочим бытовым вроде бы поводам, но ключевым, центральным в пространстве повседневности моментам; демонстрациям идеологии и политики тех или иных общественных групп; наконец, повторю, погребениям и поминаниям усопших, закреплению памяти о предках. В эти и т.п. моменты жизни личности и социума семиотика повседневности переструктурируется на более значимые, ответственные, запрограммированные модели поведения.

Хотя разные люди в различной степени склонны к периодической ритуализации своего поведения, а некоторые даже бросают принятым в социуме ритуалам открытый вызов, закономерность внешне показных действий очевидна. Ведь повседневность как бы растворяет в своей элементаристской среде общественные ценности (родины, партии, профессии, землячества, клана, даже семьи). Созерцая и демонстрируя коллективную сопричастность этим идеям, личность как бы “инвентаризирует” их, преодолевает неизбежные сомнения в осмысленности собственного существования. Обрядность, тем самым, представляет собой своего рода демонстрацию жизнеспособности и даже имитацию социального бессмертия людей. Она овнешняет преемственность между прошлым и настоящим, присягает будущему; выражает связь личности и группы, между малыми и большими группами, чьи интересы на чём-то сходятся. Поэтому календарные планы ритуальных мероприятий худо-бедно “цементируют” массу “песчи-нок” — повседневных дел и забот, вершащихся как правило по принципу “моя хата с краю”.

Сознание, ритуализированное церковной или светской *мистерией*, по её идее и сценарию, воспаряет ввысь над житейской суетой (будь то храмовая служба или же партийное собрание, по которым так ностальгируют теперь иные наши сограждане). Для большинства своих организаторов подобные мероприятия носят вполне практичный, деловой до обыденности характер (независимо от возможных и у них иллюзий, либо опасений насчёт степени рациональности происходящего на подмостках такого ритуала). Что касается “массовки” на официальных демонстрациях “веры, надежды, любви” к божеству небесному, либо земному, персонифицированному, либо отвлечённому, то с практичностью её сознания дело обстоит сложнее. Имевшие место в истории самых разных стран и народов попытки развенчать одни духовно-практические мистерии обычно влекли за собой создание других, только с обратным идеологическим знаком. Вспомним хотя бы постановку христианских церквей по местам разорённых языческих капищ; или же раскаты “Интернационала” под сводами православных храмов, уже превращённых в лучшем случае в сельские клубы, а худшем — в склады; наконец, ныне снова православные чтения в кремлёвском Дворце некогда партийных съездов.

Таким образом, серьёзные, но чисто *символические действия* удовлетворяют глубинным — коллективистским потребностям личности. Во времени и пространстве заметно меняется форма их реализации, а содержание — в гораздо меньшей степени.

Попробуем иллюстрировать соответствующие моменты общественной практики предельно наглядно — замечательными образцами русской реалистической живописи. Выбранные мной полотна объединяет один и тот же по сути сюжет — *крестный ход*. В православной церкви он представляет собой *торжественное шествие* с хоругвями, иконами и прочими мобильными святынями прихожан того или иного диоцеза, нередко вкуче с паломниками и всем прочим примкнувшим к ним людом. Наиболее распространены такого рода хождения на Пасху и в день Богоявления (Крещения) (т.е. приуроченные к сезонным пикам — летнему и зимнему, как и соответствующие празднества язычников). Эти шествия стали наиболее выразительными демонстрациями народности православия, объединения (“соборности”) разных слоёв общества вокруг его святынь.

Накануне отмены крепостного права, на очередном изгибе отечественной истории, демократизация общественного сознания и, в том числе, реалистического искусства в России прокламировалась, в частности, полотном *Василия Григорьевича Перова* (1834–1882), изображающим крестный ход в сельской глубинке. На выпуске из Московского училища живописи и ваяния он представил в Академию художеств эскиз “Светлый праздник в деревне” (1861). Академики отвергли его “за непристойность изображения духовных лиц”. Тогда начинающий живописец варьировал тему, изобразив “Проповедь на селе” (1861) в более пасторальных тонах. Получив за эту картину (ставшую знаком творческой покорности официальной идеологии) золотую медаль Академии и стипендию для

поездки в Италию, Перов там закончил таки первую работу. Вышло несколько авторских вариантов *“Сельского крестного хода на Пасху”* (1861). Участники ритуального действия позиционированы с нарочито неприглядных сторон. Бросаются в глаза их неряшество, опьянение, формальное “отбыва-ние номера” в составе процессии. Они не составляют композиционного единства, каждая фигура рассмотрена художником по отдельности. Отталкивающее впечатление от убогой деревушки и её обитателей усиливается мрачным, почти зимним пейзажем (небо за тучами, корявое облетевшее дерево, пронзительный ветер). Сюжет трактован прямолинейно, предвзято-разоблачительно. Перед зрителем нечто вроде фотографии скрытой камерой, случайного наблюдения непосредственно данной повседневности, без попытки ее анализа. В результате картину сняли с выставки Общества поощрения художников и вплоть до 1905 г. запрещали репродуцировать. Наверное, поделом — ведь отрицание мастером кисти присутствия Духа святого в русской деревне вряд ли помогало бы ей выжить, особенно в обстановке всё разгорающейся в стране революционной смуты.

Социально-политическая тенденциозность сглажена на известной картине *Ильи Ефимовича Репина “Крестный ход в Курской губернии”* (1883), одной из центральных, наиболее значительных в творчестве мастера. За шесть лет работы над этим полотном художник добился органичного сочетания предельной выразительности отдельных персонажей (судорожно ковыляющий вслед людскому потоку юноша-горбун, степенно вышагивающие мужики с “фонарём”, семенящие богомолки с футляром иконы, чинная купеческая чета, конные жандармы, щёголь протодьякон с кадилом, многие другие) с впечатлением внутреннего, морально-психологического единства всех действующих лиц этого живописного исследования русской духовной жизни накануне революционного перелома. Многотысячная толпа, бредущая из губернского центра за два десятка вёрст по летней жаре в старинный монастырь Коренную пустынь, разнолико представлена своим авангардом. Черты истовости, сознания своей миссии соседствуют на лицах с равнодушием, а то и откровенным отупением. Дышащий среднерусским привольем, пронизанный лучами жаркого солнца воздух веет в трёхмерном пространстве масштабного изображения. В этой картине находили обильную пищу для ума и сердца и богословы, и атеисты; и консерваторы, и либералы, и большевики. Само название полотна звучит темой художественно-этнографического эксперимента. Ведь живописец поставил здесь социально-психологическую проблему русского народа, давши при этом понять односторонность по сути любого её решения.

Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) для своего показа крестного хода выбрал уже не рядовое, а кульминационное событие в истории всей страны и её народа. Показательны для его историософского уровня замысла последовательные варианты названия этой картины, писавшейся с начала первой мировой войны, в 1914–16 гг., — *“Христиане”*, *“Верующие”*, *“Душа народа”*, *“На Руси”*. По словам самого художника, на его полотне “народу много, народ всякий, и получше, и похуже, все заняты своим делом — верой. Все “верят” от

души и искренне, каждый по мере своего разума. И никому не обвинить, что-де верят плохо — верит всяк, как умеет”¹⁰. Как и у Репина, нестеровская толпа движется, медленно, но неуклонно. Но место действия теперь — привольный берег Волги, так называемый Царёв курган возле Жигулей. Тут разом преодолевается и заброшенность перовского лоскутка неведомой чьей земли, и монотонность репинской степной окраины коренной Руси. И состав действующих лиц на полотне уже не социологичен, как у Перова, и не этнографичен, как у Репина. Нестеровым изображён весь русский народ Нового времени — от царя в шапке Мономаха, со скипетром и державой; иереев в парадных облачениях; воевод с дружиной; мыслителей (Достоевского, Льва Толстого, Владимира Соловьёва) до юродивого, скитниц, послушников, сестры милосердия времён Отечественных войн (Приём внеисторического коллажирования, позднее доведённый до формы кича И. Глазуновым). Впереди процессии, на отшибе от толпы — подросток в одежде сельского пастушка, с котомкой за плечами и туеском в руке (“Мальчик, разумеется, и придёт первым в царствие небесное...”, — пояснял сам художник). К правде жизни (Богу) русские люди идут разными путями, кто радостно переживая сближение с мечтой, кто сомневаясь и умствуя. Безгрешный отрок указывает путь всем им, примиряя социально-психологические противоречия.

Эстафету живописания русской соборности принял любимый ученик Нестерова *Павел Дмитриевич Корин* (1892–1967). Он ещё молодым художником, в 1919 г. начал работать над огромной пано-рамой “Реквием”. Увидав эти эскизы, А.М. Горький предусмотрительно переименовал картину в “Уходящую Русь”. Это ещё один, последний крестный ход в русской живописи. Форму его подачи можно назвать богословской, логико-мистической. На картине изображены участники поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Восстановление института патриаршества на этом соборе и попытки сберечь церковь в условиях ленинского государства столкнулись с прямыми репрессиями большевиков против клира и активных прихожан православных приходов. Значительной части изображенных на полотне иереев и верующих-мирян вскоре предстояло принять мученическую смерть или пожизненные гонения. Художник изобразил духовную победу жертв над палачами. Физическое уничтожение веры оказалось невозможным делом. Мистерия смерти на картине бывшего иконописца предвосхитила церковную канонизацию мучеников за веру и их политическую реабилитацию в постсоветском будущем.

Характерно, что проработав над полотном более трёх десятков лет, сделав сотни поразительных этюдов, сведя их в общую экспозицию, живописец так и не завершил картины, а советская художественная критика её намертво замалчивала (отделяваясь глухими ссылками на “трагедию уходящего мира” в коринском исполнении). Полотно стало поистине реквиемом живописной правде русского искусства. Оно подчеркнуло открытую перспективу развития веры

¹⁰ Цит. по: *Никонова И.* Михаил Васильевич Нестеров. М., 1984. С. 131.

и церкви в том или ином направлении вместе с судьбами народа и государства России. После художественных вариантов социологии, этнографии, теологии российской обрядности зрители увидели историю национального ритуала в красках.

Хотя тема крестного хода в собственном смысле этого слова и явления вполне естественно для начавшегося “строительства социализма в СССР” обрывается на последних наших иконописцах в станковой живописи, она, как ни странно, продолжается и довольно активно в “переоде́том (на новый, советский лад) виде”. Ведь “демонстра́ции солидарности трудящихся”, шествия, собрания и митинги прочего рода надёжно воцарились на полотнах предтеч, метров и эпигонов социалистического реализма. Так, *Борис Михайлович Кустодиев* (1878–1927) первым, в 1920–21 гг. успел запечатлеть такого рода действия, укутанные в красные полотнища большевистских флагов и транспарантов. Таковы его конкретно-пейзажные картины “Ночной праздник на Неве”, “Праздник в честь 2 конгресса Коминтерна”, и аллегорическое полотно “Большевик” — с гигантской фигурой пролетария, этаким Гулливером перешагивающего петроградские здания и площади с толпами обывателей муравьиного размера. Так живописный жанр массового действия вернулся в свою народную стихию — расписного балаган, ярмарочного лубка.

Как видно на отобранных нами образцах русской реалистической живописи, один и тот же по сути своей ритуал в разные периоды российской истории, с разных идеологических и художественных позиций представал на полотнах выдающихся живописцев то карикатурой, то историческим исследованием, то эпосом, то мифологией, то политической идеологией в красках. Надо признать, что все эти проекции реалистично отразили отдельные стороны и стадии соответствующей обрядности на отечественной почве. Ритуал суть форма, противоречиво связанная с содержанием народной жизни, — так, в частности, можно понять прослеженные уроки старых мастеров кисти и мольберта. А главный из таких уроков — неизбывная потребность русского народа в такой или сякой ритуализации своей общественной жизни.

Эпистемологическое измерение обрядности составляет своего рода житейскую философию, вообще жизненную “теорию” по сравнению с “наукой”, “эмпирией” повседневности. На параде да молебне все мало-мальски сознательные обыватели напоминают себе об исторических традициях и заветах предков, истинных масштабах своей этничности и гражданственности. Соответствующие моменты общественного и личного бытия концентрируют в себе его символику и историческую атрибутику, включая их в живое поведение своих участников. Ежедневность отодвигается на задний план, чтобы не мешала осознанию и ощущению практических абстракций — “родины, робости, дружбы, семьи...” (Б.Л. Пастернак). Обряд наглядно демонстрирует групповой, социальный опыт, потерявший свою прямую утилитарность, но сохраняющий моральную ценность для тех, кто отвечает за дальнейшие судьбы социума.

Праздник

Тесно связанной, на поверхностный взгляд даже полностью совпадающей с обрядом формой в общем внеповседневной культу-ры, причем именно ритуальной, выступает *праздник*. Вроде бы любая его ипостась — от устроенной экспромтом дружеской пирушки до тщательно организованного юбилейного банкета или приёма “на высшем уровне”, субботней сельской свадьбы или ежегодного карнавала в Рио де Жанейро — предполагает некий сценарий, вытекающий из традиций народа, возможностей общественного слоя, состояния духовного климата эпохи. Только невменяемый хулиган (вроде пьяного Сергея Есенина, сдёргивавшего в гостях скатерть с праздничного стола или публично раздиравшего вечернее платье на Айседоре Дункан) способен нарушить, сорвать ход празднества (откуда его тогда безжалостно выкидывают, как Ноздрёва с губернаторского бала). “Коли пир — так пир горой...” (А.Н. Толстой).

Если же приглядеться к практически любому празднеству пристальнее, то можно убедиться — в подоплёке большинства вариантов антиповседневности, даже тех, чей вектор — жизнеутверждающее ликование, заложен больший или меньший заряд вызова, риска, безумия. Так что даже праздник — и в этом, как видно, его “смысловая изюминка” — не застрахован от сюрпризов здравому смыслу и своей собственной норме. Хотя ритуальность праздника бесспорна, но она поверхностна и обманчива. Ведь порядок на празднике нужен в конечном счёте для лучшей затравки именно беспорядка. Ритуальные аксессуары — наряды, украшения, пафосные жесты, тосты, явства, т.п. надобывденные позиции праздника служат не более (но и не менее), чем зоной перехода к антиобыденному экстазу, раскрепощению душ и тел (алкоголем, прочими стимуляторами; песнями, танцами, иным флиртом; беседами-спорами на полную чистоту “передних и задних” мыслей и чувств). Праздничный стол — поле сражения реальной свободы мысли и тела с бытовыми и прочими социальными нормами и запретами.

Исходная *функция пира* и сопутствующих ему *прочих элементов празднования* состоит в необходимом отдыхе от всех и всяческих обязанностей, превращающих в повседневность всё на свете; периодическом отрешении от прочих ритуалов (поклонения и почитания, гос-подства и подчинения, домашних, родственных и профессиональных, служебных уз). Чтобы, в общем, “душу сполоснуть горячим спиртом...”, как выразился Владимир Солоухин. На празднике каждый его добровольный участник только по видимости выполняет какой-то общественный долг. В глубине души он тут поклоняется прежде всего сам себе, своим собственным потребностям и симпатиям (“Никогда не пейте с неприятными людьми!” — мудро советовал Александр Володин). Повинность убивает ощущение торжества (Так Ярослав Смеляков при вручении ему Ленинской премии во Дворце съездовпил духи, выставленные в кремлёвских туалетах, — “Ничего не оставим врагу!”). И, наоборот, сознание долгожданной свободы бурно расцветивает вполне житейские ситуации (“Свиданий наших каждое

мгновенье мы праздновали как богоявление”, — вместе с Арсением Тарковским).

Приукрашивая и возвышая быт поначалу, мало-мальски искренний и щедрый праздник в конце концов ниспровергает обыденность и её ценности (устоявшейся ритмики, экономии, сдержанности, умеренности, верности обетам, элементарной чистоте и порядку расположения вещей, наконец). Там и тогда “пьют даже трезвенники и язвенники”, давно бросивший курить тянется к сигарете, верный супруг проявляет внимание к другим дамам, неумеющий танцевать субъект самозабвенно выплясывает, молчун по жизни разглагольствует, а болтун тягостно задумывается; и т.д.

Именно во вспышках оргиастического “безумия”, временной перемене общественных ролей заключается социокультурное предназначение празднеств (что достаточно выяснено М.М. Бахтиным и прочими “карнаваловедами”, “экстазологами”¹¹). Гораздо реже обращалось внимание на гносеологические аспекты рассматриваемого феномена. Взбаламученная атмосфера “красного дня календаря” позволяет, помимо всего прочего, увидеть вещи и людей, обстоятельства и отношения с неожиданной для обывателя, часто тайной, обычно запретной стороны. В общем, подсмотреть своего рода изнанку бытия. Праздничные измерения сознания решительно поворачивают его вплотную к нравственным и эстетическим сторонам жизни, так или сак приглушаемым предыдущей и последующей обыденностью. То, что философами именуется “смыслом жизни”, люди обдумывают и тем более обсуждают друг с другом чаще всего именно в праздничном антураже или при таких его моделях, как обычная выпивка, пассивный отдых, прогулка и т.п. В суете профессиональных и бытовых дел и делишек мысли некогда и некуда воспарять. Иное дело — более или менее праздничный досуг. Там на какое-то время подчёркивается целостность и самоценность человеческой души, выявляется её полное предназначение к счастью и совершенству своего обладателя.

Итак, *праздник* — оригинальная *форма* и необходимая школа, так сказать, *допознавания жизни*. Недаром люди частенько знакомятся, друзья нередко ссорятся, а враги отчасти примиряются в пространстве застолья. А ритуалитет образует отнюдь не содержание праздника, а лишь формальный камуфляж такового. Филогенетически и вечно актуалистически люди пируют мысленную победу над своей собственной смертью. Охотничья добыча кроманьонцев, сбор урожая первыми земледельцами, возвращение викингов из морского похода, т.п. моменты обретения следующей порции коллективной жизни испокон веков отмечались общим застольем. Демонстративно растрачивая часть каких бы то

¹¹ См. всё новые опыты междисциплинарного анализа экстатических состояний сознания и поведения: Марков Б.В. “Сайгон” и Слоны”: институты эмансипации? // Метафизика Петербурга. СПб., 1996; Философия пира / Под ред. Ю.В. Пёрова. СПб., 1999; Костецкий В.В. Человек в экстазе. Опыт философского познания. Тюмень, 1996.

ни было запасов пищи и телесной энергии, человек как бы приносит судьбе искупительную жертву.

Если отмеченные перверсии празднования именовать ритуалом, то в совершенно особенном смысле время от времени необходимого личности и коллективу бегства от обыденности, причём уже не “вверх”, как при торжественном обряде, а “вниз”, к животным истокам истории и архаичным пластам культуры. Если повседневность волей-неволей накапливает невротизм сознания и поведения, то обрядовая сублимация да праздничная регрессия служат своего рода врачеванием души — сеансами коллективного, народного психо- и даже шизоанализа. Правда, эти способы лечения в свою очередь утомительны для тела и духа. Праздник-то обычно течет “от любви до невеселья...” (Иосиф Бродский). Опустошенные ритуализациями, измученные физическим или психологическим похмельем люди снова и снова со вздохом облегчения погружаются в умеренную повседневность. Пока та не “достанет” их в очередной раз своей умеренностью.

Начав пояснять данную противоположность обыденщины с помощью вроде бы самого возвышенного над ней — поэтического рода искусства, продолжим этот иллюстративный ряд выборкой соответствующих сюжетов советской поэзии. 1920-е–30-е годы — время, когда в нашей стране идеологически восторжествовал социальный аскетизм. Точнее говоря, праздничные стороны и моменты жизни официально держались тогда на особенно короткой привязи политических целей и общественных обязанностей (“первым делом — самолеты, а девушки потом”). Тем не менее (или как раз в силу этого?) тогдашняя лирика запечатлела, пожалуй, все возможные разновидности и функции пиршественной практики.

Десятилетию “Великого Октября” посвящалась (похоже, троцкистская по сюжетному духу) “Пирушка” Михаила Светлова. Ее герои — чекисты. В полном составе одного из многочисленных “особых отделов” (“Пей, товарищ Орлов, / Председатель Чека. / ... Эта ночь беспощадна, / Как подпись твоя”). В недавнем прошлом — бойцы Красной гвардии, залившие кровью всю Россию (“Ты прошёл сквозь огонь — / Полководец огня... Расскажи мне о том, / Как пылала Полтава, / Как трясся Джанкой, / Как Саратов крестился последним крестом...”). В непредсказуемо скором будущем они же — полководцы мировой революции (“Пей за новый поход! / Скоро выпрыгнут кони / Отчаянных дней. / Приговор прозвучал...”). Ничто другое этих “командиров в пиджаках” не интересует даже посреди застолья (“Выпьем, что ли, друзья, / За семнадцатый год, / За оружие наше, / За наших коней!..”). Сибарит и праздный остро слов по духу своему, автор “Гренады” и прочих “Комсомольских песен” воспевал по большому счёту то, чтобы было ему положено воспевать очередным пленумом или съездом победившей партии. Если пир — то “пир победителей” в классовой войне. Только с разрешения ЦК, в краткие годы идеологической “оттепели” за всегдатай “Арагви” и “Националя” задумался вслух:

“Все же, что заключается в главном?”

Разве мир представлений исчез?
Наше время — не в тайном, а в явном
И в обыденном мире чудес”.
(1958)

Для одного из самых что ни на есть пролетарских поэтов — Василия Казина (“... Октябрю я обязан всем своим существом поэта”) церковные праздники старой России безнадежно оповседневнены (“Ох, праздник, и какой пустой!.. / Какую скуку сучит, сучит...”). Но свято место пусто не бывает и вот его поэтический слух ласкает гомон “Октябрьских торжеств” (1934). “Раскатом красного празднества / Раскаливая сердца” движется московский люд “мимо правительственных / Почетных подножий Кремля”. А конечная цель движения та же, что и у пирующих светловских чекистов. Поэту мнится, что обманчиво мирная демонстрация “вдруг хлынет, / Стремительно ринется, / Прорвет рубежи и границы...”

С тех пор всякий член Союза советских писателей платил по “красным дням календаря” “идеологический взнос” за это самое членство. Как, скажем, даже одобренный диссидентствующей после Н.С. Хрущева интеллигенцией Леонид Мартынов (“Звонят в Ело-ховском соборе. / И это значит — понимай, / Что вслед за Пасхой очень вскоре / Придет весенний праздник Май”).

Совсем иначе кутила муза поэтов-“попутчиков”, по грехам и огрехам своим не допущенных советской властью к “идеологическо-му причастию”. Известнее всего оказались кабацкие подвиги Сергея Есенина — самого народного поэта России. Вряд ли случайно наши соотечественники выбрали для себя в лирико-песенном жанре тему столь разгульного отдохновения, непременно сопряженного со скандалом, дракой, прочим сокрушением бытовых устоев напроць (“Шум и гам в этом логове жутком...”).

А уж поэтам-эмигрантам бражничанье позволяет, как Влади-славу Ходасевичу, “сочетать неутешительное знание / С блаженством ничего не знать” (“Полузабытая отрада, / Ночной попойки благодать: / Хлебнешь — и ничего не надо, / Хлебнешь — и хочется опять. / И жизнь перед нетрезвым взглядом / Глубоко так обнажена...”). Обратим внимание на зарифмованный гносеологический выверт, содержащийся в процитированных строчках: чтобы хоть на время снять невыносимое бремя знания жизненных реалий, художник изменяет свое сознание алкоголем. Как бы отворачивается от настоящей жизни в сторону пьяной фантазии. Но благодаря этому усматривает скрытую от трезвого обывателя изнанку жизни, ее глуби’ны. Обыденное сознание на празднике, получается, как бы мутирует. Должно быть, в сторону некой специализации. Как отмечалось выше — философического свойства. На эту — народную, в полном смысле популярную ипостась философии мало обращали внимание ее профессиональные представители.

В конце концов эмигрантские мытарства постаревших роман-тиков “Садов” и “Роз” (названия стихотворных сборников Георгия Иванова) утихомирили

их застольные переживания. Тогда супруг Ирины Одоевцевой приговаривал своим соизгнанникам:

Как вы когда-то разборчивы были,
О, дорогие мои.
Водки не пили, ее не любили,
Предпочитали Ньюи.

Стал нашим хлебом — цианистый калий,
Нашей водой — сулема.
Что ж? Притерпелись и попривыкали,
Не посходили с ума.

* * *

На последней самой утлой лодочке
Мы с тобой качаемся вдвоем:
Припасли, дружок, немного водочки,
Вот теперь ее и разопьем...

Но на общественно-политическом отшибе и пир опальному художнику не в пир. Ликовать жизненное поражение как-то странно. Поэтому тогда “в час пирушки кажется хмельною / Даже рюмка слабого вина...” (Дмитрий Кедрин, 1934).

Логическим завершением пиршественно-застольной темы в до-военной советской лирике стали камерные реминисценции аресто-ванного “врага народа” Бориса Корнилова (“Пиво горькое на соло-де затопило мой покой... / Все хорошие, веселые — один я пло-хой...”). Это уже не дружеская сходка, как например когда-то у лицеиста Пушкина с гусарами. Там-то “В рассвете большом, полусонном / Ликует и бредит душа, / Разбужена громом и звоном / Бокала, стиха, палаша” (“Пирушка”, 1936). У остракированного же пролетарской диктатурой поэта индивидуальный запой суть бегство от постылой действительности в компании с “голою русалкой алкоголя” (Б. Пастернак).

“Водка, что ли, ещё?
И водка —
спирт горячий,
зелёный,
злой;
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой...”
(Качка на Каспийском море, 1930)

В этом стихе Бориса Корнилова, ставшем народной песней, запечатлена мысль о генетическом родстве праздничного разгула и всей остальной жизни (“... и качает меня работа / лучше спирта и лучше войны”).

Ведь праздники, особенно регулярные, соотносимые с определёнными датами, не остаются чистой оппозицией будням. В той или иной степени они сами заражаются повседневностью. Сохраняют праздность (т.е. временную свободу от обычных обязанностей), но теряют энтузиазм от бесконечного повторения. Вплоть до того, что начинают тяготить своих организаторов и участников. Как например военные парады некоторых русских императоров (откуда можно было запросто отправиться “в Сибирь шагом марш!”) или же “демонстрации солидарности трудящихся” на исходе советской власти в СССР (там душу грели не столько бравурными маршами да громозглыми призывами, сколько теми же самыми напитками, что 1 мая да 7 ноября ждали большинство демонстрантов и дома, за праздничным столом).

Пожалуй, самым любимым, искренним, всеобщим праздником в СССР оставался Новый год. По сути — советское Рождество. “Будущего недостаточно / Старого, нового мало, — отмечал Борис Пастернак, — / Надо, чтоб ёлкою святочной / Вечность среди комнаты стала...” Ёлочные украшения и терпкий аромат сосны, либо действительно ёлки разом преображали прискучивший интерьер жилой комнаты. Теплота семейного очага грела сердца прямых потомков и белых, и красных, и простых свидетелей катаклизмов XX века. Бой кремлёвских курантов и звон бокалов с “нешампанским шампанским” заглушали в памяти все прочие торжества, отмеченные Номо soveticus’ом в ушедшем году. Новогодний праздник, воспетый всеми советскими беллетристами, начиная с М.А. Булгакова и заканчивая И.А. Бродским, продемонстрировал истинное предназначение этой формы ритуализации как временного побега из повседневности.

Эксперименты с календарем в Советской России привели к тому, что смену лет господних у нас так или иначе отмечают дольше всех в мире. Начиная со “всеобщего”, католического Рождества и вплоть до “старого Нового года” в середине января. А там и до возрождаемого на наших глазах Татьянинного дня недалеко...

Праздники, похоже, стремятся вытеснить повседневность из жизни обывателя. Вряд ли им это удастся. Тем не менее представляется очевидным, что пропорция самовольного и ритуального, обыденного и ликовательного в этой самой жизни тонко реагирует на изменения ее условий в “большом” — общественно-политическом мире. Некие формы символизации коллективизма, “овнешнения” людской общности коренятся в природе массового сознания с его “стайностью” и подражательностью. Эти самые формы и составляют ритуал как таковой, во всём разнообразии его жанров и культурно-исторических видов. Так понятый *ритуал образует основную оппозицию повседневности* — они чередуются во времени и пространстве людского бытия и подпитывают друг друга жизненной энергией. Пробивающее себе дорогу сквозь любые идеологические

барьеры соотношения рутинного и ритуального стабилизируют социум на самых крутых виражах его истории, поддерживает целостность личности на изломах ее биографии.

Экстремальность

Впрочем, и сама бытовая повседневность неоднородна. Начинаясь и оконтуриваясь постоянными, либо регулярными, относительно спокойными моментами жизнебытия, она рано или поздно являет внутри себя моменты эпизодически-случайные, даже инновационные, более или менее бурные, вплоть до рубежных для существования того же самого обывателя и его окружения. В результате в общем плавное, плановое течение обычной жизни то и дело прерывается так или иначе фатальными вызовами личности и группе, куда она входит; крайними состояниями их духа и тел. Для общего названия таких вызовов повседневности изнутри неё самой предлагается вошедшее в моду у подростков и журналистов жаргонное словечко “экстрим”; он же, если точнее калькировать латинский корень этого неологизма, — “экстрем”(мальность).

Сюда относятся, прежде всего, события в большинстве своём неизбежные и “плановые” у судьбы, но образующие в той или иной степени *кризисные её фазы*: рождение на свет Божий, половое созревание, выбор призвания, профессиональная состоятельность, бремя среднего возраста, ощущение одиночества (даже среди неких близких); старость-дряхление; роды и климакс у женщин; инвалидность, наступающая рано или поздно; т.д. А также *неординарные стороны жизни*, вроде рождения ребёнка, любви-страсти, мук ревности, непримиримой вражды, пылкой дружбы, жестокого унижения, лишения свободы; т.п. В особенности же — смерть близких людей и прежде всего своя собственная (точнее, моментное осознание её неизбежности, близости).

Кроме того, ситуации внешне и по отдельности вероятностные, даже случайные, но на поверку неизбежные, массовидные: утраты и обретения чего-то смысложизненного; победы и поражения всякого, но в общем судьбоносного рода; несчастные и счастливые случаи, болезни и исцеления, т.п. биографические катаклизмы. Бросая вызов “спокойной” повседневности, все они, вместе с тем, по-своему необходимы для её продолжения (даже “наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас...” — отметил тот же поэт, которого непереносимая ревность привела на гибельную дуэль задолго до появления этих самых внуков).

Обыденность время от времени нарушается не только желанными людям паузами веселья да благоговения, поименованными чуть выше испытаниями естественного, хочешь не хочешь, порядка, но и обстоятельствами явно и даже зловеще экстраординарными — вроде стихийного бедствия в природе, катастрофы с техникой, социального взрыва военно-революционного типа; “просто” личной неудачи (включая столь массовидные, как тяжёлая болезнь, травма, невосполнимая утрата чего-то или кого-то дорогого, грубое насилие или серьёзная неудача в делах, жестокое разочарование в личной жизни — измена лю-

бимого человека, вынужденная разлука с ним; наконец, “просто” депрессия от заунывного однообразия жизни, в которой долго не происходит только что упомянутых встрясок; т.п. коллизии экзистенциального накала).

Будучи плотно включены в самую что ни на есть повседневно-сть, события данного ряда явно прерывают её тихо-мирное течение на какое-то время, а то и кладут ему конец навсегда (вместе с при-вычным качеством жизни или с ней самой). В силу практической неизбежности для каждого из нас большинства из подобных испытаний, они приобретают некие черты обыденности — вольно или невольно для людей, их переживающих (особенно с возрастом), больше или меньше в условиях разных субкультур. Но эта *повседневность*, так сказать, второго — *паранормального плана*. Ей соответствует так или иначе изменённое (страстями повышенного накала, аффектами, либо, напротив, сниженными настроениями, депрессиями, неврозами и психозами) сознание.

Пиковые, пограничные с небытием ситуации в общественной и особенно личной жизни редко у кого проходят бесследно для физического самочувствия и душевной организации. Разной степени экстремальности то закаляют характер, обогащают жизненный опыт, то надламывают личность. На соответствующие моменты жизни закрывали глаза представители сциентистских направлений философствования, их акцентировали экзистенциалисты и иже с ними по части рассмотрения Homo Destructionis — Человека Потрясённого, душевно “выгоревшего”, выбитого из колеи обыденной нормы и тем самым морально падшего.

На развалинах традиционного уклада жизни, поскольку она ещё продолжается, возникает, разумеется, своя, новая обыденность, как правило, примитивная и мучительная. Грани нормы и патологии здесь, как и везде, конечно, относительно, растяжимы. Никакой экстремум не отменит надолго большинства обыденных обязанностей (есть, пить, спать и т.д.). Скорее, запредельные переживания даже расширят их круг за счёт крушения каких-то общественных институтов и личных заслуг. Эти же переживания неизбежно их переоценит, хотя бы на время отодвинут на периферию внимания. Своего апогея деформация обыденного сознания достигает в периоды крупных общественных потрясений, на которые особенно богатым вышел XX век.

Вот характерный на сей счёт пассаж мудрого мемуариста, подводящего итоги недавно минувшему столетию: “И весь-то он, наш русский, российский XX век проходил ... в бедности, в крови, в унижении. Оглянешься — 1904–1905 гг., русско-японская война, ... революционная буря ... Снова война 1914–18 гг. Тут Ленин вылез... Отдушина Февральской. И Октябрьский переворот. И пошёл разброд и террор. И как с Ленина его пустили, так и укрепил-ся, стал грязной и кровавой обыденщиной. Царя и либеральных буржуев свергли. Бога долой, церкви круши, попов изводи! “Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...” Раздували-раздували, не раздули. Но сами в дыму и порохе задохнулись, в крови захлебнулись... Вся эта орава народных самодержцев, начиная с Ленина, всё строила социализм, учреждала коммунизм. Хозяйство наше в тупи-

ке и развале. ... Народ испорчен, работать смысла нет... Вот так и исходит наш российский двадцатый век. По уровню жизни, здоровью, нравственности, хозяйству, чувству собственного достоинства люди и страна ... стоят куда ниже, чем предреволюционная Россия конца XIX – начала XX вв. ... Очевидной стала суровая реальность: предстоит не перестройка воздушных замков, не блуждание по фантомам “социалистического выбора”, ... а обзаведение хозяйством и обществом общечеловеческого типа..., вхождение (долгое, трудное) в семью цивилизованных европейско-американских стран и народов”¹².

Таким образом, выходом из революционных потрясений умудрённый жизненным и профессиональным опытом историк видит в возврате к нормальной для высокоцивилизованных народов повседневности, бытовой и трудовой.

Природа обыденного сознания, впрочем, такова, что память на страдания и унижения у него оказывается довольно короткой. Жить изо дня в день с ощущением беды и тоски убийственно трудно. Когда непосредственная опасность минует, Человек Обыденный просыпается как бы заново рожденным, готовым вкушать повседневные радости, начиная с пресловутой “чечевичной похлебки”.

Фазы перехода от житейского благополучия (пусть относительного, на чей-то взгляд) к бедствованию и обратно представляют интерес и для теории познания, поскольку предполагают неизбежное изменение, потрясение общечеловеческого и конкретно-исторического строя мыслей и чувств людей. Имеющаяся у субъекта информация при этом неминуемо переоценивается, особенно в своей практической, прикладной части.

Бытовой антураж смерти

Крайней формой антиповседневности выступает смерть человека. Прекращая все возможные функции и роли личности, она оказывается враждебнее всего именно к быту — исходному и глубинному слою нашего бытия. Дальше этого рубежа жизни отступать некуда. Поэтому именно обыденность аннигилируется смертью без остатка, тогда как у остальных моментов биографии — профессиональных, досуговых, даже игровых остается шанс на некую порцию так называемого социального бессмертия — продолжения в следующих поколениях.

В отличие от жизни, где возможны поиски какого-то смысла, *смерть* предстает перед нами как *неразрешимая проблема*. Точнее сказать, она предельно сложна. Однако не слишком сложнее, чем многие другие центральные проблемы жизни: любовь, счастье, судьба и т.п. Причем сложнее всего с практической отдачей осмысления данных вопросов. Так, можно сколько угодно объяснять неудачу в любви, но на реальную ситуацию это нисколько не повлия-

¹² Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2001. № 1. С. 163.

ет. Еще хуже со смертью — её можно отодвигать или облегчать, но никто никогда ее не отменит, как для себя лично, так и для всех остальных живых существ. Можно заменить призвание, объект влечения, успехи чередовать с неудачами, пережить ненависть, неудачу, но смерть не имеет альтернативы. Никто из ушедших в мир иной ещё не поделился с оставшимися жить своим опытом. Однако изучив и осознав феномен смерти, возможно лучше распорядиться жизнью.

Танатология (греч. *thanatos* — смерть) представляет собой междисциплинарное рассмотрение непосредственных причин умирания, динамике и механизмах этого процесса в его биологических, медицинских, с одной стороны, а с другой, социально-психологических аспектах. Специальные штудии обстоятельств индивидуальной кончины, её экзистенциального статуса по отношению к жизни претендуют занять место в составе философского знания.

Этапы смерти шире, чем обыкновенно кажется. Намечая их, не стоит брать в расчёт переносных, расширительных значений термина (“гражданская смерть”, “политический труп”, инвалидность, отставку, пенсию, т.п.). Эти выражения имеют в виду радикальное изменение места личности в *жизни* общества, так сказать “*социальную смерть*”, а вовсе не настоящую смерть самого организма. Такие пертурбации могут как приближать, так и отдалять настоящую смерть. Все они так или иначе меняют обыденное сознание и поведение, но во все не прекращают их.

Настоящая смерть представляет собой, как известно, *необратимое прекращение жизнедеятельности организма*. В этом смысле она делится на две стадии.

Клиническая смерть представляет собой в принципе обратимый этап умирания, который обычно занимает несколько минут после остановки сердечной деятельности и дыхания; шансы оживления зависят от степени гипоксических изменений клеток коры головного мозга (при обычной температуре — 3–5 минут; при охлаждении побольше); каждый культурный человек, тем более с медицинским образованием, должен владеть навыками мануальной *реанимации*.

Биологическая смерть — необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и органах, после чего реанимация бесполезна; возможно только частичное донорство ради продления чьей-то другой жизни.

Смерть в культуре разных народов, социальных групп оценивается и воспринимается по-разному. Видный представитель историографической школы “Анналов” Ф. Арьес наметил *две самых типичных модели* такого отношения. Первую из них он назвал традиционной, патриархальной, — потому, что она сложилась в условиях доиндустриальных цивилизаций, характерна для жизни больших устойчивых коллективов с относительно низким уровнем образованности и культуры. В настоящее время она более выражена в сельской местности. Вторая модель отражает процесс урбанизации, условия жизни личности,

малой семьи в большом городе, работы в больших организациях, где человек — своего рода “винтик” огромного механизма.

Для патриархальной модели кончина одного из членов общины, особенно пожилого, — событие ожидаемое и закономерное; воспринимается смерть как необходимый момент, итог жизни. Поэтому старики там загодя копят деньги на свои похороны; все члены семьи из кожи вон лезут, чтобы успеть к постели умирающего сородича, ведут к ней малых детей — прощаться с уходящим навсегда их уже почти предком; похороны — по сути (затратам, многолюдству, энергии) один из видов праздника; особенно поминки довольно скоро после своего начала трудно отличить от любого другого праздника по их шуму и веселью; кладбища, могилы — места частого посещения и всяческого почитания, своего рода храм для периодического поклонения. В украшения надгробия, благоустройство кладбища вкладываются значительные средства, нередко гораздо большие, чем выделялись покойнику при его жизни. В связи с чем очередная цитата из А. Сапковского: “Чёрт! Чёрт! — крикнул Лютик ... Развалился весь дом! Выжить никто не мог! ... — Ведьмак Геральт из Ривии пожертвовал собой ради спасения города, — торжественно проговорил ипат Невилл. — Мы не забудем его, мы почтим его. Мы подумаем о памятнике... Лютик ... отряхнул курточку от хлопьев штукатурки, взглянув на ипата и несколько тщательно подобранными словами высказал свое мнение о жертве, почестях, памяти и всех памятниках мира”.

Модернизированная модель рассматривает любую смерть, тем более близкого человека как катастрофу, нечто непоправимо и непереносимо страшное, дикую случайность. Сама мысль о смерти изгоняется из сознания. О ней не принято говорить без особой нужды. Безнадежно больной, обреченный человек помещается в больницу; он умирает на руках медицинского персонала, т.е. по сути дела в одиночестве. Перемещение гроба или (всё чаще) урны с его прахом на кладбище осуществляют только самые близкие родственники и друзья покойного. Это мероприятие ограничивается только церковной или гражданской панихидой по минимальному сценарию. Могила самого близкого человека потом навещают как правило в полном одиночестве.

В наши дни можно наблюдать то или иное сочетание патриархального и модернизированного отношений к смерти в различных регионах, социальных группах, семьях.

Поскольку умирание представляет собой процесс или по крайней мере акт, а вокруг него неизбежно складывается некий социокультурный контекст (завещание, прощание, похороны, заупокойные службы, поминовения усопшего, увековечивания его памяти), то и у смерти получается своя — страшная, в общем-то, но и величественная, трагическая повседневность¹³.

¹³ См. лучший, пожалуй, очерк танатологических аспектов повседневности в разных культурных традициях: *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Игра, учёба и труд

Едва ли не самая фундаментальная структура человеческой деятельности состоит в разделении последней на игру, учёбу и труд. Взаимопроникновение и периодическое чередование того, другого и третьего не мешает видеть в них важнейшие этапы всякой индивидуальной судьбы и, вместе с тем, основные сферы жизнебытия вообще. Ведь младенец и ребенок самовыражаются по преимуществу играя; подросток и юноша заняты главным образом учением; а взрослый человек, да и пожилой тоже, находят себя, как правило, в работе. Переходные состояния в этом деятельностном репертуаре — когда младший начинает помогать старшим и чему-то у них учиться; старший в свою очередь заново обучается чему-либо, т.п. — только подчёркивают отмеченную стратегию социализации личности.

То же самое можно сказать и относительно образцов симбиоза этих трех важнейших направлений человеческой активности. Дитя относится к увлекательной игре почти столь же серьёзно, сколь само-забвенно, играючи трудится мастер своего дела. А учиться приходится так или иначе им всем и в учебный труд нередко привносятся игровые элементы. Таким образом, труд, игру и учение перемежаются в каких-то пропорциях независимо от нашего возраста и характера. Дисгармония этих слагаемых свойственна акцентуированным типам личности (вроде “человека в футляре” одной-единственной службы, бонвивана, “вечного студента” и т.п.). Не случайно уже в животном мире находятся достаточно близкие прототипы всех этих трех слагаемых и векторов человеческой деятельности. Все высшие животные, особенно обезьяны, во-первых, играют; во-вторых, наставляют, натаскивают потомство; и в-третьих, занимаются утилитарным жизнеобеспечением.

Учебная, игровая и профессионально-трудовая сферы начинаются за пределами первоначальной — бытовой повседневности. Их же собственная рутинизация заметно отличается от общебытовой и в социокультурной норме носит вполне пренебрежимый характер по отношению к тем антиобыденным устремлениям, что присущи примерному ученику, увлечённому игроку или труженнику. Поэтому сравнение со всеми ними фигуры обывателя выглядит показательным, особенно в эпистемологическом плане.

В контексте мышления и познания чаще всего рассматривается учебная деятельность. Ведь преподавание и усвоение знаний нагляднее всего демонстрирует родовую сущность, общие закономерности интеллектуальной деятельности как таковой. Поэтому в “море” педагогико-дидактической литературы заметны “островки” трактатов по гносеологии и логике обучения и психического развития ребенка, относительно особенностей учебно-воспитательного познания¹⁴. Однако учебно-воспитательный уровень познавательного процесса,

¹⁴ См., например: *Гинецинский В.И.* Знание как категория педагогики. Опыт педагогической когитологии. Л., 1979; *Эрднеев О.П.* Учебное познание. Структура, специфика, свой-

надо признать, не слишком высок, потому что ученичество по большей части вторично в деятельностном плане; представляет собой по сути квазитворчество — в том смысле, что обогащает информацией личность, а не социум. Вундеркинды отличают исполнительское искусство, а не научном познании или не сложные практики, где без сравнительно длительной учёбы, личного общения с уже состоявшимися профессионалами и собственного опыта “по разбиванию личной порции горшков” не обойтись.

Повседневность человека учащегося обычно инфантилизируется. За большую и решающую её часть отвечают другие люди (родители, учителя, прочие наставники). Опыты трудового воспитания, самообслуживания школьников и студентов занимают подчинённое место в истории педагогики. Дорогу здравому смыслу в этом вопросе пробивает разумный компромисс, при котором дети, подростки, будущие специалисты в чём-то помогают взрослым или более опытным, но от значительной доли “бытовки” освобождены этими последними. Мелочи быта, рутина его ежедневного обслуживания в массе своей оставляет немного свободного времени и умственного пространства для полноценной учёбы.

Игра и в особенности труд чаще всего воспринимаются в философско-психологической литературе как состояния непознавательные (хотя, разумеется, и требующие определённых умственных способностей) виды деятельности. “Пока человек играет, он не мыслит, а пока он мыслит, он не играет”¹⁵, — поспешил заключить Е. Финк, автор проницательнейшего во всем остальном очерка бытийных смыслов человеческой игры. И труд в свою очередь обычно трактуется как процесс скорее применения и проверки результатов кем-то ранее произведённого познания, нежели как один из способов такового. Между тем, для антропологически ориентированной эпистемологии обе эти сферы служат своего рода контрастным фоном, позволяющим оттенить многие особенности познания внутри практики, начиная с бытовой.

Трудовая да игровая ипостаси деятельности — самодостаточное единство противоположностей, что выражается уже в их определениях. Труд — “вечное естественное условие человеческой жизни”, согласно К. Марксу, — представляет собой с необходимостью производимое людьми удовлетворение своих базовых потребностей за счёт природы с помощью искусственных орудий. Иначе говоря, — практически ежедневное творчество материальных основ человеческого существования. Игру же можно представить и понять как деятельностную пародию на труд, его досуговую, развлекательную имитацию (вплоть до прямого моделирования наиболее престижных видов труда в ролевых играх де-

ства. Автореф. дис. ... канд. филос. н. Томск, 1986; Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995; Корнилов Ю.К. Психология практического мышления. Ярославль, 2000.

¹⁵ Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 383.

тей, включая компьютерные). Как труженик, так и игрок совершают целенаправленные физические телодвижения вкупе с умственными усилиями и эмоциональными затратами для достижения искомого результата. По внешнему рисунку и даже внутренней психосоматической организации, социокультурным предпосылкам их деятельность сплошь и рядом формально схожа между собой и с бытовыми хлопотами.

Ключевое отличие игры от труда, включая домашний, видится в том, что она изначально свободна от утилитарно-практических целей, хотя и представляет собой, надо признать, полноправный момент общественно-исторической практики. Целый ряд великих “игроведов” в истории философии и литературы главную задачу и отдачу игры усматривали в ней самой. Точнее, в той радости, душевной ободрённости, что приносит игроку его бескорыстная в общем-то и на первый взгляд случайная деятельность, “целесообразность без цели” (по И. Канту).

Правда, в процессе труда лучшая его мотивация тоже процессуальная, внутренняя, а не результативная, внешняя (“Я дерусь потому, что дерусь”, как говаривал Портос у А. Дюма; “Истые пловцы — те, что плывут без цели; плывущие — чтоб плыть!..”, согласно Ш. Бодлеру и М.И. Цветаевой). Но подобный идеал самозабвенного “труда играючи”, ради самого процесса труда представляет собой скорее исключение, чем правило в масштабе всего общества, да и для биографии отдельного человека. Ведь конечная цель труда, в противоположность игре, предполагается по его окончанию. Эта цель заключается, что ни говори, в продукте, услуге, принятом решении, другом каком-либо полезном результате, достигаемом после определённого цикла производственных действий, в составе которых не обойтись без большей или меньшей примеси исполнительской рутины, антитворческого “мусора”, в принципе чуждого игровому самозабвению, но практически неизбежного в повседневном быту.

Труд, конечно, вносит свою, весьма весомую, может стать даже определяющую лепту в копилку человеческой радости. Только это весьма своеобразное удовольствие. Откровенно говоря, его ощущают не столь уж часто — в итоге того или другого плодотворного отрезка жизненного пути или, наоборот, в начале увлекающего человека физического или умственного занятия, как сравнительно редкую удачу работяги-“сизифа”. В общем, стратегически, а не тактически. Сами же будни настоящего труженика чаще всего тяжелы; его хлеб, согласно сбывшемуся библейскому пророчеству, солён от пота, ручьями проливаемого на рабочем месте. Мотив труда — мучения, проклятия, кары господней глубоко укоренён в религиозно-философских построениях разных эпох и народов. Причём одним отчуждением человека-творца от некоторых его социальных функций, включая познавательно-интеллектуальную, или же результатом эксплуатации человека человеком природы трудовых тягот не объяснить. Труд — если это действительно труд, а не его имитация — есть и будет нелёгко, моментами тягостен, временами невыносимо, порой даже убийственен для своего совершителя. Даже после окончательной механизации физически тяжёлых и осо-

бенно вредных работ останется отравляющее душу бремя ответственности (или муки совести после паразитического уклонения от неё), сложности, риска, наконец, — всежизненной обязательности большинства видов труда. Не случайно “трудно” и “тяжело” по-русски (и не только) синонимы.

Повседневный быт выступает пространством освобождения от трудовых тягот, нишей рекреации человеческой телесности и душевности. Его незаменимую роль в процессе социального познания можно сравнить с физиологической стадией парадоксального сна, которая необходима для творческой переработки мозгом полученной в период бодрствования информации. Однако в быту растворяются личностные амбиции мало-мальски серьёзного сорта. Поэтому домашние радости хотя и питательны для психики, но рано или поздно приедаются ей чуть ли не наравне с трудовыми заботами.

Радость игры, напротив, сродни “празднику, который всегда с тобой”. Она надёжнее всего приобщает людей к миру фантазии, свободного полёта чувств и мыслей. Заманчивый, волнующий снова и снова флёр розыгрыша окутывает наше поведение и за пределами собственно игрового поля, стола, сцены. Многие стремятся к декоративности, этакой “понарошности” дома и на работе, в пути и общении, одежде и речи. Их замысел, согласно заключению актрисы Аллы Демидовой, состоит “в том, чтобы уйти от скучного запрограммированного быта, превратить жизнь немножко в игру, не то, чтобы не всерьёз к ней относиться, но и не столь драматически”¹⁶. Игра, таким образом, — универсальное противоядие по отношению к мысленной, эмоциональной и событийной рутине и дома, и на работе. Интерес к игре, её опыт и навык — необходимое слагаемое человеческой жизни по естественным её законам.

Ко всему прочему, игровое действо гораздо демократичнее трудового. Большинство игр доступно любому желающему, их правила одни и те же для всех участников. В этом игровая деятельность сближается с повседневностью. Руководящие функции делегируются отдельным игрокам всей остальной их командой вполне добровольно и временно. Чтобы выиграть, нужно всякий раз заново, тут же и сразу проявить свою сноровку, смелость, сообразительность, наконец, удачливость (на поверхностный взгляд иррациональную). Игра обычно позволяет испытать всего себя и оперативно переломить (при прочих равных условиях) нежелательный ход событий. Тогда как слишком многие виды труда, прежде всего бытового, грозят сделать человека одномерным с духовной или физической стороны, целиком зависимым от малоподвластных ему стихий природы или общества. На работе человек, как правило, играет одну и ту же роль — начальника или подчинённого, создателя материальных или духовных ценностей; дома он же — “ячейка (член семьи) в ячейке (семье)”, нередко не слишком принимаемая в расчёт родственниками; а окунаясь в инверсию игры, любой

¹⁶ Демидова А. Тени зазеркалья. Роль актера: тема жизни и творчества. М., 1993. С. 221.

из нас получает возможность восстановить целостную самость. Мимолётное счастье жизни, её вкус и аромат познаются прежде и лучше всего в игре (или с её примесью к прочим занятиям).

Й. Хейзинга в известном трактате 1938 г. “*Homo ludens*” (“Человек играющий”) представил игру как средоточие всей культуры человечества, самую сложную и смысложизненную из людских способностей. Ему вторили на разные голоса А. Бергсон и Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер и Г. Гессе, У. Эко и Ю. Лотман, многие другие корифеи современной философии и литературы. За последние десятилетия традиционная игровая культура Запада и Востока основательно потеснена коммерциализацией и, в общем, примитивизацией игрового досуга массы населения индустриально развитых стран. Низменные, суррогатные игры вроде разных тотализаторов, лотерей, казино, телешоу и т.п. становятся своеобразным духовным наркотиком, грубым макияжем повседневных трудностей жизни. Однако тот или иной уровень идейной рефлексии вряд ли устраним полностью из игроповедения.

Общему и особенному труда и игры соответствуют их познавательные регулятивы и результаты. Понятия практического разума, да и рассудка относятся в первую очередь к серьезным, производительным сферам применения этих уровней интеллекта. Человек трудящийся на своей бытовой и особенно профессиональной практике изучает соответствующий объект и средства его преобразования в нужном направлении. Основной массив знаний, которыми располагает человечество (а значит и отдельные его представители), выработан и постоянно пополняется именно по ходу материального производства, общественно-политического управления, опытно-экспериментальной проверки научных теорий, даже бытового самообслуживания, т.е. важнейших видов практики.

Хотя и от участников игры требуются знания — своих возможностей, особенностей поведения партнёров и противников, характера самого предмета и условий проведения обыгрывания. Правила игры могут быть предельно просты (как при каких-нибудь детских “салках” или “прятках”), могут усложняться до невероятия (как в некоторых карточных или компьютерных играх), но ведь интенсивному осмыслению, интуитивно-практическому “схватыванию” подлежат не только и не столько сами правила, сколько всегда динамичный, разноревероятностный процесс их реализации в начавшемся игровом поведении, особенно коллективном. Принципиальная непредсказуемость, равновозможность каждого следующего шага в настоящей игре предопределяют её деятельностно-интеллектуальную специфику по сравнению со множеством актов труда и быта, как правило, заранее “расчитанных, взвешенных, смиренных”. Игра же, по природе своей, есть антишаблон, враг стереотипов. Она максимально востребует способность к импровизации — оперативно перестраивать структуру и функции деятельности в режиме обратной связи с её текущими результатами. А подобное качество личности и особенно ее интеллекта весьма ценно и для серьёзной деятельности. Большинство игр не только позволяет от-

дохнуть от предшествующего труда и быта, но и в определённой степени тренируют ум и тело к предстоящим заботам. Ведь без самодисциплины духа и тела много не выиграть, как без то-лики инициативы и творчества не заработать слишком.

Правда, доля социальной ответственности игрока по сравнению с тружеником и семьянином, как ни суди, несравненно мала — хо-чешь играй, хочешь нет, только не мешай своей игрой окружающим. Это обстоятельство делает игру в среднем гораздо более терпимой к объёму и качеству употребляемых ее субъектами знаний. Во всяком случае, эрудиция — не главное качество игрока (если не считать искусственных телешоу вроде отечественного “Что? Где? Когда?”). У игры свои интеллектуальные претензии и последствия. Систематически и добросовестно трудясь, человек обогащает личные, а порой и общественные запасы информации, приобретает и совершенствует вполне конкретные навыки и умения. Игра же в гносеологическом плане даёт скорее “умение уметь”, “знание своей возможности узнать” себя и других. В этом смысле игра суть некое метапознание человеком самого себя на практике, добровольное самоиспытание разума и воли в их согласованности, совершенно необходимой для любой продуктивной деятельности. А серьёзный, творческий труд — воплощение, пребывание личности на самом деле, включая полноправную жизнь ума и чувств.

Игра, как по волшебству, воссоздает свой, особый мир — новый, необычайный по сравнению с обжитым домом, исхоженной улицей, захлавленной мастерской, девственной природой. А новизна, свежесть восприятия окружающей действительности и себя самого — один из самых мощных стимулов всяческого познания. Реванш недо- или односторонне загруженного разума всего скорее завоёвывается именно на игровом поле. Игра, как и религия, только по-сторонне, помогает человеку решать вроде бы неразрешимые проблемы его жизнебытия — обретать (пусть на время) его смысл, достигать (хотя бы отчасти) счастья и совершенства. “Бессмертные на время” (Б. Пастернак) — именно игроки.

Любая игра открыта творчеству, чего не скажешь обо всяком труде, тем более домашнем. Профессию, род серьёзных занятий, а тем более место проживания, круг обыденных дел человек далеко не всегда выбирает по призванию и зрелому размышлению — этому слишком часто мешают традиции, диктат семьи и среды, корыстные и престижные соображения, просто случайность. Но вряд ли кто станет играть подневольно. Свобода мыслей и чувств в игре гарантирована надёжнее, чем в труде. А настоящее познание немыслимо без такого катализатора, как свобода.

Когда же игра профессионализируется кем-то из её участников, превращается для них в повседневный промысел неких житейских благ, как у артистов, спортсменов-профи, крупные, жиголо и т.п., то игрой для них становится какое-нибудь другое занятие. А порой и то же самое, только не на публику, не по оплачиваемому заказу, а для самих себя. Практичность такого рода действия,

на посторонний взгляд не слишком осмысленного, усматривается прежде всего в том, что оно помогает и позволяет поддерживать нужный уровень самоуважения, самосознания в целом, необходимый реальному субъекту познания и поведения.

При всей важности и привлекательности игры, она не может и не должна преобладать в жизни человека. В противном случае её со-кровенный смысл утрачивается, непередаваемый аромат улетучивается. Развлечение переходит в свою противоположность — особую трудовую повинность, послепраздничное похмелье жизни. Рим, подожжённый Нероном в эстетических, якобы, целях; “олений парк” французских “солнце”-королей; “ледяной дом” не самой умной из российских императриц; кровавая “Ходынка” нашего последнего царя; демонстрации солидарности трудящихся советским вождям — вот взятые наудачу символы общества, прячущего свои болезни и трагедии под шутовской личиной. Вымученные и даже ужасающие игрища маскируют, между прочим, интеллектуальное убожество своих устроителей. Свободный разум забавляется по собственной воле, а не по чьей-либо прихоти.

Как показал Г.В. Плеханов в одном из своих “Писем без адреса” об искусстве, “игра есть дитя труда, который необходимо предшествует ей во времени”¹⁷. Эту мысль стоит понимать не только в смысле происхождения игровой деятельности из трудовой в процессе антропогенеза, но и применительно к их чередованию во всей дальнейшей истории общественной жизни. Противостоя утилитарно-полезной деятельности в структуре жизненного пространства и времени, многообразные развлечения косвенно обеспечивают её же, подпитывают физической и психической энергией. Но фундаментальную основу практики и обеспечивающего её познания составляет, конечно, сам труд в его важнейших разновидностях, начиная с бытовой. Игра, как ни суди, ситуативна и эфемерна, а труд обязателен и плодотворен.

Разделение труда на умственный и физический не абсолютно. Многие представители первого прямо или косвенно озабочены усовершенствованием второго. Учёные, художники, богословы радуют в конце концов о благе своей народной аудитории, пытаются гуманизировать общественную практику в широком смысле этого слова. Что касается тех, кто оперирует на рабочем месте не абстракциями или образами, а инструментами и вещественными материалами, то и они, как видно, не утрачивают вкуса к познанию, конечно, особенному, практически-конкретизированному. Навык изучения, опыт понимания широкой сферы бытовых и трудовых отношений резко повышает шансы на успех всех тех, кто в ней занят.

* * *

¹⁷ Плеханов Г.В. Литература и эстетика. Т. 1. Теория искусства и история эстетической мысли. М., 1958. С. 59.

В свете тех моментов жизни, что названы выше оппозициями повседневности, она сама замечательно преобразается. После строгих ритуалов, долгих празднеств, страстных игрищ её серые чертоги манят для тихого, размеренного отдыха; спокойного времяпрепровождения за нехитрыми домашними радостями. А в грозящих бедой экстремальных ситуациях прежняя обыденность покажется и вовсе раем земным. Так, скажем, бывает с человеком после лишения свободы. У заключённого “подавление здоровой нервной энергии легче всего объясняется отсутствием впечатлений. В обыденной жизни тысячи звуков и красок затрагивают наши чувства; тысячи мелких разнообразных фактов запечатлеваются в нашем сознании и возбуждают деятельность мозга. Но жизнь арестанта в этом отношении совершенно ненормальна: его впечатления чрезвычайно скудны и всегда одни и те же”¹⁸. При таких сравнениях очевидно, что повседневность — полноправный партнёр всех остальных общественных институтов. Эти последние опираются на те стороны человеческой натуры, что берут начало в его обыденном сознании и поведении.

Кепка, берет, цилиндр (Маргинальная, богемная и элитарная зоны повседневности)

Понятие повседневности рассматривается чаще всего с позиций некоего условного ядра культуры. Привычного бытия “человека вообще”, усреднённой личности, причём привычного нам (авторам и читателям научных и публицистических текстов) цивилизационного типа. Между тем, многообразные субкультуры, соответствующие тем или иным стратам общества, в том числе крайним — маргинальным, либо элитарным, порождают особенные варианты каждодневного времяпрепровождения и мировосприятия. *Сфера обыденного по общественной вертикали* меняет свои очертания, моментами фантастически резко. Изменяется не только ее вещно-событийный антураж, что вроде бы вполне понятно при сравнении дворца и хижины, новенького “мерседеса-600” и старенького “фольксвагена”, пресловутых цилиндра и кепки. Важнее отметить флюктуирование самой пропорции быта и его антагонистов внутри жизнебытия “принцев и нищих”. Причем тенденции там и тут обнаруживаются вроде бы прямо противоположные. Повседневность то разрастается почти всеобъемлюще (при спуске на “дно” общества), то вроде бы сужается до минимума (на верхних ступеньках общественной лестницы). А с другой стороны, именно “общественные подонки” лишены нормального быта, а представители социальной верхушки вольны устраивать его, как им заблагорассудится. Вместе с местом на онтологической матрице жизни меняется и сама природа того, что происходит и осознается каждый день подряд.

С точки зрения социально-классовых противоречий по преимуществу будничным считается образ жизни бедняков и “середняков”, главное занятие

¹⁸ Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С. 338–339.

которых — добывать средства к существованию, обеспечивать прожиточный минимум материальных благ, вещей и услуг; восстанавливать силы от и для надрывного, либо просто нудного труда. Как отметила своим неподражаемым курсивом Н.Н. Берберова, “одни смотрят телевизор, другие в это время читают книги, третьи их пишут, четвёртые заваливаются спать рано, потому, что завтра надо вставать “с солнышком”¹⁹.

При обратном взгляде — снизу вверх общественной “лестни-цы” кажется, что “верхи” ведут исключительно праздный и ритуализированный образ жизни, они неординарны и вольны в своих вкусах и поступках. На самом деле, конечно, у богатых и знатных тоже имеется повседневность, только иная, рафинированная их происхождением, воспитанием и клановым *profession de foi*. Пусть “... им эти пляски надоели, а эти лошади вдвойне”, по А. Кушнеру, но заменить балы на пивные, а дерби на тараканьи бега аристократам не дано. Английская королева недавно зашла в рекламных целях в паб, но пригубить там эля из кружки под присмотром телекамер оказалось выше её сил и подаренную бутылку пива она унесла с собой. Элита оповседневнивает развлечения, у плебса редкие и потому действительно праздничные. Бремя ежедневной ответственности за свои кастовые обязанности — внешний вид, стиль поведения, манеру речи, цикл общения, уровень расходов — в элитарных кругах общества на поверку куда едва ли легче трудящегося или богемного быта, где мелочная экономия обычно сочетается с немалой расхлябанностью. Впрочем, каждому социострату причитается своя порция тяжкой нудности, расслабляющей идилличности и взбадривающих развлечений. Кастовая герметичность образа жизни различных общественных слоев сочетается с их потребностью друг в друге. За первичной меркантильностью отношений верхов и низов (по принципу: работодатель — исполнитель платных услуг) кроется ещё эффект социально-психологической “зеркальности”, притяжения-отталкивания антиподов социальной структуры. “Низы” мечтают пожить как “вер-хи”, а тех как запретный плод привлекает возможность облагодетельствовать нижестоящих, а заодно потравестировать. Временная смена социальных ролей — незабываемая школа самопознания личности. Недаром этот сюжет столь излюблен литературой, театром и кинематографом.

Вот показательная сценка, юморизирующая и тем самым оттеняющая только что сказанное. Вышколенный, но себе на уме слуга каждое утро задаёт вопрос своему состоятельному нанимателю:

— Какой костюм вы наденете?

— Этот. — В то утро на мне был такой яркий костюм в клетку, который мне очень нравился... Возможно, с первого взгляда он производил несколько ошеломляющее впечатление, но тем не менее сидел на мне как с иголочки, и мои клубные приятели, да и не только они, не переставали им восхищаться.

— Слушаюсь, сэр.

¹⁹ Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 208.

... Тон у него был какой-то не такой. Знаете, как будто чего-то недоставало. Ему не нравился мой костюм. Я решил проявить твердость характера. Чутьё подсказывало, что если я хоть в чем-то ему уступлю, он сядет мне на шею. ...

— Тебе не нравится мой костюм, Дживз? — холодно спросил я.

— Что вы, сэр!

— Итак, что тебе в нём не нравится?

— ... Если позволите, сэр, коричневая или синяя ткань с почти незаметной диагональной нитью...

— Какая чушь!

— Слушаюсь, сэр.

— ... Скажи, он действительно не годится?

— Немного кричащий, сэр, с моей точки зрения.

— Хорошо, Дживз, — сказал я. — Знаешь что? Отдай это безобразию кому хочешь!

— ... Благодарю вас, сэр. Я подарил его помощнику садовника вчера вечером. Ещё чашку чая, сэр?”²⁰

Именно представители элиты, а также порожденной ею же богемы претендуют на роль “дирижеров многоголосого хора” социального познания и просвещения. Раздающие интервью средствам массовой информации ученые исследователи, преподаватели средних и высших школ, журналисты, рекламисты, пиарщики всякого рода смотрят исключительно “на верх” социальной пирамиды. Общественный “низ” их интересует лишь как источник сюжетов для продажи тем же “верхам”. Впрочем, откровения богатых и знатных ограничены чаще всего их собственным кругом общения, поскольку бесплатные поучения отравляют любую благотворительность.

Что касается обитателей общественного “дна”, то выпав из принятых большинством членов данного социума рамок и ритмов жизни, они, вроде бы, тоже приобретают сомнительную привилегию на сплошной отдых. Только, в отличие от аристократов, их времяпрепровождение лишено особого труда и всякого прочего ритуалитета. Глядя на них “сверху”, увидишь карикатуру и на “большую”, массовую культуру, и даже на элитарные изыски. “Бродяги и пропойцы” (Б. Окуджава) как правило одеваются в обноски, нередко в прошлом весьма стильные; обставляют свои берлоги обломками модной где-то мебели; копаются в отбросах с изобильного стола; судачат о нравах высшего света и новостях международной политики.

Социологи разделяют маргиналов на несколько групп. В одну зачисляют тех, кого само общество вытеснило, даже выбросило за пределы своей культуры, а в другую тех, кто сам решился на разрыв традиционных связей и создание своего собственного примитивного мирка. Кроме того, маргиналы различаются по цивилизационным (мигранты, “зависшие” на стыке разных этносов и куль-

²⁰ Вудхауз П.Г. Дживз и Вустер. Т. I. Дживз. Вперед, Дживз! СПб., 1995. С. 12–13, 30–31.

тур), возрастным (лица на стадии ученичества), половым (профессиональная дискриминация женщин, так называемый сексизм в отношении мужчин), собственно социальным (низшие, экономически нулевые и политически бесправные страты) признакам²¹. Общей чертой любого маргинала признается его душевная невротизация, бунт против той культурной сферы, куда его не пускает общество. По словам Р. Мертона, маргинальна та личность, которая “стремится покинуть одну членскую группу ради другой, куда ей общество закрыло доступ”²².

Такой взгляд на феномен маргинальности скользит по поверхности статистических сводок люмпенизации той или иной части населения западного мира (такого рода гетерогенные, асоциальные группы, каковы нищие, алкоголики, наркоманы, гомосексуалисты, проститутки, бродяги, цыгане, иностранные рабочие-нелегалы, уголовные преступники на свободе, группы экстремальной молодежи, идейные террористы, бунтовщики-утописты). При подобной социологической диагностике переоцениваются внешние признаки маргинальной повседневности — место жительства, источник средств к существованию (всё это у “подонков” общества может просто отсутствовать), манера поведения в общественных местах. Маргиналов судят по критериям “большой культуры”. А они ее-то как раз и отвергают!

Обратим внимание на то, что далеко не все участники объективно маргинального сообщества субъективно акцентуированы. Выбор чаще всего остаётся за личностью — впустую бунтовать (рискуя надолго попасть в криминал); либо завоевать право на достойное существование в “большой” культуре, использовать ради этого свои необычные качества (так в США гуманитарии-негры становятся экспертами по межэтническим конфликтам; в ряде стран Западной Европы представители сексуальных меньшинств под флагом защиты демократии прорываются в большую политику; т.п.); либо, наконец, жить ради ценностей своего собственного маргинального сообщества (вплоть до принципиального одиночества, такого современного отшельничества). На мой взгляд, истинными (структурными, а не функциональными) маргиналами точнее называть людей, разделяющих эту последнюю позицию. К уходу из благопристойной повседневности на “окраину”, а то и на самое “дно” жизни личность подталкивают переживания экзистенциального накала. Страх (перед реальным или вымышленным жупелом) или отвращение (к тому или иному варианту социальной несправедливости).

Ведь “изнутри” самой себя маргинальная (как и всякая другая) повседневность самоценна и функциональна. Пренебрегая общепринятыми нормами и целями, маргиналы создают свои собственные ценности (денежные “взаимозачёты” у портовых “бичей”; символические “фенечки” у хиппи; амплуа и зоны действия уличных попрошайек; границы сбора стеклотары бомжами; стайная

²¹ См. подробнее: *Попова И.П.* Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996.

²² См.: *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969. С. 475–476.

организация городских хулиганов; ролевые псевдонимы и костюмы у так называемых толкинистов; идеология фанатичных болельщиков футбола; многие т.п.). Сокращая, даже стирая половые и возрастные, интеллектуальные и прочие характерологические различия, маргинальность иерархизируется по-своему. Та же хип-система, забирая тело и душу своих адептов из семьи и школы, порождает иные ранги — стаж пребывания в ней, начитанности в культовой литературе, типажной внешности. Но эти ранги выглядят более открытыми и справедливыми, чем те, что “наверху общественного здания”. Обитатели трущоб более или менее равны между собой. Большинство маргиналов остаются “внизу” добровольно. Помыть пол в дешевой квартире или же захламить вполне приличную до неприличия; совершить т.п. действия по пути “вверх” или “вниз” каждый решает самостоятельно. Опускась социально, человек порой “выпрямляется” духовно, растёт психологически.

“Верх” и “низ” общественной лестницы оказываются парадоксально схожи в том, что представляют собой удобные площадки для более трезвого, пристального взгляда на жизнь, её ценности, нежели замутнённая мелочными заботами и неизбывными тревожностями повседневность “среднего класса”. Правда, люмпены редко пользуются возможностью отразить опыт своего падения и тем более транслировать его для общего сведения. Коли общество их отвергло, то и они вправе отвернуться от общества.

За относительную свободу от опостылевшей повседневности маргинал платит тем, что называют “частной жизнью”. Отношения обитателей общественного “дна” вынесены напоказ; они постоянно “тасуются”, как игральные карты в колоде. Власти “большого” мира время от времени устраивают на них облавы, принуждают к некоему покаянию, загоняют в особые кварталы-резервации, на городские окраины, в подвалы и т.п. места “во чреве” мегаполисов. Внутренняя организация маргинальных зон отличается архаичной коммунальностью, обобществлённостью быта. Здесь живут культурные антиподы того социума, паразитами которого маргиналы являются.

Суммарный “портрет” маргиналитета способен резко менять “краски” в зависимости от той или иной эпохи, культуры. Юродивых то почитали равно со святыми (на Московской Руси), то запирали в казематы (во Франции XVII в.), то без лишних слов убивали (как нацисты на оккупированных вермахтом восточных территориях). В наши дни типобраз маргинала “темнеет” в прямом и переносном смысле такого определения. На обочину западного социума безжалостно сдвигаются массы неконтролируемых мигрантов, особенно выходцев из Афро-Азиатского ареала. Вместо кучек почти безобидных хиппи европейские мегаполисы получили целые районы, населённые вечно враждебными им чужаками (наподобие негритянского Гарлема или “желтого” чайнатауна, наших дальневосточных “шанхаев” или московских продуктовых рынков). “Благородные жулики”, поэтизированные Диккенсом да О. Генри, остались в далёком прошлом. Наркотики, терроризм и всякий прочий криминалитет

всё прочнее гнездятся “на дне” западного общества, составляют ужасную повседневность этого самого “дна”.

Своего рода “нейтральной полосой” между элитарным и маргинальным служит божественный образ жизни. Интернациональный по своей природе, он легче всего прижился во Франции и в России. Поэтизированный, начиная с романа А. Мюрге “Жизнь богемы” (1848), всеми жанрами романтического и реалистического искусства, этот стиль поведения испытал свой последний расцвет между двумя мировыми войнами. Актеры, музыканты, художники, литераторы, даже ученые в период поиска призвания, обретения собственного голоса и стиля предавались этаким интеллигентской “цыганщине”. Беспечно-сть времяпрепровождения, безалаберность домашней жизни, легкость смены партнера и остальной компании позволяли взыскующим творчества молодым людям преодолеть узы то ли бедности, то ли богатства, обрести независимость тела и духа. Богема давала приют беглецам из всех общественных слоев, позволяла им отсидеться какое-то время от строгого приговора общества к тому или иному пожизненному жребия. В индустриальном обществе это был своего рода заповедник мысли и чувства, свободных от его всё жестче структурировавшейся повседневности.

С наступлением постиндустриальной эпохи божественность как-то пожухла, рационализировалась с одной и маргинализировалась с другой из своих сторон. Уровень технизации требует полной самоотдачи, а компенсаторно трудоголизму утвердившаяся культура комфорта стирает слишком резкие грани между стратами в их домашнем быту и на досуге. Нынешние темпы социализации личности, стандарты профессиональной карьеры даже в области “свободных искусств” оставляют все меньше места и времени для существования в качестве “промежуточного элемента” социальной организации

Сегодня зоны маргинализации наглядно демонстрируют углубление социально-экономического кризиса, подрыв базовых ценностей цивилизованного мира. Ни частная благотворительность, ни организованная социальная работа больше не сдерживают роста числа и общественной опасности люмпенов. Эти последние выглядят одним из непредвиденных результатов стихийного эксперимента над западным миром. Политизация (арабо-исламская, антиглобалистская, либо иная) данного феномена превращает его в очередную угрозу человечеству, самому его существованию. Подкупленные террористами маргиналы становятся новоявленными камикадзе, составляют массовку силовых акций антиглобалистов на Западе или российских “скинхедов” и им подобных уличных агрессоров.

Итак, общественное неравенство сообщает социальному познанию определенные рамки, они же эпистемологические барьеры, которые гуманитарная наука только учится обходить. Вместе с тем, “на маршах общественной лестницы” в принципе возможен плодотворный диалог носителей полярного жизненного опыта. Современная эпистемология должна на время избавляться от социологических схем и корректировать определение субъекта познания и практики по признакам стратификации общества.

Человек Обычный: профессионал и любитель

На обыденном сознании абсолютного большинства людей ска-зывается еще одна немаловажная дихотомия человеческой деятельно-сти — её разделе-ние на профессиональную и любительскую. Соот-ветствующие формы мышле-ния и поведения пока явно слабовато изучены с социально-философских пози-ций. К тому же, они если когда и рассматриваются философами, то порознь²³. А их отношение к повседневной сфере жизнебытия упрощалось до механиче-ского разнесения всего профессионального к надбытовым, специализирован-ным сферам духа, а дилетанства — именно и только к его повседневному гори-зонту. Якобы, “... в отсутствии определённой специализации, профессионализа-ции и даже какого-либо обязательного обучения (кроме обучения опытом жиз-ни), состоит основная отличительная черта и особенность обыденного, несис-тематического уровня общественного сознания”²⁴.

Между тем, картина на этом срезе рассматриваемой здесь проб-лемы вы-ходит на поверку куда сложнее. С одной стороны, профессия и повседневность тесно переплетаются, а в патриархальных, традиционных обществах они просто сливаются (производство материальных благ и услуг во многом совпадает там и тогда с домашним хозяйством и всем остальным бытом). С другой, — боль-шинство дилетантских увлечения служит как раз расповседневниванию какой-то части досуга, да и поднадоевшего труда по профессии. Ведь “не философы, — иронизировал О. Хаксли, — а собиратели марок и выпиливатели рамок составляют стеновой хребёт общества”²⁵. Большинство видов человеческой деятельности таким образом двулики, протестичны: допускают профессиона-лизированные и любительские эквиваленты и эта дихотомия проходит напере-рез обыденному и особенно специализированному сферам жизни и мысли.

В остатке — отдельные сферы практики, либо чересчур сложные и ответ-ственные для дилетантов (космонавтика, допустим, или атомная энергетика), либо, напротив, слишком уж элементарные, чтобы их профессионализировать (таких гораздо меньше, особенно на вершине общественной лестницы, снаб-жённой разного рода прислугой, т.е. именно профессионалами быта). Впрочем, отдельные виды любительской деятельности по своим результатам обычно превосходят профессиональные аналоги (например, коллекционерство произ-ведений искусства, предметов старины, монет, марок и бесконечного количест-ва прочих предметов собирательства, знаточества). Хотя в большинстве случаев

²³ См.: *Славов И.* Структура на дилетанската мисъл // *Философска мисъл*. София. 1980. Кн. 1; *Баталов А.А.* Понятие профессионального мышления (Идеоло-гические и мето-дологические аспекты). Томск, 1985; *Практическое мышление и опыт: ситуативность и ин-струментальность обобщений*. Яровлавль, 2000.

²⁴ *Ковальзон М.Я., Макешин Н.И.* Общественное сознание и общественные науки. М., 1973. С. 16.

²⁵ *Хаксли О.* О дивный новый мир. М., 1989. С. 165.

профессионалы и любители имеют дело с одними и теми же объектами, решают сходные задачи, но по-разному.

В целях уточнения терминологии замечу, что любительством точнее называть творчески, индивидуально-избирательно проведённый досуг; ту часть свободного времени, что служит самореализации личности. Быт же — это скорее обобщённое, родовое начало во вне-производственной, досуговой деятельности. Дилетантами же чаще называют не совсем умелых любителей, чьи результаты заметно хуже по качеству, чем аналогичные труды профессионалов. Впрочем, грани между всеми ними сплошь и рядом условны. Гармонично распределённые в пространстве и времени жизни все три её основные сферы — быт, работа, досуг в норме оплодотворяют друг друга, тесно взаимосвязаны.

Однако паритет между ними становится возможен лишь после того, как профессионализация основных отраслей материального и духовного производства порождает блага и преимущества цивилизации. Именно профессии составляют основу общественного благополучия и социально-экономически первичны по сравнению с бытовыми заботами членов индустриального общества. На постиндустриальном этапе обобществлению, механизации подвергается всё большая часть житейских занятий, но по-прежнему за счёт технологического, информационного усовершенствования базовых профессий. Эти последние выступают в общественной роли интеллектуального лидера и научного, и вненаучных направлений современного познания.

Хотя феномен профессии по объёму и шире практики, своего высшего развития последняя достигает с его помощью, на стыке с теорией и вообще духовностью. Профессионализированные формы производства предъявляют высокие требования прежде всего к интеллекту работника, его духовному миру в целом. И в прошлом, и в настоящем мастер любого дела немислим без определённого уровня общей культуры, нужной доли самостоятельности и самоуважения.

Надо заметить, что *фигура мастера* и *феномен мастерства* относятся не только к профессиональной, специализированной, но и к массовой, народной культуре. В традиционном быту и относительно простом материальном производстве на фоне коллективной традиции выполнения тех или иных материальных или духовных функций, выделяются лица, чьи возможности и результаты возвышаются над средним уровнем. Опираясь на усреднённые формы работы, мастера особенно успешно, нередко неподражаемо творят своё дело²⁶. Соответствующие качества проявляются так или иначе уже на самых тривиальных направлениях народной культуры (то и дело встречаются признанные окружающими образцовыми огородники, садоводы, автомобилисты, рыболовы, охотники и многие т.п. умельцы). Даже на казалось бы высокоспециализированных “этажах” народной культуры, вроде “этнонаук” (прежде всего знахар-

²⁶ См. подр.: Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000.

ской медицины) или народных искусств различаются обычные, рядовые и выдающиеся их представители — умельцы (популярные целители, ворожеи, сказители, художники и т.п.). Ими образуется некий промежуточный в рассматриваемом отношении слой более или менее профессионализирующихся любителей.

Дилетантизм, в свою очередь, не просто аномалия, случайность, частность, а одна из глубинных потребностей человеческого существа. Любительство позволяет человеку распространить своё “я” в те сферы жизнедеятельности, что лежат за пределами повседневности. А точнее и чаще всего — “имплантировать” внутрь своей повседневности ту или иную экзотику, эстетику, даже этику, вообще-то чуждую этим будням. Тем самым делается попытка выровнять пропорцию умственного и физического, идеального и вещного, старого и нового в биографии любителя и знатока чего-то запредельного его профессиональной и житейской участи. А кроме того, попутно понять такие стороны собственной профессии и личной жизни, которые заметны только со стороны, причём не слишком рутинной.

В основе профессионального сознания и поведения — социальный заказ, рыночный спрос, посторонний контроль, прямой или косвенный. При несоответствии замысла, потребности, эталона с реальными итогами деятельности профессионалы как правило испытывают весьма жёсткие санкции со стороны контролирующих инстанций, конкурентно-сбытовых механизмов рынка, общественного мнения и юридического закона, вплоть до вынужденного прекращения дальнейших занятий этой практикой. Отсюда такие особенности профессии, как специальная подготовка, обычно многоступенчатая и периодическая; глубина мышления, обеспеченная его же односторонностью, сравнительно узкой специализацией; внешняя дисциплина и вообще регламентация поведения на рабочем месте; иерархичность принятия и исполнения решений. Эпистемологически профессия выступает своего рода фабрикой интеллекта со всеми вытекающими из индустриальной организации и масштабного разделения труда возможностями и проблемами для личности и общества.

Любительская деятельность, в свою очередь, разнородна, но иначе, нежели профессиональная. Домен любителя расположен посредине между бытом и трудом, а именно в сфере досуга. С помощью хобби там выстраивается своего рода светский монастырь, куда любитель на время скрывается от всех раздражителей, начиная с семейно-бытовых и заканчивая начальством, государством, обществом (в лице масс-медиа и т.п. “жучков”, плотно вкрученных в саму повседневность). Эта “башня из слоновой кости” — самое надёжное убежище для творческой души и утомлённого тела. Она украшает и возвышает досуг добровольного и бескорыстного знатока чего бы то ни было.

Для примера сошлюсь на В.В. Розанова — как только ни бранили его лично, заглазно и в печати, даже на дуэль вызывали за его публицистические резкости и идейную двойственность. В своём открытом для читающей публике дневнике он признавался: пишут-де мне — “Ваше “Уединённое” разорвут; Вы

затравлены”. Ни малейше не чув-ствую, т.е. ни малейше не больно. Засяду за нумизматику и “хоть тут тресни”. Я *сам собрал* коллекцию богаче (порознь), чем в киевском и чем в московском университетах. И которые собирали *сто лет* “²⁷.

Любительская компенсация излишнего профессионализма нередко перерастает рамки каприза, игры, моды; приобретает серьёзный общественный резонанс. Дилетанты время от времени вносят полезный вклад в науку (взять хотя бы историческое и прочее краеведение) и в искусство. Целые жанры обязаны своим появлением их энтузиазму. “Авторская песня, — разъясняет основоположник этого течения в нашей старне, — имеет смысл только тогда, когда она — от переполнения. ... Это совсем другой ход, чем в обычных профессиональных стихах. Хотя казалось бы, что всё должно быть одинаково, но это не так. ... Первая полоса этих песен была именно не у дилетантов, а у любителей. Хотя в переводе это одно и то же, но в обиходном смысле слова любитель есть любитель. В том значении, как, скажем, в XIX веке Аренский считался любителем. То есть когда — от любви. А если только потому, что пошло’, что хвалить начали... Ведь можно оплачивать и не деньгами, можно и рукоплесканиями... Авторская песня — это внутренняя потребность”²⁸.

Отмеченный мотив любительства объясняет в нём едва ли не самое главное: авторское, личностное, новаторское начало. Якобы побочное, но излюбленное занятие предоставляет своему поклоннику непередаваемое ощущение первооткрывателя и соответствующую — лестную репутацию. Оседлавши любимого “конька”, интеллект движим исключительно искренней и сильной мотивацией. В этом случае рекомендации и ограничения со стороны, наработанные кем-то штампы поведения не для него. Самый совершенный быт и большинство профессий с такого рода раскрепощением духа и тела справляются гораздо хуже, а нередко, напротив, придавливают личность своей мелочностью и вторичностью.

Повседневность и специализированные формы культуры

Разделение повседневной и специализированных сторон жизни возможно не только “по вертикали”: профессии (самые разные) versus быт (более или менее общий для целого социального страта), но и “по горизонтали” (онаученные, вообще интеллектуально рафинированные занятия и их профанные, массовидные контратипы). В традиционных обществах кастовое деление отличалось крупным масштабом (воин, жрец, простой труженик), а разница в бытовом сознании и поведении между вождями, шаманами и остальными общинниками была не принципиальной. Так или иначе феодализованное Средневековье уп-

²⁷ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // В его кн.: Уединённое. М., 1990. С. 501.

²⁸ Анчаров М.Л. Сочинения. Песни. Стихи. Интервью. Роман. М., 2001. С. 126.

рочило по сути ту же схему социальной стратификации в виде сословного деления (“первые” сословия с их книжно-церковной культурой и сословие “третье” с культурой двоеверной, устно-языческой в своей основе). В дальнейшем смысловая гомогенность обыденных и специализированных форм культуры, взаимопроникновение частного и общественного в жизни людей отличает архаизированные социумы, каких сохраняется сейчас больше всего на Востоке (образцом такого рода слитности служит шариат в зоне фундаментального ислама).

На Западе в Новое и особенно в Новейшее времена получает развитие и обобщение контрроверза обычного “среднего” человека, с одной стороны, а с другой — специалиста любого рода, который монополизирует производство и применение особых типов знания. За первыми закрепляется роль исполнителя в материальном производстве да в сфере обслуживания, а вторые присваивают себе право творчества особых символов и сокровенных смыслов — в религии и философии, науке и технике, искусстве и педагогике, прочих областях духовной культуры. При сопоставлении с этими последними повседневность представляется заведомо низкой (поверхностной, примитивизированной, застойной, несамостоятельной) отраслью мышления и действия; сферой отчуждения человеческой самости. Здравый смысл профана и формы массового сознания больше не выдерживают конкуренции со спекуляциями идеологов, медитациями мистиков, озарениями художников; вообще экспертизами специалистов. С их помощью представитель индустриальной цивилизации всё чаще решает даже сугубо личные проблемы. Юристы, психоаналитики, банкиры, врачи, провизоры, воспитатели детей, социальные работники, авторемонтники и прочие, и прочие консультанты составляют уже некую внешнюю структуру мало-мальски состоятельной семьи. Они контролируют практически все секторы повседневности. Получается, что не только на Востоке, но и на Западе частная жизнь уступает давлению специалистов, только не со своего “фасада” (политики, морали, права, религии), а с “чёрного хода” (спальни, кухни, детской, кабинета).

Не случайно в философской литературе последнего времени сложилась тенденция противопоставлять повседневному знанию *деятельность экспертов* разного рода ²⁹. Само по себе экспертное знание действительно обладает определённой спецификой, однако не стоит подменять этим понятием особенностей и задач практического разума в целом. Экспертиза в собственном её смысле составляет одну из многих функций профессионализированной практики. Точнее сопоставлять повседневную деятельность, включая познавательно-мыслительную, с деятельностью так или иначе специализированной — профессионально или же любительски ³⁰.

²⁹ См.: Ионин Л.Г. Понимание и экспертиза // Вопросы философии. 1991. № 10; Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997. С. 167–178.

³⁰ См. подр.: Щавелёв С.П. Профессионал и любитель как субъекты практики // Идеология и перестройка. Витебск, 1990.

Однако за очевидной разницей общего и особенного, широкого и узкого в познании и на практике скрывается нечто, напоминающее гегелевский взаимопереход противоположностей. Ведь кроме более или менее непосредственного и обобщённого выражения в составе устоявшегося на данный культурно-исторический момент здравого смысла, разговорного языка (просторечия) и т.п. усреднённых когнитологом, у обыденного сознания имеются ещё превращённые формы, соответствующие практически всем остальным, обособившимся в истории культуры типам духовности и практичности. Возникая и зрея на своей “духовной родине” — в быту и внутри простых элементов труда, обыденная мысль так или иначе экспандирует повсюду, где прямо затрагиваются жизненные интересы её носителей — людей “улицы”, представителей “толпы”, “массы”, а по сути — народа.

Превращённые формы повседневного сознания дублируют все основные типы специализированной деятельности, профессионализированного мышления. Припомним некоторые из них, наиболее массовые.

В экономике это так называемая “*трудовая этика*” (М. Вебер) товаропроизводителей и всех прочих участников материального производства и обмена. Правила игры на рынке товаров и услуг складываются и изменяются задолго до и во многом совершенно независимо от экономической теории и специальной подготовки менеджеров. Не случайно отцы-основатели западного рынка поточного производства предметов массового спроса в своём большинстве были самоучками. Вроде Г. Форда с его “народным автомобилем” или Т.А. Эдисона с его фейерверком изобретений века. Первые поколения знаменитых династий русских купцов и промышленников также “академиев не кончали”, техническому прогрессу в соответствующих отраслях предпринимательства и гуманитарной культуре обучались их дети и внуки. Перед нами едва ли не общее правило старта успешного бизнеса — интуитивно-практически обнаружить подходящие для вложения денег сегменты рынка, которые не успели просчитать с помощью своих экспертов-профессионалов возможные конкуренты. Представления о путях получения прибыли и, главное, пути их реализации в экономической практике предполагают синтез различных способностей — не только чисто интеллектуальных, но и эмоционально-волевых.

Все вместе они соответствуют тому, что по-русски просторечно называется “фартом”. По-видимому, это не просто удача в смысле слепого везения (сам жаргонизм, по-видимому, от нем. “Fahrt” — езда). Чтобы подфартило, посчастливилось требуется несколько условий. Здесь и объективно сложившаяся на практике ситуация, которую очень часто невозможно ни смоделировать теоретикам, ни просчитать экспертам. Тут и личные качества участника практической деятельности в их своевременном проявлении (“фартовый” означает не только “везучий”, но и “замечательный по своим личностным качествам”). Наконец, его решимость рисковать, ставить на кон житейское благополучие ради возможной прибыли такового, но с вероятностью его же убытка, даже краха (“фартовый” означает ещё и “лихой”, “озорной”). В силу своей стохастичности

“фартовость” плохо поддаётся методологическому анализу и тем более воспроизведению уже сложившимися методами экономического прогнозирования. Однако в процессе трудовой практики обыденное по своей природе сознание и мышление видоизменяются в соответствующие формы прикладного интеллекта (в первую очередь социально-управленческий), которые обычно и обеспечивают успех наиболее жизненно важной деятельности.

Похожие механизмы отличают трансформацию обыденно-практического знания в других сферах общественной жизни.

В морали обыденному её выражению соответствуют традиционные *кодексы нравственного поведения* разных народов, слоёв общества. Все попытки целенаправленно преподавать, даже просто вербализировать общеизвестные нормы морали отдают демагогичностью и хан-жеством. Властители дум за последние по крайней мере два века не устают напоминать об этом: “Я ещё не такой подлец, чтобы думать о морали” (В.В. Розанов). Усвоение образцов должного поведения происходит по большей части путём подражания, примеров “от противного”, а то и просто запугивания карательными санкциями со стороны старших и властных партнёров, либо подкупа теми или иными очень земными благами. Реальная практика деонтологического регулирования внутри той или иной из общественных групп (начиная с семьи и заканчивая производственным коллективом) худо-бедно преодолевает дихотомию гедонизма и ригоризма, в которой веками путается философская этика, включая И. Канта с его попыткой примирить эти два принципа нравственности.

В юриспруденции интересующий нас её пласт даже называется соответствующим образом — *обычное право*. Оно везде предшествует кодифицированному, а с его оформлением отступает в народные представления о справедливости и произволе, мере разрешённого (скажем, украсть у государства, что плохо лежит) и запретного (украсть у соседа) с точки зрения общественного мнения. Санкции обычая то строже соответствующих статей права писаного (скажем, конокрадов крестьянский “мир” чаще всего присуждал к смерти; в зоне фундаментального ислама сейчас так поступают с неверными жёнами), то либеральнее (на политические, т.е. антигосударственные деяния и тем более намерения оно вовсе не распространяется). Здравый смысл соответствующего общественного слоя регулирует минимум правоотношений, зато тех, от которых зависит само выживание этого рода-племени. Обычное право поэтому более консервативно, восходит к дополитическим, потестарным порядкам. Оно остаётся у народа как бы в запасе на тот случай, если ему не помогут законы государства. Такого рода подстраховка по ходу прогресса истории и культуры вообще многое объясняет в природе обыденного сознания в целом.

В политике обыденность выступает в столь могущественной роли, каково *общественное мнение*. На первый взгляд, таковое ограничивается досужими беседами, пустопорожними спорами на политическую злобу дня. Но ведь обыденные взгляды на самый верх системы общественного управления предопределяют гораздо более серьезные для профессиональных претендентов

на власть вещи — результаты выборов в органы государственной власти, плебисцитов и прочих способов прямого народовластия. А при экстремальных для социума ситуациях общественное мнение на время даже берёт бразды правления в свои руки — на вече, митингах, демонстрациях, медиатебетах, т.п. интеракциях.

В религии с определённых и до сих пор наличествует бытовая смесь язычества с национальными и мировыми верованиями. Элементы монотеизма (в христианстве, исламе) или же агностицизма (в буддизме) на религиозной практике прекрасно уживаются с самой примитивной магией в виде бытовых суеверий и примет, атавизмами всех без исключения ранних форм религиозности. Образцом подобного микста может служить так называемое *народное христианство*, при-сущее русским с момента их крещения и до наших дней³¹. Богословская вера и каноническая обрядность слишком сложны и противоречивы с точки зрения народной мудрости. Её представители предпочитают, чтобы государственные и народные варианты религии сочетались для своего рода подстраховки. В итоге получается система взглядов на потусторонний мир не менее сложная, нежели любая официальная конфессия. Зато гораздо более функциональная на уровне общественной психологии.

В наибольшей степени прослеживаемая дихотомия присуща *искусству*. Сначала и всегда это *фольклор* (не только традиционно-крестьянский, но и модернизированный городской, разнородный); его аналоги в музыкальном, изобразительном творчестве (лирическая песня, лубок, художественное ремесло), а затем, с Нового времени, наряду со всем этим так называемая *художественная самодеятельность* представителей самых разных сословий. Допустим, гитара — инструмент цыган и “парикмахеров” (мещан) в царской России, в прошедшем “культурную революцию” СССР озвучивала наивно-городской шансон и авторскую песню у интеллигенции, “блатных”, подростков — всех тех, кому остро недоставало официальной эстетики. Народное творчество эстетических ценностей в быту, труде, игре служит, как известно, важнейшим источником образов и ритмов для профессионального, академического искусства (так, сочинения Г.В. Свиридова, не получившего, в отличие от Д.Д. Шостаковича и С.С. Прокофьева высшего консерваторского образования, остались в мелодическом кругу народной песни, церковных напевов и городского романса). Со своей стороны, самодеятельное творчество адаптирует для обыванного потребления многие элементы “большого” искусства. Так, тексты одних поэтов сами собой становятся песнями и постоянно поются в народе, а другие, даже специально для этого сочиненные, — нет, остаются в “книжной темнице”.

³¹ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т.

1. Харьков, 1916; Т. 2. М., 1913; Гуревич А.Я. Народная магия и церковный ритуал // Механизмы культуры. М., 1990; Носова Г.А. Язычество в православии. М., 1975; Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Даже философия не чужда массовидному “шлейфу” самодеятельного размышления о главном и вечном. *Наивный реализм, народная мудрость*, выраженные спектром фольклорных жанров (пословиц, поговорок, иных паремий; анекдотов, притч, сказаний, быличек и т.п. иносказаний) предвосхищают, дублируют и даже порой превосходят заключения интеллектуалов о природе человека, общественном устройстве, экологических вопросах. Конечно, наиболее абстрактные философы онтологии или гносеологии остаются недостижимы для обыденного сознания с его рассудочными критериями. Тем не менее, образ жизни, состояние духа, достойные мудреца, всегда остаются верны своему народному прототипу. Вряд ли случайно почти все выдающиеся философы своей обыденной жизнью, да и стилем мышления воплощали соответствующие национальные характеры.

Что касается науки, то так называемые “народные, этнонауки”, вроде традиционной медицины и гигиены, метеорологии и агрикультуры, исторических сказаний и географических впечатлений от разных загранич, т.п. советов, примет и рецептов на соответствующие случаи жизни, последнее время становятся предметом особого внимания методологов и культурологов³². Разумеется, термин “наука” (как и только что понятие “философия”) употребляются в таком контексте в сугубо расширительном смысле, по сути синонимично вообще познанию соответствующих явлений природы и культуры, рассуждений по сходным проблемам жизни. Вошедший (в том числе и “по вине” обоих авторов этой книги) в лексикон российских философов термин “вненаучное” знание, если разобраться, совершенно неконцептуален. Принимая науку за точку отсчета истинности знания и точности метода, мы тем самым сужаем сами эти понятия — истины и точности по сути дела до рамок естествознания. Между тем, постклассическая эпистемология вполне закономерно пришла к плюралистической трактовке знания как полиморфного и гетерогенного. Однако и тезис о принципиальной равнозначности любых типов знания, вообще рациональности вряд ли “выправит крен метафизической ладьи”. Проведённое только что сравнение специализированных и обыденных вариантов со(знания) приводит к следующим предварительным суждениям на тему “Познание и культура”.

Методология поиска ответов на похожие вопросы (о природе, обществе, человеке) и тип продуцируемого на разных “этажах” общественной системы знания отличаются то менее (как в морали, религии, искусстве), то более (в политике, праве, экономике), вплоть до диаметральной (в естествознании, медицине, гуманитарных отраслях) — за счёт тех идеализаций, что в своих целях применяют учёные и практики-профессионалы, с одной стороны, а обыватели, с другой. Разумеется, указанные эпистемологические роли носят сугубо функциональный характер, так что на обыденном уровне способен рассуждать на чуждые для себя темы учёный или практик другой квалификации. В свою оче-

³² См.: *Филатов В.П.* Научное познание и мир человека. М., 1989; *Его же.* “Народные науки” в отечественной истории // *Традиции и революции в истории науки.* М., 1991.

редь обыватель возвышается над здравым смыслом, если того требуют задачи его профессиональной деятельности.

Разговор о традиционной культуре народа в таких её исходных областях, как землепользование, рацион питания, устройство жилища, планирование поселения, особенно гигиена и медицина, т.д., чаще всего впадает в крайности. Народные рецепты то предаются анафеме как скудные и даже дикарские, то превозносятся в качестве панацеи в условиях нынешнего экологического кризиса (Якобы “... они приобрели особую значимость в связи с резким ухудшением состояния здоровья населения и неспособностью официальной медицины в условиях повсеместного загрязнения окружающей среды и дороговизны лекарственных средств избавить население от таких массовых заболеваний, как рак, диабет, склероз”³³). На самом деле отнюдь не народные целители избавили человечество от целого ряда смертоносных заболеваний, вроде оспы, холеры, туберкулеза и т.п., а именно учёные биологи и врачи. От других заболеваний (вроде указанных в приведённой только что цитате) ни “народная”, ни официальная медицина не нашли эффективных лекарств, однако осуществлять профилактику, смягчать последствия этих болезней способна только научная медицина, равно как искать меры более эффективной борьбы с ними же. С развитием науки и наукоёмких технологий уровень заболеваемости и смертности неуклонно снижается, а средний возраст, вообще уровень жизни населения в промышленно развитых странах растёт (несмотря на подчинённые этим прогрессивным тенденциям их новые негативные последствия и угрозы). Сохранять и даже усовершенствовать те или иные приёмы народного опыта бывает полезно не только в медицине, но и в прочих сферах бытовой практики. Однако фатальные проблемы того же самого повседневного быта, связанные с угрозами жизни и перспективами благополучия массы людей, невозможно разрешить изнутри обыденных знаний и представлений. Призывы прямо вернуться к опыту крестьянско-ремесленно-промыслового хозяйства и быта многовековой давности стали ли бы реакционными, если бы не их вульгарный утопизм.

С другой стороны, никакая наука и, видимо, никогда не превратится в “волшебную палочку” для решения как ни крути коренных проблем жизни и культуры. Прогресс науки продлевает средний возраст жизни, повышает уровень здоровья, но не отменяет ни болезней, ни страданий, ни самой смерти. Развитие техники повышает комфортность быта, делает более творческим труд и содержательным досуг людей, однако они по-прежнему, если не больше, чем в доиндустриальные поры балансируют на грани счастья и беды, надежды и отчаяния. В экзистенциальных же противоречиях жизни человеку помогает художественно разобраться именно обыденное сознание с его менее жесткой, чем формальная, логикой; с его интуитивными механизмами веры, надежды, любви (с

³³ Малето Е.И. [Рец. на кн.:] Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998 // Отечественная история. 2001. № 3. С. 200.

точки зрения науки и вообще специализированного сознания малоосмысленными).

Как же соотносятся все перечисленные выше, явно специализированные трансформации обыденного сознания с его смысловым ядром — напротив, неспециализированным, в принципе общедоступным? И, далее, как обыденное сознание, взятое в целом, соотносится с отдельными, уже вовсе не- или же надобыденными, по сути профессионализированными сферами духовности — той же наукой, идеологией, религией, искусством и т.д.?

В качестве предварительного подхода к обсуждению такого рода вопросов может быть предложена *иерархия форм обыденного сознания*. Где, кроме первичных его зон, замыкаемых некими первоэлементами практики *материально-преобразующего* типа, оно, это сознание, вполне закономерно продолжается (в своём роде конкретизируясь, развиваясь) по горизонтам вторичным, образуемым деятельностью *духовно-практического* типа. И так опосредованно, по их общей смысловой периферии, через её идейно-методические “фильтры”, а не напрямую, осуществляется некая взаимосвязь архаичных и модернизированных, “высоких” и “низких” структур сознания и поведения.

В советской литературе по общественному сознанию получило распространение утверждение о постепенном преобразовании, даже вытеснении обыденного мировоззрения за счёт научного³⁴. Позднее это мнение оказалось скорректировано таким образом, что популяризация научных знаний, развитие школьного образования, экспансия средств массовой информации и т.п. факторы влияют, конечно, на содержание и даже некоторые мыслительные структуры обыденного сознания³⁵. Однако соотношение жизни и теории, обыденного опыта и науки, вообще специализированного знания остаётся во многом проблемным.

Похоже на то, что все специализированные виды сознания в неких своих предельных основаниях восходят к основным типам духовно-практических ценностей и регулятивов, возникшим и остающимся в структурах обыденного сознания. Во всяком случае, далеко превосходя повседневные традиции знаний о природе и обществе, прошлом и настоящем; художественной образности; веры в сверхъестественное и поклонения священному; моральных оценок и правовых уставов; т.п. горизонты обыденного сознания, соответствующие им отдельные формы культуры, вместе с тем, сохраняют с ними определённую преемственность, то и дело вступают в диалог с историческим опытом и живой

³⁴ См.: Вичева Д.В., Штофф В.А. Диалектика обыденного и научного знания // Философские науки. 1980. № 4; Лобовик Б.А., Шадурицкий В.Г. Религиозное сознание и здравый смысл. Киев, 1986; Ремжа В.С. Обыденно-практическое познание // Диалектика познания. Л., 1988. С. 169–170; мн. др.

³⁵ См. подр.: Порус В.Н. Наука – средства массовой информации – общественность // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985 / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1986; Пукшанский Б.Я. Обыденное знание ... (“Обыденное знание и наука”); Кукушкина Е.И., Логунова Л.Б. Мировоззрение, познание, практика ... С. 110–111.

практикой народа. Как уже отмечалось выше, у одних разделов элитарной культуры (науки, философии, права) эта преемственность меньше, пренебрежима, у других (искусства, религии, морали) гораздо больше, по сути неустранима.

Достижения тех и других направлений культурогенеза в свою очередь как-то, в большей или меньшей степени влияют на обыденное сознание, постепенно меняя, расширяя его содержание. На нём так или иначе сказываются школьное образование и прочие каналы массовой информации, в особенности в связи с глобальной компьютеризацией, всё плотнее оплетающей своей паутиной офисы, дома, перемещающихся между ними людей. Правда, обыденное сознание всегда “фильтрует”, вплоть до неузнаваемости или прямой противоположности, соответствующие заимствования через сложную сеть ментальных установок и жизненных ценностей. Оно может долго или же вовсе не допускать идейных “мутаций” в своём смысловом “ядре”. Вряд ли частичная и почти всегда ограниченная по своему количеству и качеству ассимиляция некоторого содержания книжных (экранных) знаний способна повлиять на логику и методологию мира повседневности и мира разных профессий.

Соотношение синкретизма и структурированности при бытовании обыденного сознания особенно сложно. В быту теснее всего переплетаются художественно-эстетические, сакральные и сугубо прикладные, собственно утилитарные функции культуры. Реальная практика специализированного познания тоже многоаспектна. Так, из науки неустранимы аксиологические моменты, а из религии, наоборот, интеллектуалистские; в искусстве за образно-ритмическим его строем прячется идейно-нравственная “нагрузка”; и т.д. Однако сочетание “того, другого и третьего” в специализированной деятельности всё же не доходит до такой степени слитности, как внутри повседневности. Образно говоря, вера и знание, истина и ценность, т.п. дуализмы на институциональном уровне соседствуют как масло и вода, а в быту они соединяются наподобие воды и, допустим, спирта или сахара. Любая “бытологема” принципиально разноаспектна, а когитологема профессиональной практики лишь потенциально.

Наряду с когнитивным резонансом сравниваемых уровней сознания и деятельности сплошь и рядом имеет место их же смысловой диссонанс. В отдельных случаях общественное мнение блокирует проекты специалистов (как вышло в СССР с планом поворота сибирских рек вспять; что-то похожее намечается сейчас на Западе в борьбе межправительственных организаций и так называемых антиглобалистов). Кажется, в подобных ситуациях обобществлённому здравому смыслу удаётся глубже специалистов почувствовать перспективу.

Однако гораздо чаще “глас народа” по запредельным для обыденного сознания проблемам оборачивается вовсе не “божьим”, а прямо-таки “дьявольским гласом”. Тогда на стыке здравого смысла и специальности, приватности и публичности возникают интеллектуальные казусы вроде паранауки, радикально-анархических настроений и действующих организаций, изуверского сектанства, морально-эстетического нигилизма в мыслях и чувствах духовно деградирующих под невыносимым напором жизни обывателей, большей или меньшей

их части. Наивный реализм повседневности всё чаще не выдерживает бремени цивилизации — всё более динамичной и тотальной, как на Западе, или же невыносимо долго закостенелой и авторитарной, как на Востоке. В образующемся дефиците обыденного здравого смысла просматривается какая-то часть духовно-психологических предпосылок вспышки международного терроризма, обозначившейся за последние годы.

Понятие интеллигенции (от лат. «intelligens» — знающий, понимающий, умный) считается исключительно русским. В остальных странах образованная часть общества именуется интеллектуалами. Эти люди имеют профессии с повышенной нагрузкой на интеллект, занимаются умственным трудом, как правило, весьма сложным, творческим (духовенство, учительство, художники, ученые, юристы, инженеры, офицеры, журналисты, управляющие, т.п.). Помимо высокой профессиональной квалификации, этот слой народа отличается духовной активностью вообще. Отсутствием предрассудков и суеверий, веротерпимостью, самостоятельным мышлением, интересом к отвлеченным проблемам и утонченным идеалам, вообще душевным динамизмом.

У русской интеллигенции, помимо всех этих качеств, всегда присутствовали особые моральные принципы. Относительно их содержания нет единого мнения и у самих интеллигентов, и у исследователей данного общественного явления. Можно сказать, что на социальном уровне интеллигенция претендует выразить интересы народа, который сам по себе слишком задавлен тяжелой жизнью, чтобы их адекватно осознать. Вот представители интеллигенции и прямо, обращаясь к властям, занимаясь учительством и просвещением народа, и косвенно, через свои произведения, рисуют такой идеал изменения условий жизни к лучшему. И на уровне индивидуальном, интеллигентный человек отличается похожим качеством образца сдержанной вежливости и умения понимать другого человека.

В таком качестве «властителей дум», учителей жизни русская интеллигенция существовала с 1860-х гг. (великие реформы на пути от феодализма к капитализму) и примерно по 1920-е гг. («великий перелом» к социализму). При советской власти интеллигенцию называли исключительно «прослойкой» между пролетариатом и крестьянством, а не самостоятельным классом общества. После «культурной революции» Ленина–Сталина ее становилось все меньше и меньше, а к сегодняшнему дню можно, пожалуй, говорить о вымирании (точнее, истреблении) такой части российского общества, как интеллигенция. Видимо, это закономерный итог ее миссии, поскольку делать из некоторых профессий духовных вождей целого народа можно было только при очень забитом состоянии этого народа и очень тиранической власти государства над ним.

В политической публицистике распространена версия «вины интеллигенции («дармоедов») перед народом» (пахарем). Вариантом этой концепции является обвинение интеллигенции в том, что она накликала на Россию и революции, и «перестройку» 1980-х, и либеральные реформы 1990-х гг., больно

бившие по всему народу. Действительно, в рядах и кровавых революционеров, и незадачливых реформаторов российской жизни было и есть немало лиц интеллигентских профессий. Но и тут, и там было не меньше, а больше авантюристов от сохи и от станка. Никто из главных вождей РСДРП–ВКП(б)–КПСС–КПРФ (включая сельского учителя физкультуры по профессии Г.А. Зюганова) не мог и не может даже выговорить слова «коммунизм» правильно, без акцента. А интеллигенция оставалась с народом всегда там, где этот народ к счастью или к несчастью, по словам Анны Ахматовой, был. В школе, на фронте, в музее, в концентрационном лагере, в библиотеке, на целине, в театре, например. «... А без меня народ неполный», — сказал Андрей Платонов. Об этом, между прочим, лучшие произведения русской прозы второй половины XX в. — романы Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», Владимира Дудинцева «Белые одежды», Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», Георгия Владимова «Верный Руслан», «Генерал и его армия», пьеса Евгения Шварца «Дракон»; многие другие.

Интеллигенция сыграла свою полезную роль приобщения соотечественников к идеалам и достижениям науки и техники, добра и красоты, а теперь, не исключено, должна уступить свое место новому раскладу социальных сил в России, новым классам русского общества.

Приложение

К.К.М. Клакхон Раса — современный миф

В общей биологии термин «раса» или «вариетет» используется для обозначения группы организмов, которые сходны друг с другом в силу своего происхождения от общих предков. ... Несомненно, человеческие расы существуют. Однако состав развивающихся популяций в процессе миграций изменяется настолько часто, что их редко можно чётко разграничить. ... Количество выделяемых специалистами рас варьируется от двух до двухсот. ... Единственное, что ясно, — это то, что в современном мире многие относятся с подозрением, враждебностью или занимают оборонительную позицию по отношению к тем людям, которые отличаются от них по таким очевидным физическим признакам, как цвет кожи, форма носа, особенности волосяного покрова.

Дикие животные, как правило, спариваются только с представителями своего вида. Родословные домашних животных остаются чистыми благодаря человеческому контролю над процессом размножения. Существуют исключения, например, помесь пород — дворняги. Но фактически все люди являются такими «дворнягами». В течение многих тысячелетий люди скитались по всей земле, вступая в связь с кем только ни представлялось возможность и подсаживало воображение. ...

Ребёнок получает от родителей не что иное, как случайное сочетание генов отца и матери. Человек может быть потомком Карла Великого и при этом не получить в наследство ни одного из генов великого короля франков. Но те же законы генетики могут сделать его предком бандита, повешенного на вершине холма, полоумного раба или любого другого человека, жившего в 800 г. н. э. и оставившего столько же потомков, сколько Карл Великий. ... Практически единственным критерием для определения расовой принадлежности человека является его внешность. Человеческие популяции слишком метисированы и слишком разнообразны. ...

Так как расовые предрассудки ведут к социальным и межнациональным проблемам, существует искушение отказать концепции расы — даже в значении «породы» или «большой расы» — в какой-либо важности и обоснованности. Тот факт, что современное бытовое представление о «расе» в значительной степени мифологично и не имеет приемлемого научного обоснования, не должен нас заставить «выплеснуть вместе с водой ребёнка». Несомненно, определённые внешние физические характеристики встречаются чаще у одних народов, чем у других. ... Большинство различий ограничивается, правда, только частотностью проявления рассматриваемого признака и не представляет собой характеристики, не допускающей отступлений. Например, отрицательный резус-фактор, связанный с опасностями до и во время родов, гораздо чаще встречается среди белых, чем среди негров, и практически не встречается у китайцев и японцев. ... Особенности интеллекта, темперамента и характера почти невозможно выделить в чистой форме, так как с самого момента рождения влияние социальной традиции модифицирует биологически унаследованные черты. Тем не менее, более чем вероятно, что потенциал развития таких черт представлен в разной пропорции среди разных человеческих рас. Музыкальные и другие специфические способности, по всей видимости, неравномерно распределены среди всех народов. Возможно, этому есть биологические обоснования и их нельзя сбрасывать со счетов, хотя они объясняют только незначительную часть культурных различий.

Научная оценка исторических достижений различных народов почти невозможна в силу разногласий по вопросу о стандартах. Многим американским солдатам жители Индии представлялись «грязными» и «нецивилизованными». Но для индусов-интеллектуалов американцы казались невероятно «невоспитанными», «материалистичными», «неинтеллектуальными» и также «нецивилизованными». Несмотря на это, представляется верным, что общее богатство негритянских цивилизаций, по крайней мере количественно, менее впечатляет, нежели успехи западной или китайской цивилизаций. ... Почти все цивилизации, чья роль в истории человечества наиболее значительна (Египет, Месопотамия, Греция, Индия, Китай) возникали там, где встречались неродственные народы. Здесь происходило не только взаимное обогащение разных культур, но и обмен генами между группами, представители которых различались по физическим параметрам. Вполне вероятно, что это тоже сыграло свою роль в возрастании творческой энергии.

*Clyid K. M. Kluchohn. Mirror for man.
The Relation of Antropology to Modern Life. 1952.*

VIII. ЦИВИЛИЗАЦИИ

Теоретический минимум

1. Определения и теории цивилизации.
2. История человечества: эпохи, формации, ступени цивилизации.
3. Глобализация в современном мире и её вызовы.
4. Будущее человечества: пределы роста или факторы прогресса?

Литература

Лекция 7.

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 («Процесс цивилизации»; «Миссия России», «Россия и Европа»).

Ермакова Е.Е. Философия. М., 2004 (Гл. V. «Социальная проблематика в философских воззрениях и формирование социальной философии»).

Марков Б.В. Человек и общество в процессе цивилизации. СПб., 2003.

Арон Р. Лекции по философии Истории. Курс лекций в Колледж де Франс / Пер. с фр. М., 2012 (Из наследия мировой философской мысли: социальная философия).

Арьес Ф. Время истории / Пер. с фр. М., 2011.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1991.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М., 2012.

Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Ильин В.В. Философия истории. М., 2003.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

Сантаяна Д. Характер и мировоззрение американцев. Пер. с англ. М., 2003.

Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003.

Тойнби А. Постигание истории. Избранное / Пер. с англ. М., 2008.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Мир и Запад / Пер. с англ. М. – Владимир, 2011 (Историческая библиотека).

Философия истории. Антология. М., 1995.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М., 2011.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. I–II. М., 1997.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Башикирова В., Соловьёв А., Дорофеев В. Герои 90-х. Люди и деньги: новейшая история капитализма в России. М., 2012.

Впереди XXI век: перспективы, прогнозы. Антология современной классической прогностики. М., 2000.

Гречко П.К. Концептуальные модели истории. М., 1995.

Гуревич А.Я. Теория формации и реальность истории // Вопросы философии. 1994. № 6.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа “Анналов”. М., 1993.

Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М., 2007.

Колодко К.В. Глобализация, трансформация, кризис: что дальше? М., 2012.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1994.

Любимцев А.А. Расцвет и упадок цивилизации. СПб., 2008.

Милов Л.В. Русский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой половины XX века. М., 2008.

Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика. В поисках национальной идентичности / Пер. с англ. М., 2003.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994.

Согрин В.В. 1985–1995: реалии и утопии новой России // Отечественная история. 1995. № 2.

Шангина И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003.

Чумаков А.Н. Глобализация. Контур целостного мира. 2-е изд. М., 2008.

Тематика рефератов

К. Маркс и его теория общественно-экономических формаций.

Теоретики цикличности мировой истории.

Н.Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”.

Дж. А. Тойнби и его труд “Постижение истории”.

О. Шпенглер и его трактат “Закат Европы”.

М. Вебер как теоретик цивилизаций.

Школа “Анналов” и её достижения в реконструкции истории цивилизаций.

“Осевое время” в историософии К. Ясперса.

Теория евразийства в русской общественно-политической мысли XX в.

Л.Н. Гумилёв и его теория рождения и смерти этносов.

Природно-климатические факторы в истории русской цивилизации (по работам Л.В. Милова).

Стратегии исторического развития России: модели политологов.

Теория постиндустриального общества.

Футурология XXI в.: стратегические прогнозы.

Текстологический практикум

«Осевое время» в философии истории К. Ясперса

1. *Карл Ясперс* (1883–1969) — один из нескольких главных философов XX в. Выпускник медицинского факультета Гейдельбергского университета, врач-психиатр по образованию и началу профессиональной карьеры. Доктор психологии (Диссертация «Всеобщая психопатология» (1913)). Профессор философии («Философия» в 3-х тт.; 1931–32). Один из лидеров философии экзистенциализма («философии существования») — одного из ведущих

направлений западной мысли в Новейшее время. Лишение работы в 1937 – 1945 гг. при нацизме. 1945 – 1967 — возврат к преподаванию, публикация многих философских трудов.

2. Трактат К. Ясперса «Истоки истории и её цель» (1948) — теория мирового исторического процесса, раздумья над путями выхода человечества из тоталитарного кризиса.

3. Понятие «осевого времени» как пробуждения человеческого духа к теоретическому творчеству. Объединение (как бы «нанизывание на одну ось») прежде локальных культур в поток мировой истории. Промежуток примерно между 800 и 200 гг. до н. э. — параллельное возникновение мировых религий и философии в Китае, Индии, Персии, Палестине, Древней Греции — «осевая эпоха». «Заверилась эпоха мифологическая с её самоуспокоенностью, с само-собой-понятностью. Началась борьба против мифа со стороны рациональности ... (логос против мифа); борьба за трансцендентного единого Бога против демонов... Это общее изменение человеческого бытия можно назвать одухотворением... Человек больше не замкнут в себе. Он неведом для самого себя, а потому открыт для новых безграничных возможностей».

Источник и литература

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., 1991.

Хюбнер К. Мыслители нашего времени / Пер. с нем. М., 1964.

Конспект

Определения цивилизации зависят от смыслового контекста употребления данного термина. Его ввели в научно-литературный оборот философы-просветители XVIII в. — для обозначения *желанного нам состояния общества*, устроенного на началах разума и справедливости. Этот пафос общесоциального идеала присутствует в понятии цивилизации при любом его толковании. Цивилизованным может считаться общество с динамичной экономикой, эффективным управлением, гарантиями прав и свобод личности. Соответственна этимология этого слова: лат. «civilis» означает гражданский, государственный — в противоположность первобытному, примитивному образу жизни; рассеянному на малые группы поселению людей; анархии в их взаимных отношениях.

Указанный самый общий смысл рассматриваемой категории распадается на несколько дополняющих друг друга значений, образующих *варианты понятия цивилизации*.

Во-первых, цивилизацией называют определённый, *переломный этап всемирной истории*, а именно тот, который сменяет эпоху первобытного варварства; его началом служит так называемая «неолитическая революция» III–IV тыс. до н.э., когда люди впервые перешли от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к производящему (выращивание полезных растений, животноводство, керамическая посуда, затем — металлические орудия; укрупнённые поселения городского типа); а устойчивым завершением — появление государства с его аппаратом управления, городов с монументальной архитектурой, письменности.

Во-вторых, под цивилизацией понимают *максимальные на нынешний момент достижения человечества* в организации экономики и быта (ср.: «мировая

цивилизация», «цивилизованный образ жизни» и т.п. определения); сегодняшним образцом цивилизованности в этом смысле могут служить страны Западного мира, у которых самые производительные технологии, политическая демократия, плюрализм в культуре, комфортный быт всех дееспособных граждан; в этом смысле отдельные страны и народы располагаются по вертикальной шкале прогресса, так что среди них есть передовые, а есть отсталые; различаются центры мировой цивилизации и её же периферия; одни люди — цивилизованные, а другие — варвары, дикари по своему нраву, образу жизни.

В-третьих, этим же словом — «цивилизации», только чаще всего во множественном числе, именуют важнейшие *ступени культурно-исторического прогресса* человечества. В этом смысле обычно различают следующие глобальные (мировые) цивилизации:

- *природная*, миллионы лет основанная на присвоение готовых продуктов природы;
- *аграрная*, несколько тысячелетий ориентированная главным образом на земледелие, преимущественно натуральное, с локально-ограниченным торговым обменом хозяйством;
- *индустриальная*, которая около двух последних столетий базируется на крупном промышленном производстве, всемирном рынке торговли;
- *постиндустриальное общество*, контуры которого в передовых странах мира отчетливо видны уже сегодня, не нашло еще однозначного определения, его становление продолжается; можно в качестве важнейших выделить такие эпитеты, как «общество потребления», «информационно-компьютерный век», телематический мир, др.; одни страны ближе к такой будущей стадии мирового развития, другим до нее еще далеко;
- в настоящее время на Земле сочетаются и чередуются анклавные и симбиотические все названных типов общественного устройства

Наконец, в-четвертых, словом «цивилизация» называются локальные во времени и пространстве *варианты культуры* того или другого народа, региона, периода; в качестве самых ярких цивилизаций в таком значении данного понятия обычно выделяют ацтеков (Мезоамерика), майя (Южная Америка), шумеров (Месопотамия), Египет, Индию, Китай, Грецию, Рим в Древнем мире; в Средние века обозначились и в Новое время развились такие цивилизации, как западная (Западная Европа, США, их сателлиты), восточные — арабско-исламская, паназиатская (Китай, Индия, Япония, т.д.); промежуточные — например, православно-российская.

Применительно к последнему толкованию понятия цивилизации вертикализированная шкала мирового прогресса просто неприменима — каждая из локальных цивилизаций представляет собой оптимальный вариант приспособления того или иного общества ко вполне определенным условиям природной среды своего проживания и международной обстановке в момент своего формирования. Так что любая черта образа жизни и менталитета носителей данной цивилизации полезна для их выживания и преуспевания (так, арктическая ци-

вилизация аборигенных народов Севера обеспечила их жизнь в условиях вечной мерзлоты и минимума продовольственных ресурсов; перенос в такие условия образа жизни более богатых культур просто губелен).

Сказанное мной о понятии цивилизации и его разновидностях является суммарным пересказом нескольких теорий развития человечества. Общей для этих теорий выступает *идея цикличности и, вместе с тем, вариативности мировой истории*. Одним из первых её разработал русский мыслитель-славянофил *Николай Яковлевич Данилевский (1882–1885)*. Он ввёл понятие *культурно-исторического типа* — устойчивого объединения группы чем-то родственных, близких друг к другу по происхождению и образу жизни народов. Их объединяют: язык (или группа близкородственных языков); политический союз, более или менее тесный; традиции исторического происхождения и развития; сумма «идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния». У каждого культурно-исторического типа выделяется ряд ступеней или же фазисов развития. Они, в принципе, аналогичны жизненному циклу живого организма: рождение, взросление, старение, вплоть до дряхления. Соответственно, отношения культурно-исторических типов между собой напоминают борьбу за выживание в животном мире. «Око за око, зуб за зуб, строгое право ... здраво понятой пользы — вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования», — утверждает в книге этого автора «Россия и Европа». Столкновения племён и государств так же очищают арену истории от дряхлых, выродившихся народов, как грозы и бури — атмосферу в природе. Однако враждой и конфронтацией отношения между народами не исчерпываются. Мировая цивилизация складывается из широкого набора принципиально разных традиций и типов общества. «Прогресс состоит не в том, — подчеркивает Н.Я. Данилевский, — а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях...» Ни один из типов цивилизации не может претендовать на роль общечеловеческого стандарта, самой лучшей формы общественной жизни. У каждого цивилизационного типа есть своя ограниченность и есть свои уникальные достижения. Так, главный результат греческой цивилизации — идея красоты, канон гармонии тела и духа, воплощённые в искусстве; плоды римской цивилизации — образцовое право и государство; еврейская цивилизация дала миру «единого истинного Бога»; германо-романская, западноевропейская цивилизация развила позитивную науку о природе — естествознание. Славянская же цивилизация с Россией во главе находится в стадии своего становления, за ней — будущее. Оно заключается прежде всего в справедливом устройстве общественно-экономической жизни людей.

Автор другой знаменитой теории в области философии истории — немецкий мыслитель *Освальд Шпенглер (1880–1936)*. Он резко выступил против западнцентристской модели мировой истории, согласно которой культура Европы образует идейный смысл и недостижимую для других народов мира вершину культурного развития. Для судеб всего человечества важны «не только

античность и Западная Европа, но и Индия, Вавилон, Китай, Египет, арабская и мексиканская культуры». Недаром труд всей жизни этого автора называется «Закат Европы». В основе каждой отдельной культуры, согласно Шпенглеру, лежит своя собственная идеальная форма, некий первообраз. Его развертывание дает нам совершенно разные варианты науки, религии, философии, политики. «Культуры суть организмы», поэтому их путь лежит от зарождения через расцвет к увяданию и неизбежной кончине. Логическим завершением всех культур является стадия цивилизации. Это победа искусственного, механического над естественным, органическим; внешнего над внутренним; города над деревней; интеллекта над душой; космополитизма над патриотизмом; науки над религией; фактов над философской спекуляцией. Каждая культура совершает переход к цивилизации в свой срок. Так, античность совершила его в IV в. до н.э.; Западный мир достигнет его к 2000 г.

Арнольд Джозеф Тойнби (1888–1975) — английский философ, автор 12-томного труда «Постижение истории». В ней он насчитывал 32 совершенно различных цивилизации, из которых 21 полностью развились, раскрыли все свои возможности. Все цивилизации самобытны, отличаются друг от друга, но механизмы и цели их развития похожи. Судьба каждой — пройти через этапы возникновения, роста, надлома и, наконец, распада. На месте распавшихся цивилизаций неизбежно возникают новые, и цикл развития начинается сначала. Конечно, цикл этот разные страны и регионы Земли проходят в разные сроки и не обязательно через все стадии. Не исключены и такие возможности, как замирание цивилизации на одной стадии или ее движение вспять. Так, «застыли» на одной стадии многие первобытные народы (эксимосы, индейцы, папуасы и т.п.). Главная движущая сила любой цивилизации заключается в творческом меньшинстве ее народонаселения. Оно увлекает за собой инертную массу остального народа, который подражает своим лидерам. Когда авторитет лидеров ставится под сомнение, цивилизация впадает в кризис. Лидеры прибегают к насилию, чтобы на какое-то время удержать власть над массами; а народ вырождается в пролетариат — бесправных, обездоленных и озлобленных людей. Надежда общества на выход из социальных потрясений заключается в религии. Именно вера в Бога как высшую цель и идеал общественного развития является конечной целью развития любой цивилизации, ее главным отличием от других цивилизаций. Судьбы любой цивилизации определяются таким механизмом, который Тойнби называет «Вызов и Ответ». Вызов — это фундаментальная проблема, с которой рано или поздно сталкивается любая цивилизация. Это может быть экологическая катастрофа, истощение жизненных ресурсов, эпидемия, нападение врагов, гражданская война, т.п. катаклизмы. А Ответ — способ решения такой проблемы, избранный тем или иным социумом (бегство или сопротивление, приспособление или преодоление). «Цивилизации, — по Тойнби, — развиваются благодаря порыву, который влечет их от вызова через ответ к дальнейшему вызову».

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

АНТРОПОЛОГИЯ

11. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Теоретический минимум

1. Смысл жизни и деятельности человека как философская проблема.
2. Жизненные ценности и их альтернативы. Любовь. Дружба. Счастье. Ненависть. Вражда. Горе. Коллизии оптимизма и пессимизма.
3. Смерть и её восприятие людьми разных культур.
4. Биомедицинская этика о проблемах жизни и смерти:
 - социальные и технические предпосылки биоэтического движения на Западе; начало деятельности биоэтических комитетов в России;
 - эвтаназия — доводы «за» и «против»; врачебная и юридическая практика;
 - суицид — статистика и дискуссии по поводу «права личности на уход из жизни»;
 - аборт — спасение взрослой жизни или убийство будущей?; контрацепция, суррогатное материнство, перемена пола;
 - гетеро-, гомо- и бисексуальность: биологические предпосылки и социальные контексты проявления;
 - трансгенные эксперименты, клонирование — благие замыслы и благоразумные опасения;
 - смертная казнь в общественном мнении Востока и Запада, юридическом опыте разных стран.

Литература

Лекция 9.

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 («Процесс цивилизации»; «Миссия России», «Россия и Европа»).

Введение в философию. М., 2003 (Разд. II. Гл. 4. 1 «Проблема жизни и смерти в духовном опыте человека»).

Асеева И.А., Никитин В.Е. Биомедицинская этика. Курск, 2002.

Мыслители прошлого и настоящего о человеке, его жизни, смерти и бессмертия. М., 1988.

Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1993.

Бердяев Н.А. О самоубийстве. Психологический этюд. М., 1992.

Бойцова В.В. Отношение к смертной казни зарубежных государств, России и Совета Европы // Общественные науки и современность. 2000. № 1.

- Бренифье О., Деспре Ж.* Смысл жизни / Пер. с франц. М., 2011.
- Бренифье О., Деспре Ж.* Любовь и дружба / Пер. с франц. М., 2011.
- Вулф С.* Последний выход: конец дискуссиям. Эвтаназия: не переходить границу // Человек. 1993. № 5.
- Демичев А.* Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию. СПб., 1997.
- Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. М., 2012 (Философские технологии).
- Кьеркегор С.* Понятие страха. М., 2012 (Философские технологии).
- Курило Л.* Право родиться // Человек. 1995. № 4.
- Лаврин А.* Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М., 1993.
- Лопатин П.В., Карташова О.В.* Биоэтика. Учебник 4-е изд., перераб., доп. М., 2011.
- Малеина М.* Уйти достойно // Человек. 1993. № 2.
- Малько А.В., Жильцов С.В.* Смертная казнь в России. История. Политика. Право. М., 2003.
- Мондидор Ф.М.* Гомосексуальность. Естественная история. Екатеринбург, 2002.
- Началджан А.* Загадка смерти (Очерки психологической танатологии). СПб., 2004.
- Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
- Попов А.* Аборты в России // Человек. 1995. № 1.
- Сабиров В.Ш.* Жизнь. Смерть. Бессмертие (Обзор основных религиозно-философских парадигм) // Человек. 2000. № 5.
- Смертная казнь: за и против.* М., 1989.
- Соснора В.* Апология самоубийства // Человек. 1992. № 6.
- Тихоненко В.* Жизненный смысл выбора смерти // Человек. 1992. № 6.
- Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни // Избранное. М., 1995.
- Фигуры Танатоса.* Вып. 1. Символы смерти в культуре. СПб., 1991; Вып. 2. Философские размышления на тему смерти. СПб., 1992; Вып. 3, 5. Тема смерти в духовном опыте человечества. СПб., 1993;
- Харакас С.* Православие и биоэтика // Человек. 1994. № 2.
- Хамфри Д.* Когда суицид рационален // Человек. 1992. № 6.
- Чхартишвили Г.* Писатель и самоубийство. М., 2000.
- Этика геномики. Этические принципы проведения геномных исследования человека* // Человек. 1999. № 4.
- Этические вопросы медицины. Совесть. Образование сообщества. Путь исцеления* / Пер. с англ. М., 2011 (Международное.постдипломное образование для врачей и студентов-медиков).
- Юдин Б.* Возможно ли рациональное самоубийство // Человек. 1992. № 6.

Тематика рефератов

- Понятие счастья: подходы к философскому определению.
- Оптимизм и пессимизм в истории философии.
- Идея и практика хосписов.
- Аргументы христианства против самоубийства.
- Суицидальные практики в истории человечества.
- «Литературоцид» (самоубийства известных художников: факты и апокрифы).
- «Генетический паспорт»: возможности и перспективы генетической экспертизы в медицине и здравоохранении.
- М. Фуко об истории психиатрии.
- Образы ада и рая в язычестве и мировых религиях.
- Гомосексуализм в тоталитарных и демократических социумах.
- «Бисексуальная революция» — продолжение сексуальной революции XX века?

«Жизнь после жизни»: галлюцинаторный опыт клинической смерти.

Образы смерти в культурных традициях Востока и Запада.

В.М. Бехтерев о социальном бессмертии личности.

Айван Иллич о пределах медицины.

Клонирование: успешные эксперименты ученых, регуляция законодательством разных государств и криминальные проекты.

Достижения и проблемы медицинской трансплантологии.

Феномен долгожительства: медико-биологические и социально-культурные аспекты.

Текстологический практикум

Альберт Швейцер

Этика благоговения перед жизнью

1. Альберт Швейцер (1875–1965) — немец и француз в одном лице; теолог, музыкант, писатель; врач; философ. Вехи жизненного выбора.
2. Больница А. Швейцера в Габоне (французская Экваториальная Африка).
3. Литературные произведения А. Швейцера о миссии врача и долге человека.
4. Этика благоговения перед жизнью: «Я есть жизнь, желающая жить среди других жизней, которые хотят жить». Нобелевская премия мира (1952).

Источник и литература

Швейцер А. И.С. Бах / Пер. с нем. М., 1964.

Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем.. М., 1973.

Швейцер А. Письма из Ламбарене / Пер. с нем.. Л., 1978.

Левада Ю.А. Альберт Швейцер — мыслитель и человек // Вопросы философии. 1965. № 12.

Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. М., 1970.

Петрицкий В.А. Этическое учение Альберта Швейцера. Л., 1971.

Носик Б. А. Швейцер. М., 1982 («Жизнь замечательных людей»).

Фрайер П.Г. Альберт Швейцер. Картина жизни / Пер. с нем. М., 1984.

Письма из Ламбарене

I

Как я пришёл к тому, чтобы сделаться врачом в девственном лесу

... Я оставил преподавание в Страсбургском университете, игру на органе и литературную работу, чтобы поехать врачом в Экваториальную Африку. Как я к этому пришёл?

О физических страданиях живущих в девственном лесу туземцев я читал и слышал от миссионеров. Чем больше я об этом думал, тем непонятнее казалось мне, что нас, европейцев, так мало заботит та великая гуманистическая задача, которую ставят перед нами эти далёкие страны. Мне представилось, что в притче о богатом и о нищем Лазаре речь идёт именно о нас. Мы и есть тот богатый, ибо развитие медицины наделило нас обширными знаниями о болезнях и многими средствами против боли. Неизмеримые преимущества. Которые даёт нам богатство, мы принимаем как нечто само собой разумеющееся. Но где-то в

далёких колониях обретается нищий Лазарь — цветные народы, которые подвержены недугам и боли так же, как мы, и даже в ещё в большей степени, и у которых нет никаких средств с ними бороться. ...

Какие-то две сотни врачей, которых европейские государства держат на службе в колониях, могут исполнить, подумалось мне, лишь ничтожную часть стоящей перед ними огромной задачи... Наше общество в целом должно признать, что разрешить эту высокую задачу призвано именно оно. Должно настать такое время, когда врачи, вызвавшиеся по доброй воле ехать в отдалённые страны, будут во множестве посылаться туда и получать всемерную поддержку в своём стремлении принести пользу туземцам. Только тогда мы будем иметь право сказать, что признали ту ответственность, которая лежит на нас, как на культурных народах, перед туземцами...

Под влиянием этих мыслей я и решил, когда мне уже было тридцать лет, изучить медицину и поехать туда, чтобы проверить мои убеждения на деле. В начале 1913 г. я получил диплом врача. Весною того же года я вместе с моей женой, которая обучилась искусству ухода за больными, поехал на Огове, в Экваториальную Африку, чтобы начать там задуманную работу.

Я избрал этот край, потому что находившиеся на службе в Парижской протестантской миссии эльзасские миссионеры рассказали мне, что именно в этих местах всё больше и больше распространяется сонная болезнь и поэтому нужна во врачебной помощи там особенно велика. Миссионерское общество выразило готовность предоставить на своём пункте в Ламбарене в моё распоряжение один из домов и разрешило мне построить там, на принадлежавшей ему территории, больницу, обещав мне свою посильную помощь.

Необходимые средства мне пришлось, однако, изыскивать самому. На это пошли деньги, полученные мной за книгу о Бахе, которую к тому времени издали на трёх языках, а также — за органные концерты, которые я перед этим давал. ... Мои добрые друзья из Эльзаса, Франции, Германии и Швейцарии помогли мне деньгами. ...»

А. Швейцер.

Между водой и девственным лесом.

Переживания и наблюдения врача в девственном лесу Экваториальной Африки.

Вопросы для обсуждения текста

Какие религиозные и философские идеи можно рассматривать как прототип принципа благоговения перед жизнью, который выдвинул А. Швейцер?

Что нового содержалось в его призыве охранять жизнь в любых её проявлениях?

За что А. Швейцер критиковал «техническую эру» и «внешний прогресс» Западного мира?

А. Швейцер полагал уровень гуманизма главным критерием развития человеческой культуры. Насколько современная Россия соответствует этому критерию?

Возможно ли нравственное обновление человечества в соответствии с призывами А. Швейцера?

Как совместить этику А. Швейцера с необходимостью бороться со злом с помощью силы?

А. Швейцер — утопист или реалист?

Чем врачебная деятельность А. Швейцера отличалась от остальной практики миссионерства и гуманитарной помощи отсталым народам Земли?

Есть ли идейная преемственность между этикой А. Швейцера и современной биоэтикой?

Приведите аналогичные образцы героического служения больным людям из истории медицины, в особенности российской.

Конспект

Смысл жизни человека составляет, пожалуй, основной вопрос философии. Во всяком случае, большинство остальных философских проблем так или иначе замыкается на нём. Кроме того, этот вопрос предельно философичен постольку, поскольку не имеет общепринятого и окончательного решения. Хотя постановка и обсуждение этого вопроса отнюдь не сводится к хаотическому своеволию мысли и чувства отдельной личности. Смысл жизни непременно есть у каждого человека. Только каждый человек по-разному понимает, определяет его в разные периоды своей жизни, даже в разном состоянии и настроении. Нередко то, что человек думает об этом смысле, расходится с поступками той же личности, а мысли и действия человека в свою очередь иначе оцениваются окружающими его людьми. Наше существование на этом свете осмысливается нами так или иначе, время от времени, зато делается это практически повсеместно и пожизненно.

В истории философии и культуры уже давно сложились *типичные подходы к определению смысла индивидуальной жизни*:

- позиция *нигилистическая* (от лат. nihil — ничто, нечего) — *жизнь*, если разобраться, абсурдна, *лишена* какого бы то ни было *смысла*: она рано или поздно разрушит любые идеи и намерения на сей счёт («Всё суета!» Экклезиаста и т.п. заключения); нетрудно видеть, однако, что отрицание в своей и чужой жизни смысла всё-таки представляет собой его, осмысления, разновидность; нигилизм маркирует моменты кризиса личной и общественной жизни;

- позиция *фаталистическая* (лат. fatalis — роковой, неизбежный, неотвратимый) — *смысл жизни растворён в ней самой*; следует не терять время на размышления об этом, на столь отвлечённые темы, а просто жить, — как бы плыть в потоке событий, вбирая впечатления текущего момента; такого рода позиция чаще всего просто отодвигает итоговое осмысление собственного существования на какое-то время; она больше характерна для восточных культур типа буддизма с его культом переживаемого мгновения;

- позиция *сакрализованная* — *смысл жизни задан ей извне* — то ли Богом, то ли мирским долгом — перед семьёй, профессией, государством, любым другим социальным институтом, какой-то общей идеей, коей подчиняются наши помыслы и поступки; хотя это убеждение способно поддержать, душевно укрепить личность при всех жизненных испытаниях, ещё чаще корпоративная мораль эксплуатирует человека, вплоть до его порабощения;

- позиция *гуманистическая* — *человек сам творит смысл своего бытия*; никто другой не в силах сделать это за него самого и выбор пути отражает предназначение и способности личности; в столь активной жизненной позиции концентрируются ценности западных цивилизаций.

Как видно, смысл жизни нельзя объяснить научно и навязать человеку со стороны. Это не вопрос «*Почему живет человек?*» В природе (включая ее часть — наш организм) вообще никаких смыслов нет. Есть только причины и следствия неких естественных процессов. Смыслы — продукт человеческого разума. Они «живут» в культуре общества. Хотя формирование и функционирование смыслов культуры и жизни связано и с природными по своей онтологии ценностями, и с межличностными, объективно складывающимися отношениями в обществе. Но о смысле надо спрашивать не у природы, не у других людей, а у самого себя.

Более того, перед нами и не вопрос *за счёт чего* живет люди; не проблема удовлетворения естественных потребностей индивида (в пище, комфорте, продолжения рода, общественном признании). Как говорится, «богатые тоже плачут», если теряют смысл дальнейшей жизни. Его обретение не гарантируется даже добросовестным исполнением гражданского долга (повиновения законам государства, нормам морали и т.п. тактическим ориентирам существования). Можно честно исполнять свой долг на всех «фронтах» (семейном, служебном, общественном) и быть внутри себя глубоко несчастным. Смысл всей жизни нельзя свести к сумме отдельных *задач* и даже общих *целей* нашей деятельности — учебных, трудовых, развлекательных, других. Сейчас мы, допустим, читаем конспект, завтра готовимся к экзамену, послезавтра его сдаём, летом поедем отдыхать к морю, через несколько лет получим диплом о высшем образовании, ближе к пенсии построим новый дом, на пенсии будем путешествовать по миру, нанять внуков, любоваться природой, и т.д., и т.п. В ворохе такого рода проблем общий смысл не просматривается. Обсуждаемая проблема кроется в асимметричном потоке событий вопросах типа: «*Зачем это всё? Во имя чего мы живём? Стоит ли вообще жить?*» Когда имеется в виду стратегическая, интегральная формулировка, а не более или менее частные её слагаемые.

Особенности проблемы смысла жизни человека при любой её постановке таковы:

- *общечеловеческий характер*; она встает рано или поздно, чаще или реже, яснее или туманнее перед каждым мало-мальски сознательным человеком;
- у этой проблемы *нет* ни общего, ни постоянного *решения*; у каждого из нас свои особенности жизненного выбора и на протяжении жизни претерпевает качественные изменения; более того, однажды уяснённый смысл жизненных усилий в свою очередь требует дальнейших и часто всё возрастающих усилий по поддержанию осмысленности дальнейших поступков; смысл постоянно воюет с её же абсурдом, их моменты переплетаются в жизни каждого;
- *потеря смысла* жизни, его деградация (работать, любить, бороться — или забыться, спрятаться от проблем) свидетельствует о серьёзном кризисе личности, её пограничном со смертью состоянии.

Распространённые в любом обществе *модели* обретения и поддержания *смысла жизни* так или иначе сочетаются в сознании каждого из нас, однако их

пропорция различается от человека к человеку и даже от одного этапа биографии одного и того же лица к другому.

Религиозный вариант сводится к тому, что смысл изначально заложен во всякую жизнь, тем более душу Богом, который сотворил человека по своему образу и подобию. Индивидуальная судьба представляет собой результат сотрудничества божественного промысла и собственных стараний человека следовать ему. Человек должен понять замысел божий, пережить его в душе и приложить к своим поступкам. Если не знать или забыть Бога, то наши часы и дни на земле обессысляются, как выдранные и перемешанные страницы книги. Творение бескорыстного добра во имя Божие наполняет жизнь истинно верующего человека высшим смыслом.

В силу внерационального характера вопроса о смысле жизни его религиозное оправдание выглядит довольно логичным. Однако не у всех и не всегда внутреннее субъективное ощущение осмысленности жизни способно противостоять тяге к чему-то более осязаемому, предметному.

Светские варианты осмысления жизни обычно дополняют религиозную веру в жизнь или возмещают недостаток, отсутствие этой веры. В миру борьба за осмысление жизни отводится самой личности, от разума и воли которой зависит, найти ли в жизни смысл, потерять ли его или удержать.

При мирском подходе к обсуждаемой проблеме в свою очередь имеется несколько достаточно типичных версий, которые чередуются и как-то сочетаются у разных людей:

- *активизм* требует от человека, чтобы он постоянно, настойчиво трудился над улучшением качества жизни, обогащением материальных её условий, повышением своего статуса в обществе; верховной целью, таким образом, становится карьера в широком её понимании — повышения своего социального статуса, признания окружающих, то есть своего рода *победа над жизнью*, её причудливыми обстоятельствами;

- *патернализм* предполагает заботу о счастье и благополучии окружающих, прежде всего близких, родных людей, друзей, учеников; для многих, особенно женщин, истинный смысл существования — в детях, внуках, им отдают все силы души; у многих одиноких людей роль такого «социально-психологического громоотвода» играют даже домашние животные (И.А. Бунин писал покинувшей его подруге: «Что ж! Камин затоплю, буду пить. / Хорошо бы собаку купить...»); в итоге перед нами *помощь другой жизни*;

- *изоляциялизм*, напротив, ищет смысла в сугубо личной жизни, ограничивает личные ценности профессией, каким-то увлечением, поддержанием собственного здоровья и душевного спокойствия; существование, таким образом, ограничивается сферой частной жизни, из которой создается своего рода «башня из слоновой кости», куда личность прячется от всей остальной жизни с её тревожностями и заботами; так что тут перед нами правила *бегства от жизни*.

У каждой из перечисленных жизненных позиций есть свои сильные и слабые стороны. Как правило, что бы человек ни выбрал, настанет момент, ко-

гда он пожалеет о своем выборе. По меткому наблюдению поэта Г. Шенгели: «Нам ведь вовсе не былого, а несбывшегося жаль!..» У слишком активного, карьерного человека настоящее приносится в жертву будущему. Патерналист по призванию уничтожает собственное «Я», оно растворяется в «Ты» и «Мы». Полная изоляция от чужих забот и хлопот оборачивается вульгарным паразитизмом: груз многих жизненных проблем перекладывается на чужие плечи, и человек лишается счастьем благодарности своих близких, просто взаимной поддержки в беде и в старости.

Для излагаемой темы исключительно важно *соотношение цели и средств* её достижения в жизни человека. В принципе, дурные, антигуманные цели нельзя обелить якобы щадящими средствами или последующей благотворительностью. Так преступники иногда жертвуют часть своих несправедливо обретенных средств бедным, церкви, медицине и т.п. богоугодным заведениям. С другой стороны, нормальные, приемлемые цели можно скомпрометировать, извратить ужасными средствами (предполагающими обман, насилие над личностью). Так строгие учителя, родители мучают, наказывают детей, если те учатся в школе хуже, чем это кажется воспитателям. Так революционеры в погоне за социальной справедливостью заливали кровью целые страны.

Исключается ли тогда известный *принцип наименьшего зла*? В рассказе А. Сапковского с таким названием один герой предлагает другому выбрать меньшее зло — убить *предполагаемую* злоумышленницу, чтобы спасти тех жителей города, которые могут стать заложниками её банды головорезов. В ответ «ведьмак сказал серьезно:

— Зло это зло, Стрегобор. Меньшее, большее, среднее — всё едино, пропорции условны, границы размыты. Я не святой отшельник, и не только одно добро творил в жизни. Но если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще».

По сюжету ведьмак продолжает повторять, что не верит в Меньшее Зло. И выслушивает следующее возражение: «Ты прав, но только отчасти. Существует просто Зло и Большое Зло, а за ними обоими в тени прячется Очень Большое Зло. ... И знаешь, Геральт, порой бывает так, что Очень Большое Зло схватит тебя за горло и скажет: «Выбирай, братец, либо я, либо то, которое чуточку поменьше». Так оно и происходит в этом рассказе: Геральт убивает идущих на захват заложников бандитов в открытом поединке, но жители спасённого города прогоняют его как безжалостного убийцу, он получает ещё одну кличку — «мясник из Блавикена».

Ведь жизнь столь сложна и драматична, что периодически заставляет нас делать выбор между нарушением каких-то в общем правильных норм и ещё более опасным бездействием. Так врач вынужден бывает ампутировать больной орган, чтобы спасти весь организм. Судья осуждает преступника, чтобы как-то возместить ущерб его жертвам. Мы закрываем глаза на проступок коллеги, чтобы избежать скандала для всего коллектива. Многие жёны игнорируют неверность мужей ради того, чтобы сохранить семью и не осиротить детей. В общественном транспорте почти всегда найдётся достаточно смелый мужчина, чтобы дать отпор распоясавшимся хулиганам — с риском понести ответственность за превышение пределов необходимой обороны. И т.д., и т.п. Во множестве других жизненных эпизодов мы обречены на компромиссы с совестью. Меру

компромисса нельзя определить заранее раз и навсегда. Врач испугается риска и оставит пациента без помощи. Судью подкупают, и он вынесет неправомерный приговор. Изменника отравят. Спортсмен отвернётся от хулиганов-попутчиков. Увы, таковы вечные контрасты жизни.

Но при любом компромиссе должен оставаться некий предел уступок обычным правилам приличия. Так, даже в самых экстремальных условиях (тюрьмы, концентрационного лагеря, фронта) у людей, не окончательно потерявших человеческий облик, оставалось два запрета: не доносить на товарищей, не исполнять смертных приговоров над ними — даже при угрозе твоей собственной жизни за отказ делать это; всё остальное, даже то, что в нормальной жизни стыдно, на тех пределах бытия общим мнением разрешалось (украсть, обмануть и т.п.); см. хотя бы рассказ «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына или роман «Генерал и его армия» Г.С. Владимова. Даже в мирных, нормальных условиях жизни следует помнить о том, что зло есть зло независимо от своего размера и целей. Если есть возможность, следует вообще воздержаться от выбора между «большим» или «меньшим» злом. Если же такой возможности никак не возникает, приходится думать о меньшем зле.

Тут главное *иметь* и соблюдать *хоть какие-то принципы*. Эта последняя идея блестяще продемонстрирована в рассказах лучшего новеллиста всех времён и народов — О. Генри. Один из его рассказов так и называется — «У каждого свой светофор». В очереди в ночлежку для бродяг встречаются два обитателя нью-йоркского дна. Один из них — бывший капитан полиции, уволенный оттуда за взятки. Другой — племянник миллионера, лишённый прав наследства и обычного содержания за отказ жениться по дядиному сватовству. Обоим предоставляется шанс выбраться со дна. Для этого капитану потребуется дать показания в суде против своего бывшего напарника, а молодому человеку — всё-таки жениться на некрасивой барышне. Оба с негодованием отвергают столь выгодные предложения. И тут же нарушают другие заповеди, причём диаметрально противоположные. Капитан предпринимает попытку заключить брак по расчёту с обеспеченной владелицей магазинчика, а родственник богатея совершает донос на бывшего полицейского его действующим коллегам. Но эти нравственные грехопадения не приносят им обоим выгоды: пассия капитана выгоняет его, а юношу в свою очередь гонят взащей из полицейского участка разгневанные сослуживцы опального капитана. Получается, у героев рассказа разные, ущербные, но непоколебимые системы моральных ценностей. В этом смысл названия этой малоизвестной новеллы О.Генри.

Итак, люди не ангелы, но констатация этого факта не даёт нам повод уподобляться дьяволу. Зона нравственных табу может сужаться или расширяться от культуры к культуре, от эпохе к эпохе, от человека к человеку, даже в разном возрасте одного и того же лица, безнравственность не должна становиться монополистом в душах людей. Иначе они перестанут быть людьми.

С другой стороны, для нормализации жизни полезна некая *доза этического релятивизма* (лат. *relativus* — относительный). Имеется в виду отказ от сверхценностей вроде патриотизма, семейных интересов, даже собственного здоровья. Ведь под психологическим прикрытием таких вроде бы бесспорных святынь совершаются многие проступки и даже преступления. Фашисты оккупировали пол Европы под пением гимна «Германия превыше всего!..» Совет-

ские люди своими руками построили ГУЛАГ, присягая на верность «делу Ленина и Коммунистической партии». «Новые русские» всеми правдами и неправдами обогащались, думая, что обеспечивают настоящее и будущее членов своих семей. Хорошо ли спать сном праведника, если за стенкой умирает отец или даже кричит младенец? Короче говоря, нравственные принципы не должны подминать под себя живую жизнь с её неразрешимыми, но всё-таки как-то разрешаемыми коллизиями.

В отличие от жизни, где возможны поиски какого-то смысла, **смерть** предстает перед нами **как неразрешимая проблема**. Точнее сказать, она предельно сложна. Однако не слишком сложнее, чем многие другие проблемы жизни: любовь, счастье, судьба и т.п. Причём сложнее всего с практической отдачей осмысления данных вопросов. Так, можно сколько угодно объяснять неудачу в любви, но на реальную ситуацию это нисколько не повлияет. Ещё хуже со смертью — её можно отодвигать или облегчать, но никто никогда её не отменит, как для себя лично, так и для всех остальных живых существ. Можно заменить любовь, счастье, успех, пережить ненависть, неудачу, но смерть не имеет альтернативы. Никто из ушедших от нас в мир иной ещё не поделился с оставшимися жить своим опытом. Однако изучив и осознав феномен смерти, возможно лучше распорядиться жизнью. *Танатология* (греч. *thanatos* — смерть) — междисциплинарное рассмотрение непосредственных причин умирания, динамики и механизмах этого процесса в его биологических, медицинских, с одной стороны, а с другой, социально-психологических аспектах.

Этапы смерти шире, чем обыкновенно кажется. Намечая их, не будем брать в расчет переносных, расширительных значений термина («гражданская смерть», «политический труп», инвалидность, отставку, пенсию, развод, банкротство и т.п.). Эти выражения имеют в виду радикальное изменение места личности в *жизни* общества, так сказать «*социальную смерть*», а вовсе не настоящую смерть самого организма; такие пертурбации могут как приближать, так и отдалять настоящую смерть. Впрочем, для кого-то такого рода жизненный крах оказывается хуже смерти.

Последнюю можно определить как *необратимое прекращение жизнедеятельности организма*. В этом смысле она делится на известные стадии:

- *клиническая смерть* представляет собой в принципе обратимый этап умирания, который обычно занимает несколько минут после остановки сердечной деятельности и дыхания; шансы оживления зависят от степени гипоксических изменений клеток коры головного мозга (при обычной температуре — 3–5 минут; при охлаждении побольше); каждый культурный человек, тем более с медицинским образованием, должен владеть навыками мануальной *реанимации*;

- *биологическая смерть* — необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и органах, после чего реанимация бесполезна; возможно только частичное донорство ради продления чьей-то другой жизни;

• *коматозное состояние* представляет собой своеобразную границу между клинической и биологической смертью, в абсолютном большинстве случаев безнадежную — организм благодаря непрерывной реанимации живет, но на растительном уровне; сознание, а вместе с ним и личность, в коме угасает; редчайшие случаи выхода из комы после многих лет отключения сознания приводят к его серьезным изменениям — организм постарел, а душа нет.

Смерть в культуре разных народов, социальных групп оценивается и воспринимается по-разному. Различаются две самых типичных модели такого отношения. Первую из них можно назвать традиционной, патриархальной, — потому, что она сложилась в условиях доиндустриальных цивилизаций, характерна для жизни больших устойчивых коллективов с относительно низким уровнем образованности и культуры. В настоящее время она более выражена в сельской местности. Вторая модель отражает процесс урбанизации, условия жизни личности, малой семьи в большом городе, работы в больших организациях, где человек — своего рода «винтик» огромного механизма.

Для патриархальной модели кончина одного из членов общины, особенно пожилого, — событие ожидаемое и закономерное; воспринимается смерть как необходимый момент, итог жизни. Поэтому старики там загодя копят деньги на свои похороны; все члены семьи из кожи вон лезут, чтобы успеть к постели умирающего сородича, ведут к ней малых детей — прощаться с уходящим навсегда их уже почти предком; похороны — по сути (затратам, многолюдству, энергии) один из видов праздника; особенно поминки довольно скоро после своего начала трудно отличить от любого другого праздника по их шуму и веселью; кладбища, могилы — места частого посещения и всяческого почитания, своего рода храм для периодического поклонения. В украшения надгробия, благоустройство кладбища вкладываются значительные средства, нередко гораздо большие, чем выделялись покойнику при его жизни. В связи с чем очередная цитата из А. Сапковского: «Чёрт! Чёрт! — крикнул Лютик ... Развалился весь дом! Выжить никто не мог! ...

— Ведьмак Геральт из Ривии пожертвовал собой ради спасения города, — торжественно проговорил ипат Невилл. — Мы не забудем его, мы почтим его. Мы подумаем о памятнике... Лютик ... отряхнул курточку от хлопьев штукатурки, взглянув на ипата и несколькими тщательно подобранными словами высказал своё мнение о жертве, почестях, памяти и всех памятниках мира».

Модернизированная модель рассматривает любую смерть, тем более близкого человека, как катастрофу, нечто непоправимо и непереносимо страшное, дикую случайность. Сама мысль о смерти изгоняется из сознания. О ней не принято говорить без особой нужды. Безнадёжно больной, обречённый человек помещается в больницу; он умирает на руках медицинского персонала, т.е. по сути дела в одиночестве. Перемещение гроба или (всё чаще) урны с его прахом на кладбище осуществляют только самые близкие родственники и друзья покойного. Это мероприятие ограничивается только церковной или гражданской панихидой по минимальному сценарию. Могила самого близкого человека потом навещают, как правило, в полном одиночестве или малыми группами.

В наши дни можно наблюдать то или иное сочетание патриархального и модернизированного отношений к смерти в различных регионах, социальных группах, семьях.

Биомедицинская этика — сравнительно новая область исследований, расположенная на стыке нескольких традиционных наук и практик (биологии, медицины, техники, этики, богословия, юриспруденции, ряда других). Она обсуждает и регламентирует вопросы жизни и смерти, подвластные современной медицине и фармакологии. Её оформление связано с небывалым увеличением возможностей хирургического, медикаментозного и прочего вмешательства в организменные процессы. Один из вечных принципов медицины «Не навреди!» в условиях современных возможностей науки, техники и фармакологии приобретает особое значение. Навредить — с помощью эксперимента, новой технологии, изменения подходов к проблеме здоровья и болезни — можно уже не отдельному пациенту, а массам людей, всему роду человеческому.

Другой причиной биоэтики послужила демократизация общественной жизни на Западе, укоренение идеи прав человека, прежде всего на жизнь и свободу. Пациент из объекта врачебных манипуляций превратился в субъект выбора стратегии лечения. *Принцип информированного согласия* в современной медицине предполагает предварительное обсуждение с пациентом возможностей, перспектив и цены врачебного вмешательства в его организм. Врач предлагает варианты решения, а больной выбирает для себя один из них. Медицина из командно-репрессивной по сути своей превращается в по-настоящему гуманную.

Поэтому процесс принятия решений и их выполнения по целому ряду принципиальных вопросов биотехнологии и медицины теперь нельзя ограничить узким цехом специалистов; необходима независимая экспертиза соответствующих проектов, общественный контроль, государственное (законодательное) регулирование биотехнологических инноваций.

В качестве показательного примера недавно возникшей проблемы биоэтического плана можно привести *клонирование* — процедуру выращивания нового организма из одной-единственной клетки другого организма, т.е. размножения внеполовым, лабораторным путём. Эта методика появилась в растение- и животноводстве, как один из способов селекции лучших сортов растений, пород скота. Уже получены вполне жизнеспособные, взрослые особи клонированных животных (мышей, овец, других). В последнее время учёные и журналисты обсуждают возможность клонировать человека, в том числе из сохранённых клеток уже умерших людей. Речь идёт о получении наших биологических копий, искусственных близнецов. Так, можно повторить умершего родственника, понравившегося родителям ребенка и т.п. Об этом в Голливуде снят мистический триллер «Другой». Потеряв единственного сына, молодые супруги решают повторить его с помощью нелегального клонирования. Доктор (в исполнении Р. де Ниро) осуществляет эту операцию. Всё идёт хорошо до тех пор, пока новому ребёнку не исполняется восемь лет — возраст, в котором погиб его бывший брат. Дальше поведения нового Адама пугающим образом меняется...

Церковь и политики консервативного толка выступают однозначно против клонирования. Воздействия на клонируемую клетку сильными раздражителями (электричеством, химическими реактивами) способны повредить целый генотип, получить по клонируемой линии потомство с врожденной патологией необычного типа. Кроме того, повторяя организм, невозможно повторить душу, психику личности. Появление разных личностей в оди-

наковых телах чревато в свою очередь неконтролируемыми социально-психологическими последствиями (см. об этом последние романы братьев Стругацких «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер», «Дьявол среди нас»). Уже появились группы экстремистов, заявившие о подготовке клонирования людей, в том числе исторических личностей прошлого, вроде Гитлера. Заниматься этим экспериментом они намерены на корабле в международных водах, дабы уйти от судебного преследования в своих странах (за попытку изготовления человеческого двойника в странах, запретивших это, предусмотрено от 5 до 20 лет лишения свободы).

С другой стороны, путём клонирования можно получать искусственные органы, по качеству и цене подходящие для трансплантации безнадежно больным людям. Возможно таким же путем решить проблему бесплодия у некоторых женщин. Речь идёт о так называемом терапевтическом клонировании – вызвать к жизни человеческий эмбрион и вырастить его до той стадии (примерно две недели), когда можно получить так называемые стволовые клетки, пригодные для микропротезирования. Церковники категорически против и такого варианта клонирования. Они не различают зародыш и потенциального человека и объявляют священной жизнь младенца на любой стадии его развития. Даже в том случае, если налицо генетическое поражение зародыша и младенец родится уродом. Мне представляется научной и гуманной другая позиция – рекомендовать родителям избавиться от ребенка, если генетический прогноз обрекает его на неизлечимую и тяжелую болезнь, не оставляет шансов вырастить и воспитать из него сколько-нибудь полноценного человека.

В ряде стран, начиная с США, попытки клонировать людей уже запрещены законодательно. В 1998 г. Совет Европы принял конвенцию о правах человека в биомедицине, одним из пунктов которой искусственная репродукция людей (до сих пор эту конвенцию ратифицировали 19 европейских стран из 40); в 1999 г. администрация У. Клинтона ввела 5-летний мораторий на государственное финансирование программ, связанных с экспериментами на человеческих эмбрионах; в ООН готовится проект документа о всеобщем запрете клонирования, приравнивании к преступлениям против человечества; в 2001 г. британский парламент, напротив, снял законодательные ограничения с клонирования, однако Британское Королевское общество (Академия наук) вскоре призвало к запрету клонированию человека, за исключением сугубо терапевтического клонирования клеток отдельных органов; летом 2001 г. и российское правительство одобрило законопроект «О временном запрете на клонирование человека» (впрочем, у русских учёных всё равно нет пока денег даже на клонирование животных, не говоря уже о людях); должно быть, пятилетний запрет клонирования вскоре станет законом; за это время международное сообщество должно определиться по отношению к этому противоречивому вопросу, а русские ученые подготовятся к участию в соответствующих экспериментах.

Наиболее насущными проблемами биомедицинской этики представляются нижеследующие.

Эвтаназия (реч. «eu» — хорошо, приятно + «thanatos» — смерть) в медицинском смысле термина представляет собой методику облегчения предсмертных страданий больного. В качестве биоэтической проблемы эвтаназия рассматривается как помощь пациенту умереть, причём по возможности быстрее и безболезненнее. В этом плане различают эвтаназию пассивную (прекращение медицинской помощи, отключение систем жизнеобеспечения) и активную (медицинское вмешательство с целью прекратить жизнь пациента).

Эвтаназия в настоящее время запрещена законодательством практически всех стран мира; рассматривается как вариант уголовного преступления, убийства. В Голландии и некоторых штатах США рассматриваются законопроекты о

легализации пассивной эвтаназии при строго определённых условиях (представительный консилиум медиков и юристов; абсолютно безнадежный диагноз и запредельные страдания пациента; согласие родственников пациента). Там существует целое общественное движение «Хэмлок» за помощь в уходе из жизни безнадежно больным людям.

На практике эвтаназию, особенно пассивную, врачи и другие лица от случая к случаю всё-таки по разным мотивам (сострадание к мучениям пациента, усталость от ухода за ним, корыстные замыслы) применяют достаточно широко. Кроме эвтаназии в собственном смысле слова, люди переживают похожие, а то и более сильные эмоции, когда на их глазах кто-то уходит из жизни, а они не в состоянии ему помочь, спасти.

В планшете одного из русских офицеров, погибших в битве за Сталинград, оказались такие стихи:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не кричи, не зови ты людей.
Дай-ка лучше погрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не кричи, словно маленький —
Ты не ранен, а просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки —
Мне ещё воевать предстоит...

Доводы *в пользу* эвтаназии:

- своевременная эвтаназия даёт возможность избавить безнадежно больного человека и его близких от мучительных страданий; уйти из жизни человеком, а не полутрупом; избавиться от предельно инвалидных младенцев-уродов, «загрязняющих» линии наследственности;

- эвтаназия, особенно пассивная, экономит силы и средства, которые могут спасти другие жизни; в частности, обеспечивает донорские органы для других безнадежных без них пациентов.

Доводов *против* эвтаназии гораздо больше и они представляются весомее:

- никогда не исключена возможность врачебной ошибки в диагнозе и прогнозе течения болезни; редко, но случается, что выживают пациенты, по всем статьям обреченные врачами умереть;

- за многими случаями самовольной «эвтаназии» стоят корыстные мотивы наследников, врачей, других преступников;

- расширение эвтаназической практики влечет за собой развал моральных принципов медицины, подрыв гуманизма вообще; если жизнь человек есть высшая ценность, то никому не дано распоряжаться ею по своему произволу; медицина должна бороться за жизнь вплоть до ее биологического конца; уступив смерти сегодня, завтра мы капитулируем пред ней.

Вариантом, хотя и весьма специфическим, эвтаназии выступает **суицид** (самоубийство). Процент покончивших с собой лиц в любом обществе остается достаточно велик. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире насчитывается более 500 000 самоубийств и около 7 000 000 попыток совершить таковое. В среднем, около 20 % из этого количества составляют психически больные люди и еще 30 % близкие к ним по характеру патологии алкоголики. Вторая половина — это психически и физически в основном здоровые, но по разным причинам разочаровавшиеся в жизни люди. Показательно, что суицидность возрастает не только в кризисные, но и в относительно благополучные периоды развития той или иной страны. На протяжении средне-статистической человеческой жизни имеется несколько суицидных пиков — это подростковый, юношеский; средний, вершинный; пожилой, старческий возрасты, когда давление обстоятельств на человека становится самым тяжелым.

В России рубежа XX–XXI вв. ежегодно регистрируется около 37, 8 случаев суицида на 100 000 населения. А в США этот показатель колеблется от 10 до 13. Способы удавшегося самоубийства распределяются следующим образом: самоповешение — 81, 9 %, отравления — 9, 5 %, падение с высоты — 1, 9 %, утопление — 0, 9 %. Среди неудавшихся попыток ухода из жизни преобладают отравления (лекарствами, газом, веществами бытовой химии, уксусной эссенцией) — 72 %, самоповреждения — 28 %. Концентрированная уксусная кислота в этих целях используется только в России. Смерть в этом случае оказывается особенно мучительной (ожог полости рта, пищевода, желудка — болевой шок — падение артериального давления — первичное кровотечение из поврежденных полостей пищевода и желудка — дополнительное снижение давления — некроз их тканей — всасывание кислоты в кровь — внутрисосудистый гемолиз — поражение почек). Если смертельную дозу такой отравы самоубийце выпить не удалось, он обречен на такую инвалидность, как необратимые изменения в пищеводе — от сужения до полной непроходимости. Как видно, столь изуверский способ проститься с жизнью отражает какие-то стороны русского менталитета («национальный мазохизм»).

Вообще страны и народы почему-то различаются по средней частоте самоубийств. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) выделяет три группы стран по количеству самоубийств на 100 000 населения. Среди стран с низким уровнем самоубийств (до 10 человек на сто тысяч) — Греция, Италия, Филиппины, Армения; к странам со средним уровнем суицида (от 10 до 20 человек на то же число жителей) относятся Австралия и США; высокий же уровень (свыше 20) во Франции, Японии, Латвии, Литве, Эстонии, России, Венгрии. Надо подумать, какие особенности менталитета разных народов влияют на жизненную стойкость его представителей?

Отношение общества к суициду зависит от его культуры и политического устройства. На Востоке с его фатализмом, распространением таких религий, как ислам и буддизм, суицид чаще приветствуется — как выражение геройства человека, следующего долгу (самый известный пример — ритуальное, публичное самоубийство харакири в самурайском кодексе бусидо), просветления-нирваны. На Западе, в зоне христианской культуры самоубийство считается одним из самых страшных грехов — восстанием против Бога. Покончивших с собой лишают церковных таинств отпевания и погребения на общем кладбище. При тоталитарном режиме самоубийца считается сумасшедшим или преступником, заслуживающим наказания. Так, по морскому уставу Петра Великого неудачливо-

го и разоблаченного матроса-самоубийцу надлежало привести в чувство и без суда повесить. В СССР большинству выживших самоубийц угрожало заточение в психиатрическую лечебницу и принудительное лечение. В демократических странах за личностью остается право не только на жизнь по своей воле, но и на смерть в безвыходных для нее условиях. Тогда кандидат в самоубийцы становится пациентом психологов и благотворительных служб.

В действительности *варианты суицида* с точки зрения его мотивации исключительно разнообразны. Их можно сгруппировать следующим образом: истинные, скрытые, демонстративные, невольные. Первые редко бывают спонтанными — им предшествуют долгие размышления отчаявшегося в жизни человека о смерти как спасении, ощущение безысходности в результате потери смысла жизни («экзистенциальный кризис»). Скрытым суицидом считается склонность к повышенному риску, который нередко приводят к внешне “случайной” гибели (рискованное вождение автомобилем; злоупотребление алкоголем, наркотиками; отчаянная драчливость). Демонстрирует попытку проститься с жизнью человек, который отчаянно пытается кому-то что-то доказать. Это игра не только со своей, но и с чужими жизнями (близких людей). Последний вид по сути добровольной смерти связан с нелепыми случайностями, от которых никто не гарантирован, или же непростительной оплошностью (отравление угарным газом в автомобиле-гараже и т.п.).

Нетрудно вычленить более конкретные варианты суицида. Это самоубийство-подвиг, протест, призыв, бегство, месть, преступление, слабость, шантаж, симуляция, неосторожность, наивность, отказ; различные комбинации данных причин и поводов покинуть жизнь.

Мудрое возражение суицидальным предпосылкам и настроениям, прежде всего юношеским, замечательно высказано в стихотворении курской поэтессы Елены Фейген:

Когда бездумно пророчит лето,
А человеку шестнадцать лет,
И столько веры в свои победы,
И в то, что Бога на свете нет.
И ветер влажный, и ветер южный,
И беспокоит избыток сил —
Тут очень важно и очень нужно,
Чтоб кто-то бережно объяснил,
Что жизнь проходит, сменяет краски,
То зацелует, то отомстит.
Не всё то горе, что нету счастья,
Не всё то золото, что блестит.
Что в жизни много таких вопросов,
Где не ответить начистоту.
А резать вены — ещё не способ
Свою доказывать правоту.

Смертная казнь — проблема скорее социально-политическая, нежели этическая. Хотя в основе вопроса — именно нравственный парадокс. Высшая мера наказания за те или иные преступления устанавливается государством с

целью гарантировать святость человеческой жизни как таковой. Чтобы защитить жизнь её отнимают у того, кто покушается её отнять у ближнего. Смерть — главный инструмент государственной власти, без применения или угрозы которого её не станут воспринимать всерьёз многие подданные. Многие века смертная казнь, в том числе в самых жестоких и даже массовых формах, применялась самыми разными государствами и их противниками. Речь конечно идёт не просто о гибели людей в войнах или в результате массовых репрессий, а именно о казнях по суду в мирное время за совершение особо тяжких преступлений.

В XX веке были казнены многие правители, потерпевшие поражение в гражданских, либо международных войнах. Среди них множество действительных или мнимых противников Сталина среди военного и гражданского руководства СССР в 1930-е — 1950-е годы; лидер итальянских фашистов Бенито Муссолини (1945); 12 руководителей поверженного нацистского рейха, осуждённых международным трибуналом в Нюрнберге (1946); премьер Венгрии Имре Надь и его министр обороны Пал Малетеру (1958); отставной премьер Пакистана Беназир Бхутто (1979); свергнутый президент Ркумынии Николае Чаушеску (1989) и некоторые другие. Первой жертвой такого ранга стал поверженный США иракский лидер Садам Хусейн (2006).

К нашим дням сложились две практики в отношении смертной казни.

Целый ряд стран сочли возможным сузить сферу её применения или отменить её вовсе. Наиболее радикально эту позицию заняли все 45 государств — членов Совета Европы с населением почти 900 миллионов человек. В 2007 году премьер-министр Италии Романо Проди объявил, что его страна будет добивать в совете безопасности ООН отмены смертной казни во всём мире.

В ряде других стран, преимущественно азиатских, продолжают казнить нарушителей их законов.

В начале 2000-х годов смертная казнь была полностью отменена более чем в 120 странах, а в более чем 70 сохранена. Правда, в значительной части последних эта мера наказания фактически не применяется уже несколько лет; она остаётся для особых обстоятельств (военного времени и т.п.) и за отдельные экзотические преступления (вроде шпионажа, угона самолетов, убийства заложников, наркоторговли, пиратства). Реально применяют эту меру репрессии не более 25 государств. Практикуют смертную казнь все арабские страны. В том числе «за несправедную жизнь», т.е. гомосексуализм, изнасилование, измену супруги и т.п. отступления от строгого ислама. За это там рубят головы или расстреливают. Например, одна из принцесс королевского дома в Саудовской Аравии была уличена в связи с юношей из Кувейта во время их совместной учёбы за границей. Молодых людей выследили, привезли на родину, судили и казнили публично — девушку застрелили из пистолета, а юноше отрубили голову. В Иране вешают на подъёмном кране не только за гомосексуализм, но и за неоднократное употребление спиртных напитков (уличённых в пьянстве первый раз наказывают плетью). Хотя во всех остальных странах основной, а то и единственной статьёй исключительного наказания служит убийство при отягчающих обстоятельствах.

За пределами Азии высшую меру наказания применяют 38 штатов США (где за последние 30 лет казнили около тысячи человек, а ещё три с половиной тысячи ожидают исполнения приговора). Способ казни — инъекция через катетеры на обеих руках, по которым в вены одновременно поступает смесь из трёх препаратов: барбитурата (лишает сознания), мышечного релаксанта (парализует лёгкие и диафрагму), хлористого калия (останавливает сердце). У американцев этот метод переняли Гватемала и Таиланд.

По масштабам и жестокости официальных убийств лидирует Китай. Там ежегодно казнят около 2000 человек — уголовников и коррупционеров. На втором месте — Иран, где казнят до сотни осуждённых. На третьем — Саудовская Аравия (меньше ста ежегодно). Сохраняют казни, хотя и на минимальном уровне (по несколько в год) африканские страны, Белоруссия, Япония, Пакистан, Узбекистан, Тайвань, Сомали, ЮАР и некоторые другие. Во многих странах официальная статистика такого рода или не ведётся вовсе, или подделывается.

В СССР 1960-х –1980-х гг. расстреливали не только серийных убийц и насильников, но и разоблачённых шпионов, дельцов теневого рынка валюты, хищения в особо крупных размерах государственной и общественной собственности. В России новый (1997 г.) Уголовный кодекс уменьшил число правонарушений, наказуемых смертной казнью, с 27 до 5 (убийство при отягчающих обстоятельствах; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; лица, осуществляющего правосудие, сотрудника правоохранительных органов; геноцид). Судебная практика в Российской Федерации подчинилась общемировой тенденции снижения размеров смертной казни. В 1960-х годах к высшей мере наказания в СССР приговаривались тысячи осуждённых. А в 1995 г. — 141. С 1996 г. смертные приговоры в нашей стране в исполнение не приводились — на них наложен мораторий в соответствии с международными обязательствами России. На рубеже 1990-х – 2000-х российские суды перестали выносить смертные приговоры даже формально, заменив их на высокие сроки заключения, вплоть до пожизненного.

Между тем, согласно опросам общественного мнения, около 90 % наших соотечественников считают преждевременным отказ от смертной казни. Большинство выступает даже за ужесточение уголовной репрессии в отношении террористов и рецидивистов, маньяков и садистов. Мировой опыт не позволяет сделать вывод об отказе от смертной казни в обозримой перспективе. Каждое суверенное государство должно решать этот вопрос в соответствии со своими культурно-историческими традициями, национальными интересами и вправе принимать законодательные меры по расширению или же сужению сферы действия высшей меры наказания за уголовные преступления против личности и общества.

Приложение

С. Мозм

НИЩИЙ

Бог знает, сколько раз я сетовал, что не имею времени сделать хотя бы часть того, что мне хочется. ... Много раз я тешил себя мечтами о том, что целую неделю ничего не буду делать. Большинство людей когда не работают, то развлекаются: ездят верхом, купаются, либо играют в теннис или в карты. Я же мечтал о полном безделье. Всё утро я буду лентяйничать, днём лодырничать, а вечером бить баклуши. Моё сознание уподобится грифельной доске, а каждый час — губке, стирающей с неё каракули, набросанные рукой чувственного мира. Время, которое так быстротечно, время, уходящее безвозвратно, — вот драгоценней-

шее достояние человека и выбрасывать его на ветер есть самая драгоценная форма расточительства. ... Я не сомневался, что в течение недели, которую я обещал себе, я буду читать, потому что для человека, привыкшего к чтению, оно становится наркотиком, а он сам его рабом. Попробуйте отнять у него книги, и он станет мрачным, дёрганным и беспокойным, а потом, подобно алкоголику, который, если оставить его без спиртного, набрасывается на политуру и денатурат, он с горя примется за газетные объявления и телефонные справочники. ... А я хотел, чтобы чтение было лишь одной из форм безделья. ...

И когда неожиданное оказалось, что мне совершенно нечего делать и нужно как-то выходить из положения, я был захвачен врасплох ... Я приехал из Мехико в Веракрус, чтобы ... плыть на Юкатан, и тут, к ужасу своему, узнал, что накануне вечером в порту началась забастовка и пароход не зайдёт в гавань. Я застрял в Веракрусе. Заняв номер в отеле ..., я провёл утро, осматривая местные достопримечательности. ...

Внезапно я обратил внимание на нищего, резко отличавшегося от всех других, да и от людей, сидевших вокруг меня — смуглых и черноволосых — цветом своих ослепительно рыжих волос и бороды. ... На нём не было ничего, кроме брюк и бумажной фуфайки, но таких засаленных и драных, что непонятно было, почему они ещё не развалились. Никогда мне не приходилось видеть такой худобы... Среди всех этих жалких подобию человека он выглядел самым несчастным. Он не был стар, ему едва перевалило за сорок, и я невольно задумался над тем, что же могло довести его до такой жизни. ... Людей, обнищавших до такой степени, я встречал только в России, поэтому я задал себе вопрос, не русский ли он, случайно. Но у него было нерусское лицо. Черты резкие, не расплывчатые, и разрез голубых глаз совершенно не русский. ... Я не мог отделаться от впечатления, что в своё время он пересёк мой жизненный путь. ... Я вдруг вспомнил. Не имя — оно всё ещё ускользало от меня — но всё остальное. Должно быть, он узнал меня, так как за прошедшие двадцать лет я мало изменился, и потому он ни разу больше не задержался перед моим столиком. Да, я встречался с ним двадцать лет назад ... в Риме ... Мы засиживались допоздна, увлекшись бесконечными спорами об искусстве и литературе. Он ... хотел стать писателем. Его в нашей среде недолго любили за высокомерие, никто из нас не был настолько умудрён жизненным опытом, чтобы проявить терпимость к высокомерию молодости. Он считал нас мелюзгой и, не колеблясь, говорил нам об этом. ... Он пожертвовал всем, чтобы стать писателем. ... Он попал в лапы к жизни, и она искалечила и изломала его, а потом бросила истекать кровью на каменные ступени этой церкви. Я подошёл к нему.

— Вы помните Рим? — спросил я.

Он не пошевелился. Не ответил. Не обратил на меня никакого внимания, словно перед ним было пустое место. ... Я не знал, как мне поступить. Я вынул из кармана жёлтую кредитку и сунул ему в руку. Он не посмотрел на неё. Но рука его чуть шевельнулась, тонкие пальцы-когти сомкнулись и смяли её; он скомкал бумажку в маленький шарик, подбросил в воздух, и шарик упал среди галдящих птиц. Я инстинктивно оглянулся и увидел, как одна из них схватила шарик в клюв и полетела прочь... Когда я опять повернул голову, человека не было.

В Веракрусе я провёл ещё три дня. Его я больше не видел.

10. СОЗНАНИЕ

Теоретический минимум

1. Отражение и информация как философские категории. Психика, сознание — высшие формы отражения и сотворения действительности, выработки и передачи информации.

2. Мозг как орган психики, его структура и функции; нейрофизиологические механизмы и социокультурный контекст его работы.

3. Природа идеального:

- *индивидуальный* уровень — нейробиологического (мозгового) субстрата психики);
- *общественный* (надличностный) уровень — (ценностей культуры, архетипов истории человечества);
- *межличностный* уровень — (практической деятельности, в том числе общения, вообще творчества).

4. Основные процессы психики:

- эмоции;
- память;
- воля;
- сенсорика;
- мышление; уровни развития интеллекта; методики его измерения.

5. Проблема «искусственного интеллекта»: достижения и сомнения. Роль компьютера во врачебной диагностике. Возможности интернет-аптеки.

Литература

Лекция 10.

Спиркин А.Г. Основы философии. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. XI. «Душа, сознание и разум». 1–5.).

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. 5. «Сознание»).

Азимов А. Человеческий мозг: от аксона до нейрона. М., 2003.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М., 2010.

Бехтерев В.М. Гипноз. Внушение. Телепатия. М.–СПб., 2011 (Золотая библиотека российской медицины).

Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение. М., 1988.

Веккер Л.М. Психические процессы. Т. II. Мышление и интеллект. Л., 1976; Т. III. Субъект, переживание, действие, сознание. Л., 1981.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. 5-е изд., стереотип. М., 2010.

- Мендиус Р., Хансон Р.* Мозг и счастье: загадки современной нейропсихологии / Пер. с англ. М., 2011 (Психология. Мозговой штурм).
- Петрова Н.Н.* Психология для медицинских специальностей. 3-е изд., стереотип. М., 2008.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Психология. 8-е изд., стереотипное. М., 2008.
- Петровский А.В.* Введение в психологию. М., 1995.
- Психолог. Введение в профессию / Под ред. Е.А. Климова.* 2-е изд., стереотипное. М., 2008.
- Психолого-педагогическая диагностика / Под ред. И.Ю. Левченко.* 5-е изд., стереотипное. М., 2008.
- Поппер К.Р.* Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия / Пер. с англ. М., 2008.
- Годфруа Ж.* Что такое психология. Ч. I. М., 1992.
- Айзенк Г.Ю.* Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1.
- Александр Ф., Селесник Ш.* Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней. М., 1995.
- Анастаси А., Урбина С.* Психологическое тестирование / Пер. с англ. 7-е изд. СПб., 2004.
- Блонский П.П.* Память и мышление. М., 2004.
- Велихов Е.В., Зинченко В.П., Лекторский В.А.* Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11.
- Дубровский Д.И.* Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания // Вопросы философии. 1988. № 1.
- Дубровский Д.И.* Информация. Сознание. Мозг. М., 1980.
- Дубровский Д.И.* Проблема идеального. М., 1983.
- Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чём рассказали «говорящие» обезьяны. Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006.
- Зинченко Т.П.* Память в экспериментальной и когнитивной психологии. М., 2004.
- Иззард К.Э.* Психология эмоций / Пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2004.
- Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6.
- Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984. С. 164–188.
- Ильин Е.П.* Психология воли. М., 2004.
- Ичас М.* О природе живого: механизмы и смысл. М., 1994 («Наследуемость умственных способностей у человека», «Измерение умственных способностей»).
- Кравченко Е.Ю.* Психология эмоций: современные теории и исследования. М., 2012 (Высшее образование)..
- Ланн Д.* Невероятные возможности вашей памяти / Пер. с англ. СПб., 2003.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Лорейн Г.* Суперпамять. Эффективные методики улучшения памяти / Пер. с англ. М., 2007.
- Макгонигал К.* Сила воли: как развить и укрепить / Пер. с англ. М., 2012.
- Медицина в зеркале информатики / Под ред. О.М. Белоцерковского.* М., 2008 («Информатика — неограниченные возможности и возможные ограничения»).
- Михайлов Ф.Т.* О душе // В его кн.: Избранное. М., 2001.
- Молчанов В.* Исследования по феноменологии сознания. М., 2007.
- Общая психодиагностика.* М., 1988.
- Павлов И.П.* Рефлекс свободы. СПб., 2004.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта. М., 2004.

- Руднев В.П.* Введение в шизореальность. М., 2011.
Сидорова О.А. Нейропсихология эмоций. М., 2001.
Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.
Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971.
Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2004.
Хейстад У.М. История сердца в мировой культуре от Античности до современности / Пер. с норв. М., 2009.
Хоффман И. Активная память / Пер. с англ. М., 1986.
Фритт К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / Пер. с англ. М., 2010.
Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. М., 2011.
Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.
Экман Р. Психология эмоций / Пер. с англ. 2-е изд. СПб., 2012.
Юнг К.Г. Структура и динамика психического / Пер. с нем. М., 2008.
Ясницкий Л.Н. Искусственный интеллект. Элективный курс. М., 2011.

Текстологический практикум **Измерение индивидуального интеллекта**

1. Разные критерии развития интеллекта:
 - феноменологический подход;
 - генетический подход;
 - социокультурный подход;
 - деятельностный подход;
 - информационный подход.
2. Интеллектуальные способности и их соотношение в ментальном опыте личности.
3. Методики измерения индивидуального интеллекта. Тест Айзенка — самый распространённый способ определения уровня умственной одаренности личности. Попробуйте применить его к студентам вашей учебной группы и обсудить результаты этого тестирования с преподавателем.
4. Какие способности личности и факторы ее творческой карьеры остаются за пределами цифры IQ? Какие чаще всего от неё зависят?

Литература

- Айзенк Г. Ю.* Проверьте свои способности. М., 1992.
Анастаси А. Психологическое тестирование. Кн. 1–2. М., 1982.
Бабаева Ю.Д. Психологический тренинг для выявления одаренности. М., 1997.
Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002.
Стернберг Р. Дж, Форсайт Дж. Б. и др. Практический интеллект. СПб., 2002.
Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994.

Конспект

Основные термины для обозначения внутреннего, субъективного мира, наличием которого высшие животные и особенно человек отличаются от природной материи как таковой, следующие.

Дух — нематериальная часть бытия, высшая точка его развития в земных условиях; совокупное отражение материи в человеческом сознании; информационные результаты такого отражения позволяют субъекту (личности, коллективу, обществу) пересоздавать доступную ему часть материального мира.

Идеальное — особое качество внутреннего (субъективного) мира, возникающее на базе высокоорганизованной материи, природной (мозга) и социальной (деятельности личности в обществе), но не сводимое по своей сущности к этим материальным основам.

Психика (от греч. *psyche* — душа; *psychikos* — душевный) — самый высокий, образно-знаковый уровень отражения действительности и управления своим поведением у существ, наделенных в ходе биоэволюции центральной нервной системой и головным мозгом; способность высших животных и особенно людей адекватно воспроизводить действительность с помощью наглядных образов и условных знаков, сообразовывать свои действия с идеальной целью и планом ее достижения.

Душа — для религии и верующих в нее людей представляет собой божественное начало в человеке; вечную и нетленную частицу людского бытия, благодаря которой в нём воплощается Провидение Божие; тот момент личности, который не исчезает со смертью тела, но переселяется в иной мир для жизни вечной.

Душа как понятие науки представляет собой взаимосвязь всех психических процессов индивида; системный эффект его ощущений, мыслей, чувств, воли, памяти; весь внутренний мир человека.

Душа в рамках жизненной практики чаще всего понимается с акцентом на ценностной, морально-этической стороне личности, которой она обращается к своим близким (мы говорим, например, «низкая душонка», «безддушный» применительно к плохим людям, и «высокая душа», «душевный» о людях хороших).

Сознание — совокупность высших психических функций Человека разумного; возникая в зачаточных формах у высших животных, особенно приматов, оно вполне свойственно только людям — с их способностью к абстрактному мышлению, познанию и самопознанию; страстям и мечтам, творческому воображению.

В сказочном рассказе А. Сапковского «Вечный огонь» фигурируют оборотни-доплеры. Они могут превращаться в того, на кого посмотрят. «Неведомым образом, — объясняет Геральт, доплер точно копирует также и психику оригинала.

— Пси... что?

— Ну, свойства разума, характер, чувства, мысли. Душу».

Психология — отделившаяся от философии только в XIX–XX вв. наука о закономерностях информационного взаимодействия животных и человека с действительностью; о душевном складе людей, устройстве и функциях их внутреннего субъективного мира.

Природные предпосылки сознания позволяют понять его естественно-историческое происхождение и его же место, предназначение в реальном мире

земной жизни. Не проследив этих природно-общественных основ сознательной психики, мы обречены считать её сверхъестественным чудом, загадочным даром людям малопонятно откуда.

Ключевое понятие научной, материалистической психологии — **отражение**. В этом качестве философской категории оно далеко не сводится к оптическим процессам зрительного восприятия. Зеркало и т.п. варианты отражения — частный его случай. Отражение в широком смысле этого слова присуще всей материи. В этом, фундаментальном для природы качестве отражение представляет собой *способность одних материальных объектов воспроизводить особенности других в результате взаимодействия данных объектов друг с другом*. Следы на почве, редупликация ДНК, фотография, речь, обучение иностранному языку — вот взятые наудачу образчики одного и того же, по сути, свойства — отражения, только в разной степени развитого.

Структура акта отражения:

- воздействие одного предмета на другой или же (чаще) их *взаимодействие*;
- *изменение* состава, структуры или функций одного объекта или обоих под влиянием их взаимодействия;
- *частичное уподобление* одного из взаимодействовавших объектов другому; сохранение каких-то «следов» взаимодействия после его прекращения; *перенос информации* о воздействовавшем объекте на подвергшийся таковому влиянию.

Общие особенности любых процессов отражения и их корреляты на уровне человеческого сознания.

1. Материальные предпосылки и носители отражения. Любое отражение включено в физико-энергетические процессы взаимодействия материальных объектов и систем; существует только на их основе.

Так и сознание возникает и существует только при наличии:

- во-первых, развитого *головного мозга*, непосредственногоместилища психики; всей нервной системы и, наконец, *целого организма* человека в его онтогенезе;
- во-вторых, чувственно-предметной, *практической деятельности* самого индивида с искусственными орудиями и технологиями;
- в-третьих, *общения* формирующейся личности с людьми, стоящим за ними миром человеческой культуры (язык, социальные нормы, духовные ценности).

В целом, путь формирования психики и затем ее сознательных отделов — *пролегал от действия к мысли*. Благодаря чему внешние схемы физического действия переходят во внутренний план психики (психологи называют эту магистраль становления сознания *интериоризацией*).

2. Вторичность отражения по отношению к отражаемому объекту. Отраженное качество всегда прямо зависит от характера этого последнего. Отражением вправе называться лишь *копия* (причем более или менее верная) чего-то

иного, внешнего по отношению к себе и своему носителю. Проще говоря, зеркало отразит того, кто в него поглядится. Но оживает зеркальное изображение только в сказках.

Так и психика, особенно сознание остаются работоспособными лишь при условии своей адекватности, соответствия в конечном счете действительности. Окончательный отрыв от реальности в этом случае представляет собой психиатрическую патологию (вроде шизофрении). Сказанное не надо понимать как отрицание особой реальности выдуманного художниками мира искусства или сформулированной учеными системы научных абстракций; у таких субъективных миров свои законы истинности, правдивости, требующие своего соблюдения их творцами и пользователями.

3. Своеобразие отражение в зависимости от особенностей *отражающего объекта* (в случае психического отражения называемого субъектом). Например, след упавшего камня на воде, песке или другом камне будет совсем разным. Наш собственный облик в хорошем зеркале, мутной луже или же начищенном самоваре отразится неодинаково. Дальтоник увидит мир по-своему, не говоря уже о слепоглухонемом человеке (таких тоже обучают по специальной методике с использованием тактильных ощущений, а некоторых даже проводят таким путем до уровня высшей школы).

Сознание в данном плане во многом предопределяется как наследственностью, генетической предрасположенностью индивида к тому или другому типу поведенческих реакций, так и условиями его жизни, особенно в детстве, когда формируется индивидуальность. В указанных смыслах известный тезис марксизма о том, что бытие определяет сознание отчасти справедлив. Как говорится, во дворцах мыслят и ведут себя в чём-то иначе, чем в хижинах. А отчасти потому, что сформировавшееся сознание в дальнейшем отражает действительность уже избирательно своей системе ценностей и целей своего обладателя — личности.

4. Наконец, результат всякого отражение зависит не только от одного или другого из взаимодействующих объектов, но и от *самого процесса взаимодействия обоих связанных отражением объектов*; условий, эффекта встречи двух разных предметов. В отражении всегда рождается что-то новое по сравнению с исходными состояниями компонентов соответствующей ему материальной системы. Так, химические реакции, стаи животных, группы людей образуют как правило новое — системное качество, которым не обладают отдельные индивиды в их составе.

Творческая природа сознания предполагает не только и не столько пассивное следование за наличным состоянием действительности, но и проектирование ее желательного будущего, путей его достижения.

Опережающее отражение реальности (термин П.К. Анохина) достигает здесь, с помощью человеческого сознания, своего максимума.

Хотя опережающее ход событий отражение мира появляется в зачатке уже у инфузорий, а выраженную форму приобретает ещё у насекомых (которые,

допустим, укрываются от дождя до его начала, по первым признакам ухудшения погоды — падению атмосферного давления, потемнению небосклона, шуму ветра и т.п.). Эта способность к опережающему отражению действительности основывается на отражении живыми существами циклов природных явлений — смены дня и ночи, сезонов года, колебаний температуры, т.п. Мириады раз отвечая на такого рода циклические факторы среды, однотипные организмы все убыстряли свои реакции на них. В конце концов те особи, что выжили в борьбе с природой за свое существование, смогли реагировать *досрочно* — на первые же звенья определенного цикла, которые, таким образом, выступают для них в качестве *сигналов* будущих стадий цикла. На базе опережающего отражения действительности развивается психика как регулятор целесообразного поведения вообще, не обязательно в строго стандартных ситуациях, каковы природные циклы.

В неорганической природе процессы отражения отличаются определённой пассивностью — в том смысле, что его результаты не расшифровываются их носителями и практически не влияют на их дальнейшее существование. Живая природа активизирует способность материи к отражению, поднимает соответствующие процессы до уровня саморегуляции организмов и биоценозов. Биологические формы отражения отличаются избирательностью, способностью организмов к более или менее творческому отношению к поступающей в их сенсорные датчики информации.

С понятием отражения тесно связано **понятие информации** (от лат. *informatio* — ознакомление, разъяснение). Оно получило широкое распространение в связи с появлением новых средств связи и управления во второй половине XX в. (от телефона с телеграфом и до компьютеров). С этих времён информация так или иначе отличается от родственных выражений («знания», «сведения» и т.п.). Прежде всего тем, что информация измерима *количественно*; а кроме того, информация в значительной степени *обезличена*, носит межсубъектный характер. *Понятие знания*, в таком случае, чаще связывают с личностным опытом, умением действовать в проблемных ситуациях. Вот, допустим, военный имеет информацию о противнике — сумеет ли он найти самый верный путь к победе? То же врач, педагог, да кто угодно в мире сложной деятельности. Студентам выдаётся в принципе одна и та же информация. Откуда же тогда разделение на двоечников и отличников? Информация может быть одна для всех её субъектов, а вот используют её по-разному.

Основы общей теории информации были заложены в книге К. Шеннона и У. Уивера «Математическая теория связи» (1949). Эти авторы предложили вероятностные методы определения количества информации; ввели схему информационно-связи (источник информации, передатчики, линия связи, приёмник, адресат, источник помех); сформулировали теоремы о пропускной способности, помехоустойчивости, кодировании и других характеристиках информационных процессов.

Клод Шеннон обосновал *вероятностную теорию информации*. Он предложил понимать информацию как *меру определённости* той или иной ситуации, момент поведения системы. Противоположностью информации в этом случае выступает *энтропия*, т.е. мера неопределённости, неупорядоченности любой системы, идущей к своему распаду. Неопределённость возникает в том случае, если по причине отсутствия или недостатка информации необходим выбор из двух или большего числа возможностей. Информация позволяет её получателю уменьшить неопределённость, организовать систему, выбрав правильный шаг. Для общей теории информации не суть важно, стихийно это происходит (как в живой природе), или же сознательно (как у людей).

Основоположник кибернетики *Норберт Винер* распространил информационный подход на процессы управления и связи в природе (организме), человеческом обществе и работе машин (в особенности компьютеров, специально предназначенных для накопления и переработки информации на основе ее электронного кодирования). Слово «кибернетика» по-гречески означала науку управления (кораблём, затем и государством — в Платона). Взгляды Винера и его последователей стали теоретической основой научно-технической революции. Начиная с 1960-х гг. в производстве товаров и услуг всё шире начали распространяться процессы *автоматизации* — когда результат получался без непосредственного участия человека. На его долю остались процессы конструирования, наладки, контроля, ремонта. А дальше машины всё делали сами. Появились автономные роботы. Это был ещё один удар — после Коперника и Дарвина — по привычной европейцам идее антропоцентризма. В очередной раз оказалась ограничена уникальность человека. Компьютеризированные роботы уже обыгрывают чемпионов мира по шахматам. Японцы обещали к 2050 г. создать команду роботов, которая станет чемпионом мира по футболу. Почти готовы машины, которые можно будет включать мысленно и управлять ими словами.

С конца 1970-х годов теорию восприятия, передачи и переработки информации чаще стали называть *информатикой* (калька с французского). По-английски теперь говорят о том же самом как *computer science* (вычислительная наука) или же *control science* (наука об автоматизированных системах управления). Старый винеровский термин сохранился в наименовании киберпространства Глобальной сети, его производных (киберденьги и т.п.); в фантастических романах (и в реальных технических проектах) действуют «киборги» — организмы, включающие технические компоненты. Наконец, заговорили о кибернетической физике. Она изучает возможности управления мельчайшими — молекулярными и квантовыми системами. Соответствующие методы лежат в основе столь модных сейчас *нано-* и *фемтотехнологий*. С их помощью воздействуют на естественный ход химических реакций, проектируют квантовый компьютер. Человек получает возможность влиять на микромир и установить границы этого влияния.

Таким образом, процессы информации, вычисления и управления теперь рассматриваются в одной системе. Иначе говоря, оформилась и бурно развивается новая междисциплинарная наука — *о сетевых системах* и методах управления ими (в природе, технике, обществе).

Важно подчеркнуть, что *информации нет без какого-то материального носителя*; что она качественно отличается в неорганической природе; в биологических системах (живых, самоуправляющихся телах); в поведении сознательных существ.

С точки зрения теории информации человеческое сознание представляет собой один из механизмов выработки, передачи, приёма, преобразования, накопления и использования информации самого разного рода. В рамках этого подхода оставляются в стороне личностные, субъективные стороны психики людей; обращается внимание на то, что объединяет её работу с техническими устройствами обработки информации (компьютерами и т.п.). Информационные характеристики дополняют определение человеческого сознания как отражения, подчёркивают его творческий характер.

Этапы развития биологического отражения.

Его элементарной формой служит *раздражимость*. Она свойственна уже простейшим организмам и растениям. Предполагает наличие отдельных нервных клеток. Представляет собой способность всякого живого тела избирательно, направленно реагировать на *биотические* (жизненно важные для обмена веществ) факторы внешней и внутренней среды. Реакция раздражимости состоит в структурной перестройке или функциональных изменениях, передвижениях раздражённого тела в пространстве. Примерами такой реакции могут служить таксисы простейших, настии многоклеточных, тропизмы растений (допустим, гелиотропизм подсолнечника и т.п.).

Чувствительность как более сложная форма биологического отражения позволяет существам с *нервной системой* реагировать уже на *абиотические*, но *сигнальные факторы* среды (так, скажем, по запаху, свету, звуку, которые сами по себе прямо на обмен веществ не влияют, рыбы или птицы, не говоря уже о млекопитающих, оперативно ориентируются насчет опасности или же источников питания). Чувствительность позволяет организму заблаговременно и быстро ориентироваться среди благоприятных, необходимых ему, нейтральных и вредных, угрожающих факторах среды; устанавливать с ней подвижные, управляемые связи. Благодаря появлению в ходе эволюции чувствительности отпала необходимость формировать все новые и новые органы тела для приспособления к изменяющейся обстановке жизни высших существ.

Дальнейшее развитие чувствительности в филогенезе порождает самое сложное и адекватное — психическое отражение действительности. Ее начальной формой выступает *ощущение*. Оно возникает в результате *непосредственного* воздействия *отдельных свойств* среды на органы чувств (анализаторы) высших животных и человека. *Процесс ощущения* складывается из соприкосновения световых, звуковых волн, молекул химических веществ с периферийной частью анализатора (рецептором); кодирования соответствующих факторов и их передачи в виде дискретных электрохимических импульсов в центральную часть анализатора, где и возникает собственно ощущение как первоэлемент психики, условная модель тех или иных свойств отражаемых объектов (цвет, температура, форма, боль, комфорт и т.д., и т.п.).

Виды ощущений зависят от качества рецепторов и их всевозможных сочетаний (зрительные, осязательные, слуховые, вкусовые, обонятельные, их многочисленные комбинации).

Природа ощущений — *объективно-субъективная*. Что-то в них зависит от физической природы отражаемых объектов, а что-то от качества самих рецепторов. Например, ощущение красного цвета определяется определенной длиной световой волны и нормальным зрением человека. Пропорция объективного и субъективного в разного рода ощущениях и ситуациях отражения варьируется весьма широко (от стереоскопически полного отражения до иллюзий, галлюцинаций фантомного класса).

Восприятие — целостная сумма нескольких ощущений, дающих в совокупности единый образ того или другого объекта, непосредственно воздействующего на органы чувств. Восприятие выделяет именно данный предмет на его общем фоне; моделирует его в идеальном плане психики по законам подобия, симметрии и перспективы; воспроизводит форму, величину, фактуру поверхности, положение в пространстве данной вещи, некоторые другие её интегральные характеристики.

Восприятие предполагает наличие головного мозга, разветвленные органы чувств и развитые средства коммуникации. Благодаря восприятию элементарная психика сменяется в ходе эволюции животного мира перцептивной, т.е. образной. Для нее характерно системное и углубленное отражение действительности, а значит и более успешное приспособление к ней организма.

Представление — это восприятие, сохраненное в памяти и чаще всего дополненное воображением, а то и преобразованное фантазией. Эта форма психики увенчивает её сенсорно-перцептивную сферу, обеспечивает связь прошлого и будущего в онтогенезе.

Перечисленные формы психики до известной степени общи животным и человеку. Однако у человека они обогащаются более высокими психическими способностями — абстрактным мышлением прежде всего.

Безусловный рефлекс возникает в результате длительного, на протяжении ряда поколений функционирования целой популяции животных, наделенных психикой. Это элемент видовой, причем врожденной программы их поведения. Цепная последовательность безусловных рефлексов называется *инстинктом* и передается всем представителям данного вида по наследству.

Инстинктивные реакции организмов отражают важнейшие, но только стабильные, стандартные для их жизнедеятельности условия среды. Пчелы, допустим, инстинктивно летят на поиски цветочной пыльцы, а найдя её — обратно в улей; охотничьи собаки ищут и задерживают дичь; в служебные — обслуживают команды своих хозяев. Сила инстинкта в его постоянстве. Невозможно заставить животное нарушить инстинктивную программу его видового поведения, при наличии достаточно сильных раздражителей; оно скорее «сломается» психически, даже погибнет, чем изменит пищевому, половому, охотничьему и т.п. инстинктам. Слабость инстинкта — в его стандартизованности, схематизме. Инстинктивное поведение бессознательно; оно неспособно реагировать на изменения условий среды, даже если они обесмысливают поведение (скажем, гончие и борзые собаки преследуют муляж вместо настоящего зайца; пчелы продолжают свою работу, даже если выкачать собранный мед из улья; и т.п.).

Условный рефлекс позволяет высшим животным дополнять инстинктивную основу своего поведения более гибкими, приспособительными реакциями

к некоторым из новых факторов среды их обитания. Но эти факторы в свою очередь достаточно стандартные; их учет обеспечивает лишь приспособление к среде, но бессильно ее изменить в нужную организму сторону.

Лишь *интеллект* как *способность к мышлению*, творческому анализу и прогнозу, *решению нестандартных задач*, «достраивает» психику до сознательного, целеполагающего и целеосуществляющего уровня. Зачатки интеллекта, его спорадические проявления мы можем наблюдать у некоторых пород животных (дельфины, приходящие на помощь друг другу и людям в океане; птицы, разбивающие твёрдые предметы, бросая их с высоты на камни; собаки, понимающие настроения хозяев; обезьяны, особенно шимпанзе, которые умеют при несложном обучении курить, носить одежду, есть за столом из тарелки, играть на музыкальных инструментах, общаться друг с другом и с людьми на жестовых языках, и т.п., о чём говорилось в предыдущей лекции). Однако в полном объёме и постоянно сознание присуще только людям.

Мозг и психика. Их соотношение представляет важнейшую тему философии и науки, которая называется **психофизиологическая проблема**. Соотносятся ли и как именно материальные (нейробиологические) процессы нервно-мозговой деятельности, с одной стороны, и психические переживания, душевные функции индивида, с другой?

Идеализм отвечает на этот вопрос в общем отрицательно. Представители этого направления в философии полагают дух первичным по отношению к материи, высшей реальностью по сравнению с низменной материей тела и, в частности, мозга. Мысль, идея предсуществует, по их мнению, в некоем сверхъестественном, идеальном мире; вне и независимо от мозга, который в лучшем случае выступает проводником идей к индивидуальному сознанию. Причем *объективный идеализм* (в лице Платона, Гегеля, Шопенгауэра, других великих мыслителей, в особенности богословов) полагает источником психики некое Мировое начало (Бога, Идею, Абсолютный дух, Космическую волю, т.п.). А *субъективный идеализм* (Дж. Беркли, Э. Мах и прочих солипсистов) находит единственной реальностью — внутренний мир индивидуальных ощущений, вне которых остается по сути непознаваемой все остальное, внешнее бытие.

Вульгарный материализм (К. Фогт, В. Бюхнер, Я. Молешотт — основоположники) считает психику разновидностью материи; надеется свести идеальные процессы в душе и уме человека к свойствам его мозговой ткани.

Дуализм (Р. Декарта, В. Г. Лейбница и др.) постулирует полную независимость души и тела; в том числе так сказать параллелизм мозга и психики.

Научный материализм (утвердившийся в биологии и философии благодаря трудам русских в первую очередь исследователей — И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, А.А. Ухтомского и их сподвижников) полагает головной мозг необходимым органом психики, ее природным носителем и центром. Экспериментальные и теоретические достижения современной нейробиологии превратили материалистическую концепцию психики в надежно аргументированную теорию.

В то же время, нельзя полностью сбрасывать со счетов аргументацию идеализма и дуализма. Они в принципе верно обращают внимание на важней-

шие — надличностные (общественные) и межличностные (коллективные) условия функционирования мозга как органа психики и особенно сознания; относительную автономность психики, ее творческую силу по отношению к объективной реальности.

Сложная *система головного мозга* людей включает в себя (по И.П. Павлову, А.Р. Лурия и другим представителям отечественной нейробиологии) три основных подсистемы:

- *энергетический блок тонуса*, расположенный в глубине мозговых образований серого вещества; состоящий из его филогенетически старейших отделов — подкорковых, которые отвечают за регуляцию химического обмена веществ в организме + ретикулярная (сетевидная) формация, где возникают импульсы возбуждения, которая питает энергией мозговую кору;

- *информационный блок* — задние отделы больших полушарий, теменно-височно-затылочные области мозга, отвечающие за прием, переработку и хранение информации из внешнего и внутреннего миров; прежде всего — зрение, другие ощущения, восприятия, представления, вообще первую сигнальную систему; память;

- *блок, программирующий поведение* — лобные доли коры больших полушарий, ответственные за выработку и сохранение намерений, планов деятельности, контроль за ее ходом; они же осуществляют перевод в речь, на уровень второсигналов (слов) данных первой сигнальной системы (рефлексов).

Сущность идеального. Идеальная по своей природе *психика* — это *функция* высокоорганизованной материи (мозга, ЦНС, целого организма). Психики и, в частности, сознания нет без этой материальной субстанции. Но к ней одной психика никак не сводится. Сущность психики заключается не только и не столько в нейронах мозга, сколько в поведении наделенного мозгом индивида в обществе себе подобных. Идеальные явления психики не обладают никакими свойствами материи, ни физической, ни биологической. А именно, психика внепространственна, не имеет однозначной локализации. Она «находится» не только в отдельных зонах мозга, но и «внутри» общественных отношений между людьми, в «пространстве» общения и практики человека). Временные рамки её функционирования также своеобразны (мысль, чувства созревают не сразу, но обнаруживают себя в сознании моментально). Психику на индивидуальном уровне образуют все те мысли и переживания, которые сопровождают жизнь человека. А на уровне социальном психика представлена над- и межличностными комплексами идей, идеалов, норм и т.п. продуктов и моментов общественного сознания и коллективного бессознательного.

Будучи производным от материи, и природной, и общественной, сознание обретает определённую самостоятельность. Оно существует в русле культурных традиций многих поколений людей. А кроме того, сознание активно влияет на материю — посредством практики человека, которая частично, но постоянно преобразует мир, в котором мы живем.

Психологическая структура идеального складывается из нескольких тесно связанных, переплетающихся друг с другом процессов, которые все вместе и образуют внутренний, субъективный мир человека, управляют его поведением.

1. Эмоции (чувства, переживания) фило- и онтогенетически первичны, представляют собой древнейшие и фундаментальнейшие для жизнедеятельности организма психические реакции. Латинское слово «*emovere*» означает возбуждать, волновать. Отсюда эмоция суть душевное переживание тех или других воздействий со стороны внешней и внутренней среды организма, наделенного психикой.

Виды эмоций разнообразны и амбивалентны. Все они делятся обычно на *астенические* (расслабляющие организм) — скука, печаль, тоска, страх, ужас, нежность, любовь, т.п., с одной стороны, и *стенические* (мобилизующие), с другой, — увлеченность, радость, решимость, восторг, грубость, ненависть, т.п. Как видно, в зависимости от ситуации, эмоциональное переживание способно переходить из одной крайности в другую.

Особенности эмоциональной сферы психики:

- непосредственность, *спонтанность* эмоциональной реакции на те или иные раздражители; она происходит во многом бессознательно и лишь отчасти контролируется индивидом; эмоции «подсказывают» человеку, как ему лучше отреагировать на те или другие события, чтобы лучше выжить; возможно при сильном напряжении остальных отделов психики контролировать внешние проявления эмоций, но освободить от них психику полностью невозможно; гораздо чаще эмоции подчиняют себе психику целиком и диктуют индивиду линию поведения, особенно в экстремальных ситуациях;

- *суммарность* эмоциональной оценки переживаемой индивидом ситуации окрашивает ее в тот или другой психологический оттенок (условно говоря, черный, белый, серый или красный; полутонов, оттенков эмоции не воспроизводят);

- *субъективность* любой эмоции — она отражает прежде всего интересы, потребности данного индивида и с его точки зрения определяет качество того или иного раздражителя (вредно, полезно, нейтрально именно мне); так что одно и то же событие способно вызвать радость одних людей и горе других.

Как видно, эмоции позволяют организму действовать в условиях острого дефицита времени и информации; реагировать на непредсказуемый ход событий; решать головоломные задачи. Они готовят организм к решению сложной задачи или помогают ее решать, мобилизуя в ту или иную сторону практически все его биологические функции.

Эмоциональные реакции, особенно базовые, во многом одинаковы у высших животных и у человека.

Компоненты любой эмоции:

- биохимические и физиологические *процессы перестройки организма* на оптимальный для ситуации режим работы (вегетативно-сосудистые и эндок-

ринные центры в первую очередь, отвечающие за ритм сердцебиения, артериальное давление, дыхание, тонус мышц, размер зрачков, потоотделение и т.д.);

- *внешнее выражение* эмоционального состояния — мимика, жесты, цвет кожи, тембр голоса, походка, прочие телодвижения;
- *внутренние душевные переживания*, субъективное ощущение подъема или упадка жизненных сил.

Отмеченная структура очень типичной для человека эмоции ярко выражена в следующем стихотворении Марии Петровых (1941 г.):

Не взыщи, мои признанья грубы,
Но они под стать моей судьбе.
У меня пересыхают губы
От одной лишь мысли о тебе.

Воздаю тебе посильной данью —
Жизнью, воплощенною в мольбе.
У меня заходится дыханье
От одной лишь мысли о тебе.

Не беда, что сад мой смяли грозы,
Что живу сама с собой в борьбе.
Но глаза мне застилают слёзы
От одной лишь мысли о тебе.

Типы эмоций различаются по их, так сказать, размеру, интенсивности переживания:

- *настроение* — приглушенный, слабо выраженный, зато более длительный, «размазанный» на несколько дней эмоциональный тон всего поведения (приподнятое, подавленное, умиротворенное);
- *чувство* — нормальная по размеру переживания эмоциональная реакция на то или иное событие, адекватный ответ на определенную новость;
- *аффект* — бурное, взрывное «выплескивание» очень сильных, бьющих через край сознания эмоций; в быту именуется истерикой, скандалом; в юриспруденции — «внезапно возникшим сильным душевным волнением»;
- *страсть* бывает не только любовной, но и творческой, игровой, т.п.; это своего рода гибрид аффекта и настроения — довольно сильная, но длительная, «застраившая» эмоция на ту или иную задачу деятельности; она оттесняет на второй план остальные чувства подавшегося страсти человека;
- *темперамент* — врожденный и потому пожизненный тип нервной системы, который определяет склонность индивида к тем или иным видам эмоциональной реакции; известные со времен Гиппократов четыре темперамента редко встречаются в чистом виде, по отдельности; чаще их моменты сочетаются по несколько у одного и того же индивида.

Эмоциональная культура воспитанного человека состоит в том, чтобы своими чувствами меньше мешать окружающим и не создавать лишних проблем самому себе. Профессинал в особенности не может позволить себе бесконтрольное проявление чувств на работе. Эмоциональная распушенность должна настойчиво пресекаться уже с детства. По внешнему виду, выражению лица, мимике и жестам воспитанного, интеллигентного человека

трудно угадать его душевные переживания. Такой человек очень редко может позволить себе аффективную реакцию. Во всяком случае, он просчитывает её последствия для себя и окружающих. Для нормализации общения можно рекомендовать асимметричную реакцию на эмоции собеседника, сотрудника. А именно, с истериком лучше справляться, сохраняя ровный тон, спокойствие. И наоборот, расчётливого наглеца лучше прямо обругать («послать подальше»), а не идти у него на поводу.

Воля — это не особая часть психики, но сознательная координация разных ее функций, отдельных подсистем (интеллекта, эмоций, памяти). Разумная саморегуляция человеком своего поведения. Способность к осмысленному выбору цели деятельности и внутренние усилия, необходимые для ее достижения *несмотря на различные препятствия*.

Ведь не всякое внутреннее побуждение к действию носит волевой характер. Прямое удовлетворение биологических и прочих потребностей (в еде, питье, комфорту и т.д.) не требует никакой воли. Она возникает, наоборот, когда надо удержаться от чего-то приятного, полезного, испытать неприятное, вредное, — ради того, чтобы *в будущем* решить какую-то более важную для личности и часто для коллектива, общества задачу. Воля, как правило, состоит в способности поставить интересы коллектива выше личных. Это некий барьер, который сознание ставит наперекор потоку сиюминутных потребностей, импульсивных реакций. Воля ставит преграды на пути мешающих отдаленным целям побуждений, чувств, соблазнов.

Формула воли отнюдь не «Я хочу», «Мне надо», но «Я должен», «Я обязан» сделать что-то. Родовой девиз дворянской семьи Суворовых гласил: «Обязан — значит могу». Один из романтических героев романа Дж. Конрада «Сердце тьмы» (по мотивам которого Ф.Ф. Coppola поставил известный фильм «Апокалипсис сегодня») говорит другому: «Сделай или умри». Так резко формула воли гласит очень редко и далеко не всем, только в экстремальных обстоятельствах. Но пафос воли передан этими афоризмами ёмко.

Структура волевого акта подразумевает:

- побуждение к поступкам, ведущим к избранной цели;
- удержание от других поступков, которые помешают первым, задержат их;
- подчинение цели всех психических способностей (ума, эмоций, памяти). Или, как писал Р.Киплинг в стихотворении “If...” (“Если...”):

If you can force your heart and nerve and sinew
To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: «Hold on!»

Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело
И только Воля говорит: «Иди!» (Перевод М. Лозинского).

Правда, *размеры воли* не должны достигать патологической величины. Слабоволие, безволие — недостатки характера, но и ни перед чем не останавливающаяся воля сплошь и рядом приносит вред своим и чужим, иногда непоправимый. Сильная воля по пустяковым, в сущности, поводам — не что иное, как упрямство. Сильная воля по отношению к слабым, беззащитным существам — самодурство.

Вспомним замечательный рассказ Н.С. Лескова «Железная воля».

Память — обратное отражение действительности; способность к запечатлению и воспроизведению в нужный момент прежнего опыта; сохранению и дальнейшей использованию когда-то обретенной нами информации.

Это фундаментальное свойство нервной системы, тем более психики, которую память как бы скрепляет, «цементируя» в одно целое прошлое, настоящее и будущее в жизни индивида.

Факторы запоминания:

- эмоциональная окраска; если она позитивная, информация запоминается лучше и больше;
 - логический анализ запоминаемых сведений, т.е. понимание их сути и разбивка на смысловые части;
 - внешняя мотивация (награда, наказание, долг и т.п.)
- Вот ещё одна поэтическая иллюстрация избирательной памяти:

Странник прошёл, опираясь на посох, —
 Мне почему-то припомнилась ты.
 Едет пролётка на красных колёсах —
 Мне почему-то припомнилась ты.
 Вечером лампу зажгут в коридоре —
 Мне непременно припомнишься ты.
 Чтоб ни случилось, на суше, на море
 Или на небе, — мне вспомнишься ты.

Признавался В.Ф. Ходасевич 11 апреля 1922 г. в Петрограде.

Разновидности памяти:

- механическая и смысловая;
- кратковременная (от нескольких секунд до 2–3-х суток) и долговременная (на месяцы и годы);
- символическая (словесная и логически-мысленная), эмоциональная, зрительная (образная), физическая (двигательная, осязательная, обонятельная, вкусовая)

Патология памяти (амнезия) колеблется от широко распространенной рассеянности, забывчивости до так называемого синдрома Корсакова, показателя распада личности под влиянием болезни или преклонного возраста.

Вытеснение фрагментов пережитого опыта из памяти происходит согласно сложному переплетению факторов, в первую очередь эмоциональных. «Бард» А.М. Городницкий написал об этом так:

Сильный и бессильный, винный и безвинный,
 Словно в кинофильме («Восемь с половиной»)
 Забываю числа, забываю даты,
 Вспоминаю женщин, что любил когда-то.

Тех домов обои, где под воскресенье
 Я от ссор с собою находил спасенье.
 Обстановку комнат помню до детали.
 Одного не помню — почему расстались.

Вспоминаю нежность их объятий сонных
 В городах заснеженных, в горницах тесовых.
 В теплую Японию улетали стаи.
 Одного не помню — почему расстались ...

Огромную роль в мнемических процессах играет сон. Переход информации из кратковременной в долговременную память происходит, скорее всего, в парадоксальной фазе (самого глубокого) сна. Можно сказать, что тот, кто спит мало, поверхностно, тот и не полностью бодрствует. Причём запоминание новой порции информации требует забывания чего-то из прошлого опыта.

Память играет ведущую роль только для нескольких профессий, связанных с важными подсчётами, распознаванием массы признаков. Для большинства людей их среднюю по возможностям память дополняют различные справочники, а в последнее время и компьютерные базы данных. Забывчивость — это тот недостаток психики, который скорее всего можно простить и понять (в отличие от дефицита воли, эмоциональной отзывчивости или интеллекта).

Историческая память целого народа, социального слоя, другой группы людей предполагает извлечение уроков из прошлого на будущее. Кто не желает поддерживать традиций своего общественного класса, профессии, землячества, не должен рассчитывать на поддержку коллег, земляков, единомышленников.

Понятие искусственного интеллекта возвращает нас к теме кибернетики и информатики. Появится ли когда-нибудь компьютер, который превзойдёт наш мозг по умственным и управляющим способностям? Означают ли победы машины над лучшими из живых шахматистов начало решения этой задачи? Сложилось два ответа на эти вопросы. Положительный верит в чудеса техники, которые создадут в конце концов искусственный разум на небелковой основе. Отрицательный признает проблему частично: отдельные функции мозга машины усилят, а другие никогда не смогут в силу их иррациональности, ценностного характера. Можно ли смоделировать эмоции, в особенности их сложные сочетания вроде любви, ненависти, юмора? Этот сюжет уже обыгран в фантастических романах (например, у С. Лема) и ответ на него представляется, по крайней мере лектору, отрицательным. Выражение «искусственный интеллект» не даром часто заключают в кавычки — чтобы отличить такие явления как пресловутый «киберсекс» или сочинённые компьютером ноты или строфы от любви, музыки и стихов. Принципиальное ограничение возможностей «искусственного интеллекта» ничуть не принижает его действительно фантастических достиже-

ний (по распознаванию образов, ментальных импульсов и т.п. очень сложных технических новинок). Но заниматься любовью с резиновым «телом», даже начинённым волшебной электроникой, нормальный человек никогда не станет.

* * *

Как видно, психика человека представляет собой целый микрокосм, который мириадами информационных нитей связан с макрокосмом внешних — природного и социального миров. Вместе с тем психика обладает значительной автономией, моментами достигает суверенности. Бытие в такой же степени определяет сознание (согласно марксистской формуле), в какой сознание определяет бытие человека и, в конечном счете, общества, а отчасти даже земной природы. Общаясь и взаимодействуя с людьми, нужно помнить: их реакции на окружающий мир и на собственные потребности, цели во многом типичны, носят общечеловеческий характер. Однако за этим сходством кроются неизмеримо большие различия, обусловленные, в особенности, творческой природой души, её беспримерной сложностью, открытостью новому, беспредельному.

Приложение

В.В. Ерофеев
Москва — Петушки
Поэма

«... Ну, конечно, все они считают меня дурным человеком. По утрам и с перепоею я сам о себе такого же мнения. Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который ещё не успел похмелиться! Зато по вечерам — какие во мне бездны! — если, конечно, хорошо набраться за день, — какие бездны во мне по вечерам!

Но — пусть. Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грёз, и усилий — он очень дурной, этот человек. Утром плохо, вечером хорошо — верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянь, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек. Не знаю, как вам, а мне гадок.

Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и закату тоже рады, — так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому одинаково скверно и утром, и вечером — тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченный подонок... Потому что магазины у нас работают до девяти, а Елисейевский — тот даже до одиннадцати, и если ты не подонок, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустячной бездны...

И если я когда-нибудь умру — а я очень скоро умру, я знаю, — умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв, — умру, и Он меня спросит: «Хорошо ли было тебе там? Плохо ли тебе было?» — я буду молчать, опущу глаза, и буду молчать, и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья. Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? И затмение души тоже? ...»

11. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Теоретический минимум

1. Зигмунд Фрейд, его жизненный и творческий путь.
2. Основные положения классического психоанализа. Структура и функции бессознательной психики и её соотношение с сознанием человека.
3. Продолжатели и реформаторы психоаналитической теории и практики (А. Адлер, К. Юнг, Э. Фромм, Ж. Лакан и др.). Влияние фрейдизма на культуру и искусство XX века.
4. Психоанализ и медицина.

Литература

Лекция 11.

Введение в философию М., 2003 (Разд. I, ч. IV. 4 «Философия психоанализа»).

Марков Б.В. Философия. СПб., 2003 (Гл. 5. 6–8 «Сознание и бессознательное»; «Стадия зеркала»; «По ту сторону знания, власти и сексуальности»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е тзд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. XI. § 6. «Сознание и сфера бессознательного»).

Гипперейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 1988 (Лекции 5–6 «Неосознаваемые процессы»).

Овчаренко В.И. Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994.

Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда. Анализ его личности и влияния. М., 1996.

Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 4.

Алексеев П.В. Мировоззрение З. Фрейда // Философские науки. 1990. № 12.

Бриттон Р., Фельдман М., Шонесси Э. Эдипов комплекс сегодня: клинические аспекты. М., 2012.

Геген Н. Наука нравиться. Любовь и флирт в зеркале психологии. М., 2012 (Прикладная психология).

Готтман Дж. Мужчины и женщины с одной планеты. М., 2012.

Джонс Э. Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда. М., 1907.

Зигмунд Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур (Материалы российско-австрийской конференции) // Вопросы философии. 2000. № 10.

Зимановская Е.В. Современный психоанализ: теория и практика. СПб., 2011.

Куттер П., Миллер Т. Психоанализ: введение в психологию бессознательных процессов / Пер. с нем. М., 2012 (Университетская психология).

Лекторский В.А. О некоторых философских уроках З. Фрейда // Вопросы философии. 2000. № 10.

- Лоренцер А. Археология психоанализа. Интимность и социальное страдание. М., 1996.
- Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.
- Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. М., 2007.
- Рубенфельд Д. Убийство по Фрейду / Пер. с англ. М., 2007.
- Руткевич А.М. Фрейд-гуманист // Человек. 1990. № 4.
- Сартр Ж.-П. Фрейд. М., 1992.
- Столороу Р., др. Клинический психоанализ: интерсубъективный подход / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2011 (Библиотека психоанализа).
- Шерток Л., Де Соссюр Р. Непознанное в психике человека. М., 1982.
- Шерток Л., Де Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991.
- Ярошевский М.Г. Возвращение Фрейда // Психологический журнал. Т. IX. 1988. № 6.

Текстологический практикум

Прочсть одну из работ З. Фрейда или кого-то другого из видных теоретиков психоанализа. Усвоить основные выводы автора, уметь их пересказать и оценить.

- Зарубежный психоанализ. Хрестоматия / Сост. В.М. Лейбин. СПб., 2004.
- Зарубежный психоанализ и художественная литература. Хрестоматия / Сост. В.М. Лейбин. СПб., 2004..
- Фрейд З. Психоанализ. Хрестоматия / Сост. В.М. Лейбин. СПб., 2004.
- Фрейд З. Детский психоанализ. Хрестоматия / Сост. В.М. Лейбин. СПб., 2005.
- Фромм Э. Гуманистический психоанализ. Хрестоматия / Сост. В.М. Лейбин. СПб., 2004.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. М., 2010.
- Фрейд З. Психология бессознательного. Сб. произведений. М., 1989.
- Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций; Я и Оно // История психологии. Тексты. М., 1992.
- Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
- Фрейд З. О клиническом психоанализе. Избр. соч. М., 1991.
- Фрейд З. Вопросы общества. Происхождение религии. М., 2008.
- Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. СПб., 2008.
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. СПб., 2008.
- Фрейд З. Сочинения по технике лечения. М., 2008.
- Фрейд З. Письма к невесте / Пер. с нем. СПб., 2011.
- Фрейд З. Статьи о кокаине / Пер. с нем. СПб., 2011.
- Фромм Э. По ту сторону поработавших нас иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом / Пер. с англ. М., 2011 (Философия. Психология).
- Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 2011.
- Адлер А. Индивидуальная психология; Юнг К. Аналитическая психология; Фромм Э. Автоматический конформизм // История зарубежной психологии. 30-е–60-е годы XX века. Тексты. М., 1986.
- Лиар Д. Детский юнгианский психоанализ / Пер. с франц. М., 2008.
- Флем Л. Повседневная жизнь Фрейда и его пациентов. М., 2003.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ. М., 2008.
- Холл Дж. А. Юнгианское толкование сновидений / Пер. с англ. СПб., 2008.

Юнг К. Психологические типы // Психология индивидуальных различий. Тексты. М., 1982.

Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

Юнг К. Психологические типы. М., 1996.

К О Н С П Е К Т

Психика человека далеко не исчерпывается сознанием. Она включает в себя целый ряд бессознательных процессов, впрочем, различных по содержанию, филогенетическому «возрасту», соотношению с сознанием.

Классификация бессознательных реакций психики человека:

1. *Предсознание* — неосознаваемые механизмы жизнедеятельности, которые сформировались в филогенезе до появления сознания, а в онтогенезе представляют собой, как правило, наиболее удалённые от фокуса сознания пласты психики, так сказать *структурное бессознательное*. К нему относятся:

- неосознаваемые *автоматизмы* поведения (безусловно-рефлекторные действия вроде ходьбы, работы органов чувств, прочих телодвижений; условно-рефлекторные действия наподобие *навыков* плавания, езды на велосипеде, игры на музыкальных инструментах, чтения и т.п.);

- стихийно формирующиеся *установки* (термин психолога Д.Н. Узнадзе) — *предварительная готовность* организма к совершению определенных действий в определенных ситуациях под влиянием прошлого опыта; способности к опережающего отражению действительности (так в незнакомой обстановке индивид поневоле мобилизуется ввиду возможной опасности, появляется чувство тревожности или страха, тогда как празднику предшествует некая эйфория; и т.п.);

- внешнее и внутреннее *выражения эмоций* (непроизвольные биохимические реакции организма, мимика и жесты, т.п. ответы на достаточно сильные раздражители среды обитания).

2. *Подсознание* — неосознаваемые *побудители* сознательных поступков. Эти компоненты психики возникают одновременно с сознанием, но *вытесняются* из его области в сферу бессознательного, ее ближние к сознанию пласты и оттуда косвенно, через барьеры сознания воздействуют (часто искаженно) на поведение индивида. Поэтому эти компоненты бессознательной психики носят *функциональный* или же динамичный характер, могут быть загнаны глубже в бессознательное, а могут быть так или иначе осознаны, особенно с помощью врача, вообще близкого и чуткого человека.

К области подсознательного относятся различные нервные расстройства — *психопатические комплексы и невроты* личности, возникшие под влиянием межличностных конфликтов, других жизненных затруднений.

3. *Над-* или же *сверхсознание* (термин К.С. Станиславского, заимствованный им из мистической философии) — интуитивные решения сложных проблем практики, науки и искусства. Это наиболее творческое выражение внесознательной психики, ее основной вклад в самореализацию личности, в культуру человечества.

Как видно, роль бессознательного в психике не менее значима, нежели сознания. Благодаря возможностям бессознательного уменьшается нагрузка на сознание, высвобождается пространство души для сознательного творчества. Кроме того, именно бессознательное первым принимает на себя вызовы и удары среды, давая сознанию возможность подготовиться к решению сложных и неприятных проблем. Вместе с тем, между сознанием и бессознательным рано или поздно, чаще или реже возникают конфликты, обострение которых составляет особый класс нервных заболеваний.

Первой и до сих пор основной теорией бессознательной психики и методом врачевания вызванных ею недугов стал *психоанализ* в медицине, *фрейдизм* в психологии и философии.

Зигмунд Фрейд (1856–1939) — выдающийся австрийский врач, психолог и философ. Родился в небогатой еврейской семье во Фрейберге (Австро-Венгрия; ныне Пршибор, Чехия). В 1860 г. семья Фрейда переехала в столицу — Вену, где будущий ученый прожил большую часть своей жизни. Закончил медицинский факультет Венского университета. В годы учебы был активным членом добровольного объединения студентов — «Союза по изучению истории, политики и философии». Мечтал о карьере научного работника в области экспериментальной биологии, но необходимость помогать обнищавшей семье заставила его стать практикующим врачом-психотерапевтом. Много занимался самообразованием, изучал историю культуры разных стран и эпох, многие отрасли естествознания, знал несколько языков (немецкий, идиш, иврит, английский, французский, латынь и древнегреческий). Как видно, именно сочетание научно-теоретических интересов, книжных знаний и богатого клинического опыта борьбы с невротами пациентов помогли Фрейду сделать его выдающиеся открытия в психологии и психиатрии.

Исходный пункт развития фрейдизма состоял в открытии функционального бессознательного. Фрейд как врач работал прежде всего со случаями женской истерии. Она выражалась, как правило, в потере чувствительности отдельных участков тела; фобиях — навязчивых состояниях, ночных кошмарах, бессоннице; спазмах сосудов и т.п. симптомах. Этот класс психических расстройств — *невроты* — не обнаружил анатомо-физиологических и биохимических причин. По сути дела, это были серьезные расстройства психики при совершенно здоровом до такого расстройства организме. Соответственно, подобные болезни не поддавались ни медикаментозному лечению, ни физиотерапии. Фрейд в роли начинающего врача перепробовал все возможные средства врачевания вплоть до микродоз наркотиков (кокаина) и гипноза, но радикального эффекта при врачевании невротозов они не давали. Напротив, метод гипноза порой усугублял страдания пациентов, так как их реакции в состоянии глубокого торможения сознания не всегда поддавались контролю и прогнозу врача.

Предшественники З. Фрейда помогли ему понять истинную природу неврозов и пути борьбы с ними.

Великий французский врач Ж.-М. Шарко (1825–1893) убедительно показал, что причины истерии и многих других нервных болезней не физические, но психические — душевные потрясения, которые он настойчиво стремился лечить гипнозом. Под влиянием стажировки в клинике Шарко Фрейд, по его признанию, наконец «освободился от пут физиологии» при объяснении природы неврозов.

И. Бернгейм (1837–1919), соотечественник и конкурент Шарко, дополнил практикуемое тем внушение загипнотизированному пациенту внушением в состоянии бодрствования. Его врачебный опыт вывел Фрейда на путь лечения нервных болезней путем общения пациента со специально подготовленным врачом. На одном из сеансов гипноза у Бернгейма Фрейд обратил внимание, что пациентка, которой врач внушил после вывода из гипнотического транса взять в прихожей и открыть зонтик, сделала это, объясняя свои действия желанием проверить, ей ли принадлежит этот зонтик. Тогда Фрейду стало ясно, что человек нередко не догадывается об истинных причинах своего поведения (в описанном случае — команда врача-гипнотизера), но придумывает подходящие, приличные мотивы (механизм *рационализации* бессознательных мотивов).

И. Брейер (1842–1925) — австрийский врач и психолог, учитель, друг, коллега и соавтор Фрейда в его первых исследованиях. Именно он обратил внимание Фрейда на то, что скрытой причиной многих болезней психики являются проблемы сексуальной жизни пациента, о которых он сам может не догадываться.

В 1880 г. Брейер начал лечение очередной пациентки, страдающей истерией — Анны О. с помощью гипноза. Рассказы Брейера в 1882 г. о перипетиях ее лечения навели Фрейда на открытие исходных положений его теории психоанализа. Потеряв в возрасте 21 года любимого отца, эта девушка заболела тяжелой формой истерии (расстройства речи и зрения, частичный паралич конечностей, нарушения кожной чувствительности). Повреждение психики дошло у этой пациентки до раздвоения личности: переход от одной личности к другой сопровождался у Анны О. случаями самогипноза, при которых она рассказывала сама себе о происхождении болезненных симптомов. Узнав об этом, Брейер начал применять к ней гипноз, чтобы она рассказывала про обстоятельства заболевания ему. Тогда выяснилось, что у Анны О. возникла сильная привязанность к врачу и угроза прекращения им лечения вызвала у нее резкое обострение болезни, при котором она имитировала сцену родов как завершение мнимой беременности. «Выплеснув» на врача свои страхи и переживания, пациентка испытывала заметное облегчение. Брейер назвал этот способ терапии *катарсисом* (греч. «очищение» души при сильном эмоциональном переживании), но отказался от дальнейшего лечения ввиду непредсказуемого поведения больной и протестов собственной жены, ревновавшей его к этой пациентке.

Механизм *переноса* болезненных комплексов невротика на врача-собеседника был переосмыслен и применен Фрейдом под названием *психоанализа*. Суть нового метода лечения нервных болезней состояла в следующем. От врача-психоаналитика требовалось в обстановке полного доверия выслушать своего рода исповедь пациента и помочь ему осознать истинные причины,

травмировавшие его психику. Т.е. изменить границу сознания так, чтобы она захватила нужный фрагмент бессознательного, высветила его и, тем самым, оказались поняты настоящие причины психической травмы. Переоценка с помощью врача истинных причин невроза выступила единственным путем его исцеления. *Метод настояния*, успешно примененный Фрейдом-врачом, состоял в том, чтобы принудить пациента-невротика вспомнить и воспроизвести в речи травматические факторы и ситуации его прошлой биографии. Высвобождение «подавленных мыслей» и «травмирующих переживаний» из плена бессознательного излечивало или, по крайней мере, облегчало невротические симптомы.

Психоанализ, таким образом, выступил терапией травмированной памяти, врачеванием души, чьи неосознанные повреждения терзают тело. Опубликованная в 1895 г. совместная работа Брейера и Фрейда «Исследование истерии» означала рождение новой отрасли медицины — психоаналитической. В дальнейшем Фрейд распространил положения своего психоанализа на душу и поведение здорового человека, а в конце концов обобщил их до уровня движущих сил культурного развития общества.

Структура человеческой психики по З. Фрейду включает в себя три основных уровня-подсистемы:

Ego — «Я», т.е. индивидуальное сознание человека, все его мысли, чувства, планы и воспоминания; эта — центральная в большинстве случаев поведения часть души действует *по принципу реальности*, руководствуясь инстинктом самосохранения;

Super-ego — «Сверх-Я», т.е. своего рода *надсознание*, представляющее собой коллективный опыт тех общностей, куда включен данная личность (семьи, профессии, сословия, этноса, конфессии и т.д.); эта часть психики формируется под влиянием норм и принципов религии (грех), морали (совесть), политики и права (обязанность, долг) и других областей духовной культуры общества; для нее главное — *принцип долга*, отступления от которого порождают *чувство вины*; сверхсознание образует своего рода защитный барьер между душой личности и всеми впечатлениями реальности; причем те из них, которые противоречат воспринятыми человеком заповедям добра и зла, приличного и безобразного, не пропускаются через этот барьер в сознание, а вытесняются в следующую часть психики;

Id — «Оно», т.е. *бессознательное* в психике человека, которое управляется врожденными инстинктами, биологическими влечениями индивида; на первое место среди этих влечений Фрейд ставил половую *любовь* (Эрос), а на второе — *страх смерти*, чьей оборотной стороной выступает агрессивность (Танатос); с этой своей стороны психика подвластна *принципу удовольствия*, она не сдерживается ни разумом, ни моралью; зажатое между Я и Сверх-Я, бессознательное напоминает бурлящий котел, с которого бешеным давлением пара (влечением инстинктов) периодически срывает тяжелую крышку (неврозы, аффекты, стрессы).

Пути разрешения душевного конфликта между над- и подсознанием разнообразны и дополняют друг друга. По Фрейду, есть несколько возможностей преодолеть неизбежные в принципе противоречия названных частей психики. В биографии каждого человека эти варианты так или иначе присутствуют, чередуясь и сочетаясь друг с другом.

1. Непроизвольное *вытеснение* травмирующей психику по причине запретов Super-ego информации в область бессознательного; на определенном возможностях темперамента этапе переполнения бессознательного вытесненными комплексами душевный конфликт предстает как *невроз* — функциональное расстройство психики в той или иной степени. С невротическим повреждением душа выходит из столкновения идеалов личности с реальной действительностью, в особенности при борьбе полового влечения (*либидо*) и чувства самосохранения.

Примеры неврозов встречаются нам на каждом шагу — в легкой форме ими страдают люди, которые, например, начав говорить, всё убыстряют темп речи и никак не могут остановиться; разговаривают сами с собой вслух во время ходьбы; обращаются с разговором к незнакомым людям как к хорошо знакомым; никак не могут выкинуть из головы навязчивую идею; переживают постоянную тревожность; т.п. комплексы. Главные формы неврозов — истерия, неврастения, невроз навязчивых состояний и психастения. Однако чаще всего невротические симптомы дают о себе знать в стертом виде, когда человек какое-то время балансирует на грани психического здоровья и невроза.

Основные причины неврозов:

- вынужденный отказ от удовлетворения половых и прочих биологических потребностей;
- фиксация внимания на этих лишениях;
- склонность к конфликтам с окружающими.

Во многом от самого человека, его здравого смысла и самообладания зависит, выдержит ли он давление реальности или же придумает себе вымышленную реальность невроза, а в крайних случаях вообще отгородится от реальной жизни (в этом случае невроз уже переходит в *психоз*). По Фрейду, «невроз не отрицает реальности, он только ничего не хочет знать о ней; психоз же отрицает ее и пытается заменить» в собственном воображении реальность на беспочвенные фантазии. В этом смысле «невроз заменяет в наше время монастырь, в который обычно удалялись все те, кто разочаровался в жизни, чувствовали себя слишком слабыми для жизни».

2. *Регрессия* как защитный механизм поведения означает уход личности на более примитивный по сравнению с ее возможностями уровень мышления и деятельности. Распространенными проявлениями регрессии выступают алкоголизм, табакокурение, неоправданная агрессивность в мирных ситуациях, переживание, порнография, наркомания и т.п. формы возврата к прямолинейному удовлетворению животных инстинктов.

3. *Сублимация* — напротив, переключение энергии бессознательного на высшие цели духовного творчества в науке, искусстве, профессии, благоустройстве быта, всякого рода хобби и т.п. социально полезные задачи. По Фрейду, «сублимирование представляет собой переключение сексуального влечения с его непосредственной цели — любимого человека на более отдаленную и более ценную в социальном отношении цель». Способностью к сублимации в принципе обладают все люди, но многие — в незначительной степени. Своего максимума эта способность достигает у представителей творческих профессий — художников, исследователей, менеджеров и т.п. Так, состояние очередной влюбленности у людей искусства выливается в новые художественные произведения (ср. хотя бы сонеты В. Шекспира, обращенные к смуглой леди; болдинскую осень А.С. Пушкина; стихи о прекрасной даме А.А. Блока; т.п. творения).

4. *Трансфер*, по Фрейду, означает *перенос* эмоционального отношения пациента к действительно значимым для него людям (родителям, родственникам, половым партнерам) на людей в общем посторонних (учителей, знакомых, сотрудников, героев литературы, кино, телевидения, звезд эстрады и т.п. кумиров толпы; ушедших из жизни близких человека; даже домашних животных; вплоть до предметов-фетишей) или же на врача-психотерапевта по ходу лечения психоанализом. При позитивном трансфере переносятся чувства любви, восхищения, уважения, доверия, привязанности и т.п., а при негативном — страха, ненависти, отвращения, вражды, злобы и т.п. Переноса вытесненные эмоции, бессознательное частично и на время разгружается от их давления на сознание индивида, как бы перекладывает эту ношу на плечи другого человека.

«Перенесение, — утверждал Фрейд, — наступает при всех человеческих отношениях, так же как в отношениях больного к врачу, самопроизвольно; оно повсюду является истинным носителем терапевтического влияния, и оно действует тем сильнее, чем менее мы догадываемся о его наличии».

5. *Психоанализ* как метод совместного поиска пациентом и врачом-психоаналитиком глубинных причин душевного конфликта у пациента, истинных обстоятельств причиненных тому психических травм. Сеанс психоанализа происходит в кабинете врача, который в комфортной (лежа на кушетке), конфиденциальной обстановке выслушивает искренний рассказ пациента обо всех обстоятельствах его жизни, его тревогах и заботах. Задача врача — догадаться об истоках невроза или невротической угрозы у данного пациента и довести это знание до его разума, с помощью которого тот переоценит свое отношение к проблеме и преодолеет тем самым невротические симптомы.

Основные приемы такого рода психоанализа:

- *метод свободных ассоциаций* — в ничем не ограниченном речевом потоке пациента тот высказывает всё, что приходит ему в голову; его слушатель-психотерапевт выбирает из речи пациента такие слова, которыми он невольно проговаривается об истинных причинах своей тревоги или заболевания;

- *толкование сновидений*, которые Фрейд считал символами вытесненных желаний индивида; универсальным прототипом невроза, общим для здоровых и

больных неврозом людей; в этом плане Фрейд делил сны на а) выразители желания; б) страшные; в) ожидания наказания. По его мнению, во сне снимается барьер, отделяющий бессознательное от остальной психики и, вспомнив сон наяву поподробнее, можно многое понять о содержании бессознательного в душе пациента. Одни сны выражают желания и тревоги человека напрямую, как бы продолжая реальность в виде своеобразного театра галлюцинаций (т.е. снятся знакомые спящему люди и ситуации, так что общение с ними как бы продолжается во сне). Другие (у взрослых людей они бывают гораздо чаще) выражают вытесненные желания в замаскированном, символическом виде. Задача психоаналитика — вместе с пациентом дешифровать такие сны и тем самым диагностировать травматические обстоятельства душевного расстройства;

- *расшифровка ошибочных действий*, причины которых кроются в подсознании, его болезненных симптомах — уловить эти причины старается врач-психоаналитик; имеются в виду разного рода оговорки, описки, опечатки, ослышки, забывание, затеривание, запрыгивание и ошибки-заблуждения (например, неузнавание знакомых людей и наоборот); общим мотивом такого рода симптоматических ошибок Фред считал «тенденцию избегать неприятных чувств в связи с воспоминаниями или другими психическими актами, психическое бегство от неприятного». Так, чего-то опасаящийся председатель собрания, выходя на трибуну в его начале, неожиданно объявляет собрание закрытым; на траурной церемонии тревожащийся и за свою жизнь оратор скажет по адресу покойного «До свиданья!»

Кроме явных ошибок, к числу того же рода мелких симптомов бессознательного относятся случайные или симптоматические действия (те или иные манипуляции с одеждой, частями тела, предметами и т.п., например — жевание жвачки, использование экстравагантных аксессуаров одежды, макияжа, украшений, татуировки, жаргонных, нецензурных выражений молодежью часто выдает ее стеснительность, неудовлетворенные пока претензии). На вид случайные, такого высказывания или шаги являются, по Фрейду, «вполне мотивированными и детерминированными, причем мотивы скрыты от сознания». Как писал Владислав Ходасевич:

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...
Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

6. *Любовь* как нормальные отношения мужчины и женщины, при том условии, желательно, когда их союз не вредит их судьбе, не обездоливает никого среди их близких (прежде всего детей).

Впрочем, всесторонняя гармония в любви достижима редко; скорее, в виде исключения. Именно психоанализ помогает понять закономерность соот-

ветствующих сложностей. Фрейда считают отцом сексуальной революции XX века. Не стоит видеть в ней только полного падения нравов, однозначного кризиса семьи, окончательной деградации морали. Скорее, фрейдизм всего лишь поставил довольно точный диагноз новому этапу развития общественных отношений; преодолел устаревшие представления о половой любви как грехе, покончил с мифом о сексуальности как проклятию рода человеческого. Фрейд не только декларировал, но и теоретически обосновал половую любовь как необходимое условие человеческого счастья, гармонии и здоровья в межличностных отношениях.

В этой связи здесь уместно остановиться на феномене любви мужчины и женщины несколько подробнее, причём не только с психоаналитической точки зрения.

В качестве иллюстрации некоторых сторон сказанного о любви сошлюсь на *фильм французского режиссёра Патриса Шеро «Близость»* (2000; три высших приза на кинофестивале в Берлине в 2001 г.; в русском прокате шёл под менее точным переводом-названием «Интим»). Это экранизация двух рассказов Ханифа Курейши, живущего в Англии писателя палестинского происхождения. Режиссёр так представляет замысел и сюжет своего фильма: «Она приходит к нему каждую среду, в одно и то же время, с 14 до 16 часов. Они почти не разговаривают, но всё же что-то между ними происходит, заставляя их молча ложиться на низкий столик и заниматься сексом. Секс — это язык, на котором общаются Джей и Клер, мои герои. Секс раскрывает их характеры и движет сюжетом. Есть расхожее мнение, что французское кино стало слишком сексуально озабоченным. Я не знаю, что на это ответить. Мой фильм вовсе не только о сексе...» Точнее говоря, фильм о том, что без настоящего секса нормальные люди, и мужчины, и женщины обойтись не могут. Однако соединить секс с тем, что называют любовью, и с тем, чего от человека требует его семейный, общественный долг, получается далеко не у всех и далеко не всегда.

Так случается и с героями этого фильма (их играют британец Марк Райленс и новозеландка Кэрри Фокс). Оба они уже прошли нелёгкое испытание полной тривиализацией интимной жизни в своих семьях. Это открывает диалог их душ на языке тел. После нескольких неудачных партнёрств, Клэр остановилась на браке с добродушным толстяком-таксистом Энди (выдающийся британский трагик Тимоти Сполл); у них растёт сын. Она — актриса, играющая в полулюбительском театрике в рабочем районе и преподающая сценическое искусство в любительских же студиях; пройти более престижный кастинг у неё пока не получается. Муж, хотя и ставший из привязанности к жене завсегдатаем кулис, ей явно не пара; его назойливое присутствие стирает для неё грань между кухней (бытом) и сценой (творчеством). Джей — старший бармен, на много лет застрявший за стойкой, несмотря на призвание к чему-то большему (в прошлом он музыкант). Пока его жена мирно поживает, равнодушная к мужу, да и, похоже, вообще к мужчинам, он, грешным делом в поисках удовлетворения «основного инстинкта», порой предаётся «греху» библейского Онана. В один прекрасный день столь мучительная добродетель переполняет его терпение и он уходит из семьи, оставив нелюбимую и нелюбящую его жен(щи)у с двумя обожаемыми им маленькими сынишками. Его быт теперь сведён к минимуму, выворочен наизнанку: дневной сон и кофе вперемежку с пивом “дома” — в снимаемой квартирке на два этажа, захламлённой неразобранными коробками с книгами, музыкальными дисками, прочими вещами (не для кого ему этим всем заниматься); ночная работа в баре.

Друзей у Джея и Клер нет. Она в какой-то момент выплёскивает бурю своих переживаний на случайную знакомую, пожилую ученицу своей студии (Мэриен Фейтфул, ещё одна живая легенда английского кино). Его старый друг Виктор (актёр Элистер Гэлбрейт) окон-

чательно спивается. А когда Джей вытаскивает его из запоев и наркопритонов, женится и целиком прячется за вновь обретенный быт от чужих проблем. Новый приятель, напарник по работе в баре Йен (Филипп Кальварио), будучи «голубым», беспристрастно и очень тонко анализирует переживания Джея, но от дальнейшего соучастия дистанцируется («Извини, вон прошел симпатичный парень, я за ним»). Так что только свидания Джея и Клер сулят им какой-то выход из смысложизненных тупиков.

Поначалу секс новых любовников практически анонимен: они ничего не знают друг о друге, кроме имён; почти ничего не говорят друг другу при встречах. Джею остается только любоваться на недолго спящую после соития партнершу. После свидания каждый из них возвращается к своим повседневным делам. Они даже не договариваются об очередной встрече. Кажется, эта интрижка их ни к чему не обязывает. Джей даже заявляет об этом приятелям. Однако когда она не приходит в очередную среду, он не может найти себе места, близок к отчаянию. Его перестаёт устраивать механический порядок их встреч: ему мнится, что для его партнёрши он служит лишь средством для любовных утех; будто их отношения — новый виток обыденной рутины. А для него они скоро перерастают рамки порнографической связи. Ночь, проведенная с девушкой лёгкого поведения (та, кстати, в противоположность Клер постоянно болтает о чём-то, даже по ходу их соединении в постели), не приносит ему облегчения и не отвлекает его внимания от молчаливой незнакомки. Он пытается что-то узнать о ней, выслеживает, где она живёт (и там, и тут — лондонские трущобы, так что городская среда их обитания словно нарочно захламлена и загрязнена, словно контрастируя с возвышенными на самом деле чувствами этих любовников), чем занимается. Даже знакомится (за игрой в бильярд в баре) с её мужем, вольно невольно раскрывая тому глаза на измену жены. Тогда Клер приходит к Джею и, наконец, рассказывает ему о себе и своих проблемах. Тот предлагает ей оставить мужа, озвучивая признание в любви. Так любовники становятся возлюбленными. Но превращение программных неотнотностей в настоящие отношения означает конец всех отношений. Достигнутая (в соответствии с названием фильма) близость не только тел, но и душ героев, разделяет их навсегда. Несчастливая Клер решает остаться с мужем и сыном. Выясняя отношения с Энди, она, выслушивая его оскорбления и обвинения в сценической бесталанности, отвечает ему сквозь слёзы в третьем лице: «Клер остаётся с Энди...». Ведь в этот момент её «я» аннигилировано изменой самой себе. Её пожилая ученица, беседуя с ней по душам за чаркой джина, признается: «Я уже давно умерла...» «А я умру завтра», — отвечает ей Клер, собираясь порвать с Джеем. Она приносит себя в жертву мужу и сыну. А тем самым и совершает душевное самоубийство, и наносит душевную рану своему возлюбленному. Несчастный Джей снова остаётся в одиночестве, не исключено — духовно уже навсегда.

Когда любовь становится настоящей не вовремя для кого-то из партнёров, она довольно скоро прекращается. Нередко её убивает оповседневничество. Порой, спасая чей-то налаженный быт от гибели, люди надолго обездушивают собственное существование. За повседневное благополучие в таком случае платится «валютой» самых задушевных чувств. Их растрата опустошает жизнь, оставляя только ее обманчивую бытовую оболочку. С другой стороны, попытка обогатить свою собственную повседневность за счёт некогда близких нам людей бывает чревата всеобщим поражением своих участников. Кинематографическая модель этого сложного процесса жизни на грани быта и страсти у П. Шеро небесспорна, но поучительна.

Его фильм вписывается в целую кинематографическую «волну» последних нескольких лет, которая забрасывает зрителя в пучину разбушевавшейся посреди повседневности любви. Вариацией того же сюжета — о творчестве в искусстве и в любви — выглядит, например, картина Михаэля Ханеке «Пианистка» («La pianiste»), Франция-Австрия, 2001. Автор книги, легшей в основу сценария этого фильма, стала лауреатом Нобелевской премии по литературе за 2004 год. Она о любви учительницы музыки (Изабель Юппер) на возрасте, с

садомазохистскими вкусами, всю свою жизнь уживавшейся только с матерью (Анни Жирардо), к юному ученику-натуралу (Бюнюа Мажимель). Показательно, что и эта современная трагедия о любви-страсти в отсутствие выбора получил официальное признание — Гран-при жюри и призы за лучшие актёрские работы исполнителям главных ролей в Каннах-2001.

На бытовой фон спонтанных потрясений обыденного сознания и поведения переносит акцент режиссер Ульрих Зайдль в своем новом фильме «Собачья жара» («Handstage»), Австрия, 2001. Изображён пригород Вены, кажется всецело и навсегда расплавленный жарким солнцем. Жара избрана здесь в качестве метафоры отпуска всех жизненных тормозов — эротические занятия не слишком молодых и не очень привлекательных героев быстро переходят в порнографию, а та в несусветные извращения и просто-напросто тошнотворность. Подобный дебют в игровом кино характерен ныне для режиссера-документалиста. Наверное, в силу исходной профессии ему удалось пока ярче всех показать движущуюся картинку взбесившейся от собственного однообразия повседневности. Больше того, приставить к рвущемуся из всех своих границ обывателю своего рода беспощадное зеркало.

Вердикт кинокритиков в данном случае — «кровавый палм-фикшн повседневности», «клочковатые страсти, абсурд и бесцельное насилие», «ледяной душ для нарциссов-эротоманов» — не мешает кассовому успеху этой и ей подобных лент. Ведь посмотреть на людей, сбрасывающих вместе со своей сегодняшней повседневностью покровы цивилизации, во все времена бывало пугающе заманчиво («...То, что гибелью грозит / Для сердца вольного таит / Неизъяснимы наслажденья», — хрестоматизировал главный поэт России).

Добившись определенных успехов в лечении невротиков с помощью психоанализа, Фрейд распространил свою теорию бессознательного на всю душевную жизнь человека и даже на целую культуру общества. По его мнению, в основе и того, и другого лежит энергия бессознательного, прежде всего не удовлетворенная до конца сексуальность людей. Фрейдистская модель человека представляет его душу ареной постоянной борьбы сознания и бессознательного, низменных, животных инстинктов с укорами совести, идеалами культуры. В этой связи еще одна подходящая цитата из В. Ходасевича:

Пробочка над крепким йодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжет и разъедает тело.

Вряд ли можно *оценить теорию Фрейда* однозначно. Надо признать, его учение помогло людям лучше понять самих себя, природные начала человека, избавиться от идеализации его возможностей.

Вон с этой женщиной я долго целовался.
Я целый день с ней жадно целовался.
И вот живу. И вот гляжу, сучая,
На небо в однотонных облаках.
А на душе пустынно и неярко,
Как будто я совсем не целовался.
И пресно. И умыться не мешало б.
А душу сполоснуть горячим спиртом,
Гранёный опрокинувши стакан.

Вот с этой женщиной мы шли вечерним лесом.

Я за неё руками не хватался.
 Я с ней совсем, совсем не целовался.
 Лишь на руках пронёс через ручей.
 Она ко мне доверчиво прильнула,
 В мои глаза туманно заглянула
 И щёку мне дыханьем обожгла.
 И вот живу. И грудь полна восторга,
 И лёгкое кружение, как будто
 Я выпил спирт и тут же захмелел.
 А на щеке горячее дыханье
 Ещё живёт. Боюсь рукой коснуться,
 Чтоб не стереть его. Не уничтожить.
 Так что такое женская любовь?

Владимир Солоухин.

Последователи классического фрейдизма во многом реформировали его теорию и методологию.

Альфред Адлер (1870–1937) — австрийский врач и психолог. Примкнув поначалу к кружку последователей Фрейда, вскоре отошел от классического психоанализа и создал собственный его вариант, названный *индивидуальной психологией*. Ее основными положениями являются формулировки *комплекса неполноценности* и *принципа компенсации*. Решающим фактором развития личности Адлер считал постоянный конфликт между чувством неполноценности и стремлением к самоутверждению, возмещению собственных дефектов, реальных и мнимых. В отличие от своего учителя полагал главной движущей силой бессознательной психики не сексуальность, но *агрессивность*, стремление личности к успеху, самоутверждению, превосходству, совершенству, *чувству общности*. Именно недостатком чувства общности человека с другими людьми Адлер объяснял отклонения от социальных норм поведения и психопатологию. Неврозы возникают при недостаточной или извращенной компенсации чувства неполноценности. Последняя компенсируется стремлением к власти и достижением общности с окружающими людьми.

Как видно, концепция Адлера расширяет теорию психоанализа за счет общественных условий жизни личности, более широкого понимания процесса общения людей. Не только личная жизнь, но и профессиональное общение на работе, межличностные контакты в сфере досуга должны учитываться психоаналитиком. Как врач, Адлер начал применять групповые сеансы психоаналитической терапии (См. их, например, в американском фильме Д. Финчера «Бойцовский клуб» с Бредом Питтом в главной роли). Как педагог, Адлер настаивал на исправлении физических недостатков детей, пороков их воспитания (бессердечные и изнеженные дети) путем поощрения их к самостоятельности, без наказаний и унижения личности ребенка.

Карл Юнг (1875–1961) — швейцарский психолог и философ. Основатель *аналитической психологии*, которая развивает и дополняет многие идеи класси-

ческого фрейдизма. Главным вкладом Юнга в психоаналитическую теорию стало учение о коллективном бессознательном и его архетипах (греч. *arche* – начало + *typos* – образ), т.е. *первообразах*, отдаленных образцах, возникших в прошлой истории культуры и передающихся от поколения к поколению принадлежащих к ней людей, с определенными инновациями. Архетипы — своего рода гены культуры, с помощью которых она воспроизводит те или иные структуры человеческой психики. Они заключаются в языке, символах искусства, ритуалах религии, мифах, политических доктринах, т.п. формах духовного творчества. Индивидуальные комплексы образуют сравнительно тонкий слой бессознательного, а его толща состоит из межличностных, коллективных установок, предрассудков социальной среды, идеалов исторической эпохи и т.п. моментов коллективного бессознательного. Человек представляет не только себя. Но и расу, народ, общину, землячество, конфессию, партию и др. социальные группы. Интересы и цели этих групп в свою очередь довлеют над бессознательной психикой индивида. Основная задача психотерапии, по Юнгу, — восстановление нарушенных жизнью связей между различными уровнями психики. Особенную известность получила юнговская *типология характеров*, которые он делил на интра- и экстравертов. Главным содержанием психики считал стремление личности к наиболее полному осуществлению своих возможностей (индивидуация). Нельзя сводить энергию жизни только к сексуальности, как это делал Фрейд. В разные периоды жизни на первый план ее души выдвигаются разные потребности. Психическая гармония личности не может быть ограничена половой любовью, но требует признания личности в остальных сферах ее жизни и деятельности.

Эрих Фромм (1900–1980) — немецкий, затем американский психолог, социолог и философ. Провозгласил свои взгляды неопрейдизмом, стремился объединить учение Фрейда о бессознательном с доктриной марксизма о классовой борьбе и другими радикальными идеями, дзен-буддизмом и др. экстравагантными направлениями общественной мысли. Развил оригинальную концепцию свободы личности и *бегства от свободы* как распространенную форму психопатологии. Выступил с критикой недостатков капиталистического общества, порождающих отчуждение личности от смыслов ее жизни и деятельности; объяснял глубинную природу фашизма как варианта некрофилии. В рамках социологического психоанализа Фромма различаются такие механизмы преодоления неврозов, как а) авторитаризм; б) деструктивизм; в) конформизм. Социальные характеры делил на: а) накопительский; б) рыночный; в) эксплуататорский; г) некрофилический.

К сегодняшнему дню психоаналитическое движение в медицине и психологии широко распространено на Западе. Большинство состоятельных людей там время от времени прибегают к услугам психоаналитика в профилактических или лечебных целях. Продолжаются научно-философские исследования бессознательного. В СССР, начиная с 1930-х гг., работы З. Фрейда и его учеников оказались под запретом, были спрятаны от читателей в спецхраны библио-

тек. Советские учебники по философии и психологии дружно ругали Фрейда за его реальные и мнимые ошибки. После демократизации Российского государства, фрейдизм в нашей стране вышел из-под запрета, вернулись к читателям все работы Фрейда и его учеников в русских переводах, с многочисленными комментариями. Эти работы читают, с ними спорят. Специальным указом президента Б.Н. Ельцина был основан Институт психоанализа. С конца 1990-х гг. преподавание психоанализа как клинической дисциплины вводится в медицинских школах нашей страны. Знание основ фрейдизма, собственная оценка его теоретических и практических достоинств и недостатков сегодня необходимы любому образованному человеку, тем более имеющему отношение к медицине.

* * *

Наверное, фрейдизм слишком сгущает краски на портрете человеческой души, выносит личности чересчур суровый приговор к зоологическому индивидуализму. Антон Павлович Чехов в письме Алексею Сергеевичу Суворину заметил: «Половая сфера, конечно, играет важную роль на сём свете, но ведь не всё от нее зависит, далеко не всё; и далеко не везде она имеет решающее значение». Человек, конечно, не бесплотный ангел, но чаще всего и не зверь, ревущий из бездны бессознательного. Человек — дитя своего общества и своей эпохи. Но его творческие действия что-то меняют в устройстве общества и ходе исторических событий. Обусловлены эти действия как сознанием, так и бессознательными влечениями. Их пропорция меняется, зависит от многих факторов. Фрейд учитывал далеко не все из них. Однако остается в силе его мудрое предупреждение — не идеализировать человека, не забывать о его природных влечениях, иначе они жестоко накажут нас за любой крайности в образе жизни.

В современном романе (Джеда Рубенфельда «Убийство по Фрейду») имеется такой диалог: «Во что превратится мир, доктор Фрейд, если ваши взгляды будут приняты обществом? Могу себе представить. Низшие слои начнут высмеивать «цивилизованную мораль». Место Бога замёт удовольствие. Все откажутся от дисциплины и самоотверженности, без которой немислимо человеческое достоинство. Чернь взбунтуется — а что их удержит?.. Что же вы предложите взамен, доктор Фрейд?

— Всего лишь правду, — ответил Фрейд».

Текстологический практикум

И.А. Бунин. Тёмные аллеи В Париже

Когда он был в шляпе, — шёл по улице или стоял в вагоне метро, — и не видно было, что его коротко остриженные красноватые волосы остро серебрятся, по свежести его

худого, бритого лица, по прямой выправке худой, высокой фигуры в длинном непромокаемом пальто, ему можно было дать не больше сорока лет. Только светлые глаза его смотрели с сухой грустью, и говорил он и держался как человек, много испытавший в жизни. ... Многие знали, что ещё в Константинополе его бросила жена и что живёт он с тех пор с постоянной раной в душе. Он никогда и никому не открывал тайны этой раны, но иногда невольно намекал на неё, — неприятно шутил, если разговор касался женщин...

Однажды, в сырой парижский вечер поздней осенью, он зашёл пообедать в небольшую русскую столовую, в одном из тёмных переулков возле улицы Пасси. ... Он увидел безучастно-вежливую подходящую женщину лет тридцати, с чёрными волосами на прямой пробор и чёрными глазами, в белом переднике с прошивками и в чёрном платье.

— Bonsoir, monsieur, — сказала она приятным голосом.

Она показала ему так хороша, что он смутился и неловко ответил: — Bonsoir... Но вы ведь русская?

— Русская. Извините, образовалась привычка говорить с гостями по-французски. ...

На другой день он опять пришёл и сел за свой столик. Она была сперва занята, ... потом ... пошла к нему с лёгкой улыбкой, уже как к знакомому:

— Добрый вечер. Приятно, что вам у нас понравилось.

Он весело приподнялся: — Доброго здоровья. Очень понравилось. Как вас величать прикажете?

— Ольга Александровна. А вас, позвольте узнать?

— Николай Платоныч.

Они пожали друг другу руки...

— Вы замужняя?

— Да.

— А муж ваш что делает?

— Работает в Югославии. Бывший участник белого движения. Вы, вероятно, тоже?

— Да, участвовал и в великой, и в гражданской войне.

— Это сразу видно. И, вероятно, генерал, — сказала она, улыбаясь.

— Бывший. Теперь пишу историю этих войн по заказам разных иностранных издательств... Как же это вы одна?

— Так вот и одна...

На третий вечер он спросил: — Вы любите синема?

Она ответила ...: — Иногда бывает интересно.

... — Значит, послезавтра. Идёт?

— Идёт. ... Это странно, но я уже как-то привыкла к вам.

Он благодарно взглянул на неё и покраснел:

— И я к вам. Знаете, на свете так мало счастливых встреч...

Вечером в понедельник шёл дождь, мглистое небо над Парижем мутно краснело. ... Внезапно в подымавшейся толпе показалась она. Он радостно двинулся к ней навстречу:

— Ольга Александровна...

Нарядно и модно одетая, она свободно, не так, как в столовой, подняла на него чёрно-подведённые глаза, дамским движением подала руку, на которой висел зонтик, подхватив другой подол длинного вечернего платья, — он обрадовался ещё больше: «Вечернее платье, — значит, тоже думала, что после синема пойдем куда-нибудь», — и, отвернув край её перчатки, поцеловал кисть белой руки. ...

Через день, оставив службу, она переехала к нему.

Однажды зимой он уговорил её взять на своё имя сейф в Лионском кредите и положить туда все, что им было заработано: «Предосторожность никому не мешает, — говорил он. ... Я чувствую себя так, точно мне двадцать лет. Но мало ли что может быть» ...

На третий день Пасхи он умер в вагоне метро, — читая газету, вдруг откинул к спинке сиденья голову, завёл глаза...

Когда она, в трауре, возвращалась с кладбища, был милый весенний день, кое-где плыли в мягком парижском небе весенние облака, и всё говорило о жизни юной, вечной — и о её, конченной.

Дома она стала убирать квартиру. В коридоре, в плакаре, увидала его давнюю летнюю шинель, серую, на красной подкладке. Она сняла её с вешалки, прижала к лицу и, прижимая, села на пол, вся дергаясь от рыданий и вскрикивая, моля кого-то о пощаде.

26 октября 1940 г.

12. Я З Ы К

Теоретический минимум

1. Образ и знак, значение и смысл. Семиотика как общая теория знаковых систем и её основные разделы: семантика, синтаксис, прагматика, другие. Текст и его понимание.
2. Соотношение языка и речи, речи и мышления, речи и поведения. Разновидности и функции речи в жизни и деятельности людей.
3. Невербальная коммуникация и её возможности. Параязык (внешности, одежды, поведения, молчания, интерьера, т.п.).
4. Стиль письма и правила деловой переписки.
5. Культура речевого общения. «Болезни» русского языка и пути их профилактики. Коммуникация в области медицины и фармации, её деонтологические нормы.

Литература

- Марков Б.В.* Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. 6. «Человек и язык»).
- Петровский А.В.* и др. Введение в психологию. М., 2000 (Гл. 11 «Общение»).
- Хроленко А.Т.* Теория языка. Учебное пособие для студентов-филологов. Курск, 1999.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Автономова Н.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1988.
- Бибихин В.В.* Внутренняя форма слова. М., 2008.
- Бикертон Д.* Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М., 2012.
- Бурлак А.* Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. М., 2012.
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Ред. *Т.Н. Колокольцева*. М., 2012.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Гадамер Г.-Х.* Истина и метод. М., 1988.
- Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивное исследование. М., 2012.
- Барулин А.Н.* Основания семиотики. М., 2002.
- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.
- Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М., 1985.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чём рассказали «говорящие» обезьяны (способны ли высшие животные к оперированию символами)? М., 2006.
- Зубкова Л.Г.* Принцип знака в системе языка. М., 2010.
- Каган М.С.* Мир общения. М., 1985.

- Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М., 1990.
- Канныкин С.В.* Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста). Воронеж, 2003.
- Квадратура смысла.* Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. Учебное пособие. М., 2007.
- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Марков Б.В.* Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011 (Слово о сущем).
- Николаева Т.М.* О чём рассказывают нам тексты? М., 2012.
- Панов Е.Н.* Знаки. Символы. Языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. М., 2005.
- Песина С.А.* Слово в когнитивном аспекте. М., 2011.
- Пиз А.* Язык телодвижений: расширенная версия. М., 2012.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт / Пер. с англ. М., 2004.
- Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. *А.Д.Кошелев, Т.В. Черниговская.* М., 2008.
- Резникова Ж.И.* Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии. М., 2005.
- Речевая коммуникация в бизнесе / Под ред. *Л.В. Минаевой.* М., 2011.
- Рождественский Ю.В.* Философия языка. Культуроведение и дидактика. Современные проблемы науки о языке. М., 2003.
- Руднев В.П.* Прочь от реальности. Исследование по философии текста. М., 2000.
- Скрытые смыслы в языке и коммуникации / Сост. *И.А. Шаронов.* М., 2008.
- Успенский Б.А.* Его Loqens. Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр., доп. М., 2012.
- Хейстад У.М.* История сердца в мировой культуре от Античности до современности / Пер. с норв. М., 2009.
- Аксёнова М.* Знаем ли мы русский язык? М., 2011.
- Арбатский Л.А.* Ругайтесь правильно, или Довольно толковый словарь русской бра-ни. М., 1999.
- Басовская Е.* Советская пресса — за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М., 2011.
- Бредемайер К.* Чёрная риторика. Власть и магия слова / Пер. с нем. 10-е изд. М., 2012.
- Буторина Е.П., Евграфова С.М.* Русский язык и культура речи. Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2012.
- Введенская Л.А.* Деловая риторика. Изд. 6-е. М., 2012 (Для бакалавров).
- Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. М., 2008.
- Водина Н.С., др.* Культура устной и письменной речи делового человека. Справочник, практикум. 14-е изд. М., 2008.
- Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М., 2001.
- Елистратов В.С.* Словарь московского аргю. М., 1994.
- Елистратов В.С.* Словарь русского аргю. М., 2000.
- Елистратов В.С.* Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь. Около 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М., 2004.
- Иванова-Лукьянова Г.Н.* Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. 5-е изд. М., 2003.
- Каретина С.* Искусство делового письма. Законы, хитрости, инструменты. М., 2010.
- Кеннеди Г.* Переговоры. Полный курс / Пер. с англ. М., 2011 (Сколково).
- Королёва Л.Г.* Основы этических знаний. Курс, 1994 («Речевой этикет»).

- Многоязычный словарь современной фразеологии / Под ред. Д. Луччо. М., 2012.
- Мы живем среди людей. Кодекс поведения. М., 1989 («Культура устной речи»).
- Непряхин Н. Как выступать публично. 50 вопросов и ответов. М., 2012.
- Тумаркин П.С. Жесты и мимика в общении японцев. Лингвострановедческий словарь-справочник. 2-е изд. М., 2002.
- Формановская Н.Я. Речевой этикет. М., 1989.
- Хайдарова В.Ф. Краткий словарь интернет-языка. Около 350 ед. М., 2012.
- Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М., 2002.
- Чуковский К.И. Живой как жизнь. О русском языке // Собр. соч. в 2-х тт. Т. I. М., 1990.
- Эрнст О. Слово предоставлено Вам (Практические рекомендации по ведению деловых бесед и переговоров). Пер. с нем. М., 1988.
- Янгфельдт Б. Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском / Пер. со швед.. М., 2012.
- Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М., 2012 (Gaudeamus).

Текстологический практикум

По своему выбору прочесть, осмыслить, освоить, объяснить одно стихотворение кого-то из лучших поэтов России XIX–XX веков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета; А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, В.В. Маяковского, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилёва, И.В. Северянина, В.Ф. Ходасевича, Н.А. Заболоцкого или кого-то ещё.

В качестве образца, прямо относящегося к данной теме, приводится стихотворение в прозе А.И. Тургенева «Русский язык»:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Июнь 1882 г.

Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. Учебное пособие. 8-е изд. М., 2007.

Иванова-Лукьянова Г.Н. Художественный текст как произведение искусства. М., 2007.

Иванюк Б.П. Поэтическая речь. Сб. упражнений. М., 2007.

Иванюк Б.П. Поэтическая речь. Словарь терминов. М., 2007.

Избранные имена. Русские поэты XX века. Учебное пособие. М., 2007 (И. Анненский, А. Блок, М. Волошин, Н. Клюев, А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Ходасевич, Б. Пастернак, С. Есенин, А. Твардовский, Д. Андреев, А. Галич, Н. Рубцов, И. Бродский, В. Высоцкий).

Конспект

Язык, если разобраться, важнее всего для человека. Хотя болтливость считается одним из наших пороков, но представить людей молчащими невозможно. Мы говорим, говорим и говорим — когда молчим и думаем, когда общается, когда пишем и читаем, когда кричим от радости или плачем от горя; даже когда спим и видим сны, обычно с какими-то обрывками монологов да

диалогов. Большинство теоретиков антропогенеза согласилось в том, что именно членораздельная речь — самое важное, принципиальное из отличий *Homo sapiens* от остальных животных. С тех пор развилось около пяти тысяч языков, принадлежавших тем племенам и народам, что населяли и населяют земной шар. Гораздо больше насчитывается социальных и региональных вариантов каждого языка — наречий, жаргонов, диалектов. А если причислить к этому лингвистическому космосу языки не только естественные, а ещё искусственные, специальные — технические, научные, компьютерные, а также «языки» насекомых, зверей и птиц, «языки» внешности и поведения (мимику, жесты, интонации, паузы), то первая фраза этой лекции вряд ли покажется преувеличением. Само слово «врач» на славянских языках произошло от глаголов «врать», «ворчать», то есть в данном случае заговаривать, заклинать болезнь.

Мартин Хайдеггер сказал, как отрезал: «Язык — дом бытия». Этот постулат любят цитировать современные философы. Я бы уточнил: «Язык — дом идеального бытия (сознания)». Ведь природное, да и социальное бытие бессловесно. Оно вершится молча, само собой. Так растут кристаллы или формируются горные породы. Человек трудится, сражается, любит без слов. Выкрики и хрипы — не в счёт. Просто жизненные шумы организма. Та же любовь на самом деле безъязыка. Она выражается не словами, а взглядами, поступками, телодвижениями. Слова требуются ради осознания проблемной ситуации. Чтобы самому себе или другому сообщить некое знание — необходим язык.

Хотя говорить на родном языке мы учимся в раннем детстве как-то само собой, общаясь с членами семьи и прочих общественных микрогрупп, но разобратся в природе языка как такового можно только с помощью лингвистики и других филологических дисциплин, включая философию языка. С её исходных понятий мы и начнём эту свою экскурсию в мир языковой культуры.

Применительно к процессу и результатам воспроизведения мира в человеческом сознании надо различать **понятия «образ» и «знак»**. Поскольку **язык**, с помощью которого люди по большей части мыслят и общаются друг с другом, можно определить как заданную биологией наших рецепторов и историей культуры человечества *систему знаков*, приспособленную для понимания и осмысления образов внешнего и внутреннего мира.

Образ — это подобие, более или менее точная копия объекта в сознании человека или результатах его деятельности. Проще сказать, некая «картинка», более или менее реалистично, общезначимо для всех людей живописующая некий участок, момент реальности. Примерами образов могут служить наши аудиовизуальные впечатления в виде восприятий и представлений, а также реалистичные картины (скажем, пейзаж), скульптуры, фотография и кинематограф, тому подобные *гомоморфные* (одно-однозначные) подобия чего-то.

Знак, напротив, — не прямое, а косвенное, условное обозначение объекта. Тут перед нами явление *изоморфизма* — упрощённого уподобления (например, географической карты — реальной местности). Когда за одним объектом в нашем сознании стоит другой, ставший символом первого. Знак это своего рода

конвенция, ведь он существует только в рамках договорённости между людьми, официальной или же негласной, по обычаю. Большинство знаков поэтому же носят *эзотеричный*, то есть тайный для непосвященных характер. Что, например, означает герб первых русских князей-Рюриковичей, историки спорят без видимого успеха в его расшифровке (трезубец? атакующий сокол? профиль корабля? что-то еще? — узнать уже не у кого). Русь переняла его с Севера (у германских народов) или с Юга (у потомков ираноязычных сарматов)? Тем более не понять непосвященному письменность или устную речь на чужом языке, особенно из далекой от родного языковой семьи (таковы для европейцев-невостоковедов арабская «вязь» или китайские иероглифы). Буквы, слова и предложения, другие грамматические знаки, из которых состоит любой национальный язык, обладают всеми названными признаками знаковости в высшей степени. Один и тот же на самом деле предмет может быть назван по-разному на разных языках.

Согласно разъяснению-метафоре Альберта Эйнштейна, образ относится к реальности как бульон к мясу, а знак — как номерок гардероба к сданному туда на хранение пальто.

Знаки могут быть в разной степени удалены от соответствующих им образов. *Иконические* знаки — это рисунки, напоминающие определённую часть реальности (таковы, например, знаки перехода улицы в виде схематических человечков или так называемые смайлики). В *иероглифических* знаках наглядности гораздо меньше, тут символ уже оторвался от реального прототипа (например китайский иероглиф «любовь» выглядит так: схема домика, внутри которого — контур сердца, а снаружи он охвачен лапами хищной птицы). *Буквенные* и иные подобные знаки целиком символичны, они произвольно «прикреплены» к тому или иному предмету или явлению. Скажем, в европейских алфавитах печатная буква А когда-то представляла собой рисунок быка анфас (алеф по-гречески), но затем эта условная связь совершенно оборвалась.

Вернёмся к определению языка. Этим термином обозначается по меньшей мере два явления.

В *узком* (собственном, семиотическом) смысле языком называют любую систему коммуникации при помощи знаков по определённым правилам. Текст как совокупность знаков на таком языке образует смысл, больший чем простая сумма использованных для его построения знаков. Увеличение смысла (информации) происходит за счёт правил сочетания знаков, которых необходимо придерживаться при использовании такого языка.

Языком в *широком* (переносном, метафорическом) смысле является любая знаковая система для коммуникации, вне зависимости от наличия или отсутствия в ней строгих правил или типа используемых знаков.

Первый вариант термина приложим к любому естественному этническому языку. А заодно к таким сложным формам передачи информации в живой природе и в обществе, как танец медоносных пчёл, языки изобразительного искусства, языки компьютерного программирования. Образцом второго может служить язык жестов у человека и обезьян, поскольку из отдельных жестов нельзя

составить более сложные знаки. Нет правил сочетания знаков и в других паралингвистических системах коммуникации (мимики, интонации и прочих).

В человеческом языке адресат и адресант коммуникации — живые существа, а используемые ими знаки — условные, символические, а не иконические, как в искусстве.

Двойственная — *образно-знаковая природа языка* предполагает сочетание при его формировании и функционировании реалистических, объективизированных, с одной стороны, а с другой, — символических, условно-вариативных начал. Иначе говоря, у любого языка имеются свои законы и правила, но реализуются они не однообразно, а через массу вариантов и отклонений, находятся в постоянном «дрейфе» от одной нормы к другой... Ведь сами эти законы и правила развиваются, меняются в истории общества и его культуры, а точнее — множества разных субкультур (регионов проживания, общественных слоев, уровней образования, профессии и тому подобных характеристик *языковой личности*). На практике речевой коммуникации всё это означает, с одной стороны, примат содержания (*истинности*) высказывания над его формой (проще говоря, лучше, если с вами грубо согласятся, чем вежливо откажут). Однако в некоторых случаях форма (то есть *правильность*) речи не менее, а то и более важна, нежели предмет общения. Речь любого специалиста (врача или, допустим, фармацевта) на работе должна быть правильной и выразительной. Не у всех, но у многих собеседников малограмотного человека волей-неволей возникнут в его отношении сомнения примерно такого свойства: «Можно ли доверять столь серой личности? Он и разговаривать-то на родном языке не смог научиться, как же он будет делать своё дело?»

В любом знаке различаются:

- **значение** — то есть отражаемый им предмет или множество предметов, а точнее — закодированная понятным для субъекта способом информация о них;

- **смысл** — мыслимое с помощью знака содержание предмета или множества, совокупность их существенных признаков.

Эти две характеристики любого знака находятся в обратном отношении друг к другу: чем шире значение какого-то термина, тем уже его смысл и наоборот.

Любой язык — это, повторю, богатая и гибкая *система* знаков, стихийно сложившаяся или искусственно созданная людьми для выражения определенных образов и умопостигаемых сущностей. Вне языковой системы нельзя понять отдельного знака из неё. Способ организации смысловой информации в обществе людей представляет собой **текст**. Мы привыкли называть текстом графическую запись речи — рукопись или печатную страницу. Однако в современной философии и науке понятие текста значительно расширилось и углубилось. Текст в полном смысле этого слова представляет собой любое сообщение, которое человек воспринимает с помощью последовательности взаимосвязанных знаков. Текст может быть выражен как вербально, так и в любой иной

форме. Главное, что требуется от текста — возможность его понимания, «прочтения» кем-либо, интерпретации заложенных в него смыслов. Так что своего рода текстами являются и страницы книги, и сообщения на экранах мониторов, и любая созерцаемая нами натура, и замеченные нами мимика и жесты другого человека. Текст материализует каждый акт речи, поскольку он воспринимается кем-то, кто владеет «шифром» для его «перевода» на понятный для себя язык. Вне процедуры понимания текста не возникает — вещи «молчат», слова звучат как любой другой бессмысленный шум (славяне называли своих западных соседей германцев немцами, то есть не знающими их языка, «немыми»). Создание и потребление текстов — основа человеческой культуры. Текстовая деятельность пронизывает собой все человеческие занятия и, вместе с тем, представляет собой относительно самостоятельный вид деятельности. Люди живут в мире текстов: книг, инструкций, знаков дорожного движения, телефонных сообщений, фильмов, других произведений искусства, жестов, цветовой гаммы, звуковых «симфоний», пейзажей, образцов моды, рекламы и так далее, и тому подобное. По текстовым каналам циркулирует вся необходимая нам и ещё кому-то информация.

Текст — это знак знаков. Он представляет собой систему смысловых элементов, чья структура может меняться в зависимости от той или иной цели общения. В этой системе объединяются в разной пропорции различные способности человеческой психики. Прежде всего, это мысль, но кроме неё обычно ещё и эмоции, и воля, и память. За словами любого собеседника всегда стоит его личность, со своими переживаниями и намерениями, влечениями. Целостный текст можно препарировать как всякий организм, но при этом помнить о единстве выделенных компонентов. *Интерпретация* текста означает углубление от явного смысла к скрытому (подтексту, контексту). Цель интерпретации — *понимание*. Эта последняя процедура состоит в том, чтобы перенести смысловую связь из другого мира (иной эпохи, иной души) в свой собственный. Иначе говоря, встать как бы на место источника информации, мысленно перевоплотиться в чужую жизнь. Знать и понимать — не одно и то же. Можно, например, прочитать роман Марселя Пруста или Джеймса Джойса, но ничегошеньки не понять.

Искусство понимания, его навыки и методики называются **герменевтика** (от античного бога Гермеса, который выступал вестником олимпийских богов). Это одно из влиятельных ныне направлений в философии и гуманитарном познании в целом.

Язык возникает в начале первобытной эпохи как решающий рубеж и признак очеловечивания. Согласно разным гипотезам *глоттогенеза* (греческое *glotta* = язык) — из звуковых сигналов (криков) высших животных (приматов) или (скорее) из их же жизненных шумов (сопровождающих отдых, агрессию и прочие типичные состояния организма животного). Набирает авторитет гипотеза о том, что звуковой речи у наших предков предшествовал язык жестов, имеющийся уже у приматов. Рождение звуковой речи потребовало параллель-

ного изменения головного мозга (формирование коры больших полушарий, способной обрабатывать «второсигналы», по И.П. Павлову) и усложнения социальной организации обезьянолюдей до уровня общин-коллективов, внутри которых «работала» речь. Слово — «сигнал сигналов», поскольку вбирает в себя такой массив информации, какого не уместить в сенсорных образах зрения, слуха и остальных органов чувств.

Типология языков делит их, прежде всего, на *естественные* или же национальные («мертвые» и живые) и *искусственные* (науки, техники, другой сложной практики). Искусственные языки отличаются тем, что за каждым термином в их составе закреплено одно-единственное значение, строго определены и правила оперирования терминами, соблюдение которых дает заранее ожидаемый результат (как при написании химических формул, математических подсчетах и тому подобных операциях с искусственными языками науки и практики). Образцами искусственных языков могут служить знаки и формулы математики или химии; латинские термины медицины или юриспруденции; программы компьютеров.

Любой национальный же язык, в свою очередь, состоит из таких подсистем, каковы:

- *просторечие* — язык повседневного общения большинства населения, с менее строгими нормами правильности и множеством вариантов высказываний;

- *литературный язык*, на котором говорят отнюдь не только писатели, но и все образованные люди, интеллектуалы, представители творческих профессий, особенно руководители любого ранга, их представители в условиях официального общения, находясь на работе; к числу *кодификаторов*, то есть хранителей литературного языка относятся представители таких профессий, как педагоги, журналисты, актёры, дикторы, врачи, менеджеры, учёные, государственные чиновники, офицеры, политики, дипломаты и все прочие специалисты, для которых язык — рабочий инструмент достижения профессиональных целей с помощью других людей;

- *упрощённые, искажённые варианты языка* — они отражают особенности отдельных профессий или слоёв общества, условия жизни и труда их рядовых представителей (скажем, моряков, шофёров, спортсменов; крестьян, мещан и тому подобных общественных слоёв; представителей преступного мира); областной диалект, возрастной (подростковый) или сословный жаргоны (арго, сленг, «феня») облегчают общение в соответствующих группах людей, служат их «визитной карточкой», но эти же особенности речи недопустимы для человека, получившего образование и занятого на квалифицированной работе. Тот же политик, общественный деятель не имеет права на публике изъясняться на блатном жаргоне. Вольные или невольные ошибки в публичной речи подрывают авторитет профессии.

Вместе с тем, сознательное нарушение устоявшихся норм устной речи *в быту* оживляет его, привносит в повседневную жизнь необходимую дозу юмора, игры, доверия. Так возникают черты своего рода *семейного языка* — запо-

нившиеся шутки, цитаты (из любимых фильмов, литературных произведений, спектаклей), яркие словечки (в том числе выдуманные, неправильные), прочие знаки интимного, доверительного общения самых близких людей. Посторонним такой *мик로그рупповой*, внутрисемейный *идиолект* просто непонятен, при чужих людях его обычно не используют.

Речь — это язык в действии, в процессе вербализированного мышления или общения.

Виды речи:

- внешняя (звуковая);
- внутренняя (скрытая, отчасти редуцированная);
- письменная (формализованная с помощью искусственных языков и технических устройств).

Функции языка и речи:

- интеллектуально-познавательная (сбора и обработки информации о мире и субъекте речи);
- коммуникативная (общения между людьми, согласования их намерений и поступков);
- экспрессивная (выражения чувств, регуляции эмоционального напряжения, его снижения или повышения);
- мнемическая (сохранения информации в памяти или на письме);
- этнокультурная (сплочения народа, выражения его культурных ценностей и достижений, оформления индивидуального самосознания).

Вспомогательную роль по сравнению с живым или письменным языком при общении людей играет *невербальная коммуникация*. Так называют разнообразные каналы передачи информации между людьми, которые обходятся без слов или их заменителей-символов. Как правило, невербальные компоненты общения используются человеком бессознательно. Среди них психологи выделяют такие основные, как:

- *параязык* дополняет прямой смысл нашей речи с помощью той ли иной *интонации*, а также степени громкости, скорости, ритме, общем тоне произнесения высказываний; если степень эмоциональности говорящего усиливаются, в его речи учащаются оговорки, запинки, повторы; неуверенность говорящего обычно подчеркивается междометиями (ээ..., ну, значит и т.п.); к любимому человеку обращена речь, окрашенная мягким и глубоким *тембром*, а если мы рассержены, тембр становится пронзительным и резким;
- продолжением невербальных сторон общения выступает *зрительный контакт собеседников*; выражение лица и особенно глаз (в том числе расширенные зрачки подсознательно воспринимаются с симпатией, поскольку именно так и выражается симпатия к другому, их изменения, т.е. *мимика*; *жесты* и *позы* участников общения; их *одежда* и *походка*; *прикосновения* по ходу беседы; *расстояние* между собеседниками (проксемика); и т.п. *иллюстративные сигналы* от собеседника к собеседнику. Каждый жест — своего рода *эмблема*, как правило, определённая наследственностью (гнев, приветливость, страх, а также прощание, отказ, согласие и т.п.) или культурой социума (оскорбления, победы, одобрения, согласия и т.д.). Некоторые знаки встречаются практически у всех народов Земли, но большинство функционирует только в рамках отдельных культур. Иллюстративными сигналами мы подкрепляем, усиливаем нашу речь или же заменяем то, что затрудняемся высказать. Эти сигналы как правило *аффективны*, потому что передают эмоциональную окраску сообщения. Одна из коронных фраз О. Генри гласит: «Однажды я понял произнесенный по-

китайски приказ удалиться, подкреплённый дулом ружья». Невербальные сигналы служат *регуляторами* общения, направляя разговор в ту или иную сторону. В норме разговаривающие люди время от времени заглядывают в глаза собеседнику. Тем самым мы стремимся убедить его в своей правоте или передать ему эстафету высказывания. Пристальный взгляд на собеседника говорит о том, что он нам мешает, а отведённый взгляд — о потере интереса к разговору. Невербальные сигналы играют роль *адапторов*, поскольку помогают нам справиться с теми или иными затруднениями при общении. Так, нервничающий человек вертит что-то в руках или чешется; в сильном горе обычно раскачиваются взад-вперед (моделируя детское ощущение укачивания?).

Повторим, что характер невербальных сигналов обусловлен как природой человека (потомка высших животных типа обезьян), так и культурой социума. Наблюдения за слепыми и глухими детьми показало, что выражения их лиц во многом совпадают с мимикой нормальных детей, только сменяются они быстрее. Значит, эти невербальные ключи общения запрограммированы генетически. Ещё Чарлз Дарвин установил много общего в выражении эмоций у человека и высших животных. Например, нас объединяет оскал зубов в минуты страха; эффект «гусиной кожи» при испуге вызван тем, что у человека волосы на теле слишком тонкие и короткие, у зверей волосы в позе агрессии встают дыбом. С другой стороны, общение представителей разных рас и культур демонстрирует нам большую разницу между ними. Так, южане говорят быстрее и громче северян; индейцы и японцы подавляют эмоции на своих лицах (когда они думают, что за ними никто не наблюдает, эмоции выражаются, как у всех нас). В игровом эксперименте греки располагали «разговаривающих» кукол ближе друг к другу, чем шотландцы или шведы.

На ход и результаты общения влияет также его внешний фон —

- *интерьер* помещения или участок уличного, природного пространства; своя или чужая территория; размер компании; обыденная, рабочая, праздничная, либо ритуальная обстановка.

В общении прямо или косвенно участвуют многие другие материализованные символы, вроде знаков дорожного движения; формы одежды собственной и собеседников; причёски;

- Даже молчание, *пауза* при речевом общении решает важные языковые задачи.

Невербальные компоненты общения влияют на него в большей или меньшей степени; обычно это влияние весьма высоко. То есть люди склонны оценивать собеседника и его речь не столько по словам, сколько по общему стилю его высказываний.

Примером этого рода передачи информации может служить так называемое «предметное письмо», живописанное Р. Кипплингом в рассказе «За чертой»: «В пакете Триджего обнаружил половинку сломанного стеклянного браслета, кроваво-красный цветок, щепотку соломенной трухи и одиннадцать орешков кардамона. Пакет был своего рода письмом, но не бестактным и компрометирующим, а тонким и зашифрованным любовным посланием. ... Во всей Индии сломанный браслет означает вдову индуса, потому что после смерти мужа браслеты на её запястьях положено разбивать. Цветок значит и «хочу», и «приди», и «напиши», и «опасность» — смотря по тому, что ещё вложено в пакет. Один орешек кардамона означает «ревность», но если в послании однородных предметов несколько они теряют свой первоначальный смысл и просто указывают на время. Триджего догадался — предметные письма невозможно понять, не обладая интуицией... Значит, послание гласило: «Вдова хочет, чтобы ты к одиннадцати часам пришёл в овраг, где солома».

О значении молчания в общении людей стихотворение Владимира Корнилова:

Будь мужчиной и молчи.
Будь, хоть нелегко.
Горя словом не мельчи,
Хоть и велико.

Ткнись в подушку головой
И молчи, пока
Безнадёжная любовь,
Как трава, горька.
Грозных молний не мечи,
Пей невкусный чай.
Будь мужчиной и молчи,
Тютчева читай.

Хотя *мышление не тождественно языку* (поскольку важная его часть может осуществляться на уровне бессознательной интуиции, невербально), но обойтись без хотя бы частичной вербализации интеллект человека не может. Естественные и искусственные языки материализуют процесс и результаты познания; с их же помощью выражаются переживания; осуществляется живое общение людей; передается, хранится и используется информация в обществе.

Будучи прежде всего, как уже говорилось, знаковой системой, язык изучается и моделируется такой научной дисциплиной, как **семиотика** (греческое *sema* — знак) — общая теория знаковых систем. Эта наука выясняет принципы отношений между значением и смыслом элементов языка. С точки зрения семиотики, объяснить любое слово можно двумя разными способами. Во-первых, — *указать* на тот предмет или событие, который (которое) оно обозначает. Скажем, определяя слово «карандаш», показать таковой. Так мы укажем на его *значение*. Это будет *экстенциональное определение*. Во-вторых, можно раскрыть *смысл* этого же термина *словесно* (Согласно словарю русского языка, «от тюркских слов «кара» — «черный» и «таш» — «камень»; тонкая палочка графита или сухой краски в деревянной или пластиковой оболочке для письма, рисования, черчения»). Это будет *интенциональное определение*. Экстенсия здесь называется также *денотацией*, а интенсия — *коннотацией*. Все наши слова (термины) обретают смысл в составе языка либо при помощи денотации, либо при помощи коннотации.

Важнейшие разделы семиотики:

- *семантика* — отношение слов и предложений ко внеязыковой реальности, т.е. учение о значении и смысле языковых выражений; с ее точки зрения языку задается вопрос «*Что?*» (именно выражают слова и предложения);
- *синтаксис* — структура знаковых систем, т.е. правила их образования и преобразования; иначе говоря, «*Как?*» (сочетаются слова и предложения друг с другом внутри данного языка);
- *прагматика* — отношение пользователей языка к его словам, т.е. тех индивидов и групп, которые применяют определенный язык для своих целей; говорят и слушают; «*Кто?*» они;
- *стилистика* занимается выразительностью, красотой языковых построений; «*Насколько?*» те гармоничны;
- *риторика* — трактует убедительность речи для аудитории, «*Кому?*» адресуется речевое высказывание.

Культура речи, устной и письменной, состоит прежде всего в том, чтобы за ними следить, стараться избегать ошибок и искать верную интонацию высказывания в каждой конкретной ситуации. Правильно построенная речь сочетает в себе тактичность, вежливость и выразительность, красочность. Не каждому дано говорить красно. Но всякий может постараться не портить свою и чужие жизни лишними словами. Язык, по мудрым словам маркиза Талейрана, дан человеку для того, чтобы выражать одни мысли и скрывать другие.

Правда, порой выразительность речи конфликтует с её правдивостью. За пределами своих официальных обязанностей не всегда надо обращать внимание на культуру речевого высказывания, гораздо важнее будет суть слов, стоящая за словами реальность. Вот сценка из замечательной сказки Кеннета Грэхема «Ветер в ивах», где действуют маленькие зверьки, похожие на нас: «Жаб подхватил дубинку поувесистее и начал ею размахивать, круша воображаемых врагов.

— Я проучу их врываться в чужие дома, — гремел он, — я их так проучу!

— Не говори так — «проучу врываться», Жабби, — поднял голову Крыс. — Это неграмотно.

— Что ты к нему цепляешься, — Вступился Барсук. — Подумаешь, неграмотно! Я, например, сам говорю точно так же, а что грамотно для меня, то грамотно и для вас, понял?

— Прошу прощения, — откликнулся Крыс, — мне просто казалось, что правильнее «Я отучу их врываться».

— А мы и не собираемся их отучать, — ответил Барсук. — Мы собираемся их именно проучить, и, будь уверен, мы их проучим.

— Ну, пусть будет, как вы хотите, — сказал Крыс. — Мне всё равно.

Он сам уже немного запутался и потому сел в углу и бубнил себе под нос: «проучу, отучу, отучу, проучу», пока Барсук не приказал ему замолчать».

В другой известной сказке Карлсон, «лучший в мире укротитель домомучительниц», заявляет:

«— Я начну с того, что буду её низводить.

— Ты хочешь сказать «изводить?» — переспросил Малыш.

Такие глупые придирки Карлсон не мог стерпеть.

— Если бы я хотел сказать «изводить», я так бы и сказал. А «низводить», как ты мог понять по самому слову, — значит делать то же самое, только гораздо смешнее.

Малыш подумал и вынужден был признать, что Карлсон прав. «Низводить» и в самом деле звучало куда более смешно.

— Я думаю, лучше всего начать с низведения плюшками, — сказал Карлсон...»

Сказочные персонажи воплощают собой детство со всеми его милыми и досадными недостатками, включая речевую путаницу, так или иначе неизбежную у ещё маленького человека. Дети, учась говорить, попутно творят свой собственный язык, пополняют семейный фольклор своими забавными высказываниями (Смотрите, пожалуйста, об этом замечательную книгу К.И. Чуковского «От двух до пяти»).

По отношению людей к языку, которым они пользуются, филологи делят их на две группы. «*Пуристы*» (от латинского *purus* — чистый) всегда обращают внимание на правильность своей и чужой речи и настойчиво добиваются её грамматической правильности. Они обращают внимание на ошибки в речи и предлагают все их исправлять. Напротив, «*нигилисты*» (латинское *nihil* — ничто) говорят и слушают, как придётся, они не замечают ни мелких, ни грубых ошибок в своей и чужой речи. Надо признать, что по-своему правы и те, и другие. Пуристы заботятся о «здоровье» языка и конкретной «языковой личности»,

«языкового коллектива». Кто хочет или должен научиться говорить и писать правильное, может этому поучиться. А нигилисты протестуют против своего рода «языкового расизма», который несправедливо унижает хороших людей только потому, что они говорят не слишком гладко. Помирить пуристов с нигилистами нетрудно. Обратим внимание, что ошибки обязаны исправлять пользователи профессионального языка, а в сфере просторечия по сути нет правых и виноватых. В приложении к этой лекции объясняется, почему даже «реальные пацаны» обязаны «фильтровать базар», если не хотят серьёзно пострадать от языковых ошибок в своих профессиональных «языковых играх».

Лучший писатель нашей эмиграции Сергей «Довлатов должен был родиться профессором Хиггинсом. Его бросало в жар от неграмотного правописания и произношения. ... Сергей был нетерпим к пошлым пословицам и поговоркам, к ошибкам в ударении, к вульгаризмам и украинизмам. Люди, говорящие «позвОнишь», «катАлог», «пара дней», переставали для него существовать. Он мог буквально возненавидеть собеседника за употребление слов «вкуснятина», «ладненько», «кушать» («мы кушаем в семь часов»), «на минуточку» («он на минуточку оказался её мужем»). «Звякни мне завтра утром» или «я подскочу к тебе вечером». ... Пётр Вайль в статье «Без Довлатова» вспоминает: «Достаточно было произнести при нём вялую пошлость типа «Жизнь прожить — не поле перейти», чтобы Сергей занудно приставал весь вечер: «Зачем ты это сказал? Что ты имел в виду?», — записала нам на память Людмила Штерн в книге «Довлатов — добрый мой приятель» (2005).

«Болезни» русского литературного языка.

1. Самая тяжёлая и массовая — элементарная *безграмотность*, общее бескультурье говорящего с непростительными ни по каким меркам ошибками. Когда школа оканчивается формально, без видимых последствий для интеллекта и эрудиции выпускника. Например, неправильные ударения: *средствá*, *нуж-нó*, *звóнит*, *прíнять*, *нáчать*, *свеклá* (вместо свёкла); *ложить* вместо *класть*, *положить*; *курей* вместо *кур*; путаница предлогов («приехал с Москвы», «говорить за что-то» (а не о чём-то)); «пришла со школы» — украинизмы; наоборот, сейчас всё чаще говорят «в Украине», что пока режет ухо; падежей (пойти к мамы; писать письмо Светы; у сестре).

Как ни парадоксально, не слишком грамотные люди чаще образованных настаивают на том или ином варианте языковой нормы. На самом деле эта норма со временем меняется. Скажем, иностранные по происхождению слова «пальто» и «кофе» («кофий») первоначально по-русски были исключительно мужского рода. Однако на протяжении XX века всё больше образованных людей стали употреблять их в среднем роде. Теперь для этих слов оба рода считаются словарями русского языка равноправными.

Встречаются выражения, которые употребляются большинством населения, но правильное они от этого не становятся и вряд ли когда станут, потому что противоречат глубинным конструкциям нашего языка. Допустим, «*извиняюсь*» дословно означает — «сам себя»; надо бы — «извините меня», «прошу прощения». Многие из нас «*кушают*», хотя столь возвышенно (дословно: *вкушаю*) можно сказать применительно к гостям, детям, больным, пожилым людям. Применительно к остальным фразы вроде: «Я хочу кушать», «пойдем, покушаем» считаются вульгарными, это индикатор мещанской речи. Не сразу разберешься, что по-русски надевают, а что одевают. То, что можно надеть, можно и снять (платье, обувь). А если можно одеть, то можно и раздеть (ребенка, например). Согласно скороговорке: «Одеть Надежду, надеть одежду».

В русском языке есть слова, *ударение* в которых *не меняется при склонении*: аэропорт, договор, петля, склад, торт, трактор. Во множественном числе большинство существительных в позапрошлом веке оканчивалось на *-ы*: *дома, томы* и т.д.; потом окончание изменилось на *-а*: *дома́, тома́*; у других слов такого изменения пока не наступило, так что будет неграмотно сказать: *инженера́, шофера́, бухгалтера́* и т.д. — это признак очень уж простонародной речи.

В составных порядковых числительных склоняется *только последнее слово*: В 2013 году — *в две тысяча тринадцатом*.

Географические имена с окончаниями на *-о* в русском литературном языке всегда склонялись («Дело было в Останкине» и т.п.). Но в последнее время это делается всё реже — всё меньше остается грамотных людей.

Многие неточные выражения получают массовое распространение. Вроде: «где-то» не в пространственном (дома, в Москве и т.д.), а во временном смысле («где-то в пять часов»).

Мария Петровых в своё время сочинила обо всём этом немудрёный, но искренний стих:

Горько от мыслей моих невесёлых.
Гибнет язык наш, и всем — всё равно.
Время прошедшее в женских глаголах
Так отвратительно искажено.
Слышу повсюду: «Я *взя́ла*», «Я *бра́ла*»...
Нет, говорите «*взяла́*» и «*брала́*».
(От унижения сердце устало)
Да не «*пере́жила*» — «*пережила́*».
Девы, не жалуйтесь: «Он мне не *звóнит*»,
Жалуйтесь девы: «Он мне не *звонит!*»
Русский язык наш отвержен, не понят,
Русскими русский язык позабыт!

Вряд ли следует поправлять неграмотно говорящих людей, где бы то ни было, кроме школы. Неграмотные люди чаще всего не виноваты в том, что не научились литературному языку. Обидеть их легко, лучше понять. Вместо учёбы они тяжело и долго трудились, выкарабкивались из нищеты. Неграмотность — плата за бедность. Научить правильной речи нищие смогут в лучшем случае своих внуков. В хорошей школе, а главное — в семье, где речь в основном правильная.

2. Своего рода «мусор» в повседневной речи. Слова-«паразиты»: *вот; значит(ь); да; так сказать; это самое; ну; как бы*; некоторые другие, вставляемые вместо пауз, пока говорящий думает; или же просто так, по речевой безалаберности, а то по излишней нервозности, даже невротичности. Вместе с тем, подобные вставки придают устной речи естественность, непринуждённость. А высказываемые в ответ, слушателем чьей-то речи, даже требуются правилами вежливости, поскольку обозначают интерес к сообщению.

Сейчас самыми частотными, «модными» в российской речи выступают такие выражения, как *типа*, *на самом деле*, *реально* и особенно *как бы*. На первый взгляд, это просто заразные штампы, случайно залетевшие в нашу речь. Через какое-то время они сменятся новыми. Но, если вдуматься, можно предположить, что именно

эти словечки отражают особую обстановку 1990-х – начала 2000-х годов в истории нашей страны. Мгновенная ломка традиций, зыбкость новых порядков, случайность успеха или краха, непредсказуемость завтрашнего дня — вот вам и *как бы*. То есть не на самом деле, а понарошку... Или *типа* — то есть примерно, временно, условно. Просто сказать «да» или «нет» — могут не поверить. Усилим: *на самом деле, реально* «да» (не думай, что обманываю...). Нечто подобное слышалось на Западе в кризисные для него 1970-е годы. Во время войны США во Вьетнаме и массовых протестов против неё возник жаргонизм *sort of*... Что можно перевести нашим нынешним *типа, как бы, своего рода, некий* и т.п. К примеру: «Sort of наше правительство объявило...» Такого рода речевые штампы подчёркивают отчужденность говорящего от официальных установок (в том числе на правильную речь).

Похожим протестом против лицемерной культуры веет от интернетовского упрощённого сверж всякой меры «языка» (с его пресловутым «Превед медвед»).

Ненужные *аббревиатуры*, лавина которых обрушилась на язык при советской власти, которую представляли в основном малограмотные люди (колхоз вместо деревня, село, артель; сельмаг вместо лавка; зарплата вместо жалования; АТС, МТС, ЗАГС, профком, роддом, комсомол, вуз, КПСС, СССР и т.д. до бесконечности). Не будет большой ошибкой сказать «медуниверситет», но лучше не сокращать слова без надобности; пусть наша школа называется «медицинским университетом».

3. Излишние *заимствования из чужих языков*, сейчас в основном английского. Вообще-то около половины нашей лексики — неславянского происхождения. Почти на каждое искони славянское слово можно найти его иноязычную кальку, давно и прочно вошедшую в наш язык («лошадь» — «конь»; «секира» — «топор»; «дом» — «хата»; и т.д., и т.п. Одни иностранные слова почему-то не приживаются в русском языке, а другие делают это с успехом. Так, моментально «голкипер» стал «вратарём», «аэроплан» — «самолётом», «геликоптер» — «вертолётom»; и т.д. А вот французское слово «шофёр» ужилось наравне с «водителем». Нет славянских или русских слов для обозначения большинства научных и философских понятий. Почти все они калькированы с латинского или греческого языков, причем главным образом при посредничестве французского, немецкого или английского языков (к примеру, республика, амнистия, милиция, космос, атом, герой, реформа, пропаганда, атом, грамматика, механика, тетрадь, фонарь, лаборатория, формула, доктор, экзамен, телефон, телеграф, телевизор и т.д., и т.п.). Из арабского языка пришли к нам алгебра, химия, альманах, гарем, алкоголь, нашатырь и многие другие. Тюркские языки (степных соседей Руси–России) выделили нам такие названия, как жемчуг, артель, лапша, балаган, бакалея, базар, башмак, болван, казна, караул, кутерьма, чулан, чулок, тулуп, ящик и многие другие. Слова, пришедшие из Италии: купол, кабинет, бюллетень, скарлатина, газета, симфония, соната, касса, галерея, балкон, опера, оратория, тенор, сопрано, сценарий и т.д. Прямо из Англии: митинг, бойкот, пикник, клуб, чемпион, рельсы, руль, лидер, спорт, вокзал, хулиган и т.д. Изначально французские: дипломат, компания, кулисы, суп, бюро, депо, наивный, серьёзный, солидный, массивный, эластичный, репрессия, депрессия, партизан, декрет, блуза, сеанс, саботаж, авантюра, браслет, пудра, одеколон, коньяк, котлета, трико, метр, кошмар и т.д. Чай — китайское слово; гуляш — венгерское; какао, гитара, колибри — испанские; инжир — персидское; какаду — малайское. В свою очередь, некоторые русские выражения (водка, матрешка, спутник, калашников) калькированы большинством иностранных языков.

Так что иностранных слов не надо бояться. Портят родной язык поспешные заимствования, в которых пока не ощущается (кем?) особой нужды (?) или же они применяются в сугубо местном контексте (какой «брифинг» или «фуршет» может быть в бывшем колхозе?). Ведь далеко не все из нас смогут точно перевести такого рода новообразования в родном языке: «саммит», «пёрфор-

манс», «хепенинг», «сиквел», «сейшн» и т.п.). Интересно, что многие выражения публичной речи, например, рекламы, это дословный перевод всё тех же английских слоганов: «купить прямо сейчас», «как бы», «типа» и прочие.

4. *Жаргон* (арго, сленг) — внутренний язык социальных или профессиональных групп (моряков, подростков, преступников и многих других). У студентов это язык молодежный, отчасти блатной («короче», «тащиться», «зависнуть», «прикид», «прикол», «наезд», «забить стрелку», «штука», «грузить» и т.д., и т.п.). У жаргона есть свои преимущества. Это всегда новый слой языка, который расширяет рамки нейтральной лексики за счет дополнительных, чаще всего образных, ярких выражений, которые ведь подчиняются общим нормам национального языка — склоняются, спрягаются по его правилам. В прошлом многие ныне литературные выражения пришли из разных вариантов жаргона: втирать очки (шулерами на игральные карты), отчаливать (кораблю) и т.п. Жаргон обычно честнее официальной речи, он помогает общению «родственных душ», ибо выражает их сопричастность, отвергает ценности большого мира, обнажает суть явлений, снижает ложный пафос, разоблачает и отвергает лицемерие, словесный обман.

Однако этот же упрощённый язык свидетельствует о низкой культуре своих пользователей, которые остановились в своем умственном развитии; замкнулись в узком мирке общения и не желают из него выглядывать. Жаргон есть у всех, только обычно из него вырастают, когда переходят в следующую возрастную группу или другой социальный слой. Если учительница заговорит со школьниками на их внутреннем языке: «Я вчера зависла в гостях, и сейчас, извините, с бодуна...», то такой речевой оборот, наверное, не обрадует детей (потому что нарушит их монополию на свой собственный язык-пароль).

5. *«Канцелярит»* (по определению Корнея Ивановича Чуковского) — путаница письменной, к тому же официальной речи и бытового просторечия, когда говорят казёнными формулами, газетными штампами, искусственно завышенным стилем. «Климатические условия» (вместо «погода»); «быть в курсе» вместо («знать»); «повестка дня» (вместо «вопросы для обсуждения», «план беседы»); «на сегодняшний день» (вместо «нынче», «сегодня»); «дать добро» (вместо одобрить); многие другие. Некоторые штампы становятся таковыми именно в силу их постоянного повторения, нежелания и неумения заменить их каким-то ещё, иным, новым выражением. Так и звучит повсеместно: задействовать, подъеду к трём, типа того, оплатить за проезд...

Уже мало кто в России способен понять такие нюансы искаженной речи, как, например, распространённая адресовка: *Иванову А. И.* (инициалы после фамилии ставятся только в канцелярских списках, где важна алфавитная последовательность именно фамилий, во всех же остальных случаях имя-отчество должны бы идти впереди фамилии, ведь фамилия, в сущности, это просто и в прошлом — кличка, к тому характерная для многих однофамильцев, а имя и отчество выражают индивидуальность именно данной личности, которую в принципе надо уважать).

5. *Ругательства* — «это скверная штука, — сказал Джек Лондон, — но произнесённые вовремя, они облегчают душу».

Многие соотечественники считают ненормативную лексику едва ли не национальным достоянием русского народа. Дескать, мы не ругаемся, а мыслим матом... На самом деле нецензурные ругательства — это симптом неизбывной бедности жизни, тяжести её условий и, следовательно, общего бескультурья. Превращённый из ругательства в обиходные выражения мат теряет свою побудительную, мобилизующую силу и не приносит желанного облегчения в тех ситуациях, когда он действительно полезен — кризисных, экстремальных.

Леонид Александрович Китаев-Смык, автор первых русских монографий о стрессе, объяснил в той же связи психофизиологическую функцию ругательств. Психологи выяснили экспериментально, что *бранная речь* у всех народов Земли — это *мужская стрессовая субкультура*. Стоит вдуматься в этот вывод. Врачи заметили, что раны заживают в среднем быстрее в тех больничных палатах, где в отсутствие посторонних звучал задорный мат. Там, где лежали не ругавшиеся «чистюли», заживление шло медленнее. Объяснение этому феномену нашли эндокринологи: гормоны стресса (кортикостероиды) и мужские половые гормоны (андрогены) антагонистичны. Проще говоря, при повышенном выделении андрогенов, гормоны стресса нейтрализуются, а значит, его симптомы уменьшаются. Тут выясняется культурно-историческая функция ненормативной лексики. Она состоит в том, чтобы ободрить мужчин в критической ситуации — в бою, при опасной болезни, любой другой серьёзной угрозе. Показательно, что женщинам матерная ругань противопоказана физиологически. У некоторых постоянно ругающихся и слушающих ругательства девушек и женщин возникают гормональные нарушения (начинает избыточно волоситься кожа, ломается голос, как у мальчиков). Особенно опасно, если мат постоянно воздействует на детей дошкольного возраста — их гормональное развитие будет под угрозой.

Как известно, адреса ругательств различаются у разных народов. Количество ругани в повседневной речи было прямо связано со степенью риска, переживаемого людьми. Моряки и пираты ругаются гораздо чаще сухопутных жителей. Нечцензурная брань помогала выживать в критических условиях — природных и социальных катаклизмов (плохого климата, большой территории, территориальной разобщённости, частых войн, когда приходится защищать себя и потомков). У восточных славян главный объект ругани — женщина, мать. В Средней Азии, напротив, мужчина, отец. На Кавказе главный сюжет ненормативной лексики — кровосмешение. Разница зависела от условий проживания — где-то под угрозой оказывался авторитет мужчины, где-то женщины. То и другое угрожало выживанию всего родового коллектива.

Но постоянная ругань теряет своё глубинное предназначение, она только портит эмоциональный и физиологический фон нашей жизнедеятельности. Изредка, в действительно критической ситуации произнесённое ругательство способно поднять дух слабых, отставших людей; тем самым, дать им шанс спастись (ведь, как говорилось только что, мат активизирует выработку мужских половых гормонов и тем самым уменьшает страх, понижает более порог, активизирует энергию). Поработив повседневную речь, ругательства отбрасывают своих постоянных пользователей вниз социальной лестницы, девальвируют их образ, понижают авторитет в глазах окружающих, прежде всего женщин.

6. *Диалект* — областной говор, он отличается от общенационального языка по всем показателям — фонетике, лексике, даже синтаксису. Литературный, нормативный язык — это, по сути, тоже диалект, только столичный, признанный за эталон (в России это новомосковский говор). В Архангельске услышишь: «Лонись»; в курской деревне: «Бежи важить!»; в Курске в булочной попросишь продать хлеба, а продавщица-курянка отвечает, что, дескать, *хлеба*-то нет, остались одни *булки*; здесь в автобусе спрашивают попутчика: «Какая *марка*?» (на что правильное ответить: «Икарус»); когда курянин скажет «кров», он будет иметь в виду не крышу, а кровь; когда он скажет «пионэры», «цвэты», «снех», «войтить у транвай», где «*во всех* есть билеты» (южнорусский говор перенял от соседнего украинского языка мягкое, фрикативное «г»/«х» и другие особенности произношения) и т.п., всякий соотечественник поймёт, с кем имеет дело. Владимирцы и волжане «окают», москвичи «акают» и «и'кают» («поцалуй», «шыги»). В Петербурге произносится «ч» («что», «прачечная»), в Москве «ш» («што», «булошная», «скушно»).

Однако речь уроженцев разных регионов России лексически не совсем понятна за пределами их областей. В.И. Даль, составитель знаменитого словаря русского языка, по речи собеседника определял не только губернию, но и уезд, откуда тот родом, а нередко даже и деревню. Диалект труднее всего изгладить из речи, поскольку он, что называется, впитывается с молоком матери. Смеяться над чужим произношением так же странно, как над вашим собственным выговором на чужом языке. Несмотря на это, в речи образованного человека диалект должен быть по возможности стёрт.

7. Политический «*новояз*» (термин из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984»). Этот вид языка пытается замаскировать сообщения, неприятные для власти или оппозиции к ней. Скажем, «ограниченный контингент» вместо «армия вторжения»; «интернациональный долг» вместо захватническая война; «огневой контакт» вместо «наши войска несут большие потери»; «контртеррористическая операция» вместо «война на Кавказе»; «повстанцы», «сепаратисты», «боевики» вместо «наёмные бандиты», «мятежники»; «шахиды» вместо «фанатики-убийцы»; т.п.

* * *

Как видно, говорить на родном языке — целое искусство. Ему приходится учиться и переучиваться по сути всю жизнь. Язык — беспощадный ценитель уровня духовного развития человека, его способностей. Однако за языковой формой нельзя терять смысловой сути высказывания, отношения человека к человеку, которые порой важнее слов, какими они выражены.

Приложение

Вадим Волков Силовое предпринимательство

Глава 5. Неформальная силовая структура

Названия и клички

Название группировки обычно отсылает к территории, имени лидера или некоторому типу связей, на которых изначально было основано данное сообщество, — например, спортивным или этническим. Так, в Ленинграде первые *бригады*, занимавшиеся охранным рэкетом, выросли на базе студенческих землячеств и спортивных школ. В конце 1980-х гг. несколько студентов, приехавших учиться в ленинградских вузах (включая институт физкультуры) из Тамбова, образовали бригаду, которая стала называться *тамбовскими*, или *тамбовцами* (в правоохранительных органах — *тамбовская ОПГ* ³⁶). ... В отличие от топонимических названий мигрантских бригад, местные ленинградские бригады получали свои названия либо в соответствии с видом спорта — например, *борцовская*, либо по имени лидера — *комаровские* (Ю. Комаров), *малышевские* (А. Малышев)... Этнические группировки, активно действовавшие во всех крупных российских городах, называли как в соответствии с конкретной этничностью (*азербайджанцы*, *чеченцы*), так и регионом (*кавказцы*). ... Хотя фигурирующие в названиях территории и были на протяжении некоторого времени местом формирования и «базирования» соответствующих группировок, из этого не следует, что их

³⁶ Организованная преступная группа.

деятельность привязана к этой территории. Если у группировки этническое название, это также не означает, что в ней участвуют исключительно представители данной этнической группы. Группировки быстро пополнялись участниками, не имевшими отношения ни к определенной местности, ни к этнической группе, а их сфера деятельности выходила за пределы первоначальной топографии. ...

Клички представителей низшего и среднего звена бандитских группировок часто отсылают к животным (слонам, быкам, котам и т.п.), инструментам (кувалдам, гвоздям, болтам и пр.) или другим подходящим предметам или признакам. ... Клички многих (но не всех) лидеров ОПГ образуются тем же способом, что и названия группировок. К имени добавляется топонимическое прилагательное, отсылающее к определенной местности, часто той, откуда прибыл или где родился тот или иной авторитет: Витя Курганский, Стёпа Ульяновский, Федя Крымский и т.п. Способ образования таких кличек похож на способ образования «фамилий» средневековой военной знати. Во времена, когда институт фамилий как таковой в Европе отсутствовал, наличие передававшихся по наследству дополнений к именам было редкой привилегией; эти дополнения происходили от названий земель, которыми владел или правил тот или иной знатный род, и образовывались путем прибавления частиц «de» во французском, «of» в английском, «fon» в немецком и «-ский» в польском и русском. Это не значит, что бандитские авторитеты стремились облагородить себя, подражая средневековой знати. Скорее наоборот, так называемые «фамилии» ... функционировали как клички.

Флаги, репутации, торговые марки

Многие группировки постепенно утратили изначальную связь с определённой местностью, этничностью или конкретным человеком. Но если название группировки на самом деле ничего ... не отражает, это ещё не значит, что оно бесполезно. Важнейшая роль названий становится очевидной, если посмотреть на их практическое применение (их роль в языковой игре). ... В практике силового предпринимательства названия группировок и имена (клички) авторитетов функционируют как флаги или торговые марки, в которых воплощена определенная репутация. ... В случае ОПГ, которые, конечно, не имели флагов в прямом смысле, «встать под флаг» означало подчиняться правилам и отстаивать интересы группировки. ... Названия более важны в сфере межгрупповых отношений, чем для поддержания групповой солидарности. Как только группировка X установила охранные отношения с фирмой Y, руководство этой последней должно сообщать её название или имя (кличку) авторитета всякий раз, когда другая такая же группировка будет проявлять интерес к данной фирме или угрожать ей. ... Если ... наличие «крыши» подтверждается рутинной «пробивкой» и это оказывает должный эффект, то новые претенденты на охрану, как правило, отступают. Таким образом, названия и имена служат группировкам символами охраны друг от друга и инструментами сдерживания.

Следующая логическая ступень — материализация имени или названия и использование материального знака вместо постоянного цитирования, превращение его в маркёр охраняемого объекта. ... Стали производить специальные наклейки с названием и гербом охранного предприятия и его телефоном, которые прикреплялись к дверям офисов компаний или ресторанов с тем, чтобы потенциальные конкуренты сразу получали нужную информацию и лишней раз не нарушали рабочий ритм заведения. ...

Название преступной группировки является носителем, в первую очередь, репутации решительности. Изначально это не более, чем сумма репутаций отдельных её участников, заработанная в столкновениях с представителями других группировок. ... Репутация ОПГ нарабатывается постепенно через прецеденты решительных силовых действий и необходима для последующего успешного «решения вопросов». ... Когда репутация отчуждается от сво-

его носителя и ... превращается в товар, она становится торговой маркой. ... На этой стадии непосредственное физическое присутствие авторитета уже не обязательно, он может находиться за границей или в местах заключения. Знак репутации успешно функционирует и в отсутствие своего физического носителя.

Ответственность за речевые действия

Ответственность за речевые действия представляет собой совокупность норм, регулирующих использование языка членами ОПГ и другими индивидами, занятыми силовым предпринимательством. ... «Реальный» бандит должен быть «конкретным» в своих утверждениях, обещаниях, угрозах, определениях и других речевых действиях, а также брать на себя полную ответственность за сказанное. Бандит не может сказать «Я не имел этого в виду» или «Я просто пошутил», поскольку в любой момент его слова могут быть приняты с предельной серьёзностью, как друзьями, так и врагами. ... Норма ответственности за речевые действия способствует наделению слов материальной силой и приравнивает их к делам. Нормы, принятые в среде ОПГ, предполагают также систему санкций за неспособность отвечать за свои слова («базар»), оскорбление или нарушение каких-либо других норм. ... На практике система норм позволяет им вести повседневный бизнес в основном с помощью слов, а не с помощью кулаков или «стволов». ... В языковой практике особый класс высказываний, которые не описывают (отражают) некоторое положение вещей в действительности, а выполняют некоторое действие, меняя действительность. ... Именно власть или сила некоторого социального института даёт его представителю возможность «делать дела при помощи слов». ... Общественный результат всех этих запутанных и жестоких игр по принуждению к исполнению можно выразить известной строкой Фридриха Ницше из ... «Генеалогии морали»: «Выдрессировать животное, смеющееся обещать...»

Практики

В своей повседневной деятельности силовые предприниматели используют ряд технических терминов, обозначающих различные формы своей деятельности. Некоторые из этих терминов вошли в обиходный язык и получили более широкое употребление, некоторые до сих пор используются только в профессиональном языке или жаргоне бандитов. ...

Пробивка. ... Информация о компаниях и предприятиях и об их силовых партнерах имеет стратегическое значение. Информация также экономит время и усилия. Силовой предприниматель должен знать, кто есть кто в данном регионе или сфере деятельности или кто с кем работает. ... Поиск ответов на подобные вопросы и обработка полученной информации занимает большую часть повседневной деятельности силовых предпринимателей. ... Практика сбора информации ... требовала создания специализированных баз данных и использование методов деловой разведки. Формальные сведения можно было получать в региональных администрациях, но получение сведений более конфиденциального характера требовало доступа к базам данных МВД или ФСБ. Это называлось «пробить по базам данных». ...

Наезд. ... Это способ психологического, а иногда и физического давления на бизнесмена — в основном для стимуляции его искренности и деморализации. Он может принимать различные формы: от визита страшных бандитов, крушащих оргтехнику, угрожающих персоналу физической расправой и обливающих офис бензином с обещаниями сжечь всё в чёртовой матери, до более или менее вежливых визитов пожарной, эпидемиологической или налоговой инспекции с явным намерением закрыть фирму. ...

Стрелка. ... Считается, что бандит не должен обманывать другого бандита, тем более при личной встрече и при свидетелях. Обман может быть расценен как оскорбление и

«предъявлен». Поэтому многие ситуации, и ситуация конфликта в особенности, требуют личных встреч. Согласно правилам («понятиям»), любой бандит или группировка может назначить встречу любому другому бандиту или группировке. Такие встречи и обсуждения называются «стрелки». ... Стрелку нельзя пропустить или игнорировать; это не только приведет к проигрышу по конкретному вопросу, но и повредит репутации. Опоздание тоже не приветствуется и может поставить опоздавшую сторону в невыгодную ситуацию с самого начала. Наиболее примечательным аспектом стрелок является ... их семиотика. «Забывая» стрелку, участники не оговаривают всех её деталей и условий, но существуют особые знаки или признаки, которые помогают предсказать ее характер и исход. Все силовые предприниматели чувствительны к таким знакам и умеют их распознавать, а те, кто не умеет, значительно уменьшают ожидаемую продолжительность своей жизни. Наиболее важным является умение определить вероятность применения силы и соответственно подготовиться. ...

Присутствие большого количества вооружённых людей и нервная обстановка, конечно, повышают вероятность силового сценария. Однако если обе стороны адекватно подготовлены и показывают наличие силового ресурса, должен сработать механизм сдерживания и переговоры пройдут относительно мирным образом. ... В целом, умение «грамотно провести стрелку» (т.е. успешно и без стрельбы), своего рода бандитская дипломатия, ценилась в преступном мире более высоко, чем умение драться или стрелять.

Разборка. Столкновение с применением силы или оружия обычно называют «разборкой». Она может произойти как спонтанно, так и в виде спланированной массовой акции, когда две или более вооруженные ОПГ встречаются в условленном месте и применяют ... автоматическое оружие. ...

Разводка. Этот термин обозначает один из основных тактических приемов, применяемых силовыми предпринимателями. ... В своей классической форме ... — это способ увеличения размера охранной дани посредством манипуляции внешними угрозами взамен прямых угроз. ... ».

*Волков В. Силовое предпринимательство. СПб. – М., 2002
(Труды факультета политических наук и социологии
Европейского университета в Санкт-Петербурге. Вып. 4).*

XIII. ПОВЕДЕНИЕ

Теоретический минимум

1. Зоопсихология, этология, социобиология — науки о поведении животных и человека. Врождённые предпосылки людских действий.
2. Иерархия и агрессия в стаде зверей и обществе людей. Природные основы неравенства, сотрудничества и власти.
3. От инстинктивных запретов — к морали. Нравственные ценности: добро и зло; долг и совесть; любовь, дружба и вражда; т.п. Проблема счастья.
4. Этикет межличностного общения в типичных ситуациях (дома, на улице, на службе, в путешествии, на праздничном приеме, на природе).

Литература

- Спиркин А.Г.* Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. XI. 7. «О психике животных»).
- Диор К.* Словарь моды: учитесь одеваться. Пособие для женщины / Пер. с франц. М., 2010.
- Королёва Л.Г.* Основы этических знаний. Курск, 1994.
- Мы живём среди людей. Кодекс поведения. М., 1989.
- Кипа Л.Р.* Правила поведения: современный этикет. М., 2010.
- Кузнецов И.Н.* Деловой этикет от «А» до «Я». М., 2006.
- Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М., 2008.
- Уокер Дж. Р.* Введение в гостеприимство / Пер. с англ. 4-е изд. М., 2008.
- Этикет. Современная энциклопедия / Под ред. *М. Аксёновой*. М., 2008.
- Этикет и стиль. Большая энциклопедия / Отв. ред. *Л. Ошеверова*. М., 2010.
- Акимушкин И.И.* Проблемы этологии. М., 1985.
- Бердяев Н.А.* Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 2008.
- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004.
- Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия / Пер. с англ. СПб., 1998.
- Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). Сб. статей / Ред. *М. Муравьёва*. СПб., 2011.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. Обезьяна, примитив, ребенок. М., 1993.
- Глаудер М.* Сила мгновенных решений. Интуиция как навык. М., 2012.
- Гудолл Дж.* Шимпанзе в природе: поведение / Перс. с англ. М., 1992.
- Де Джордж Р.Т.* Деловая этика. Учебный курс для колледжей и университетов. М., 2003.
- Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы: беседы о человеке в компании птиц и зверей. М., 1994; 2-е изд. СПб., 2003.
- Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы: беседы о человеке в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2011.

- Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М., 2001.
- Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2001. № 8.
- Краль К. Мыслящие животные. Факты и мысли по поводу умственных способностей животных / Пер. с нем. 2-е изд. М., 2012 (Этология и зоопсихология).
- Кэрригер С. Дикое наследство природы / Пер. с англ. М., 1973.
- Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. М., 1994.
- Лоренц К. Год серого гуся / Пер. с нем. М., 1984.
- Лоренц К. Кольцо царя Соломона / Пер. с нем. М., 1980.
- Лоренц К. Человек находит друга / Пер. с нем. М., 1997.
- Лоренц К. По ту сторону зеркала. / Пер. с нем. М., 1999.
- Лоренц К. Так называемое зло. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. Опыт естественной истории человеческого познания / Пер. с нем. М., 2008.
- Мак-Фарленд Д. Поведение животных: психобиология, этология и эволюция / Пер. с англ. М., 1988.
- Моррис Д. Голая обезьяна. М., 2001.
- Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения homo sapiens / Пер. с англ. СПб. – М., 2003.
- Резникова Ж.И. Интеллект и язык. Животные и человек в зеркале эксперимента. М., 2000.
- Тинберген Н. Поведение животных / Пер. с англ. М., 2012. (Наука и мир. Классика).
- Тинберген Н. Социальное поведение животных / Пер. с англ. М., 1993.
- Тинберген Н. Осы, птицы, люди / Пер. с англ. М., 2012 (Наука и мир. Классика).
- Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ. СПб., 2008.
- Хайнд Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии / Пер. с англ. М., 1975.
- Шовен Р. От пчелы до гориллы. Поведение животных / Пер. с франц. М., 1972.
- Эрман Л., Парсон П. Генетика поведения и эволюции / Пер. с англ. М., 1984.
- Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы / Под ред. М.Л. Бутовской. М., 1999.

Тематика рефератов

- Возникновение этологии как науки и её достижения.
- Агрессия в мире животных и среди людей.
- Варианты человеческой сексуальности и их эволюционные основы.
- Мужские и женские сексуальные стратегии.
- Гомосексуализм: природа и культура.
- Стереотипы поведения и современная реклама.
- Мир запахов в жизни людей.
- Смех в контексте общественных отношений.
- Поцелуй: эволюционные предпосылки и культурная ценность.
- Общее и особенное в понятиях любви и дружбы.
- Ритуал поведения и его типы в живой природе и в культуре.
- Культура вины и культура стыда.
- Многоликая любовь.
- Счастье как высшая человеческая эмоция.

Мораль — необходимый вымысел? (Ф. Ницше переоценивает ценности).
Эгоизм и альтруизм: вечная битва за человеческую душу.

Текстологический практикум

К. Лоренц — врач, учёный, писатель, философ

1. Конрад Лоренц (1903–1989) — выпускник медицинского факультета Венского университета; ученик известного анатома Фердинанда Хохштеттера, великого орниолога Оскара Гейнрота (Австрия) и биолога-дарвиниста, философа Джулиана Хаксли (Англия); исследователь поведения животных; врач вермахта на русском фронте (Белоруссия); заключенный советского лагеря военнопленных (Казахстан); директор Института сравнительной этологии Австрийской Академии наук (Альтенберг); лауреат Нобелевской премии (совместно с Н. Тинбергеном, К. фон Фришем) 1979 г.

2. Книга «Так называемое зло (Об агрессии)» (1963).

3. Книга «Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого поведения» (1973) — биологическая философия человека и общества.

4. Книга «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» (1973) — предупреждение против глобальной катастрофы.

5. Книги «Человек находит друга», «Кольцо царя Соломона» — популярный учебник по обращению с домашними животными для всех желающих их по-настоящему понять.

Литература

Лоренц К. Человек находит друга. Кольцо царя Соломона. М., 1995.

Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М., 1998.

Конспект

Люди когда-то произошли от животных. Особых животных и очень давно, но произошли. И остались животными — в каком-то смысле, отчасти. С другой стороны, человек заметно отличается от животных, превосходит их всех без исключения по всем статьям (включая физическую силу, недостаток которой перекрывается оружием). Ведь люди наделены разумом — способностью мыслить логически, творить смыслы культуры, действовать целесообразно. Человеческое поведение гораздо сложнее и противоречивее, чем у животных, даже самых развитых — приматов. Однако игнорировать наше поведенческое сходство с животными, прежде всего высшими, было бы близоруко, опрометчиво. Ведь наши организмы очень похожи. Значит, следует проследить сходство животной и человеческой психики. Надо вдуматься в сложную систему репродуктивного (шаблонного) и творческого в жизнедеятельности животных и людей, а особенно биологического и социального в поведении человека.

Само **понятие поведения** должно корректироваться применительно к разным уровням живой природы. По отношению к простейшим организмам, растениям о «поведении» можно говорить только в переносном смысле: они целиком зависят от внешней среды и в очень ограниченных пределах могут изменяться в ответ на её влияния. Поведение же в собственном смысле этого слова

появляется вместе с психикой и ее материальной основой — нервной системой животных. Их высшая нервная деятельность, точнее — её результаты по регуляции жизнедеятельности организма, *активное взаимодействие организма со средой* и называется *поведением*. Оно, поведение, складывается из *внутренней* (психической, образной) и *внешней* (двигательной, вообще оперативной) активности живого существа.

У животных, — и низших (например, насекомых, рыб), и высших (млекопитающих, особенно приматов) поведение соткано из сложной гаммы безусловных и условных рефлексов, с периодическим проявлением элементарного интеллекта. Напомню, что устойчивая *система безусловных (врожденных) рефлексов*, наследственная для определённого вида называется *инстинктом*.

Такие *базовые инстинкты*, как:

- *пищевой* — утоления голода и жажды;
- *терморегуляционный* — поддержания комфортной для вида температуры тела;
- *половой* — продолжения рода, поиска и завоевания полового партнёра;
- *ориентации* в окружающем пространстве ради приспособления к нему, выживания;
- *предварительной самозащиты-агрессии*;
- ряд тому подобных — все они образуют безусловно необходимый фундамент поведения любого животного. Нарушения инстинктивной программы поведения у животных практически исключены и, как правило, губительны, если не сразу для отдельной особи, но в будущем для данного вида.

Вместе с тем, у всех видов животных *врожденная программа поведения* является более или менее пластичной, она всегда *дополняется* приобретенными за счёт *условных рефлексов* индивидуальными и новыми способностями. Условные рефлексы то и дело вмешиваются в инстинкты, но не отменяют, а только дополняют, поправляют их — в зависимости от изменений не только *внешней среды обитания* в тот или другой момент времени, но и *внутреннего состояния* определенного *организма*. Например, реакция птицы-самки на яйцо запрограммирована рефлекторно (поведение насиживания птенцов), однако будет ли эта реакция реализована и насколько упорно, зависит от текущего функционального состояния наседки (прежде всего от ее гормонального статуса — количества в её крови секретируемого гипофизом гормона — пролактина; возраста особи). Нормальный человек накануне возможного акта любви рефлекторно отреагирует сексуальным возбуждением, тогда как религиозный фанатик Иисус Христос гневно отвергает все домогательства красивой женщины Марии Магдалины, а, допустим, замученные службой новобранцы в армии на сколько угодно эротическом фильме просто уснут.

Выдающийся русский физиолог *Леон Абгарович Орбели* разработал убедительную концепцию постнатального «дозревания» врожденных безусловных рефлексов под влиянием и при взаимодействии с условными. Его наблюдения развил один из основоположников этологии *Николас Тинберген*. Его исследование (1953) рыб колюшек показало, как реакция атаки запускается у них *знаковым стимулом* — мельканием красного брюшка другого самца этой породы. Точно также рыбки реагировали на мелькание других объектов красного цвета. Увеличение размеров объекта-раздражителя действовало как *суперрелизер*, провоцируя

преувеличенную реакцию. Точно так же маленькие птички охотно кормят подброшенного в их гнездо кукушонка, чей широко раскрытый клюв сильно стимулирует реакцию кормления у приёмных родителей.

Наконец, кроме рефлексов (и безусловных, и условных) поведение многих пород птиц и высших животных регулируется еще и *примитивным интеллектом* — способностью решать новые, нестандартные задачи путем несложного анализа и синтеза получаемой информации в прямом контакте с ее источником (окружающей средой). Так, шимпанзе, чтобы достать термитов из муравейника, суют туда хворостины и слизывают с них насекомых; живя на морском побережье, привыкают мыть съедобные овощи в солёной морской воде; и т.п.

Таким образом, генетическое влияние на поведение животных обязательно связано с влиянием окружающей среды.

Характеристики наследственного поведения (согласно К. Лоренцу и Н. Тинбергену):

- *стереотипность* — некоторые акты поведения в определенных условиях организма и среды повторяются в точности;
- *видоспецифичность* — поведение определяется особым для каждого вида животных набором генов;
- *потенциальная готовность* действовать согласно генетической программе даже в условиях изоляции от особей того же вида; обучение ускоряет рефлекторную реакцию, но не является необходимым для неё;
- поведение происходит *целостным блоком*, даже если животное никогда его не практиковало (практика — вариант обучения, а оно вовсе не обязательно для запуска наследственной программы).

У человека, в силу сложности его психики, *наследственные программы* поведения редко действуют столь автоматически, как у животных. Чаще всего — как *тенденции*, склонности поступать тем или иным образом.

Наука о поведении животных, его сложных формах в их естественной среде обитания называется **этология** (от греч. «ethos» — характер, нрав, обычай). Основателями этологии признаны Нобелевские лауреаты по физиологии и медицине за 1973 г., увенчанные ею именно за работы на данную тему, — *Карл фон Фриш* (Германия), *Конрад Лоренц* (1903–1989) (Австрия), *Николас Тинберген* (1907–1988) (Голландия). Решение Нобелевского комитета на сей счёт гласило: «За создание и использование на практике моделей индивидуального и группового поведения».

Став людьми, наши далёкие предки и их многочисленные копии — потомки, т.е. все представители вида *Homo sapiens*, тем не менее сохранили важнейшие *инстинкты* — *врожденные программы поведения всех животных*, в особенности млекопитающих, прежде всего — приматов. В нашей обычной речи слово «инстинкт» как правило означает что-то низменное, чаще всего дурное, что лучше подавлять в себя и скрывать от окружающих. Сказать человеку: «Ты животное!», «Ты не контролируешь своих инстинктов» и т.п. означает оскорбить его. Однако в научном смысле слова, как понятие биологии и психоло-

гии, инстинкт — никакое не зло, а благо; гигантское, неоценимое завоевание эволюции живой природы. Организм в этом смысле можно сравнить с «компьютером», а инстинкты — с его «программами», «редакторами». Чтобы начать действовать, мозгу, ЦНС, всему организму нужно «разбудить» заложенную в генах рефлекторную программу поведения. Эта программа вбирает в себя огромный опыт приспособления предков данного вида к среде их обитания, борьбы и сотрудничества этих животных со средой, друг с другом и с другими видами животных. Естественный отбор уничтожил тех животных, которые реагировали на вызовы среды неадекватно. Успешные же реакции в своем большинстве сначала бывали просто случайными, но именно они закрепились в потомстве удачливой особи, легли в основу той самой инстинктивной программы выживания вида, которая сегодня выглядит такой целесообразной, гармоничной.

Если человек слишком долго и слишком упорно поступает наперекор инстинктам, формирует у себя неадекватные условные рефлексы (например, проповедует половое воздержание или непротивление злу насилием), это в какой-то степени подрывает его физическое и психическое здоровье, превращается в фанатика или юродивого. Как это выглядит на примере полового инстинкта, показал З. Фрейд в своей теории неврозов бессознательного. Похожий по своим плачевным последствиям результат получается, если, наоборот, целиком и полностью отдаться инстинктам (что художественно изображено Р.Л. Стивенсоном в «Странной истории доктора Джекиля и мистера Хайда»). В этом случае человека «наказывает» культура — через осуждение окружающих, угрызения собственной совести (пушкинский Борис Годунов: «И мальчики кровавые в глазах!»).

К счастью или к несчастью для нас, все инстинкты у людей подверглись мощному преобразованию, своеобразной цензуре. В роли надзирателя за природными влечениями выступают, во-первых, общество, коллективные интересы человеческого общежития; а во-вторых, сама отдельная личность с ее разумом, творческими целями в жизни. Чтобы возвыситься над природой, преобразовать ее в своих целях, увеличить продолжительность и качество своей жизни, наполнить ее особыми смыслами и ценностями, людям потребовалось ограничить инстинкты. В норме, в массовом своем проявлении ни один инстинкт не действует у людей непосредственно, так, как у животных. Поэтому все аналогии между людьми и животными остаются в той или иной степени условными, нуждаются в оговорках, поправках, добавлениях.

Отдельные научные дисциплины, изучающие людей, акцентируют разные стороны в их поведении. **Социобиология** занимается животным наследием в людской активности. Это, можно сказать, *этология человека*. Основоположником данной дисциплины считается Эдвард Вильсон (1929) (США), который в 1975 г. (2-е, доп. издание 1980) опубликовал книгу «Социобиология: новый синтез». Ее предмет он определил как «систематическое изучение биологических основ общественного поведения».

Согласно наблюдениям социобиологов, многие формы поведения человека прямо или косвенно восходят к программам поведения млекопитающих и

особенно приматов. Называя такие общеживотные формы поведения стереотипными, Вильсон выделял среди них:

- защиту определенного места обитания;
- агрессивность (как опережающую защиту жизни и достоинства особи);
- шаблоны сексуального поведения;
- nepotизм (от лат. *peros* — внук, племянник), т.е. семейную солидарность, стайность, стадность; покровительство родным и близким особям.

Приведём примеры (далеко не все возможные) этих поведенческих стереотипов у людей, своими корнями уходящих в животный мир.

Защита территории — необходимое условие выживания животного, особенно стайных видов. Стадо как целое окарауливает необходимую для жизнедеятельности, прежде всего питания площадь; отдельная особь внутри стада цепляется за отведенный ей в стадной иерархии участки пространства (при отдыхе, кормлении, передвижении). Так стадо павианов периодически обходит свой участок леса и следит, чтобы другие стада обезьян не заходили сюда; попытки сделать это заканчиваются угрозами, а если они не действуют, то драками. Так же собаки и кошки метят тот участок двора, улицы, поля, на который они претендуют. Даже малая размером и слабая собака будет отчаянно драться, находясь в своем дворе или возле своего дома; по мере же удаления от своей территории ее агрессивность будет резко снижаться.

История человеческого общества знает множество войн между племенами, государствами, общинами из-за территории. Во многих таких войнах территориальные конфликты были всего лишь поводами, прикрытием совсем других целей агрессии. Очень часто агрессия вообще самоцельна — «Я дерусь потому, что дерусь», как говаривал Портос у А. Дюма. Подростки дерутся двор на двор, улица на улицу, район на район, класс на класс и так формируют ценимые ими физические и психические качества. В армии драки продолжают между призывами, а в последнее время — между землячествами (как происходит такая массовая драка можно прочесть в повести Сергея Каледина «Стройбат» или же в «Зоне» Сергея Довлатова).

Вот внутренние войска. Красные погоны. Они охраняют заключенных в зоне. Сержант Петров по кличке «Фидель» обращается к будущему автору этой повести. «У Дзавашвили чача есть, — сказал Фидель, — только он не даст. Пошли?

— Неохота связываться.

— Почему это?

— Неохота, и всё.

— Может, ты его боишься?

— Чего мне бояться. Плевал я...

— Нет, ты боишься. Я давно заметил. ... Все грузины с ножами ходят. Если что, за ножи берутся. ...

— Пошли, говорю.

... Андзор Дзавашвили спал возле окна. ... Фидель разбудил его и говорит:

— Слышь, нерусский, дал бы чачи...

Дзавашвили проснулся в испуге. Так просыпаются все солдаты лагерной охраны, если их будят неожиданно. Он сунул руку под матрас. Затем взгляделся и говорит:

— Какая чача, дорогой, спать надо! ...

— Тут Фидель как закричит:

— Как же это ты, падла, русскому солдату чачи не даешь?!

— Кто здесь русский? — говорит Андзор. — Ты русский? Ты — не русский. Ты — алкоголист!

Тут и началось.

Андзор кричит:

— Шалва! Гиго! Вай мэ! Арунда!..

Прибежали грузины в белье, загорелые даже на Севере. Они стали так жестикулировать, что у Фиделя пошла кровь из носа.

Тут началась драка, которую много лет помнили в охране. Шесть раз я падал. Раз три вставал. Наконец, меня связали телефонным проводом и отнесли в ленкомнату. Но даже здесь я преследовал кого-то. Связанный, лежащий на шершавых досках».

Как видно, под флагом защиты своей территории чаще всего решаются совсем другие задачи, чем просто обеспечение собственного места под солнцем. Перед нами чаще репетиция возможностей, тренировка готовности отразить угрозу собственной территории, проверка дееспособности лидеров и новичков в микрогруппе.

У каждого члена семьи в доме, даже если он ограничивается одной комнатой, должен быть свой, сугубо личный участок (кровать, тумбочка, полка и т.п.), которого остальные сородичи, как правило, не касаются. Бедность и бескультурие заставляют людей есть на кухне, а не в столовой; устраивать рабочий кабинет в спальне; а спальню совмещать с детской — такого рода дисгармонии общественного пространства вносят свою долю в богатую копилку неврозов.

Дистанция приближения человека к человеку при непосредственном их общении достаточно строго регламентируется обстоятельствами такового. Как правило, на публике слишком близко приближаться к собеседнику, трогать его рукой не рекомендуется этикетом. Подобный контакт — признак личной близости, привилегия родства, дружбы, старшинства-покровительства.

Такое явление общественной жизни, как ее милитаризация, если разобраться, во многом атавизм. Наша страна сегодня содержит на полуголодном пайке многомиллионную армию, которая совершенно небоеспособна; проиграла, причем позорно, с немислимыми потерями в живой силе и технике, все локальные войны последнего времени: на Ближнем Востоке, в Афганистане, поначалу в Чечне. Вместо того, чтобы распустить миллионы поставленных под ружье, но не умеющих и не желающих воевать людей и призвать на службу необходимое количество добровольцев-профессионалов, Россия еще долго будет отнимать деньги у медицины, образования, науки, культуры потому, что надо защищать нашу огромную территорию. Пусть жители Курильских островов лишены самого необходимого, но мы никогда не отдадим их, эти острова Японии, уровень жизни которой куда выше российского. Лучше пусть мучаются в России, чем процветают в составе Японии. Это же наша земля!

Надо признать, что в таком подходе есть резон: не нами эта земля завоевана, не нам ее отдавать. Сегодня отдадим Курилы, завтра у нас потребуют Сибирь, послезавтра ещё что-то. Вчера мы не добились чеченских сепаратистов и террористов, а сегодня они взрывают дома в наших городах; если наконец не уничтожить их, оборону от кавказской угрозы придется вести на юге самой России. Первые успехи русской армии в Дагестане и Чечне в 1999 г. вызвали небывалую поддержку всех без исключения слоёв населения и политических сил России.

Агрессия — закон всей живой природы. *Агрессивность* — в этологии не просто нападение, а обязательно злобное, с проявлениями ярости. Перед нами совсем необязательно вероломное, эгоистичное посягательство на чьи-то закон-

ные интересы. Так звучит это слово в бытовой речи, в политическом лексиконе. Применительно же к животному миру агрессия — «просто» форма межвидовой и внутривидовой борьбы за существование. С точки зрения природы как целого, именно победитель в агрессивной сшибке двигает вперед эволюцию своей победой над менее приспособленным животным.

Повторю, что с точки зрения этологии далеко не всякое нападение можно назвать агрессией. Когда волк или лисица ловят зайца или мышку — это не агрессия, а охота. Когда охотник стреляет волка или утку — это тоже не агрессия, а спорт или добыча пищи. Агрессия должна сопровождаться соответствующими эмоциями — страхом, злобой, ненавистью, гневом и т.п. Когда пёс лаем и рычанием выгоняет со двора чужую собаку или незнакомого человека — вот это агрессия. Когда человек пытается убить «доставшего» его комара или муху, что назойливо вьётся у его лица — это агрессия. Когда психически неуравновешенная учительница кричит на школьника — это агрессия. И т.п.

Как видно, обратная сторона агрессии — *страх*. Агрессия и страх предполагают и перерастают друг в друга. При этом субъект и объект агрессии не всегда совместимы по размеру и реальным возможностям бороться друг с другом. Чаще всего агрессия носит *делегированный характер* — направлена от сильного к слабому, чем наоборот, что эволюционно вполне понятно. В общем, в случае агрессии перед нами *угрожающее поведение*, цель которого — устранить другое животное как опасное (прямо или потенциально, выглядящее незнакомым, подозрительным) из зоны прямого взаимодействия с собой.

Похожими причинами обусловлена *внутривидовая агрессия* — тогда конфликты ведутся из-за пищи, полового партнера, места обитания, иерархии в стае и т.п. поводам.

Среди людей биологические причины дополняются психологическими и социальными. Среди таковых — негативное, провоцирующее влияние средств массовой информации, массированно тиражирующих сцены насилия; изменения образа жизни, выбивающие личность из колеи традиционно-патриархальной культуры; жестокое обращение с детьми, стариками, женщинами, чьи возможности самозащиты ограничены; алкоголизм, наркомания, снижающие тормозящее влияние коры головного мозга на подкорковые механизмы девиантного (отклоняющегося) поведения.

Однако глубинные причины агрессивности лежат не вовне, а внутри — в соответствующем инстинкте, который заранее настраивает животное на «войну всех против всех», в условиях которой ему хочешь не хочешь придется выживать. К. Лоренц, автор фундаментальной работы «Агрессия: так называемое «зло»» (1973), блестяще продемонстрировал *спонтанное накопление агрессии* в обычном аквариуме. Если к паре семейных рыбок посадить третью, то те, первые начнут на неё нападать, «дружа» между собой. Если третьего соседа убрать, через какое-то время самец начнет нападать на самку. Если же разделить аквариум на две части стеклом и в каждом отсеке поселить по паре рыбок, пары

начнут враждовать между собой через стекло. А затенив это стекло, мы вызовем драки внутри каждой пары.

Точно так же сама собой накапливается агрессия внутри каждого микроколлектива людей: классе, бригаде, экспедиции, команде, воинской части, даже в семье, которые рано или поздно превращаются в «террариум единомышленников». Очень логичен шуточный вопрос великой актрисы Ф.Г. Раневской: «Против кого дружим?» Мы можем ослабить агрессивность в человеческих коллективах, придать её выплескам мало-мальски цивилизованную форму (спорта, творческого соревнования, устной полемики и т.п.), но устранить агрессию совсем из мира животных и людей никому никогда не удастся. У многих актов агрессии нет причины, есть только поводы, а они всегда рано или поздно найдутся.

Проявления агрессии варьируются: от прямого выражения (укусы, удары) — к демонстративному (рычание, оскал клыков, другие угрозы) — и вплоть до символического (вызывающая внешность, провоцирующее поведение). К. Лоренц открыл великую — спасительную роль *демонстративной агрессии* в ходе естественного отбора. Волки далеко не всегда пускают в ход клыки при ссорах между собой, часто они только демонстративно обнажают свое оружие. Как ни странно на первый взгляд, этологи рассматривают человеческую улыбку, обнажающую зубы, как редуцированную форму демонстративной агрессии. Улыбающийся примат как бы сигнализирует встреченного им сородичу: я готов к отпору, если ты проявишь враждебность, но сам драку не начну; или: я способен тебя защитить, не бойся. Подсознание партнера чаще всего улавливает данный сигнал, идущий из глубины миллионов лет антропогенеза.

Люди гораздо чаще бранятся, чем непосредственно дерутся. Большинство драк начинаются с брани. Учитывая наличие холодного и огнестрельного оружия, вообще разума у людей, этот — демонстративно-символический выход накопившейся инстинктивно агрессии, способ выстраивания межличностной иерархии очень гуманен. Любое животное сначала демонстрирует свои агрессивные возможности: издает громкие звуки; изменяет контур тела, чтобы казаться больше, чем оно есть на самом деле; делает ложные выпады в сторону противника и т.п., прежде чем всерьёз нападать на него.

Человек с его сниженным волосяным покровом и менее впечатляющими клыками и когтями хуже, чем животные умеет менять свою внешность в акте агрессии, и поэтому он компенсирует этот недостаток речью, одеждой, прочими символами. «Злые языки страшнее пистолета», — сетует Чацкий на свое «Горе от ума». Высокие каблуки, пышные причёски, стильная одежда; трибуна, из-за которой оратор смотрит на слушателей сверху вниз, обширный кабинет начальника — эти и т.п. факторы подсознательно действуют на окружающих, в какой-то степени подавляя в них возможное сопротивление. Красочная форма офицера = пиджак и галстук на чиновнике = боевая раскраска и перья орла на индейском вожде = шкура леопарда на плечах африканского царька = пугающий об-

лик хищника из семейства кошачьих — главного врага наших далёких предков — обезьян.

Напротив, выражая покорность, мы как бы уменьшаемся в размерах (кланяемся, жестами символизируем сдачу позиций, одеваемся попроще, больше молчим и т.п.).

Проигрывая в открытом состязании, особь часто стремится компенсировать это другими, доступными ей способами: хитростью, кооперируясь с другими аутсайдерами. Так у людей нередко в тираны, диктаторы, вообще начальники пробиваются люди невысокого роста, невзрачные внешне, даже в чем-то увечные, больные, но настырные и честлюбивые. Вокруг таких людей складывается особый ореол — калека, недотёпа на вид добился почёта, значит, у него есть некие скрытые способности, думают подданные, подчинённые.

Прямая агрессия обычно переадресовывается на нижние уровни иерархии в стаде: вожак кусает, клюет кого-то из своих помощников, а тот в ответ — кого-то из более слабых членов стаи. Начальник кричит на подчинённого, а тот — на свою жену, жена дает подзатыльник ребёнку, а тот лупит кошку. А когда кошки под рукой нет — рисует ругательство на стенке лифта, режет кресло в трамвае ножом, рвёт трубку из телефона-автомата — точно также, как самый слабый голубь в стае клюет в ярости не другого голубя, а землю. Подонки всегда переполнены скрытой агрессивностью. Только свобода и собственность поднимают со дна жизни. *Делегированная* по нисходящей линии *агрессия* унижает и своё, и чужое достоинство.

Половое поведение приматов и человека труднее всего сравнивать. Эта тема чаще всего табуируется по причинам настоящей и ложной скромности. В вопросах секса легче всего сбиться на вульгаризацию, преувеличить значение животных инстинктов в жизни людей. Зато эта тема всем интересна. Чаще всего роль полового влечения — *либидо* в поведении преувеличивается. На самом деле эта роль варьируется в довольно широких пределах от ситуации к ситуации, индивида к индивиду, от возраста к возрасту, от народа к народу, от эпохи к эпохе. О половой любви говорят, пишут и показывают во много раз чаще, чем ею занимаются на самом деле. В этом один из секретов данного аспекта социобиологии. Гиперсексуальность навязывается социуму как идеал рекламы (90–60–90), достоинство властителя (гаремы и т.д.), романтическая мечта обоих полов («мыльные» сериалы, женские романы, фильмы-мелодрамы).

На самом деле человек отличается от всех остальных животных именно в сексуальном отношении. Во-первых, отсутствием календарной регламентации цикла размножения — он способен спариваться в любое время года (должно быть, в период антропогенеза самки эволюционировали в этом направлении затем, чтобы удерживать самцов возле себя ради выхаживания детей; без помощи самцов дети у австралопитеков погибали из-за слишком длительного периода раннего детства с его беспомощностью). Во-вторых, наличием *менопаузы*, особенно заметной у женщин, которые после 40–50-ти в среднем лет теряют возможность беременности из-за гормональной перестройки. Как показали недавние наблюдения американских антропологов, взрослые, доминантные в стае самцы шимпанзе гораздо чаще «ухаживают» за пожилыми самками, годящимися им в бабушки и даже прабабушки, начинают от

них детёнышей. А молодые самки достаются в основном молодым самцам-аутсайдерам. У человека же наоборот — пожилые дамы обычно выбывают из любовной игры («Отцвели уж давно хризантемы в саду...»).

Тем не менее, отдельные черты полового цикла животных заметны и в интимных отношениях людей:

- самки нечеловекообразной обезьяны могут быть оплодотворены только несколько дней в году, в период овуляции; это состояние сразу становится заметно по ее внешнему виду и поведению, так что самцы легко могут узнать, за какой самкой стоит в данный момент «ухаживать»; у женщин овуляция наступает ежемесячно, но внешне это не слишком заметно — не только мужчина, но и сама женщина не способна распознать безошибочных для оплодотворения дней в своем месячном цикле; вследствие всего этого женщина вынуждена демонстрировать себя непрерывно; инициатива её выбора обычно принадлежит мужчине;

- чтобы не прекратить размножение вида бесконечными колебаниями при выборе полового партнера, психика формирует доминанту, обращенную на наилучшую из наличного выбора особь: её привлекательные черты преувеличиваются, а негативные преуменьшаются — ведь идеал можно искать вечно без гарантии успеха (Английская пословица гласит: «Тот, кто слишком долго ждёт в невесты королеву, кончит тем, что изнасилует молочницу»); подобный эффект своеобразного ослепления ума люди и называют влюбленностью (Стендаль в известном трактате «О любви» назвал эту процедуру кристаллизацией чувств — так сухая, уродливая ветка, брошенная в соляную шахту, обрастает там сияющими кристаллами); ослепляющее действие любви лучше заметно со стороны, но как правило бесполезно сообщать влюблённым свои «поправки» их чувств — биология и психология скорее всего победят логику и экономику;

- нормальный мужчина, хотя и предпочитает практически заниматься любовью с более зрелыми партнёршами, у которых явно выражены половые признаки, однако влюбляется чаще всего в юных дев (ситуация, подмеченная, в частности, эстрадной песенкой в исполнении Алёны Апиной — «Соперница»: «... На таких, как я, обычно женятся, а таким, как ты, стихи и песни посвящают»); как видно, инстинктивная программа мужчины настроена на внешние признаки полового созревания, а они у женщины (в отличие от остальных приматов) ярко выражены только в юности; с этим же связана стремление взрослых и пожилых женщин любыми путями замаскировать себя под очень молодых (средства макияжа заметны археологам едва ли не с каменного века); отсюда же облик топ-моделей, кумиров массовой культуры, так называемых секс-символов, который колеблется вслед за модой, но в целом тяготеет к достаточно юным и стройным дамам (тенденция, заострённая в набоковской «Лолите»); поэтому же умная и уверенная в себе и своей внешности женщина редко ревнует своего избранника всерьёз, вынуждена прощать ему символические увлечения; у поэтов, художников, артистов обычно музы много моложе жены; отсюда же, в принципе, мудрый обычай, чтобы жених был старше невесты на несколько, 5–10 лет, ведь климакс у женщин наступает гораздо раньше, чем у мужчин; абсолютное большинство разводов в зрелом возрасте связано прежде всего с более ранним прекращением половой активности женщины; здесь о биологию разбиваются сколь угодно возвышенные соображения этики (обязанность содержать мать своих детей) и педагогики (дети) — мужчина, чтобы спасти уверенность в себе и смысл личной жизни, при благоприятной возможности нередко меняет постаревшую партнёршу на гораздо более молодую или по крайней мере более темпераментную;

- у каждого пола — своя эволюционная цель; у мужского с его избытком гамет (половых клеток) — оставить больше потомков, не особенно заботясь о качестве наследственности; у женского — сберечь свои гаметы, обеспечить онтогенез каждой из них в случае оплодотворения; между прочим, именно по этой причине аборт никогда не проходит без вреда для психики женщины, ломая ее инстинктивный биологический стереотип социальными и моральными запретами; а при разводе детей оставляют чаще всего женщине;

- равенство полов, с точки зрения этологии, должно ограничиваться юридическими и экономическими правами; доминирование мужчин на большей части жизненного пространства, исключая сферу выхаживания потомства, — общая черта всех приматов; власть отца в патриархальной семье — модель, восходящая к периоду антропогенеза и дальше, в дикую природу; матриархат — выдумка кабинетных учёных XIX в.; когда в истории человечества женщины освобождались от власти мужчин, это всегда приводило к развалу семьи, дисгармонии в отношениях полов и поколений; сказанное вовсе не отрицает наличия собственного авторитета у самок как в животном мире, так и во многих человеческих культурах;

- по генетическим программам, общим со многими животными, родитель противоположного пола — во многом образец будущего брачного партнёра; проще говоря, в своей невесте и жене мужчина бессознательно склонен предпочитать физические и психические качества матери; и наоборот, невеста в женихе не прочь узреть некую копию своего отца;

- у человеческих детёнышей самое длинное в природе детство; по предположению этологов именно это обстоятельство обусловило объединение пралюдей в такие коллективы, где заботу о потомстве могли осуществлять не только сами родители, но и другие родственники; такое биологическое явление, как *импринтинг* — запечатление первых образов мира у новорожденных птенцов, щенков и т.п. зверёнышей, у наших младенцев растягивается на несколько лет; именно поэтому полноценная психика у младенца формируется только при условии постоянного контакта с матерью, тактильного и речевого — мать должна часто и долго говорить с новорожденным, который сначала мало что в её речи понимает, но учится говорить гораздо скорее и лучше приютских детей и сирот, которые чаще отстают в умственном развитии; далее, наиболее влиятельными воспитателями детей выступают старики, особенно родные им по крови (так молодые павианы особенно охотно учатся у пожилых самцов с седой гривой; когда в эксперименте таких самцов остригли — внешне омолодили, павианыши перестали усваивать образцы поведения).

Можно ещё долго перечислять унаследованные в той или иной степени из животного мира черты человеческого поведения. Однако при этом важно не потерять из виду и другую сторону медали — тех факторов человеческого поведения, которые целиком относятся к нашей общественной жизни, сформированы не природой, а *историей и культурой* человечества, прежде всего *народа*, к которому мы принадлежим по рождению и воспитанию. Разум и открытые им возможности для творчества, интересы коллективов, общества, куда входит любая личность — вот откуда исходят серьезные поправки и дополнения к челове-

ческой биологии и этологии. Эти сугубо человеческие качества в совокупности называются моралью или же нравственностью. Порой термин «мораль» относят к индивиду, а «нравственность» к обществу, но проще говоря эти выражения почти синонимы.

Моральные рекомендации и запреты регулируют поведение любого нормального человека не менее influentially, чем зов природы — инстинкт. Нет человека вне морали. Тот или иной индивид может бросать вызов общепринятой морали, но он обязательно возопит о каких-то принципах, если судьба прижмёт его самого.

Даже в мире животных можно различить *прототипы человеческой морали*:

- *не убивай своего* (по виду, группе-стае); отсюда идет групповая солидарность людей; тот круг лиц, на который в первую очередь распространяется тот или иной кодекс поведения; чем шире моральный кодекс, тем слабее его действие, тем больше исключений из него позволяют себе люди; наибольшей сплоченностью обладают самые естественные микрогруппы, начиная с семьи;

- чтобы не убить своего, *не нападай неожиданно*, не применяй смертельных приёмов борьбы *к своим* (волки убивают жертву на охоте, разрывая клыками горло или брюхо оленя или даже лося, но в драках друг с другом за лидерство в стае, никакой волк ни в какой ситуации не применит таких убийственных приемов; он бьёт соперника клыками по губам, разбивая их в кровь, кусает за шерсть на шее — больно, но не смертельно; точно также ведут себя в ходе внутривидовых схваток все другие породы животных-хищников и копытных; например, у самых драчливых котов гораздо чаще порваны уши, нежели выцарапаны глаза; «у сильного животного — сильная мораль», — делает вывод К. Лоренц; иначе хищники давно бы уничтожили друг друга в схватках за лидерство);

- *не бей того, кто принял позу подчинения*: проигравший схватку волк, лев или олень применяет безошибочный выход из борьбы — прыжком отскакивает от противника и подставляет ему самое уязвимое место — бок, шею; такого убийственного удара победитель не в состоянии нанести и бой прекращается; наверное, что-то похожее имел в виду Иисус Христос, советуя подставить левую щеку тому, кто ударит тебя по правой; он, конечно, понимал, что иногда полезно и сдачи дать; но если такого выхода нет, лучше всем своим видом продемонстрировать покорность, чтобы разоружить опасного противника; зрители симпатизируют герою, который предлагает противнику подобрать выбитое в схватке оружие и только тогда добивает его, получает моральное право добить; поэтому дуэль никогда не считалась убийством и эффективно регулировала честь благородных сословий; правило «лежачего не бьют» в ритуальных драках подростков и т.п.;

- *победа должна быть за тем, кто прав*: животное, защищающее свою территорию, самку, детёнышей от агрессора, побеждает чаще, даже если противник сильнее его; но агрессивность у нападающего в такой ситуации ослаблена запретом посягать на чужое; сюда, очевидно, восходят моральные и юридические запреты на чужую частную собственность (цепная собака наиболее опасна на своем дворе,

будучи спущена с цепи и выбежав за ворота, она резко снижает агрессивность; только специальная тренировка на силовое задержание нарушителя развивает у нее инстинкт агрессии до уровня подчинения соответствующей команде хозяина, а специальная селекция бойцовых пород вроде ротвейлера, бультерьера или питбуля делает из собаки потенциального убийцу.

Среди людей биология их жизнедеятельности чаще всего опосредуется и контролируется этикой — принятой в данном социуме моральными принципами.

Первые *кодексы нравственного поведения* в истории культуры были сформулированы основателями мировых и национальных религий — Конфуцием, Буддой, Моисеем, Христом, Мухаммедом. Более или менее общечеловеческие нормы морали звучат очень похоже на языках разных цивилизаций: не убий, не укради, чти родителей, трудись, не лги, не завидуй, не изменяй клятве, не обманывай близких тебе людей, не начинай войны (но защищай своих), не сотвори себе кумира, не поклоняйся чужим богам и т.п. Как видно, большинство этих простых норм морали опирается на основы целесообразного поведения животных внутри своего вида или же «доставляет» поведение людей до социального, культурного уровня.

Тот факт, что люди то и дело нарушают все на свете заповеди морали, только подчёркивает их закономерность и эффективность. Ведь осознаётся сам факт нарушения! Вот этого нет у животных: чувства греховности, мягче говоря — неудобности, неприличности того или иного поступка. Животные, так сказать, всегда правы, что бы они ни делали. То, в чём они не правы по отношению к инстинкту или рефлексу, они и не делают никогда. Человек же разумный наделён свободой выбора и на путях этой свободы своего рода компасом ему служит мораль. Вообще говоря, на опасных тропах можно заблудиться и пропасть и с компасом, и с картой местности. Но с ними всё же больше шансов выбраться в безопасное место. Такое сравнение помогает понять творческий характер морали. Люди обречены на периодический *нравственный выбор*, который часто весьма драматичен.

Мораль — это процесс творчества поступка. Все основные понятия этики как науки о морали — долг и честь, совесть и авторитет, любовь и дружба, счастье и т.п. — предполагают борьбу души с обстоятельствами жизни; мучения разума, решающего уравнения жизни со многими неизвестными; риск поступка, последствия которого чаще всего не полностью предсказуемы. Эталоны общественной морали (семейной, групповой, профессиональной, общечеловеческой) облегчают творчество жизни, наподобие знаков дорожного движения, которые ориентируют пешеходов и водителей. Но и при наличии таких знаков то и дело происходят аварии. Так и в нравственном поведении людей: никто не застрахован от ошибок и даже преступлений. Само воздержание от поступка представляет нередко собой самый страшный грех: равнодушие к людям, эгоизма. Выполняя заповеди морали, человек получает в награду душевный покой, мир с самим собой, ощущение самоуважения. Тогда как нарушение морали очень часто сулит ему же какую-то материальную выгоду — получить больше денег,

повышение по службе, почёт в обществе и т.п. Душевная борьба между нравственным долгом и желаниями лучшего будет происходить в душах людей вечно.

Моральные нормы носят исторический и сословный характер. Сохраняя большую или меньшую преемственность с этологическими законами, нравственностью прошлых эпох истории человечества, мораль постоянно в чем-то обновляется — преодолевая вечный конфликт отцов и детей, других общественных групп с разнонаправленными интересами.

Не стоит ждать от общественной морали, а тем более индивидуальной нравственности слишком многого, но нельзя и цинично отрицать их. Так поступают не слишком опытные и не наблюдательные люди. Они ждут от моральных принципов тотального, постоянного и всеобщего действия. Между тем, реальная, а не декларируемая мораль дискретна и прихотлива. Она, можно сказать, носит не горизонтальный, а вертикальный характер. А именно, у каждого из нас остаётся более или менее широкая зона «самого святого», через которую этот человек не переступит ни в каком случае. Как говорится, «это выше меня». То есть сильнее моего желания или принуждения. В этом конкретном пункте человека можно уничтожить, но нельзя победить. Надо только найти такой пункт. А во всех остальных вопросах тот же самый человек будет плевать на общественную мораль. Удивительно не то, что он на неё плюёт, а то, что хоть где-то он оказывается высоконравственным субъектом.

В единственном у О. Генри романе — «Короли и капуста» (1904) похожий случай с блестящим юмором описан в главе под названием «Остатки кодекса чести». Таковые сохранил один из вынужденных эмигрантов в Латинскую Америку — Блайт, по прозвищу Вельзевул. Так звали, напомним, падшего ангела. Вот и «Блайта» наименовали Вельзевулом, чтобы отметить, как велико было его падение. Некогда, в горних кущах давно потерянного рая, он общался с другими ангелами земли. Но судьба швырнула его вниз головой в эти тропики и зажгла в его груди огонь, который ему редко удавалось погасить» — алкоголизм. Истощив все возможные кредиты всех своих знакомых, Блайт решает шантажировать местного миллионера Гудвина. Пьяница оказался случайным свидетелем того, как Гудвин похитил чемодан с деньгами. Их первая беседа происходит за ресторанным столиком. Богач угощает бродягу, томящегося от похмелья, как лучшего друга. А тот так и не решается перейти к делу о шантаже. После ухода миллионера он говорит сам себе: «Я думал, что удастся... Но нет, не могу. Джентльмен не может шантажировать человека, с которым он пьёт за одним столом».

Спустя некоторое время Блайту, дошедшему до самого края безденежья, приходится повторить попытку. На сей раз он выкладывает своей жертве весь компромат. Гудвин предлагает оплатить все долги пьяницы и выслать его с тысячей долларов на родину. Шантажист в восторге: «Ваше предложение отличное, и сами вы отличный человек и дешево отделались. Я подчиняюсь всем вашим условиям. Но покуда... у меня страшная жажда... и, милый Гудвин...

— Не дам ни реала, — твёрдо сказал Гудвин, — покуда вы не сядете на пароход. Если вам дать деньги сейчас, вы через полчаса так напьётесь...

Но тут Гудвин всмотрелся в покрасневшие глаза Вельзевула, увидел, как дрожат у него руки и какой он весь расхлябанный. ... Он ... вынес стакан и графинчик виски.

— Выпейте покуда, на дорогу! — сказал он, угощая шантажиста, как своего лучшего друга.

У Блайта Вельзевула даже глаза заблестели при виде той благодати, по которой всё утро томилась его душа. Сегодня в первый раз его отравленные нервы не получили той установленной дозы, которая была им нужна. И отместку они мучили его жестоко. Он схватил графин, и хрустальное горлышко застучало об стакан в его дрожащих руках. Он налил полный стакан и встал навтыжку, держа стакан перед собой в руке. ... Он небрежно кивнул Гудвину, поднёс стакан ко рту и пробормотал: «Ваше здоровье», соблюдая древний ритуал своего потерянного рая. А потом, так внезапно, что вино расплескалось у него по руке, он отставил стакан, не отпив не одного глотка.

— Через два часа, — прошептал он Гудвину сухими губами, сходя вниз по ступенькам...

Дойдя до тенистой банановой рощи, Вельзевул остановился и ту же затянул пояс.

— Этого я сделать не мог, — лихорадочно сказал он, обращаясь к верхушкам банановых деревьев. — Хотел, но не мог. Джентльмен не может пить с человеком, которого он шантажирует».

Хорошо бы всем нам вспоминать эту шутливую формулу всякий раз, когда малодушие подталкивает нас к сомнительным поступкам... «Это выше меня», говорим мы, когда голос совести останавливает нас на каком-то отрезке неизбежной почти для каждого дистанции греха.

Хотя нормы нравственности руководители любого общества пытаются декларировать, озвучивать, транслировать — в школах, средствах массовой информации, произведениях искусства, религиозной литературе и богослужениях, в т.п. институтах общественной жизни, но *мораль по большей части прячется внутри, а не вне нашего собственного поведения и общения*. У морали свои закономерности, к счастью, неподвластные отдельным лицам и целым организациям. Она существует как своего рода *духовный иммунитет общества*.

Между прочим, у социализма не прослеживается инстинктивных корней: вожаки стадных обезьян никогда не делятся с остальными самцами тем, что сами добыли для пропитания; они раздают только отнятое у других, починённых им членов стаи; в условиях кочевого образа жизни, всё, что нельзя немедленно съесть или спрятать за щеку, обезьяна-доминант бросает или раздает сородичам нижних рангов, чтобы лишний раз продемонстрировать им свое превосходство; нередко вожак несколько раз подряд даёт подачку и отбирает её обратно — чтобы знали своё место в стадной иерархии.

В эксперименте с павианами этологи им в загон поставили сундуки и обучили их закидывать туда пищу; если сундук был один, им завладевал вожак и начинал накапливать там всё, что мог, ничего уже не раздавая подчиненным; если ставили несколько сундуков, доминант сбивался с ног, но все их контролировал и старался использовать сам, помешать другим самцам хранить там свои запасы; еще интереснее оказался результат усложненного эксперимента: обезьян обучили, нажимая какое-то время рычаг, зарабатывать жетон, за который они могли получить очень вкусную еду; в таких условиях стадо быстро расслоилось на несколько групп: одни усердно зарабатывали жетоны, другие предпочитали попрошайничать у них, стоя рядом с автоматом; вожак же и другие доминанты приспособились грабить у остальных жетоны и накапливать их впрок; причем скоро сообразили, что отнимать жетоны гораздо выгоднее, чем полученные на них продукты (хранить легче); труженики же в свою очередь образовали две группы: одни долго качали рычаг и накапливали жетоны, а другие, заработав жетон, тут же пускали его в обмен на еду; но после того как доминанты повадились грабить тружеников, те стали работать ровно на один жетон и тут же его тратить.

По сути, данные эксперименты рисуют нам картину того «реального социализма», в который неизбежно превращается общество людей, где бедные силой отнимают у богатых

их собственность и распределяют её между собой — результатом будет отнюдь не равенство и справедливость, а обнищание большинства, падение производительности и качества труда, образование класса новых богачей, только куда менее гуманных и творческих.

Как писал Р. Киплинг:

А в смутное время карбона
Сулили нам горы добра:
Нищий Павел, объединяйся,
И ограбь богатея Петра!
Деньжищ у каждого прорва,
А товаров нету нигде.
И Боги Азбучный Истин
Сказали: твой хлеб в труде!

Реальная мораль никогда не сулит человеку рая на Земле и гарантированного счастья. Она только призывает сильных по мере возможности помогать слабым, а слабым позволяет стать посильнее. В результате конкуренции собственников на рынке труда и услуг всё общество становится богаче, получает возможность больше помогать проигравшим в жизненной борьбе, чтобы они не мешали победителям в ней же пользоваться плодами победы. Хотя разница в доходах всегда сохраняется, но растёт так называемый «средний класс» — сужается разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными. Предотвратить такой социум от восстания недовольного меньшинства помогает цивилизованная оппозиция — она добивается от властвующей элиты некоторого перераспределения богатств в пользу аутсайдеров жизненной борьбы. Если не успокоить маргиналов такими подачками, не исключён кризис, даже революция.

Моральные санкции отличаются от юридических законов тем, что не регламентируются специальными органами и не контролируются особыми надзирателями. Судьи и полицейские следят только за самыми опасными для общества проступками — преступлениями против принятых верховными органами государства законов. Более сложная и массовидная сфера моральной регуляции обходится такими, по-своему весьма действенными в большинстве случаев механизмами, как *совесть* и *общественное мнение*. Человека, чьё поведение явно мешает другим людям, попирает гуманистические ценности, в нормально устроенном обществе рано или поздно обязательно одёрнут и словом и, если потребуется, делом его ближние или случайные встречные. А главное, что открыто аморальный человек явно или поздно останется в изоляции: с ним общаться мало кто захочет, кроме ему подобных подлецов.

В качестве иллюстрации приведу популярную у нас кинокомедию сценариста Константина Мурзенко и режиссёра Максима Пежемского «Мама не горюй» (1998). Отрывки из литературного сценария этого фильма приведены ниже, как приложение к этой лекции. Синописис картины гласит: «Была раз свадьба. Гулял Морячок. Появился местный авторитет Турист и стал приставать к невесте. Морячок его ударил. Сильно. Теперь Моряка все ищут: милиция, бандиты, родственники...»

Как видно, действие происходит в «бандитские 90-е» годы. Власть реально принадлежит организованным преступным сообществам — гангстеров и коррумпированных представителей государственных органов. Правит бал более или менее организованное насилие.

В ходу звериные инстинкты выживания («Бандиты потому что. Преступный мир. Волчьи законы...»). Но и здесь, в теневом мире организованной и неорганизованной преступности функционируют свои «правила игры» внутри отдельных социальных групп, на первый взгляд совершенно аморальных.

Например, девочки-подростки идут на вооружённое ограбление ради денег, но категорически отказываются украсть деньги в своей семье («дома брать — впадлу»).

Больше того, возникают личности, способные бросить вызов «системе». Пример Морячка, безрассудный и смертельно опасный для бунтаря, оказывается заразительным. На фоне всеобщего беззакония и аморализма заново рождаются моральные заповеди. Порой они сильнее страха и корысти. Многие сознают: Морячок-то прав, он заступился за самое святое, что есть у человека и мужчины. Ему помогают скрыться и «бригадир» собственной шайки по кличке Зубёк (актёр Евгений Сидихин), и схвативший было беглеца «боец» этнической банды Ринат (А. Векслер), а в конце-концов сам «разводящий» этой «темы» по поручению «общака» Артур (Гоша Кученко).

Женские персонажи этой пьесы тянутся не к самым богатым и властным мужчинам, а к самым смелым или романтическим. Так, девушка лёгкого поведения уходит от банкира Гриши к некоему космонавту в отставке («... Герой Советского Союза... Ну уже такой, потрепанный, давно не летает... Скафандр у него дома, я примеряла даже. Вообще, все говорят, что космонавты — импотенты, что там жёсткое излучение, всякое такое. Знаешь, ничего подобного — он конечно такой... неземной немножко. В такую невесомость утягивает.... Мне так легко было...»).

В память о боевом братстве в Афганистане сходу становятся друзьями бандит Зубек и посланный его арестовать майор милиции (Николай Чиндяйкин).

Старый уголовник, сам законченный наркоман Дядя (последняя роль в кино Валерия Приёмыхова) читает целую «лекцию» (убедительно!) о вреде наркотиков упомянутым школьникам, забравшимся со шприцами в подъезд. Эту «лекцию» о наркотике стоит прочитать каждому школьнику, студенту: «... Сядешь ведь — не снимешься потом. Брось давай его — пока не гноит тебя эта дрянь. Адом потом проклинать будешь, отвечаю. ... Дед, говоришь? А лет-то мне — сорок два всего, не поверишь. ... Тоже с двух кубов начинал чёрного... Пёрло тоже. А теперь героина восемь — не рубят. ... Ну я-то на зоне начинал... Было с чего. А вам-то что, кайфов других не хватает? С чего гаситься-то вам? Может, решили — круто по по-взрослому это всё? ... Частое дело — много кто проходил. Только кого купишь-то таким? ... Рогатый — всё свой базар вешает тебе, ... давай, мол, типа, перекинемся — мол, что проиграешь — это точно, зато время убьешь по кайфу. Никто ведь, типа, не выигрывает — так всё одно. А как врубишься — что же убил-то ты? Не время, поди, какое, а жизнь ведь убил свою, душу продал...»

Тем временем напарник Дяди Макар (Иван Охлобыстин, перешедший вскоре из актёров в священники) терпит капризы старшего «коллеги», срывающего денежное задание.

Короче говоря, у многих беспринципных по жизни людей откуда-то появляются свои принципы поведения. Поступок по совести их «греет» душевно, хотя и угрожает их спокойствию, денежным доходам, даже жизни. В общем, очень гуманный вывод — «Мама, не горюй!» (слова из советской песни о добровольцах-целинниках).

Сбои в моральной регуляции учащаются, когда изменения в общественном устройстве приводят к соседству людей с разными кодексами поведения. Например, сейчас многие сельские жители попадают в город, у которого свои, чуждые мигрантам правила жизни. И вот недавно приехавший в город студент разгуливает по университету, не снимая с головы зимней шапки (у себя дома, в деревне, этого не требовалось — в конюшне, в хлеву, в поле на просёлке, в казарме прохладно); щёлкает семечки в общественном транспорте, опуская шелуху под ноги, как будто там привычный чернозём или навоз, который всё поглотит; громко разговаривает, останавливается посреди лестницы, коридора,

как будто он в правлении родного колхоза, где только и можно всласть пообщаться с односельчанами; норовит первым влезть в уходящий трамвай, автобус, троллейбус, сесть там на мягкое сидение и сидеть, пока вокруг стоят пожилые люди, женщины и дети — ведь именно так он поступал, выезжая со своего полустанка в областной центр — там если опоздаешь на электричку, рейсовый автобус, попутную машину, то и не уедешь скоро из дома; и т.п. Как видно, хороший, но еще неотёсанный крестьянин становится неопытным, бестактным горожанином (об этом см. рассказ О. Генри «Квадратура круга»).

Раньше, до революции, русское общество довольно четко делилось на несколько сословий — крестьян, мещан, купцов, дворян, духовенство. У каждой из этих социальных групп был свой уклад жизни, своя культура поведения. Моральные нормы достаточно эффективно регулировали поведение обитателей сельской избы, домика в городском предместье, торговой конторы, барского особняка, церковного прихода. Тот, кто не вписывался в сословные рамки, не имел шансов сделать жизненную карьеру. Напротив, у добросовестного человека имелись реальные возможности повысить свое общественное положение. Почти все наши знаменитые учёные или инженеры, многие военные или врачи, художники и писатели XIX — начала XX вв. — выходцы из небогатых, а то и просто нищих семей крестьян, рабочих, сельского духовенства и т.п. разночинцев. Но блестяще оконченные гимназия, университет обеспечивали службу с высоким уровнем доходов. А дальше дело было за самим работником, чиновником: четверть века беспорочной службы, ордена соответствующего ранга приносили ему сначала личное, а затем потомственное дворянство. Неизбежные, но сравнительно редкие конфликты между представителями разных сословий показались революционерам главным злом старой России. Желая преодолеть общественное неравенство, большевики слишком быстро поломали старую иерархию. Новая иерархия оказалась не лучше, а хуже прежней: на роль лидеров, советской элиты после нескольких волн политических репрессий, унёсших миллионы жизней, выдвинулись люди не самые способные и воспитанные. Эталоны поведения были скомпрометированы, идеалы размыты. И до сих пор на пьедесталы кумиров большинства населения претендуют сейчас пошловатые и хамоватые «звёзды» эстрады, депутаты органов представительной власти, скороспелые предприниматели, т.п. деятели.

Важно оговорить, что применительно к животным как таковым все термины морали — сотрудничество, любовь, семья, иерархия и т.п. употребляются метафорически, в переносном значении. То есть реализации этих поведенческих стереотипов у них не предшествует мысль, намерение, присущие только людям. Животное ведёт себя так, а не иначе просто потому, что стихийно уходит от опасности, стремится к успеху выживания, лучшему приспособлению к среде обитания. Не понятия о добре и зле движут животными, а борьба за существование. Когда, допустим, собака слушается хозяина, ищет его внимания, защищает членов ее семьи, она всего лишь копирует отношения в стае волков или шакалов. Вплоть до попытки взрослого самца занять место лидера в стае (у домашней собаки — согнать рычанием жену хозяина с дивана и самой расположиться там).

* * *

Социобиологи отнюдь не утверждают, что человек остался по своей природе зверем. Они признают, что решающее значение на поведение людей оказывает культура того общества, в котором человек рождается и живет. Однако они обращают внимание, что и формы этой культуры, и само поведение на основе культурных ценностей и норм во многом подвержены влиянию человеческой биологии, индивидуальным и коллективным законам общеживотных инстинктов. В одних случаях влияние биологии на людское поведение большее, в других меньшее. Чаще всего оно спрятано, завуалировано внеприродными, культурными символами.

Философы моралисты отнюдь не выдают человека за ангела.

В итоге, современная философия примиряет биологию и этику, предлагают целостное понимание человека, в поведении которого общественные, культурные ценности формируются на основе биологических телесных возможностей и способностей нас как своего рода сверхприматов. Ни переоценить, ни игнорировать животные начала в людях не стоит, это чревато лишними недоразумениями и даже опасностями. А заповеди морали или религии тоже уже давно растворены в том воздухе, которым мы все лдышим.

Приложение

К. Мурзенко

Мама не горюй

Сценарий реализован кинокомпанией «СТВ» в 1998 году

Кафе-мороженое

Две девочки, лет по четырнадцать, за одним из столиков. *Катя* ест мороженое, *Лена* мрачно на неё смотрит; пьёт дешёвое вино.

Лена. ...Типа крутой, весь надутый такой, зубы золотые, цепь — как положено всё... «Пойдём, говорит, типа, маленькая, потанцуем»... Ну и там — то-сё. Я говорю: «Я, знаете, мужчина, сегодня не танцую — не до того». И там — тоже всякое такое... Но — ничего ему такого не сказала, некультурного, просто прикинула — не в моём вкусе мужчина, так — что я буду париться с ним. Да и вообще — свадьба-то наша, меня сестрица пригласила, мы сидим с друзьями, всё нормально. Потом — снова подвалил ко мне, совсем уже на уши сел, я, говорит, танцевать тоже не особо, но думал — будет тебе приятно, но вообще, типа, хорошо бы как-то вместе побыть. А Жоржик — это сестры моей парень — как раз слышал это всё и говорит: что, типа, братан, у тебя если нет подруги, так наверное, так надо, а вот девушку не надо так совсем впрягать, ладно, а? Потому что с нами она здесь. И с нами уедет отсюда...

Катя жестом предлагает ей мороженое.

Лена. Не-е-е, не возбуждает сладкое. Хочется поконкретнее чего-нибудь. Башку так разносит — мама не горюй. А сняться нечем. Бабки нужны. А бабок нет.

Катя. Давай я дома стрельну. Их там завались.

Лена. А завтра? А послезавтра? Нет, знаешь, это — впадлу. Самой надо находить.

Катя. Ну... а дальше-то... что было?

Лена. Что было? Драка была. Дикая. Повскакали все, на другом конце стола завелись ножами какими-то махать, разборки пошли, жених решил тоже в деле себя показать — так разошёлся. Никому мало не было. ... В общем, реальную мужики свадьбу закатили. Отстояли всё, что своё. Хотя, конечно, круто было — кабак вообще в кирпичи разобрали. Так мне показалось. ...

Телевизионная аппаратная

Репортёр и Артур за монтажным пультом. ... Репортёр нажимает кнопку на пульте — картинка на мониторах оживает — свирепые бойцы ОМОНа в чёрных масках и с автоматами обыскивают и заталкивают в машину группу не менее свирепых бандитов...

Артур. Ну это уже почти то. ...

Репортёр. Хорошо-хорошо. ... Ты объясни мне пока, что это за кодла садится? Я не слыхал о них никогда.

Артур. Да о них до вчерашнего дня — вообще мало кто слыхал. Обычные отморозки, без понятий наглухо, распущенные, злые, жестокие. Такие, знаешь, «бандюги». Уголовщина. И как-то всё время ухитрялись общую картину мира искривлять — постоянно вламывались в чужие расклады. Со своими ломанами.

Репортёр. То есть их... как это... общаком закатывают, да?

Артур. О!.. Профессиональный рост... Осваиваешь специальную терминологию преступного мира. Да, что-то они тут последнее время совсем распоясались — ломы у них распрямились. То есть отмороз пошёл уже такой, что земля всколыхнулась... носить не хотела. Да тут ещё был у них некто Морячок — и решили они ему свадьбу сыграть. ... И так разгулялись, что Морячок этот, в каком-то левом совершенно кабаке, запечатал... (*осекается*)... короче говоря, ломанул такого человека, что лучше и не знать вовсе, что такие люди бывают. Вот он и не знал. Решили их... (*делает жест в сторону земли*)... совсем, но потом как-то образовалось всё иначе, без лишней крови. Решили их раздуть, чтобы хлопнули громче, и теперь — в снос. То есть главного — такой у них был Норильский Папа — его, так сказать, выслали — строго в 24 часа, как некогда писателя Солженицына — чтобы не обустроивал здесь тоже ничего по-своему. Пожалели Папу, он тут много с кем дружен был, на чём и держался — один из последних был матёрых таких волчин, реальных, старого закона, воровского ещё. А остальные члены преступной группировки жалости недостойны и буду в ближайшие часы задержаны, и предстанут перед суровым лицом закона — должен же кто-то пред ним стоять. Об этом ты и известишь жителей нашего города в программе вечерних новостей. А текст будет такой...

Двор стандартного многоквартирного дома ...

Подъезд

Следователь. Подождите, если тут возможны неприятности, то давайте хоть решим, что мы делать будем, если...

Майор. Остывать мы будем, если...

Артур. Короче, всё, я смотрю, решительность и бесстрашие теперь не в почёте в правоохранительных органах. Хорошо, мужчины, давайте я пойду вперёд, пусть эти лоси норильские меня тогда грохают.

Голос Зубека из квартиры (дверь, оказывается, уже была приоткрыта). Грохну, кстати, легко козла! ... Давайте, входите... Ненавижу, затрамбую, по полной. Во всю лопату.

Квартира Зубека

... Вид Зубека всё более и более угрожающий. Артур обращается к нему с мягкой, примирительной интонацией. ... Следовательно не оценил угрожающий вид Зубека и продолжает нудить.

Следователь. ...И с четвёртым гражданином, конечно, главная неувязка. Что-то я упорно не могу его увидеть...

Зубек (*очень агрессивно наезжает*). А я упорно не могу дальше забазара слышать козлиного. ... Ты здесь не прокурор, здесь реально медведь не прокурор. Не надо вот эту балалайку школьную крутить, ладно, нет? Я его сам не вижу, этого гражданина. ... Вот такое... (*снимает матросский ремень и разрывает его руками*) ты, крыса, видел?

Артур (*напряжённо, но гордо вклинивается между ними*). Господа! Братан, давай ты быковать на зоне будешь? Или можешь нас всех тут потушить, пойти вмертвую и тоже быковать. А сейчас надо вопрос решать. Где Морячок-то реально?

Зубек. На Караганде... Морячок... Слился Морячок, иуда... А я что — всесоюзный розыск? Конкретно весь дохляк Морячку бы вешали. И Морячку это — конкретно было. А я тоже — сука, да? Вертеть буду мужика, да? Я хоть сам к нарам примотаюсь, понял. Если по крайняку...

... Майор (*в упор смотрит на Зубека, особенно на татуировку у него на руке*). Я пока вообще не очень понял, мы приехали понтами тут друг друга валить? ... Или надо реально...

Зубек (*особенно злобно; тоже рассматривает татуировку Майора*). Чего с рукой-то? Колов-то немного таких, давались строго. В одном месте давались. Я только тебя там не припомню. И к ответу-то все, бывает, приезжают...

Майор. А ты себя-то там помнишь, в том месте, ни с кем не путаешь? ... (*Закладывает руку с татуировкой под куртку — очевидно, что на пистолет*) ...

Зубек *напрягается, окидывает взглядом предметы вокруг. Артур делает шаг из кухни в какой-то простенок, Следователь тупо хлопает глазами ...*

Зубек. Не спорю. Я там летал больше. Но с теми, что сидели — успел скорешиться. И штуку эту мне Лёва Калач подарил, так вот.

Майор. Лёва!... В рот компот! Гадом буду, сукой буду — одна рука колола! То-то меня колотит — родные они у нас. Ты из десанта, значит, от Рыжего...

Зубек. А ты, стало быть, Дохлый Лейтенант. Так и есть — в лицо тебя не видал, из живых — одного тебя. Но, железо, вот этой рукой в вертолёт тебя грузил.

Майор (*в полубоморочном состоянии опускается на стул*). Мужики, да ведь не бывает такого...

Зубек (*опускается на соседний*). Бывает, Дохлый. И не такое бывает. Ты мне в Кандагаре жизнь дарил. Молились на тебя реально. А теперь вот ты прилетел хозяину меня паковать.

Майор. Да когда бы не ваша группа — мы бы ни один с ущелья грёбанного не вылезли...

Зубек. Короче, так — разборки погасли!

...

В машине Артура

Артур едет по центральным улицам, заканчивает разговор по «дельте».

Артур. ...Бывает, что уходят и от Зубека, Ринат, когда Зубек сам отпускает. ... Вообще, он нужен в течение часа, но реально до вечера его нужно отрыть, только, Ринат, ещё раз — он не в виде тела нужен, а реальный, чистый, чтобы и дальше бегал, только там, где надо.

...

В машине Рината

Артур (сидя в машине). Ринат! Здравствуй, дорогой! Быстро ты! Двух часов не прошло. Все бы так. Только чего не позвонил?

Ринат. Здравствуй, братан. Непросто всё. Не хотел через воздух говорить. ... Не стал я его хранить, братан. И сам уезжаю я отсюда. Вот только с тобой прощусь.

Артур. Как не стал?

Ринат. Так — не стал. Ушёл он. Не стал я человека как овцу заламывать. Потому что — не овца он.

Артур. То есть ты что, сам его развязал?

Ринат. Развязал. Он заслужил, чтобы его — как мужчину, из-за угла грохнули... и не я это делать буду. Он сильнее меня, потому что реально...

Артур. Ринат, тебе что, тоже башню повело сегодня? Ты его завалил, попёр сюда...
(*Ринат кивает*) И что? Дальше что было?

Ринат. Понял я много.

Артур мечется — не понимает, как реагировать.

Ринат. Говорил с ним.

Артур бьёт себя ладонью по лбу. ...

Ринат. ... Я сказал — он сильнее реально. Не я этому сычу болотному вгрызло насовал, и не ты. И не сможем никогда. А Морячок... Вы сливаете его теперь, а он по праву не обязан уже держать ничего. Потому что все продали его, не как человека подставили даже... как вещь продают. Всё. Не хочу больше — выйду из-под системы вашей. К маме хочу поехать, домой. ...

Артур. Понимаю. Но как он развёл тебя? Мне не въехать. С чего верить-то ему?

Ринат. С того и верить, Артур, как мужчины, бывает, верят друг другу. С того, что не потерпел он, когда невесту блядью назвали. Ещё и на свадьбе. Пусть такая она и есть. ... А Морячок — вынул её. Сам попал по жизни и вынул её... Хотел жениться — чтобы было у него всё. А разложилось видишь как... Свадьба была у него. А как там, в шалмане в этом, упырь нарисовался этот? Что там было делать ему — не понимаю...

Артур. Да он там весь район купил. Хотел посмотреть, что имеет.

Ринат (после большой паузы). Вот и увидел. Имеет теперь. То и прорубило меня — всё купил, а Морячка — хрен купил. Не потерпел Морячок. И я не стану больше. ...

Артур. М-да... Серьёзные вещи бывают с мужчинами. И что?

Ринат. А то — не первый знак уже мне. Теперь — пора. Отстегнул его — давай лопам, куда тебе надо. И сам поеду. Тебе, вот, всё сказал. Делай теперь, как знаешь, только вечер подари, надо очень. Не объявляй меня сколько сможешь.

Артур. Я объявлять вообще не буду, Ринат. Морячок тебя объявит, когда другие его зацепят... Ты хороший человек, Ринат.

Ринат. Мы плохие люди, Артур. Я плохой человек, сам знаю. Но я люблю, когда люди свои понятия держат. Отмороз мне не впадлу порубить, знаешь меня. Только Морячок, он — по жизни такой. Особым путём ходит. Не в кодексе. Не в законе. Не в понятиях. Не нам за него решать, не мусору, не общаку и не всей этой гниде.

Артур. А про нас с тобой кому решать, Ринат?

Ринат. Не знаю... Ты прости — прокинул тебя. Раз в жизни и вышло так.

Артур. Ты не винись только, раз так решил, как говоришь. Только... боюсь, просто измену ты словил лютую. Всё равно — держись давай. Я тебя не объявлю, я сказал.»

*К. Мурзенко. «Мама не горюй»
и другие тексты для кино.
Литературные сценарии. СПб., 2004.*

Вопросы для повторения раздела III

Обратимся к составившим приложение к теме «Поведение» фрагментам киносценария. Какие этологические предпосылки поведения там запечатлены? Как они соотносятся с личной моралью и групповой этикой персонажей фильма?

Определите основные понятия данного раздела лекционного курса:

- смысл жизни личности;
- танатология;
- сознание;
- бессознательное;
- психоанализ;
- либидо;
- сублимация;
- вытеснение;
- язык;
- семиотика;
- семантика;
- речь;
- сленг;
- поведение;
- этология;
- социобиология;
- агрессия;
- этика;
- мораль;
- совесть;
- добро и зло.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ ГНОСЕОЛОГИЯ И ЛОГИКА

14. ПОЗНАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

Теоретический минимум

1. Гносеология — философская теория познания, ее традиционные проблемы и новые вопросы.

Спор о возможностях человеческого познания в истории философии: оптимисты, скептики и агностики.

2. Субъект и объект познания, способы их формирования.

3. Особенности и взаимосвязь чувственного познания и мышления. Рассудок и разум как аспекты ума. Как измерить интеллект?

4. Многообразие направлений познавательной деятельности:

- а) обыденно-практическое;
- б) профессионально-практическое;
- в) художественное;
- г) научное.

5. Роль интуиции в познании. Природа творческой деятельности.

Литература

Лекция 14.

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. 7. «Познание и истина»).

Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 3-е изд. М., 2000 (Гл. X «Познавательные способности человека»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. XII. Теория познания. 1–5).

Айзенк Г.Ю. Классические IQ тесты / Пер. с англ. М., 2011..

Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1982. № 3.

Андерсон Дж. Когнитивная психология / Пер. с англ. 5-е изд. М., 2004.

Баданина Л.П. Психология познавательных процессов. Учебное пособие. М., 2008.

Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М., 2002.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / Пер. с англ. М., 2011.

Диалектика познания. Л., 1989.

Дружинин В.Н. Когнитивные способности. Структура. Диагностика. Развитие. М.–СПб., 2001.

Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.

Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1994.

Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия / Пер. с англ. М., 2010.

Когнитивная психология / Под ред. *В.П. Дружинина, Д.В. Ушакова.* М., 2002.

- Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Лекторский В.А.* Теория познания // Вопросы философии. 1999. № 8.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Лолер Дж.* Коэффициент интеллекта, наследственность и расизм. М., 1982.
- Меркулов И.П.* Когнитивная эволюция. М., 1999.
- Микешина Л.А., Опёнков М.Ю.* Новые образы познания и реальности. М., 1997.
- Пиаже Ж.* Психология интеллекта. СПб., 2003.
- Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009.
- Рассел Б.* Человеческое познание, его сфера и границы. М., 2001.
- Ришар Ж.Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
- Солсо Р.* Конитивная психология / Пер. с англ. 6-е изд. М., 2004.
- Сравнительная философия. Знание и вера в контексте диалога культур. Сб. / Отв. ред. М.Т. Степанянц.* М., 2008.
- Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова.* М., 2011 (Научные школы Института психологии РАН).
- Теория познания. В 4-х т. Т. I. Домарксистская теория познания.* М., 1991; *Т. II. Социально-культурная природа познания.* М., 1991; *Т. III. Познание как исторический процесс;* *Т. IV. Познание социальной реальности.* М., 1995.
- Фуко М.* Археология знания / Пер. с франц. 20-е изд, испр. СПб., 2012.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб., 2002.
- Шилков Ю.М.* Гносеологические основы мыслительной деятельности. СПб., 1992.
- Чешев В.В.* Проблема познания в философии. Логика развития гносеологических учений. Томск, 2003.
- Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы.* М., 1996.
- Эфроимсон В.П.* Генетика гениальности. Биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. М., 2002.
- Зуев К.А., Кротков Е.А.* Диагностическое познание. Вузовский учебник. М., 2011 (Научная книга).

Текстологический практикум

Знакомство с фрагментами «Критики чистого разума» И.Канта

1. Личность И. Канта и основные вехи его биографии.
- 2.
3. «Явления» и «вещи в себе».
- 4.

Литература

- Гулыга А.В.* Кант. 3-е изд. М., 1994.
- Кант И.* Общая задача чистого разума // Хрестоматия по философии. Сост. П.В. Алексеев, А.В. Панин. 2-е изд. М., 1997.
- Кант И.* Критика чистого разума. 2-е изд. М., 1994.

Конспект

Познание — это способ воссоединения человека с миром. Поэтому после онтологии и антропологии в составе философии обязательно выделяется **теория познания** (от греч. “gnosis” — знание, познание).

Вообще-то познание рассматривается с разных сторон многими научными дисциплинами, оно же моделируется различными практиками. Скажем, особая — *когнитивная психология* изучает приобретение и использование знаний конкретным субъектом деятельности (личностью, коллективом, обществом). *Нейробиология* — физиологические, биохимические механизмы кодирования информации мозгом, её влияния на активность организма. *Лингвистика* — языковые оболочки, вербальные структуры выражения мыслей и чувств. *Информатика* — так называемый “искусственный интеллект”, т.е. компьютерное повторение и усиление отдельных функций человеческого ума (запоминательных, счётно-решательных, комбинаторных). И т.д.

Что же остаётся на долю философского рассмотрения познания? Как всегда, наиболее принципиальные и парадоксальные проблемы, требующие многоаспектного и отвлеченного от злободневно-насуточных забот подхода.

Во-первых, это **вопрос** о самой **возможности познания** как достоверного отражения и проектирования действительности; о пропорции объективного и субъективного, чувственного и рационального, интуитивного и экспериментального, истины и заблуждения при получении и использовании наших знаний. Все науки и практики стремятся объективизировать необходимые им знания, превратить их в истинную информацию, очищенную от примеси заблуждений. Только философии может позволить себе обратить внимание на неизбежную многомерность познавательного процесса и его результатов; продемонстрировать не только вред, но и пользу заблуждений как ступеней на пути к истине.

Во-вторых, философия специально выясняет необходимые *предпосылки познания* и мышления, которые заключаются в истории и современном состоянии общества, с одной стороны, и в биологии и этологии человека, с другой. Эти социокультурные и эволюционные факторы неявно, как правило, но значительно обуславливают критерии истинности и эффективности умственной активности людей.

В-третьих, гносеология и особенно такой её раздел, как *логика* формулируют наиболее *общие принципы и правила познания*, нарушение которых уводит его с истинного пути.

Вопрос о познаваемости мира в истории философии оказался настолько сложным, что споры при его обсуждении продолжаются с античности до наших дней. Великие мыслители разных времён и народов обращали внимание на отдельные аспекты этой по существу вечной проблемы.

Никто не станет спорить с тем, что человек что-то реальное знает о мире и о самом себе, а чего-то ещё не познал; что объём наших знаний постоянно растёт, несмотря на периодические заблуждения. Проблема состоит в том, на-

сколько достоверны наши знания? Способны ли они передать объективную сущность вещей? Или же в действительности есть в принципе непознаваемые стороны? В состоянии ли люди разграничить истину от заблуждения по коренным вопросам науки и практики? С ответом на такого рода вопросы не стоит спешить. Полезно прислушаться к доводам разных философских школ.

Гносеологический оптимизм акцентирует победы познания над хаосом незнания, океаном невежества. Так, уже классик античной философии Аристотель создал целую науку — логику, которая формулирует правила и законы доказательного, последовательного мышления (сочинения, объединённые общим названием “Органон” — инструмент, способ познания). Интеллект, разум, по Аристотелю, — главные преимущества человека над животными.

На заре Нового времени Френсис Бекон постарался создать “Новый органон” — индуктивный метод опытно-экспериментального изучения природы. Человек способен осуществлять на деле то, о чём он знает истину: “*Tantum possumus quantum scimus*”. Проще говоря, по Бекону, “знание — сила”. Революционер-коммунист К. Маркс впоследствии любил повторять: “Никогда ещё невежество никому не помогало!”.

В XVIII в. представители философии Просвещения — Вольтер, Дени Дидро, Жан-Жак Руссо и др. бросили вызов догматизму религиозной веры и политической идеологии. Из их призыва пользоваться собственным умом родилась доктрина либерализма в общественной жизни и политике: разум побеждает невежество благодаря самоотверженным усилиям отдельных личностей; все люди равны перед законом; частная собственность священна; государство стоит на страже общих интересов, но не может диктовать людям выбор их судеб. Разум — высшая инстанция в решении жизненных проблем.

Итак, с точки зрения гносеологического оптимизма человеческое познание в принципе, в конечном счете правильно отражает мир и руководит его преобразованием. Власть разума над природой и обществом будет расти.

Гносеологический пессимизм обращает наше внимание на трудности познания, стремится обозначить его пределы. Античный *скептицизм* (греч. *skepsis* — рассматривание, оглядывание, сомнение) в лице Пиррона и его последователей выражал сомнения в надёжности наших органов чувств (дальтоники, больные ощущают совсем не то, что нормальные люди — где гарантия, что ощущения этих последних адекватны реальным свойствам вещей, раз, допустим, палка, опущенная в воду, кажется сломанной?) и особенно логических рассуждений (всякому суждению можно противопоставить прямо противоположное; не лучше ли в таком случае вообще воздерживаться от суждений?).

Сомнения скептиков в познании доводят до его полного отрицания *представители агностицизма* (греч. “а” — не + “*gnosis*”). Так, английский мыслитель Дэвид Юм (1711–1776) писал: “Природа держит нас на почтительном расстоянии от своих тайн и предоставляет нам лишь знание немногих поверхностных качеств объектов, скрывая от нас те силы и принципы, от которых всецело зависят действия этих объектов”.

Великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) предложил различать в объекте познания две стороны: «вещи для нас» или *феномены* — их познать мы в силах и постепенно это делаем; и «вещи в себе» или же *ноумены*, которые остаются в принципе непознаваемы, поскольку неадекватны человеческим способностям к познанию. Так что силы разума имеют свои границы; абсолютное познание невозможно ни в одной области.

Новейшая история человечества принесла не только колоссальные достижения научно-технического прогресса, но и глобальные катастрофы — мировые войны с десятками миллионов жертв; тоталитарные режимы вроде гитлеровского или советского с десятками миллионов погубленных в мирное время; ядерное оружие, способное уничтожить нашу планету; новые болезни с похожим результатом для биосферы. Пока неясно, сумеют ли люди с помощью разума преодолеть столь глобальные проблемы или падут их жертвой окончательно. До сих пор познание используется не только во благо, но и во вред человеку, причем нередко следование благой цели оборачивается худшим заблуждением.

Таким образом, скептики и агностики предупреждают нас от наивной веры в простоту и автоматичность познания. Познание — драматическая борьба человечества за истину и в этой борьбе победы чередуются с поражениями.

Выводы из многовекового спора о познаваемости мира можно сделать примерно такие:

- познание сущностей, законов и принципов природных и социальных процессов возможно, но постепенно и бесконечно; время от времени приходится менять сами правила познания, чтобы осмыслить новые для человечества уровни реальности;
- в составе нашего знания всегда сочетаются объективные и субъективные элементы; одни невозможны без других; в одних познавательных ситуациях больше объективного, в других субъективного;
- знание причудливо взаимосвязано с незнанием; последнее не только вредно, но и полезно в каких-то ситуациях; лишнее, опасное знание может быть хуже незнания в каких-то вопросах; всеведение никому не доступно и потому знание всегда дополняется и усиливается оправданной верой человека в некие ценности и идеалы, рационально полностью не обосновываемые;
- наконец, стоит признать, что справиться со всё новыми и новыми проблемами (в том числе теми, которые порождены открытиями и достижениями познания) можно только одним путём — продолжения и усовершенствования познания, а не отказа от знания, поисков истины.

Субъект и объект познания не совпадают полностью с понятием “человек” и “природа”, “действительность”. Можно сказать, что эти понятия гносеологии вырабатываются на основе последних понятий онтологии. Перед нами теоретические характеристики исходных моментов процесса познания.

Субъект (лат. “*subjectus*” — находящийся в основе) *познания* представляет собой совокупность сенсорных, логических и интуитивных способностей людей. Субъектом познания человек не рождается, а становится — по ходу

взросления, в процессе социализации. Проще говоря, усваивая культурный опыт старших поколений и проявляя свои творческие способности. В философском романе-притче У. Голдинга “Повелитель мух” приведён пример разрыва преемственности между поколениями людей. В плане мысленного эксперимента автор демонстрирует, что случится на Земле, если в результате катастрофы выживут одни дети. Огромная часть знаний, технологий просто омертвится, останется для них недоступной вовеки без взрослых.

Пути формирования познавательных способностей:

практическая деятельность индивида индивида, при которой внешние, физические действия постепенно интериоризируются, т.е. переводятся во внутренний план сознания, превращаются в мыслительные схемы и двигательные навыки;

общение людей как часть их практики, подражание друг другу и соперничество между личностями в жизненной борьбе;

сопричастность индивида нескольким социальным группам, большего или меньшего размера, чьи стандарты поведения и мышления он в какой-то степени разделяет (пол, возраст-поколение, этнос-народность, конфессия-вера, социальный страт-сословие, профессия и т.д.).

Субъект познания включает в себя несколько уровней организации и функционирования:

микро-субъект — отдельная личность как таковая;

макро-субъект — контактная группа-коллектив (класс, бригада, фирма, воинская часть, лаборатория и т.п.);

мега-субъект — общество в целом на данном этапе его исторического развития.

Таким образом, субъект познания представляет собой сложную систему духовного опыта людей по освоению окружающей их действительности и собственному самопознанию.

Объект (лат. “objectum” — предмет; нечто, расположенное впереди) *познания* в свою очередь не тождественен реальности как таковой. Он конструируется субъектом из материала этой реальности, но всегда с добавлением неких качеств самого субъекта. Реальность как таковая и объект познания соотносятся примерно так, как натурщик и его портрет.

Важнейшие логические *приёмы конструирования объекта познания*:

абстрагирование (лат. abstractio — отвлечение, растаскивание) — концентрация мысли на чем-то одном, важном для субъекта познания, на некой стороне гораздо большего и сложнейшего на самом деле явления; таким образом, абстрактное мышление *отвлекается* от всего второстепенного, несущественного в данном познавательном контексте и вычленяет именно интересующие субъекта свойства, отношения, аспекты того же самого явления (так, в химии водой называется исключительно H_2O , а на практике различные по своему химическому составу питьевые смеси); в итоге познание вооружается множеством абстрактных объектов; это необходимые для углубленного исследова-

ния мысленные конструкции, выделяющие отдельные свойства, стороны, отношения, состояния материальных предметов (“храбрость”, “кислота”, “температура”, “любовь” и т.д., и т.п.); принимая по ходу мышления абстрактные объекты за реально существующие, мы разгружаем процесс познания от необязательного перечисления массы условностей и ненужных деталей;

идеализация — мысленное добавление к изучаемой нами реальности необходимых для ее познания условий; без чего нельзя выявить главные принципы, глубинные закономерности природы или общества; например, законы классической механики И. Ньютона предполагают, что движение макротел осуществляется без влияния трения, давления атмосферы и т.п. дополнительных к массе и ускорению факторов; результатом идеализации являются понятия вроде идеального газа, абсолютно твердого тела, простого равноускоренного движения, прямой линии или точки, т.п.; они на самом деле не существуют как таковые, но с их помощью человеческая мысль выявляет главное для себя в гуще второстепенного, случайного, преходящего.

Итак, объект познания представляет собой систему понятий, принципов и законов, сформулированных с помощью абстрактного, идеализирующего мышления. Это своего рода инструмент вроде микроскопа или телескопа, только не для зрения, а для интеллекта. Так что познание не стоит наивно понимать как зеркальное отражение, прямое копирование действительности. Перед нами скорее её преобразование своего рода “волшебным кристаллом” сенсорики и интеллекта.

Два основные уровня или, точнее говоря, момента, стороны, аспекта процесса познания — **чувственный (сенсорный, визуальный) и рациональный (абстрактно-логический).**

Отличительные черты созерцания мира с помощью органов чувств:

непосредственное отражение мира, *в прямом контакте* с вещами, явлениями — источниками информации о нем;

осуществляемое *спонтанно*, преимущественно автоматически с помощью рецепторов и всей ЦНС;

наглядно-образное воспроизведение действительности в виде целостных, красочных идеальных моделей, копий разных явлений в сознании людей;

фиксация *внешних*, главным образом поверхностных признаков предметов и явлений действительности; обследование их *снаружи*;

чувственно-конкретное отображение единичных, неповторимых, случайных черт реальности, в какой-то момент оказавшихся в поле человеческого восприятия.

Базовые формы живого созерцания мира:

ощущение — отражение отдельных свойств реальности при ее непосредственном контакте с органами чувств животных и человека;

восприятие — синтез многих ощущений, дающий целостный образ находящегося в зоне действия рецепторов фрагмента реальности;

представление — сохранённое в памяти и дополненное большей или меньшей долей фантазии восприятие.

С помощью органов чувств человек получает такую информацию, осознание и переживание которой делает его полноценным, дееспособным, в конце концов — счастливым. Это прямое, живое, в реальном режиме осуществляемое информационное взаимодействие организма и личности с миром. Человеку хотя бы время от времени необходимы лучи солнца, запах костра, звуки прибоя и масса других ощущений. Напротив, притупление органов чувств — первый признак психологической депрессии (Как подметила поэтесса в известном романсе: “Работу малую висок / ещё вершит, но пали руки / и стойкою, наискосок / уходят запахи и звуки...”). Чтобы оценить, надо потерять: Марсель Пруст, безнадежно больной астмой неврастеник, мог сочинять свои романы из эпопеи “В поисках утраченного времени”, только по ночам, наглухо закрыв и занавесив окна и двери, в комнате, со всех сторон обитой войлоком. Никто лучше него не описал в прозе запах и цвет цветущего шиповника, вкус печенья и чая, очень многие другие комплексы человеческих ощущений.

У форм чувственного отражения мира *двойственная природа* — *объективно-субъективная*. Допустим, ощущение красного цвета возникает при попадании световой волны вполне определённого диапазона на нормальные рецепторы глаз. В самой по себе природе нет никакого красного цвета. Если бы животные и люди не наблюдали природу, она оставалась бы пустой тёмной дырой. Мир дальтоника также бесцветный. В одних ощущениях, восприятиях и представлениях больше объективного, в других — меньше (вплоть до целиком фантазных явлений типа галлюцинаций).

Мышление представляет собой более высокую ступень познания, чем всевозможная визуалистика. Именно способность к мышлению возвышает сознание человека разумного над психикой всех остальных животных.

Качественные *возможности мышления*:

опосредованное правилами логики и ранее накопленными сведениями отражение действительности, возможное и без прямого обращения к показаниям органов чувств;

обобщённое до уровня идей, принципов, универсальных понятий познание, которое выделяет что-то главное, типичное, нужное в массе изученных явлений;

углублённое до уровня сущности, закономерности, устойчивой тенденции познание;

абстрактно-логическое, т.е. отвлеченное от всего второстепенного, несущественного, лишнего;

сознательно сосредоточенное на достижении определенной *цели* познания или практики.

Основные формы мышления:

понятие представляет собой мысль о существенных, общих и отличительных признаках того или иного предмета или целого класса предметов;

суждение сочетает два понятия с тем, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии какого-то признака у определенного предмета;

умозаключение складывается из нескольких суждений, связанных друг с другом по смыслу, благодаря чему получается вывод о необходимых из данных посылок следствиях.

В реальном процессе познания элементы чувственного созерцания и логического мышления тесно взаимосвязаны друг с другом. Работа органов чувств во многом ориентирована теми знаниями о мире, которыми располагает субъект. Напротив, мышление постоянно обрабатывает всё новые и новые показания органов чувств. Кроме *словесно-логического*, так сказать чистого мышления с помощью понятий, суждений и умозаключений, существует и мышление *наглядно-действенное*, когда задачу деятельности субъект решает по ходу физического манипулирования вещами; и *наглядно-образное*, при котором выход из проблемной ситуации находится в уме, но путем комбинации восприятий и представлений, а не понятий и суждений.

Интеллектом называется способность индивида к мышлению, уровень его возможности решать разного рода творческие задачи. Мышление — это интеллект в действии, сам процесс его применения. Хотя способность мыслить, т.е. пользоваться интеллектом, присуща всем людям, но распределена она между ними неодинаково. Основным показателем размеров индивидуального интеллекта является так называемый *Intelligence quotient (IQ)* — коэффициент интеллекта, т.е. умственной одарённости. Этот показатель привязан к возрасту ребёнка. Французский психолог Альфред Бине в начале XX в. предложил измерять размер интеллекта тестами — заданиями на смекалку, сообразительность. Он решил различать хронологический возраст ребенка, средние показатели умственного развития для этого возраста и реальное соотношение первого и второго у каждого испытуемого. В результате мы можем установить, соответствует ли умственный возраст ребенка норме, опережает ее или отстает. Льюис Термен из Стенфордского университета (США) усовершенствовал эту методику (1917 г.) до репрезентативного уровня (чтобы, по возможности, отделить изучение умственных способностей от запаса знаний, языка и т.п. культурных особенностей разных стран, народов и социальных слоев населения). Введя понятие IQ, Термен предложил для его вычисления делить умственный возраст на хронологический. Так, если ребенок 6 лет имеет “умственный возраст” 8, то его IQ будет: $8 : 6 = 1,33 \times 100$ (чтобы избавиться от десятичной дроби), т.е. 133 (очень высокий показатель по данной шкале).

Термен и его последователи в организации тестирования вывели “нормальную кривую” рангового порядка детей в каждом конкретном возрасте. По этой схеме видно, как одинаково распределяются умственные способности в любой крупной популяции людей (независимо от времени, места их проживания; особенностей расы, этноса, культуры):

Учёные, психологи, биологи и педагоги разных стран продолжают спорить, насколько IQ обусловлен генетикой, насколько — факторами среды (семья, образование, работа и т.п.). Артур Дженсен полагал (1969), что соотношение здесь примерно 80 на 20 в пользу наследственности. Пожалуй, он недалёк от истины. Тем не менее, разница размеров интеллекта является не более чем диагнозом психолога, измерившим ваши способности к мышлению, но никак не приговором к той или иной судьбе, карьере. Высокий интеллект помогает добиться высоких показателей в жизни, но совсем не гарантирует успеха. Как видно на кривой Термена, у большинства (84 %) людей средний интеллект — от 80 до 120. Наиболее полно показатель IQ коррелирует со школьной успеваемостью. Однако зависит ещё от многих других качеств личности — воли, темперамента, доброты и злости, внешности, наконец, удачи. К тому же, важен не только общий размер интеллекта, но и его сочетание с остальными способностями личности, её направленностью. Кроме того, для разных видов деятельности требуется разный интеллект — математический или художественный, научный или практический, т.д., т.п.

Психологи из штата Пенсильвания попытались определить уровень интеллекта президентов США, начиная с 1945 г. (в расчёт брались такие показатели, как школьная успеваемость, ясность речи, сообразительность). Умственные способности Ф. Рузвельта удостоились 147 баллов, Р. Рейгана лишь 105, Д. Картера 175, Дж. Кеннеди 147, У. Клинтон больше всех — 182, а действующий президент Дж. Буш всего лишь 91 (худший показатель в этой выборке); его отец Дж. Буш-старший тоже остановился на 99 баллах.

Уровни организации интеллекта:

рассудок представляет собой низшую, зато базовую, фундаментальную подсистему мышления, которая отвечает за логическое сочетание уже готовых выводов человеческого опыта; отсеивает парадоксальные, а значит рискованные варианты поведения;

разум позволяет осуществлять творчество новых смыслов и ценностей культуры; отвечает за понимание масштабных и глубинных проблем познания и практики.

Согласно афоризму Гегеля, “разум без рассудка ничто, а рассудок и без разума нечто”.

Виды познания различаются в зависимости от того, какое из главных направлений общественно-исторической практики, какую сферу культуры оно, познание обслуживает, опосредует, направляет.

Обыденно-практическое познание связано с лично-семейным самообслуживанием индивидов; представляет собой интеллектуальную сторону неспециализированного труда. Его познавательным инструментом служит рассудок, а результатом — так называемый *здравый смысл*, житейский опыт людей, которые обеспечивают им выживание в любых условиях бытия.

Профессионально-практическое познание вплетено в сложные, информационно ёмкие направления человеческой деятельности (вроде предпринимательской, инженерной, педагогической, военной, врачебной, политической и т.п.); оно не может довольствоваться выводами здравого смысла, а требует гораздо более сложных — профессиональных рецептов и технологий, своеобразного *практического разума* для решения сравнительно масштабных и нестандартных задач практики; осуществления общественного прогресса.

Художественное познание осуществляется благодаря искусству, фантазии представителей его различных жанров; оно мыслит эстетическими образами, метафорами, развивая фабулу, чередуя ритмы произведений словесного, музыкального, драматического и т.п. разновидностей творчества красоты, гармонии, идеалов; самореализации личности в этом творчестве.

Научно-теоретическое познание осуществляется с целью получения истинного знания о мире, принципах устройства и законах его развития; оно накапливает строго зафиксированные и проверенные факты о типичных явлениях природы и общества; пользуется точными понятиями и теориями.

Духовно-практическое или же вненаучное познание сопровождает такие формы культуры, как мифология, религия, магия, мистика; с их помощью человеческий дух воюет с хаосом бытия; стремится компенсировать ничтожность индивидуального существования личности апелляцией к сверхъестественным силам, вести диалог с высшими ценностями культуры; “методы” решения этого рода задач — медитация, молитва, ритуальный обряд.

Интеллектуальный опыт любого социума, тем более человечества в целом складывается благодаря всем перечисленным — стратегическим направлениям познания.

Интуиция и её роль в познании.

С помощью такой духовной силы, как интуиция, в процессе познания синтезируются все вышеперечисленные его аспекты. Так называется (от лат. *intueri* — пристально глядеть, всматриваться) способность непосредственного получения нового знания; получать истину напрямую, минуя на какое-то время логические доказательства и сенсорный опыт. В момент интуиции познание как бы перескакивает через целый ряд этапов, в обычных условиях для себя необходимых; мысль “свертывается”, уплотняется до готового вывода, окончательного решения по какой-то проблеме. Результат познания с помощью интуиции открывается досрочно.

Отличия интуитивных моментов процесса познания:

внезапность (интуиция посещает всегда неожиданно, чаще всего в неподходящей обстановке, после или во время отдыха, на досуге от работы или при выполнении ее второстепенных операций);

бессознательность принятия интуитивного решения (механизм интуиции лежит за пределами сознания, в глубинах человеческой психики; его невозможно восстановить в деталях, вызвать по заказу сознательной воли);

непосредственность результата, который получается помимо обычных приемов логики и наблюдения.

Типы интуиции:

предчувствие чего-то плохого (опасности) или хорошего (удачи), без уточнения, чего именно; ср. рассказ А. Кристи “Красный сигнал”;

догадка касается главным образом временно скрытых от нас фактов прошлого или будущего, приносит подходящее решение какого-то частного вопроса;

прозрение дает нам некое принципиально важное для науки или жизни знание.

Виды интуиции различаются по ее содержанию: бытовая (“Ага!”), техническая (“Эврика!” “Есть идея!”), врачебная (“Диагноз ясен”), художественная (вдохновение), научная (открытие нового знания), и т.д., и т.п.

Этапы интуитивного постижения истины:

предварительная профессиональная подготовка, накопленный жизненный опыт;

личные способности человека, тонкость его психического склада (более интуитивны по складу души женщины);

напряженный труд, длительные усилия, страстное увлечение человека каким-то делом; сильное и длительное напряжение ума при решении некой проблемы;

случайная подсказка (аналогия, благоприятный фон) правильного решения;

интуитивное озарение (наитие, инсайт, т.е. «вспышка») — неожиданный приход идеи, решения, выхода;

осмысление интуитивного знания, его проверка обычными методами логики и наблюдения.

Недостатки интуитивного познания:

оно может подвести, не прийти вовремя;

страстная, напряженная подготовка к интуиции вредит здоровью;

может вести к недооценке обычных методов познания, его черновой работы (как своего рода интеллектуальный допинг, даже наркотик).

Достоинства интуиции:

дешёвый (для государства, предприятия, организации) метод, позволяющий экономить силы и средства, которые требуются для обычных исследований;

выручает в динамичных, безвыходных ситуациях, когда нет времени долго думать, применять традиционные способы изучения проблемы;

даёт существенно новый для познания результат, который сам по себе часто недостижим при обычных способах исследования; практически любая сколько-нибудь стоящая гипотеза, идея, предложение рождаются интуитивно, спонтанно, неожиданно для субъекта познания и окружающих.

Интуиция — это не божественный дар, а “обыкновенное чудо” человеческой психики и культуры. Талант интуитивного познания надо ценить и культивировать, поощрять. Хотя не забывать о подстраховке капризной интуиции традиционными способами познания.

Приложение

М.А. Холодная Психология интеллекта. Парадоксы исследования

3.3.4. Смена протофеномена в исследовании интеллекта: переход от «познавательного процесса» к «ментальному опыту»

Понятие «протофеномена» (В.С. Швырев) характеризует то ключевое явление (факт, экспериментальную ситуацию и т.д.), в котором манифестируется та или иная теория и которое в свою очередь задает некоторые исходные теоретические ориентации в изучении природы того или иного аспекта реальности.

Если вернуться к традиционным теориям интеллекта, то в этой области психологического знания можно обнаружить весьма характерную тенденцию: результаты исследования интеллекта, как правило, интерпретировались под жестким влиянием определенных нормативно-ценностных критериев (таких, как «нормальное исполнение», «возрастное исполнение», «социальная желательность», «нестандартность ответа»).

Действительно, тесты интеллекта ... первоначально создавались как средство дифференциации нормы и патологии (отставания в познавательном развитии). Поэтому не удивительно, что на первый план выходили те характеристики интеллектуальной деятельности, которые позволяли наиболее демонстративно оценить типичный для психологической нормы уровень интеллектуального исполнения (в частности, в виде показателей сформированности вербальных и невербальных познавательных функций). ...

Влияние нормативных ценностей проявилось также и в том, что представление об интеллекте складывалось главным образом на основе результатов исполнения, характерных для школьного и студенческого возраста (заметим, что именно в этом возрастном периоде рост интеллектуальных возможностей обнаруживает себя прежде всего в высоких показателях эффективности переработки информации). ... Далее, нельзя не отметить влияние на содержание понятия «интеллект» свойственного технократической культуре представление об интеллектуальной личности как человеке, имеющем обширные знания, сообразительном и логичном в разрешении задач, хорошо социализированном и эффективном в адаптации к требованиям социума и т.д.

Наконец, собственно творческие интеллектуальные возможности связывались с дивергентной продуктивностью, т.е. склонностью формулировать множество разнообразных идей, статистически редких с точки зрения некоторых объективно-типичных представлений.

Не удивительно, что в психометрических и отчасти экспериментально-психологических исследованиях интеллекта в качестве протофеномена выступал *познавательный процесс* в его результативных и операционально-динамических характеристиках, по которым достаточно легко было выделить умственно отсталых субъектов, плохо успевающих школьников, потенциальных профессиональных неудачников, людей со стереотипным складом ума (т.е. тех, кто не справляется, не понимает, не успевает, не может и т.д.).

В итоге сложилась парадоксальная ситуация: отправной точкой в формировании представлений о природе интеллекта фактически оказалось явление *интеллектуальной несо-*

стоятельности. ... Если смотреть на человека сквозь призму операционального (тестологического) определения интеллекта, то получается, что способный ребёнок — это ребенок с высоким уровнем сформированности основных познавательных функций, а также нормативных знаний и навыков; одарённый подросток — это подросток со сверхвысоким IQ (хотя при этом он почему-то плохо учится, с трудом налаживает отношения со сверстниками, и, повзрослев, превращается в «умную ненужность»); умный взрослый — это человек сообразительный, образованный, быстро принимающий решения, умеющий много и уверенно говорить, легко приспосабливающийся к любой новой ситуации, до тонкости освоивший доминирующую систему ценностей...

...Традиционные теории интеллекта не охватывали ... три особые области феноменологии интеллекта: особенности устройства и функционирования интеллекта, во-первых, в условиях реальной профессиональной деятельности человека (феномен «компетентности»), во-вторых, в случаях реальных сверхординарных интеллектуальных достижений (феномен «таланта») и, в-третьих, в пожилом возрасте (феномен «мудрости»). Однако как раз эти линии анализа интеллектуальных возможностей человека с очевидностью выводили на первый план факт своеобразия ментального опыта субъекта как основы его интеллектуальной зрелости.

... Интеллект по своему онтологическому статусу — это особая форма организации индивидуального ментального (умственного) опыта в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства отражения и строящихся в рамках этого пространства ментальных репрезентаций происходящего. Особенности состава и строения индивидуального ментального опыта предопределяют характер воспроизведения объективной действительности в сознании человека, а также своеобразие его интеллектуального поведения.

Строго говоря, в пустую голову никакая информация вообще попасть не может. А если бы она туда и попала, то её упорядочение и преобразование были бы невозможны. Поэтому в условиях низкого уровня сформированности ментальных структур или их деструкции любое воздействие окажется «погребённым в безмолвии индивидуального опыта» (Дж. Брунер). Напротив, наличие хорошо организованных ментальных структур превращает индивидуальный интеллект в своего рода безразмерную губку, готовую впитывать любую информацию, что, конечно, существенно расширяет возможности человека к комбинированию, трансформации и порождению идей.

... Вышесказанное отнюдь не означает, что интеллект — это исключительно и только механизм адаптации к своему окружению. Напротив, умные люди, как правило, ведут себя неадаптивно (именно поэтому они достаточно часто сталкиваются с неприятием и даже агрессией со стороны других людей). Однако их поведение оказывается неадаптивным потому, что они в силу специфики организации своего ментального опыта видят происходящее по-другому, их поведение фактически соответствует глубинным, ситуативным закономерностям, вступая при этом с актуальными ситуативными требованиями. Поэтому изоцирено адаптивное поведение — это скорее признак недостатка ума, нежели его избытка.

Парадоксально, но в этом смысле поведение и очень умного, и очень глупого человека в равной мере непредсказуемо, хотя — по разным причинам: у умного оно неадаптивно, у глупого — дезадаптивно.

Таким образом, ментальный опыт является достаточно сложным по своей природе психологическим образованием. Три основные формы организации опыта — ментальные структуры, ментальное пространство, ментальные репрезентации — выступают в качестве иерархии психических носителей, которые «изнутри» предопределяют особенности интеллектуального поведения.

ТЕМА 15. ЗАКОНЫ ЛОГИКИ

Теоретический минимум

1. Формальная логика — наука о правильном мышлении.

Определение логической формы мысли.

2. Базовые формы мышления:

а) понятие;

б) суждение;

в) умозаключение.

3. Закон тождества.

4. Закон противоречия.

5. Закон исключенного третьего.

6. Закон достаточного основания.

7. Враги логичного мышления: эклектика, софистика, схоластика.

Литература

Лекция 15.

Гетманова А.Д. Учебник логики. Со сборником задач. Изд.7-е, стереотипное. М., 2008.

Свинцов В.И. Логика. Учебник для факультетов журналистики университетов. М., 1987.

Логика. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. М., 1995.

Королёв Б.Н. Логика. Начальный курс для старшеклассников. 2-е изд. Курск, 1995.

Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

Ивин А.А. По законам логики. М., 1983.

Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. М., 1990.

Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011 (Философские технологии).

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. Прелегомены к чистой логике / Пер. с нем. М., 2011 (Философские технологии).

Текстологический практикум Льюис Кэррол: поэзия нонсенса

1. Ч. Л. Доджсон (1832–1898) — преподаватель Оксфорда и его alter ego Л. Кэррол — писатель-сказочник.

2. Приключения Алисы в Стране чудес и в Зазеркалье.

3. Охота на Снарка.

Литература

Кэррол Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М., 1990.

Кэррол Л. Охота на Снарка. Пер. Г. Кружкова. М., 1991.

Лир Э., Кэррол Л. Целый том чепухи (Английский классический абсурд XIX века). Пер. Е. Клюева. М., 1992.

Падни Д. Льюис Кэррол и его мир. М., 1982.

Демурова Н.М. Льюис Кэррол. Очерк жизни и творчества. М., 1979.

КОНСПЕКТ

Студент составляет самостоятельно, выписывая из любого учебника или справочника по формальной логике (десятки изданий за последние годы) определения указанных в плане понятий (“формальная логика”, “форма мышления”; “понятие”, “суждение”, умозаключение”; затем каждого из четырех законов логики; наконец, “софистика”, “эклектика”, “схоластика”); наконец, подбирает из жизни или литературы примеры соблюдения или нарушения основных законов логики.

Без соблюдения законов логики мышление быстро пришло бы в тупик. Однако одной логики для жизни, особенно для получения нового знания и выхода из действительно проблемных ситуаций недостаточно. Логика отражает спокойную, вечную сторону человеческого бытия. В иных ситуациях от мышления и поведения требуется парадоксальность, временная нелогичность. На эту сторону жизни и мысли обращает внимание, в частности, Льюис Кэррол в своих прозаических и стихотворных сказках.

Вернёмся ещё раз к поучительной кинокомедии «Мама не горюй». Бандит Зубек, майор милиции и следователь прокуратуры общаются за бутылкой. Их общая задача поймать сбежавшего члена банды — *Морячка*.

Зубек. Давай (*поднимает стакан*). За братву прямую. Которая по-мужски стоит, реально. За твоих, за моих, за всяких.

... *Следователь* ... Хорошо, ты такой по жизни спокойный — так что же ты Порядка не повязал, не придержал? Таковую кашу заварил...

... *Майор (снисходительно)* Так от того и не повязал, что спокойный...

Следователь. Ясное дело, спокойный — Морячок Папу подставил, Папа Моряка, Папа уехал, Морячок слинял (он указывает на *Зубека*) — вроде как и ни при чём. И все спокойные, никто ни в чём не виноват.

Зубек. Почему не виноват? У кого есть вина — тот и виноват. А кто держит себя, тот знает — кому ответ держать, а кто — ему по жизни должен.

Следователь (совсем расклеился под его взглядом и говорит козлиным несколько голосом с резонёрской гримасой). Ну ты мне ещё начни Ницше цитировать. Логика-то у тебя, Зубек, готов доказать, — фашистская, не к свободе она ведёт, а...

Зубек пытается встать.

Майор. Коля, ты-то хоть с катушек не слетай (*Тоже встаёт, усаживает Зубека, обращившись к Следователю*) Ну хватит тут, милый, базаров учёных. Мы тебя не проповедовать звали. Пургой корефанов своих будешь замечать прокурорских.

Следователь. Это для тебя пурга, а во все времена...

Зубек (встаёт снова). Ну, ты только мне норы-то тут не рой, хорёк.

Следователь (валится со стула по собственной инициативе). ... Логика!..»

Подумаем, какова логика поведения живописанных сценаристом К. Мурзенко персонажей. Какую логику гнёт каждый из них?

16. ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Теоретический минимум

1. Разные концепции истины в философии.
2. Аспекты истины:
 - а) объективный и субъективный;
 - б) абсолютный и относительный;
 - в) конкретный и абстрактный;
 - г) «вечные истины» и процесс развития знания.
3. Продукты постижения истины людьми:
 - а) истина и правда;
 - б) знание и вера;
 - в) мнение и убеждение;
 - г) заблуждение, ошибка, бред, иллюзия, обман, дезинформация, полуправда, тайна.
 - д) «ложь во спасение»; толерантность и принципиальность в информационных коммуникациях.

Литература

Лекция 16.

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 (Гл. 7. «Познание и истина»)..

Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1997 (Гл. VIII).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 (Гл. XII. § 8 «Что есть истина»).

Мир философии. М., 1991 (Ч. I. Разд. 4. Гл. 3. «Проблема истины и ее решение в философии»).

Диалектика познания / Под ред. *А.С. Кармина*. Л., 1988.

Бердяев Н.А. Парадокс лжи // Человек. 1999. № 2.

Берн Р. Тайна / Пер. с англ. М., 2008.

Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. 2000. № 1.

Дональдсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003.

Козлова В.С. Вера и знание // Вопросы философии. 1991. № 2.

Кураев А.В. О вере и знании — без антиномий // Вопросы философии. 1992. № 7.

Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10.

Липский Б.И. Практическая природа истины. Л., 1988.

Лоренц Г. Теория лжи для начинающих: как распознать лжеца? / Пер. с нем. Минск, 2012.

Найдыш В.М. Тайна как феномен культуры // Человек. 1999. № 2.

Патнэм Х. Разум. Истина и история. М., 2002.

Риксон Ф.Б. Коды, шифры, сигналы и тайна передачи информации / Пер. с англ. М., 2011.

Руднев В.П. Реальность как ошибка. М., 2011.

Свинцов В.И. К вопросу о соотношении понятий «истина» и «художественная правда» // *Философские науки.* 1984. № 4.

Хайдеггер М. О сущности истины // *Философские науки.* 1989. № 4.

Экман П. Психология лжи / Пер. с англ. СПб., 2003.

Текстологический практикум

Дж. Оруэлл

«1984»

Роман

Министерство правды — на новоязе миниправ — разительно отличалось от всего, что лежало вокруг. Это исполинское пирамидальное здание, сияющее белым бетоном, вздымалось, уступ за уступом на трехсотметровую высоту. Из своего окна Уинстон мог прочесть на белом фасаде написанные элегантным шрифтом три партийные лозунга:

ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА

... В разных концах Лондона стояли ещё три здания подобного вида и размеров. ... В них помещались четыре министерства, весь государственный аппарат: министерство правды, ведавшее информацией, образованием, досугом и искусствами; министерство мира, ведавшее войной; министерство любви, ведавшее охраной порядка; и министерство изобилия, отвечающее за экономику. ...

Министерство любви внушало страх. В здании отсутствовали окна. ... Попасть туда можно было только по официальному делу, да и то преодолев целый лабиринт колючей проволоки, стальных дверей и замаскированных пулемётных гнезд. Даже на улицах, ведущих к внешнему кольцу ограждений, патрулировали охранники в черной форме, похожие на горилл и вооруженные суставчатыми дубинками.

Намеревался же он теперь — начать дневник. Это не было противозаконным поступком (противозаконного вообще ничего не существовало, поскольку не существовало больше самих законов), но, если дневник обнаружат, Уинстона ожидает смерть или в лучшем случае двадцать пять лет каторжного лагеря. ...

В самой большой секции документального отдела ... работали люди, чьей единственной задачей было выискивать и собирать все экземпляры газет, книг и других изданий, подлежащих уничтожению и замене. Номер «Таймс», который из-за политических переналадок и ошибочных пророчеств Старшего Брата перепечатывался, быть может, десятков раз, все равно датировался в подшивке прежним числом, и нет в природе ни единого опровергающего экземпляра. Книги тоже переписывались снова и снова и выходили без упоминания о том, что они переиначены. ... В общем, думал он, перекраивая арифметику министерства изобилия, это даже не подлог. Просто замена одного вздора другим. Материал твой по большей части вообще не имеет отношения к действительному миру — даже такого, какое содержит в себе откровенная ложь. Статистика в первоначальном виде — такая же фантазия, как и в исправленном. Чаще всего требовалось, чтобы ты высасывал ее из пальца. Например, министерство изобилия предполагало выпустить в 4-м квартале 145 миллионов пар обуви. Сообщают, что реально произведено 62 миллиона. Уинстон же, переписывая прогноз, уменьшил плановую цифру до 57 миллионов — чтобы план, как всегда, оказался перевыполненным. Во всяком случае. 62 миллиона ничуть не ближе к истине, чем 57 или 145. Весьма вероятно, что обуви вообще не произвели. Еще вероятнее, что никто не знает, сколько ее произвели, и, главное, не желает знать. Известно только одно: каждый квартал на бумаге производят астрономическое количество обуви, между тем как половина населения

Океании ходит босиком. То же самое — с любым документированным фактом, крупным и мелким. Все расплывается в призрачном мире, и даже сегодняшнее число не определишь.

1948

Конспект

Одно из центральных (и для теории, и для практики) философских понятий — истина. В истории философии сложилось несколько подходов к определению этой категории.

Классическая концепция истины восходит к Аристотелю и представляет истину как *соответствие* наших знаний реальной *действительности*; достаточно полное и точное отражение некоего объекта в мышлении человека. Коротко говоря, истиной с этой точки зрения может называться **объективная информация**. Эта точка зрения на истину легла в основу всей европейской цивилизации, в особенности классической науки, прежде всего естествознания. Классический рационализм стоит на том, что человеческий разум принципиально соответствует сущности внешнего мира.

Прагматическая версия истины подчеркивает противоположный момент в составе человеческого знания — **субъективный**, т.е. степень его *пригодности* на практике. С точки зрения основоположников философии прагматизма (В. Джемса, Д. Дьюи), истина равняется *эффективной на деле, полезной* определённому субъекту информации. Такой подход особенно актуализировался на рубеже XX–XXI веков, когда в философии и науки в моду вошел так называемый **постмодернизм**. Этот стиль мышления и поведения предполагает принципиальное равенство всех участников познания, учёт их разнообразных интересов, даже если они иллюзорны.

Когерентная теория истины обращает внимание на внутреннюю структуру той или иной порции информации. А именно, *согласованность* самого знания, претендующего на истинность, его логичность и аргументированность. В этом случае главными признаками истины будут считаться соответствие фактов их объяснениям, аксиом и следствий, гипотезы и эксперимента. Подобный разворот проблемы истины как **гармоничного знания** стал особенно актуален в естествознании XX века, где объективное существование самой физической материи оказалось поставлено под сомнение (Н. Бором, В. Гейзенбергом и прочими теоретиками квантовой механики).

Конвенциональная модель истины подразумевает количество её *пользователей*: если с каким-то положением соглашаются массы людей и оно служит им руководством к действию, то можно считать данное положение истинным. Конвенция, т.е. **договорённость** относительно той или мнгой истины, может строиться как на искренней вере, так и на молчаливом согласии подчиняться господствующему мнению. К подобной трактовке особенно охотно прибегают

богословы разных конфессий, апеллирующие к выбору большинства, а также политики с выгодными их партиям и движениям вариантами идеологии.

Как видно, в перечисленных определениях истины отражены её различные грани. Причем последовательность выделенных признаков соответствует их существенности. Без первого признака — *объективности* (хотя бы в какой-то степени) знания, претендующего на истинность, о таковой вообще нет смысла говорить. Следующие три качества — *полезность*, *соразмерность*, *убедительность* — уточняют определение рассматриваемого понятия, но без первого — объективности не могут обойтись. А объективности, в свою очередь, ещё надо доказать свою нужность людям. В разных познавательных, общественных ситуациях на первый план при оценке и потреблении знаний выходит та или иная из перечисленных черт истины.

Философская теория истины различает несколько её взаимосвязанных характеристик: объективность и субъективность; абсолютность и относительность; конкретность.

Объективность истины выражается в нескольких ракурсах:

- сам предмет истины существует вне её самой; как правило, до, без и после человека; люди только мысленно реконструируют этот предмет в своём сознании, где именно и «живёт истина» (а не летает с воробьями на улице, как выразился для ясности один преподаватель);
- главное для истины — более или менее, но адекватно отражать свой предмет в образах человеческой психики или (и) знаках деятельности; истина, таким образом, представляет собой идеальную модель, интеллектуальную копию объекта;
- истина отражает не только сам по себе объект, но и возможности, потребности человека по взаимодействию с ним; в этом плане она располагается *между* человеком и миром; те стороны реальности, которые никак не подвластны людям, остаются за пределами их познания и, значит, его результата — истины.

Следовательно, истиной можно назвать до нужной субъекту степени *объективизированное знание, способное участвовать в человеческой деятельности по сохранению и преобразованию действительности, включая самого человека*.

Как волшебная синяя птица из сказки Мориса Метерлинка меняла окраску, попадая в клетку, так любая истина в чём-то видоизменяется при своей трансляции — переходе от человека к человеку, от коллектива к коллективу, от поколения к поколению, а общем — от одного субъекта познания к другому. Поэтому **субъективные стороны истины** не менее существенны для ее понимания:

- способ формулирования истины, форма ее выражения всегда человечна, индивидуализирована; каждый участник познания (личность, малая группа, масса людей) адаптируют информацию “под себя”, в связи со своими собственными потребностями и целями;

- истина никогда и нигде не существует в «чистом виде», но всегда «в сплаве» со своими антиподами — заблуждениями разного типа и «белыми пятнами» незнания каких-то вопросов; причём заблуждение и незнание не просто помеха на пути к истине, но и катализаторы ее выработки;

- истины не существует для одного человека — спрятанное от людей открытие просто недействительно, как зарытый в землю клад сокровищ; знание должно быть рано или поздно подтверждено если не целым обществом, то неким коллективом людей, заинтересованных в этом знании; истина обречена менять своих обладателей, «конвертироваться» в «интеллектуальный капитал», умственном обиходе целого сообщества людей.

Итак, со своих субъективных, человеческих сторон *истина представляет собой продукт культурно-исторического развития человечества, информационный ресурс целого общества; такое знание, чьи параметры во многом определены, с одной стороны, биологией и экологией Человека разумного, а с другой — историей и социологией определенного социума.*

Абсолютная истина понимается различно:

- некий *идеал познания* по тому или иному вопросу — исчерпывающий по точности и полноте ответ на него; познание всегда стремится к такому идеалу и в этом смысле ориентира, “приманки”, мечты он существует; но достигнуть такого предела изучения по мало-мальски серьёзной и масштабной проблеме, тем более окончательно, едва ли возможно;

- так называемые *«вечные истин»* — те положения, которые вряд ли будут пересмотрены с дальнейшим развитием науки и культуры; это прежде всего факты — эмпирические констатации нашего опыта (например: химическая структура воды H_2O ; Курск назван по речке Куру, на которой стоит его исторический центр; и т.п.), а также постулаты общих методов и теорий (вроде принципа Ле Шателье или наступления третьего тысячелетия 1 января 2001 года); без такого рода “вечных истин” познание немыслимо, но и ограничиться ими оно не может;

- те элементы в составе наличного знания, которые остаются постоянными временно — внутри определенной парадигмы науки (вроде классической физики или квантовой механики) и практики, пока они удовлетворяют задачам человеческой деятельности; с наступлением нового этапа в развитии культуры, после революции в стиле мышления, эти истины становятся архаичными пережитками (вроде счетов-абака в эпоху компьютеров) или даже заблуждениями (типа алхимии сегодня).

Грани относительной истины:

- неизбежная *неполнота* сегодняшнего знания; в процесс познания вовлекаются всё новые и новые стороны любой проблемы;

- *приблизительность* нашей информации по глубине её проникновения в сущность природных или социальных явлений;

- «информационный шум», потери при производстве и особенно трансляции знания в зависимости от особенностей разных субъектов познания.

Соотношение абсолютной и относительной истины в принципе достаточно просто: абсолютная истина постепенно и по сути вечно складывается из истин относительных, их бесконечной суммы.

Если истина по определённому вопросу может быть сегодня в принципе только одна, то отступления от неё многообразны. Хотя в этой своей оппозиции к истинному знанию они едины, но путать их не стоит, нужно видеть их разницу.

Заблуждение — массовидное, коллективное представление, претендующее на роль истины, но по сути своей искажающее действительность. Главное отличие заблуждение — его стихийность, непреднамеренность; его поклонники искренне верят в него, как в истину. Так нацисты безоговорочно шли за фюрером, а большевики — за генеральным секретарем ЦК своей партии на любые дела (“Я — солдат партии”, бытовала среди них поговорка). Так медицина сталкивается с неожиданным побочным действием казалось бы апробированного лекарства. Как видно из первых попавшихся примеров, заблуждение заблуждению рознь.

Есть *великие заблуждения* — своего рода катастрофы интеллекта на долгом и трудном пути к истине; их можно сравнить с разведкой боем на войне — потери неизбежны, но помогают выиграть кампанию в целом (так, идея флогистона или теплорода заменяла химии теорию вплоть до обоснования атомо-корпускулярной концепции Р. Бойлем и А. Лавуазье).

Есть *ужасные, преступные заблуждения*, которым нет прощения и забвения — ведь именно из-за них погибли множества ни в чём не повинных людей. Таков социализм вообще и марксизм в особенности, который уже через несколько десятилетий после своего обнародования привел к революционному террору таких размеров, каких не знала история человечества. Жертвами идей национал-социализма и коммунизма стали десятки миллионов людей, в том числе миллионы наших соотечественников.

Есть *терпимые заблуждения*, которые скорее помогают людям жить, чем мешают. До некоторой степени их примером является религия и вообще вера в какие-то идеалы. Более уверенно заблуждением такого — приятного рода можно назвать чувство любви — оно почти всегда предполагает идеализацию своего предмета, включает в себя элементы обмана и самообмана. Вот уж где бывает “обмануть меня не трудно / Я сам обманываться рад...” (А.С. Пушкин).

Ошибка — личная неосведомлённость в том, что вообще-то хорошо известно. Это, к примеру, когда вместо нужного препарата провизор по невнимательности, халатности выдает вредный данному пациенту. Ошибочно незнание истины тем лицом, который по роду своей деятельности, уровню образования должен был её знать и применять на практике. Хотя, как говорится, не ошибается только тот, кто ничего не делает, но по своим последствиям бывают опять-таки простительные ошибки, поправимые промахи, а бывают преступные с моральной и даже юридической точек зрения отступления от истины.

Обман — преднамеренное введение кого-то в заблуждение, активный умысел на то, чтобы подменить в чьих-то глазах истину заблуждением. К примеру, после взрыва на Чернобыльской АЭС власти СССР и Украины, радея о собственном престиже, быстро эвакуировали своих детей и прочих родственников из самых опасных зон радиации, но обманули население, занизив опасность для его здоровья от этой катастрофы. Так же поступило командование НАТО, стремясь скрыть заболевания лейкемией среди своих военнослужащих, вызванные применением с их стороны экологически опасного оружия на войнах в Ираке и Югославии.

От обмана с корыстной целью надо отличать благую ложь, “*во спасение*”, как формулирует христианство. Не всякая истина полезна всем. Часто лучше не сказать всей правды, которая может оказаться непереносимой для души человека, стоит пойти даже на заведомую неправду, если она поддержит человека в трудную минуту. Сообщая посторонним чужие тайны с корыстной целью или из мести, люди становятся доносчиками. Таких презирали всегда и везде. Чтобы сберечь такую тайну, стоит пойти на невинный и даже спасительный для ближних обман.

Характерным образцом “лжи во спасение” служит *врачебная тайна*. Имея по роду своей деятельности доступ к такой информации, которую пациент как правило не желал бы разглашать публично, врачи и другие медицинские работники обязаны своей профессиональной клятвой Гиппократов держать такие сведения по истории болезни в секрете от посторонних. Границы врачебной тайны определяются с одной стороны, интересами самого пациента, его волей, но с другой стороны — интересами общества по обеспечению коллективной безопасности (в случае, если медицина сталкивается с криминальными сторонами жизни или опасными для других людей заболеваниями данного пациента). Такой информацией врач обязан (и законом, и профессиональной моралью) поделиться с правоохранительными и прочими компетентными органами.

На Западе врачи чаще всего сообщают пациенту истинный диагноз, каким бы страшным для него он не был: надеются задействовать защитные силы его организма, резервы психики. В нашей стране неутешительный диагноз чаще умалчивают от пациента, сообщая его только родственникам и то не всем. Как видно, эти подходы отражают разницу восточно-православного и западно-протестантского менталитетов. По-русски можно спросить: “Вам плохо?” (допустим, сбитого машиной пешехода). По-английски так спросить практически нельзя. Калькой служит обращение: “You are right” или “You o’key” (американизм) — “Вам хорошо? Вы в порядке?” (даже к явно покалеченным или умирающим людям). Максимум сочувствия или неинформированности (не видел, что именно произошло) англичанин выразит фразой: “Are You in trouble?” (“Вы в беде?”). Резать “правду-матку” или лгать во спасение — каждый из нас всякий раз обречен решать сам исходя из ситуации и своего разумения. И. Кант на сей счёт советовал: вас никто не обязывает говорить неправду, но и всю правду, какую знаете, вы вправе не сообщать.

Ведь тайна бывает не только врачебная, но и другая, не менее важная — государственная, производственная, семейная, личная. По мудрым словам Талейрана, язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Надо учиться

хранить хотя бы часть доверенных тебе секретов, даже если очень хочется о них с кем-то посплетничать. С другой же стороны, излишней замкнутостью отличаются как тиранические, диктаторские режимы, так и скрытные, завистливые люди. Смешно засекречивать в принципе общеизвестные вещи. Так, в СССР вплоть до 1990-х гг. все карты местности печатались с умышленными искажениями, чтобы ими не могли воспользоваться “шпионы”.

Полуправда в этой связи — сознательное расчленение, сортировка информации на открытую и закрытую от непосвящённых в нее людей. Она бывает формой вежливости, проявлением тактичности или симпатии, а бывает способом задурить голову, сбить с толку, т.е. в конечном счете обмануть, унижить кого-то.

Дезинформация — разновидность активного обмана со стратегическими, так сказать, целями; в более или менее массовых масштабах. Когда ложь выдают за истину (иногда наоборот истину за ложь — см. рассказ Э. По “Украденное письмо”) в чьих-то особых интересах (государства, партии, фирмы и т.п. носителя информации). Дезинформируют противника на войне, в разведывательной деятельности, спорте и прочих состязаниях.

Образцом многих перечисленных форм неистины может служить недобросовестная реклама товаров и услуг. В большинстве случаев реклама лекарственных средств содержит в себе те или иные логические ошибки. Например: “Лучшее средство от болезней — противокашлевая микстура “Доктор Пом”. Вторая часть этого рекламного слогана логически противоречит первой (часть выдается за целое). Или же такое смелое утверждение: “40 % диагнозов в нашей стране ставят ошибочно” (налицо неопределенность условий для логического вывода: сколько вообще ставится диагнозов, каких — прижизненных, посмертных; сколько уточнено по ходу лечения).

Истина и правда не совсем одно и то же. Понятие правды в русском языке (для прочих языков трудно подобрать ему кальку) отражает прежде всего человеческое, общественное измерение информации. Несколько огрубляя, можно сказать, что правда связана с тем, кому истина полезна, а кому вредна. Поэтому целая истина науки или профессиональной практики “разбивается на осколки” разных правд, когда речь заходит о проблемах личных, общественных, политических. Т.е. истина по какому-то вопросу может быть одна-единственная, а вот правд относительно него же — несколько, множество. Эти разные правды выкристаллизовываются при столкновении противоположных интересов, непримиримых амбиций разных личностей, коллективов, социальных слоев, поколений, целых народов. Правдой достойна называться жизненно важная, глубоко личностная, выстраданная, интимная информация. Возьмем двух главных героев фильма Н.С. Михалкова “Утомлённые солнцем” — красного командира, победителя в Гражданской войне и белого офицера, эмигранта. У каждого из них своя правда, цена которой — сама жизнь этих людей. Договориться, вытерпеть друг друга (точнее, враг врага) они не могут по определению их жизненных позиций.

Большинство вариантов отступления от истины связаны с нарушением такого ее качества, какова конкретность тех знаний, которыми мы пользуемся. **Конкретность истины** состоит в том, что соответствующие ей высказывания обязаны:

— придерживаться определённых условий, границ своей применимости (скажем, вода кипит при 100 градусах Цельсия только на определённой высоте над уровнем моря и при нейтральном химическом составе); перейдя за грань необходимых условий, можно любую истину довести до абсурда;

— меняться вместе с изменением обстоятельств; *истина — это всегда процесс, а не просто результат познания*; ей противопоказано душевное спокойствие, за обладание истиной человеку приходится бороться, прежде всего с самим собой; но нередко и отстаивать её перед другими людьми, с ней не согласными;

— соотноситься с контекстом применения знаний, т.е. обстоятельствами личной и общественной жизни людей, законами и правилами их совместного существования; иначе говоря — истина в идеале не должна вредить людям, особенно непоправимо.

Вера не должна отождествляться нами с религией. Она занимает гораздо более широкие позиции в жизни людей. Мы верим не только Богу, но и близким себе людям, учителю, книге, воспитанным в нас принципам и ценностям. Вера представляет собой знание, которое лично мы не проверяли. Мы доверяем чьему-то авторитету по какому-то поводу и тем самым экономим время и силы для того, чтобы в другом вопросе разобраться самим. “Верую, чтобы понимать” — сказал Аврелий Августин, один из отцов христианской церкви. Таким образом, без элементов веры познание вообще невозможно. В тех вопросах, где научная или практическая проверка невозможны, а знание требуется нам для жизни, мы обречены на веру (в религии, морали, искусстве). “Верую, ибо абсурдно” — заключил другой средневековый богослов, Тертуллиан. Тут вера представляет опыт целых поколений, традиции культуры.

Однако перепополнение познания верой вредит ему. *Догматизм* противопоставлен науке и профессии. “Понимаю, чтобы верить” — призывал французский мыслитель Пьер Абеляр (XII в.). *Творческий скептицизм* настоящего исследователя заставляет его не принимать на веру ничего, чего он лично не проверил со всей тщательностью. Иначе фиктивное знание как своего рода интеллектуальный вирус заразит науку и практику, обрекая их на ошибки и заблуждения.

Толерантность (лат. “toleratia” — терпение) — важнейшее качество воспитанного, интеллигентного человека. Надо культивировать в себе терпимость к чужим мнениям, снисходительность ко вкусам других людей. Они не обязаны во всем нам потакать, целиком с нами соглашаться. Оставляйте своим собеседникам, сотрудникам право на суждения, отличные от ваших собственных. Иначе мы погрязнем в лишних, бесплодных конфликтах и ничего путного от жизни не дождёмся.

В масштабах общества, государства данное качество называется **плюрализмом** (лат. “pluralia” — многое) — свободой разных мнений, высказываний; равными возможностями для различных по типу субъектов деятельности (форм собственности, церквей, жанров искусства, школ в науке и т.п.). Нельзя наказывать за мысли, даже за слова, какими бы чудовищными они не казались нам лично. Если, конечно, эти слова не оскорбляют чьего-то достоинства и не подстрекают на преступления, что в цивилизованном, демократическом обществе определяет суд. По решению беспристрастного суда могут, а в определённых ситуациях даже должны быть запрещаемы определённые формы идеологии и соответствующие партии, организации. Так после второй мировой войны в большинстве стран запретили нацизм и фашизм, а в некоторых также социализм и коммунизм — ведь они призывают к насилию, уничтожению какой-то части сограждан по расовому или классовому признаку. Но открытое и длительное подавление свободы слова и мысли неизбежно ведет к репрессиям против инакомыслящих и даже “подозрительных” (т.е. потенциально способных на инакомыслие, которых начинают отлавливать и казнить по ходу любой революции).

Конечно, есть принципиально спорные моменты согласования разных интересов в обществе. Например, одни политики требуют легализовать гомосексуальные ориентации, а другие — установить за них уголовную ответственность.

Плюрализм должен быть в нормальном, цивилизованном обществе, правовом государстве, но не в отдельно взятой голове. Взрослый человек просто обязан иметь некие принципы своего поведения. Беспринципный человек мало способен к творчеству, ему не снискать уважения и любви ближних. А.С. Пушкин посвятил знакомому мальчику такой экспромт:

Душа моя, Павел!
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то...
Кажись это ясно?
Прощай, мой прекрасный!

Как видно, тут взрослый не навязывает ребенку готовых принципов поведения (Пушкин не называет, чего конкретно надо избегать его питомцу, а чего придерживаться). Учитель призывает подопечного самому определить для себя подходящие ему правила жизненной игры и стараться им следовать. Наставник верит в собственные силы маленького человека, в его будущее. Как говорят американцы, каждый сам себе начальник. Поэтому, в частности, у края Ниагарского водопада нет никаких ограждений, что поражает туристов из разных стран, начиная с японцев. Но у представителей англосаксонской расы считается достаточным предупредить человека об опасности. А дальше — его дело её избегать, либо нет.

Однако путь поиска истины, тем более отстаивания правды как правило получается у человека долгим и мучительным. Ложь и обман соблазняют его разными выгодами. В борьбе за истину победы чередуются с поражениями. Одни люди переживают по этому поводу больше (добрые, слабые), другие меньше (эгоисты, циники). Причём наиболее драматичная борьба идет не

столько между разными людьми, а каждого из нас с самим собой. Так или иначе, по разным поводам, время от времени в душе каждого человека, по выражению поэта (Вл. Солоухина) «идёт гражданская война»:

Внутри меня возникли баррикады.
Сперва толпа, булыжник мостовой,
Окраины, ораторы, отряды,
Предатели, каратели и — бой!

Войска закона движутся к заставам,
Для них повстанцы — дикая орда,
Та часть меня, которая восстала
На часть меня, которая тверда.

Свистят фугасы, крутятся радары,
Огня и крови яростный союз...
И кто бы ни клонился под ударом,
То я клонюсь, один лишь я клонюсь!

Страшна беда, как все на свете беды
Разорены цветущие поля...
Но кто бы ни одерживал победу,
То я её одерживаю, я!

Опять они с вопросами при встрече
Ко мне друзья, знакомые мои:
— Ну, как живёшь, здоровье как?
Отвечу:

— идут кровопролитные бои.
Вы моему спокойствию не верьте,
Обманчив внешний благодушный вид
Лишь одного боюсь я больше смерти:
Уснёшь. А кто-то третий победит.

17. ПРАКТИКА

Текстологический практикум

1. Отличительные черты и структура практической деятельности.

Её основные сферы:

- быт;
- труд;
- досуг;
- праздник;
- сакральная мистерия;
- «экстрим».

2. Важнейшие виды практики:

- материальное производство (индустрия, сельское хозяйство, торговля, бытовое обслуживание);
- социальное управление (политика, охрана общественной безопасности, менеджмент);
- научный эксперимент;
- духовно-практические виды активности человека (воспитание, образование, спорт, т.п.);
- духовная «практика» (научно-философский дискурс, художественное творчество, медитация, молитва, т.п.).

3. Практика и познание (теория) — направления взаимодействия:

- практика — основа и движущая сила процесса познания;
- практика — главный критерий истины; его абсолютность и относительность;
- знание — информационный ресурс практики.

4. Отличия практического познания, его основные типы.

Литература

Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994 (Разделы: «Практика дефиниций и дефиниция практики»; «Отличия практического познания»).

Щавелев С.П. и др. Корпоративный разум врача и провизора: стратегия и тактика формирования и развития. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012.

Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 3-е изд. М., 2000 («Творчество», «Познавательное и практическое»).

Введение в философию. М., 2003 (Ч. II. Гл.7. «Деятельность»).

Спиркин А.Г. Философия. 3-е изд., перераб., доп. М., 2011 («Познание, практика, опыт»).

Гречко П.К. Практика человека. Опыт философско-методологического анализа. М., 1988.

Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.

Заблуждающийся разум? Анализ вненаучного знания. М., 1990.

Завалишина Д.Н. Практическое мышление. Специфика и проблемы развития. М., 2005.

Знание за пределами науки / Сост. *И.Т. Касавин*. М., 1994.

Климов А.Я. Диалектика познания и практики. М., 1991.

Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев / Сост. *И.Т. Касавин*. М., 1992.

Федотова В.Г. Практическое и духовное освоение действительности. М., 1991.

Текстологический практикум

М. Вебер

Протестантская этика и дух капитализма

1. Макс Вебер (1864–1920) — немецкий социолог, экономист и историк культуры.

2. «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905): основные идеи, их критическое обсуждение историками и социологами.

3. Вероисповедание и общественное расслоение. Дух предпринимательства. Мартин Лютер о призвании человека. Религиозная основа мирского аскетизма. Аскеза и буржуазный дух.

Литература

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Иваново-Франковск, 2002.

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994.

Неусыхин А.И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Там же.

Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991..

Конспект

Понятие практики — центральное для целого ряда философских школ минувшего XX века. Однако представители разных школ вкладывали в это понятие неодинаковое содержание. По-гречески *praktikos* означает «деятельный», «активный» (в противоположность, как видно, «созерцательному», «самоуглублённому» состоянию человека, а не просто «пассивному», «заторможенному»). Таким образом, в широком (бытовом) смысле практикой называют любую активность, самостоятельно проявляемую человеком (сравните выражение «учебная практика» — после аудиторных занятий, где-то на реальных предприятиях). Однако в качестве философской категории слово «практика» требует существенных уточнений.

Философы-идеалисты (вроде Платона или христианских богословов) под настоящей практикой понимали внутреннее, *духовное самоусовершенствование* личности, её напряжённый диалог со Всевышним, постижение его Божественного промысла и подстройку своего поведения под него. Практичны, с этой точки зрения, отнюдь не тленные земные вещи и суетные амбиции, а приобщение к вечным ценностям добра и счастья. Разум практика, таким образом, должен служить сердцу — любящему и сострадательному. Спасение души праведника на страшном суде Господа — вот конечный результат человеческой практики с точки зрения религии.

Напротив, для представителей **марксизма** «практика» означает *особого рода деятельность людей*:

- *чувственно-предметную,*
- *материально-преобразующую,*
- *орудийную,*
- *сознательно-целенаправленную.*

Имеется в виду, что практик что-то непременно *изменяет в окружающем нас мире*; причём совершает это *сознательно*, по намеченному заранее плану; непременно *с помощью орудий* и прочих средств труда, которыми обрабатывает некое материальное сырьё. Последователи К. Маркса и В.И. Ленина намеревались «изменить мир силой оружия», совершить мировую пролетарскую революцию, а затем так же силой осчастливить всё человечество коммунизмом — построить земной рай, совершенное общество из «настоящих» людей. Поэтому они и уповали прежде всего на практику материальную, внешнюю, силовую (вспомним типичные лозунги большевистских, советских песен: «Каховка — родная винтовка», «я хату покинул, пошёл воевать», «шла дивизия вперёд», «Красная армия всех сильнее», «а паразиты никогда» и т.д., и т.п.). Все остальные виды человеческой активности относились марксистами к сфере теории как отражения, познания мира. Теория подытоживает революционную практику и направляет её на всё новые свершения в общественном переустройстве, «перековке» самого человека.

Компромиссную точку зрения на практику выразили основоположники **прагматизма**, ставшего официальной философией США. Основоположник прагматизма Чарлз Сандерс Пирс (1839–1914) в свою очередь усматривал сущность человека в действии (греч. *pragma*), деятельности (*praxis*). Однако желанный человеку результат деятельности понимается при этом шире, чем у богословов и революционеров. А именно, как *успех в жизни*, который предполагает как материальные, так и духовные блага. Практично поэтому такое мышление, которое обеспечивает успешное для данного субъекта действие. Практика сводится к выходу из проблемных ситуаций, вне зависимости от сферы их возникновения. В каком-то случае практичен даже отказ от прямого действия — во имя сохранения природы, памятника культуры или чего угодно ещё во внешнем или внутреннем мирах человека.

Как видно, известная доля истины содержится в каждом из отмеченных вариантов философии практики. Чтобы не растворить понятие практики в более широких понятиях деятельности, поведения, творчества, стоит сохранить за ним соответствующие отличия, которые укладываются в триаду категорий «*цель — средство — результат*». А именно, —

- во-первых, практика (в отличие от инстинктивного или же стихийного поведения животных и человека) в той или иной степени носит *сознательный характер, преследует некие цели* (как идеальный образ желанного будущего);

- во-вторых, практика требует для себя *определённые средства* (инструменты, методы, технологии), с помощью которых преодолевается сопротивление обрабатываемого материала, события направляются к поставленной цели, причём нужным человеку путём;

наконец, —

- в-третьих, в итоге совершившейся, удавшейся практики что-то *реально меняется* в мире или в самом человеке (в отличие от теории, идеологии, вообще духовности, которые лишь идеально копируют мир, создают информационные подобия каких-то его моментов, но сами по себе остаются вторично-виртуальными, а не вполне реальными).

Иначе говоря, деятельность *практическая* призвана *творить новое бытие*, а деятельность *теоретическая* — *получать* о существующем бытии *новую информацию*, кодировать уже существующие фрагменты бытия в уме человека и символических средствах познания.

Таким образом, родственные понятия поведения, деятельности, практики категориально не тождественны. Самое широкое среди них первое: *поведение* предполагает рефлекторную ориентировку в изменяющихся условиях действительности, внешней и внутренней средах обитания любого живого организма. Как-то ведут себя и бабочки, и млекопитающие, и люди. *Деятельность* предполагает наличие какой-то доли сознания — способности выдвигать идеальные модели будущего и искать пути к его достижению, либо избежанию. В зачаточной форме способность к такого рода конструктивной деятельности появляется у высших животных. В полном объеме деятельностью способен повседневно заниматься только человек. А уже у него деятельность возможна как в целом духовная, теоретическая, так и практическая. Это принципиальное деление не отменяет наличия промежуточных, «гибридных форм» нашей деятельности. Граница между ними в жизни бывает скользящей и условной.

Названные выше общие черты практики по-разному проявляются в различных её типах и видах; сама практика довольно сложно связана с теорией, идеологией, духовностью. Поэтому сегодня философы чаще используют эту категорию во множественном числе — говорят о практиках, и материальных, и духовных, и духовно-материальных. Критерием их разницы служит соотношение, последовательность материи и информации в средствах и особенно результатах деятельности. Деятельность *материально-практическая* конечной целью имеет преобразование действительности, а познание, вообще духовность в та-

ком случае служат этой цели. Например, рабочий должен произвести нужный продукт, солдат — убить врага; хирург инструментально вмешаться в организм с целью его исцеления от недуга; торговец обратить свой товар в деньги. Морально-психологические качества всех этих практиков обеспечивают эти *внешние цели*.

Напротив, в деятельности *духовно-теоретической* материальные орудия — не более чем подручные средства открытия истины, эмоционального переживания, вообще достижения определённых состояний внутреннего мира человеческой души, сознания. Учёный, артист, священник — они по-разному, но *взывают к внутреннему миру человека*. Так, для поэта не слишком важно, на какой бумаге и какой ручкой записать стихи (свое последнее стихотворение Сергей Есенин начертил алмазным перстнем на ресторанном стекле). Материальные аксессуары субъектов духовной практики заведомо вторичны по отношению к работе их мысли, фантазии, к их переживаниям. Главное — покорить своей мыслью или чувством души других людей.

Рынок профессий и услуг чем дальше, тем больше востребует самую разную продукцию практиков — и собранный на конвейере автомобиль, и очерк для газеты, и лекарственный препарат, и музыку в переходе метро, и сеанс врача-психоаналитика, и вкусную еду в национальном ресторане, и т.д., и т.п. Так что в конечном счёте можно (с известной долей условности и не боясь обвинений в цинизме, который как-никак лучше инфантилизма и паразитизма) считать *практичным всё то, что продаётся* на рынке товаров и услуг.

Типы практики как раз и *определяются* отмеченной *пропорцией материального и идеального*, объективного и субъективного в её составе. Первичный, базисный характер для самого существования человека и общества носит главным образом **материальная практика**. Это труд людей в промышленности и сельском хозяйстве, обширной сфере обслуживания, на транспорте и в строительстве, в торговле и средствах связи (включая электронные). Практичность этих видов деятельности очевидна — их результаты «сработаны весомо, грубо, зримо», как выразился поэт. Станочник на заводе, механизатор на пашне, доярка на ферме, водитель такси или дальнобойного грузовика, официант в ресторане или проводник в вагоне поезда, очень и очень многие т.п. лица (так называемые на зажиточном Западе «синие воротнички») образуют необозримую армию тружеников материального производства товаров и услуг.

Кроме так или иначе социализированной (обобществлённой), сюда же относится **бытовая практика** лично-семейного самообслуживания, ведения домашнего хозяйства. Эта, на первый взгляд тривиальная, работа прачки, няньки, повара, уборщицы, клоуна, чаще всего соединённых в одном и том же лице домашней хозяйки, образуют материальный фундамент всей остальной жизнедеятельности потребителей соответствующих продуктов домашнего труда.

Сложнее оценить практичность труда тех, кто управляет рабочими разного рода, создаёт рабочие места, планирует, усовершенствует условия труда, принимает решения по другим общим вопросам, совершает многое т.п., т.е. за-

нимается **социальным управлением**. Чиновники государственных органов, владельцы предприятий и фирм, менеджеры и финансисты, юристы и прочие консультанты, аналитики, многие т.п. «белые воротнички» могут показаться (если глядеть «снизу» или «сбоку») если не бездельниками, то некими «нахлебниками» у «настоящих работяг». На самом деле всё наоборот. В современном, так называемом постиндустриальном, информационном обществе доля населения, занятого в непосредственно материальном производстве (на фабриках и заводах, на фермах и в сфере «грязных» услуг) неуклонно снижается и самых развитых странах (вроде США) достигает всего нескольких процентов. На первый план выдвигается не просто «рабочая сила», а высокие технологии (хай тек) и работники, способные организовать применение таких технологий (прежде всего компьютерных). Большая часть работников уже не продаёт свою рабочую силу собственнику огромных средств производства, а сама предлагает на рынок уникальный продукт или эксклюзивные блага. Такие работники работают уже не *на* компанию, а *с* компанией, а то и просто поодиночке. По сути, это добровольцы, им ничего нельзя приказать, их нужно или организовать наилучшим образом, или предоставить самим себе. Сегодня экспорт из США наполовину состоит из продукции компаний, в которых занято 19 и менее сотрудников; только 7 % применяет труд более 500 человек. К 1995 г. в США насчитывалось более 20,7 млн. автономных специалистов и предпринимателей. Сегодня их едва ли не вдвое больше. Отсюда резкий рост числа и роли таких одиночных специалистов в самых разных сферах обслуживания, которые работают по требованиям и отдельным потребителей, и коллективных заказчиков, и общегосударственных потребностей. Не только и не столько владение какой-то собственностью, сколько умение принести благо и воспользоваться им, т.е. уровень образования и личные способности — вот что сегодня влияет на положение человека как практика в демократическом обществе. Так называемые «менеджеры среднего звена» превратились в современный рабочий класс. Гербом постиндустриального мира служат уже не серп и молот, а мобильный телефон и монитор компьютера.

Поэтому, в частности, информационное общество вовсе не отменяет неравенства, как об этом мечтали социалисты и коммунисты. Напротив, *превращение информации в главный товар наших дней* сулит новый виток неравенства, общественных противоречий и катаклизмов. Ведь новое неравенство порождается не внешними условиями нашего существования (кто-то богатый, кто-то бедный), а внутренней разницей людей (способный — бездарный, сильный — слабый, удачливый — недотёпа, активный — ленивый). А поскольку в таком социуме общее благосостояние значительно возрастает, средний класс зажиточных собственников составляет большинство населения, то среди причин реального неравенства снова, как у истоков цивилизации, появляется привлекательная внешность, физическое здоровье участников жизненного общения. Когда у большинства людей есть всё, что им угодно для жизни, возрастает значение личного обаяния, которого нельзя купить за деньги.

Для следующих типов практики предметом воздействия, обработки служат тело и душа самого человека. Эти направления деятельности можно назвать духовно-практическими, а некоторые почти целиком *духовными*. Конечно, какие-то материальные условия есть и у них — то большие (в спорте; многих жанрах искусства, например, скульптуре, архитектуре, театре, живописи и т.п.), то меньшие (скажем, в поэзии, музыке, религии, магии и т.д.). Разница этих практик с предшествующими состоит в обратном отношении материального и духовного. В тех духовные качества обеспечивают материальный результат (продукт, товар, услугу). В этих — желанный результат состоит в самовыражении, изменении, перенастройке самой человеческой души, наших мыслей и чувств. Мелодия песни и ритм стихотворения, впечатление от картины или фильма, молитва или заклинание, т.п. формы активности духа неизбежно дополняют состав человеческой практики. Скажем, спорт и прочие игры — только с одной стороны выступают как тренировка тела, закалка воли и духа, т.е. сугубо практичные, явно «полезные» занятия. С другой стороны, к таким занятиям толкают какие-то внешне малопонятные мотивы (причуды?). Ну, забили гол, ну перекинулись в карты... Отдохнули, и всё? Нет, не только. Перед нами некое самовыражение личности, манифестация её целостности и самодостаточности (вроде того, что в «хоккей играют настоящие мужчины», а пасьянс, допустим, раскладывают «настоящие женщины»).

Тут возникает *деление практики на труд и игру*.

Особый вид практики образует *опытно-экспериментальная деятельность учёных*. По форме она материальна, а по содержанию духовна. Хотя наука в целом относится к духовному производству (информации и некоторых технологий, т.е. в итоге знаний), *метод эксперимента* предполагает вещественные условия, технические устройства и, главное, контроль, планомерные изменения определённого участка объективной реальности. Тем самым исследователь на практике проверяет свои гипотезы или же доказывает существование некоторых явлений. Там, где эксперимент невозможен (например, в астрономии), роль основного доказательства играет *метод наблюдения*, обычно усиленного приборами.

Итак, материальная и духовная практика дополняют друг друга в составе человеческого бытия. Они образуют огромное множество «гибридов» — различных практик, каждая из которых нужна людям, заслуживает признания, применения в своё время и в своём месте.

А что остаётся в человеческой жизни за пределами практики? Об этом тоже стоит подумать. Отдых — необходимый момент практической жизни. Его может быть больше или меньше, но даже самые ярые трудоголики как-то и когда-то отдыхают. Наполеон Бонапарт как-то произнёс: «Для меня отдых — это перемена занятий». Тоже вариант.

Ритуал. Этимологически этот термин восходит (через прямой перевод латинского *ritus* — обряд, обычай) к идее порядка, точнее — более или менее сознательной упорядоченности, то есть заданности и повторительности каких-

то моментов поведения животных и людей. Надо, как водится, различить его широкий (как правило, переносный) и узкий (собственный) смыслы. В первом ритуал будет означать все без исключения варианты как-то организованного, стандартизированного (обычаем, законом, привычкой, нуждой, престижем, ещё какой-то идеей или ценностью) поведения человека. В таком понимании ритуал заполняет собой почти всё пространство человеческой жизни и превращается в своего рода социальный рефлекс, культурный инстинкт (спать, есть, одеваться, общаться, работать, отдыхать, любить, конфликтовать, болеть, даже умирать и т.д., и т.п. не как-нибудь, а более или менее строго определённым образом). В этом смысле ритуал совмещается с повседневностью — как её ментальная матрица, культуральная норма.

За рамками столь расширительно понятого ритуала останется немного — всякого рода экстравагантности и причуды, инициативы и вызовы традиции, то есть акты творчества и конфликты. С повседневной точки зрения — эпизоды социального «безумия» (у которого, впрочем, также имеется своя «логика», т.е. своего рода ритуалистика наизусть).

Ритуал в собственном смысле этого слова будет означать периодическое изменение сознания и поведения. Но отступление не в сторону социальной патологии, деградации роли личности в социуме или же иного вызова его идеалам, а, напротив, ради перехода на время к иной, как правило более строгой и масштабной норме; возвышение потребностей за счет их коллективизации, идеализации.

Обряд. Первой из ритуализированных оппозиций повседневности должен быть назван *обряд как действия, направленные на символизацию* (идейно-нравственное возвышение и меморацию) *определённых моментов жизнебытия* личности и (чаще) коллектива, общины, сословно-профессионального «цеха». В большинстве случаев обрядность прямо или косвенно связана с религией, хотя и разного уровня (от примитивной магии язычества до рафинированного молебства мировых культов). Даже обмирщенные варианты обрядности наследуют религии и церкви структурно-функционально. Так появляются торжественные процедуры государственной регистрации новобрачных и новорожденных, свадебные, юбилейные мероприятия светского типа и т.д., вплоть до «гражданской панихиды» и внеконфессиональные формы погребения, украшения могилы, общения с нею ещё живых близких покойника.

Типологические же разновидности обрядовых действий относятся к инициациям подросших поколений, другим памятным датам семьи, общины, постарно-политического образования; рубежам календарных циклов хозяйства; прочим бытовым вроде бы поводам, но ключевым, центральным в пространстве повседневности моментам; демонстрациям идеологии и политики тех или иных общественных групп; наконец, повторю, погребениям и поминаниям усопших, закреплению памяти о предках. В эти и т.п. моменты жизни личности и социума семиотика повседневности переструктурируется на более значимые, ответственные, запрограммированные модели поведения.

Хотя разные люди в различной степени склонны к периодической ритуализации своего поведения, а некоторые даже бросают принятым в социуме ритуалам открытый вызов, закономерность внешне показных действий очевидна. Ведь повседневность как бы растворяет в своей элементаристской среде общественные ценности (родины, партии, профессии, землячества, клана, даже семьи). Созерцая и демонстрируя коллективную сопричастность этим идеям, личность как бы «инвентаризирует» их, преодолевает неизбежные сомнения в осмысленности собственного существования. Обрядность, тем самым, представляет собой своего рода демонстрацию жизнеспособности и даже имитацию социального бессмертия людей. Она овнешняет преемственность между прошлым и настоящим, присягает будущему; выражает связь личности и группы, между малыми и большими группами, чьи интересы на чём-то сходятся. Поэтому календарные планы ритуальных мероприятий худо-бедно «цементируют» массу «песчинок» — повседневных дел и забот, вершащихся как правило по принципу «моя хата с краю».

Сознание, ритуализированное церковной или светской *мистерией*, по её идее и сценарию, воспаряет ввысь над житейской суетой (будь то храмовая служба или же партийное собрание, по которым так ностальгируют теперь иные наши сограждане). Для большинства своих организаторов подобные мероприятия носят вполне практичный, деловой до обыденности характер (независимо от возможных и у них иллюзий, либо опасений насчёт степени рациональности происходящего на подмостках такого ритуала). Что касается “массовки” на официальных демонстрациях “веры, надежды, любви” к божеству небесному, либо земному, персонифицированному, либо отвлечённому, то с практичностью её сознания дело обстоит сложнее. Имевшие место в истории самых разных стран и народов попытки развенчать одни духовно-практические мистерии обычно влекли за собой создание других, только с обратным идеологическим знаком. Вспомним хотя бы постановку христианских церквей по местам разорённых языческих капищ; или же раскаты “Интернационала” под сводами православных храмов, уже превращённых в лучшем случае в сельские клубы, а худшем — в склады; наконец, ныне снова православные чтения в кремлёвском Дворце некогда партийных съездов.

Таким образом, серьёзные, но чисто *символические действия* удовлетворяют глубинным — коллективистским потребностям личности. Во времени и пространстве заметно меняется форма их реализации, а содержание — в гораздо меньшей степени.

Попробуем иллюстрировать соответствующие моменты общественной практики предельно наглядно — замечательными образцами русской реалистической живописи. Выбранные мной полотна объединяет один и тот же по сути сюжет — *крестный ход*. В православной церкви он представляет собой *торжественное шествие* с хоругвями, иконами и прочими мобильными святынями прихожан того или иного диоцеза, нередко вкупе с паломниками и всем прочим примкнувшим к ним людом. Наиболее распространены такого рода хождения на Пасху и в день Богоявления (Крещения) (т.е. приуроченные к сезонным пикам — летнему и зимнему, как и соответствующие празднества язычников). Эти шествия

стали наиболее выразительными демонстрациями народности православия, объединения (“собор-ности”) разных слоёв общества вокруг его святынь.

Накануне отмены крепостного права, на очередном изгибе отечественной истории, демократизация общественного сознания и, в том числе, реалистического искусства в России прокламировалась, в частности, полотном *Василия Григорьевича Перова* (1834–1882), изображающим крестный ход в сельской глубинке. На выпуске из Московского училища живописи и ваяния он представил в Академию художеств эскиз “Светлый праздник в деревне” (1861). Академики отвергли его “за непристойность изображения духовных лиц”. Тогда начинающий живописец варьировал тему, изобразив “Проповедь на селе” (1861) в более пасторальных тонах. Получив за эту картину (ставшую знаком творческой покорности официальной идеологии) золотую медаль Академии и стипендию для поездки в Италию, Перов там закончил такую первую работу. Вышло несколько авторских вариантов “*Сельского крестного хода на Пасху*” (1861). Участники ритуального действия позиционированы с нарочито неприглядных сторон. Бросаются в глаза их неряшливость, опьянение, формальное “отбывание номера” в составе процессии. Они не составляют композиционного единства, каждая фигура рассмотрена художником по отдельности. Отталкивающее впечатление от убогой деревушки и её обитателей усиливается мрачным, почти зимним пейзажем (небо за тучами, корявое облетевшее дерево, пронзительный ветер). Сюжет трактован прямолинейно, предвзято-разоблачительно. Перед зрителем нечто вроде фотографии скрытой камерой, случайного наблюдения непосредственно данной повседневности, без попытки ее анализа. В результате картину сняли с выставки Общества поощрения художников и вплоть до 1905 г. запрещали репродуцировать. Наверное, поделом — ведь отрицание мастером кисти присутствия Духа святого в русской деревне вряд ли помогало бы ей выжить, особенно в обстановке всё разгорающейся в стране революционной смуты.

Социально-политическая тенденциозность сглажена на известной картине *Ильи Ефимовича Репина* “*Крестный ход в Курской губернии*” (1883), одной из центральных, наиболее значительных в творчестве мастера. За шесть лет работы над этим полотном художник добился органичного сочетания предельной выразительности отдельных персонажей (судорожно ковыляющий вслед людскому потоку юноша-горбун, степенно вышагивающие мужики с “фонарём”, семенящие богомолки с футляром иконы, чинная купеческая чета, конные жандармы, щёголь протодьякон с кадилом, многие другие) с впечатлением внутреннего, морально-психологического единства всех действующих лиц этого живописного исследования русской духовной жизни накануне революционного перелома. Многотысячная толпа, бредущая из губернского центра за два десятка вёрст по летней жаре в старинный монастырь Коренную пустынь, разнолико представлена своим авангардом. Черты истовости, сознания своей миссии соседствуют на лицах с равнодушием, а то и откровенным отупением. Дышащий среднерусским привольем, пронизанный лучами жаркого солнца воздух веет в трёхмерном пространстве масштабного изображения. В этой картине находили обильную пищу для ума и сердца и богословы, и атеисты; и консерваторы, и либералы, и большевики. Само название полотна звучит темой художественно-этнографического эксперимента. Ведь живописец поставил здесь социально-психологическую проблему русского народа, давши при этом понять односторонность по сути любого её решения.

Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) для своего показа крестного хода выбрал уже не рядовое, а кульминационное событие в истории всей страны и её народа. Показательны для его историософского уровня замысла последовательные варианты названия этой картины, писавшейся с начала первой мировой войны, в 1914–16 гг., — “*Христиане*”, “*Верующие*”, “*Душа народа*”, “*На Руси*”. По словам самого художника, на его полотне “народу много, народ всякий, и получше, и похуже, все заняты своим делом — верой. Все “верят” от души и искренне, каждый по мере своего разума. И никому не обвинить, что-де

верят плохо — верит всяк, как умеет”³⁷. Как и у Репина, нестеровская толпа движется, медленно, но неуклонно. Но место действия теперь — привольный берег Волги, так называемый Царёв курган возле Жигулей. Тут разом преодолевается и заброшенность перовского лоскутка неведомой чьей земли, и монотонность репинской степной окраины коренной Руси. И состав действующих лиц на полотне уже не социологичен, как у Перова, и не этнографичен, как у Репина. Нестеровым изображён весь русский народ Нового времени — от царя в шапке Мономаха, со скипетром и державой; иереев в парадных облачениях; воевод с дружиной; мыслителей (Достоевского, Льва Толстого, Владимира Соловьёва) до юродивого, скитниц, послушников, сестры милосердия времён Отечественных войн (Приём внеисторического коллажирования, позднее доведённый до формы кича И. Глазуновым). Впереди процессии, на отшибе от толпы — подросток в одежде сельского пастушка, с котомкой за плечами и туеском в руке (“Мальчик, разумеется, и придёт первым в царствие небесное...”, — пояснял сам художник). К правде жизни (Богу) русские люди идут разными путями, кто радостно переживая сближение с мечтой, кто сомневаясь и умствуя. Безгрешный отрок указывает путь всем им, примиряя социально-психологические противоречия.

Эстафету живописания русской соборности принял любимый ученик Нестерова *Павел Дмитриевич Корин* (1892–1967). Он ещё молодым художником, в 1919 г. начал работать над огромной пано-рамой “Реквием”. Увидав эти эскизы, А.М. Горький предусмотрительно переименовал картину в “Уходящую Русь”. Это ещё один, последний крестный ход в русской живописи. Форму его подачи можно назвать богословской, логико-мистической. На картине изображены участники поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Восстановление института патриаршества на этом соборе и попытки сберечь церковь в условиях ленинского государства столкнулись с прямыми репрессиями большевиков против клира и активных прихожан православных приходов. Значительной части изображенных на полотне иереев и верующих-мирян вскоре предстояло принять мученическую смерть или пожизненные гонения. Художник изобразил духовную победу жертв над палачами. Физическое уничтожение веры оказалось невозможным делом. Мистерия смерти на картине бывшего иконописца предвосхитила церковную канонизацию мучеников за веру и их политическую реабилитацию в постсоветском будущем.

Характерно, что проработав над полотном более трёх десятков лет, сделав сотни поразительных этюдов, сведя их в общую экспозицию, живописец так и не завершил картины, а советская художественная критика её намертво замалчивала (отделяваясь глухими ссылками на “трагедию уходящего мира” в коринском исполнении). Полотно стало поистине реквиемом живописной правде русского искусства. Оно подчеркнуло открытую перспективу развития веры и церкви в том или ином направлении вместе с судьбами народа и государства России. После художественных вариантов социологии, этнографии, теологии российской обрядности зрители увидели историю национального ритуала в красках.

Хотя тема крестного хода в собственном смысле этого слова и явления вполне естественно для начавшегося “строительства социализма в СССР” обрывается на последних наших иконописцах в станковой живописи, она, как ни странно, продолжается и довольно активно в “переодеёте (на новый, советский лад) виде”. Ведь “демонстрации солидарности трудящихся”, шествия, собрания и митинги прочего рода надёжно воцарились на полотнах предтеч, метров и эпигонов социалистического реализма. Так, *Борис Михайлович Кустодиев* (1878–1927) первым, в 1920–21 гг. успел запечатлеть такого рода действия, укутанные в красные полотнища большевистских флагов и транспарантов. Таковы его конкретно-пейзажные картины “Ночной праздник на Неве”, “Праздник в честь 2 конгресса Коминтерна”, и аллегорическое полотно “Большевик” — с гигантской фигурой пролетария, таким Гулливером перешагивающего петроградские здания и площади с толпами обывателей му-

³⁷ Цит. по: *Никонова И.* Михаил Васильевич Нестеров. М., 1984. С. 131.

равьиного размера. Так живописный жанр массового действия вернулся в свою народную стихию — расписного балаган, ярмарочного лубка.

Как видно на отобранных нами образцах русской реалистической живописи, один и тот же по сути своей ритуал в разные периоды российской истории, с разных идеологических и художественных позиций представал на полотнах выдающихся живописцев то карикатурой, то историческим исследованием, то эпосом, то мифологией, то политической идеологией в красках. Надо признать, что все эти проекции реалистично отразили отдельные стороны и стадии соответствующей обрядности на отечественной почве. Ритуал суть форма, противоречиво связанная с содержанием народной жизни, — так, в частности, можно понять прослеженные уроки старых мастеров кисти и мольберта. А главный из таких уроков — неизбывная потребность русского люда в такой или сякой ритуализации своей общественной жизни.

Эпистемологическое измерение обрядности составляет своего рода житейскую философию, вообще жизненную “теорию” по сравнению с “наукой”, “эмпирией” повседневности. На параде да молебне все мало-мальски сознательные обыватели напоминают себе об исторических традициях и заветах предков, истинных масштабах своей этничности и гражданственности. Соответствующие моменты общественного и личного бытия концентрируют в себе его символику и историческую атрибутику, включая их в живое поведение своих участников. Ежедневность отодвигается на задний план, чтобы не мешала осознанию и ощущению практических абстракций — “родины, робости, дружбы, семьи...” (Б.Л. Пастернак). Обряд наглядно демонстрирует групповой, социальный опыт, потерявший свою прямую утилитарность, но сохраняющий моральную ценность для тех, кто отвечает за дальнейшие судьбы социума.

Праздник. Тесно связанной, на поверхностный взгляд даже полностью совпадающей с обрядом формой в общем внеповседневной культуры, причем именно ритуальной, выступает *праздник*. Вроде бы любая его ипостась — от устроенной экспромтом дружеской пирушки до тщательно организованного юбилейного банкета или приёма “на высшем уровне”, субботней сельской свадьбы или ежегодного карнавала в Рио де Жанейро — предполагает некий сценарий, вытекающий из традиций народа, возможностей общественного слоя, состояния духовного климата эпохи. Только невменяемый хулиган (вроде пьяного Сергея Есенина, сдёргивавшего в гостях скатерть с праздничного стола или публично раздиравшего вечернее платье на Айседоре Дункан) способен нарушить, сорвать ход празднества (откуда его тогда безжалостно выкидывают, как Ноздрёва с губернаторского бала). “Коли пир — так пир горой...” (А.Н. Толстой).

Если же приглядеться к практически любому празднеству пристальнее, то можно убедиться — в подоплёке большинства вариантов антиповседневности, даже тех, чей вектор — жизнеутверждающее ликование, заложен больший или меньший заряд вызова, риска, безумия. Так что даже праздник — и в этом, как видно, его “смысловая изюминка” — не застрахован от сюрпризов здравому смыслу и своей собственной норме. Хотя ритуальность праздника бесспорна, но она поверхностна и обманчива. Ведь порядок на празднике нужен в конечном счёте для лучшей затравки именно беспорядка. Ритуальные аксессуары — на-

ряды, украшения, пафосные жесты, тосты, явства, т.п. надобыденные позиции праздника служат не более (но и не менее), чем зоной перехода к антиобыденному экстазу, раскрепощению душ и тел (алкоголем, прочими стимуляторами; песнями, танцами, иным флиртом; беседами-спорами на полную чистоту “передних и задних” мыслей и чувств). Праздничный стол — поле сражения реальной свободы мысли и тела с бытовыми и прочими социальными нормами и запретами.

Исходная *функция пира* и сопутствующих ему *прочих элементов празднования* состоит в необходимом отдыхе от всех и всяческих обязанностей, превращающих в повседневность всё на свете; периодическом отрешении от прочих ритуалов (поклонения и почитания, гос-подства и подчинения, домашних, родственных и профессиональных, служебных уз). Чтобы, в общем, “душу сполоснуть горячим спиртом...”, как выразился Владимир Солоухин. На празднике каждый его добровольный участник только по видимости выполняет какой-то общественный долг. В глубине души он тут поклоняется прежде всего сам себе, своим собственным потребностям и симпатиям (“Никогда не пейте с неприятными людьми!” — мудро советовал Александр Володин). Повинность убивает ощущение торжества (Так Ярослав Смеляков при вручении ему Ленинской премии во Дворце съездов пил духи, выставленные в кремлёвских туалетах, — “Ничего не оставим врагу!”). И, наоборот, сознание долгожданной свободы бурно расцветчивает вполне житейские ситуации (“Свиданий наших каждое мгновенье мы праздновали как богоявление”, — вместе с Арсением Тарковским).

Приукрашивая и возвышая быт поначалу, мало-мальски искренний и щедрый праздник в конце концов ниспровергает обыденность и её ценности (устоявшейся ритмики, экономии, сдержанности, умеренности, верности обетам, элементарной чистоте и порядку расположения вещей, наконец). Там и тогда “пьют даже трезвенники и язвенники”, давно бросивший курить тянется к сигарете, верный супруг проявляет внимание к другим дамам, неумеющий танцевать субъект самозабвенно выплясывает, молчун по жизни разглагольствует, а болтун тягостно задумывается; и т.д.

Именно во вспышках оргиастического “безумия”, временной перемене общественных ролей заключается социокультурное предназначение празднеств (что достаточно выяснено М.М. Бахтиным и прочими “карнаваловедами”, “экстазологами”). Гораздо реже обращалось внимание на гносеологические аспекты рассматриваемого феномена. Взбаламученная атмосфера “красного дня календаря” позволяет, помимо всего прочего, увидеть вещи и людей, обстоятельства и отношения с неожиданной для обывателя, часто тайной, обычно запретной стороны. В общем, подсмотреть своего рода изнанку бытия. Праздничные измерения сознания решительно поворачивают его вплотную к нравственным и эстетическим сторонам жизни, так или сак приглушаемым предыдущей и последующей обыденностью. То, что философами именуется “смыслом жизни”, люди обдумывают и тем более обсуждают друг с другом чаще всего именно в

праздничном антураже или при таких его моделях, как обычная выпивка, пассивный отдых, прогулка и т.п. В суе профессиональных и бытовых дел и де-лишек мысли некогда и некуда воспарять. Иное дело — более или менее празд-ничный досуг. Там на какое-то время подчёркивается целостность и самооцен-ность человеческой души, выявляется её полное предназначение к счастью и совершенству своего обладателя.

Итак, *праздник* — оригинальная *форма* и необходимая школа, так сказать, *допознавания жизни*. Недаром люди частенько знакомятся, друзья нередко ссо-ряются, а враги отчасти примиряются в пространстве застолья. А ритуалитет об-разует отнюдь не содержание праздника, а лишь формальный камуфляж тако-вого. Филогенетически и вечно актуалистически люди пируют мысленную по-беду над своей собственной смертью. Охотничья добыча кроманьонцев, сбор урожая первыми земледельцами, возвращение викингов из морского похода, т.п. моменты обретения следующей порции коллективной жизни испокон веков отмечались общим застольем. Демонстративно растрачивая часть каких бы то ни было запасов пищи и телесной энергии, человек как бы приносит судьбе ис-купительную жертву.

Если отмеченные перверсии празднования именовать ритуа-лом, то в со-вершенно особенном смысле время от времени необхо-димого личности и кол-лективу бегства от обыденности, причём уже не “вверх”, как при торжествен-ном обряде, а “вниз”, к животным истокам истории и архаичным пластам куль-туры. Если повседневность волей-неволей накапливает невротизм сознания и поведения, то обрядовая сублимация да праздничная регрессия служат своего рода врачеванием души — сеансами коллективного, народного психо- и даже шизоанализа. Правда, эти способы лечения в свою очередь утомительны для тела и духа. Праздник-то обычно течет “от любви до невеселья...” (Иосиф Брод-ский). Опустошенные ритуализациями, измученные физическим или психоло-гическим похмельем люди снова и снова со вздохом облегчения погружаются в умеренную повседневность. Пока та не “достанет” их в очередной раз своей умеренностью.

Начав пояснять данную противоположность обыденщины с помощью вроде бы самого возвышенного над ней — поэтического рода искусства, про-должим этот иллюстративный ряд выборкой соответст-вующих сюжетов совет-ской поэзии. 1920-е–30-е годы — время, когда в нашей стране идеологически восторжествовал социальный аскетизм. Точнее говоря, праздничные стороны и моменты жизни официально держались тогда на особенно короткой привязи политических целей и общественных обязанностей (“первым делом — самолё-ты, а девушки потом”). Тем не менее (или как раз в силу этого?) тогдашняя ли-рика запечатлела, пожалуй, все возможные разновидности и функции пиршест-венной практики.

Десятилетию “Великого Октября” посвящалась (похоже, троцкистская по сюжетному духу) “Пирушка” Михаила Светлова. Ее герои — чекисты. В пол-ном составе одного из многочисленных “осо-бых отделов” (“Пей, товарищ Ор-

лов, / Председатель Чека. / ... Эта ночь беспощадна, / Как подпись твоя”). В недавнем прошлом — бойцы Красной гвардии, залившие кровью всю Россию (“Ты прошёл сквозь огонь — / Полководец огня... Расскажи мне о том, / Как пылала Полтава, / Как трясся Джанкой, / Как Саратов крестился последним крестом...”). В непредсказуемо скором будущем они же — полководцы мировой революции (“Пей за новый поход! / Скоро выпрыгнут кони / Отчаянных дней. / Приговор прозвучал...”). Ничто другое этих “командиров в пиджаках” не интересует даже посреди застолья (“Выпьем, что ли, друзья, / За семнадцатый год, / За оружие наше, / За наших коней!..”). Сибарит и праздный остро слов по духу своему, автор “Гренады” и прочих “Комсомольских песен” воспевал по большому счёту то, чтобы было ему положено воспевать очередным пленумом или съездом победившей партии. Если пир — то “пир победителей” в классовой войне. Только с разрешения ЦК, в краткие годы идеологической “оттепели” за всегдатай “Арагви” и “Националя” задумался вслух:

“Все же, что заключается в главном?

Разве мир представлений исчез?

Наше время — не в тайном, а в явном

И в обыденном мире чудес”.

(1958)

Для одного из самых что ни на есть пролетарских поэтов — Василия Казина (“... Октябрю я обязан всем своим существом поэта”) церковные праздники старой России безнадежно оповседневнены (“Ох, праздник, и какой пустой!.. / Какую скуку сучит, сучит...”). Но свято место пусто не бывает и вот его поэтический слух ласкает гомон “Октябрьских торжеств” (1934). “Раскатом красного празднества / Раскаливая сердца” движется московский люд “мимо правительственных / Почетных подножий Кремля”. А конечная цель движения та же, что и у пирующих светловских чекистов. Поэту мнится, что обманчиво мирная демонстрация “вдруг хлынет, / Стремительно ринется, / Прорвет рубежи и границы...”

С тех пор всякий член Союза советских писателей платил по “красным дням календаря” “идеологический взнос” за это самое членство. Как, скажем, даже одобренный диссидентствующей после Н.С. Хрущева интеллигенцией Леонид Мартынов (“Звонят в Ело-ховском соборе. / И это значит — понимай, / Что вслед за Пасхой очень вскоре / Придет весенний праздник Май”).

Совсем иначе кутила муза поэтов-“попутчиков”, по грехам и огрехам своим не допущенных советской властью к “идеологическо-му причастию”. Известнее всего оказались кабацкие подвиги Сергея Есенина — самого народного поэта России. Вряд ли случайно наши соотечественники выбрали для себя в лирико-песенном жанре тему столь разгульного отдохновения, непременно сопряженного со скандалом, дракой, прочим сокрушением бытовых устоев напроць (“Шум и гам в этом логове жутком...”).

А уж поэтам-эмигрантам бражничанье позволяет, как Влади-славу Ходасевичу, “сочетать неутешительное знание / С блаженством ничего не знать”

(“Полузабытая отрада, / Ночной попойки благодать: / Хлебнешь — и ничего не надо, / Хлебнешь — и хочется опять. / И жизнь перед нетрезвым взглядом / Глубоко так обнажена...”). Обратим внимание на зарифмованный гносеологический выверт, содержащийся в процитированных строчках: чтобы хоть на время снять невыносимое бремя знания жизненных реалий, художник изменяет свое сознание алкоголем. Как бы отворачивается от настоящей жизни в сторону пьяной фантазии. Но благодаря этому усматривает скрытую от трезвого обывателя изнанку жизни, ее глуби́ны. Обыденное сознание на празднике, получается, как бы мутирует. Должно быть, в сторону некой специализации. Как отмечалось выше — философического свойства. На эту — народную, в полном смысле популярную ипостась философии мало обращали внимание ее профессиональные представители.

В конце концов эмигрантские мытарства постаревших роман-тиков “Садов” и “Роз” (названия стихотворных сборников Георгия Иванова) утихомирили их застольные переживания. Тогда супруг Ирины Одоевцевой приговаривал своим соизгнанникам:

Как вы когда-то разборчивы были,
О, дорогие мои.
Водки не пили, ее не любили,
Предпочитали Ньюи.

Стал нашим хлебом — цианистый калий,
Нашей водой — сулема.
Что ж? Притерпелись и попривыкали,
Не посходили с ума.

* * *

На последней самой утлой лодочке
Мы с тобой качаемся вдвоем:
Припасли, дружок, немного водочки,
Вот теперь ее и разопьем...

Но на общественно-политическом отшибе и пир опальному художнику не в пир. Ликовать жизненное поражение как-то странно. Поэтому тогда “в час пирушки кажется хмельною / Даже рюмка слабого вина...” (Дмитрий Кедрин, 1934).

Логическим завершением пиршественно-застольной темы в до-военной советской лирике стали камерные реминисценции арестованного “врага народа” Бориса Корнилова (“Пиво горькое на соло-де затопило мой покой... / Все хорошие, веселые — один я пло-хой...”). Это уже не дружеская сходка, как например когда-то у лицеиста Пушкина с гусарами. Там-то “В рассвете большом, полусонном / Ликует и бредит душа, / Разбужена громом и звоном / Бокала,

стиха, палаша” (“Пирушка”, 1936). У остракированного же пролетарской диктатурой поэта индивидуальный запой суть бегство от постылой действительности в компании с “голою русалкой алкоголя” (Б. Пастернак).

“Водка, что ли, ещё?
И водка —
спирт горячий,
зелёный,
злой;
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой...”

(Качка на Каспийском море, 1930)

В этом стихе Бориса Корнилова, ставшем народной песней, запечатлена мысль о генетическом родстве праздничного разгула и всей остальной жизни (“... и качает меня работа / лучше спирта и лучше войны”).

Ведь праздники, особенно регулярные, соотносимые с определёнными датами, не остаются чистой оппозицией будням. В той или иной степени они сами заражаются повседневностью. Сохраняют праздность (т.е. временную свободу от обычных обязанностей), но теряют энтузиазм от бесконечного повторения. Вплоть до того, что начинают тяготить своих организаторов и участников. Как например военные парады некоторых русских императоров (откуда можно было запросто отправиться “в Сибирь шагом марш!”) или же “демонстрации солидарности трудящихся” на исходе советской власти в СССР (там душу грели не столько бравурными маршами да громозглыми призывами, сколько теми же самыми напитками, что 1 мая да 7 ноября ждали большинство демонстрантов и дома, за праздничным столом).

Пожалуй, самым любимым, искренним, всеобщим праздником в СССР оставался Новый год. По сути — советское Рождество. “Будущего недостаточно / Старого, нового мало, — отмечал Борис Пастернак, — / Надо, чтоб ёлкою святочной / Вечность средь комнаты стала...” Ёлочные украшения и терпкий аромат сосны, либо действительно ёлки разом преображали прискучивший интерьер жилой комнаты. Теплота семейного очага грела сердца прямых потомков и белых, и красных, и простых свидетелей катаклизмов XX века. Бой кремлёвских курантов и звон бокалов с “нешампанским шампанским” заглушали в памяти все прочие торжества, отмеченные Номо soveticus’ом в ушедшем году. Новогодний праздник, воспетый всеми советскими беллетристами, начиная с М.А. Булгакова и заканчивая И.А. Бродским, продемонстрировал истинное предназначение этой формы ритуализации как временного побега из повседневности.

Эксперименты с календарем в Советской России привели к тому, что смену лет господних у нас так или иначе отмечают дольше всех в мире. Начиная со

“всеобщего”, католического Рождества и вплоть до “старого Нового года” в середине января. А там и до возрождаемого на наших глазах Татьянинного дня недалеко...

Праздники, похоже, стремятся вытеснить повседневность из жизни обывателя. Вряд ли им это удастся. Тем не менее представляется очевидным, что пропорция самовольного и ритуального, обыденного и ликовательного в этой самой жизни тонко реагирует на изменения ее условий в “большом” — общественно-политическом мире. Некие формы символизации коллективизма, “овнешнения” людской общности коренятся в природе массового сознания с его “стайностью” и подражательностью. Эти самые формы и составляют ритуал как таковой, во всём разнообразии его жанров и культурно-исторических видов. Так понятый *ритуал образует основную оппозицию повседневности* — они чередуются во времени и пространстве людского бытия и подпитывают друг друга жизненной энергией. Пробивающее себе дорогу сквозь любые идеологические барьеры соотношение рутинного и ритуального стабилизирует социум на самых крутых виражах его истории, поддерживает целостность личности на изломах ее биографии.

Экстремальность. Впрочем, и сама бытовая повседневность неоднородна. Начинаясь и оконтуриваясь постоянными, либо регулярными, относительно спокойными моментами жизнебытия, она рано или поздно являет внутри себя моменты эпизодически-случайные, даже инновационные, более или менее бурные, вплоть до рубежных для существования того же самого обывателя и его окружения. В результате в общем плавное, плановое течение обычной жизни то и дело прерывается так или иначе фатальными вызовами личности и группе, куда она входит; крайними состояниями их духа и тел. Для общего названия таких вызовов повседневности изнутри неё самой предлагается вошедшее в моду у подростков и журналистов жаргонное словечко “экстрим”; он же, если точнее калькировать латинский корень этого неологизма, — “экстрем”(мальность).

Сюда относятся, прежде всего, события в большинстве своём неизбежные и “плановые” у судьбы, но образующие в той или иной степени *кризисные её фазы*: рождение на свет Божий, половое созревание, выбор призвания, профессиональная состоятельность, бремя среднего возраста, ощущение одиночества (даже среди неких близких); старость-дряхление; роды и климакс у женщин; инвалидность, наступающая рано или поздно; т.д. А также *неординарные стороны жизни*, вроде рождения ребёнка, любви-страсти, мук ревности, непримиримой вражды, пылкой дружбы, жестокого унижения, лишения свободы; т.п. В особенности же — смерть близких людей и прежде всего своя собственная (точнее, моментное осознание её неизбежности, близости).

Кроме того, ситуации внешне и по отдельности вероятностные, даже случайные, но на поверку неизбежные, массовидные: утраты и обретения чего-то смысложизненного; победы и поражения всякого, но в общем судьбоносного

рода; несчастные и счастливые случаи, болезни и исцеления, т.п. биографические катаклизмы. Бросая вызов “спокойной” повседневности, все они, вместе с тем, по-своему необходимы для её продолжения (даже “наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас...” — отметил тот же поэт, которого непереносимая ревность привела на гибельную дуэль задолго до появления этих самых внуков).

Обыденность время от времени нарушается не только желанными людям паузами веселья да благоговения, поименованными чуть выше испытаниями естественного, хочешь не хочешь, порядка, но и обстоятельствами явно и даже зловеще экстраординарными — вроде стихийного бедствия в природе, катастрофы с техникой, социального взрыва военно-революционного типа; “просто” личной неудачи (включая столь массовидные, как тяжёлая болезнь, травма, невосполнимая утрата чего-то или кого-то дорогого, грубое насилие или серьёзная неудача в делах, жестокое разочарование в личной жизни — измена любимого человека, вынужденная разлука с ним; наконец, “просто” депрессия от заунывного однообразия жизни, в которой долго не происходит только что упомянутых встрясок; т.п. коллизии экзистенциального накала).

Будучи плотно включены в самую что ни на есть повседневность, события данного ряда явно прерывают её тихо-мирное течение на какое-то время, а то и кладут ему конец навсегда (вместе с привычным качеством жизни или с ней самой). В силу практической неизбежности для каждого из нас большинства из подобных испытаний, они приобретают некие черты обыденности — вольно или невольно для людей, их переживающих (особенно с возрастом), больше или меньше в условиях разных субкультур. Но эта *повседневность*, так сказать, второго — *паранормального плана*. Ей соответствует так или иначе изменённое (страстями повышенного накала, аффектами, либо, напротив, сниженными настроениями, депрессиями, неврозами и психозами) сознание.

Пиковые, пограничные с небытием ситуации в общественной и особенно личной жизни редко у кого проходят бесследно для физического самочувствия и душевной организации. Разной степени экстремальности то закаляют характер, обогащают жизненный опыт, то надламывают личность. На соответствующие моменты жизни закрывали глаза представители сциентистских направлений философствования, их акцентировали экзистенциалисты и иже с ними по части рассмотрения Homo Destructionis — Человека Потрясённого, душевно “выгоревшего”, выбитого из колеи обыденной нормы и тем самым морально падшего.

На развалинах традиционного уклада жизни, поскольку она ещё продолжается, возникает, разумеется, своя, новая обыденность, как правило, примитивная и мучительная. Грани нормы и патологии здесь, как и везде, конечно, относительно, растяжимы. Никакой экстремум не отменит надолго большинства обыденных обязанностей (есть, пить, спать и т.д.). Скорее, запредельные переживания даже расширят их круг за счёт крушения каких-то общественных институтов и личных заслуг. Эти же переживания неизбежно их переоценит, хотя бы на время отодвинут на периферию внимания. Своего апогея деформации

ция обыденного сознания достигает в периоды крупных общественных потрясений, на которые особенно богатым вышел XX век.

Вот характерный на сей счёт пассаж мудрого мемуариста, под-водившего итоги недавно минувшему столетию: “И весь-то он, наш русский, российский XX век проходил ... в бедности, в крови, в унижении. Оглянешься — 1904–1905 гг., русско-японская война, ... революционная буря ... Снова война 1914–18 гг. Тут Ленин вылез... Отдушина Февральской. И Октябрьский переворот. И пошёл разброд и террор. И как с Ленина его пустили, так и укрепил-ся, стал грязной и кровавой обыденщиной. Царя и либеральных буржуев свергли. Бога долой, церкви круши, попов изводи! “Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...” Раздували-раздували, не раздули. Но сами в дыму и порохе задохнулись, в крови захлебнулись... Вся эта орава народных самодержцев, начиная с Ленина, всё строила социализм, учреждала коммунизм. Хозяйство наше в тупике и развале. ... Народ испорчен, работать смысла нет... Вот так и исходит наш российский двадцатый век. По уровню жизни, здоровью, нравственности, хозяйству, чувству собственного достоинства люди и страна ... стоят куда ниже, чем предреволюционная Россия конца XIX – начала XX вв. ... Очевидной стала суровая реальность: предстоит не перестройка воздушных замков, не блуждание по фантомам “социалистического выбора”, ... а обзаведение хозяйством и обществом общечеловеческого типа..., вхождение (долгое, трудное) в семью цивилизованных европейско-американских стран и народов”³⁸.

Таким образом, выходом из революционных потрясений умудрённый жизненным и профессиональным опытом историк видит в возврате к нормальной для высокоцивилизованных народов повседневности, бытовой и трудовой.

Природа обыденного сознания, впрочем, такова, что память на страдания и унижения у него оказывается довольно короткой. Жить изо дня в день с ощущением беды и тоски убийственно трудно. Когда непосредственная опасность минует, Человек Обыденный просыпается как бы заново рожденным, готовым вкушать повседневные радости, начиная с пресловутой “чечевичной похлебки”.

Фазы перехода от житейского благополучия (пусть относительного, на чей-то взгляд) к бедствованию и обратно представляют интерес и для теории познания, поскольку предполагают неизбежное изменение, потрясение общечеловеческого и конкретно-исторического строя мыслей и чувств людей. Имеющаяся у субъекта информация при этом неминуемо переоценивается, особенно в своей практической, прикладной части.

Практика и познание связаны между собой по нескольким основным направлениям. Во-первых, *практика — источник и движущая сила познания*. Это означает, что в области практики неизбежно и постоянно возникают задачи

³⁸ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2001. № 1. С. 163.

для дальнейшего познания и одновременно накапливается материал для их решения, который, в конечном счёте, познание призвано обобщить. Скажем, медицина как прикладная область познания, пограничная между теорией и практикой, изобретает способы облегчения страданий больных людей, излечения их недугов, черпая информацию из наблюдений над больными же (или их моделями — подопытными животными).

Во-вторых, *практика — конечная цель познания*. Рано или поздно, большинство полученных людьми знаний послужит их потребностям. Допустим, химия и физика начинались в XVIII–XIX вв. из бескорыстного интереса естествоиспытателей к тайнам природы. Но уже через несколько десятилетий их открытия позволили изобрести паровой двигатель, лампочку накаливания, стиральные порошки, новые материалы и источники энергии, бесконечное множество других полезных каждому человеку вещей. Сделали это не учёные, а изобретатели-самоучки, вроде Т.А. Эдисона. Но «расколдовали» им путь учёные-натуралисты. Программа по расшифровке генома человека, завершённая недавно на Западе, затевалась прежде всего ради того, чтобы определить участки хромосом, ответственные за те или иные заболевания, вообще особенности развития организмов. Теперь перед мировой фармакологией встают качественно новые задачи — зная генетические причины многих тяжелых заболеваний, создать препараты для их облегчения или излечения.

В-третьих, *практика служит основным критерием истинности познания*. Объективна ли та или иная информация, соответствует ли она действительности, — в этом можно окончательно убедиться, только если получить на практике именно тот результат, который из данной информации следует, предполагается. К примеру, синтезировать вещество именно с теми свойствами, которые предполагаются его химическими формулами. Это общий путь подтверждения или опровержения гипотез в естествознании. Проверить гипотезу в целом, как таковую, как правило, невозможно. Можно, размышляя по законам логики, вывести из гипотезы необходимые следствия, а уже их постараться воспроизвести в эксперименте, пронаблюдать. Так, периодическая система Д.И. Менделеева окончательно подтвердилась, когда были открыты новые химические элементы, для которых оставались пустые места в её рядах.

Критерий практики носит абсолютный характер, потому что остальные способы проверки истинности познания не могут решить этой задачи столь же убедительно. Вместе с тем, *практика как критерий истины относительна* — ведь сегодняшние возможности практики, техники не всемогущи; каких-то предположений мы пока не можем проверить немедленно; в будущем, когда практика усовершенствуется, такая возможность появится. Так, будем надеяться, произойдет с вакцинами, лекарствами от неизлечимых пока заболеваний типа рака, СПИДа, вирусов вроде «Эболы», нетипичной пневмонии, «куриного гриппа» и т.п. (т.е. подтвердится правильность тех или иных направлений в их разработке).

Отмеченные аспекты тесной взаимосвязи теории и практики не должны заслонять в наших глазах их автономии, доходящей в каких-то моментах до суверенности. У практики и познания, в общем, разные задачи. Практик вовлечён в бурный поток событий, исследователь же на время выпадает из них и, как бы сидя на обочине, наблюдает жизнь, раздумывает о ней. Практика не может ждать, пока познание какого-то вопроса закончится; ей надо действовать здесь и сейчас. Допустим, пока у медицины нет надёжных препаратов от той или иной болезни, ей приходится применять паллиативные средства. У целого ряда человеческих занятий просто нет и быть не может законченной теории, цельного знания — иначе бы они просто потеряли смысл (спорт, другие игры, война, любовь и т.п. — весь их смысл как раз в неполной определённости результата, ловле подходящего случая. Яркие иллюстрации тому абсурдистские фильмы последних лет; американские (вроде «Криминального чтива» Квентина Тарантино), английские (Гая Ричи — «Карты, деньги, два ствола», «Большой куш»); французские (вроде «Добермана»); немецкие (типа «Достучаться до небес»); русские («Особенности национальной охоты») и т.п.; даже мексиканские («Десперадо»); и т.п.

Со своей стороны, познание не может постоянно оглядываться на состояние и запросы практики. Исследователь обычно воодушевлён бескорыстным стремлением к истине, им движет честолюбие первооткрывателя. В большинстве случаев целью познания выступает не какая-то польза, корысть, а само по себе знание (так вкладывают миллиарды долларов в изучение строения Солнечной системы, происхождения человека, т.п. темы, от которых в обозримом будущем прямой практической отдачи не предвидится). Однако эти «бесполезные», на первый взгляд, знания обогащают картину мира и, следовательно, так или иначе развивают душевные качества людей; а косвенно и стимулируют прикладные зоны общественной практики.

* * *

Таким образом, практика и познание связаны между собой прямо или косвенно. А это, между прочим, значит, что их представители должны с пониманием относиться друг к другу. Как в детской стишке: «Все работы хороши — выбирай на вкус...» Образованные лица умственного труда не должны морщиться при виде замурзанных работяг, чей жизненный удел — тяжкий физический труд. Умный же работяга не посчитает белоручкой начальника в чистом костюме и с галстуком. На душу и тело менеджера любого звена вечно давит невыносимое бремя ответственности. Практике нужны честные служители разных профессий. А их в нашем мире, говорят социологи, более полусотни тысяч.

Труд воспет во множестве произведений мировой художественной литературы. В работе — и наше проклятие, и наше счастье.

Романтиком и певцом любого честного труда был Редьярд Киплинг. Доблесть человека — в героической верности своему делу. Герои его стихов и рассказов — не только сол-

даты, матросы, офицеры, но и кочегары, инженеры, земледельцы, предприниматели, газетные репортёры, представители многих других профессий.

Одна из кипплинговских баллад называется «Дети Марфы». Имеется в виду притча из Евангелия. Однажды Иисус Христос со своими спутниками остановились в доме у двух сестёр — Марии и Марфы. Первая села у ног Спасителя и внимательно слушала всё, что он говорил. А вторая сбивалась с ног, готовя угощение для неожиданных гостей. На её укоры сестре-бездельнице, Иисус высказал свой очередной парадокс: дескать, перед Богом спасётся именно Мария, чья душа возвышается над мирской суетой...

С тех пор, пишет Киплинг, —

«Дети Марии легко живут, к чести они рождены благой.

А детям Марфы достались и труд, и сердце, которому чужд
покой.

И за то, что упрёки Марфы грешны были пред Богом,

пришедшим к ней

Детям Марии служить должны Дети её до скончанья

Дней».

Поэт возражает Творцу, спрашивает: что бы стало с Марииными потомками, если бы некому было их кормить, лечить, убирать за ними?.. Он складывает гимн в честь детей Марфы: «Это на них во веки веков прокладка дорог в жару и в мороз, / Это на них ход рычагов; это на них вращенье колёс... / Они не твердят, что Господь простит, брось они службу, когда хотят... / И на давно обжитых путях, и там, где ещё не ступал человек, / В труде и бденье — и только так — / Дети Марфы проводят век».

«А детям Марии чего желать? Они знают — ангелы их хранят.

Они знают — им дана Благодать, на них Милосердья направлен взгляд

Они слышал слово, сидя у ног и, зная, что Бог их благословил,

Своё бремя взвалили на Бога, а Бог — на детей Марфы его взвалил».

Или, в другом переводе, — «Они на Бога уповают, а Бог — на Марфиных сынов!»

Приложение

Г.Н. Владимов.

Три минуты молчания.

Роман.

В трюме зажглась лампочка, и в первый раз я его увидел — мой вожак: из жёлтого сизаля, японской выделки. Толщиной в руку удав. Валютой за него, чёрта, плачено. Он ещё на вид шёлковый, не побывав в море, и пахнет от него «лыжной мазью». А завтра придёт ко мне серый и пахнуть будет солью, водорослями и рыбой. И сети тоже запахнут морем...

... Я вам не буду расписывать, какое было море. Хорошее было море. Не штиль, а балла так полтора, в штиль нам тоже не сахар, ветер лица не свежит. А над порядками чайки ходят — доброе знамение.

В салоне, за чаем, только и говорили — вот, мол, первая выметка не зряшная; пустыря вроде не дёрнем; ...

Я своё дело делал — отвинтил люковину, отвалил ее, ролик уложил в пазы. ... Вожаковый трюм — метр с чем-нибудь на восемь, особенно не побегаешь. А надо — бегом. Я этого дела ни разу еще не нюхал, только с палубы видел мельком, как другие делают, которые после этого лежали в койке часами и глядели в подволок. Знал я только, что вожак в трюме койлается по солнцу и снаружи внутрь. Почему не против солнца? Почему не изнутри снаружи? А бог его ведает, — свив, наверное, такой, — да и не моя это забота.

Значит, так: семь шагов вперед, вдоль переборки, поворачиваешь направо, по солнцу, и снова ведёшь-ведёшь-ведёшь по самому плинтусу, утыкаешься в переборку и опять направо по солнцу, опять семь шагов вперед, новый шлаг ложится внутрь, поворачиваешь, опять переборка, и снова ведёшь-ведёшь-ведёшь... Видали, как лошади бегают на молотилке?

— Вир-рай!

А вожак этот чёртов идет не откуда-нибудь, а из моря. А море — оно мокрое. Оно мне течёт потихоньку за ворот, и варежки брезентовые вмиг промокли. И в глазах, конечно, защемило. Я было привстал дух перевести, глаза вытереть, и вдруг темно — ко мне кто-то в трюм заглядывает. Старпом. ... Кеп его прислал — меня проверить: всё-таки я первый день с вожак.

— Веселей, веселей в трюме! Вожака на палубе навалом...

Дал бы я ему самому побегать, то-то бы взвеселился. Я только сплюнул и дальше побежал. По солнцу, по солнышку ясному. Да не побежал, пошкандыбал на полусогнутых. По пайолам бегать ещё куда ни шло, но я уже первый пласт уложил, теперь по вожаку бегать надо, это вам не паркет, тут в два счета ногу подвернешь. А что будет — когда я почти весь его выберу, и сам на нем чуть не к потолку поднимусь? Там уже на четвереньках придется. Лучше не думать. Надо второй пласт укладывать.

— Вир-рай!

Дрифтер уже не по служебному орёт, а с огнём в голосе. А голос у него — на всех иностранцах, наверное, слышно. Подумают, у нас трансляцию на выборке применили. ...

Дрифтер опять ко мне заглянул.

— Как, Сеня, привыкаешь?

— Да, привыкаю, — говорю. — А нельзя ли придумать чего-нибудь, чтоб он сам койнулся?

— Чего, Сень, придумать?

— А я знаю? Барабан какой-нибудь с мотором?

— Да как же он в трюме-то поместится? И подешевле, чтоб ты его укладывал.

— Значит, совсем ничего нельзя?

Дрифтер сказал:

— Ты не изобретай, понял. Ты — вирай.

— Ладно. ...

Вир-р-рай, мать твою... Шевели ушами!

Я чуть было прислонился к переборке — лоб вытереть, чтоб глаза не заливало, — как он, сволочь, пополз кольцами, прямо на мои уложенные шлаг. Чтобы его теперь уложить, надо же всё это на палубу обратно выкинуть, иначе запутаешься. Я их откидывал ногами, локтями, головой, а они всё ползли, ползли, и я весь опутался этими кольцами.

Дрифтер прибацал ко мне, наклонился в люк.

— Ты будешь вирать или нет?

— А я чего делаю?

— Не знаю, Сень. Не знаю, чего ты там делаешь. Только не вираешь. Погляди, сколько вожака на палубе. Хреново, Сеня. Закипнемся мы с таким вожак.

— Ты лучше умеешь? Ну и валяй, пример покажи.

Дрифтер даже вспотел от таких речей. ... Он ... свайку с маху всадил в палубу. Наверное, на два пальца вошла, силёнки ему не занимать. ...

— Не будешь вирать, я тебе этой свайкой по башке засвечу.

И пошел к своему шпилю. Снизу он мне выше мачты казался. Грабли чуть не до колен. Ну просто медведь в рокане.

Прямо как во сне я эту свайку выдернул и зафингалил ему в спину. Прямо в зелёную спину. Я его не хотел убивать. Мне всё равно было. Однако — не попал. В фальшборт она вонзилась. Да сидя разве размахнёшься?

Никто слова не сказал — ни палубные, ни вахтенный штурман, который, конечно, всё видел из рубки. Дрифтер тоже молча к ней подошел и выдернул. Измерил, на сколько она вошла. — На полтора пальца, Сеня.

— Мало, я думал — на два.

— А если бы попал? А, Сеня?

— Ничего. Лежал бы и не дрыгался.

Он прямо лиловый был. Сел около меня на корточки. ...

— Отчего ж мы такие нервные, Сеня? Кто ж нас такими сделал? Ай-яй-яй!.. Но ты вирай всё-таки, Сеня. Помаленьку, а вирай.

— Буду вирать, — говорю. — Как смогу, так и буду.

Тут в нём опять голос прорезался:

— А что стоим, как балды на паперти? А ну, помогите ему!

Серёга Фирстов и Шуркой кинулись к нам. ... Потихоньку они мне спускали шлаг за шлагом, пока я всё не уложил. ...

... Когда последний шлаг хлестнул в воздухе, я уже и не верил, что конец. ...

— Всё. Сень, вылезь на воздушшок.

Дрифтер стоял надо мной, улыбался. Я полез наверх и чуть не свалился обратно в трюм. Дрифтер меня под мышки выволок.

Я пошёл на полубак, прислонился там животом к фальшборту, глядел в воду. Теперь-то я понял, почему вожаковые глядели часами в подволок, когда скойлают все бухты.

...

— Устал? — спросил дрифтер.

Я только вздохнул. Ответить — язык не шевелился.

... Потом я люковину закрывал, завинчивал... Но рано или поздно, а придётся к палубным идти, не хочется же «сачка» заработать, да и не честно.

Вот и дрифтер напомнил:

— Отдышись минуту и давай бичам помогать. Есть ещё работа на палубе.

...

— Кандей! А, кандей! — говорит Васька Буров. — А я про тебя сказочку сочинил. Божественную.

— Ну-к, потрави!

И Васька плетёт невесть какую околёсицу. Но если прислушаться да расплести — забавная сказочка.

Вот так примерно. Закончатся когда-нибудь наши извилистые пути, и все мы придём туда — к господу, которого нету. Там уже будут сидеть космонавты, маршалы, писатели, большие учёные и заслуженные артисты, — им-то прямая путёвка в рай. И однажды заявится туда наш кандей Вася, приведут его на суд божий ангелы и архангелы. И спросит его господь, которого нету, спросит с металлом в голосе: «Кто ты и на что надеешься?» ... — «Повар я. По-рыбацки сказать — кандей. На милость твою надеюсь, господи. Больше-то мне на что надеяться?» — «Говори, чего натворил ты в жизни земной и морской?» — «да что ж особенного, господи? Делал, что все делают. Ну, и грешен, конечно. Бабе изменил с её же подругой, она из деревни погостить приезжала; жена дозналась — и в крик...» — «Это большой грех, кандей. Он тебе зачтётся. Но главное — что ты делал?» — «Борща варил, с болгарскими перцами». — «Что ж тут за фокус — борща сварить? Это и баба сумеет, а ты всё-таки штаны носил». — «А шторм же был господи. Одиннадцать баллов ты нам послал!» — «Одиннадцать, говоришь? Тогда это не я — это сатана вам удружил. Я только до шести посылаю, а дальше он». — «Это верно, господи. Это я не подумавши сказал. При шести ещё жить можно — и к базе швартануться, и на камбузе управиться». — «А при одиннадцати как?» — «А ты попробуй, господи. Если карданов подвес имеется, ещё ничего, а если так, на плите, полкастриюли себе на брюхо прольёшь». — «А как бичи — ценили твоё искусство?»

— «Не жаловались. За ушми пищало. Да как не ценить — другие кандеи при семи баллах сухим пайком выдают, им это и по инструкции разрешено, а я исключительно горячим довольствием, да ещё каждый день хлеб выпекал. Но честно сказать тебе, господи, тогда им уже не до меня было. Гибли бичи. Совсем пузыри пускали». — «Постой! — скажет господь, которого нету. — Они, значит, смерти ждали? Им же, значит, о душе следовало подумать, приготовиться к суду моему. А ты им — борща! Как же это, кандей? Ты, значит, против меня?» — «Господи, где же мне против тебя? Но разве тебе охота с голодными бичами иметь дело? Ведь они уже не о душе будут думать, а как бы насчёт пожрать». — «Действительно, — скажет господь, которого нет. «В то-то и дело, господи. Я человек маленький, но я дело знаю. Потонем мы там или выплывем, предстанем пред очи твои или ещё подождём, в рай ты нас пошлешь, в золотую палату для симулянтов, или же сковородки заставишь лизать калёные — но к тебе бичей голодными не пущу. Я их должен накормить сперва, и притом — горячим довольствием. При любом волнении и при любом ветре. А там — суди меня, как знаешь. Но я свою судовую обязанность исполнил». Призадумается тогда господь, которого нету. «Пожалуй ты прав, кандей. Но у меня ещё вопрос к тебе. Сам-то ты верил, что смерть пришла?» — «Какие уж там сомнения, господи! Ветер — на скалы, а машина застопорена, и якоря не держат. О чём же я думал, когда на бичей смотрел, как они рубают?» — «И всё-таки ты им борща сварил?» — «Истинно так, господи. Хорошего. С перцами. Это моё дело и я делал на совесть». И скажет господь, которого нету: «Больше вопросов не имею. Подойди ко мне, сын мой, кандей Вася. Посмотри в мои рыжие глаза. Грешен ты, конечно. Да хрен с тобой, не станем мелочиться. В основном же ты — наш человек. И вот я тебе направление выписываю — в самый райский рай, в золотую палату для симулянтов!» И скажет он своим ангелам и архангелам: «Отведите бича под белы руки. И запишите себе там, в инструкции: нету на свете никакого геройства, но есть исполнение обязанности...»

1976

Вопросы для повторения раздела IV

- восприятие;
- понятие;
- логика;
- софистика;
- схоластика;
- парадокс;
- истина;
- заблуждение;
- деятельность;
- практика;
- духовная практика.

РАЗДЕЛ V. АКСИОЛОГИЯ

18. КУЛЬТУРА

Теоретический минимум

1. Философское понятие культуры.
2. Морфология культуры:
 - а) материальные и духовные слагаемые культуры, их взаимосвязь;
 - б) народная, элитарная, массовая культуры;
 - в) внешняя и внутренняя культура личности;
этикет поведения прежде и теперь;
 - г) плюсы и минусы корпоративной культуры;
деонтология в больнице и в аптеке.
3. Динамика культуры на рубеже XX–XXI веков.
4. Культурные традиции Курского края.

Литература

Лекция 18.

Зыкина Е.Б. Основы культурологии. Курск, 2003.

Марков Б.В. Философия. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2012 («Аксиологическая парадигма», «Бытие, истина и ценности »).

Быстрова С.П. Истоки философии культуры. Цицерон. СПб., 2010 (Античная библиотека. Исследования).

Войцех В. Культура и историческая истина / Пер. с польск. М., 2012.

Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1995.

Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.

Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб., 1997.

Культурология. Учебник для высших учебных заведений / Под. ред. *Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана.* СПб., 2008.

Маркова А.Н. Культурология. История мировой культуры. М., 2009.

Культурология. XX век. Антология. М., 1995.

Культура и культурология. Словарь / Сост. *А.И. Кравченко.* М. – Екатеринбург, 2003.

Баженова Е. Деловой этикет. Почему нужно вести себя так, а не иначе. М., 2009 (Умная книга).

Жеребцова О. Всё об этикет и сервировке стола. М., 2008.

Королёва Л.Г. Основы этических знаний. Курск, 1994 (Раздел 4 «Прикладная этика»).

Мы живем среди людей. Кодекс поведения. М., 1989.

Черевичко Т.В. Теоретические основы гостеприимства. Учебное пособие для вузов. М., 2008.

Арнольд А.И. Миссия интеллигенции: драма и надежды. М., 2001.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М., 2004.

Барт Р. Система моды. Сб. статей по семиотике культуры / Пер. с франц. М., 2003.

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 2-е изд. М., 2005.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. *Л. Харрисона, С. Хантингтона*. М., 2002.

Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982–1985 гг. / Пер. с франц. М., 2008.

Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. М., 2005.

Массовая культура: современные западные исследования / Отв. ред. *В.В. Зверева*. М., 2005.

Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». / Под ред. *К.З. Акопян*. М., 2004.

Моррас Ш. Будущее интеллигенции / Пер. с франц. М., 2003.

Некрасова М.А. Народное искусство России в современной культуре. XX–XXI вв. М., 2003.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003.

Рубинштейн М.М. Смысл жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. М., 2008.

Эрнер Г. Жертвы моды? Как создают моду, почему ей следуют / Пер. с франц. СПб., 2008.

Текстологический практикум

Культурные традиции и достижения Курского края

Прочитайте одну из книжек по историческом краеведению. Примерные сюжеты для рассмотрения отмечены чуть ниже, в списке рефератов и докладов по этой теме (Если вы предпочитаете изучить, вспомнить, рассказать о культуре другого региона России, вашей «малой родины», можно обратиться к соответствующей литературе, рассказать однокурсникам на семинаре по гуманитарным дисциплинам о том, кто из великих людей России связан с вашим краем, чьи усадьбы там сохранились, какие в вашем городе, районе, области старинные церкви, музеи, природные урочища и другие достопримечательности, памятники национальной культуры).

Литература

Баскевич И.З. Курские вечера. Воронеж, 1976.

Большая курская энциклопедия. Т. I. Персоналии. Ч. 1–3 / Под ред. *Ю.А. Бугрова*. Курск, 2004–2005.

Бугров Ю.А. Курские встречи. Воронеж, 1991.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005.

Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997.

Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных / Под ред. *А.Т. Хроленко, С.П. Щавелёва*. Вып. 1–7. Курск, 1998–2005.

Левченко В., Грива Т. Встречи с Курском. Путеводитель-справочник. Курск, 1993.

Левченко В., Грива Т. Архитектурные памятники Курского края. Курск, 1997.

Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. М., 1998.

Холодова Е. Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки. Курск, 1997.

Фёдоров С.И. Архитектурные очерки Курского края. Воронеж, 1982.

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1997–2001.

Темы рефератов и докладов

Курск — древний русский город: страницы истории курской земли, накопление культурных ценностей в нашем крае и их утраты.

Выдающиеся деятели культуры — уроженцы Курска и его округа.

Памятники истории и культуры в современном Курске.

Монументы знаменитым землякам на улицах и площадях Курска.

Мемориальные доски на зданиях города: вехи настоящего героизма.

Курские сюжеты в отечественной литературе и искусстве.

Летописные северяне в Курском Посеймье и их культура.

Курск и куряне на страницах русских летописей.

Феодосий Печерский: курские страницы его «Жития» и основание Киево-Печерской обители.

«Куряне — опытные воины...»: курские страницы «Слова о полку Игореве».

Старейшие храмы города Курска.

Курский некрополь.

Коренная икона Знамения Божьей матери в легендах и истории края.

Коренная пустынь и другие монастыри Курской округи.

Усадебная архитектура Курской губернии.

А.А. Фет — курский помещик, его имение Воробьёвка как центр философии и поэзии.

Куряне в истории отечественной науки и литературы.

Традиции медицины и здравоохранения Курского края.

Конспект

Аксиология (от греч. *axios* — ценный, нужный) — философская теория ценностей человеческой жизни и культуры. Общее понятие ценности не надо сводить только к ценностям материальным, утилитарно полезным, денежно оцениваемым. Это приводит к ошибкам даже при оценке истинной ценности дорогих на самом деле вещей. Чукчи и эскимосы до прихода белых колонизаторов ходили по самородкам золота и платины и не нагибались за ними — камни и камни. В подлинные рисунки Рембрандта, которые стоят тысячи долларов, неграмотные торговцы заворачивали селёдку на рынке. Советские комсомольцы топили печи и мостили полы деревенских хат старинными иконами, изъятными из разрушенных церквей.

Как видно, *общее понятие ценности* выражает *отношение человека к тем или иным явлениям окружающей действительности*. Это результат встречи, «диалога» субъекта и объекта. Вне их взаимодействия нет никаких ценностей.

Те же золотые самородки, разбросанные по отмели колымского или аляскинского ручья, где никогда ещё не ступала нога белого человека, никому там не нужны. Чукчам или эскимосам от белых людей были нужны ружья, патроны, спирт, чай. За них они отдают пушнину, а золото или платина в их глазах не стоят ничего. На ночном небе в действительности нет никаких созвездий с красивыми названиями вроде «Большой медведицы» или «Южного креста»: это результат человеческого зрения и фантазии, придающий смысл нашим субъективным впечатлениям. С другой планеты, например, даже зрительное восприятие тех же звёзд будет совсем другое. Ценность возникает, когда любая вещь, явление, поступок, помещаются в такую сетку координат человеческого отношения к миру: (это) *полезно* — *вредно* — *безразлично* (мне, нам, ему, им).

Наука стремится к объективной истине, которая не зависит от ценностей и отражает реальность такой, какова она на самом деле, вне и до вмешательства любого человека. Остальная жизнь, напротив, вся погружена в мир ценностей — желаний, пристрастий, целей тех или иных людей.

Надо увидеть переплетение личного и общественного при образовании ценностного измерения действительности. То ценное, что в природе удовлетворяет потребности индивида, проходит (в прошлом или настоящем) через общественные отношения многих людей. Система ценностей вырабатывается всей историей общества и поддерживается актуальным общественным мнением, спросом на соответствующие ценности среди многих людей. Каждый из нас просто отбирает какую-то часть из общечеловеческой «копилки» ценностей (экономических, политических, этических, эстетических и прочих). Индивидуально только сочетание такого «набора», но каждая из его составляющих входит во многие другие «букеты» убеждений и вкусов самых разных людей всех времён и народов.

Систему разнообразных ценностей целого общества или отдельных его слоёв и называют культурой.

Популярное (расширительное) значение термина «культура» можно определить как желательное состояние, должный уровень развития чего-либо; высшую степень проявления любой стороны жизни, нам важного; совершенство в удовлетворении наших интересов. Скажем, *физическая культура* — поддержание бодрости тела его упражнениями; вплоть до *культуризма*, когда из тела выжимается максимум его мышечных возможностей; *культура* правильной речи, которая дается происхождением, образованием и личными способностями; *«культура обслуживания»* в торговле («клиент всегда прав»); *«культура быта»* — чистота и удобство в интерьере жилища; культура общения — скромность, предупредительность, тактичность; и т.п. определения. Не стоит недооценивать этих внешних проявлений культурности, без них нет возможности говорить о культуре вообще, но надо видеть культуру более масштабно и глубоко, чем позволяют рамки нашей повседневности.

Этимология слова «культура» весьма поучительна: от латинского *agricultura* — возделывание пашни, уход за посевами. Со временем у этого слова

появилось переносное значение: улучшить, облагородить, перевоспитать что угодно, не только растения. Так, Цицерон назвал философию культурой души. В конце концов термин «культура» приобрел такой общий смысл, в котором названное им стали противопоставлять природному, стихийному, животному; обозначать так *всё*, сознательно *усовершенствованное человеком*.

Философское понимание культуры предполагает углубление и расширение её содержания.

Во-первых, *культура исключительно антропогенна*, она однозначно связана с человеком. В самой по себе природе нет никакой культуры. Культура надстраивается над физикой, химией, биологией. Культуру составляет всё то, что изготовлено человеком, придумано им, привнесено в этот мир благодаря его деятельности. Природная материя служит для культуры не более (но и не менее), чем строительным материалом. Как из песка и глины надо ещё выделять кирпичи, а из груды кирпичей надо ещё построить дом, так с помощью своего организма и окружающей его природы человек выстраивает, вырабатывает, поддерживает систему культурных ценностей. Итак, *культура сверхприродна, она есть всё то, что как-то очеловечено*.

Во-вторых, *культура носит социально-исторический характер*. Мы творим, потребляем культурные ценности по законам, выработанным многими поколениями наших предков, пользуясь способами (начиная с языка), сохранёнными и приумноженными множеством наших современников. Культурные ценности живут только *внутри целого общества*, как рыбы в мало-мальски объёмистых водоёмах, а теплокровные животные в атмосфере Земли. Поодиночке люди дичают, как прототип Робинзона — реальный моряк Александр Селькирк, высаженный на необитаемом острове. Каждый из нас принадлежит к культуре своего народа, своего времени. У нас на Ставрополье недавно милиционеры нашли мальчика, выросшего среди собак. Его родители бродяги жили в дачном посёлке у сторожа. Из-за тесноты помещения ребёнок больше ползал по полу или лежал, чем ходил. Когда печка в отсутствие родителей, бродивших по окрестным свалкам в поисках добычи, остывала, малыша грели четыре собаки и две кошки. С ними он играл, ел и спал. Когда ребёнка везли в милицию, одна из собак бежала за машиной до самого отделения. Теперь его поместили в инфекционную больницу, чтобы вылечить лишай; в отдельный бокс. Поначалу он плакал, ползал по полу, издавал нечленораздельные звуки. Постепенно он привык в больнице; научился ходить. Мальчик понимает, что ему говорят, научился улыбаться, пытается отвечать, но освоил пока единственное слово, которое произносит невнятно: «мама». Пока у мальчика поведенческие реакции животного, он научился им у собак и кошек. У него задержка психического развития, нет навыков общения с окружающими; по сути отсутствует речь. Ещё год жизни без человеческой культуры, и он стал бы настоящим «маугли», был бы навсегда потерян для общества. Ведь личность в основном формируется годам к шести.

В-третьих, *внутри общества культура универсальна* — она *имеется везде*, обнимает собой всё людское бытие. Ошибка думать, что культура сосредоточена только в каких-то отдельных местах (библиотеках, картинных галереях, театрах, домах богачей и тому подобных «культурных центрах»). На самом деле, даже то, что мы называем бескультурьем, на самом деле — предельно низкий уровень человеческой культуры. Даже бродяги, зимующие в теплых гидроцен-

тралях, обустривают свои жилища обломками «настоящей» жизни со свалок. Тем более надо увидеть традиционную культуру крестьян, мещан, рабочих, мигрантов (вроде цыган), которые по-своему окультуривали доставшиеся им условия жизни, как и хозяева помещичьих усадеб да купеческих особняков. Между прочим, одна из причин разрушения, оскудения культурных ценностей в нашей стране состояла в форсированной революцией социальной мобильности (согласно пословице: «из грязи в князи» и наоборот), искусственной демократизации жизни (все сплошь вдруг оказались друг другу «товарищами», «земляками», «братками»).

В-четвертых, *культура синтетична* — разные её слагаемые и проявления существуют только вместе, а не по отдельности; меняться может пропорция духовного и материального, национального (своего) и зарубежного (чужого), прошлого и настоящего, иных дуальных элементов в составе культурных ценностей. Для произведений духовной культуры требуется материальная форма — книги, скульптуры, холста, музыкального инструмента, CD диска и так далее; вообще средств на жизнь художника. А у продуктов культуры материальной есть свои нравственные, эстетические стороны. В кастрюле повара, посуде гончара, украшениях ювелира, лекарственном препарате фармаколога, дизайне автомобиля и прочих шедеврах ремесла овнешнены души мастеров, мысли и чувства их создателей, а по-своему и потребителей, пользователей.

Наконец, в-пятых, любое *проявление культуры носит нормативный характер*. Тот или другой человек способен игнорировать те или иные культурные ценности, но тогда он подчиняется ценностям другой культуры (иного её уровня). Даже те же нищие бродяги как-то делят территорию, платят за «крышу» полицейским, помогают друг другу. Кто никаким ценностям не желает подчиняться, насильно изолируется от общества органами охраны порядка или изгоняется собственным коллективом первоначального пребывания (семьей, фирмой, даже бандой («отмороз»)). Конечно, «алгоритм» культурного программирования нашего поведения куда сложнее любой компьютерной версии, но он, как правило, весьма властно и однозначно направляет наши действия по «рельсам» культуры того общества, социального класса, региона, семьи, профессии, которые нас обуславливают.

Философское определение культуры возможно формулировать с различных её сторон. Каждое из таких общих определений дополняется остальными.

Онтология культуры даёт нам её «вертикальный» срез: перечисляет все достижения того или иного общества (технические изобретения и научные открытия; язык, письменность, произведения литературы и искусства; заповеди морали, религии и свободомыслия; нормы права и политические институты; и так далее, и тому подобное). По словам Николая Александровича Бердяева (1874–1948), в этом смысле культура суть «*объективация человеческого творчества*». Тут перед нами своего рода взгляд на культуру со стороны, подсчёт промежуточных результатов её развития, количественный аспект такового. На-

пример, «культурным слоем» в археологии называют те пласты почвы, что несут в себе любые следы человеческой жизнедеятельности, всяческие остатки прошлой жизни людей на соответствующем месте. «Археологическая культура» — совокупность однотипных памятников далекой старины (поселений, могильников, кладов), оставленных на определённой территории определённым народом (или группой союзных народов).

Семиотика культуры обращает внимание на те смыслы и значения, которые, собственно, и превращают любую вещь или поступок в культурное явление, а точнее говоря, — в *символ какой-то ценности*. Как уже говорилось в начале лекции, культура не только и не столько во внешних предметах, сколько в том, как их воспринимает человек, какое содержание он в них вкладывает. Так, для всех мусульман Чёрный камень Каабы в Мекке — чудотворная святыня, тогда как для иноверцев, атеистов — просто метеорит, случайно упавший когда-то в Аравийскую пустыню; а для необразованного человека — очередная глыба, не более того. Упав он на какой-нибудь курский огород, вот было бы работы столкнуть его в овраг. Другой яркий пример символизма в культуре — деньги, особенно бумажные ассигнации. После финансового дефолта, вне зоны хождения валюты — это просто раскрашенные фантики, а вовсе не знаки реальных сокровищ (Вспомните, что заменяло деньги на планете Кин-дза-дза из одноименного фильма Георгия Данелии).

Таким образом, семиотически мы проникаем во внутреннюю, часто скрытую на поверхностный взгляд сущность культурных явлений, выясняем, как они представлены в человеческом сознании и поведении.

История культуры короче всего раскрыта Борисом Леонидовичем Пастернаком. В одном из своих интервью по случаю присуждения ему Нобелевской премии, он так ответил на вопрос: «Что такое культура?» «*Культура — это плодотворное существование*». И добавил: «Такое определение достаточно. Дайте человеку творчески изменяться в веках, и города, государства, боги, искусство появятся сами собой, как следствия, с той естественностью, с которой зреют плоды на фруктовом дереве». Как видно из сказанного, условием творчества выступает *свобода выбора* человеком цели и средств её достижения. Наш великий писатель не мог прямо сказать о свободе как высшей ценности культуры, опасаясь советской цензуры. Культурные ценности возникают из сопротивления людей беспощадному принуждению, суровой необходимости, диктату природной среды или других людей. По сути, так понятая *культура — это борьба* (с инстинктом, патологией, ленью, бездарностью, причём прежде всего — в самом себе; со смертью, наконец).

Логика культуры определяется её конечной целью, которая, как линия горизонта ведет путника по долгому и трудному пути, но достигнуть которой ему не дано. Такой *общекультурной сверхценностью является гуманизм*. А именно, ориентация всех наших замыслов и действий на человека, его заботы и нужды. Культурно то, что возвышает человека, облегчает ему бремя жизни, обогащает и продлевает её, сохраняет память о ней в потомках. Напротив, ан-

тиценностью, бескультурьем можно назвать обстоятельства и поступки, более или менее сознательно человеку вредящие, унижающие его достоинство, мешающие творить и просто жить. «... Все прогрессы реакционны / Если рушится человек», — подытожил Андрей Вознесенский. На практике, повторю, речь чаще всего идет о насильственном, частичном и временном понижении уровня культурного развития (откуда идут выражения «варварство», «вандализм», «дикость», «зверство» и тому подобные применительно к попыткам уничтожить культурные достижения людей). Уничтожить всю культуру можно только стерев человечество с лица Земли.

Конечно, общечеловеческое определение ценностей культуры уязвимо в силу своей внеисторичной абстрактности. Реальная жизнь обрекает людей на борьбу не только с обстоятельствами и природой, но и с другими людьми. Происходит делёжка мест, ресурсов, власти, тех же самых культурных ценностей. Войны, конфликты, интриги — кто когда был от них избавлен? И всё же культура выражается в том, чтобы помогать хотя бы своему ближнему и близкому человеку. А безопасность целых коллективов зависит от поддержания буферной зоны нашего влияния, так что помогать приходится не только соседям. С врагом, а тем более противником надо стараться сохранить какой-то запас благородства, а не опускаться до его уровня, если он ниже нашего. Так что гуманизм как смысловой эпицентр культуры всё же работает, пока она существует. Когда весь гуманизм кончается, люди превращаются в натуральных зверей, животных (как некоторые соседи заключённого в советском концлагере Ивана Денисовича Шухова, один день которого описан А.И. Солженицыным).

Культура, как уже отмечалось, устроена сложно и системно. Среди множества её слагаемых выделим только самые главные, исходные.

Материальное и духовное в культуре представляют собой единство противоположностей. С долей условности мы можем разделить культуру на материальную (производственную, политическую, военную и так далее) и духовную (религию, литературу, искусство, науку и тому подобное). Но в таком случае речь будет идти только о преобладании внешнего над внутренним, вещественного над духовным, или же наоборот в составе соответствующих общественных явлений. В большинстве из них имеется баланс того и другого. Тот же скульптор не реализует свой гениальный замысел без камня, глины, металла. Живописцу нужны холсты, кисти, краски. Оружие не остановит врага, если им не воспользуется умелый (знания, навыки) и храбрый (ценностные принципы) человек (Смотри, например, лучший фильм-вестерн — режиссёра и актёра Клинта Иствуда «Непрощённый»).

Есть области, где преобладают материальные, физические факторы (производство товаров и услуг, спорт, военное дело и похожие). Идеальные, духовные компоненты играют там роль движущих сил, «сгорающих» в объективизированном результате — продукте, победе, прибыли, иной цели. А есть по преимуществу духовные явления культуры (как например стихи или музыка). Но даже там духовность семиотически материализуется (ноты, концерты, книги,

прочие аксессуары художества), как в материальном производстве вещественное движется духовным. В качестве образца взаимовыражения материального и духовного приведу стихотворение Инны Кабыш:

Кто варит варенье в июле — та жить собирается с мужем
И та не захочет, конечно, с любовником тайно бежать.
И так ведь с любовником сладко, к тому же в дому его тесно
И негде варенье держать.

Кто варит варенье в июле, в чаду, на расплавленной кухне
Уж та не уедет на Запад и в Штаты не купит билет.
Та будет по мёртвым сугробам ползти на смородинный запах.
Кто варит варенье в России — тот знает, что выхода нет.

Соотношение материального и духовного в культуре то и дело перекашивается. *Дефицит духовности* порождает такие уродливые явления, как мещанский вещизм, когда в погоне за материальными ценностями, внешним престижем теряются высшие ценности нормальной жизни — покой, любовь, общение с природой и тому подобные. В результате чаще всего победа на пути такой погони оказывается пирровой: нет уже ни сил, ни времени жизни, ни близких людей, чтобы пользоваться накопленным, особенно награбленным добром.

Но и противоположная стратегия жизни, которую можно назвать «башней из слоновой кости», не спасает личность от краха. Тот, кто прячется в свои собственные духовные интересы и ничего не может, не желает делать своими руками, не способен заработать денег на жизнь свою собственную и близких людей, тот волей или неволей заставляет работать на себя других людей, прежде всего этих самых близких. «У каждого революционера, коммуниста, — говаривал Николай Семёнович Лесков, — голодные старики на печи сидят...»

На переломных этапах истории общества, в кризисные периоды жизни личности духовные факторы культуры оказываются важнее материальных. Если народ, человек сохраняют необходимые остатки морального духа, то они, скорее всего, восстановят через какое-то время материальные потери. Как страны, поверженные в итоге последней мировой войны — Германия, Япония. А «вирус» бездуховности, неверия ни во что, кроме денег и грубого насилия, редко проходит безнаказанно и для отдельной личности, и для целой цивилизации.

Тезис марксизма, согласно которому бытие определяет сознание, упрощает реальную диалектику материального и духовного. Сегодняшнее бытие в той же мере влияет на сознание современников, в какой сознание наших предков влияло на превращение прежнего бытия в настоящее. К тому же реакция нынешнего сознания на окружающее бытие может быть разной, в том числе самой неожиданной. Например, под пытками чекистов многие арестованные в 1920-е — 1950-е годы русские люди «ломались», возводили на себя ложные обвинения. Но находились люди, говорившие в глаза своим палачам и убийцам всю правду и не подписавшие ни одного из протоколов своих допросов. Так в романе А.И.

Солженицына «В круге первом» один из зеков на допросе на Лубянке у сталинского маршала В.С. Абакумова не поддаётся давлению — он уже побывал в плену у немцев, выдержал допросы в гестапо, беседовал с Герингом, какой ещё угрозой его удивишь? Германский «натиск на Восток» захлебнулся потому, что славяне — поляки, украинцы, белорусы и русские воевали не так, как было принято в Европе. Они то и дело ходили в ростовые атаки против неподавленных огневых точек противника; жгли немецкие танки стеклянными бутылками с горючей смесью; обвязавшись гранатами, бросались под гусеницы танков; шли на таран своими боевыми машинами; проявлялись прочие образцы невиданного в истории войн героизма. Так что решающим фактором победы стал моральный, т.е. сугубо духовный.

В подобной альтернативности человеческой души кроется источник роста культуры. Она может сохранить некие вечные ценности только обновляя свой идейный, технический арсенал. Обстановка культурного застоя, тем более регресса означает немедленный откат назад, деградацию материальную и духовную. Поэтому, по словам Николая Алексеевича Заболоцкого, «душа обязана трудиться».

Народная культура всегда отличалась от культуры элитарной. Их пропорция в обществе, характер взаимоотношения может меняться, но вряд ли различия между ними когда-нибудь сгладятся. До сих пор, по крайней мере, такого нигде и никогда не наблюдалось. По многим причинам, одна из которых — неравенство способностей и тем более жизненных судеб отдельных индивидов. Одни из них, допустим, обладают музыкальным слухом, а другие его лишены. Одни имеют средства учиться музыке, другие нет. Одни способны творить по ночам, а другие предпочитают выспаться. Всё, что нормальное общество может поделать с такой разницей, это помочь (за счёт налогов со всего работоспособного населения, благотворительности богачей) большему числу талантов реализовать себя. Но представить себе весь народ, любящим балеты Стравинского или симфонии Бетховена так же трудно, как увидеть английскую королеву в пивной. Правда, однажды Елизавета II демонстративно посетила паб, но подаренную ей трактирщиком бутылку эля взяла с собой, обманув ожидания снимавших эту сцену журналистов.

Между «верхом» и «низами» культурной «пирамиды» располагается множество переходных ступенек. Причём они ведут как «вверх», так и «вниз». Имеется в виду, что в мало-мальски цивилизованном обществе со временем всё больше простых людей подтягиваются по уровню образования и культуры быта к образу жизни элиты. Городская квартира, дача в сельской местности — нечто среднее между избой бедняка и дворцом богача. А представители аристократии, буржуазии многое учитывают в традициях сугубо народной культуры — в музыке, устном творчестве, одежде, вообще эстетических вкусах и нравственных устоях крестьян, ремесленников, слуг. Вспомним, что у многих отпрысков знатных семей были нянями и воспитателями простые, часто неграмотные, но очень добрые и мудрые люди.

Сын знатного польского дворянина (одного герба с Мицкевичами), русский поэт Владислав Фелицианович Хадасевич так вспоминал свою кормилицу:

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жостью белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое своё,
И просто всё, что дорого ей было.

...

И вот, Россия, «громкая держава»,
Её сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

...

1917, 1922.

Народная культура — это лучшие достижения нации в труде, быте, искусстве, остальном образе её жизни за все предыдущие века. Её фундамент образует так называемая *живая старина* — фольклор (песенный, музыкальный, сказочный, пословичный и прочий); старинные приёмы домостроительства, принятый покроем одежды, привычный характер кухни и иные традиции народной жизни. Когда-то эти формы жизни, работы и отдыха, сложились как самые оптимальные в тех условиях, которых природа и социальная история предлагали нашим предкам. В округе не было камня, жилища строили из дерева; не хватало кожи на обувь, плели лапти из лыка; на отдыхе целые оркестры заменяли балалайка или гармошка. Что-то изобреталось самими, что-то заимствовалось у инородных соседей. Среди того, что сегодня во всём мире воспринимается как символ русской народной культуры, немало таких заимствований: *пельмени* изначально — пища таёжных охотников; разогрев эту замороженную пищу, они получали целый обед в одном котелке; *водка* появилась на Руси с Запада при Иване Грозном как «зелено вино» (по цвету плохо очищенного дистиллята); игрушку типа *матрёшки* русские художники подсмотрели в Италии и оформили в своём стиле.

Традиционные истоки современной культуры народа от века к веку подвергаются неизбежной трансформации, постепенно превращаются в пережитки

да музейные экспонаты. Попытки их искусственной реанимации (например, нашими казаками, цепляющих мундиры и орденами своих дедов и прадедов) выглядят так же смешно, как человек, обутый в лапти, на асфальте современного города. Сейчас с такого человека хватит кирзовых сапог да замасленной телогрейки.

Трудные условия выживания, природные и социальные ограничения, заповедные трагедии, пережитые любым народом, породили провалы и пробелы в культурах некоторых из них. У нас, русских, это грязь в жилищах и особенно на улицах, беспричинное пьянство, привычная хмурость на людях, грубость в общении, сквернословие, неграмотная темнота значительной части населения. Но это же самое население, включая, между прочим, многих пьяниц, ругателей и насильников, колонизировало одну шестую часть суши — от Балтики до Черноморья и от Карпат до Тихого океана; построило Киж без единого гвоздя; возвело на балтийских топях гранитный Петербург; придумало сказки и былины; разгромило всех агрессоров — печенегов, половцев, татар, литовцев, поляков, турок, шведов, французов, японцев, немцев и прочих, кто только ни пытался покорить русских своей власти, ассимилировать нашу культуру.

Так что народная культура — мать-прародительница и кормилица всей остальной культуры. Как говорят немцы, «плохая или хорошая, но это наша Родина». И, как говорят поляки, «ещё Польша не погибла, доколе мы живы». Из того же самого народа выходят и творцы культуры элитарной, модернистской.

Элитарная культура творится верхушкой любого общества, самыми богатыми, знатными и образованными его представителями или, по крайней мере, при их материальной и моральной поддержке творцов подобных ценностей. Это, например, опера и балет, симфоническая музыка, серьёзная литература — проза, поэзия, драматургия, сложная живопись, осмысленная кинематография, тому подобные жанры, которые способны полюбить и, главное, понять, как-то продолжить собственным творчеством (хотя бы зрительским, слушательским) только подготовленные люди, располагающие для этого мало-мальски обеспеченным досугом. Элитарность сказывается не только в искусстве, но и в творческом оформлении интерьеров жилья; дорогой, не вульгарной одежде; осмысленных формах проведения досуга. Приобщиться к достижениям элитарной культуры в первом поколении вряд ли возможно. Единственный путь за её глухие стены: дать хорошее образование, а в идеале и состояние своим детям и внукам.

XX век породил такое явление, как *массовая культура*. Это закономерное следствие индустриального общества. Для этой стадии общественного развития характерны бурное развитие науки и особенно техники, перемешивание разных сословий в безликую массу наёмных работников, маргинализацию их духовных и материальных запросов. Возникает социальный заказ на тиражирование новых, как правило упрощённых и удешевлённых, более или менее примитивизи-

рованных способов жизнеобеспечения. Особенности массовой культуры состоят в том, что:

- её образцы не творятся вживую, как у народа или элиты, а транслируются, тиражируются средствами массовой информации и коммуникации;
- доступны, понятны всем желающим;
- они прямо, без дополнительного труда удовлетворяют простейшие человеческие потребности — в питании, одежде, жилище, транспорте, а также в развлечении, смехе, отдыхе.

Отчасти достижения массовой культуры полезны людям — ведь они во много раз расширяют круг потребителей таких элементарных вещей, как готовая одежда по недорогой цене, штампованная бижутерия, полуфабрикаты на кухне, достаточно удобная мебель из прессованной древесной стружки и ядовитого клея, увлекательное чтение примитивных детективов, пустых «женских» или псевдофантастических романов, просмотр исключительно остросюжетных боевиков и «мыльных сериалов» по ТВ, общение в сети Интернет и по мобильным телефонам, многие похожие феномены современной жизни. Достижения массовой культуры позволяют, худо бедно, как-то преодолеть многовековую пропасть между образом жизни верхов и низов общества.

Надо только иметь в виду, — не всё то золото, что блестит. Пользуясь комфортом масскульта, не стоит забывать более творческих и долговечных форм культуры — чтения, театра, авторского кино, мелодичной музыки и многого ещё, что возвышает нашу мысль и душу.

Динамика культуры на рубеже XX–XXI веков. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1990–2000 гг. осуществляли проверку подготовки школьников разных стран. Оказалось, что математические способности русских детей, начиная с 1990 г., неуклонно снижаются. По умению работать с письменным текстом (т.е. проанализировать его и выделить суть) они оказались на 28 месте из 32. Как ни странно, отрицательную динамику этих же школьных навыков продемонстрировали не только Россия и прочие страны СНГ, но и Венгрия, и Чехия. Как видно, причина здесь не только в особых трудностях перехода от социализма к капитализму, с которыми столкнулась именно наша страна. Можно предположить и такой фактор, как быстрый доступ всей Восточной Европы после падения «железного занавеса» к возможностям постиндустриального, информационного общества.

Этими возможностями в наибольшей степени поспешили воспользоваться именно молодые поколения бывших социалистических стран. Компьютер в их сознании потеснил книгу. Образные компоненты мышления развились за счет ослабления абстрактно-логических. Волевые усилия в игре, учебе, труде направились в сторону их облегчения с помощью мультимедийных технологий, использования готовых баз данных, а собственное творчество, фантазия, вербальное мышление отошли на второй план. Не то что писать новые тексты, но даже компоновать их из готовых источников школьники и студенты стали с помощью машин. Машины заменяют людей (в значит и детей, которые

только “учатся на людей”) в таких ролях, как партнерство в разного рода играх, перевод с иностранных языков, проверка грамотности изложения, поиск нужной информации в справочниках, выбор ее источников и многих других.

Массовое обращение детей и подростков к игре и работе с компьютерами совпало с общим изменением ориентиров и ценностей современной культуры. Классическая культура, господствовавшая на большей части XX в., предполагала в качестве базовых такие ценности, как авторское творчество, прогрессивное развитие личности, общественное признание ее достижений. В искусстве господствовали реалистические и умеренно модернистские веяния; в музыке — мелодизм, симфонизм; на сцене — сравнительно сложные жанры (опера, оперетта, драматический спектакль); на домашнем досуге — чтение, интеллектуальные игры вроде шахмат или преферанса, беседы на прогулках; походы в театр, на концерты, на футбол; экскурсии в природу и т.п. формы проведения вне рабочего времени. Знаток и любитель всех этих вещей претендовал на духовный авторитет.

Надо заметить, что общественными условиями классической культуры выступали достаточно авторитарные, вплоть до тоталитарных, во всяком случае имперские государственно-политические режимы. В их условиях люди делились на «винтиков» с рядовым образованием и новую аристократию с элитарным образованием и повышенными культурными запросами. Государство гарантировало возможности для карьерной мобильности способных и ревностных своих граждан (так, учёные и художники получали достаточное, даже завидное бюджетное обеспечение). Образование усложнялось, но доступ к нему упрощался.

Демократизация общественной жизни на Западе вызвала к жизни новую культуру. Ее основной функцией стала духовно-эмоциональная защита атомизированного индивида. Растет индивидуалистическое противостояние личности обществу и природе. В изобразительном искусстве — абстракционизм, концептуализм, где форма окончательно подавляет содержание; на эстраде и вокруг нее — рок-культура, где ритм заменяет мелодию, штамп — авторство, микрофон — голос; возвращаются из глубины веков древние (негритянские по происхождению, шаманистские по сути) ритуальные телодвижения поодиночке в большой толпе («блюз — это когда хорошему человеку плохо, а рэп — когда плохому хорошо»); самогипноз, установка на постоянное наслаждение, уход от реальности с помощью легких и тяжелых наркотиков; вызов окружающим во внешности, одежде (яркие краски, пирсинг, очень длинные или очень короткие волосы и т.п.), поведении. Работа в таких условиях становится только прикрытием, вынужденным ради материального обеспечения того «кайфа», что сулит досуг. Децентрализация промышленности, коммерции, сферы услуг поддерживает такие установки. За-работать на жизнь можно и не делая карьеру в одном большом учреждении, а продавая информационные и прочие услуги нескольким мелким фирмам. Пропорция рабочего и свободного времени аритмизируется: или резко сдвигается в сторону последнего; или же работают с такой интен-

сивностью, что на досуге ни о чем серьезном и помышлять не хочется. Образование, включая высшее, делается практически общедоступным, но при этом делится на несколько эшелонов (для более или менее способных и подготовленных абитуриентов), становится так или иначе платным.

Между старой и новой культурами рвется преемственность. Нынешние дети всё меньше читают, только из-под палки учителя, родителя. Симфоническая музыка им уже непонятна, воспринимается как раздражающий шум. Фрагменты из симфоний Моцарта и Дворжака используются для рекламы пива или мыла. Узнать эту музыку способен сегодня один человек из миллиона. Времени и желания овладеть грамотой не остается. Большинство наших студентов пишут и говорят с грубыми ошибками. Прогуливаясь парами или в большей компании, они беседуют мало, преимущественно на ненормативном жаргоне. Эрудиция, увлечением чем-то, кроме рок-музыки, в лучшем случае спорта, воспринимается сейчас с удивлением, а то и с раздражением. Серьезные жанры, сложные произведения в литературе, кинематографе вытеснены в духовные резервации (артхаус); публику привлекают попса на эстраде, дебилские кроссворды в газетах, «мыльные» сериалы и примитивные игры на ТВ.

Хороший совет даёт нам один из старейших русских писателей — петербуржец Даниил Александрович Гранин: «Я же не считаю, что духовная жизнь начинается с Марселя Пруста! Ничего подобного! Но хочется всё-таки, чтобы она была: в виде чтения Конан Дойля, в виде туризма, в виде занятия любимым делом, будь то вышивание, рисование, воспитание детей, изучения языков или походов в театр».

Все эти и им подобные веяния вполне закономерны и являются обратной стороной того прогресса, который общества западного типа достигли в экономике и политике. За личную свободу и юридическое равенство всех граждан заплачено упрощением, оскудением культуры. Образование в этих условиях заметно меняется. Все меньшей популярностью среди школьников, а особенно студентов пользуются теоретические и общегуманитарные учебные предметы и разделы в специальных дисциплинах. Как во всем обществе произошел переход от мира творческого, ищущего к миру комфортному, так и в образовании идет поиск методик, резко облегчающих получение минимально необходимых для решения прикладных задач сведений. Сама по себе эта тенденция носит всемирный характер и отменить ее действие никому не удастся. Хотя бы потому, что визуализация образования по-своему прогрессивна, ибо демократизирует знания, делает более честным распоряжение информацией. Тем более что по части мультимедийных технологий Россия, особенно провинциальная, еще отстает от передовых стран Запада. Учась у них технико-технологическим сторонам педагогики, стоит, вместе с тем, подумать и о том, как сохранить, хотя бы частично, традиционные преимущества русской национальной школы, науки и культуры. Творческое мышление будущего специалиста формируется не только в дисплейном классе, но и в читальном зале и на абонементах библиотек; диалог с компьютером должен сочетаться живым общением студентов между со-

бой и с талантливыми, известными в своей науке, хорошо образованными преподавателями.

Новые технологии научных исследований и особенно образования вызывают к себе двойственное отношение. Порой мы хвалим их за бесценную помощь, надеемся применять их еще изощреннее и во всё более совершенных вариантах. Порой ругаем за притупление нашего живого зрения; убийство времени, проведенного за экранами мониторов; шаблонизацию нашего живого мышления. Одни из нас (по-преимуществу самых старших возрастных категорий) так и не овладели компьютерной техникой и свои тексты пишут ручками, как и полвека назад. Другие приобретают всё более сильные машины для поиска и обработки информации, игр и просто престижа. Красивые слова третьих о том, что компьютер не заменит книгу, что они дополняют друг друга, сегодня мало кого убеждают. Информатизацию общественной и личной жизни никому не удастся остановить. Возможно уже сейчас задуматься над положительными и отрицательными сторонами интернетизации нашей жизни.

В качестве своеобразного эпиграфа для такого рода размышлений приведу два отзыва на обсуждаемую тему. “Как очки и контактные линзы стали нашими родовыми протезами, ибо мы теряем зрение, так и компьютер становится искусственным протезом теряющих способность мыслить людей. ... Мы впадаем в имажинативную кому перед экраном, который требует бесконечного взгляда, порождает промискуитет и своеобразную порнографию” (Философ Б.В. Марков). “Сегодняшний человек очень много знает, но эти знания ему не слишком на пользу. ... А жизнь тянет вас не к размышлению, а к потреблению. И прежде всего — информации. Самая большая помойка — это Интернет. Все эти знания всегда можно получить в любой библиотеке. Там никто ничего тебе не впихивает, не кричит: “Это, это возьмите!”. А когдаходишь в Интернет, на тебя обрушивается вал того, что тебе заведомо не нужно. И это не может не действовать на твою психику. Поэтому, я думаю, привилегией богатых будет тишина и отсутствие компьютеров. Компьютеры они оставят наёмным служащим” (Андрей Михалков-Кончаловский, кинорежиссер).

Понятно, что возможно приводить дополнительные аргументы в том же направлении — предостережения против опасностей и искушений для человеческого естества со стороны Интернета как суммы новейших информационных технологий. Можно и наоборот — расхваливать эти последние за ту неоценимую помощь, которую они оказывают людям, помогая им работать, учиться, развлекаться. Обе намеченные линии аргументации должны присутствовать в нашей науке и в нашем образовании. А уж пропорция доводов “за” и “против” и, соответственно, того места, которые компьютер и прочая техника займут в наших душах и умах, будет зависеть от возраста, профессии, характера, одаренности и учителя, и ученика.

Культурные традиции Курского края.

Археологические раскопки в историческом центре современного города Курска и его ближайшей округи позволили установить, что на высоком мысу у

впадения ручья Кур в реку Тускарь в IX – X веках существовало одно из многих поселений славян объединения «Север», которые, согласно летописи, «сели по Десне, Суле и Сейму». Судя по ряду признаков, то был не рядовой поселок, а один из центров своего культурно-исторического региона — поречья Сейма. Когда в начале XI века этот район окончательно перешел под власть Руси и князья Рюриковичи, Ярослав и Мстислав Владимировичи, направили сюда, в Посеймье своего представителя-посадника, тот избрал для своей резиденции именно Курск. Его первое упоминание в письменных источниках («Житие Феодосия Печерского») относится к началу 1030-х годов (условно — 1032 году). Тут же нам открывается картина полноценного по средневековым меркам города — с рынками, церквами, хоромами «властелина», школами, ремесленными мастерскими, воинским гарнизоном. Политическая значимость Курска росла на протяжении XII – XIII веков. К моменту татаро-монгольского нашествия Курское княжество на равных конкурировало со своими сюзеренами — Черниговом, Переяславлем, Новгородом-Северским.

Монгольские завоеватели, сокрушив большинство городов и сел Южной Руси, Курск пощадили. Однако роль политического центра он на время утратил. Его округа на сто с лишним лет перешла под власть Золотой Орды, а с её упадком, в XV веке сюда простерлись границы Великого княжества Литовского. В XVI веке в борьбу за эти земли включается крепнувшая Московская Русь. В 1596 г. в Курске возводится крепость Московского государства, и этот край окончательно возвращается в состав России.

Утратив к началу XVIII века свою пограничную с Диким Полем роль, Курск в Новое время превратился в довольно типичный для глубинной России провинциальный центр, дворянско-купеческо-мещанский по составу жителей, со своими достоинствами и недостатками в культурном отношении. Архитектурную панораму города организовывали храмовые здания — Знаменский и Сергиево-Казанский соборы, Верхняя и Нижняя Троицкие церкви, Всехсвятская церковь на Херсонском кладбище, Никитинский храм и некрополь; здания католического костела и лютеранской кирхи (теперь областная прокуратура); многие другие. Из памятников светской архитектуры сохранились до наших дней так называемые «палаты воевод Ромодановских» (где ныне располагается Курский музей археологии), бывший дом архиерея (областной краеведческий музей), губернатора (городская больница), здание дворянского собрания (гарнизонный Дом офицеров), дворянский театр (кинотеатр имени М.С. Щепкина), губернская управа (бывший дворец пионеров), Народный дом (филармония). Мало-мальски благоустроенный и архитектурно выразительный центр города и ныне прямо соседствует с окраинами, застроенными по-деревенски (бывшие пригороды-слободы — Казацкая, Стрелецкая, Ямская), промышленными и «спальными» районами типовой многоэтажной постройки.

На пространствах Курской губернии (куда до революции входили, кроме нынешних районов, еще Белгородский, Путивльский уезды) роскошные усадьбы дворянской аристократии (Марьино князей Барятинских, Моква графов Не-

лидовых, Воробьевка А.А. Фета и ещё много похожих) уживались здесь с более скромными именами, по сути дачами, и с нищими деревеньками. Живописнейшие пейзажи Среднерусской равнины — лесостепь со смешанными рощами и дубравами, пшеничными полями и яблоневыми садами — перемежаются, к сожалению, свалками мусора, эрозионными оврагами и заброшенными постройками бывших колхозов.

Тысячи богомольцев из Курской и других губерний собирал когда-то крестный ход с Коренной иконой Божьей матери из Знаменского монастыря на Красной площади в Коренную пустынь, где эта икона впервые появилась в XVII веке. Это событие живописно запечатлено на известной картине И.Е. Репина. Их Курска родом преподобные *Феодосий Печерский* (1026–1074), основатель русского монашества и Киево-Печерской лавры; *Серафим Саровский*, в миру Прохор Исидорович Машнин (1758–1838). Оба — одни из самых почитаемых среди православных нашей страны её святых.

В Курске и его округе родились, выросли, жили и работали многие выдающиеся деятели русской науки и культуры. Среди них столь колоритные личности, как *Николай Алексеевич Полевой* (1796–1846), поначалу курский купец, а затем известный писатель пушкинского круга, издатель журнала «Московский телеграф»; опять-таки местный купец, астроном-самоучка *Федор Алексеевич Семёнов* (1794–1860), чьи труды по солнечным и лунным затмениям получили международное признание; корифей русской сцены *Михаил Семенович Щепкин* (1788–1863), с которым дружили многие знаменитые современники, включая А.С. Пушкин, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя; знаменитость русской и парижской эстрады певица *Надежда Васильевна Плевицкая* (1884–1941); художник из Медвенки *Ефим Михайлович Чепцов* (1876–1950), которому его учитель И.Е. Репин завещал: «Не пишите Италию, пишите Курскую губернию»; выдающийся географ и ботаник, профессор *Василий Васильевич Алёхин* (1882–1946), создатель уникального заповедника «Стрелецкая степь»; ученик И.П. Павлова, также великий физиолог *Борис Петрович Бабкин* (1877–1950); талантливый хирург, земский врач-подвижник *Николай Сергеевич Коротков* (1874–1920), изобретатель звукового метода измерения артериального давления, который вошел во врачебную практику во всем мире. Композитор *А.П. Бородин* приезжал в Курск работать над оперой «Князь Игорь» — по здешней Стрелецкой степи пролегал путь на врагов-половцев ее главного героя. В своем курском имении Воробьевке *Афанасий Афанасьевич Фет* (1820–1892) написал чарующие стихи (цикла «Вечерние огни»). Здесь у него охотно гостили Лев Николаевич Толстой, философ Владимир Сергеевич Соловьев, поэт Яков Петрович Полонский. И в дальнейшем, вплоть до наших дней курская земля не оскудела на художественные, научные таланты. Из районного Фатежа начинали Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука) и Георгий Васильевич Свиридов.

19. ИСКУССТВО

Теоретический минимум

1. Происхождение искусства и его значение для жизни людей.
2. Морфология художественной деятельности:
 - а) народное, профессиональное, самодеятельное искусство;
 - б) главные виды эстетического творчества (архитектура, музыка, живопись, скульптура, театр, литература, кино и др.);
 - в) «алхимия» искусства: творец — художественное произведение — публика.
3. Художественный образ и стиль — способы бытия искусства.
4. Реализм, романтизм и модернизм в истории искусства. Сюрреализм, абстракционизм и концептуализм, поп-арт в современном искусстве.
5. Личность и мир художника. Мой любимый автор (музыки, стихов, прозы, живописи, кинофильмов, других произведений искусства).

Литература

Лекция 18.

Борев Ю.Б. Эстетика. М., 2002.

Бычков В.В. Эстетика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

Кривцун О.А. Эстетика. М., 2003

Яковлев Е.Г. Эстетика. М., 2011.

(Или любой другой учебник по эстетике).

Адорно Т. Эстетическая теория / Пер с нем. М., 2001.

Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб., 2000.

Басин Е.Я. Семантическая философия искусства. 4-е изд. М., 2012.

Белый А. Смысл искусства // В его кн.: Символизм как миропонимание. М., 1994.

Вельфин Г. Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве / Пер. с нем. М., 2002.

Воронкевич А. Что такое искусство? М., 2011.

Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.

Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер с нем. М., 1991.

Делла Вольпе Г. Критика вкуса / Пер с итал. М., 1979.

Дьюи Дж. Искусство как опыт / Пер с англ. СПб., 1995.

Искусство и цивилизационная идентичность / Под ред. *Н.А. Хренова.* М., 2008.

Каррьеро К. Потребление и поп-арт / Пер. с итал. М., 2010.

Коллингвуд Р. Дж. Принципы искусства / Пер. с англ. М., 1999.

Кривцун О.А. Творческое сознание художника. М., 2008.

Литвинов А.В. Медицина в литературно-художественном пространстве. 2-е изд. М., 2012.

- Лосский Н.Р.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., 1998.
- Лукач Д.* Своеобразие эстетического. Т. I–IV. М., 1985–1987.
- Маритен Ж.* Творческая интуиция в искусстве и поэзии / Пер с франц. М., 2004.
- Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
- Райнов Б.* Волшебный фонарь / Пер. с болг. М., 1986.
- Рибейро Э.* Мода и мораль / Пер. с англ. М., 2012.
- Столяр А.Д.* Происхождение искусства. Л., 1986.
- Формозов А.А.*
- Францева-Дозорова Е.Н.* Философы и музыка. Ч. 1. От Пифагора до Кеплера. Культурологические очерки. М., 2007.
- Фрейд З.* Художник и фантазирование / Пер с нем. М., 1995.
- Хренов Н.А.* Публика в истории культуры. Феномен ипублики в ракурсе психологии масс. М., 2007.
- Шехтер Т.Е.* Искусство как образ мира. Избранные работы по истории и теории искусства. СПб., 2012.
- Эстетика и теория искусства XX века / Отв. ред. *Н.А. Хренов, А.С. Мигунов.* М., 2005.
- Юнг К.Г., Найман Э.* Психоанализ и искусство / Пер с нем. М., 1996.
- Акимова Л.* История искусства. В 2-х тт. Т. . М., 2012.
- Ванслов В.В.* Эстетика романтизма. М., 1966.
- Власов В.Г.* Стили в искусстве. Словарь. СПб., 1995.
- Герман М.* Модернизм. Искусство первой половины XX века. 2-е изд. М., 2008.
- Грабарь И.Э.* История русского искусства. М., 2010.
- Да Винчи Л.* Суждения о науке и искусстве / Пер. с итал. СПб., 2008.
- Кандинский В.* Избранные труды по теории искусства. В 2-х томах. 2-е изд., испр., доп. М., 2008.
- Кассу Ж. и др.* Энциклопедия символизма. М., 1998.
- Малевич К.* Чёрный квадрат. Манифесты. Декларации. Статьи. СПб., 2008.
- Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб., 2000.
- Энциклопедия романтизма. М., 2001.
- Амфитеатров А.В.* Маски Мельпомены. Ответ начинающему актеру. 2-е изд. М., 2012 (Школа сценического мастерства).
- Аронсон О.* Метакино. М., 2003.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1989.
- Брожик В.* Эстетика на каждый день / Пер с чешск. М., 1986.
- Вайнкоп Ю.Я.* Что надо знать об опере. 3-е изд. М., 2011.
- Гладильщиков Ю.* Справочник грёз. Путеводитель по новому кино. М., 2008.
- Даниэль С.М.* Искусство видеть. О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. М., 1990.
- Делёз Ж.* Кино / Пер с франц. М., 2004.
- Жильсон Э.* Живопись и реальность / Пер с франц. М., 2004.
- Кокошкин К.П.* Городской пейзаж и природный ландшафт. М., 2012.
- Краткий словарь танцев / Под. ред. *А.В. Филиппова.* М., 2007.
- Кудрин О., Болотская Р.* Великие кинорежиссеры мира. 100 историй о людях, изменивших кинематограф. М., 2012.
- Левашов Л.* Лекции по истории фотографии. Нижний Новгород, 2008.
- Миронов А.В.* Философия архитектуры: творчество Ле Корбюзье. М., 2012.
- Мусин И.* Язык дирижёрского жеста. М., 2011.

- Неизвестный Тарковский: сталкер мирового кино / Сост. *Я.А. Ярополова*. М., 2012 (Гении и злодеи).
- Новая история фотографии / Под ред. *М. Фризо*. Пер. с франц., нем., англ. СПб., 2008.
- Нэрмор Д.* Кубрик / Пер. с англ. М., 2012.
- Парандовский Я.* Алхимия слова / Пер. с польск. М., 1989.
- Пог Д., Спек С.* Классическая музыка / Пер. с англ. М., 2002.
- Рэнд А.* Искусство беллетристики. Руководство для писателей и читателей / Пер. с англ. М., 2011.
- Розов Г.* Как снимать. Искусство фотографии. М., 2005.
- Соколов М.Н.* Принципы рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М., 2011.
- Эдрих М.* Загадочная Коко Шанель / Пер. с фр.. 3-е изд. М., 2012.
- Энциклопедический словарь юного зрителя. М., 1990.
- Эткинд Е.* Разговор о стихах. М., 1970.
- Гренлюнд Э.* Танцевальная терапия. Теория, методика, практика. СПб., 2011.
- Декар-Фойгт Г.Г.* Музыкальная терапия. Учебник. Оренбург, 2011.
- Черняева С.А.* Психотерапевтические сказки и игры. СПб. – М., 2011.

Текстологический практикум **Мой любимый автор произведений искусства**

1. Биография творца художественных ценностей — ключ к тайнам его творчества? «Почва и судьба» художника.
2. Основные произведения, их фабулы, стилистические особенности.

Тематика рефератов

Трактат «Поэтика» Аристотеля.
 Образ и символ как эстетические категории.
 Метафора — духовная субстанция искусства.
 Мимезис и катарсис в теории эстетики.
 Значение канона в искусстве.
 Диалектика формы и содержания в произведении искусства.
 Стил и художественная манера в искусстве.
 Трактат «Лаокоон» Г.Э. Лессинга.
 «Критика способности суждения» И. Канта.
 Х.-Г. Гадамер о соотношении игры и искусства.
 «Доктор Фаустус» Т. Манна о трагической судьбе творца.
 «Игра в бисер» Г. Гессе как эстетическая модель.
 Понятие художественной правды в искусстве по сравнению с категорией истины.
 Сюрреализм и психоанализ.
 Авангард, модерн и концептуализм: смена художественных открытий.
 Искусство как текст в философии постмодерна.
 Артхауз и мейнстрим в кинопроизводстве наших дней.
 Искусство в эпоху компьютеров: новые утраты и достижения.
 Мода высокая и массовая: эстетические аспекты.
 Эстетика бизнес-рекламы: слоган, видеоклип.

Конспект

Понятие искусства сочетает в себе (как это часто происходит с такого рода философскими категориями) *два основных значения* — *широкое* (упрощённое, повседневное) и *узкое* (собственное, научно-философское).

В исходном, расширительном своем значении слово «искусство» означает *особое мастерство*, проявленное кем угодно где бы то ни было; любую форму человеческой деятельности, которая осуществляется весьма умело, совершенно как в технологическом плане (полезно, удобно, выгодно), так и в плане внешнем, эстетическом (выразительно, красиво, «играючи»). Так, о мастере своего дела (любого) говорят, что он трудится артистично, результаты его труда выглядят красиво. Связь функциональной полезности с красотой не случайна, а глубоко закономерна. Уродливое, дисгармоничное изделие, произведение, как правило, не слишком эффективно на практике.

Соответственно надо понимать и слово «**эстетика**» (от греч. *aisthetikos* — чувственно воспринимаемый, созерцаемый). В *общем* плане эстетикой мы называем красоту, выразительный внешний вид чего угодно (природного пейзажа, дизайна жилища, внешности человека, стильной одежды и т.д.). Восхищение передают жаргонизмы вроде «класс», «шик», «блеск» и т.п. с восклицательными знаками. А в *специальном* смысле эстетика — это философская наука, трактующая каноны красоты, законы художественного творчества в искусстве. Слово «эстетика» придумал немецкий философ А. Баумгартен (1714–1762) в XVIII в., однако учения о прекрасном, об искусстве разрабатывались философами с древности до наших дней.

Итак, эстетично то, что относится к чувству прекрасного (и, конечно, его антипода — безобразного), прочим определениям художественности, гармоничности. Главное понятие в этой области — красота. Среди важнейших категорий эстетики, кроме прекрасного и безобразного, — возвышенное и низменное, трагическое и комическое, прозаическое и поэтическое, эпическое и лирическое, грациозное, идиллическое, комическое и многие другие, т.п.

В древности, у греков и римлян всякое умение — в ремесле, домашнем хозяйстве, политике, искусстве и любом другом роде деятельности обозначалось одним и тем же словом: греческое *techné* — искусство, мастерство; отсюда — *техника* в широком смысле умения (желательно виртуозного) выполнять любую работу (строить, играть на музыкальных инструментах, заниматься спортом и т.п.); латинское *ars* — искусства (делать что-то лучше всех); отсюда французское *artiste* — артист, мастер своего дела (например, искусный врач, умелый ученый-экспериментатор, авторитетный педагог и т.д.; даже обманщик — в ироническом смысле («Ну, ты артист!»)).

В собственном, конкретном смысле этого же слова «искусство» оно означает *творчество художественных ценностей*, особую — эстетическую деятельность. В этом смысле искусство образует целый раздел духовной культуры, который не сводим к остальным ее областям (религии, морали, науке, прочим), хотя и тесно с ними взаимосвязан. Художественное творчество на стадии цивили-

лизации становится профессией, одной из многих, более или менее уважаемых в обществе, но любому обществу необходимых ради его душевного, нравственного здоровья. Художником мы называем не только живописца, но и любого деятеля искусства, творца художественных ценностей. Помимо массового, народного творчества, искусство чем дальше, тем больше творится, создается усилиями профессиональных певцов, писателей, актеров, режиссеров, архитекторов, дизайнеров и т.п. художников слова, звука, ритма, цвета, пропорции. Все они художники и составляют особую «породу» людей, которые чем-то отличаются от остальных, но в силу этого своего отличия (душевного, умственного) могут лучше всех понять и выразить природу человека, его надежды и чаяния. По той роли, которую художник играет в обществе, можно судить об уровне культурного развития этого общества.

Искусство возникает вместе с человеком и обществом, уже в древнем каменном веке первобытной истории. Способность воспринимать и творить прекрасное — одно из отличий Homo sapiens'ов по сравнению с животными. Ни одно животное не носит амулетов. Не украшает своего жилища. Не тратит времени на созерцание красивых пейзажей, закатов, кристаллов и т.п. образцов изящного вокруг себя. Напротив, самые дикие люди в далёком прошлом и настоящем как-то украшают себя и свои дома. Без искусства люди никогда не могли обойтись. Более того, гораздо успешнее выживали, лучше приспособивались к опасной и меняющейся природе, как видно, те коллективы наших далёких предков, которые находили возможность в промежутках между тяжёлым трудом и пассивным отдыхом заниматься искусством. Эти занятия поощряли развитие интеллектуальных и нравственных качеств первых людей, способствовали проявлению самосознания на последних этапах их биологической эволюции. С помощью искусства человек как бы бросает вызов природе и другим людям, сигнализируя с помощью того или иного художественного образа: я намерен жить, я хочу жить лучше, я буду бороться за жизнь, я могу побеждать в этой борьбе! Такова глубинная семантика букета цветов, ювелирного украшения, песни, стильной прически, татуировки, броской одежды и тому подобных начальных проявлений художественности в повседневной жизни.

Первоначально проявления искусства были целиком заключены в *трудовую деятельность* и в *магическую практику*, направляемую мифологией. В роли резчиков по кости, живописцев, музыкантов, артистов выступали многие члены рода, племени, общины. К результатам их художественного творчества приобщались все соплеменники во время коллективных обрядов, совместного труда и досуга. Самые ранние дошедшие до нас проблески искусства — это *гравированный орнамент* на орудиях труда древних людей и *отпечатки ладоней*. Затем появились *рисунки животных* на стенах пещер, которые они посещали для заклинаний и прочих обрядов. Как видно, на первом плане здесь стояла не собственно эстетика, но утилитарная выгода и вера в духов. А именно, рукоятку орудия или оружия с насечкой надёжнее захватывать ладонью; пещерные «фрески» с изображениями мамонтов и бизонов — никакая не кар-

тинная галерея, а своего рода «наглядные пособия» для процедуры посвящения юношей во взрослые охотники и воины. Ведь эти рисунки расположены в самых неудобных для рассматривания местах глубоких, тёмных пещер; они сплошь и рядом накладываются друг на друга. Для совершения каких-то религиозных обрядов служили и первые скульптуры первобытных людей — так называемые «палеолитические венеры» и прочие образцы мелкой пластики, изображающие мамонтов и прочих зверей. Их находят в хозяйственных ямах, очагах прямо на площадках стоянок охотников на мамонтов и других представителей древнейшей фауны вперемешку с кухонными остатками.

По данным этнографии можно заключить, что музыка и пение задавали ритм долгой и монотонной работе (собираанию полезных растений, прядению и ткачеству, гребле и тому подобным). Сравним русскую народную песню «Дубинушку», которую певали бурлаки, чтобы выдержать запредельные физические нагрузки). Коллективные пляски давали разрядку после психофизиологического напряжения опасного труда, настраивали на его продолжение или на военные действия.

Петербургский археолог *Абрам Давыдович Столяр* предложил оригинальную *теорию происхождения изобразительного искусства* через следующие стадии:

- *натуральное творчество* — начальная, эмбриональная стадия вызревания эстетического эффекта, когда первобытные охотники периода нижнего палеолита представляли образ зверя — желанного трофея или же предка-покровителя рода путём накопления наиболее выразительных частей добытой туши — *трофеев* (когтей, клыков в ожерелье; черепов и лап в специальных хранилищах, в глубинах высокогорных пещер);

- *натуральный макет* — того же самого зверя, от туши которого сохраняют голову с куском шкуры, используя их в качестве мишени при совершении магических обрядов, в особенности инициаций-посвящений юношей; для имитации зверя его туловище моделировалось из глины или подходящих по форме камней; таким образом, фигура зверя становилась его искусственным символом, собирательным образом; стоило на каком-то этапе подобной магической практики заменить натуральную шкуру ее грубым *глиняным изображением*, получалось уже собственно произведение скульптурного искусства;

- *глиняный период* рождения изобразительного искусства предполагал переход от объёмной скульптуры-макета туловища медведя или тигра к его же рельефному изображению на скальной поверхности пещеры, облепленной для этой цели глиной по контуру туши зверя; сначала такие макеты зверей прислонялись к стене, затем они превратились в грубый налест-*барельеф*; уплощение такого барельефа привело к такому логическому результату, как прочерченный по глиняной поверхности *линейный контур* — так родился *рисунок*; его усовершенствование и раскраска с помощью минеральных красителей (сажи, охры, мела, киновари, мочи) породили доисторическую живопись, которая отличалась поначалу удивительным реализмом.

Как образно подытоживает процесс рождения изобразительного искусства А.Д. Столяр, «звери ушли в стену». Труд и магия породили эстетический символ, который затем зажил своей собственной жизнью в сознании и поведении людей. Похожим образом вызревали другие жанры искусства, матерью которых стала религия, а отцом — труд. Религия дала искусству идею, духовное наполнение, а труд — материальные формы, зримое выражение.

Учитывая начальные стадии **искусства**, легче понять его глубинное **предназначение**. Культурные задачи направлены в диаметрально противоположные стороны и потому уравнивают друг друга. В этом ракурсе — имея в виду, какие человеческие потребности искусство удовлетворяет — все его проявления, жанры, произведения можно поделить на две основных группы (согласно теории известного русского антрополога Якова Яковлевича Рогинского).

Искусство-образ представлено в первую очередь *зрительными* жанрами (живописью, графикой, скульптурой, архитектурой и т.п.) и жанрами *словесными* (литературой — поэзией, прозой, драматургией и т.д.). Их конечное предназначение — обновить, *освежить наши впечатления*, стёршиеся, потускневшие от многодневного повторения; внести бодрящую *аритмию* в устоявшийся строй мыслей и чувств личности; взволновать, потрясти душу. Большинство людей большую часть своей жизни делают одно и то же в одном и том же месте в одно и то же время. К этой повседневности поневоле привыкаешь и рано или поздно она надоедает, её просто перестаёшь замечать. А вместе с литературными, театральными, кинематографическими героями читатели, зрители, слушатели переживают сильные страсти, рискуют, переносятся воображением в чудесные обстоятельства. Тем самым *искусство сражается против извечной скуки* людского бытия, с тоской постоянного повторения одного и того же. Оно развлекает, прочищает сознание от «пыли и грязи» повседневности, возвышает человека над нею. Искусство даёт человеку возможность прожить не одну, а много жизней, пускай и только воображаемых. Узнать многое из того, чего ему узнать было, казалось, совсем не суждено судьбой. Художественное произведение — настоящая «машина времени и пространства» для своей публики. «Кто тропку к двери проторил / К двери, засыпанной крупой / Пока я с Байроном курил / Пока я пил с Эдгаром По...» — искренне недоумевал Борис Пастернак. И риторически спрашивал у читателей: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?..»

Другие виды художественной деятельности можно вместе назвать *искусство-ритм*. Сюда относится в первую очередь музыка, а кроме нее ритмические структуры изящной словесности (поэзии), гармонические стороны изобразительного искусства, «рисунки» танца (хореография). *Понятие ритма* предполагает упорядоченное чередование некоего набора стандартных элементов. В искусстве это звуки, краски, телодвижения (па), слоги рифмованной речи. Их общая сверхзадача прямо противоположная искусству-образу — преодолеть одиночество индивида, чувство отчуждённости от окружающих, заброшенности в огромном мире. Вернуть его сюда, оставить здесь и сейчас, удержать от мало-

душного бегства в никуда, спасти от душевной катастрофы. Эстетика ритма подпитывает психику жизненной энергией. На ритмической волне звуков, линий, красок, душа удобно лежит, как на прочной и мягкой опоре. Ритмы искусства помогают *преодолеть аритмию жизни, её дисгармонию* в виде неизбежных страхов, разочарований, утрат. Незримой опорой душе служит знакомая, любимая мелодия. Отвага поддерживается боевым кличем, громкой песней. Как личность, никем неповторимая и ничем незаменимая, человек выражает себя в танце.

Между искусством-образом и искусством-ритмом имеется своеобразный резонанс, они дополняют и усиливают друг друга в борьбе за душу человека. Во многих произведениях искусства они образуют синтетические комплексы (таков, скажем, театральный спектакль; кино-, телефильм с его звуко- и цветорядом; песня с поэтическим текстом и оригинальной мелодией; продуманный дизайн помещений разного назначения; тому подобные роды искусства).

Более подробно (но и более поверхностно, частично, надо признать) назначение искусства раскрывается через перечень его функций. **Функции искусства** можно называть по-разному и расставлять в разной последовательности. Скажем, так:

- *гедонистическая* — развлекательно-игровая, досуговая, релаксивная; с помощью искусства люди прежде и больше всего получают эстетическое удовольствие (греческое *hedone* — наслаждение); хоть на время, но полностью отвлекаются от надоевших сторон быта, неизбежных страданий, конечного абсурда жизни; именно благодаря искусству мы можем хоть как-то победить, отогнать чувство одиночества, страх утраты, ощущение бессмысленности своих жизненных усилий; пережить настоящие, сильные чувства, но без риска для себя лично; нельзя же всё время трудиться да спать, остается больше или меньше свободного от труда и пассивного отдыха времени и без искусства его никак не заполнить; искусство — островок бессмертия и счастья в океане смерти и горя;

- *познавательная (интеллектуальная)* — именно искусство помогает нам гораздо лучше и быстрее науки или религии понять мир и, главное самих себя, осознать свое место в мире; искусство не столько анализирует (как наука) отдельные слагаемые действительности, сколько моделирует ее цельно и непосредственно; в детстве и юности в особенности нет других путей в чужие страны, новые миры, минувшие эпохи, будущее, как чтение беллетристики, встречи с кино, театром, другими жанрами искусства;

- *педагогическая, нравственная* — настоящее искусство так или иначе воспитывает, помогает сделать выбор жизненного пути, поддерживает на этом пути, ведь в лице литературного героя, живописного полотна, музыкальной мелодии, т.п. художественных образов люди получают эталон поведения, шкалу нравственных ценностей, идеал жизни; у кого-то это будет Гамлет, принц Датский, или Анна Каренина, у кого-то хоббит Бильбо Бэггинс или ведьмак Геральт из Ривии, даже «просто Мария» из американского сериала или какой-нибудь Брюс Уиллис, но всё равно получается образ-ориентир; нам хочется

быть хоть немного похожим на своего кумира, созданного фантазией художника;

- *социокультурная, этнознаковая* — национальное искусство способствует сплочению народа, поддержанию его социально-психологического единства; традиции фольклора выражают взаимосвязи между отдельными поколениями соотечественников; знакомство с искусством других народов позволяет им лучше понять и принять друг друга. Так, русские — это нация Пушкина и Чайковского, Толстого и Достоевского, Репина и Кустодиева, Станиславского и Улановой, очень многих других всемирно известных художников.

В целом, можно сказать, что именно искусство в наибольшей степени выражает активность человеческого разума, глубины и извивы людской души. Природа создала человеческое тело. Оно существует сравнительно короткий промежуток времени, подвержено страданиям и болезням. До и после смерти тело распадается обратно на химические элементы и уже навсегда. Человек с помощью искусства преодолевает ужас тела, возвышается над низменностью своей биологической природы. Самому телу искусство задает канон его красоты. Наша фантазия творит новый, может быть вечный мир эстетики. В истории искусства ведь по сути нет прогресса. Новые шедевры отнюдь не перечеркивают прежних. Каждая эпоха, каждый народ выражают себя в искусстве по-своему. Художественные образы неподвластны времени, смерти и тлению. Создавая произведение искусства и воспринимая его, мы вырываемся из тисков необходимости. Искусство — барьер на пути всего того, что норовит отбросить человека обратно в мир животных, неуправляемых природных стихий, железной необходимости космоса. Микрокосм человеческой души, поскольку он свободен в своём выборе, живет по законам искусства.

Художественный образ — исходный элемент любого произведения искусства, специфический для него способ мышления и общения с публикой. Можно сказать, что образы составляют тот особый язык, на котором художник говорит с музой и с аудиторией. Так, образом в словесном искусстве чаще всего выступает действующее лицо литературного произведения, а также его поступки, взгляды, характер. Звуковые образы, представленные музыкой или пластические образы танца, рождаются из их темпа, мелодии, ритма. Зрительные образы изобразительного искусства наглядно запечатлевают тот или иной внешний срез бытия.

Сущность художественного образа — в его ассоциативности, метафоричности, иносказательности. В нём всегда что-то одно выражается через нечто другое. Мысль выражается художником через чувство, а чувство — через мысль. Если мысль выражается напрямую, то это не художественный образ, а научное понятие, практическое суждение, религиозная заповедь. Если эмоции выплескиваются спонтанно, без эстетической обработки, налицо обыкновенное общение, при котором художественность находится, как правило, на заднем плане. Искусство — это отнюдь не чистое стекло и даже не линза микроскопа или телескопа, которая передает только то, что есть в данный момент перед на-

блюдателем на самом деле. Искусство можно сравнить с разноцветным многогранным кристаллом, сквозь который жизнь видится зрителю волшебным преобращенной. Художник не должен копировать жизнь, его задача — пересотворить естественное бытие природы, человека, общества по законам эстетики.

Структура художественного образа объединяет несколько типичных слагаемых:

- ЧТО? мы показываем, демонстрируем, сообщаем этим произведением — какие-то реальные впечатления от конкретных вещей, лиц, обстоятельств, более или менее «настоящих»; они образуют сюжет произведения;

- ЗАЧЕМ? автор создал это произведение — какую идею, настроение, мечту он в него вложил и зашифровал внешним, наглядным, событийным слоем предыдущего элемента образа;

- КАК? именно этот автор в данном произведении передал избранный материал (авторская *манера*); в каком *стиле* целого направления или периода эволюции искусства выполнено это произведение (более или менее реалистично или абстрактно; масштабно, публицистично или камерно, лирично; т.п.).

Важнее всего в искусстве — *как*, а не *что* и не *зачем*.

Отличия художественного образа раскрывают нам природу искусства, законы того эстетического мира, в котором оно только и может существовать.

1. *Наглядность* художественного образа отличает его от научного понятия или практического рецепта, других форм культуры. Если наука разлагает свой предмет на элементы, то произведение искусства сохраняет единство лиц и предметов, взятых с их внешних, чувственно-воспринимаемых сторон. Эстетика требует выразительности, красочности, полноты впечатлений. Согласно Гегелю, образ в искусстве «стоит посередине между непосредственной данностью органов чувств и принадлежащей области идеальной мыслью»; он представляет «в одной и той же целостности как понятие предмета, так и его внешнее бытие».

2. *Ассоциативность* отмечена выше как ключевое отличие художественного образа от иных способов мышления. Наглядный символ резонирует чувство (как в народных песнях: «Догорай моя лучина...» — жизнь уподобляется тлеющему огоньку, смерть — гасит огонь жизни; «На муромской дороге стояли две сосны ...» — деревья служат символом двух влюбленных людей; «гори гори, моя звезда» — как талисман чьей-то судьбы, жизни; «хризантемы в осеннем саду» романа символизируют увядающую красоту женщины, уход чувств; и так далее). Сама поэзия сравнивается со звуками флейты (М.В. Ломоносов), «колоколом на башне вечевой» (М.Ю. Лермонтов), острым клинком (А.С. Пушкин, В.Я. Брюсов), певчей птицей (Э. Багрицкий), музыкой души (Б.Л. Пастернак), корабликом на шпилье адмиралтейства (И.А. Бродский) и разными прочими аллегориями.

Искусство рождается из фантазии художника и предполагает ответное пробуждение воображения читателя, зрителя, слушателя. В этом плане А.П. Чехов советовал начинающим писателям описывать пейзаж не целиком, не подробно, а через какую-то одну, предельно выразительную деталь. Например, картина ночи в рассказе: лунной, звездной порой в тёмной гряде плотины блестело горлышко разбитой бутылки... Прямой пересказ убивает впечатление от худо-

жественного произведения. Скажем, такой сюжет: муж вернулся из командировки и узнал, что жена в его отсутствие изменила ему с офицером. Он забрал у нее ребенка и подал на развод, а она покончила собой от горя (Сюжет «Анны Карениной»). Искусство начинается с преобразования действительности, когда простое превращается в сложное, а сложное в простое, соединяется вроде бы несоединимое. Допустим, тот же Каренин доверяет свою семейную трагедию преуспевающему адвокату, в расчете на его юридическую помощь при разводе с Анной, а юрист посреди их разговора начинает ловить моль, опасаясь за персидские ковры в своем шикарно обставленном кабинете. Так министр Каренин на собственном опыте познает бездушные бюрократической системы.

3. *Синтетичность* художественного образа, который соединяет в себе мысли, эмоции, волю. К примеру, рассказы Л. Толстого «Хаджи Мурат», О. Генри «Как истый кабальеро», Эрнеста Хемингуэя «Старик и море», Аллана Маршала «Последний дюйм», Варлама Шаламова «Последний бой майора Пугачева», Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» описывают реально бывшие случаи, когда обречённые на гибель люди боролись до конца, который оказывается непредсказуемым. В одних случаях — победа, в других — поражение, в третьих — такая победа, после которой не хочется жить, в четвёртых еще какой-то вариант судьбы. Сообщая какую-то информацию, произведение искусства одновременно делится переживаниями и учит жить дальше. Названные слагаемые должны находиться в гармонии, иначе эффект художественности пострадает от лишней прозаичности, плаксивости или назидательности.

4. *Многозначность* художественного образа доходит в классическом идеале до его неисчерпаемости. По словам Платона, каждый читатель берет из поэм Гомера то, что он в состоянии взять, захочет получить. Великое произведение искусства исчерпать нельзя. Именно поэтому мы возвращаемся к определённому кругу произведений на протяжении жизни неоднократно. В разном возрасте, в разном настроении мы поймем, переживем это произведение (роман, симфонию, стихотворение, картину) различно.

Автор художественного произведения оставляет в нём поле для творческого сотрудничества, практически соавторства с читателем, зрителем, слушателем. Отсюда так называемые открытые концы многих романов, фильмов, когда фабула обрывается на середине очередного действия и публика вынуждена сама додумывать, что стало с героями. У швейцарского писателя Ф. Дюрренмата есть сюжет под названием «Авария», который он представил в трех видах — рассказа, радиопьесы, театрального спектакля. У персонажа — торгового агента ломается автомобиль и он вынужден заночевать в деревне, где попадает в гости к пенсионерам-юристам, которые за праздничным ужином играют в настоящий суд над своими гостями. Во всех трёх вариантах концовки разные: неожиданно осуждённый герой то вешается под утро в своей комнате, то спокойно уезжает на отремонтированном автомобиле, то попадает в автокатастрофу из-за неисправных тормозов (случайность? Исполнение приговора?). В фильме Стенли Крамера «Принцип домино», вполне голливудском по стилистике боевике, последние кадры изображают главного героя, победившего всех своих врагов, в перекрестье оптического прицела. Результат выстрела оставлен режиссером за кадром.

5. *Автономность* художественного образа предполагает его развитие по законам соответствующего жанра, соответствие художественной правде, а не прихоти автора или публики. А.С. Пушкин писал в частном письме о ходе рабо-

ты над «Евгением Онегиным»: «Вот так штуку выкинула моя Татьяна! Вышла замуж...» Онегин — литературный двойник самого Пушкина, но логика поэмы приводит его к жизненному поражению. Выразительный герой живет как бы собственной жизнью, становится самостоятельным явлением общественного сознания. Так, образы Гамлета, Дон Кихота, Растиньяка, Джингля, Энди Такера, Швейка, Остапа Бендера и многих других персонажей стали нарицательными, перешли в фольклор.

6. *Концептуальность* образа в искусстве предполагает некую общую идею, важный вывод, серьезное размышление автора, выраженное через характеры и поступки его героев, другими эстетическими средствами. Искусство создает *художественные типы*, с помощью которых мы глубже понимаем людей, общественные явления, ход истории. Через отдельное истинный художник познает, проявляет общее; благодаря части охватывает целое; за случайным видит закономерное, сущностное, вечное. Скажем, недостатки той или иной социальной системы лучше всего выражены не экономистами или социологами, не политиками оппозиции, а писателями-реалистами. Так, пороки раннего капитализма блестяще продемонстрировали О. Бальзак и Ч. Диккенс, В. Гюго и Стендаль, О. Генри и Т. Драйзер. А о страшных преступлениях советской власти мир узнал из таких романов, как «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына, «Жизнь и судьба» Л. Гроссмана, «Белые одежды» В. Дудинцева, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Верный Руслан» Г. Владимова и некоторых других запрещённых когда-то в нашей стране произведений.

7. *Оригинальность* — обязательное условие художественности. Искусство обязано быть всегда новым, хоть чем-то непохожим на все прежние свои достижения. Пока автор не обрёл собственный почерк, не придумал свой стиль письма или исполнения, искусство не признает его как настоящего автора. Вторичность, зависимость от чужих шедевров противопоказана художнику, как и бесконечное самоповторение.

8. *Условность* искусства подчеркивает его субъективный характер. Образы искусства не претендуют стать реальными объектами, они исключены из физического пространства и времени; они принадлежат к иллюзорному миру художественной фантазии. Искусство во многом носит характер игры — автора и публики со смыслами и образами. У этой игры, каждого из её жанров свои правила. Если их не знать, то и радости эта игра не доставит.

Художественный метод представляет собой те выразительные средства, с помощью которых автор создает свои произведения. *Как* художник выражает себя в творчестве, *какую цель* перед собой ставит, *насколько* изменяет он пропорции известных средств художественного выражения. Художественный метод задает тематику и стилистику произведений, создаваемых в его рамках любым видом искусства. В соответствии с тем, каково отношение художественного произведения к реальной действительности, различаются несколько весьма распространенных в истории искусства методов творчества.

Классицизм (от латинского *classicus* — образцовый) — эстетическое направление, процветавшее в европейском искусстве XVII – начале XIX веков, и

обращённое к приукрашенным образцам античной культуры Греции и Рима как идеальному эталону. Представители классицизма в живописи, театре, поэзии ставили разум выше чувства, гармонию предпочитали хаосу, старину — новизне, общественное — личному. В духе классицизма написаны оды Михаила Васильевича Ломоносова и Гаврилы Романовича Державина, полотна Карла Брюллова, комедия Дениса Ивановича Фон-Визина.

Возродить классицизм в искусстве стремились тоталитарные режимы XX века — поздний царизм в России, фашизм в Италии, нацизм в гитлеровской Германии, сталинизм в СССР, чтобы за пышным, величественным фасадом своей архитектуры, скульптуры, живописи спрятать горы трупов убитых ими граждан своих и чужих стран, восславить своих фюреров, дуче и генеральных секретарей. Идеи торжества своей нации, огромной и сильной империи привлекали к себе многих гениальных художников. Не случайно на Гитлера работали Лёни Рифеншталь и Мартин Хайдеггер, а на Сталина — не только Шолохов, но и Пастернак. Разочарование в тоталитаризме пришло для них только после его краха.

Романтизм (французское *romantism*) выразил в литературе и искусстве разочарование классицизмом; выдвигал на первый план отдельную личность, бунтующую против общества, жертву общественных условностей; пристально рассматривал индивидуальность и её идеальные устремления. Художник романтической складки ставит героев в исключительные, контрастные ситуации, вплоть до изгнания из общества, бегство на лоно природы. Соответствующие произведения отличаются красочностью описаний, экзотичностью фона, напряженным сюжетом, бурными проявлениями чувств. В целом, романтизм подчинял реальность мечте, идеализировал действительность. В России этот стиль отразился в стихах раннего А.С. Пушкина, поэмах М.Ю. Лермонтова, стихах декабристов, балладах В.А. Жуковского, лирике Ф.И. Тютчева.

Романтизм бардовской песни в СССР 1950-х – 1980-х гг. (Михаил Анчаров, Юрий Визбор, Александр Галич, Владимир Высоцкий, Булат Окуджава, Юлий Ким, Леонид Сергеев и некоторые другие) выражал пассивный протест против несвободы при советской власти, мечту о свободе, которая всегда актуальна.

Символизм (от греческого *symbolon* — знак, символ) — литературно-художественное направление конца XIX – начала XX веков, целью которого было углубить понимание искусством действительности до её идеальных сущностей, высшего предназначения человека, трагической судьбы людей. Через отдельные образы поэзии, театра, живописи символисты стремились выразить Истину, Красоту, Любовь как всемирные, космические начала. Они пророчили грядущую катастрофу и обновление, ждущие человечество. Акцент у них на интуиции художника и читателя, зрителя. Их тексты полифоничны, ритмы напевны, краски размыты. В России символизм принес наибольшие плоды в поэзии Александра Блока, Андрея Белого, Валерия Брюсова, Константина Бальмонта, Фёдора Сологуба, Иннокентия Анненского; театре Всеволода Мейерхольда, постановках пьес Мориса Метерлинка, Генрика Ибсена, Леонида Андреева в Мо-

сковском художественном (академическом) театре (МХАТе) Константина Станиславского и Владимира Немировича-Данченко.

Реализм (латинское *realis* — вещественный, действительный) — изображение жизни в достаточно близких ей самой формах, без фантастических преувеличений; когда типизация действительности осуществляется во вполне конкретных, индивидуальных образах и лицах. Вымысел в реалистических произведениях подчинен художественной правде. Таково, скажем, творчество классиков русской литературы — А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.И. Гончарова, А.П. Чехова и многих их единомышленников по эстетической части.

«Социалистический реализм» советских писателей-лауреатов М. Шолохова, А. Фадеева, К. Симонова, Ю. Бондарева и прочих служителей коммунистической партии потерпел художественных крах. Их произведения не смогли пережить своего времени, потому что скрывали правду о нём, отличались лобовой атакой на читателя, зрителя, которая противопоказана подлинному искусству.

Модернизм (французское *moderne* — новейший, современный) — в литературе и искусстве начала XX века совершил восстание против принципов реализма. Не внешний мир, реальный ход событий, а поток сознания героя, его сумбурный, хаотичный внутренний мир в центре внимания таких авторов, как Марсель Пруст, Франц Кафка, Джеймс Джойс, Томас Манн, Альбер Камю, Герман Гессе и многих других в том же роде. Модернисты отрицают достижимость нормы и заняты вечной патологией жизни. Их интересуют пограничные между жизнью и смертью состояния героев. Те погружены в абсурд жизненных обстоятельств, обречены потерпеть поражение в борьбе с обществом. Текст произведения сводится к внутреннему монологу героя. Грань между явью и сновидением зыблется. Время художественного произведения течет в обратном порядке — сиюминутные впечатления героев перемежаются воспоминаниями.

В целом искусство модернизма предвосхитило и отразило небывалый трагизм XX века с его мировыми войнами, геноцидом, тоталитарными режимами власти, приближением экологической катастрофы, прочими глобальными угрозами человечеству. Так лучшие произведения модернизма становятся со временем классически реалистичными.

Сюрреализм (буквально: сверхреализм) — крайний модернизм, не оставляющий надежды на сохранение каких-то определённых ценностей перед лицом жестокости и смерти, отрицающий смысл ради абсурда. Авангардистское направление в литературе, живописи, скульптуре, театре, возникшее на рубеже XIX–XX веков. Своего рода эстетический психоанализ, когда с помощью художественных образов делается попытка выразить подсознательные движения души авторов и их героев. Таковы картины Сальвадора Дали, фильмы Леона Бюнюэля и Андрея Тарковского, стихи Гийома Аполлинера и Лотреамона, пьесы Эжена Ионеско, Жана Ануя, Самуэля Беккета и похожих по вычурности авторов, которые ставят своей целью шокировать публику во что бы то ни стало, создать небывалое и практически невозможное сочетание образов, привести

любой смысл к абсурду (ср. горящий жираф и прочие знаменитые картины Дали; пьесу Ионеско «Лысая певица» и многие т.п.). В сюрреализме извечная тяга искусства к оригинальности достигает своего высшего проявления и как всякая экстремальность не может быть постоянной, массовой. Впоследствии это течение занимает место перешедшего в классику модерна.

Поп-арт (т.е. популярное искусство) — эстетика массовой культуры. Её произведения в живописи, музыке, дизайне доступны и понятны всем желающим, без особой подготовки и личных усилий; поэзия, театр, литература просто невозможны на этом уровне упрощения и демократизации художественных ценностей. Возможны только эстрада, «криминальное чтение», телесериалы-«мыльные оперы» и т.п. псевдоэстетические «продукты массового спроса и потребления». Авторское начало тут уступает место подражательности, художественные образы упрощаются до предела, теряя большинство своих качеств. Артисты спешат удовлетворить самым пошлым, низменным вкусам публики, завоевать успех во сто бы то ни стало, зачастую обделенные от природы музыкальным слухом, голосом и особенно творческой фантазией. Романы Пикуля и Марининой, песни А. Пугачевой и какого-нибудь Леонтьева, индийские фильмы, живопись Шилова и К. Васильева, «театр» большинства телесериалов и «писателей-сатириков» — вот образцы «попсы» или кича (нем. Kitsch — безвкусница, дешёвка) в искусстве нашей страны. Ещё больше заражено кичем американское искусство («жизнерадостный идиотизм» большинства фильмов — лауреатов премии Оскара). Большая часть публики всегда потребляла и будет потреблять эти *суррогаты искусства* с пользой для себя. Ведь более сложное искусство требует учёбы, а затем усилий для своего восприятия. У большинства народа нет времени и сил после тяжёлой работы на такие усилия. Поэтому к массовому искусству стоит относиться снисходительно. Каждый вправе выбирать зрелище по собственному вкусу. Не надо только путать пассивный отдых у телевизора или на эстрадном концерте с настоящим искусством.

Абстракционизм (лат. abstractio — отвлечение) или же *концептуализм* (лат. conceptus — мысль, понятие) — искусство, в котором форма заменяет собой содержание произведения. Художественные идеи при этом выражаются более или менее свободно от материального воплощения. Такое направление возникло в живописи, скульптуре и графике XX в., когда ряд художников отказался изображать реальные предметы и явления, более или менее условно передавая их с помощью геометрических форм, цветовых пятен и случайных линий. Надо иметь в виду, что и Пабло Пикассо, и Казимир Малевич, и прочие самые известные абстракционисты, могли рисовать и рисовали вполне реалистичные пейзажи, портреты, натюрморты. Однако своё понимание XX века они не могли выразить иначе, как художественными абстракциями. «Прощая мой век, боль и отрада, — писал А. Вознесенский, — спасенье в круге, говорят. / Дорогу чёрному квадрату / Круг вписывается в квадрат...» Эта известная картина Малевича возникла едва ли не случайно — при оформлении декораций к опере «Князь Игорь» художнику требовалось показать на сцене солнечное затмение. На заднике было нарисовано жёлтое солнце, на которое и был наложен чёрный квадрат. Если сейчас присмотреться к авторским копиям этой картины, то

из-за трещин чёрной краски проглядывает светлая подкладка. Каждый из зрителей может додумать свой собственный смысл, разные догадки о нём.

* * *

Как видно, искусству противопоставлено единообразие. Жизнь искусство — постоянное продолжение игры в самые разные образы жизни, такой, какой она была, есть или будет, а может быть, и такой, какой ещё никто, кроме художника, её не воображал.

Приложение

Антон Райков *

Незнайка

... Давайте попробуем сделать Незнайку объектом философско-критических рассуждений и посмотрим, что из этого всего выйдет. В конце концов, в этом и состоит главный интерес в любой вообще деятельности: посмотреть — что из этого всего выйдет.

Знакомство. ... Сказочный детский персонаж, коротышка. Главный герой знаменитой детской трилогии «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка в Солнечном городе» и «Незнайка на Луне». Главный герой — это уже что-то. Просто так не станешь главным героем. Впрочем, уже знакомство с этим персонажем многое объясняет нам: «Но самым известным среди них был малыш по имени Незнайка. Его прозвали Незнайкой за то, что он ничего не знал. Этот Незнайка носил яркую голубую шляпу, жёлтые, канареечные брюки и оранжевую рубашку с зелёным галстуком. Он вообще любил яркие краски. Нарядившись таким попугаем, Незнайка по целым дням слонялся по городу, сочинял разные небылицы и всем рассказывал». А чуть позже мы получаем ещё одну яркую характеристику: «Если Незнайка брался за какое-нибудь дело, то делал его не так, как надо, и всё у него получалось шиворот-навыворот». ...

Незнайка как «проклятый поэт». Вообще, приключения Незнайки начинаются с того, что он пытается обрести себя в творчестве. ... Самым общим образом содержание его творчества можно охарактеризовать как неконформистское, реакцию же мира — именно как реакцию на подлинно неконформистское искусство, а это есть почти непременно реакция враждебная. Как мы все прекрасно помним, Незнайка последовательно был музыкантом, художником и поэтом.

Наиболее банально дело обстоит с его попыткой стать музыкантом. Вполне можно согласиться с автором (то есть с Николаем Носовым) и признать эту попытку неудачной. «Вполне можно согласиться с автором» — это очень важная фраза ... в отношении вообще любого осмысления литературных персонажей. ... В отношении вымышленного персонажа весь имеющийся в нашем распоряжении фактический материал создан самим биографом. И всё-таки мы можем, почувствовав, осознав, поняв (как хотите) героя, противопоставлять полученное знание знанию автора. ... Получаем право ... на фразу типа «Автор ошибся, утверждая, что его герой сказал то-то и то-то. Он *не мог* этого сказать». Это к тому, что я со-

* Антон Александрович Райков родился в 1979 г. в городе Сосновый Бор Ленинградской области. Настоящее эссе написано автором, когда он был студентом философского факультета Санкт-Петербургского университета. Это первая публикация автора. Она приводится здесь с сокращениями.

всем не всегда согласен с отношением Носова к Незнайке и вполне имею право противоречить ему в некоторых оценках. ...

... Вернёмся к попыткам Незнайки заявить себя в качестве творческого индивида. Итак, музыка. Незнайка выбирает в качестве инструмента трубу и просто громко трубит, вызывая раздражение всех вокруг. Всё закончилось тем, что «соседи рассердились, выбежали из дома и погнались за ним. Насилу он убежал от них со своей трубой». ... Незнайка бросает музыку и решает стать художником. Здесь мы являемся свидетелями уже совсем другой истории. Здесь мы начинаем видеть Незнайку именно таким, какой он есть, а не таким, каким хочет изобразить его автор. То, что Незнайка был талантливым художником, не вызывает никаких сомнений. При этом он был, конечно, нетрадиционным художником; наверное, его можно назвать абстракционистом. ... Как вы, наверное, помните, Незнайка нарисовал портреты всех коротышек, живущих с ним одном доме, и развесил их на стенах. Коротышки просыпались, начинали хохотать над портретами, всячески хвалить Незнайку до тех пор, пока очередь не доходила до их собственного портрета. Тут они приходили в бешенство и так или иначе, путём прямого шантажа («придётся тебе на ночь касторки дать», «не буду тебя с собой на охоту брать»), заставляли Незнайку избавиться от этого портрета. Наиболее же показательна реакция «официального искусства», а именно официального художника Тюбика, которого можно назвать этаким индивидуализированным «союзом художников»... «Когда он увидел на стене свой портрет, то страшно рассердился и сказал, что это не портрет, а бездарная антихудожественная мазня. Потом он сорвал со стены портрет и отнял у Незнайки краски и кисточку». ... Всё, что не реализм — антихудожественная мазня ... «Зайке неизвестно для чего нарисовал ослиные уши». Художнику известно, «для чего»..., а вот вам неизвестно. ...

Но Незнайка не сломался ... и помимо таланта художника ... открывает в себе талант поэта. ... Незнайку знают наизусть не хуже, чем Пушкина... «Торопыжка был голодный, / проглотил утюг холодный». Наиболее же ярким его стихотворением следует, пожалуй, признать стихотворение про Знайку: «Знайка шёл гулять на речку, / перепрыгнул через овечку». Тут же, в реакции Знайки и в ответе на эту реакцию Незнайки, нам становится ясной эстетически-романтическая установка Незнайки в отношении искусства:

«— Что? — закричал Знайка. — Когда это я прыгал через речку?

— Ну, это только в стихах так говорится, для рифмы, — объяснил Незнайка.

— Так ты из-за рифмы будешь на меня всякую неправду сочинять? — вскипел Знайка.

— Конечно, — ответил Незнайка. — Зачем же сочинять правду? Правду и сочинять нечего, она и так есть». Ответ, достойный Оскара Уайльда!

... При наличии репрессивного аппарата Незнайку обязательно признали бы ещё и сумасшедшим: зачем нормальный человек будет рисовать усы, которые ещё не выросли, или пририсовывать ослиные уши. Но ... государство то ли умерло, то ли ещё не родилось, и поэтому Незнайка может экспериментировать. Но человеческая (в данном случае — коротышечья) ограниченность никуда не девается и при коммунизме, и потому ... результат всё тот же: прекратить! ... Классическая ситуация: непризнанный талант и даже отчасти «про'клятый поэт».

... Однако проблема свободы творчества есть лишь одна из составляющих фундаментальной философской проблемы свободы как таковой, свободы вообще, или просто свободы. И если мы соотнесём эту проблему с Незнайкой, с его способом существования, то неожиданно придём ... к выводу, что Незнайка олицетворяет собой абсолютно свободную личность. ... Итог же закономерен: несмотря на разоблачение и публичное унижение (всеобщее порицание) именно Незнайке достаётся симпатия самой красивой из малышек — Синеглазки. ...

«... — Хотите, я сошью вам на дорогу сумку? — спросила она.

— Хочу».

Дальше этого в тех рамках, в которых вынужденно находится любовь коротышек, зайти уже нельзя. Впрочем, даже тут автор, похоже, зашёл немного дальше, чем следует. ... Интересно, а что собой символизирует сумка согласно учению Зигмунда Фрейда? ...

Вот вам и Незнайка!»

Новый мир. 2005. № 3.

Вопросы для обсуждения текста

XX. РЕЛИГИИ МИРА. БУДДИЗМ. ИСЛАМ. НОВЫЕ СЕКТЫ.

Теоретический минимум

1. Общая типология религиозности. Её ранние (первобытные, языческие); этнические (национальные); мировые; модернизированные варианты.

- а) древние религии: зороастризм; митраизм, манихейство; греко-римский олимпизм;
- б) индийские религии: Веды; брахманизм; джайнизм; индуизм и его ответвления (вишнуизм, кришнаизм, шиваизм, сикхизм);
- в) китайские религии: даосизм и конфуцианство;
- г) японская религия синто;
- д) иудаизм — первый вариант монотеизма.

2. Буддизм — первая международная религия:

- а) принц-отшельник Будда, его жизнь и учение;
- б) основные принципы классического буддизма;
- г) дзэн (чань)-буддизм — философия абсурдности мира и стабилизации жизни в этом катастрофичном мире;
- д) причины широкого распространения буддизма и его популярности не только на Востоке, но и на современном Западе;
- е) буддизм в России.

3. Ислам как вера и образ жизни:

- а) Мухаммед — торговец, воин, политик и пророк единого Бога-Аллаха;
- б) главные заповеди мусульманства; Коран и его суры;
- в) роли ислама в современном мире; либерализм и фундаментализм внутри мусульманства;
- г) ислам в России; агрессия ваххабизма.

Литература

Лекция 20.

Апанасёнок А.В. Религии народов мира. М., 2012.

Основы религиоведения / Под ред. *И.Н. Яблокова*. Изд. 2-е. М., 1999.

Религии мира. Пособие для учащихся. М., 1997.

Религии мира. Пособие для учителя. М., 1994.

Миркина З., Померанц Г. Великие религии мира. М., 1995.

Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника). СПб., 1997.

* * *

Альбедиль М. Индуизм. Главная религия Индии / Пер. с франц. СПб., 2005.

Альбедиль М. Буддизм / Пер. с франц. СПб., 2006.

Анатоль А. Истина Дао / Пер. с англ. М., 2008.

Берёзкин Р.В. Драгоценные свитки (баодзюань) в духовной культуре Китая. На примере «Баодзюань о трёх воплощениях Муляня». СПб., 2012.

Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. 4-е изд. СПб., 2003.

- Бонград-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980.
- Дао и даосизм в Китае. Сб. статей. М., 1992.
- Далай-Лама.* Буддийская практика. Путь к жизни, полный смысла. Киев – М., 2003.
- Духовная культура Китая. Энциклопедия. В 5-ти томах / Гл. ред. *М.Л. Титаренко*. 2-е изд., стереотип. Т. 1. Философия. М., 2011; Т. 2. Мифология. Религия. М., 2011..
- Житенев С.И.* Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. М., 2012.
- Игнатович А.* Школа Натирэн. Трактаты. М., 2002.
- Игнатъев И.П.* Как стать буддой. Л., 1991.
- Йога Васиштха. Практическая философия йоги и веданты / Пер. с англ. М., 2011.
- Книга самурая / Пер. с япон. СПб., 1998.
- Конфуций.* Афоризмы мудрости / Пер. с кит. М., 2008.
- Конфуций.* Суждения и беседы / Пер. кит. СПб., 2008.
- Лао Дзы.* Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства / Пер. с древнекит. М., 2012..
- Мартынов А.* Конфуцианство. «Лунь юй». СПб., 2003.
- Мудрость дзэн. 100 историй пробуждения / Сост. *Т. Клири* / Пер. с англ. СПб., 2012.
- Накорчевский А.А.* Японский буддизм: история людей и идей. СПб., 2001.
- Нидал О.* Верхом на тигре. Европейский ум и буддийская свобода / Пер. с нем. М., 2012.
- Сато Х.* Самураи. История и легенды / Пер. с япон. СПб., 2003.
- Сущность дзэн. Искусство быть свободным / Пер. с англ. СПб., 2012.
- Такуан Сохо.* Письма мастера дзэн мастеру фехтования / Пер. с япон. СПб., 1998.
- Торчинов Е.А.* Философия буддизма Махаяны. СПб., 2002.
- Торчинов Е.А.* Даосские практики. СПб., 2003.
- Торчинов Е.А.* Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб., 2004.
- Торчинов Е.А.* Краткая история буддизма. Происхождение и развитие, философия и литература. СПб., 2008.
- Чордон Т.* Буддизм для начинающих / Пер. с англ. М., 2012 (Религии. Буддизм).
- Уроки дзэн. Искусство управления / Пер. с англ. СПб., 2012.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий / Пер. с франц. М., 2012 (Философские технологии: религоведение).
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства / Пер. с франц. М., 2012 (Философские технологии: религоведение).
- Ягю Мунэнори, Хейхо Кадэн Сё.* Переходящая в роду книга об искусстве меча / Пер. с япон. СПб., 1998.
- Ян Хинишун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение / Пер. с кит. М., 1950.

* * *

- Ислам. Краткий справочник. М., 1983.
- Ислам. Энциклопедический словарь / Отв. секр. *С.М. Прозоров*. М., 1991.
- Коран. Пер. и коммент. *И.Ю. Крачковского*. 2-е изд. М., 1986.
- Хрестоматия по исламу / Пер. с араб., введ. и примеч., сост. *С.М. Прозорова*. М., 1994.
- Армстронг К.* Мухаммад. История пророка / Пер. с англ. М., 2008.
- Большаков О.Г.* История халифата. Т. 1. Ислам в Аравии (570–633). М., 1989; Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656). М., 1993; Т. 3. Между двух гражданских войн (656–696). М., 1998.
- Фон Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258). М., 1988.

- Ирвинг В.* Жизнь пророка Мухаммеда / Пер. с англ. М., 2012 (История. География. Этнография).
- Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991.
- Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б.* Жизнь Мухаммеда. М., 1990.
- Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1996.
- Резван Е.* Ислам. СПб., 2006.
- Родионов М.А.* Ислам классический. СПб., 2004.
- Сагадеев А.В.* Ибн Сина (Авиценна). М., 1985.
- Силантьев Р.А.* Ислам в современной России. Энциклопедия. М., 2008.
- Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордена в исламе. М., 2002.
- Уинтл Дж.* История ислама. Подробный справочник по истории / Пер. с англ. М., 2008.
- Хисматуллин А.А.* Суфизм. СПб., 2003.

Текстологический практикум

Конспект

В начале лекционного курса у нас уже шла речь о религии, её общих чертах и отдельных разновидностях. Почему в связи с аксиологией и культурой мы снова возвращаемся к этой тематике, на сей раз затем, чтобы охарактеризовать различные религии Востока и Запада?

Потому, во-первых, что эти религии тесно связаны с философией. В тех регионах, где философия так и не возникла, эти варианты веры заменяли её, по-своему как могли трактовали предельные основания жизни и мысли. Там и тогда разница между мифологией, религией и философией была и оставалась условной. В крупнейших центрах самых древних цивилизаций их философские школы или выступали в религиозной форме, или же продолжали религиозную тематику. Более или менее отдаляясь от религии, философия сохраняла с ней генетические или полемические взаимосвязи.

Во-вторых, разнотипные религиозные системы предопределили весь уклад жизни соответствующих народов (или же отразили его, что, в общем, одно и то же), включая устои здравоохранения и пути медицины. Её восточные и западные варианты понимали человека, его здоровье и болезни так, как диктовала религия. Пищевые предпочтения, правила гигиены, режим труда и отдыха, отношение к воспитанию, семейной жизни, родам и похоронам — все эти моменты повседневной жизни и культуры извечно зависели от господствующей в социуме религии.

Поэтому познакомиться с разными духовными традициями поучительно и теоретически, и практически. Особенно будущим медикам. Им ведь надо быть образованными людьми, чтобы иметь право с достоинством держаться перед пациентами. А среди этих последних наверняка окажутся представители разных культур Запада и Востока. Россия вместила в себя большинство из них. Русские

исследователи работали во всех районах земного шара, изучали все религии мира.

Напомню, что вера в богов и поклонение им сразу после своего возникновения приобрели разнообразные, но достаточно типичные формы. К числу самых *ранних форм* религии относятся:

- *анимизм* (одушевляющий природу);
- *тотемизм* (усматривающий сверхъестественную связь человека с ней в виде животных и птиц);
- *фетишизм* (верящий во влияние отдельных предметов на судьбу человека);
- наконец, • *магия* (колдовство, чародейство) — символические действия (заклинания, жертвоприношения, т.п. обряды), стремящиеся повлиять на ход реальных событий.

Из этих относительно простых элементов религиозности, их переплетения складываются все ее более развитые виды. По масштабу своего распространения на Земле они делятся на *мировые* (международные) и *национальные* (этнические). Образцами национальных религий могут служить:

индуизм, возникший в глубокой древности среди племён, живших по р. Инд, сложившийся на основе *брахманизма* (см. дальше) и до сих пор объединяющий большинство жителей Индии;

Китай

В Китае мы сталкиваемся с непривычной для европейцев ситуацией: в одной и той же стране мирно уживаются три разные религии. Две местные — даосизм и конфуцианство, и третья, заимствованная из Индии — буддизм. Примеров того, как на одной и той же территории сосуществуют разные веры, немало и в нашем полушарии. Почти все российские города — многоконфессиональные. Часть горожан ходит в православные храмы, часть в иудейские синагоги, часть в католические костёлы да лютеранские кирхи; часть в молитвенные дома разных протестантских организаций; кое-где ещё в мусульманские мечети или буддийские дацаны. Но у нас поклонение одному богу исключает веру в другого. А у китайцев один и тот же человек может обращаться в разным учениям: отдыхая на лоне природы он чувствует себя даосом; в семье и на работе — конфуцианцем; в кризисные моменты жизни — буддистом.

Далее, китайская вера, причём во всех трёх указанных вариантах, отличается от наших тем, что изначально не предполагала богов, духовенства и храмов. Некие аналоги того, другого и третьего там всё-таки со временем возникли. Но в целом на Востоке религии не так резко отделены от светской жизни, как на Западе. Ритуалы оставались уделом личности, её семьи; максимум — квартала соседей по селу или городу.

Даосизм

Даосизм — ставшая религией *самая древняя философия Китая*. Её основателем считается Ли Боянь, которого прозвали *Лао Цзы (Старый учитель)*. Он вроде бы жил в начале VI века до новой эры, служил хранителем архива одного из правителей. Ему приписывается трактат «*Дао Дэ Цзин*» — «Книге о Дэ и Дао», т.е. о пути и добродетели. Первое слово обычно переводят как «путь», т.е. закон вечного изменения мира и человека. Впрочем, понятие *Дао* исключительно многозначно и разнообразно. К нему подойдут такие наши выражения, как истина, учение, метод и другие. Но вообще-то язык, испорченный культурой, не способен правильно его сформулировать. *Дао* бесполезно пытаться понять логически, его нельзя уловить органами чувств, а можно постичь только интуитивно.

По мысли Лао Цзы, человек как часть природы изначально добр и вообще хорош, но его портит культура, история общества. Излишние заботы и страсти вступают в противоречие с законом природы. Пытается ли человек разбогатеть или узнать всё на свете — его *дао* искажается. В природе, дескать, нет богатых и бедных, она существует по вечным законам, неподвластна техническому прогрессу. Тогда человек болеет и слишком рано умирает. Никакой души даосизм не знает, поэтому смерть означает тут простое окончание жизни навсегда. Но если вернуться к природе, постичь и использовать её скрытые возможности, можно вернуть жизнь на гармоничный путь, избежать болезней, обрести долголетие. В принципе — даже бессмертие.

Отсюда даосский принцип *у вэй* — недеяния, неотклонения (от «генеральной линии»). Имеется в виду, конечно, не полная пассивность, не самоубийственный паралич жизнедеятельности. Скорее — отказ от достижений технической цивилизации (письменности, машин и прочего) всей связанной с ними искусственной активности. Главная мысль даосизма — подчинение «естественному» ходу событий.

Пассивность в отношении будущего дополняется у даосов активностью в отношении прошлого. Имеются в виду древние средства воздействия на человека — лекарственные снадобья и психофизические тренировки. Алхимики изготавливают разные препараты из растительного сырья и минералов. Мудрые наставники учат заниматься полезной физкультурой и настраиваться на душевный транс. В результате прилежные ученики обретают гармонию тела и духа.

Чтобы обрести авторитет среди народа и при императорских дворах, даосские мудрецы занимались разного рода предсказаниями и гаданиями (мантикой), включая астрологию, хиромантию, геомантию. Популярны до сих пор «лунные календари» огородных посевов и ухода за растениями — из той же сказочной оперы. Примерно с середины II века новой эры даосизм приобретает черты религии. Лао Цзы был обожествлён, в его учении акцентированы мистические черты — поиски неземного счастья разными способами, то пассивными,

то активными. Постоянная ниша для заработков даосских жрецов — знахарское врачевание. Они аккумулировали множество рецептов китайской народной медицины.

После появления на китайской земле буддизма, даосисты тоже завели себе нечто вроде храмов и монастырей. Они также заимствовали из народной мифологии образы нескольких богов (*син*) — богатства (*Фу-син*), долголетия (*Шоу-син*) и деторождения (*Лу-син*). На вершине даосского пантеона размещается всесильный Нефритовый владыка (*Шан-ди*).

Со временем под именем даосизма ужились довольно разные явления — и этническая философия, и примитивная религия шаманистского типа, и школы самоусовершенствования для избранных учеников под влиянием уникальных отшельников — мудрецов (учащих владеть собой, до предела развивать возможности организма) и чемпионов (по рукопашному бою, вообще физическим упражнениям).

Как видно, на европейский взгляд даосизм явно архаичен и предельно наивен. Бегство на лоно природы ещё никого не спасало от голода, эпидемий, других катастроф, озверения. Однако мысль о том, что периодическое общение с первозданной природой благотворно для организма и психики; о том, что нельзя безнаказанно насиловать свои тело и душу достижениями и пороками технической цивилизации — такая идея безусловно созвучна поучениям даосских мудрецов. А все эти выдумки о бессмертии и чудесах даосской практики пускай забавляют членов ассоциации даосизма, которая действует в Китае. Соответствующие образы привлекают западных туристов и эффектны в кино. Это там даосы летают, превращаются в невидимок, моментально оказываются в разных местах одновременно, мгновенно меняют свою внешность, даже воскресают после смерти... На всё это способны герои сказок любого народа.

Конфуцианство

Конфуцианство — ещё одна китайская религия, дополнившая даосизм и названная по имени своего основателя — учителя **Кун Цзы** (латинизированная форма **Конфуций**). Это уже более историческая личность, его биография известна нам довольно детально, но, разумеется, не без примеси соответствующих мифов и легенд.

Каждая действительно новая по духу религия вызывается к жизни большими общественными потрясениями. Конфуций жил в эпоху неутихающей гражданской войны, со всеми её зверствами, беззакониями. Он предложил выход из бедствий — бороться за лучшего человека, лучшее общество, лучшее государство.

Собственно религиозные явления сведены Конфуцием до минимума. Духи и божества, смерть и бессмертие — бесполезно пытаться их понять. Достаточно признавать Небо как творца жизни, а Китай — Поднебесной страной, центром Вселенной. Здесь была и будет обитель порядка и совершенства. Что-

бы восстановить порядок на этой земле, надо вернуться к прошлому. Тогда все люди хорошо себя вели, и всё общество поэтому процветало. Долг, а не выгода, любовь к людям, а не ненависть. Этого безоговорочно требует Конфуций. Главное средство исправления нравов — почитание старших. И в семье, и в государстве. Общий для всех времён и народов культ предков достиг своего максимума в конфуцианстве. Сыновняя почтительность (*сяо*) приобрела вселенские масштабы: император — сын Неба, а все китайцы — дети императора. Чиновники — любимые им старшие дети. Самые старшие и авторитетные — советники правителя, как бы повторяющие пример самого Конфуция. Поскольку все родственники — одна семья, статьи чиновником в принципе может каждый. Надо только хорошо подготовиться и лучше других претендентов сдать государственные экзамены. Проверяют навыки иероглифической письменности, знание произведений Конфуция и его главных последователей. Только потомство неблагородных профессий отстраняется от экзаменов (проституток, актёров, парикмахеров). Благороден не только тот, кто знатен, но и все добродетельные мужи. Они следуют конфуцианской этике долга и гуманизма.

В итоге Конфуций завещал, чтобы «государь был государем, подданный подданным, отец отцом, а сын сыном».

Конфуцианство, в ещё большей степени, чем даосизм, соединяет в себе черты религии, политики и гражданской этики. Меньше всего здесь философии и мистики. Конфуций, как и Будда, не писал книг. Его сочинения составлены из ответов на вопросы учеников. Ответы, правда, рассчитаны на сообразительных слушателей. Афоризмы Учителя надо уметь применять к современным проблемам политики и общественной жизни.

На рубеже II и I столетий до нашей эры императоры узаконили учение Конфуция в качестве официальной идеологии государства. С VI же века по всем городам возводятся храмы в его честь, где и производится публичное поклонение этой по сути обожествлённой фигуре. Наследие Учителя регламентирует все моменты и детали публичного поведения подданных китайского императора: одежду, украшения, причёску, походку, приветствия, другие позы на людях. Наше выражение «китайские церемонии» отсюда же — обряды, этикет поведения выражают волю Неба, согласно Конфуцию.

Вплоть до упразднения китайской монархии в 1911 г. Конфуцию воздавали почести как духовному отцу нации, «учителю десяти тысяч поколений». Впрочем, поклонение ему, формальное или реальное, остаётся в Китае до сих пор. То, что вместо императора на вершине политики и этики стали лидеры коммунистов, вроде Мао Дзэдуна или Дэн Сяопина, не принципиально.

Столь утрированное чинопочитание, такая незыблемая веками традиционность, как в конфуцианском Китае, в целом чужды нам, европейцам. Но научиться уважению к старшим, бесконечной любви к родителям, близким, уважению к институтам государственности, и нам всем не грех.

синтоизм — по-японски “путь богов”; распространенное в Японии поклонение множеству божеств во главе с богиней *Аматэресу* и вдобавок обожествляющий императора “Страны восходящего солнца”;

Иудаизм

иудаизм — религия древних и современных евреев (иудеев), утверждающая веру в единого бога *Яхве* — творца неба и земли; на основе этой религии в начале I тыс. н. э. возникает *христианство*, добавившее к Ветхому (древнему) завету (Бога людям) еврейских пророков и царей Новый завет Иисуса Христа и его апостолов.

Кроме того, от большинства мало-мальски крупных (по числу приверженцев) религий откалывались *секты*, претендующие обновить вероучение и культ, “очистить” данную религию до ее истинного состояния. Процесс размножения религий и дробления их на секты продолжается до сих пор.

На рубеже XX–XXI вв. появляется всё больше конфессий, обожествляющих необычные для традиционного богословия явления. Вроде маргиналов и невротиков-«*кришнаитов*», которые отличаются от известных хиппи только бритыми головами и вполне бездумно вопят приветствия царю-герою древней Индии Кришне (по-санскритски «Черный»); или же «*церкви сайентологии*» («наукобожия»), чей основатель американец Р. Хаббард стал неким гибридом из Д. Карнеги и папы римского; или же отечественного “Белого братства”, чьи создатели (инженер-неудачник, бывшая журналистка из комсомольских функционеров и т.п. юродивые) вместо объявленного ими «конца света» попали в украинскую тюрьму за нападение на православные святыни в Киеве; японская секта (на основе вульгаризированного буддизма) *Аум сёнрикё*, устроившая газовые атаки в токийском метро, похищения людей, разного рода мошенничества (пока её руководитель не был повешен по решению японского суда, а остальные руководители лишены свободы); европейско-русские *сатанисты*, пытающиеся возродить средневековые практики чёрной магии и человеческих жертвоприношений; многие другие, столь же изуверские секты. На их удочку попадают наиболее темные, невежественные и обиженные жизнью люди.

Одной из наиболее тоталитарных и поэтому опасных для жизни и здоровья своих поклонников сект в нынешней России является «Церковь Свидетелей Иеговы». Перед нами церковь протестантского пошиба, которая отделилась в свое время от адвентистов (а те, в свою очередь, от баптистов). Основоположниками и адвентизма, и иеговизма были малограмотные жители американской глубинки — баптистский проповедник У. Миллер, свихнувшийся на вычислении даты конца света, и содержатель галантерейной лавки Ч.Т. Рассел (1852–1916), в свою очередь закончивший только два класса школы. Вероучение их последователей отличается удивительным примитивизмом и алогичностью. И теоретически, и практически иеговисты выходят за рамки христианства. Они отрицают его коренной догмат — единственность Троицы и почитают исключительно Бога-Отца, которого именуют ветхозаветным именем Иеговы. В их представлении это — мстительный к людям деспот, беспощадный ко всем, кто не вступил в их ряды. Претендуя на верное толкование Библии, эти хитрецы отрицают божество Христа! Весь современный мир в их глазах — олицетворение Сатаны. Поэтому данная секта запрещает своим адептам службу в вооруженных силах, на-

значение и присягу на государственные должности, отдавание чести флагу и гимну, участие в государственных праздниках, голосование на выборах. Для них существует только их международное «государство» — «Общество сторожевой башни». Своим поклонникам иеговисты внушают, будто в грядущей битве сил Иеговы против сил Сатаны — армагеддоне — погибнут все, кроме них самих. Они-де воскреснут и будут жить на обновленной Земле вечно, а 144 тысячи особо избранных попадут на небо для жизни райской. Так вот они распоряжаются христианскими тезисами о бессмертии души, рае и аде; евангельскими призывами возлюбить ближних. Всех сомневающихся в их учении иеговисты признают Божьими врагами и своими противниками. Особенно рьяно они нападают на христиан — католиков и православных. В частности, крест Иисуса Христа объявляется сектантами символом зла. В иеговистских брошюрках утверждается, будто бы «церкви христианского мира заражены безнравственностью», их «прихожане и священники ведут грешную жизнь». Отсюда сектантами делается вывод, что «христианский мир и другие ложные религии вскоре будут полностью уничтожены». В ожидании столь заманчивой для них перспективы эти фанатики выступают против многих достижений науки и техники. В особенности ратуют за «бескровную медицину». Первоначально иеговистам запрещалось делать прививки, что естественно приводило к массовым заболеваниям и смертям в их среде. Только после того, как большинство стран мира запретило въезд в свои пределы лицам, не прошедшим необходимую вакцинацию, лидеры секты в 1952 г. отменили этот запрет. Зато с 1961 г. категорически запрещают своим сторонникам переливание крови, полостные операции, пересадку органов (разрешена членам секты с 1980 г.), аборт и т.п. врачебные шаги к спасению человеческой жизни и исцелению страждущего организма. Каждому адепту предписано носить с собой расписку под названием «Медицинский документ», в котором крупным почерком записано «Никакой крови!» (для врачей на случай потери сознания). Ссылки на Библию по поводу всех этих выдуманных сектантами «смертных грехов» выглядят просто смешно для всякого, кто умеет читать. Отговорки насчет того, что «бескровное лечение» якобы представляет собой более передовое направление в медицине, представляют собой яркий пример сектантской лжи. «Свидетели» любят ссылаться на преследование их организации и нацистами, и коммунистами. На самом деле иеговисты в свое время пытались договориться с гитлеровскими властями, выставляя себе их помощниками в борьбе против общих врагов — римско-католической церкви и еврейских финансово-промышленных корпораций. Попадая в концлагеря наравне со всеми прочими «врагами народа», эти сектанты, как послушные и исполнительные работники, чаще всего становились полицией и осведомителями. Что касается коммунистов, то далеко не все их жертвы были образцами человеколюбия. На словах признавая значение семьи, любви, дружбы, интернационализма, сектанты на деле занимаются тем, что разваливают многие семьи, отрывают прислушавшуюся к ним молодежь от учёбы и работы, насаждают в своих рядах палочную дисциплину, подталкивают психически неуравновешенных людей к душевным срывам и даже суициду. Среди поклонников этой секты такого рода эксцессы наиболее часты. «Свидетели Иеговы» отличаются исключительной миссионерской активностью, настырно вербуя своих сторонников в десятках стран мира. Они чаще любых других сектантов ходят по домам, пристают со своей проповедью к прохожим, проникают в концертные залы, школы, другие учреждения, раздают листовки и журналы, приглашают на свои собрания. Не случайно эта секта первой пробилась и на страницы курской газеты. Каждая их община ведет полный учет жителей своего района. В досье вносятся сведения об их адресах, составе семьи, интересах, времени, когда их можно застать дома, результатах их вербовки в секту. Об активности каждого «свидетеля» его шефы судят по такой картотеке. Его «спасение» зависит от длительности и интенсивности участия в делах «Общества сторожевой башни». Собранные многочисленными филиалами средства стекаются в штаб-квартиру организации — Бруклинский центр «Вефиль» (США). Ежегодно через этот центр прокручиваются сотни миллионов долларов — на тиражирование пропа-

гандистской продукции, оплату «надзирателей» и «пионеров» по всему миру, их учёбу в «Школе теократического служения» в Пенсильвании и ее филиалах. Главный печатный орган — журнал «Сторожевая башня» выходит в свет дважды в месяц тиражом более 23 миллионов экземпляров на 139 языках. Всего по миру были распространены десятки миллиардов экземпляров книг, брошюр и журналов иеговистов. На местах, в той же нашей России, эти красочные, на добротной бумаге издания, а также кассеты и лазерные диски с соответствующей музыкой рядовые сектанты покупают на свои деньги и бесплатно раздают или продают. На этом секторе рынка нет конкуренции и налогообложения! Медицинские и прочие запреты «свидетелей» — не более, чем злокозненный ход для поддержания у поддавшихся их призывам психически неустойчивых людей ореола мученичества, избранности. Другими словами, спекуляция на хорошо известном в психиатрии садо-мазохистском комплексе. Причём спекуляция, уже больше двухсот лет приносящая своим организаторам сотни миллионов долларов чистой прибыли.

Иеговистов, по сути дела, нельзя назвать религиозным объединением, даже изуверским. Налицо «псевдорелигиозная коммерческая организация, основанная на квазикоммунистической идеологии с элементами язычества и прикрывающаяся несколькими христианскими образами». Это определение принадлежит одному из ведущих экспертов по сектоведению в Русской Православной церкви профессору А.Л. Дворкину. Не случайно во многих странах мира (из последних, например, во Франции, Латвии) организацию «Свидетелей Иеговы» запретили, а на её имущество наложили арест.

Такого рода нетрадиционные культы сейчас называют *тоталитарными* — за то, что они лишают своих жертв свободы выбора веры, вовлекают в свои ряды обманом и потом удерживают там силой, подавляют психику своих членов. Случаи религиозного экстремизма, впрочем, не должны заслонять того огромного значения, которое имели настоящие, благородные религии в истории человечества, и той положительной роли, которую легальные церкви играют для *значительной части* наших сограждан сегодня. Однако самым главным выводом относительно цивилизованного отношения к религии и церкви в наши дни следует признать их равноправие друг с другом и с атеизмом в политике государства и жизни общества. Каждый из нас должен иметь право выбрать ту или иную веру или же неверие в Бога. Вызывающие символы отдельной религии недопустимы в светском государстве. Во Франции недавно законодательно запретили ношение в учебных заведениях и в прочих публичных местах головных уборов правоверных иудеев, мусульманских головных платков для женщин, христианских крестов крупного формата. В России, напротив, мусульманки добились право фотографироваться для паспорта в головных платках.

Буддизм

Первой религией, которая шагнула за пределы одной страны и получила международное звучание, стал **буддизм**, названный так потому, что его основал индус *Гаутама, принц Сиддхартха из рода Шакьев, прозванный за это Шакья Муни (мудрец из рода Шакьев) и Будда — Просветлённый* (слово будда — от санскритского корня *будх* — «будить», «очнуться», что означает в данном случае переход от спящего, затенённого сознания к бодрствующему, ясному; таким образом, будда это любой человек, чей ум просветлён в соответствии с учением

первого будды — принца Гаутамы). Произошло это примерно в середине I тыс. до н. э. в Индии — огромной стране, населённой множеством разных рас и народов. Ведущей религией, более или менее подчинявшей себе тогда индийцев, был *брахманизм*, основанный на канонизации *Вед*. «Ведами» называется священная книга индоевропейцев, объединившая их древнейшие мифы о сотворении и устройстве Вселенной, жизни человека. Будда многое взял у брахманов — жрецов этой старой религии.

Прежде всего — учение о *дхарме*. Им каждому человеку предписывалось строго исполнять обязанности той *касты*, куда он попал по рождению (жрецов-брахманов, воинов, торговцев, слуг, «неприкасаемых»). Судьба человека объяснялась его *кармой* — предначертанной небом программой его поступков, среди которых на поверку нет случайных, ошибочных событий; все имеют свой смысл и сплетаются в сложный узор индивидуальной биографии. Просто сплетение «нитей» судьбы в «узелки» видно только с изнанки этого «ковра» жизни, т.е. после ее завершения, и то не всем.

Другой догмат брахманизма, повлиявший на буддизм — *сансара*, т.е. на санскрите «странствование». Этим понятием обозначалась текучесть, непостоянство всего сущего. Имелось в виду, что весь мир состоит из вечных переходов одного состояния в другое. Поэтому полной гибели нет, а есть телесное перерождение, когда погибшее существо возрождается в оболочке другого, новорожденного, и так бесконечно. Цепь перерождений — закон кармы — невозможно прервать по собственному желанию. Спасти свою душу на время одной жизни сторонник брахманизма может, только неуклонно следуя своей дхарме.

В своем ортодоксальном виде брахманизм был слишком прямолинеен, и часть индийского общества постепенно разочаровалось в нём. Будда выразил эти оппозиционные настроения, создал одну из сект, отделявшихся от брахманизма. Благодаря весьма оригинальной философии жизни, которую предложил буддизм, он в дальнейшем, уже после смерти своего создателя и вытеснения из самой Индии его поклонников, получил широкую популярность на просторах Азии.

Согласно легенде, которая, вероятно, не так уж далека от истины, основатель новой религии вырос в княжеском дворце и до совершеннолетия не знал ни бед, ни забот, был счастлив с молодой женой и первым ребенком, готовился унаследовать престол отца. Случайная прогулка за стены дворца без конвоя и эскорта столкнула его с:

- нищим (символ тщеты жизни);
- больным проказой (её тяготы);
- монахом-отшельником, аскетом (лишение возможностей);

• наконец, мертвецом (неизбежный конец земного существования). Будда сделал отсюда логичный вывод, что *жизнь* — это сплошное *страдание*. К страданию ведёт и рождение, и болезни, и столкновения с неприятным, и разлука с приятным, и неудовлетворённые желания. Даже смерть не освобождает от страдания, поскольку правоверного индуиста вслед за ней нас ждут следующие

перерождения (*реинкарнации*) и череда страданий начинается сначала, чтобы длиться вечно. Осмыслив ситуацию, Будда решил, что главный источник страданий — *желания*. Если найти их причины, можно попробовать избавиться от страданий.

В поисках первоисточника человеческих бед и рецептов от страданий Гаутама тайно покинул свой дом и поселился в джунглях, отшельником. Много лет он предавался уединенным размышлениям — *медитации*. Наконец его осенило решение — причина страдания не только в желаниях, но и в *ложном знании*. Нами руководит ошибочное представление о самом себе: как будто мы имеем некое постоянное «Я». «Я хочу...», «Мне больно...», «Меня обидели...» Корень зла, открыл буддизм, не в прилагательном, а в существительном такого рода формул. Надо думать не над тем, *ЧТО* происходит, но *С КЕМ?* Где находится «Я»? Что оно собой представляет? *КТО* страдает? Но раз в мире вообще нет ничего постоянного, то и в человеке нет никакой такой неизменной сущности. И тело, и психика — это процессы (обмена веществ и психических впечатлений). Соединяясь, они образуют *сансхары* — системы, структуры. Их-то мы и принимаем за наше или чужое «я». Хотя на самом деле «Я» — *это иллюзия*. Если разрушить это представление о постоянном «Я», то прекратятся и страдания.

Подобное рассуждение, такой вывод — главный пункт буддизма и его приоритет по сравнению со всеми остальными религиями. Последние на разные лады стремятся переделать наше «Я», одну личность (греховную, страдающую, слабую) заменить на противоположную (праведную, умиротворённую, сильную). А буддизм отрицает личность в принципе. По сути, это даже не религия, а чистейший атеизм (отрицание бога). Но освященный великим примером Будды и его сторонников. Будда в конце своих духовных поисков пришел не к какому-то Богу, а к такому состоянию, как *нирвана* — «затухание», «остывание» (души). Это и есть идеал буддиста — вырваться из временной оболочки своей личности, заставляющей тебя страдать. Подробнее о нирване не скажешь, ибо у достигшего её исчезает представление о своем «Я», так что некому рассказывать.

Показательно для буддизма проводимое им *сравнение человека с колесницей* (т.е. механизмом). Люди, конечно, устроены сложнее, нежели изделие из дерева и металла. Однако принцип устройства похож. Если колесница разобрана на части (спицы, ободы колёс, оси, болты и т.д.), она перестает существовать как данный предмет, но сами-то части по-прежнему существуют. «Деталими» человека служат тело, ощущения, восприятия, желания и сознание всего этого. Раз личность разложима на эти части, то наше «Я» обусловлено ими, производно от них. Следовательно, никакого неизменного начала в человеке нет. В том числе нет и «души» и, тем более ее «переселения» в другие тела после смерти, как верят брахманисты. Есть только *дхарма* — временное объединение частей человека. Жизнь — постоянные вспышки дхарм. После нашей смерти они складываются в новую «мозаику». И так вечно. Мир — бесконечное колебание дхарм.

По месту своего возникновения, в Индии буддизм не утвердился. Зато в других странах юго-восточной Азии его идеи пришли к двору и до сих пор процветают. Центрами буддизма, разных его вариантов стали о. Цейлон (Шри-Ланка), Бирма, Лаос, Камбоджа, другие страны юго-восточной Азии, а также (в форме *ламаизма*) горный Тибет, Монголия, российская Калмыкия. Особенно много поклонников буддизма в Китае (*чань-буддизм*) и в Японии (*дзэн-буддизм*). Эта последняя секта буддизма получила наибольшую известность на Западе и в России. Японское слово «дзен» — от санскр. «созерцание, размышление». Секта возникла в Китае и основал ее буддийский монах Бодхидхарма (V в. н. э.). По преданию, чтобы укрепить свой дух, он 9 лет подряд с перерывами только на сон и еду, безмолвно созерцал стену своего монастыря. Из Китая эта модификация буддизма просочилась в Корею и Японию, где собрала ещё большее число поклонников. Дзэн делает упор на интуицию вместо разума, непосредственный опыт внутреннего видения вопреки логическим рассуждениям. Кроме мысленной *медитации* — своего рода аутотренинга, уделяет много внимания физической культуре тела, учит пластично двигаться, правильно дышать, вообще вести здоровый образ жизни.

Важно понимать, какую цену сторонник буддизма соглашается заплатить за то, чтобы возвыситься над треволнениями жизни. Знаменитый русский историк буддизма Ф.И. Щербатской любил цитировать слова И. Канта о том, что любая религия содержит как минимум три основные идеи:

- во-первых, мысль о сотворении мира и, значит, Боге-творце и вседержителе;
- во-вторых, представление о свободе воли человека;
- в-третьих, вера в бессмертие души.

Первое убеждение необходимо, чтобы обосновать реальность мира и всё остальное в религии — если мир никем не создан, то и повлиять на слепые законы его движения человек не в силах. Второй тезис утверждает моральные нормы: если не дать человеку возможность выбирать между добром и злом, то не будет ни грешников, ни праведников, а только слепая покорность неведомой нам судьбе. Наконец, отвергая бессмертие души, мы лишаем человека загробного воздаяния и вообще ответственности за свои земные поступки. На указанных постулатах возникли и существуют все европейские, средиземноморские религии, также многие другие. Но на Востоке пришли к такой религии — буддизму, которая не просто отрицает все эти принципы, но принимает прямо противоположные им. Для истинного буддиста *реальность внешнего мира* — тот самый *предрассудок*, который нужно преодолеть человеку, чтобы вырваться из цепи перевоплощений. Вопрос *о душе и теле* для буддизма просто не существует, ибо они на его взгляд состоят из одних и тех же элементов, которые постоянно меняются местами.

Изложенные выводы вовсе не означают, будто на Востоке отказались от гуманных принципов и впали в сплошной нигилизм. Только для обоснования чести и достоинства, верности долгу и взаимопомощи там нашли другие аргу-

менты. Видимо, потому, что там другая природа и иная история, чем у европейцев.

Вместо Бога у буддистов эксплуатируется память об основоположнике этой веры. Будда теперь рассматривается как сверхъестественное существо, которому можно молиться и просить его о милостях. Будда может вселиться в любого человека, даже в животное, предмет. В конечном счёте, человек — это и есть Будда, только потенциально, причём не каждый и не всегда сознает это. Священники этой веры — *бодхисаттвы* отказываются от собственной нирваны ради спасения всего живого. Поэтому верующие буддисты поклоняются им тоже. Заветная для буддистов нирвана приобретает черты рая — чистой земли-сада и дворца, где достойный спасения *освобождается от мучительных перерождений* на этом свете.

Пока буддист жив, он может приблизиться к нирване несколькими путями.

- Во-первых, это *ритуал* — строгое, скрупулезное соблюдение правил обыденной жизни. Ради того, чтобы находить смысл (и, значит, удовлетворение) не в результате своих действий, а в процессе их совершения. Попросту говоря, делать всё «с чувством, с толком, с расстановкой». В Китае и Японии написаны целые книги о процедуре утренней уборки постели, чаепития, беседы, размышлений и т.п. моментов ежедневности. Одна из буддистских притч гласит: юный послушник обратился к настоятелю монастыря: «Учитель! Укажи мне путь!» (в жизни). Тот ответил вопросом на вопрос: «Ты уже ужинал?» — «Да». — «Тогда пойди и вымой ещё раз свою миску».

Благородный восьмеричный путь, завещанный Первобуддой, включает в себя:

- веру,
- решение,
- речь,
- действие,
- жизнь,
- усилие,
- мысль,
- сосредоточение.

Если правильно распределить и сочетать эти моменты поведения, то просветление достижимо уже здесь и сейчас. Таким образом, в отличие от прочих религий, буддизм призывает не менять эту жизнь на другую жизнь (т.е. вымышленные миры), а упорядочивать её саму, такую, какая она есть у каждого из нас на самом деле сегодня.

- Во-вторых, кроме следования «восьмеричному пути», буддизм практикует *словесный дзэн* — диалоги с наставником и самим собой, цель которых — *опустошение сознания*, разрушение представлений о собственном «Я». Этой цели служат, например, загадки (япон. *коан*; кит. *гунань*), которые наставник

обращает ученику для того, чтобы навести его на правильный, хотя и непривычный, парадоксальный на первый взгляд вывод. «Что такое дзэн? — А кто ты такой? — (Молчание). — Ты понял? — Нет. — Значит, этот незнающий и есть ты». Или такие упражнения. «Садись здесь и думай, пока не поймешь: «Каким было твоё лицо до рождения твоих родителей?»; «Слушай звук от хлопка одной ладонью...»; «Обладает ли собака природой Будды?»; и т.п. Как видно, буддисты считают, что истина не вне тебя, а в твоей собственной душе. Истину нельзя передать кому-то в готовом виде. Можно навести собеседника на правильный ход мыслей. Чтобы узреть истину на самом дне души, следует «вылить всю чашу сознания», т.е. суетных мыслей, отдельных надежд и намерений. Тогда в душе останется покой. Но без умственного потрясения не освободиться от привычной логики. Поэтому наставник дзэн ставит перед послушником своего монастыря вопросы типа: «Это посох? Не торопись с ответом. Если ты назовешь эту вещь посохом, получишь 30 ударов. Если не назовешь — тоже 30. А теперь говори! За молчание получишь 60 ударов...»

Как видно, буддизм ориентирует своих поклонников не на преобразование мира, обстоятельств жизни, а на самовнушение, психотехнику отрешения от мира. При этом человек, конечно, отнюдь не выпадает из жизни, продолжает заниматься своими обычными делами. Он просто *переоценивает* их значение и смысл. Он учится ценить *не только результат, но и процесс* своей деятельности. Он избавляется от лишних привязанностей, привыкает соблюдать *золотую середину* во всём. Будда отнюдь не призывал умерщвлять плоть, истязать дух — это такая же крайность, как и сибаритство, лень, безудержная тяга к наслаждениям.

Вершиной поклонения Будде выступает *сияющий дзэн молчания* — созерцание идеи пустоты в ритуальной позе. «Осколками» этой процедуры служит эстетизация отдельных предметов (цветов лотоса или вишни-саку-ры), пейзажей, времен года. «Видеть небо в чашечке цветка» люди Востока умеют лучше нас, европейцев. Менее сложными способами самоусовершенствования выступает у них ещё:

- *фусин* — разумный труд как продолжение и воплощение психического усовершенствования. В том числе так называемый *ежесекундный дзэн* — ритуализация всех моментов повседневной жизни (вроде знаменитой чайной церемонии в Китае или питья рисовой водки-сакэ в Японии порциями по 5–10 граммов).

Кульминацией практического дзэн-буддизма выступает *бусидо* — *путь воина*. Это нравственный кодекс японского самурая — дворянина, дружинника, служившего средневековым феодалам, затем японскому государству в лице императора. Альфа и омега бусидо — самоконтроль и самообладание, особенно перед лицом опасности, смерти. Для воина смерть — великое событие, цель его жизни — вхождение в *Му*, небытие, возвращение в вечность. Самурай не ищет смерти, но и не уклоняется от неё, когда она приходит. Не рождается тот, кто не умирает, учат самураев. Если есть жизнь — пусть будет жизнь. Если приходит

смерть, я и после неё стану буддой. Не возлагай надежд ни на жизнь, ни на смерть. Всё равно тебе быть буддой. И тут, и там. Вывод о том, что надо жить сегодняшним днём, даже мгновением потому, что всё в этом мире преходяще и, в конечном счете, исчезает без следа — одно из общечеловеческих открытий буддизма.

Буддизм, таким образом, поощряет стойкость, конформизм (повиновение наставникам, начальникам), верность и сосредоточенность. Будущее не вызывает у буддиста тревог — зачем о нем беспокоиться, раз призрачно даже настоящее. Но вместе с тем, буддизм не приводит к аскетизму, безделью, немощи. Внешне поведение остается насыщенным делами, поступками. Только отношение к ним, оценки жизни меняются. Так, против самураев трудно воевать: они не боятся смерти, но и за жизнь цепляются до последней возможности. Они не поддаются эмоциям, но при этом остаются весьма активны на поле боя, как и в остальной жизни. Ощущение неполной реальности происходящего позволяет им ослабить нервное напряжение. Что не мешает поклонникам дзэна любоваться жизнью, предаваться глубоким размышлениям о ней, достигать своих целей (Это хорошо показано в фильме Акиро Куросавы «Семь самураев»).

С 1950-х гг. буддизм пережил взлёт популярности в странах Запада, особенно среди артистов, художников, прочей интеллигенции, молодёжи. Причиной его распространения стало разочарование в западном образе жизни, усталость от вечной погони за жизненным успехом, заработками и богатством, от жестких стандартов прежней культуры. Идея нирваны (вырванная из своего восточного контекста) позволяла выпасть из жизненной колеи, вести растительное, пассивное существование. Свободный секс, наркотики, неряшливая одежда, бродяжничество — эти черты движения хиппи и т.п. маргинальных групп густо замешаны на идеях буддизма. Знак хиппи «пацифик» символизирует ненасилие, примирение со всем и вся, но и отчужденность от всего на свете (семьи, профессии, долга). Западная мутация буддизма акцентирует те его стороны, которые устраивают современных отшельников, отказников, еретиков. Буддизм дает им своеобразные *правила бегства*. Для буддиста сознание, разум, логика вообще не имеют ценности, они нежелательны. Идеалом является пустота — и твоего духа, и целого мира. Для сторонника иных воззрений утрата смысла жизни — это трагедия, а для буддиста — доказательство отсутствия такого смысла вообще, свидетельство иллюзорности мира и нашего существования в нём.

Дополнительный стимул интереса к буддизму и вообще Востоку — интерес человека, особенно молодого, к своему внутреннему миру, тайнам и возможностям психики. Буддистские афоризмы подкупают своей категоричностью, яркой образностью, новизной для представителя иной культуры. Кажется: вот он, ключ к тайне своего «Я», верный путь самопознания. Тем более, когда философия буддизма преподносится в упаковке восточных единоборств, где главное не физическая сила сама по себе, а прежде всего ловкость и самообладание.

Дзэн — это теоретическая основа силовых единоборств и вообще гимнастики Востока (джиу-джитсу, айкидо, карате, кун-фу, и т.п.). Их принцип противоположен европейским видам спорта. Там примерно равные по силам противники ведут схватку по правилам. В принципе они уважают и себя, и противника. Тренер — первый партнёр спортсмена. Цель Олимпийских игр — стать сильнейшим среди равных. На Востоке силу противника стремятся обратить против него самого. Из них, пожалуй, только дзюдо в силу наименьшей экзотичности, своего рода университетского характера приблизилось к традициям западного спорта и включено в программу Олимпийских игр. Эту борьбу (в переводе — «гибкий путь» к победе) изобрёл профессор Дзигаро Кано (1860–1938). «Нападающего тни, падающего толкни» — этот постулат дзюдо прямо противоположен принципу европейского бокса. Главное не физическая сила, а способность сосредоточиться до такой степени, чтобы один удар противника оказался для него роковым. Наставник-сенсей — безусловный авторитет, ему необходимо постоянно кланяться.

Итоговая оценка духовной роли буддизма двойственна. С одной стороны, это своего рода кризис души, её разгром при столкновении с реальной жизнью. Буддист ищет спасения в одиночестве. На Востоке это оправдано многими особенностями его истории (исключительно деспотические государства, кастовое деление общества, маломеханизированный труд, постоянные опасности со стороны тропической природы). С другой стороны, буддистские идеи — абсурдизм, приспособленчество, слепое повиновение старшим и наставникам, мелочность — чужды западному мышлению. Идеалы настоящего европейца, особенно христианина — разум, решение, дело. А в отношениях людей — равноправное сотрудничество. Так, европейский спортсмен жмёт руку тренеру, а не падает перед ним на колени. На Западе, в Европе буддизм выглядит скорее модой, причудой, протестом слабых против элементов абсурда и хаоса в политике, экономике, обыденной жизни. Хотя в любых условиях у буддизма стоит поучиться привычке понимать непонятное, по детали судить о целом, умению жить сегодняшним днём, ощущать прелесть жизни при любых её обстоятельствах.

Ислам (по-арабски — «покорность» воле Аллаха) или же *мусульманство* (*муслим* — по-арабски «вверивший себя Аллаху») также относится к числу действительно мировых религий по огромному количеству своих сторонников. Эта религия возникла в начале VII в. н. э. на Ближнем Востоке, в Западной Аравии. Ислам освятил становление государственности в среде арабских племён. Арабы — прирождённые воины и умелые торговцы. В условиях глобального кризиса, который охватил культуру Западной Европы при переходе от Античности к Средневековью, арабы, как более молодой и динамичный этнос, переняли, сохранили и умножили многие достижения европейской мысли в науке, философии, религии. Ислам стал идеологией арабской культуры. Вместе с арабскими завоеваниями и торговыми караванами идеи ислама распространились на многие регионы Востока и некоторые Запада. Сегодня мусульмане составляют подавляющее большинство населения в странах Ближнего (Турция, Сирия, Иордания, Ирак, Объединённые арабские эмираты, Судан, Сомали) и Среднего (Иран, Афганистан, Пакистан) Востока, так называемого Магриба (Марокко, Алжир, Тунис, Ливия), Индонезии. Очень много мусульман также в Ливане (до

половины населения), Индии, Пакистане, Китае, Эфиопии, Албании, бывшей Югославии, Болгарии. Господствует ислам по южному краю бывшего СССР — в Средней Азии, Казахстане, Азербайджане. А в России — на Северном Кавказе и в Дагестане, в Калмыкии, Татарии, Башкирии (всего более сорока народов принадлежат в Российской Федерации к исламской культуре). Вместе с выходцами из этих регионов исламские общины существуют в большинстве остальных районов Земли. Общее число мусульман во всём мире подходит к миллиарду. В России (согласно переписи 2002 г.) их 14,4 миллиона, т.е. около 10 % населения. Больше всего мусульман проживает у нас в Дагестане (2430000), в Башкирии (223400), в Татарии (2040000), в Чечне (105800). И числа эти будут в обозримом будущем быстро расти.

Исторически так получается, что многие наиболее кровавые и затяжные конфликты и войны в недавнем прошлом и сейчас ведутся в зонах, где исламисты сталкиваются с представителями иных этноконфессиональных традиций (Турция — Армения; Армения — Азербайджан; Израиль и его арабское окружение; сербы, албанцы и хорваты в бывшей Югославии; Афганистан; США — Ливия, Ирак, Иран; русский Кавказ; многие другие). Чтобы правильно судить об этих политических коллизиях, понимать богатую историю и культуру Арабского Востока, нужно познакомиться с характером ислама как религии и соответствующего ей образа жизни.

Основоположник ислама **Мухаммед** (570–632) принадлежал к знатному, но обедневшему роду, жившему в городе *Мекке* — одному из крупнейших торговых центров Аравии. Через этот город пролегали караванные пути из Африки и Йемена в Палестину и Месопотамию; здесь ежегодно собиралась всеаравийская ярмарка, на время которой устанавливалось перемирие сражавшихся между собой арабских племён. Здесь располагалась *Кааба* — главное святилище Аравии, каждое из племён которой поклонялось своему богу. Их каменные идолы были выставлены в Каабе. Каабу контролировало племя *курейш*, в одном из родов которого (*хашим*) и родился Мухаммед. Мальчик рано осиротел и воспитывался в семье деда, а затем дяди. С детства Мухаммеду пришлось трудиться — пастухом, погонщиком верблюдов, торговым агентом. Выгодно женившись на богатой вдове Хадидже (по её брачному предложению), он самостоятельно занялся торговлей. Разъезжая по торговым делам, Мухаммед часто встречался с проповедниками разных религий, в том числе монотеистических — христианами, иудеями, ханифами (арабскими представителями единобожия в лице Аллаха). В спорах с ними, собственных размышлениях о боге, Мухаммед вырабатывал исходные идеи новой религии. Когда ему исполнилось 40 лет, его стали посещать видения ангелов и демонов, слышаться их голоса. Рассказывая про это, Мухаммед заслужил репутацию нового пророка. Он собрал вокруг себя небольшую группу первых последователей ислама, прежде всего своих родственников и свойственников. Не получив признания в родном городе, Мухаммед и его община (полтора человека) переселились в соседний город Йасриб (затем переименованный в «город пророка» — *Медину*). Это событие (*хиджра* — переселение) в **622 г.** считается началом истории новой религии и нового летоисчисления, принятого затем во всем исламском мире. В Медине Мухаммед стал главой города и полководцем его войска. Оно успешно воевало с соседями, захватывало направлявшиеся к ним торговые караваны.

Вооруженная борьба двух городов через 8 лет закончилась победой мединцев, во главе которых стоял Мухаммед, проявивший себя талантливым полководцем, оратором и политиком. Он был уверен, что его устами говорит сам Аллах и поэтому каждый мусульманин

должен беспрекословно следовать его указаниям. Очищенная от языческих идолов Кааба (т.е. «куб» — квадратное в плане строение, в фундаменте которого заложен чёрный метеорит) была превращена в храм-мечеть единого бога Аллаха и стал центром паломничества для правоверных мусульман всего мира.

Вокруг Мекки и Медины стало строиться арабо-мусульманское государство. Его размеры увеличивались ураганными темпами. Уже под властью династии Омейядов (661–750) эта империя — *Арабский Халифат* включила в себя Месопотамию, Сирию и Палестину, Иран, Египет, Северную Африку, Пиренейский полуостров, Среднюю Азию, северо-западную Индию, Армению, Азербайджан, часть Грузии. Глобальная агрессия арабов с трудом были остановлены на пороге Восточной и Западной Европы после нескольких веков ожесточённых сражений воинов ислама с европейским рыцарством, греками-византийцами, тюрками-хазарами и другими народами Европы. Военно-политические и социально-экономические успехи арабов во многом объяснялись эффективностью ислама как идеологии их внутренней жизни и борьбы с соседями.

Первым словом, с которым Аллах обратился к Мухаммеду через пророка Гавриила-Джабраила, было: *Внимай! (Читай!)*. Имеется в виду, что Аллах постепенно продиктовал Мухаммеду свои поучения (за 10 лет в Мекке и 10 лет в Медине). Пророк точно запомнил сказанное ему Богом и повторил людям. В этом отличие Корана от Библии, чьи книги писались людьми, избранными для этого Богом, т.е. как бы в соавторстве с ним. Мухаммед не был обучен грамоте, свои поучения он произносил наизусть. Лет через 20 после кончины Мухаммеда его богословские высказывания, проповеди были собраны воедино и записаны (со слов первых сподвижников пророка, некоторые из которых служили профессиональными исполнителями священных текстов). Получившийся сводный текст назван *Кораном* (по-арабски — «то, что произносят вслух, читают наизусть»). Каноническую версию Корана создали по приказу третьего халифа Османа (644–656). Он же, как видно, распорядился уничтожить все остальные варианты Корана. Священная книга мусульман состоит из 114 глав (*сур*, т.е. «важнейших разрядов», глав), каждая из которых делится на стихи (*аяты*, т.е. «знамения, чудеса»). Суры расположены по размеру — от наибольших к самым кратким, в несколько строк (хотя те и другие изречения обнародовались Мухаммедом в разные периоды его жизни — сначала самые лаконичные, затем всё более пространные). Почти весь Коран написан ритмической прозой. Каждая сура имеет (условное) название (например, «Корова», «Свет», «Ангелы», «Звезда» и т.д. — по самой яркой её фразе или теме). Все суры (кроме девятой) начинаются формулой: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!» С этой фразой мусульманин начинает любое важное дело.

Попозже самого Корана были записаны *хадисы* — рассказы знавших Мухаммеда и его сподвижников лично людей об их поступках и высказываниях. Сборники таких рассказов именуются *сунна*. Поскольку пророк нередко высказывался довольно туманно, потребовалось составить подробные толкования Корана (*тафсир*). На основе Корана и хадисов мусульманские богословы разработали *шариат* (по-арабски «правильный путь») — свод принципов мышления и правил поведения, обязательных для каждого мусульманина. Согласно сурам Корана регламентируется жизнь правоверного мусульманина (пищевые запреты, количество жён, отношения в семье, правила наследования имущества, торговых сделок, раздела военной добычи, внесения и распределения налогов, отношения к другим религиям и

т.д.). Здесь же определены самые тяжелые грехи — ростовщичество, пьянство, азартные игры, супружеская неверность, воровство. Таким образом, в отличие от остальных религий, в исламе *нет разделения общества, церкви и государства*. Здесь и церковью, и частью государства является сама мусульманская община-умма.

Священное писание любой крупной религии противоречиво. Не составляет исключения и Коран: одни его стихи противоречат другим. Это связано с тем, что менялось положение Мухаммеда — сначала его мало кто признавал, ему угрожали; затем он завоевал беспрекословный авторитет соотечественников. Кроме того, сложностью отличаются темы отдельных частей Корана. Поэтому им с успехом пользуются как мирные мусульмане, так и исламские террористы.

Ещё более гибкой логикой отличаются сборники хадисов. 6 наиболее авторитетных из них составлены в IX в. Вот пример оттуда одной из речей Мухаммеда: «Люби бедных; всегда обращай внимание на тех, которые стоят ниже тебя, и не обращай внимания на тех, кто стоит выше тебя; не проси никогда ничего ни у кого; храни верность родственникам, хотя бы они и причиняли тебе горе; говори всегда правду, как бы она ни была горька; не позволяй совращать себя оскорблениями с пути Божьего». В хадисы включены также многие пригласившие арабов идеи соседних с ними и покорённых ими народов (вплоть до мнений античных философов, христианских молитв, идей иудаизма, зороастризма и прочих учений древности и средневековья). При этом ярко проявились особая любознательность арабов и их склонность к путешествиям в чужие страны.

При всей пестроте своих источников, ислам отличается внутренним единством. Его исходная формула — *Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его*. В этом высказывании подчёркивается две исходных и важнейших идеи — единобожия и пророческой миссии Мухаммеда. Главный долг каждого мусульманина — подтверждать это. 112-я сура Корана гласит: *Скажи: Он — Бог — один / Бог крепкий; / не родил и не был рождён, / и не был Ему равным ни один!* Аллах одновременно и грозный, и милостивый для людей; он непостижим для них и одновременно постоянно являет себя им через разные знамения. Сотворив весь мир, Аллах управляет им, сообщив людям свою волю через своего пророка — Мухаммеда. Благочестивый мусульманин обязан как можно чаще упоминать Аллаха по его многочисленным (99) именам (*милостивый, милосердный, верный* и т.п.). Согласно исламу, всё происходящее в мире, как добро, так и зло, а также все поступки людей обусловлены волей Всевышнего.

Предшественниками Мухаммеда, тоже пророками признаются основоположники иудаизма (библейские пророки Авраам-Ибрахим, Моисей-Муса, Давид-Дауд и др.) и христианства (Иисус-Иса). Своё происхождение арабский народ возводит к старшему сыну пророка Авраама — Исмаилу. Согласившись с этим, Мухаммед утверждал, будто именно ими воздвигнуты стены Каабы. Мусульмане признают священное происхождение Ветхого и Нового Заветов Библии, однако считают, что иудеи в Торе и христиане Евангелии исказили божественный закон. Тем не менее, именно у них ислам заимствовал представления о загробном мире, страшном суде, рае и аде, ангелах и демонах, а главное, — об абсолютном всеилии единого Бога. Поскольку люди забывали или искажали поучения его пророков, милостивый Бог послал им последнего — Мухаммеда (тот поэтому именуется в исламе *печатью пророков*). Язык Корана, а значит для мусульманина, и Бога, — только арабский. Слушать или читать Коран по-

арабски для мусульман означает внимать самому Аллаху. Переводы Корана на другие языки считаются ими лишь популярными истолкованиями его текста. Богослужения в любой мусульманской стране ведутся только на арабском.

Таким образом, ислам возник как своеобразный синтез иудаизма, христианства и аравийского язычества. Мухаммед творчески переработал их содержание и применил к социально-политическим условиям и задачам своего народа. Не договорившись о союзе с иудейской и христианскими общинами Медины, пророк в своих проповедях от идеи веротерпимости («нет принуждения в религии») перешёл к идее безусловного преимущества ислама над прочими вариантами единобожия. Общим днем молитвы мусульман становится пятница — в противовес иудейской субботе и христианскому воскресенью.

Мусульманское вероучение базируется на *пяти основных принципах*.

- Первый назывался выше. Это вера в единого Бога и пророческий дар Мухаммеда (*шихада* — «свидетельство»). Произнося главную формулу — «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед — посланник его», мусульманин отличает себя от людей других вероисповеданий. В сражении это изречение (или его краткий эквивалент: *Аллах акбар!* — «Аллах велик!») служит боевым кличем. Погибший с таким возгласом на устах воин признаётся *шахидом*, становится мучеником за веру, которому уготовано райское блаженство. Произнесения шихады в присутствии двух взрослых мусульман-свидетелей (мужчин) достаточно для принятия ислама.

Остальные четыре *идейных столпа ислама* следующие:

- обязательная 5 раз в день, в строго определённое время молитва (*намаз*); его совершают на рассвете, около полудня, перед вечером, перед закатом и с наступлением ночи; кроме этих 5 обязательных может быть совершено любое число добровольных молитв; молитва сопровождается очищением верующего, внутренним (настрой на покаяние и искупление) и внешним (водой, а если её нет, то песком, камнем) омовением; молитвенный ритуал *ракат* включает в себя цикл молитвенных поз (стоя, в пояском поклоне, на коленях, сидя на пятках) и движений, которые сопровождаются произнесением молитвенных формул; последовательность этих движений и формул возводится к Мухаммеду и с тех пор не меняется; молиться можно как индивидуально, так и коллективно; полуденную молитву в пятницу рекомендуется совершать в мечети;

- периодический (в течение месяца *рамадан* по лунному календарю) пост (*ураза*); он состоит в полном воздержании в светлое время суток от любой еды, питья, курения, исполнения супружеских обязанностей, т.е. от всего того, что отвлекает от благочестивого настроения; с наступлением ночи эти запреты снимается, однако рекомендуется и тогда проводить время не только во сне, но и за чтением Корана, раздумьями, беседами, раздачей милостыни и совершением других добрых дел;

- налог в пользу бедных и немощных членов мусульманской общины (*закят*); его выплачивают состоятельные мусульмане; кроме нищих, сирот, инва-

лидов, престарелых, странников, из этого же источника финансируются войны за веру;

- паломничество в Мекку (*хадж*) к храму Каабы; его обязан совершить хотя бы раз в жизни каждый мусульманин, если позволят здоровье и финансы; кульминацией паломничества является стояние у горы Арафат (как бы непосредственно перед ликом Аллаха) и обход Каабы; совершивший паломничество получает звание *хаджи* и право носить зелёную чалму; массовый сбор паломников в Мекку символизирует единство мусульманской общины всего мира, независимо от национальных и прочих различий верующих в Аллаха.

Дом пророка в Медине стал первой мусульманской церковью — *мечетью*. Здесь были выработаны основные обряды ислама (форма молитвы, порядок поста, ритуал восходящего к язычеству праздника жертвоприношения — *курбан-байрам*). Этот главный праздник мусульман начинается после завершения паломничества и длится три дня. В память о жертвоприношении Авраама, паломники забивают тогда домашний скот (барана, верблюда, быка); две трети мяса принято раздаривать неимущим.

Также три дня длится второй по значению мусульманский праздник — *ураза-байрам*. Он отмечается после поста в месяце рамадан и состоит в разговении — обильной праздничной трапезе, после общей молитвы. Как писал Р. Киплинг:

Опустили руки мы как мудрецы
В коричневый соус из жирной овцы
И кто не ел из того котла —
Не умеет добра отличить от зла...

В дни своих праздников мусульмане надевают парадные одежды, посещают могилы предков и родственников, наносят визиты родным и друзьям, дарят им подарки.

Несколько поколений исламских богословов до мелких деталей регламентировали повседневную и общественную жизнь мусульман. Ни одна другая религия так глубоко не проникает в политику, экономику, право, частную жизнь, как ислам. Первые преемники Мухаммеда — *халифы* (заместители) Абу Бакр, Омар, Осман, как и он, сочетали в своих руках высшую светскую и религиозную власть. Однако уже при четвёртом халифе — Али в мусульманском государстве (*халифате*) возникли крупные разногласия по поводу порядка передачи и раздела власти. В результате ислам раскололся на три главных направления: *суннитов*, *шиитов* и *хариджитов*, а также ещё целый ряд более мелких направлений.

Сунниты (их теперь до 90 % всех мусульман мира) отдают власть в государстве халифу, избираемому всей мусульманской общиной (часть хадисов, касающихся халифа Али, они отрицают). У суннитов нет церкви и священнослужителей в нашем (христианском) понимании этих институтов; суннитские богословы, в отличие от шиитских, не пользуются правом выносить собственные решения по вопросам религиозной и общественной жизни, их роль сводится к

толкованию текста Корана и поучению верующих с его помощью. А шииты считают законной передачу власти в исламском государстве лишь по наследству потомкам пророка Мухаммеда по линии его двоюродного брата Али. Для суннитов глава мусульманской общины — *имам* («стоящий впереди», на молитве, прежде всего) выступает лишь руководителем молитвы. Его функции может выполнять любой благочестивый мусульманин, умеющий читать Коран. А в глазах шиитов он воплощает в себе божественную благодать, передающуюся от одного потомка Али к другому. Поэтому для шиитов власть имама имеет божественное происхождение и не зависит от желания людей.

Шиизм, в отличие от суннизма, не представляет собой единого движения, но расколот на многие течения и секты (имамитов, исмаилитов, друзов, алавитов и многие другие). Истинного имама — вождя всех мусульман они усматривают в разных деятелях этой религии из разных поколений потомков пророка. Сейчас для большинства шиитов зримого имама нет, а представителями временно скрытого имама считаются главные авторитеты ислама — *аятоллы*. Они имеют право отдавать приказы по самым важным вопросам не только религиозной, но и общественной жизни тех стран, где господствует шиизм (например, в Иране).

Кроме суннитов и шиитов разных толков, в исламе существуют и появляются ещё более жёсткие варианты вероисповедания и культа. Это упомянутые выше хариджиты («повстанцы») — первая секта в исламе, добивавшаяся (сугубо террористическими методами) демократизации власти в Халифате при пророке Али. Затем прославились мистики *суфьи*, проповедующие строгий аскетизм — отказ от всех земных благ, доходящие до экстаза молитвы и прочие ритуальные телодвижения (*зикр*).

Печальную известность получил в последнее время также *ваххабизм*, настаивающий на немедленном начале войны против представителей других религий (*джихад*, *газават*). Основателем этой секты в конце XVIII в. стал Мухаммед ибн Абд-аль Ваххаб, проповедовавший среди аравийских бедуинов строгое восстановление «чистоты первоначального ислама». С тех пор ваххабиты особо беспощадно искореняют в своей среде показную роскошь, алкоголь и наркотики, пение и танцы, прочие развлечения. На самом деле, изначально и до сих пор идеи этой секты служили прикрытием для передела власти в отдельных районах мусульманского мира, для нападения с той же целью на соседние страны. Последнее по времени государство, где победили ваххабиты, — Саудовская Аравия. Именно представители ваххабитов возглавили войну чеченцев за отделение Кавказа от России; они же придали этой борьбе террористические формы (захваты заложников и превращение их в рабов, взрывы жилых домов, угоны самолетов и пароходов с мирными жителями, т.п.). Свои фанатики были и есть в истории любой крупной религии, но именно в исламе они сохранились в большом числе до наших дней. Однако эти террористы представляют не весь ислам, а только его фундаменталистскую (т.е. доведенную до крайности, нежелающую меняться в мирную сторону) часть. Многие представители междуна-

родного терроризма находят убежище и поддержку в странах наиболее фундаментального ислама (Ливии, Иране, Палестине, Афганистане). Террористы, прикрывающиеся Кораном, опасны в первую очередь настоящим мусульманам, поскольку создают им невыносимые условия жизни, навлекают на них вражду соседних стран и народов. Скажем, афганские *талибы* («студенты» *медресе*-школ при мечетях) — солдаты, завербованные, обученные и вооружённые Пакистаном, захватили почти всю страну и устанавливают там варварский образ жизни (запрещались радио и телевидение, игры вроде шахмат; женщины не имели права работать вне дома, появляться на улице без закрывающей лицо чадры, сопровождения мужчин-родственников и т.п.). По приказу имамов движения Талибан разрушались ценнейшие памятники буддизма и других религий на территории Афганистана. Всё это безумие закончилось вторжением армии США и насильственным свержением талибского режима.

С искажённым фундаменталистами исламом предстоит долгая и трудная борьба. Борьбе с терроризмом в мусульманской оболочке должны помогать мирные трактовки ислама, призывающие творить людям добро.

Приложение

Дхаммапада

[Буддийский сборник изречений. III–IV вв. до н. э.]

... 4. «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обокрал меня». У тех, кто не таит в себе такие мысли, ненависть не прекращается.

5. Ибо никогда в мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. ...

61. Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепит-ся в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы.

124. Если рука не ранена, можно нести в руке яд. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу.

190. Тот же, кто нашел прибежище в Будде, в Дхамме и в Сангхе, кто владеет подлинным знанием, видит четыре благородные истины.

191. Зло, происхождение зла и преодоление зла, и благородный восьмеричный путь, ведущий к прекращению зла.

[*Четыре благородные истины* — идейная основа буддизма, сформулированная Буддой после просветления. Более развернуто четыре благородные истины сводятся к следующему: 1) в мире есть зло, страдания и они не случайны; 2) поскольку всё в этом мире причинно обусловлено, зло и страдания имеют своё происхождение: они зависят от рождения, которое, в свою очередь, определяется привязанностями; 3) если устранить причину, то зло и страдания прекратятся; 4) к прекращению зла и страданий ведет благородный восьмеричный путь: правильный взгляд, правильные намерения, правильная речь, правильные поступки, правильная жизнь, правильные усилия, правильная память, правильное сосредоточенное размышление. Каждое из этих восьми звеньев препятствует возникновению условий, вызывающих страдание; уничтожает невежество и привязанности, успокаивает и приближает к просветлению. Когда цепь рождений прерывается, страдания прекращаются и начинается нирвана].

201. Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живёт спокойный, отказавшийся от победы и поражения.

228. И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы».

Дхаммапада / Пер с пали, коммент. *В.Н. Топорова*. М., 1960
(Памятники литературы народов Востока.
Переводы. III. Bibliotheca Buddhica. XXXI).

Коран

1

Открывающая книгу

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Хвала Аллаху, Господину миров
Милостивому, милосердному,
Царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помочь!
Веди нас по дороге прямой,
По дороге тех, которых ты благодетельствовал, —
Не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

2

Корова

... Поистине, те, которые не уверовали, — всё равно им, увещевал ты их или не увещевал, — они не веруют.

Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их — завеса. Для них — великое наказание! ...

И сражайтесь на путях Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!

И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн хуже, чем убиение! ...

Они спрашивают тебя: что им издерживать? Скажи: «Что вы издерживайте из блага, то — родителям, близким, сиротам, бедным, путникам. Ведь, что бы вы ни сделали из добра, — поистине, Аллах про это знает».

Ваши жёны — нива для вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете, и уготовывайте для самих себя, и бойтесь Аллаха, и знайте, что вы Его встретите, — и обрадуй верующих!

...

А когда вы дали развод жёнам, и они достигли своего предела, то удерживайте их согласно принятому или отпускайте их согласно принятому, но не удерживайте их насильно, преступая: если кто делает это, тот несправедлив к самому себе. ...

4

Женщины

О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из неё пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин. ...

... Женитесь на тех, кто приятен вам, женщинах, — и двух, и трёх, и четырёх. А если боитесь, что не будете справедливы, то — на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы. Это — ближе, чтобы не уклониться. И давайте жёнам их приданое в дар. Если же они соблаговолят чем-нибудь из этого для вас, то питайтесь этим на здоровье и благополучие. ...

Завещает вам Аллах относительно ваших детей: сыну — долю, подобную доле двух дочерей. А если они (дети) женщины, числом более двух, то им — две трети того, что он оставил, а если одна, то ей — половина. ... Поистине, Аллах знающ, мудр! ...

А те из ваших женщин, которые совершат мерзость, — возьмите в свидетели против них четырёх из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не упокоит их смерть или Аллах устроит для них путь. ...

Мужья стоят над жёнами за то, что Аллах дал одним преимущества перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины — благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, убеждайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, — поистине, Аллах возвышен, велик!

5

Трапеза

...Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удушенная, и убитая ударом, и убитая при падении, и забоданная, и то, что ел дикий зверь, — кроме того, что убьёте по обряду, — и того, что заколото на жертвенниках, и чтобы вы делили по стрелам. ...

О вы, которые уверовали! Когда встаёте на молитву, то мойте ваши лица и руки до локтей, обтирайте голову и ноги до щиколоток.

А если вы не чисты, то очищайтесь; и если вы больны, или в пути, или кто-нибудь из вас пришёл из отхожего места, или вы касались женщин и не найдёте воды, то оmyвайтесь хорошим песком, — обтирайте им свои лица и руки. Аллах не хочет устроить для вас тяготы, но только хочет очистить вас и чтобы завершить свою милость к Вам, — может быть, вы будете благодарны! ...

9

Покаяние

... И призыв от Аллаха и Его посланника к людям в день великого хаджа о том, что Аллах отрекается от многобожников и Его посланник. И если вы обратитесь, то это — лучше для вас, а если отвратитесь, то знайте, что вы не ослабите Аллаха. Обрадуйте же тех, которые не уверовали, мучительным наказанием.

... Избивайте же многобожников, где их найдёте, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте! ...

*Перевод с арабского академика И.Ю. Крачковского (1883–1951),
первое издание 1963, второе — 1986 гг.*

21. РЕЛИГИИ МИРА. ХРИСТИАНСТВО.

Теоретический минимум

1. Происхождение христианства. Иисус Христос и апостолы его учения. Идеи Нагорной проповеди. Этика Нового завета.
2. Путь христиан от подпольной секты до официальной религии и государственной церкви.
3. Библия как священное писание христиан и литературное произведение. Состав Библии, влияние её образов на мировую культуру.
4. Разделение христианской церкви на католицизм, православие и протестантизм. Общее и особенное их вероучения и культа.
5. Крещение Руси, его причины и последствия. Христианская книжность отечественного Средневековья. Православная философия «серебряного века» русской культуры.
6. Православная церковь в России, СССР и Российской Федерации. Социальная доктрина РПЦ и её отражение в общественном мнении разных слоёв российского общества.

Литература

Лекция 21.

Основы религиоведения. М., 1994 (Гл. IX. «Христианство»).

Горелов А.А. История мировых религий. М., 2006 (Гл. 8–11).

Ильин В.В., Кармин А.С., Носович Н.В. Религиоведение. СПб., 2006 («Христианство», «Католицизм», «Протестантизм»).

Религии мира. Пособие для учащихся. М., 1997.

Религии мира. Пособие для учителя. М., 1994.

Миркина З., Померанц Г. Великие религии мира. М., 1995; 2-е изд. 2000.

Евангелие от Матфея. М., 1991.

Канонические евангелия. М., 1992.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового заветов. Канонические. Синодальный перевод. Юбилейное издание к 2000-летию Рождества Христова. (Или другие издания).

Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. 95–197 гг. М., 2003.

Амусин И.Д. Кумранская община. И., 1983.

Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007.

Апокрифы древних христиан. М., 1989.

Ауни Д. Новый завет и его литературное окружение. СПб., 2000.

Васильев А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010.

Гёче Г. Библейские истории. М., 1988.

- Гибсон III. Последние дни Иисуса. Археологические свидетельства / Пер. с англ. М., 2010.
- Деко А. Апостол Павел. М., 2005.
- Десницкий А. Введение в библейскую экзегетику. М., 2011.
- Дубровина К.Н. Библейская мудрость в русской речи. Словарь библейской фразеологии русского языка. М., 2007.
- Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. 5-е изд. М., 2012.
- Каарияйнен К., Фурман Д.Е. Люди на тающей льдине (Ценностные ориентации религиозной элиты России) // Вопросы философии. 1999. № 1.
- Карсавин Л. Путь православия. М., 2003.
- Карташёв А.В. Вселенские соборы. М., 1994.
- Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. М., 1992.
- Мецгер Б. Текстология Нового завета. М., 1996.
- Косидовский З. Библейские сказания. Сказания евангелистов. М., 1990.
- Осипов А.И., Щапов Я.Н. Православие: основы вероучения, символы, краткая история // Преподавание истории в школе. 1991. № 6.
- Павловский А. Ночь в Гефсиманском саду. Избранные библейские истории М., 1991.
- Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
- Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский (К.В. Нечаев). Тело, душа, совесть // Человек. 1990. № 1.
- Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
- Рассел Б. Почему я не христианин? М., 1987.
- Ратцингер Й. (Папа Бенедикт XVI). Иисус из Назарета / Пер. с нем. М., 2008.
- Сандрес А.П. Иисус в контексте иудаизма / Пер. с англ. М., 2012.
- Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
- Свенцицкая И.С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003.
- Свенцицкая И.С. От общины к церкви (О формировании христианской церкви). И., 1985.
- Святые и святость в жизни русского народа. Этнографическое исследование / Отв. ред. О.В. Кириченко. М., 2010.
- Сысоева Ю. Записки попадьи. Особенности жизни русского духовенства. М., 2008; 2-е изд. М., 2012..
- Тантлевский И.Р. История и идеология кумранской общины. СПб., 1994.
- Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2010 (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века).
- Фроловский Г. Восточные отцы церкви. М., 2003.
- Христианство в регионах мира (Христианская архаика) / Отв. ред. М.В. Альбедиль, Ю.Ю. Шевченко. СПб., 2012.
- Чедвик О. Реформация: противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI–XVII веков / Пер. с нем. М., 2011 (История сталинизма).
- Элен П. Семён Л. Франк: философ христианского гуманизма / Пер. с нем. М., 2012.

Тематика рефератов

Идейные предтечи христианства на Востоке и на Западе: стоики, орфики.
 Гностическая философия поздней античности.
 Происхождение христианства глазами историков и писателей.
 Апостол Павел — просветитель язычников.
 Евангелие от Фомы и другие апокрифы раннего христианства.

Рукописи Мёртвого моря и кумранская община протохристиан (ессеев).
 Отцы христианской церкви как философы морали и жизни.
 Фома Аквинский — систематизатор средневековой схоластики.
 Православная философия «серебряного века» русской мысли.

Текстологический практикум

Конспект

Христианство — наша религия. Каждое слово этой фразы нуждается в пояснении. *Христианство* давно разделилось на несколько мощных «ветвей», а те на массу «веточек» — церквей и сект. «*Мы*» — это прежде всего русские. Среди них больше всего православных, но немало и сторонников иных деноминаций и конфессий, а то и просто безбожников. Соседние славянские народы — украинцы, белорусы тоже в основном православные, но среди них сильнее влияние католицизма, его компромиссного с православием варианта — униатства. И в России, и особенно в пограничных с ней странах сравнительно широко распространены другие мировые и национальные религии — ислам, буддизм, иудаизм и прочие. На северных и азиатских окраинах России остаются принципиальные язычники, шаманисты. Ещё больше среди нас равнодушных к любой религии. Остаются до сих пор атеисты — более или менее активные противники религии и церкви. Есть и просвещённые агностики, свободомыслящие. С другой стороны, у нас много единоверцев-православных среди представителей иных рас и народов. Но и те, и другие, и третьи, и пятые и десятые наши соотечественники родились и выросли в стране, которая уже более тысячи лет принадлежит к христианской, православной культуре. Поэтому волей-неволей, в той или иной степени, реже или чаще все мы думаем и поступаем по-христиански. На идеи Нового Завета христианской Библии так или иначе опирается идеология и психология нашей жизни. Поэтому всем нам стоит лучше познакомиться с этой религией, не спеша ни отвергать её с негодованием, ни принимать всем сердцем, некритически.

Идейные предшественники, отчасти соперники *христианства* по-своему реагировали на кризис греко-римского мира, всё усиливавшийся под конец старой эры. Эти варианты философии и религии в чём-то они предвосхищали христианство, в чём-то уступали ему, но и подготавливали умы к восприятию такого рода новых для античного мира идей и надежд. «Зерно» поучения Иисуса упало на почву, подготовленную для его триумфального роста.

Ещё в Греции периода её расцвета появились *тайные общества*, поклоняющиеся мифическому певцу и музыканту Орфею. *Орфики* переосмысливали весь пантеон олимпийских богов в мистико-символическом духе: из яйца Хроноса (Времени) родился Эрос (божество любви и света), создавший этот мир и населивший его богами и людьми. Душа человека обречена вечным перевоплощениям, но их круг может быть сокращён или даже пре-

рван правильной жизнью — презрением к нуждам плоти, аскезой. Высшей наградой за аскетизм служит блаженное бессмертие. Совершая свои мистерии в глубокой тайне, последователи орфизма не покушались на устройство полиса и власть императора. Но намечали идеи будущего христианства — неокончателности смерти, загробного воздаяния по земным делам, возможности бессмертия для всех праведников.

Многие восточные религии опирались на *эсхатологические идеи* — грядущей катастрофе этого несовершенного мира, приходе *спасителя людей*, который утвердит новый, окончательный и справедливый порядок (греческое слово *эсхатос* означает «крайний», «конечный», т.е. будущее и завершающие времена мира и человека). На такого спасителя уповал *зороастризм* — персидская поначалу религия.

Названные мысли плотно впитал в себя *иудаизм* — религия древних евреев. Они верили, что бог Яхве заключил с их предками договор (*завет*), согласно которому тех, кто выполняет 10 заповедей Торы ожидает будущее царство справедливости (знаком «завета» служил обряд обрезания правоверных). Иудеи ожидали спасения от конкретного лица — избранника божия (помазанник — по-древнееврейски *машиах*; по-гречески *мессия* или *христос*). Согласно пророчествам, таким избранником должен был стать кто-то из потомков царя Давида (того ведь сам бог посвятил, помазал в цари). Еврейский народ ожидал прихода такого избавителя много веков, начиная примерно с середины I тысячелетия до новой эры. Евреев неоднократно изгоняли и переселяли более сильные соседи, поэтому идеи Ветхого завета сначала собирались повсюду, а затем повсюду же распространялись на Ближнем Востоке, который служил тогда своего рода буфером между Востоком и Западом.

Место и время появления и первоначального развития *христианства* не случайны. Эта религия ознаменовала смену двух огромных этапов развития европейской цивилизации — античного на средневековый. Если же ещё учесть последующие периоды истории Европы, Западного мира в целом, то именно христианство оказалось подходящей теорией, наилучшей идеологией этой истории, западной культуры. Но не надо думать, что рассматриваемая доктрина, система ценностей возникла в готовом виде раз навсегда. Как всегда бывает в духовной жизни общества, подходящая идеология опирается на что-то в прошлом, впитывает в себя властные импульсы настоящего и предугадывает будущее, отчасти подстраиваясь под него, отчасти его же предопределяя. Так вышло и с христианством. Не стоит воспринимать канонические Евангелия как документально точное изложение событий. На этом настаивает церковь — это её право и дело. Не надо впадать и в противоположную крайность — объявлять всё это мифом, сказкой. Так утверждали скептики, атеисты (Вспомним булгаковского Берлиоза). Все писания первых поколений христиан неоднократно переписывались, отбирались и редактировались. Множество деталей и оценок в этих текстах перепутано или выдуманно. Но для потомков неважны эти детали (например, в каком именно городе родился Иисус, принадлежал ли его отец к царскому роду, был ли он причастен к рождению сына или же выступил просто номинальным его родителем, и т.д. — такого рода подробности, скорее всего, привнесены в текст Святого писания позднее, исходя из представлений древних евреев о своём Спасителе). Независимые исторические источники подтверждают:

- тот, кого называли Иисусом Христом, на самом деле жил в первой половине I века новой эры в Палестине (главным образом в Галилее);

- будучи по рождению и воспитанию правоверным иудеем, он многое заимствовал из учения раввинов (Ветхого завета); ещё больше общего у него было с другими группами отколовшихся от иудаизма аскетов, искателей другой истины (историкам известны несколько таких «орденов», но их могло быть и больше — проектов новой веры было несколько, равно как и кандидатов в её пророки);

- проповедь Иисуса оказалась по сердцу многим галилейским беднякам, изнывавшим от гнёта нескольких «эшелонов власти» — и римской, и своей местной; попытки вооружённого сопротивления тотальному угнетению раз за разом топились в крови; приходилось надеяться на духовное спасение и ненасильственное сопротивление богатым и властителям;

- именно группе поклонников Христа «повезло» оказаться в такое время и в таком месте, где учение их основателя не погибло, а было подхвачено последователями; вовремя видоизменялось в соответствии духовными чаяниями первых поколений христиан; в конце концов, идеи ненасильственного сопротивления, уравнивания в правах и более справедливого распределения собственности получили поддержку (правда, уже за пределами Иудеи, где группы христиан были физически перебиты римлянами, а народ в массе своей в христианство так и не перешёл);

- зато на просторах Европы, как Западной, так и Восточной, новая вера постепенно была с теми или иными поправками принята, сначала как одна из нескольких допустимых государством религий, а затем и как единственно подходящая для государства и общества; в таком успехе христианства огромная заслуга его основателя — одного из гениальных мыслителей и мужественных политиков человечества;

- в отличие от других оппозиционных группировок, Христос и его окружение, поддержанные прежде всего бедняками, униженными и оскорблёнными, обращались свою проповедь ко всем слоям палестинского общества, верили возможности их обращения в правую веру; именно эта открытость позволила следующим поколениям христиан вербовать на свою сторону представителей самых разных народов, а не только иудеев; превратить сугубо местное палестинское движение в общеевропейскую, а затем и мировую религию.

Иисус Христос — основоположник христианства. Иисус — греческий перевод (по-еврейски Иешу́а) имени религиозного проповедника из *Назарета* — небольшого города в области *Галилеи*, на севере *Палестины*. В 20-е – 30-е гг. I века новой эры в этом регионе Ближнего Востока располагалась одна из провинций Римской империи — Иудея. Еврейским народом здесь жёстко правили наместники (прокураторы) императорского Рима (в указанный момент представлявшие власть императора Тиберия). С римскими оккупантами сотрудничали местные цари Иудеи и священники столичного Иерусалимского храма, осуществлявшие функции внутреннего управления страной. Тут, как и во многих других провинциях позднего Рима, обострялись социальные конфликты, боролись разные политические группировки. Свои политические и экономические

интересы они выражали в религиозной форме. Среди иудеев выделилась группа *фарисеев* — ревностных учителей иудаизма, знатоков Ветхого Завета будущей Библии и комментариев к нему — *Талмуда*. Они представляли средний класс еврейского общества. За сотрудничество с Римом, открытость другим народам выступали *саддукеи* — идеологи жреческой аристократии. Эти не отличались религиозным фанатизмом, воспринимали подходящие для себя идеи греко-римского мира. Заговорщики-«*зилоты*» (по-еврейски «кинжальщики») готовили террористические нападения на римских военнотружущих.

Бедные слои народа не находили идейной поддержки ни у тех, ни у других, ни у третьих. Поэтому то и дело появлялись религиозные диссиденты — критики иудейского жречества, проповедники религиозной реформы. Одним из них и был Иисус, прозванный своими последователями Христос — греческий перевод еврейского слова *Мессия*, т.е. «помазанник», в смысле «избранник» (истинного Бога, его посланец к людям, спаситель их душ для вечной жизни на том свете). Такого посланника Божия евреи давно ожидали, надеясь, что он освободит их от гнёта Рима и, более того, покорит еврейскому государству Израилю другие народы. Так пророчествовали их ветхозаветные мудрецы. Однако Иисус не оправдал таких теократических ожиданий. Он призывал не к политической революции, а к духовному преображению людей. Поэтому за ним последовала лишь небольшая часть еврейского народа и его учение — христианство утвердилось в качестве международной религии уже за пределами Палестины. Сами евреи его не приняли прежде всего потому, что новый учитель проповедовал не еврейский национализм, исключительность, а интернационализм, всечеловечность. Тем не менее, большинство догматов заимствовано христианами из иудаизма, конечно, в несколько переделанном виде.

О жизни Иисуса сообщают несколько вариантов его церковной биографии — *Евангелия* (т.е. «благая весть» — о долгожданном евреями пришествии Спасителя, Сына Божия). «Благовестием» первоначально именовали всю пропаганду первых христиан. Упоминания о них в трудах синхронных, но независимых, нехристианских историков (Тацита, Светония, Иосифа Флавия и других) подтверждают реальность, историчность фигуры этого Христа. Он оказался человеком выдающихся способностей духовного лидера, проповедника, мыслителя. За ним пошли первые ученики — *апостолы* (по-гречески «посланники» — к людям с благой вестью о рождении их спасителя), в своем большинстве тоже весьма незаурядные по интеллектуальным и волевым качествам личности. Двое из них — *Матфей* и *Иоанн* впоследствии составили два варианта Евангелия, а ещё два, вошедшие в христианский канон, написаны представителями второго поколения христиан — *Марком* и *Лукой* (учениками двух самых авторитетных апостолов — Петра и Павла). Остальные евангелия (от Фомы, Петра, египтян и прочие) были признаны на церковных съездах-соборах *апокрифами* (по-гречески «тайными», «скрытыми») — подложными, недостоверными версиями деяний и судьбы Христа.

В число апостолов — наиболее близких Иисусу учеников, он придирчиво отобрал из множества любопытствующих, присоединявшихся к его странствию на какое-то время, следующие лиц:

- 1) самым первым стал *Симон* (переименованный учителем в *Петра* (по-гречески «камень» — «на этом камне воздвигну церковь свою», верил её основоположник);
- 2) брат Симона — *Андрей* (по легенде, впоследствии крестивший наших предков — восточных славян);
- 3) *Иаков* (старший, сын Зеведея);
- 4) его младший брат *Иоанн* (первый евангелист);
- 5) *Филипп*;
- 6) *Варфоломей*;
- 7) *Фома*;
- 8) *Иаков* (тёзка одного из предыдущих, сын Алфея);
- 9) *Симон Зилот*;
- 10) *Иуда*, сын Иакова;
- 11) *Иуда Искарот* (оказавшийся предателем); наконец,
- 12) *Левий*, он же *Матфей* (заместивший предателя уже после казни Иисуса и ставший вторым евангелистом).

Каждый из апостолов после смерти учителя возглавил целую общину его поклонников. Большинство первых последователей Христа оказались по-своему незаурядными людьми; именно благодаря их интеллектуальной и организационной активности христианство, в отличие от многих аналогичных сект того времени, не погибло, а распространилось, укрепилось в разных местах Римской империи. Даже гнусный предатель Иуда из города Кириафа своим ужасным примером (кончил свою молодую жизнь в петле) стал зримым предостережением тем, кто попытался бы пойти в христиане, а потом изменить им.

Иисус — выходец из семьи скромного достатка (его отец *Иосиф* был плотником, хотя их род восходил к иудейскому царю Давиду, откуда и должен был, согласно пророчеству, явиться мессия). Мать Христа *Мария* родила его не в родном городе, а в соседнем селении Вифлееме. Младенца удалось спасти от жестокого иудейского царя *Ирода Великого*, велевшего убивать всех новорожденных того года, потому что среди них, согласно такому же пророчеству, находился губитель его царства. Дожив лет до тридцати правоверным иудеем, Иисус затем круто изменил свою жизнь — стал странствующим проповедником. Водное крещение он принял от одного из своих предшественников — отшельника *Иоанна* (археологи недавно нашли его пещеру и тот самый водоём-крещальню). Он первым признал в нём мессию. С тех пор Иисус странствовал по Иудее и Галилее, обращался к людям со своими поучениями. К нему присоединялись те или иные земляки, когда хозяйственные дела позволяли им на время покинуть свои дома и семьи. Молва приписывала Иисусу серию чудес (хождение по воде, превращение воды в вино, исцеление паралитика, даже воскрешение умершего). Его критика иудаизма, а особенно иудейского жречества встревожила и римские, и местные власти. Его арестовали и судили (за «подстрекательство к мятежу») вместе с уголовными преступниками, приговорили к смертной казни. Приговор церковного суда Синедриона утвердил римский *прокуратор* *Понтий Пилат*, чьи солдаты распяли Христа на горе Голгофе («Череп»). Апостолы Христа утверждали, что после казни и похорон Христос чудесным образом воскрес и был вознесён на небо.

Группа первых поклонников Иисуса Христа была не первой и не единственной сектой, отколовшейся от иудаизма. В Палестине на рубеже старой и новой эр действовали несколько таких оппозиционных, по сути раннехристианских общин. Их идеология и образ жизни во многом совпадали. Они ждали конца света и чудесного спасения верных Богу лиц. В середине прошлого века в местечке Вад-Кумран случайно были открыты и затем расшифрованы учёными рукописи одной из таких общин. Этот архив получил название *текстов* (с берегов) *Мёртвого моря*. Многие в этой библиотеке перекликаются с известной теперь всему миру Библией.

Ещё одна рукопись в том же роде — так называемое «Евангелие от Иуды», недавно опубликованное. Оно отражает идеи *гностиков* — мистической философии.

Учение Христа наиболее ярко и полно выражено в одной из его «лекций» апостолам — Нагорной проповеди. Христос не отвергает 10 заповедей иудаизма, изложенных людям Моисеем в качестве Божьего завета («Не убивай, не воруй, не изменяй в супружестве, не приноси ложных клятв» и т.д.). Однако он считает их недостаточными для праведного поведения и спасения души. Выполнение только этих ограничений не искореняет греховности людей, не останавливает зла. Старые заповеди уповают на вполне понятные здравому смыслу вещи — силу оружия, денег, групповой поддержки (родственников, единоверцев, соотечественников). С точки зрения Христа, надо обратить внимание не на материальные, а на духовные ценности. Увидеть не то, что различает людей (цвет кожи, пол, происхождение, уровень доходов и т.д.), а то, что их всех роднит (совесть, доброта, великодушие, взаимопомощь). Понять, что одного материального достатка нормальному человеку недостаточно для счастья. Нужно ещё заслужить любовь своих ближних. Примерно так можно понять афоризмы и парадоксы Нагорной проповеди и прочих поучений Христа.

*Вы знаете, что было сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю Вам: не мсти тому, кто причинил тебе зло. Если кто-то рубашку хочет у тебя отсудить, пусть забирает и плащ. Если тебя заставляют сопровождать кого-то километр, пройди с ним все два. Тому кто просит у тебя что-то, дай это [не жадничай]; от того, кто хочет взять у тебя взаимы, не отворачивайся. Вам говорили: «Люби ближнего своего и ненавидь врага!» А я говорю вам: любите своих врагов, молитесь за тех, кто преследует вас. ... Не осуждайте, и [тогда, может быть] вас не осудят, потому что **каким судом судите, таким осудят и вас, и какой мерою мерите, такой отмерят и вам.** Что же ты смотришь на соринку в глазу своего ближнего, а в собственном бревна не замечаешь?*

Такого рода поучения Христа можно принимать за чистую монету и всю жизнь строго выполнять. Этим занимались довольно многочисленные праведники и святые христианского мира — священники, монахи, отшельники, аскеты, тому подобные замечательные личности. Что касается большинства остальных верующих христиан — мирян, то христовы заповеди выступают для них неким идеалом, своего рода «нравственным компасом». Их поведение то приближается к нему, то отдаляется от него же. Но всё-таки — моральная планка для любого христианина стоит гораздо выше, чем у язычника. Христианство — это религия духа, интеллекта. Она заставляет видеть человеческую природу глубже, учитывать не только сиюминутные, но и отдалённые интересы человека. Христос не мог и не думал переделать жизнь человека полностью (*Царство моё не от мира сего...*). Он мечтал, чтобы люди в массе своей помудрели, задумались над целями и средствами своего поведения и, в результате, корректировали своё поведение в лучшую сторону.

Вернёмся к тезисам Нагорной проповеди. Попробуем истолковать их более реалистично, приземлённо. Фанатик сочтёт «ослабленное», свободное понимание христианства

богохульством. Гуманно настроенный человек допускает, что каждый верит на свой лад, в силу своих умственных и моральных способностей. Ведь христианство и вчера, и сегодня неоднородно. В нём можно выделить по крайней мере следующие пласты:

- *богословское христианство* — изучившее корпус первоисточников своей религии и авторитетных комментариев к ним, строго соблюдающее каноны этой религии;
- *народное христианство* регулирует повседневную жизнь большинства населения стран христианской культуры, оно выборочно и упрощенно толкует заповеди Христа и прочих святых, тесно переплетено с пережитками язычества, новыми суевериями;
- *свободомыслие*, которое стремится преодолеть устаревшие в ходе истории формы религии, но для того, чтобы лучше понять и применить ее же долговечные идеи и принципы. Французский философ Ален (1868–1951) в этом последнем духе говорил: «Немного католицизма [или православия — С.Щ.] не принесёт вреда; это момент, это этап; Кеплер, Галилей, Декарт [и также верующие М.В. Ломоносов, И.П. Павлов, многие другие] превратили его в науку и образ мышления. Протестантизм тоже неплох — Кальвин сотворил из него право и республику. Только это этап, не забывайте. Это движение было прекрасно; всегда нужно преодолевать то, во что веришь; но как преодолевать то, во что не веришь?» («Колдуньи, чудеса и боги», 1921).

Так что попробуем преодолеть непонятность, *странность поучений Христа*.

Кровная месть? В некоторых случаях она, конечно, неизбежна. Кто не «заработал» себе врагов, вряд ли имеет настоящих друзей. Надо уметь, иметь мужество защищать (если потребуется, силой) свои ценности (личности, семьи, родины). «Простите врагов ваших, но запомните их имена», советовал Джон Кеннеди. Однако прежде, чем начать враждовать, надо взвесить свои силы. В серьёзной борьбе пострадать, даже погибнуть могут обе враждующие стороны. Вы учли такой исход, затевая месть? Если да, то учтите ещё, что победить врага легче, если не будешь слишком сильно ненавидеть его (негативные эмоции мешают думать и принимать правильные решения). Отдаваясь мести целиком и полностью, вы встаёте на одну доску с противником. А он чаще всего этого не заслуживает. Равнодушие к врагу обычно обижает его больше всего. Какие-то выпады против вас вам самим выгоднее просто «не заметить», простить (меньше ненужных волнений, великодушие привлекает людей на вашу сторону). Так сам Христос сказал по адресу своих мучителей и убийц: *Отче [Боже мой], прости им, ибо не ведают, что творят*.

Выполнение церковных и иных обрядов? Да, обряды украшают жизнь, позволяют сменить надоевшую повседневность на возвышенное настроение ритуала. Но: *Суббота для человека, а не человек для субботы*, — говорил Иисус по поводу важнейшего правила иудаизма — запрета работать по выходным. «Красным днём календаря» у христиан стало воскресенье. Ближе к христианству не тот, кто ревностно замаливает в церкви свои грехи, а тот, кто меньше грешит. Тезис: «Не согрешишь — не покаешься» — лукавство.

Отдайте кесарю кесарево, а Божье — богу, настаивал Иисус. Имея, как видно, в виду, не только необходимость выполнять законы государства, в котором живешь, в частности, честно платить налоги. За внешним законопослушанием надо различать более высокие цели и ценности — познания, сопричастности чему-то долговечному. Добиваясь благополучия, не разрушайте человеческих взаимоотношений, не «шагайте по головам», а то ведь не с кем будет наслаждаться жизненными достижениями.

Помощь ближнему? Тут важно быть добрым, а не добреньким. Если прощать людям всё, что угодно и выручать их из любых ситуаций, можно оказать им дурную услугу. Помогать стоит тем и тогда, кто самостоятельно не может помочь себе сам. Прощать мелкие грехи, но не спешить прощать явное предательство, неблагодарность, прочие проявления моральные уродства. Иначе мы поощрим их. Протестанты говорят: дарите голодному не рыбу, а удочку... А открытое зло надо подавлять без всякой пощады, давать ему урок ужаса!.. Па-

мня, впрочем, что при этом так или иначе пострадают все участники схватки. Такова от веку земная жизнь.

Как видно, христианство предполагает *свободный выбор человеком правильного поступка*. Люди как бы сотрудничают с Богом в борьбе против сил зла, за добро. Противник Бога Дьявол искушает людей. Эта борьба вечно ведется с переменным успехом. Никто из смертных не имеет морального права считать себя безгрешным или же осудить другого человека как неисправимого грешника. Со временем каждому воздастся за его поступки согласно Божьему промыслу. Так христианин верит в целесообразность бытия, возможность преодоления хаоса в природе, обществе и душе человека.

Апостолы Иисуса Христа после его мученической кончины выбрали наиболее эффективную стратегию и тактику для проповеди нового учения, а оно само оказалось наилучшим образом приспособлено к международному распространению, массовому тиражированию. Апостолы разошлись по разным концам Римской империи, повсюду основывая христианские общины. Между ними завязывалась переписка, обмен кадрами проповедников. Репрессии против первых апостолов и их слушателей со стороны римских и местных властей использовались ранними христианами как аргумент «от противного» в свою пользу — пострадавшие за веру первыми вкусят райское блаженство (вспомним роман польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши?»).

Старший *апостол Пётр* проповедовал в самом Риме (и потому считается небесным покровителем Западного мира — первым папой Римским); по приказу императора Нерона его казнили, распяв головой вниз. Наёмный убийца в Иерусалиме по приказу царя Ирода Агриппы поразил мечом апостола Иакова старшего (его останки были перенесены в Испанию, чьим небесным покровителем этот святой с тех пор считается). Иоанн, прозванный Богословом, — любимый ученик Христа. Он написал больше всех текстов Нового завета, в том числе наиболее эмоциональное Евангелие и фантастический Апокалипсис (по-греч. «Откровение» о судьбах мира и конце света), замыкающий Новый завет. Писательскому творчеству, очевидно, способствовала ссылка на скалистый остров Патмос в Эгейском море, где Иоанн и умер в весьма преклонных летах.

Левий Матфей до встречи с Христом служил сборщиком податей — мытарем. Общественное мнение в Иудее относилось к представителям этой профессии весьма недоброжелательно (что-то вроде русского народного выражения «менты поганые»). Прислушавшись к словам Христа, Матфей бросил на дорогу сумку с деньгами и отправился дальше собирать мудрые мысли, а не деньги (что по-своему символично).

Апостол Павел (в язычестве Савл) лично не знал Христа. Первоначально он учился в школе раввинов — иудейских священников и появление христиан встретил крайне враждебно. Однако впоследствии перешёл на их сторону и больше всех апостолов сделал для крещения язычников. Он первым из апостолов-миссионеров избрал путь на Восток (отсюда большая близость этого духовного образа славянам, в том числе нашей России). Из 21 библейских послания апостолов 14 написано им. Одно из его посланий галатам гласит: *Нет уже [для нас] ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчин, ни женщин, ибо все вы одно во Христе Иисусе*. Он проповедовал христианство в Сирии, Малой Азии, Греции, на Кипре, Италии. Павел развивал христовы идеи духовности и доброты: *Если я говорю на языках людей и ангелов, а любви не имею, то я медь звенящая и кимвал бряцающий [а не стоящий человек]. Если я ... проник во все тайны, и обладаю всей полнотой знания и веры, ... а любви не имею, я ничто. ... Любовь великодушна, независтлива, она не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своей выгоды, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется истине; она ... на всё надеется, всё переносит!* (Первое послание Павла к коринфянам).

Апостол Андрей именуется Первозванным — потому, что они вместе с братом Петром первыми откликнулись на призыв Христа пойти за ним (были рыбаками, выбирали сети, когда Иисус обратился к ним: *Идите за мной! Я сделаю вас ловцами человеков*). Впоследствии Андрей забрался с проповедью новой веры дальше всех апостолов на восток — в Причерноморье, на Босфор и в Скифию. Поэтому он считается основателем Константинопольской церкви — первого оплота православия и, следовательно, духовным покровителем Руси-России (хотя версия про его путешествие к восточным славянам по Днепру, в Киев и Новгород явно легендарна). Его убили, распяв на косом кресте (который символизирован Андреевским флагом русского военного флота). В Скифии, по преданию, миссионерствовал и *апостол Филипп*. До Индии, Месопотамии и Армении дошли с проповедью христианства *апостолы Варфоломей* (по-еврейски «сын Толмая»; собственное имя Нафанаил) и *Фома* (по прозвищу Неверный — он уверовал в чудесное Воскресение Христа позже всех апостолов — только после того как не только увидел, но и потрогал его, ожившего после казни).

В первых общинах христиан преобладали униженные и угнетённые элементы Римского мира — бедняки, рабы, вольноотпущенники и т.п.; женщин было куда больше, чем мужчин (и в дальнейшем идеи Христа попадали в отдалённые от его родины страны чаще всего с поверившими в них женщинами, их малыми детьми). К сильным личностям всегда тянутся слабые (о некоторых апостолах нам почти ничего не известно, кроме их имён; должно быть, они оказались пассивными поклонниками, своего рода «массовкой» нового учения). Поскольку первые христиане отказывались поклоняться римским богам и обожествленным императорам, власти Рима сначала преследовали их (вплоть до выбрасывания на арены цирков в качестве жертв хищных зверей на гладиаторских играх). Однако со временем именно в христианстве наиболее дальновидные властители Рима разглядели идеологию, способную как-то сплотить раздираемую на части, рушащуюся империю, примирить все населявшие её племена и народы. В христианских общинах к тому времени числилось куда больше знатных и богатых лиц. Подавляя восстания в Иудее 66–73 и 132–135 гг., римляне физически истребили состоящие из евреев христианские общины в Палестине. Среди христиан стали преобладать бывшие язычники, полностью разорвавшие с иудаизмом. После кончины очередного гонителя христиан императора Диоклетиана в борьбе за престол выиграл претендент, привлёкший на свою сторону христиан — *Константин I (Великий)* (285–337). Придя к власти, он до смерти остался язычником, но в 313 г. Миланским эдиктом законодательно уравнил христианство в правах с другими религиями, издав эдикт о веротерпимости. В конце IV века новой эры очередной император *Феодосий* пошел дальше — признал христианство единственной официальной религией Римской империи, а языческие храмы приказал закрыть. Завоевав сердцевину наиболее цивилизованного тогда мира — Средиземноморье и окончательно отколовшись от иудаизма, христианство превратилось в мировую религию. Как видно, именно христианские идеи лучше всего подошли для культурной и политической экспансии наибольшего масштаба.

Священное писание христиан — Библия (по-гречески «книги») представляет собой, кроме всего прочего, своеобразный учебник жизни. Там можно найти образцы любой межличностной коллизии, примеры и советы на все случаи

жизни. Первая часть Библии именуется Ветхим (т.е. прежним, старым) заветом (т.е. «завещанием» Бога людям, своего рода «их договором о намерениях и сотрудничестве»). Ветхий завет состоит из книг, отобранных христианами из иудаизма.

Новый завет включает несколько текстов («книг»). Их начали составлять уже первые поколения христиан, в I – начале II веков. А закончили их окончательную редакцию к V веку. Из множества раннехристианских сочинений руководители тогдашней церкви отобрали несколько (всего 27), наиболее адекватно, с их точки зрения, передающие смысл новой веры. Кроме четырёх Евангелий, в Новый завет вошли:

- *Деяния апостолов* (после ухода их учителя);
- *Послания апостолов* (к населению обращаемых в новую веру стран); из 21 послания 14 относятся традицией к авторству Павла, два Петра, три Иоанна Богослова, по одному Иакова и Иуды (тёзки изменника);
- *Откровение Святого Иоанна Богослова или же Апокалипсис*, — книга, пророчащая конец света и Страшный Суд Богом всех живых и мертвых к тому времени людей.

Все эти тексты дошли до нас в греческом переводе, который служил тогда международным во всём Средиземноморье. Семитские (еврейские или арамейские) оригиналы некоторых из новозаветных текстов были утрачены.

Самое краткое и, по-видимому, *древнейшее евангелие* — *от Марка*. В нём ничего не сказано о происхождении, детстве и юности учителя; повествование начинается с деятельности его непосредственного предшественника — Иоанна, прозванного Крестителем за то, что в своей пустынной пещере этот отшельник и аскет крестил (подвергал ритуальному омовению в водоёме) других желающих отойти от иудаизма. Среди прочих такое крещение принял Иисус, пришедший к реке Иордану из Галилеи. Иисус оказался «более сильным», согласно Марку, вождём еврейских протестантов по сравнению с Иоанном. Пробыв с этим последним 40 дней в пустыне и настроившись на свой подвиг, Иисус возвращается на север Палестины, в родную Галилею и начинает проповедовать исполнение ветхозаветных пророчеств («Приблизилось царство божие!», «Покайтесь!» и т.п.). Рассказано о том, как Иисус завербовал в свою веру первых сторонников — из числа простых рыбаков, промышлявших на Тивериадском озере. Как видно, эти и последующие апостолы не просто бросили все свои занятия, семьи и пошли за Христом, а присоединялись к нему время от времени, так сказать в отпускное время от своих трудовых будней. Лейтмотив этого евангелия — противостояние Христа с иудейскими ортодоксами, фарисеями и саддукеями, а также с группой сторонников Иоанна Крестителя. Наперекор своим противникам Иисус нарушает каноны иудаизма (например, не чтит субботный отдых; справляет ритуальный ужин перед Пасхой («тайную вечерю») на день раньше, чем остальные евреи); присваивает себе право отпускать людям грехи; непринуждённо общается с табуированными грешниками (типа «блудницы» Марии Магдалины). Впрочем, на открытые провокации он не поддаётся — отвергает призывы к восстанию против Рима («отдавайте цезарю цезарево, а божье — богу»), наименование себя «сыном Давидовым» (тем самым разграничивая религию и политику). Тем не менее, Христос предвидит свою незавидную участь — под конец своей земной миссии просит трёх самых любимых апостолов разделить его ночное бдение на Масличной горе на окраине Иерусалима, обращается к богу с молитвой о спасении («... Пронеси эту чашу мимо меня!»). При описании ареста, суда, пыток и казни учителя авторы «Евангелия от Марка» приводят ряд весьма жизненных деталей, явно восходящих к очевидцам или, по крайней мере, совре-

менникам Иисуса. Так, последняя фраза Христа — цитата из ветхозаветного псалма («Боже мой, боже мой, почему ты меня оставил?») приводится не по-гречески, как остальной текст, и не на древнееврейском, как в оригинале псалма, а на родном арамейском наречии галилеянина Иисуса: «Элохи, ламма савахани!»

Остальные евангелия добавляют к биографии Христа целый ряд подробностей. У большинства правоверных иудеев — современников Иисуса не могло возникнуть никакого доверия к призывам нищего сына плотника, уроженца захолустного, никому не известного Назарета. Поэтому другие евангелисты добавляют Христу солидную родословную (восходящую к самому славному для всех евреев царю Давиду, а через него — и к их общему пра-родителю Аврааму); переносят роды его матери Марии в Вифлеем (бывшую крепость того же Давида). Отца Иосифа объявляют не реальным отцом, а отчимом Христа, фиктивным супругом «девы Марии», поддержавшем версию ее «непорочного зачатия» и усыновившем потомка династии Давида. В этих Евангелиях гораздо больше рассказов о чудесах, совершённых Иисусом и цитат из его поучений, афоризмов и притч (иносказаний). Так, центральная — Нагорная проповедь подробнее всего приведена в евангелии от Матфея.

На пути к своей победе в европейско-средиземноморском мире христианство испытало не только внешние гонения, но и внутренние противоречия и расколы. И в первые века его существования, и впоследствии между его сторонниками нередко вспыхивали острые разногласия по поводу буквы и духа их учения. Наиболее существенные споры удалось преодолеть, выработав *основные догматы христианской церкви* и утвердив их на международных совещаниях руководителей христианских общин — *Вселенских соборах*. Авторы этих догматов — замечательные мыслители, писатели и политики были за это названы *отцами церкви*. Они опирались на интеллектуальные традиции античной философии, опыт разных религий Востока и Запада. Их книги примыкают к текстам Нового завета и составляют *Священное предание* христианства.

Среди *отцов христианской церкви*, признаваемых всеми её ветвями, в том числе православием, выделяются:

- *Афанасий Александрийский* (295–373), в борьбе еретиками отстаивавший единство бога-Отца и Бога-сына;
 - *Василий Кесарийский*, прозванный Великим (330–379) за выдающийся вклад в организацию и защиту православия;
 - его брат *Григорий Нисский* — философ-диалектик;
 - *Григорий Назианин* (329–390) — церковный поэт и мыслитель;
 - *Иоанн Златоуст* (350–379) — одаренный оратор-проповедник, за смелые обличения власть имущих сосланный на Кавказ;
 - *Максим Исповедник* (580–662) — философ-мистик;
 - *Иоанн Дамаскин* (умер около 753) — систематизатор православного учения.
- Среди *представителей латинской патристики* наиболее знамениты:
- *Амвросий Медиоланский*,
 - *Августин Блаженный* (к его гениальной «Исповеди» восходит современная философия экзистенциализма),
 - *папа Лев Великий*.

На I Вселенском соборе в г. Никее 325 г. церковные иерархи Востока и Запада разработали *Символ веры* — краткий конспект всего христианского вероучения. В 381 г. на II Вселенском соборе в Константинополе его (с поправками) утвердили. При христианском крещении символ веры читается как молитва:

Верую в единого Бога, Отца всемогущего, творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, сына Божия Единородного ... Который ради нас, людей, и ради нашего спасения сошёл с небес и воплотился от Духа святого и девы Марии и стал человеком. Распят был за нас при Понтии Пилате, пострадал и был погребён. И воскрес в третий день согласно писаниям. И возшёл на небеса и сидит по правую руку отца. И опять придёт со славой судить живых и мертвых, и царствию его не будет конца. И в Духа Святого, Господа животворящего, от Отца исходящего, которому вместе с Отцом и Сыном воздается поклонение и слава и который вещал через пророков. И в единую святую, соборную и апостольскую церковь. Исповедую единое крещение во оставление грехов. Ожидаю Воскресения мёртвых и жизни будущего века.

Кому-то из неверующих людей этот и т.п. тексты христианства (и других религий) кажутся устаревшим, музейным экспонатом; даже бессмыслицей. Однако если подумать, то можно если не согласиться с основными тезисами христианства буквально, то по крайней мере постараться понять их логику и смысл. Символ веры сводится к следующим догматам.

1. *Единобожие*. По сравнению с политеизмом язычников, христианство относится к более культурному монотеизму. Сколько сил управляет всем сущим и могут ли они быть сведены к чему-то единому? Мир вокруг нас — сплошной хаос, или же в нем возможны моменты, островки порядка? Возможны ли подобные общие принципы в поведении людей? Если мы верим в сверхъестественное, то подчиняется ли оно одному принципу или же служит ареной вечного столкновения разных начал? (как у тех же язычников, верящих в существование множества божков).

2. *Креационизм* (латинское *creatio* — творение) — признание Бога творцом всего мира. Стоит ли за возникновением и эволюцией природы некая программа, матрица, или же эволюция полностью стихийна и бесцельна? Христианство признает Бога творцом мира. Человек — венец этого творения, он создан «по образу и подобию Божию», т.е. наделён разумом и свободной волей для выбора поступков. В итоге творения весь космос ставится в зависимость от людских деяний (этот вывод близок к идее ноосферы у современных ученых).

Адам и Ева — первые люди на Земле — поддались злу, нарушили запрет Бога и вкуси плодов с дерева познания добра и зла. За это нарушители подверглись изгнанию из рая. Так началась история человечества. Потомки Адам и Евы несут на себе печать первородного греха. Роковую цепь адских мук прерывает искупительная жертва Спасителя — Иисуса Христа.

3. *Божественная природа Иисуса Христа* — его едйносушность (полное равенство Богу-Отцу и Богу — Духу Святому) и *признание Святой Троицы*. Распределение творческих функций между разными ипостасями (здесь погречески «личность») единого Божества предостерегает от упрощенных толкований религии. Христианский Бог един в трёх лицах (ипостасях), он одновременно есть и абсолют, и личность, и исходящая от них эманация святости. Бо-

жественная Троица символизируется сложением пальцев руки при крестном знамении.

4. *Историчность Христа и его апостолов, прочих библейских пророков.* Бог-Сын стал человеком, участвовал в творении мира — ведь он научил людей истинной вере, пострадал и погиб за нее. Благодаря учению Христа люди постигли замысел Бога и своими деяниями воплощают его в жизнь. Христос, точнее говоря, Богочеловек. Значит, возможен пример достойного поведения на Земле; нам есть, у кого учиться жить. Христиане верят в Спасителя всего человечества.

5. *Целостность и святость христианской церкви.* Несмотря на ее разделение на многие варианты, христианин должен придерживаться одной из них, подчиняться её правилам; понимать, что церковь как коллектив единомышленников выше и лучше отдельных своих представителей; различать общую для всех христианских конфессий суть учения Христа. Перед нами урок коллективизма, духовная прививка против эгоизма и самовольства.

6. *Крещение* — необходимый «пропуск» в христианскую религию. Этот первичный обряд развивает предыдущий тезис — солидарность, сопричастность близким тебе по духу людям здесь выражается через внешне ритуализированное поведение, обрядность. Обряды инициации (посвящения во взрослые, самостоятельные люди) осуществляются у всех народов, начиная с каменного века. Христианство, опуская нижнюю планку такого посвящения к младенчеству, подчёркивает уникальность каждой отдельной личности, независимо от пола, возраста, происхождения.

7. *Спасение — воскресение мёртвых после Страшного суда и вечная жизнь их душ в Царствии небесном* канонически верующий христианин поймет буквально, постарается избежать адских мук и заслужить райское спасение. Более широко можно понять этот тезис христианства как надежду на торжество справедливости в будущем. Судьба воздаст каждому по делам его. И пусть наши добрые дела перевесят на неких невидимых весах злые.

Христианство — проверенная веками экология души множества своих сторонников. Сегодня это самая крупная из религий мира — христиан более двух миллиардов на всех континентах Земли.

Многие догматы христианского вероучения и культа толковались отдельными группами сторонников этой религии по-разному. Те группы, которые потерпели поражение в борьбе с большинством остальных общин, получили с их стороны презрительное название — *ереси* (от греч. «отбор», «раскол»). Еретики возможны только внутри самого христианства, остальные религии с точки зрения христианства именуются *сектами*. Среди первых ересей (IV в.) выделяется учение священника из Александрии Арии, признававшего Бога-Сына не равным Богу-Отцу. После *арианства*, в V веке распространилось *несторианство*, названное по имени константинопольского патриарха Нестора. Тот настаивал на преобладании человеческого начала в Христе. С этим не соглашались приверженцы *монофизитов*, в глазах которых Христос обладал единой — божествен-

ной природой. Каждый из этих вариантов христианства получил на какое-то время признание в отдельных регионах Востока, у тех или иных народов. Но Вселенские соборы осудили их как ереси и постепенно они потеряли своих сторонников (монофизитство сохранилось до наших дней в армяно-грегорианской церкви). В эпоху Средневековья то там, то тут возникали новые и новые ереси, под знаменами которых происходили восстания угнетённых и обездоленных слоев европейских народов (читаем об этом, например, в романе Умберто Эко «Имя розы» или новом романе Анджея Сапковского «Башня шутов» про восстание гуситов и остальную Реформацию).

Союз христианской церкви и государства (Римской империи) установился на *разделении функций государства и церкви*. Образно говоря (словами Иоанна Златоуста), «императору вверены тела, а иерею души» подданных. В гражданских и уголовных делах граждан судит государственная власть, а в вопросах нравственности и веры как представители властей, так и граждане подчиняются духовенству. Политическая практика, однако, в разные периоды, в разных странах устанавливала союз церковной и светской властей неодинаково. Это привело к существенной разнице в развитии этой религии на Западе и на Востоке Европы.

В конце IV в. Римская империя политически разделилась на Западную (Римскую) и Восточную (Византийскую). Вследствие этого, **в 867 г.** произошёл разрыв между папой Римским Николаем I и Константинопольским патриархом Фотием. Это означало *раскол христианства на западное и восточное*. Раскол стал необратимым *после 1054 г.*, когда патриарх Керруларий и легат папы Льва IX Гумберт взаимно отлучили один другого от церкви (признали *схизматиками*, т.е. раскольниками). *Схизма* возвела идейный и политический барьер между православием и католицизмом. На Западе Европы, где господствовал латинский язык, образовалось *католичество* (по-гречески «всеобщая», затем «соборная», «самоуправляемая» церковь). Здесь до сих пор (в Италии, Испании, Португалии, Франции, Польше) господствует римско-католическая церковь. Римские папы долгое время боролись за превосходство своей власти над государствами латинского Запада. В результате Запад распался на множество сравнительно небольших государств, а в папской власти осталось лишь карликовое государство Ватикан.

По той же причине чрезмерных претензий папизма на международное владычество от католичества в результате *Реформации XVI века* отделился *протестантизм* (совокупность церквей, упростивших и удешевивших христианское богослужение — лютеранство, баптизм, меннониты, методисты, кальвинизм, англиканство, их варианты-секты). Разные варианты протестантизма доныне господствуют в Германии, Швейцарии, Голландии, Англии, США, ряде бывших колоний и зависимых от Запада стран. Все протестанты признали единственным источником Библию, которую они переводят на все национальные языки. Каждый протестант обязан сам читать и истолковывать Библию, священники им практически не нужны; отменяется поклонение святым, их мощам,

иконам, даже кресту; их храм по скромности своего убранству приближается к обычному дому; обряды приобретают сугубо символический смысл, несколько более значимый только для крещения и причащения; спасение души достигается у протестантов не добрыми делами, а исключительно личной верой в Бога.

На Востоке же бывшей Римской империи, где государственным языком стал греческий, утвердилось *православие* (т.е. «правильно славящее Бога», «имеющее правильный взгляд на него», ортодоксальное) или же *греко-кафолическая церковь*. И католицизм, и православие признали, что божественная и человеческая ипостаси Христа находились в равновесии. За разницей богословских взглядов (на соотношение лиц Святой Троицы) и обрядовых практик отдельных частей христианства стояли, конечно, различия в культуре, экономических и политических интересах разных государств и их социальных элит.

Православие восторжествовало первоначально в Восточно-Римской империи — Византии. Главой этой церкви выступал *патриарх* (по-гречески «родоначальник») Константинопольский. Власть патриарха над церковью не была абсолютной; авторитет общецерковного собора — собрания глав остальных церковных округов стоял выше авторитета патриарха. Кроме того, патриарх, в отличие от папы Римского, безусловно подчинялся светской власти императора. На Востоке государство почти всегда преобладало над церковью. Это помогло созданию здесь крупных и долговечных империй (вроде Византии, Руси). Свои патриархи первоначально имелись и в Иерусалиме, Александрии (Египет), Антиохии (Сирия). В православном мире с самого начала его образования допускалось богослужение не только на греческом, но и на местных языках. Поэтому православие из Византии довольно рано проникло к ее соседям — в Грузию (V в.), Болгарию и Сербию (в IX в.); а в X в., через южных славян к восточным, на Русь.

Православие исповедуют в настоящее время большая часть следующих народов: греков, болгар, сербов, македонцев, черногорцев, русских, украинских, белорусов, румын, грузин. Разумеется, православные верующие и храмы имеются и в других частях света. Всего сейчас насчитывается *15 автокефальных* (т.е. самоуправляемых) *церквей*: Константинопольская (главным образом православные греки, живущие в мусульманской Турции); Александрийская (Египет); Антиохийская (Сирия и Ливан); Иерусалимская (Палестина); Русская (расколотая после революции на Московский патриархат, заграничную — карловацкую церковь, затем еще Украинский патриархат); Кипрская; Грузинская; Сербская; Румынская; Болгарская; Элладская (Греция); Польская; Словацкая; Американская; Албанская.

Все православные церкви похожи: у них общее вероучение, порядок богослужений (в частности, пение без музыкального сопровождения); чины (патриарх, митрополит, архиепископ, епископ, диакон, священник) и одежды священнослужителей; убранство храмов. Главу каждой Церкви избирает Поместный собор из всех церковных иерархов; епископа назначают (рукополагают) другие

епископы; епископ, в свою очередь, рукополагает священников своей епархии (церковной провинции). Православное духовенство делится на чёрное и белое (по цвету верхнего платья). Белое — это приходские и прочие священники (им разрешено и даже предписывается жениться). Чёрное — монахи, полностью посвятившие себя Богу, — давшие обеты безбрачия, нестяжания (отказа от личной собственности), послушания (уставам монастырей). Посты епископа и более высокие могут занимать исключительно лица монашеского звания.

Православная обрядность складывается из семи таинств. Обряды называются так потому, что в эти моменты церковной жизни благодаря видимым действиям священников и верующих незримо (тайно) осуществляется действие Святого Духа. Имеются в виду такие обряды, как:

- *крещение*,
- *миропомазание*,
- *причастие (евхаристия)*,
- *покаяние (исповедь)*,
- *венчание*,
- *соборование (елеосвящение)*,

• *священство (рукоположение)*. Как видно, церковь помогает человеку пережить, осознать кульминационные моменты его жизни — рождение, взросление, брак; духовные кризисы, болезни; наконец, достойно встретить неизбежный уход из этого мира. Обратим внимание на то, что даже светские, государственные формы соответствующих ритуалов (регистрации новорожденных, браков; торжественные собрания по разным поводам; проводы в последний путь покойников копируют церковные действия по таким случаям). Например, съезды политических партий напоминают молебны; концерты по праздникам — литургии.

Православный храм — место публичного совершения обрядов, общения верующих со священством-клиром и, в конечном счете, с Богом. В восточной части храма располагается *алтарь* (греческое *alta ara* — вознесенный жертвенник). Он возвышается над полом храма на несколько ступеней. В русских храмах алтарь отделяется от остального помещения храма *иконостасом* — стеной, увешенной иконами, и оградой в виде невысокой резной решетки. В иконостасе 3 двери: центральная, двустворчатая (Царские врата); боковые (диаконские). Иконы на иконостасе размещены в соответствии с канонической иерархией: Христа Спасителя, Божией матери, архангелов, апостолов, пророков, святых. В северной части алтарной стены устанавливается *жертвенник* — стол для совершения *проскомидии*. Так называется первая часть главного богослужения — *литургии* (по-гречески именно «богослужение»). Во время литургии осуществляется таинство причащения, когда верующие едят хлеб и вино, символизирующие тело и кровь Христа (по-русски это *обедня*, а у католиков *месса*). Соответственно, на жертвенник ставятся священные сосуды (блюдо-*дискос* и чаша-*потир*). Эти и прочие священнодействия христиан явно восходят к дохристиан-

ским, античным и восточным мистериям. Однако в христианстве они выступают в облагороженном — символическом, эстетизированном виде.

В средней части алтаря, напротив Царских Врат, находится *престол* — квадратный стол, на который кладется своеобразная скатерть *антиминс* — шелковый платок с изображением Иисуса во гробе, а также Евангелие и крест для причащения верующих. У престола и совершается *евхаристия*. В восточной части храма, перед иконостасом расположено невысокое возвышение — *солея*. По ее краям, у стен отгорожены *клиросы*, где во время службы располагается хор. В центре солеи небольшой выступ — *амвон*, откуда священником читается Евангелие и произносится проповедь. Перед амвоном стоит узкий столик с покатою столешницей — *аналой*. Сюда кладется праздничная икона, посвященная данному дню церковного календаря; во время службы на аналой кладутся богослужебные книги. В процессе венчания священник обводит новобрачных вокруг аналоя. Снаружи к храму примыкает (открытое или крытое) крыльцо — *паперть*. Отсюда двери ведут в западную часть храма — *притвор*. Там совершаются панихиды (заупокойные службы) и некоторые другие богослужения. В притворе стоит невысокий стол с распятием — *канунник*.

Храмы на Руси строились её государями, прочими богатыми благодетелями и общинами верующих в честь памятных событий и посвящались тому или иному святому. Скажем, храм Спаса — Христу Спасителю; Успенская церковь — в честь Успения Божией Матери; Никольская — Св. Николая Чудотворца; Александро-Невская — Св. князя Александра Ярославича; и т.д.

Календарь православной церкви — юлианский (по имени императора Юлия Цезаря), т.е. тот, что действовал ещё во времена раннего христианства. Сейчас в мире (в том числе в Российском государстве) применяется более точный астрономически григорианский календарь. Папа Григорий XIII в 1582 г. провел календарную реформу, исправив отставание счёта времени на 11 с лишним минут ежегодно. Тогда, в XVI в. это отставание составляло 10 дней, а к XX в. достигло 13 дней. Поэтому православные праздники и прочие даты обозначаются другими днями и часто месяцами (по-старому), чем это принято в государстве (по-новому). Кроме того, год церковного календаря начинается с 1 сентября (старого стиля, 14 сентября нового), т.е. с начало осени. В этот день церковь отмечает начало нового «лета», т.е. года (с рождества Богородицы). А завершается церковный год августом (Успением Божьей матери). Наконец, часть православных праздников имеют точные даты, а часть переходящие. Их даты отсчитываются от даты Пасхи и потому ежегодно меняются.

Годичный круг христианских праздников включает несколько сотен их, в том числе 12 важнейших. Самый главный среди них *Пасха* — *воскресение Христа*. Христиане празднуют его победу над смертью как залог бессмертия человеческой души. Пасха празднуется в апреле или мае, в разные воскресные дни этих месяцев. Ей предшествует самый длительный, в 40 дней Великий пост. Предыдущее пасхальному воскресенью именуется Вербным (вспоминается вход Господень в Иерусалим, т.е. явление его народу, который приветствовал его

пальмовыми ветвями; они в России заменяются ветвями вербы — символом весеннего пробуждения природы). На 40 день после Пасхи празднуется *Вознесение Господне* на небо. На 50 день после Пасхи — второй по значению праздник — *Троицы*, когда на апостолов сошёл Святой дух. Завершение первого цикла полевых работ в середине лета позволяет украсить православные храмы на Троицу ветками берёзы, цветами и травой. Суббота накануне Троицы *родительская*. В этот день положено поминать усопших родственников, посещать кладбища. В первое воскресенье после Троицы отмечается *День всех святых*, после которого с понедельника начинается Петров пост — до дня Петра и Павла 12 июня. Все указанные праздники переходные. Остальные имеют постоянные дни. *Рождество Христово* 7 января нового стиля — третий по важности православный праздник. 5 дней до него и 6 после составляют *Святки* — дни веселья, игр, посещения и приёма гостей, дарения друг другу подарков. Канун Рождества — *сочельник*. Этим днем завершается 40-дневный пост (с 28 ноября). *Крещение Господне* или же *Богоявление* 19 января нового стиля (ритуальное освящение воды). 15 февраля нового стиля *Сретенье Господне* — день, когда в младенце Иисусе старец Симеон признал мессию — спасителя мира. *Благовещение пресвятой Богородицы* 7 апреля нового стиля (архангел Гавриил сообщил деве Марии о будущем рождении Иисуса). *Преображение Господне (Спас)* 19 августа нового стиля (молившийся в этот день на горе Фаворе Иисус был озарён чудесным светом в знак его божественной природы). *Успение (кончина) Богородицы* 28 августа, *Рождество Богородицы* 21 сентября. *Воздвижение креста для распятия Иисуса* 27 сентября. Наконец, *Введение во храм Богородицы* 4 декабря нового стиля (когда она была отдана на воспитание в ветхозаветный храм Божий и там подготовлена к тому, чтобы стать матерью мессии).

Многие (все самые почитаемые) христианские праздники совпадают с рубежами времён года, изменениями в природе, которые праздновали еще язычники. Поэтому на новую обрядность сплошь и рядом накладывалась старая (скажем, осуждаемые церковью гадания на Святки или же массовый поход на кладбища на Пасху).

История православной церкви включает в себя как положительные, так и отрицательные моменты. Церковь, с одной стороны, зеркально отражает судьбы всего общества. Например, во время I, и II мировых войн одни священники уходили на фронт, в партизаны и воевали с оккупантами с оружием в руках, а другие служили для немецких захватчиков приветственные молебны. Но с другой стороны, эта же самая церковь остается одной и той же вот уже больше десяти веков — несмотря на смену культурных эпох, политических режимов, войны и мира, относительного благополучия и общественных кризисов. Человек может потерять всё — дом, семью, родину, но в своей церкви он всегда и всюду в мире найдёт приют, утешение и помощь. В меру своих сил, церковь символизирует единство нации, сближает людей, обеспечивает их взаимопомощь (через благотворительность), наполняет смыслом часть их досуга, уменьшает бремя жизненных тягот. Перед нами своего рода общенациональный страховой фонд.

Важно только, чтобы участие в церковной жизни было добровольным, а не принудительным, как в прежние времена, когда Русская Православная церковь превращалась в одно из ведомств Российского государства, участвовала в репрессиях против инакомыслящих. Апологетами политической реакции выступали обер-прокурор Святейшего Синода Георгий Победоносцев и святотатец в священнической рясе Григорий Распутин. Духовные ценности христианства отстаивали, стремились обновить выдающиеся мыслители русского народа — Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, многие их единомышленники. С недостатками и даже пороками официального православия открыто боролись не менее выдающиеся интеллектуалы — Николай Лесков, Лев Толстой, Антон Чехов, Василий Розанов и многие другие.

* * *

Можно верить в учение Христа или не верить; верить таким, либо иным образом, но никак нельзя забывать о том, что курянин Феодосий Печерский основал Киево-Печерскую лавру; а его ученик монах Нестор стал первым историком-летописцем нашей страны; как Андрей Рублёв расписывал русские храмы; какую музыку писал для церковных служб Сергей Рахманинов, скольких умирающих воинов вернул к жизни хирург Владислав Войно-Ясенецкий (епископ Лука); о многих, очень многих других замечательных деятелях русской православной церкви, а значит — отечественной культуры. Никакую религию, тем более такую вековую, как христианство, нельзя вытеснить из жизни и сознания людей силой каких-то репрессий. Загоняя церковь в катакомбы, безбожные власти только усиливают её авторитет. И напротив, принуждая людей верить именно в эту, а не в другую религию, государство и общество лишь подрывает её влияние. Религию можно принять или обойти, только лично передумав, пережив, усвоив её лучшие уроки, преодолев омертвевшие формы её же собственных идей. Православие — это духовная философия сотен миллионов людей, из которых десятки миллионов русские. Даже если кто-то из нас не нуждается в духовной поддержке православия на каком-то этапе своей жизни, или же исповедует иную религию, он (морально и юридически) обязан с уважением относиться к этой вере своих предков и соотечественников. А верующие христиане в свою очередь оставляют право на свободную от их религии мысль и жизнь другой части своих ближних.

Текстологический практикум

М.А. Булгаков.
Мастер и Маргарита.
Золотое копьё
(Евангелие от Воланда)

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. ... На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону. Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента.

...

— Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

— Да, прокуратор, — ответил секретарь.

— Что же он?

— Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение, — объяснил секретарь.

Прокуратор дёрнул щекой и сказал тихо:

— Приведите обвиняемого.

И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью. Приведённый с тревожным любопытством смотрел на прокуратора.

Тот помолчал, потом тихо спросил по арамейски:

— Так это ты в Ершалаиме собирался царствовать? Ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?

... Человек со связанными руками несколько подался вперед и начал говорить:

— Добрый человек. Поверь мне...

Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его:

— Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно, — и так же монотонно добавил: кентуриона Крысобоя ко мне.

... Крысобой был на голову выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что совершенно заслонил ещё невысокое солнце.

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

— Преступник называет меня «добрый человек». Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить.

И все, кроме прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который жестом показал, что арестованный должен идти за ним. Крысобоя вообще все провожали взглядами, главным образом, из-за его роста, а те, кто видел его впервые, — из-за того, что лицо Крысобоя было изуродовано: нос его в своё время был разбит ударом германской палицы.

Выведя арестованного из-под колонн в сад, Крысобой вынул их рук легионера, стоявшего у подножия бронзовой статуи, бич, и, несильно размахнувшись, ударил арестованного по плечам. Движение кентуриона было небрежно и легко, но арестованный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обессмыслились.

— Римского прокуратора называть — игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся, но совладал с собой, краска вернулась, он перевел дыхание и ответил хрипло:

— Я понял тебя. Не бей меня.

Через минуту он вновь предстал перед прокуратором.

Прозвучал тусклый, больной голос:

— Имя?

— Моё? — торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева.

Прокуратор ответил негромко:

— Моё мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

— Иешуа, — поспешно ответил арестант.

— Прозвище есть?

— Га-Ноцри. ...

— Так ты собирався разрушить здание храма и призывал к этому народ? ...

— Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

Потом помолчал и добавил задумчиво:

— Я полагаю, что две тысячи лет пройдёт, пока люди разберутся в том, насколько напугали, записывая за мной. ... Ходит один с пергаментом и пишет... Однажды, заглянув в его пергамент, я ужаснулся. Ничего этого я не говорил. И прошу его — сожги этот пергамент. Но он вырвал его у меня и убежал.

— Кто такой? — спросил Пилат.

— Левий Матвей, — охотно пояснил арестант, — он был сборщиком податей, а я его встретил на дороге и разговорился с ним. Он послушал, деньги бросил на дорогу и сказал: я с тобой пойду путешествовать.

— Ершалаим, — сказал Пилат, поворачиваясь всем корпусом к секретарю, — город, в котором на Пасху не соскучишься... Сборщик податей бросил деньги на дорогу! ...

Прокуратор вдруг почувствовал, что висок его разгорается всё сильнее. По горькому опыту он знал, что вскоре вся голова его будет охвачена пожаром. Оскалив зубы, он поглядел не на арестованного, а на солнце, которое неуклонно ползло вверх, заливая Ершалаим, и подумал, что нужно было бы прогнать этого рыжего разбойника, просто крикнуть: повесить его! Его увели бы. Выгнать конвой с балкона, припадая на подагрические ноги, притащить-ся внутрь, велеть затемнить комнату, лечь, жалобным голосом позвать собаку, потребовать холодной воды из источника, пожаловаться собаке на мигрень.

Он поднял мутные глаза на арестованного и некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на проклятом ершалаимском солнцепёке стоит перед ним этот бродяга с избитым лицом и какие ненужные и глупые вопросы ещё придётся ему задавать. ...

— Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И подумал: «О боги мои, какую нелепость я говорю. И когда же кончится эта пытка на балконе?»

И он услышал голос, сказавший по-гречески:

— Истина в том, что у тебя болит голова и болит так, что ты уже думаешь не обо мне, а об яде. Потому что, если она не перестанет болеть, ты обезумеешь. И я твой палач, о чём скорблю. Тебе даже и смотреть на меня не хочется, а хочется, чтобы пришла твоя собака. Но день сегодня такой, что находиться в состоянии безумия тебе никак нельзя, и твоя голова сейчас пройдёт.

Секретарь замер, не дописав слова, и глядел не на арестанта, а на прокуратора. ... Прокуратор приподнялся со своего кресла, голову сжал руками и на обрюзгшем лице выразился ужас.

Но этот ужас он подавил своей волей. ...

— Ты как это делаешь? — вдруг спросил прокуратор и уставил на Иешуа зелёные, много видевшие глаза. Он поднёс белую руку и постучал по левому жёлтому виску.

— Я никак это не делаю этого, прокуратор, — сказал, светло улыбнувшись единственным глазом, арестант.

— Поклянись!

— Чем? — спросил молодой человек и улыбнулся пошире.

— Хотя бы жизнью твоею, — ответил прокуратор, причём добавил, что ею клясться как раз вовремя — она висит на волоске.

— Не думаешь ли ты, что ты её подвесил, игемон? — спросил юноша, — если это так, то ты ошибаешься.

— Я могу перерезать этот волосок, — тихо сказал Пилат.

— И в этом ты ошибаешься. ... Но пока ещё она висит, не будем сотрясать воздух пустыми и бессмысленными клятвами. Ты просто поверь мне — я не враг.

Секретарь искоса заглянул в лицо Пилату и мысленно приказал себе ничему не удивляться.

Пилат усмехнулся.

— Нет сомнения в том, что толпа собиралась вокруг тебя, стоило тебе раскрыть рот на базаре.

Молодой человек улыбнулся.

— А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете. ...

— А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоём, — он — добрый?

— Да, — ответил арестант, — он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и чёрств. Интересно бы знать, кто его искалечил?

— Охотно могу сообщить это, — отозвался Пилат, — ибо я был свидетелем этого. Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя. Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги. Пехотный манипул попал в мешок, и если бы не врубилась с фланга кавалерийская турма, а командовал ею я, — тебе, философ, не пришлось бы разговаривать с Крысобоём. Это было бою при Индиставизо, в Долине Дев.

— Если бы с ним поговорить, — вдруг мечтательно сказал арестант, — я уверен, что он резко изменился бы. ...

— ... Итак, Марк Крысобоём, холодный и убеждённый палач, люди, которые, как я вижу, — прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, — тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырёх солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда — все они добрые люди?

— Да, — ответил арестант.

— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! — вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. Так много лет назад в Долине Дев кричал Пилат своим всадникам слова: «Руби их, руби! Великан Крысобоём попался!» И он ещё повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: — Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один, — ответил Иешуа, — в него я верю.

— Тогда помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, — тут голос Пилата сел, — это не поможет. Не полагал ли ты, что римский прокуратор выпустит негодяя, произносившего бунтовщические речи против кесаря? ... Жена, дети есть?..

— Нет.

— Ненавистный город, — заговорил Пилат и потёр руки, как бы обмывая их, — лучше бы тебя зарезали накануне. Не разжимай рот! И если ты произнесёшь хотя бы одно слово, то поберегись меня!

И Пилат закричал:

— Эй! Ко мне!

Тут же в зале Пилат объявил секретарю, что он утверждает смертный приговор Синдриона, приказал Иешуа взять под стражу, кормить, беречь как зеницу ока, и Марку Крысобою сказал:

— Не бить!».

*М.А. Булгаков. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 4. Князь тьмы.
Ранние редакции и варианты романа «Мастер и Маргарита». СПб., 2002.*

21. РЕЛИГИИ МИРА. ХРИСТИАНСТВО.

Теоретический минимум

1. Происхождение христианства. Иисус Христос и апостолы его учения. Идеи Нагорной проповеди. Этика Нового завета.
2. Путь христиан от подпольной секты до официальной религии и государственной церкви.
3. Библия как священное писание христиан и литературное произведение. Состав Библии, влияние её образов на мировую культуру.
4. Разделение христианской церкви на католицизм, православие и протестантизм. Общее и особенное их вероучения и культа.
5. Крещение Руси, его причины и последствия. Христианская книжность отечественного Средневековья. Православная философия «серебряного века» русской культуры.
6. Православная церковь в России, СССР и Российской Федерации. Социальная доктрина РПЦ и её отражение в общественном мнении разных слоёв российского общества.

Литература

Лекция 21.

Основы религиоведения. М., 1994 (Гл. IX. «Христианство»).

Горелов А.А. История мировых религий. М., 2006 (Гл. 8–11).

Ильин В.В., Кармин А.С., Носович Н.В. Религиоведение. СПб., 2006 («Христианство», «Католицизм», «Протестантизм»).

Религии мира. Пособие для учащихся. М., 1997.

Религии мира. Пособие для учителя. М., 1994.

Миркина З., Померанц Г. Великие религии мира. М., 1995; 2-е изд. 2000.

Евангелие от Матфея. М., 1991.

Канонические евангелия. М., 1992.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового заветов. Канонические. Синодальный перевод. Юбилейное издание к 2000-летию Рождества Христова. (Или другие издания).

Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. 95–197 гг. М., 2003.

Амусин И.Д. Кумранская община. И., 1983.

Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007.

- Апокрифы древних христиан. М., 1989.
- Ауни Д. Новый завет и его литературное окружение. СПб., 2000.
- Васильев А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010.
- Гёче Г. Библейские истории. М., 1988.
- Гибсон Ш. Последние дни Иисуса. Археологические свидетельства / Пер. с англ. М., 2010.
- Деко А. Апостол Павел. М., 2005.
- Десницкий А. Введение в библейскую экзегетику. М., 2011.
- Дубровина К.Н. Библейская мудрость в русской речи. Словарь библейской фразеологии русского языка. М., 2007.
- Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. 5-е изд. М., 2012.
- Каариайнен К., Фурман Д.Е. Люди на тающей льдине (Ценностные ориентации религиозной элиты России) // Вопросы философии. 1999. № 1.
- Карсавин Л. Путь православия. М., 2003.
- Карташёв А.В. Вселенские соборы. М., 1994.
- Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. М., 1992.
- Мецгер Б. Текстология Нового завета. М., 1996.
- Косидовский З. Библейские сказания. Сказания евангелистов. М., 1990.
- Осипов А.И., Щапов Я.Н. Православие: основы вероучения, символы, краткая история // Преподавание истории в школе. 1991. № 6.
- Павловский А. Ночь в Гефсиманском саду. Избранные библейские истории М., 1991.
- Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
- Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский (К.В. Нечаев). Тело, душа, совесть // Человек. 1990. № 1.
- Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
- Рассел Б. Почему я не христианин? М., 1987.
- Ратцингер Й. (Папа Бенедикт XVI). Иисус из Назарета / Пер. с нем. М., 2008.
- Сандрес А.П. Иисус в контексте иудаизма / Пер. с англ. М., 2012.
- Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.
- Свенцицкая И.С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003.
- Свенцицкая И.С. От общины к церкви (О формировании христианской церкви). И., 1985.
- Святые и святость в жизни русского народа. Этнографическое исследование / Отв. ред. О.В. Кириченко. М., 2010.
- Сысоева Ю. Записки попадьи. Особенности жизни русского духовенства. М., 2008; 2-е изд. М., 2012..
- Тантлевский И.Р. История и идеология кумранской общины. СПб., 1994.
- Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М., 2010 (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века).
- Фроловский Г. Восточные отцы церкви. М., 2003.
- Христианство в регионах мира (Христианская архаика) / Отв. ред. М.В. Альбедиль, Ю.Ю. Шевченко. СПб., 2012.
- Чедвик О. Реформация: противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI–XVII веков / Пер. с нем. М., 2011 (История сталинизма).
- Элен П. Семён Л. Франк: философ христианского гуманизма / Пер. с нем. М., 2012.

Тематика рефератов

Идейные предтечи христианства на Востоке и на Западе: стоики, орфики.

Гностическая философия поздней античности.
 Происхождение христианства глазами историков и писателей.
 Апостол Павел — просветитель язычников.
 Евангелие от Фомы и другие апокрифы раннего христианства.
 Рукописи Мёртвого моря и кумранская община протохристиан (ессеев).
 Отцы христианской церкви как философы морали и жизни.
 Фома Аквинский — систематизатор средневековой схоластики.
 Православная философия «серебряного века» русской мысли.

Текстологический практикум

Конспект

Христианство — наша религия. Каждое слово этой фразы нуждается в пояснении. *Христианство* давно разделилось на несколько мощных «ветвей», а те на массу «веточек» — церквей и сект. *«Мы»* — это прежде всего русские. Среди них больше всего православных, но немало и сторонников иных деноминаций и конфессий, а то и просто безбожников. Соседние славянские народы — украинцы, белорусы тоже в основном православные, но среди них сильнее влияние католицизма, его компромиссного с православием варианта — униатства. И в России, и особенно в пограничных с ней странах сравнительно широко распространены другие мировые и национальные религии — ислам, буддизм, иудаизм и прочие. На северных и азиатских окраинах России остаются принципиальные язычники, шаманисты. Ещё больше среди нас равнодушных к любой религии. Остаются до сих пор атеисты — более или менее активные противники религии и церкви. Есть и просвещённые агностики, свободомыслящие. С другой стороны, у нас много единоверцев-православных среди представителей иных рас и народов. Но и те, и другие, и третьи, и пятые и десятые наши соотечественники родились и выросли в стране, которая уже более тысячи лет принадлежит к христианской, православной культуре. Поэтому волей-неволей, в той или иной степени, реже или чаще все мы думаем и поступаем по-христиански. На идеи Нового Завета христианской Библии так или иначе опирается идеология и психология нашей жизни. Поэтому всем нам стоит лучше познакомиться с этой религией, не спеша ни отвергать её с негодованием, ни принимать всем сердцем, некритически.

Идейные предшественники, отчасти соперники *христианства* по-своему реагировали на кризис греко-римского мира, всё усиливавшийся под конец старой эры. Эти варианты философии и религии в чём-то они предвосхищали христианство, в чём-то уступали ему, но и подготавливали умы к восприятию такого рода новых для античного мира идей и надежд. «Зерно» поучения Иисуса упало на почву, подготовленную для его триумфального роста.

Ещё в Греции периода её расцвета появились *тайные общества*, поклоняющиеся мифическому певцу и музыканту Орфею. *Орфики* переосмысливали весь пантеон олимпийских богов в мистико-символическом духе: из яйца Хроноса (Времени) родился Эрос (божество любви и света), создавший этот мир и населивший его богами и людьми. Душа человека обречена вечным перевоплощениям, но их круг может быть сокращён или даже прерван правильной жизнью — презрением к нуждам плоти, аскезой. Высшей наградой за аскетизм служит блаженное бессмертие. Совершая свои мистерии в глубокой тайне, последователи орфизма не покушались на устройство полиса и власть императора. Но намечали идеи будущего христианства — неокончателности смерти, загробного воздаяния по земным делам, возможности бессмертия для всех праведников.

Многие восточные религии опирались на *эсхатологические идеи* — грядущей катастрофе этого несовершенного мира, приходе *спасителя людей*, который утвердит новый, окончательный и справедливый порядок (греческое слово *эсхатос* означает «крайний», «конечный», т.е. будущее и завершающие времена мира и человека). На такого спасителя уповал *зороастризм* — персидская поначалу религия.

Названные мысли плотно впитал в себя *иудаизм* — религия древних евреев. Они верили, что бог Яхве заключил с их предками договор (*завет*), согласно которому тех, кто выполняет 10 заповедей Торы ожидает будущее царство справедливости (знаком «завета» служил обряд обрезания правоверных). Иудеи ожидали спасения от конкретного лица — избранника божия (помазанник — по-древнееврейски *машиах*; по-гречески *мессия* или *христос*). Согласно пророчествам, таким избранником должен был стать кто-то из потомков царя Давида (того ведь сам бог посвятил, помазал в цари). Еврейский народ ожидал прихода такого избавителя много веков, начиная примерно с середины I тысячелетия до новой эры. Евреев неоднократно изгоняли и переселяли более сильные соседи, поэтому идеи Ветхого завета сначала собирались повсюду, а затем повсюду же распространялись на Ближнем Востоке, который служил тогда своего рода буфером между Востоком и Западом.

Место и время появления и первоначального развития *христианства* не случайны. Эта религия ознаменовала смену двух огромных этапов развития европейской цивилизации — античного на средневековый. Если же ещё учесть последующие периоды истории Европы, Западного мира в целом, то именно христианство оказалось подходящей теорией, наилучшей идеологией этой истории, западной культуры. Но не надо думать, что рассматриваемая доктрина, система ценностей возникла в готовом виде раз навсегда. Как всегда бывает в духовной жизни общества, подходящая идеология опирается на что-то в прошлом, впитывает в себя властные импульсы настоящего и предугадывает будущее, отчасти подстраиваясь под него, отчасти его же предопределяя. Так вышло и с христианством. Не стоит воспринимать канонические Евангелия как документально точное изложение событий. На этом настаивает церковь — это её право и дело. Не надо впадать и в противоположную крайность — объявлять всё это мифом, сказкой. Так утверждали скептики, атеисты (Вспомним булгаковского Берлиоза). Все писания первых поколений христиан неоднократно переписывались, отбирались и редактировались. Множество деталей и оценок в этих текстах перепутано или выдуманно. Но для потомков неважны эти детали (например, в каком именно городе родился Иисус, принадлежал ли его отец к царскому роду, был ли он причастен к рождению сына или же выступил просто номинальным его родителем, и т.д. — такого рода подробности, скорее всего, привнесены в текст Святого писания позднее, исходя из представлений древних

евреев о своём Спасителе). Независимые исторические источники подтверждают:

- тот, кого называли Иисусом Христом, на самом деле жил в первой половине I века новой эры в Палестине (главным образом в Галилее);
- будучи по рождению и воспитанию правоверным иудеем, он многое заимствовал из учения раввинов (Ветхого завета); ещё больше общего у него было с другими группами отколовшихся от иудаизма аскетов, искателей другой истины (историкам известны несколько таких «орденов», но их могло быть и больше — проектов новой веры было несколько, равно как и кандидатов в её пророки);
- проповедь Иисуса оказалась по сердцу многим галилейским беднякам, изнывавшим от гнёта нескольких «эшелонов власти» — и римской, и своей местной; попытки вооружённого сопротивления тотальному угнетению раз за разом топились в крови; приходилось надеяться на духовное спасение и ненасильственное сопротивление богатым и властителям;
- именно группе поклонников Христа «повезло» оказаться в такое время и в таком месте, где учение их основателя не погибло, а было подхвачено последователями; вовремя видоизменялось в соответствии духовными чаяниями первых поколений христиан; в конце концов, идеи ненасильственного сопротивления, уравнивания в правах и более справедливого распределения собственности получили поддержку (правда, уже за пределами Иудеи, где группы христиан были физически перебиты римлянами, а народ в массе своей в христианство так и не перешёл);
- зато на просторах Европы, как Западной, так и Восточной, новая вера постепенно была с теми или иными поправками принята, сначала как одна из нескольких допустимых государством религий, а затем и как единственно подходящая для государства и общества; в таком успехе христианства огромная заслуга его основателя — одного из гениальных мыслителей и мужественных политиков человечества;
- в отличие от других оппозиционных группировок, Христос и его окружение, поддержанные прежде всего бедняками, униженными и оскорблёнными, обращались свою проповедь ко всем слоям палестинского общества, верили возможности их обращения в правую веру; именно эта открытость позволила следующим поколениям христиан вербовать на свою сторону представителей самых разных народов, а не только иудеев; превратить сугубо местное палестинское движение в общеевропейскую, а затем и мировую религию.

Иисус Христос — основоположник христианства. Иисус — греческий перевод (по-еврейски Иешу́а) имени религиозного проповедника из *Назарета* — небольшого города в области *Галилее*, на севере *Палестины*. В 20-е – 30-е гг. I века новой эры в этом регионе Ближнего Востока располагалась одна из провинций Римской империи — Иудея. Еврейским народом здесь жёстко правили наместники (прокураторы) императорского Рима (в указанный момент представлявшие власть императора Тиберия). С римскими оккупантами сотрудничали

ли местные цари Иудеи и священники столичного Иерусалимского храма, осуществлявшие функции внутреннего управления страной. Тут, как и во многих других провинциях позднего Рима, обострялись социальные конфликты, боролись разные политические группировки. Свои политические и экономические интересы они выражали в религиозной форме. Среди иудеев выделилась группа *фарисеев* — ревностных учителей иудаизма, знатоков Ветхого Завета будущей Библии и комментариев к нему — *Талмуда*. Они представляли средний класс еврейского общества. За сотрудничество с Римом, открытость другим народам выступали *саддукеи* — идеологи жреческой аристократии. Эти не отличались религиозным фанатизмом, воспринимали подходящие для себя идеи греко-римского мира. Заговорщики-«зилоты» (по-еврейски «кинжальщики») готовили террористические нападения на римских военнослужащих.

Бедные слои народа не находили идейной поддержки ни у тех, ни у других, ни у третьих. Поэтому то и дело появлялись религиозные диссиденты — критики иудейского жречества, проповедники религиозной реформы. Одним из них и был Иисус, прозванный своими последователями Христос — греческий перевод еврейского слова *Мессия*, т.е. «помазанник», в смысле «избранный» (истинного Бога, его посланец к людям, спаситель их душ для вечной жизни на том свете). Такого посланника Божия евреи давно ожидали, надеясь, что он освободит их от гнёта Рима и, более того, покорит еврейскому государству Израилю другие народы. Так пророчествовали их ветхозаветные мудрецы. Однако Иисус не оправдал таких теократических ожиданий. Он призывал не к политической революции, а к духовному преображению людей. Поэтому за ним последовала лишь небольшая часть еврейского народа и его учение — христианство утвердилось в качестве международной религии уже за пределами Палестины. Сами евреи его не приняли прежде всего потому, что новый учитель проповедовал не еврейский национализм, исключительность, а интернационализм, всечеловечность. Тем не менее, большинство догматов заимствовано христианами из иудаизма, конечно, в несколько переделанном виде.

О жизни Иисуса сообщают несколько вариантов его церковной биографии — *Евангелия* (т.е. «благая весть» — о долгожданном евреями пришествии Спасителя, Сына Божия). «Благовестием» первоначально именовали всю пропаганду первых христиан. Упоминания о них в трудах синхронных, но независимых, нехристианских историков (Тацита, Светония, Иосифа Флавия и других) подтверждают реальность, историчность фигуры этого Христа. Он оказался человеком выдающихся способностей духовного лидера, проповедника, мыслителя. За ним пошли первые ученики — *апостолы* (по-гречески «посланники» — к людям с благой вестью о рождении их спасителя), в своем большинстве тоже весьма незаурядные по интеллектуальным и волевым качествам личности. Двое из них — *Матфей* и *Иоанн* впоследствии составили два варианта Евангелия, а ещё два, вошедшие в христианский канон, написаны представителями второго поколения христиан — *Марком* и *Лукой* (учениками двух самых авторитетных апостолов — Петра и Павла). Остальные евангелия (от Фомы, Петра, египтян и

прочие) были признаны на церковных съездах-соборах *апокрифами* (по-гречески «тайными», «скрытыми») — подложными, недостоверными версиями деяний и судьбы Христа.

В число апостолов — наиболее близких Иисусу учеников, он придирчиво отобрал из множества любопытствующих, присоединявшихся к его странствию на какое-то время, следующих лиц:

- 1) самым первым стал *Симон* (переименованный учителем в *Петра* (по-гречески «камень» — «на этом камне воздвигну церковь свою», верил её основоположник);
- 2) брат Симона — *Андрей* (по легенде, впоследствии крестивший наших предков — восточных славян);
- 3) *Иаков* (старший, сын Зеведея);
- 4) его младший брат *Иоанн* (первый евангелист);
- 5) *Филипп*;
- 6) *Варфоломей*;
- 7) *Фома*;
- 8) *Иаков* (тёзка одного из предыдущих, сын Алфея);
- 9) *Симон Зилот*;
- 10) *Иуда*, сын Иакова;
- 11) *Иуда Искарот* (оказавшийся предателем); наконец,
- 12) *Левий*, он же *Матфей* (заместивший предателя уже после казни Иисуса и ставший вторым евангелистом).

Каждый из апостолов после смерти учителя возглавил целую общину его поклонников. Большинство первых последователей Христа оказались по-своему незаурядными людьми; именно благодаря их интеллектуальной и организационной активности христианство, в отличие от многих аналогичных сект того времени, не погибло, а распространилось, укрепилось в разных местах Римской империи. Даже гнусный предатель Иуда из города Кириафа своим ужасным примером (кончил свою молодую жизнь в петле) стал зримым предостережением тем, кто попытался бы пойти в христиане, а потом изменить им.

Иисус — выходец из семьи скромного достатка (его отец *Иосиф* был плотником, хотя их род восходил к иудейскому царю Давиду, откуда и должен был, согласно пророчеству, явиться мессия). Мать Христа *Мария* родила его не в родном городе, а в соседнем селении Вифлееме. Младенца удалось спасти от жестокого иудейского *царя Ирода* Великого, велевшего убивать всех новорожденных того года, потому что среди них, согласно такому же пророчеству, находился губитель его царства. Дожив лет до тридцати правоверным иудеем, Иисус затем круто изменил свою жизнь — стал странствующим проповедником. Водное крещение он принял от одного из своих предшественников — отшельника Иоанна (археологи недавно нашли его пещеру и тот самый водоём-крещальню). Он первым признал в нём мессию. С тех пор Иисус странствовал по Иудее и Галилее, обращался к людям со своими поучениями. К нему присоединялись те или иные земляки, когда хозяйственные дела позволяли им на время покинуть свои дома и семьи. Молва приписывала Иисусу серию чудес (хождение по воде, превращение воды в вино, исцеление паралитика, даже воскрешение умершего). Его критика иудаизма, а особенно иудейского жречества встревожила и римские, и местные власти. Его арестовали и судили (за «подстрекательство к мятежу») вместе с уголовными преступниками, приговорили к смертной казни. Приговор церковного суда Синедриона утвердил римский про-

куратор *Понтий Пилат*, чьи солдаты распяли Христа на горе Голгофе («Череп»). Апостолы Христа утверждали, что после казни и похорон Христос чудесным образом воскрес и был вознесён на небо.

Группа первых поклонников Иисуса Христа была не первой и не единственной сектой, отколовшейся от иудаизма. В Палестине на рубеже старой и новой эр действовали несколько таких оппозиционных, по сути раннехристианских общин. Их идеология и образ жизни во многом совпадали. Они ждали конца света и чудесного спасения верных Богу лиц. В середине прошлого века в местечке Вади-Кумран случайно были открыты и затем расшифрованы учёными рукописи одной из таких общин. Этот архив получил название *текстов* (с берегов) *Мёртвого моря*. Многие в этой библиотеке перекликается с известной теперь всему миру Библией.

Ещё одна рукопись в том же роде — так называемое «Евангелие от Иуды», недавно опубликованное. Оно отражает идеи *гностиков* — мистической философии.

Учение Христа наиболее ярко и полно выражено в одной из его «лекций» апостолам — Нагорной проповеди. Христос не отвергает 10 заповедей иудаизма, изложенных людям Моисеем в качестве Божьего завета («Не убивай, не воруй, не изменяй в супружестве, не приноси ложных клятв» и т.д.). Однако он считает их недостаточными для праведного поведения и спасения души. Выполнение только этих ограничений не искореняет греховности людей, не останавливает зла. Старые заповеди уповают на вполне понятные здравому смыслу вещи — силу оружия, денег, групповой поддержки (родственников, единоверцев, соотечественников). С точки зрения Христа, надо обратить внимание не на материальные, а на духовные ценности. Увидеть не то, что различает людей (цвет кожи, пол, происхождение, уровень доходов и т.д.), а то, что их всех роднит (совесть, доброта, великодушие, взаимопомощь). Понять, что одного материального достатка нормальному человеку недостаточно для счастья. Нужно ещё заслужить любовь своих ближних. Примерно так можно понять афоризмы и парадоксы Нагорной проповеди и прочих поучений Христа.

*Вы знаете, что было сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю Вам: не мсти тому, кто причинил тебе зло. Если кто-то рубаику хочет у тебя отсудить, пусть забирает и плащ. Если тебя заставляют сопровождать кого-то километр, пройди с ним все два. Тому кто просит у тебя что-то, дай это [не жадничай]; от того, кто хочет взять у тебя взаимы, не отворачивайся. Вам говорили: «Люби ближнего своего и ненавидь врага!» А я говорю вам: любите своих врагов, молитесь за тех, кто преследует вас. ... Не осуждайте, и [тогда, может быть] вас не осудят, потому что **каким судом судите, таким осудят и вас, и какой мерою мерите, такой отмерят и вам.** Что же ты смотришь на соринку в глазу своего ближнего, а в собственном бревна не замечаешь?*

Такого рода поучения Христа можно принимать за чистую монету и всю жизнь строго выполнять. Этим занимались довольно многочисленные праведники и святые христианского мира — священники, монахи, отшельники, аскеты, тому подобные замечательные личности. Что касается большинства остальных верующих христиан — мирян, то христовы заповеди выступают для них неким идеалом, своего рода «нравственным компасом». Их поведение то приближается к нему, то отдаляется от него же. Но всё-таки — моральная планка для любого христианина стоит гораздо выше, чем у язычника. Христианство — это религия духа, интеллекта. Она заставляет видеть человеческую природу глубже, учитывать не только сиюминутные, но и отдалённые интересы человека. Христос не мог и не думал переделать жизнь человека полностью (*Царство моё не от мира сего...*). Он мечтал, чтобы

люди в массе своей помудрели, задумались над целями и средствами своего поведения и, в результате, корректировали своё поведение в лучшую сторону.

Вернёмся к тезисам Нагорной проповеди. Попробуем истолковать их более реалистично, приземлённо. Фанатик сочтет «ослабленное», свободное понимание христианства богохульством. Гуманно настроенный человек допускает, что каждый верит на свой лад, в силу своих умственных и моральных способностей. Ведь христианство и вчера, и сегодня неоднородно. В нём можно выделить по крайней мере следующие пласты:

- *богословское христианство* — изучившее корпус первоисточников своей религии и авторитетных комментариев к ним, строго соблюдающее каноны этой религии;

- *народное христианство* регулирует повседневную жизнь большинства населения стран христианской культуры, оно выборочно и упрощенно толкует заповеди Христа и прочих святых, тесно переплетено с пережитками язычества, новыми суевериями;

- *свободомыслие*, которое стремится преодолеть устаревшие в ходе истории формы религии, но для того, чтобы лучше понять и применить ее же долговечные идеи и принципы. Французский философ Ален (1868–1951) в этом последнем духе говорил: «Немного католицизма [или православия — С.Щ.] не принесёт вреда; это момент, это этап; Кеплер, Галилей, Декарт [и также верующие М.В. Ломоносов, И.П. Павлов, многие другие] превратили его в науку и образ мышления. Протестантизм тоже неплох — Кальвин сотворил из него право и республику. Только это этап, не забывайте. Это движение было прекрасно; всегда нужно преодолевать то, во что веришь; но как преодолевать то, во что не веришь?» («Колдуны, чудеса и боги», 1921).

Так что попробуем преодолеть непонятность, *странность поучений Христа*.

Кровная месть? В некоторых случаях она, конечно, неизбежна. Кто не «заработал» себе врагов, вряд ли имеет настоящих друзей. Надо уметь, иметь мужество защищать (если потребуется, силой) свои ценности (личности, семьи, родины). «Простите врагов ваших, но запомните их имена», советовал Джон Кеннеди. Однако прежде, чем начать враждовать, надо взвесить свои силы. В серьёзной борьбе пострадать, даже погибнуть могут обе враждующие стороны. Вы учли такой исход, затеяв месть? Если да, то учтите ещё, что победить врага легче, если не будешь слишком сильно ненавидеть его (негативные эмоции мешают думать и принимать правильные решения). Отдаваясь мести целиком и полностью, вы встаёте на одну доску с противником. А он чаще всего этого не заслуживает. Равнодушие к врагу обычно обижает его больше всего. Какие-то выпады против вас вам самим выгоднее просто «не заметить», простить (меньше ненужных волнений, великодушие привлекает людей на вашу сторону). Так сам Христос сказал по адресу своих мучителей и убийц: *Отче [Боже мой], прости им, ибо не ведают, что творят*.

Выполнение церковных и иных обрядов? Да, обряды украшают жизнь, позволяют сменить надоевшую повседневность на возвышенное настроение ритуала. Но: *Суббота для человека, а не человек для субботы*, — говорил Иисус по поводу важнейшего правила иудаизма — запрета работать по выходным. «Красным днём календаря» у христиан стало воскресенье. Ближе к христианству не тот, кто ревностно замаливает в церкви свои грехи, а тот, кто меньше грешит. Тезис: «Не согрешишь — не покаешься» — лукавство.

Отдайте кесарю кесарево, а Божье — богу, настаивал Иисус. Имея, как видно, в виду, не только необходимость выполнять законы государства, в котором живешь, в частности, честно платить налоги. За внешним законопослушанием надо различать более высокие цели и ценности — познания, сопричастности чему-то долговечному. Добиваясь благополучия, не разрушайте человеческих взаимоотношений, не «шагайте по головам», а то ведь не с кем будет наслаждаться жизненными достижениями.

Помощь ближнему? Тут важно быть добрым, а не добреньким. Если прощать людям всё, что угодно и выручать их из любых ситуаций, можно оказать им дурную услугу. Помогать стоит тем и тогда, кто самостоятельно не может помочь себе сам. Прощать мелкие гре-

хи, но не спешить прощать явное предательство, неблагодарность, прочие проявления моральные уродства. Иначе мы поощрим их. Протестанты говорят: дарите голодному не рыбу, а удочку... А открытое зло надо подавлять без всякой пощады, давать ему урок ужаса!.. Памятуя, впрочем, что при этом так или иначе пострадают все участники схватки. Такова от веку земная жизнь.

Как видно, христианство предполагает *свободный выбор человеком правильного поступка*. Люди как бы сотрудничают с Богом в борьбе против сил зла, за добро. Противник Бога Дьявол искушает людей. Эта борьба вечно ведется с переменным успехом. Никто из смертных не имеет морального права считать себя безгрешным или же осудить другого человека как неисправимого грешника. Со временем каждому воздастся за его поступки согласно Божьему промыслу. Так христианин верит в целесообразность бытия, возможность преодоления хаоса в природе, обществе и душе человека.

Апостолы Иисуса Христа после его мученической кончины выбрали наиболее эффективную стратегию и тактику для проповеди нового учения, а оно само оказалось наилучшим образом приспособлено к международному распространению, массовому тиражированию. Апостолы разошлись по разным концам Римской империи, повсюду основывая христианские общины. Между ними завязывалась переписка, обмен кадрами проповедников. Репрессии против первых апостолов и их слушателей со стороны римских и местных властей использовались ранними христианами как аргумент «от противного» в свою пользу — пострадавшие за веру первыми вкусят райское блаженство (вспомним роман польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши?»).

Старший *апостол Пётр* проповедовал в самом Риме (и потому считается небесным покровителем Западного мира — первым папой Римским); по приказу императора Нерона его казнили, распяв головой вниз. Наёмный убийца в Иерусалиме по приказу царя Ирода Агриппы поразил мечом апостола Иакова старшего (его останки были перенесены в Испанию, чьим небесным покровителем этот святой с тех пор считается). Иоанн, прозванный Богословом, — любимый ученик Христа. Он написал больше всех текстов Нового завета, в том числе наиболее эмоциональное Евангелие и фантастический Апокалипсис (по-греч. «Откровение» о судьбах мира и конце света), замыкающий Новый завет. Писательскому творчеству, очевидно, способствовала ссылка на скалистый остров Патмос в Эгейском море, где Иоанн и умер в весьма преклонных летах.

Левий Матфей до встречи с Христом служил сборщиком податей — мытарем. Общественное мнение в Иудее относилось к представителям этой профессии весьма недоброжелательно (что-то вроде русского народного выражения «менты поганые»). Прислушавшись к словам Христа, Матфей бросил на дорогу сумку с деньгами и отправился дальше собирать мудрые мысли, а не деньги (что по-своему символично).

Апостол Павел (в язычестве Савл) лично не знал Христа. Первоначально он учился в школе раввинов — иудейских священников и появление христиан встретил крайне враждебно. Однако впоследствии перешёл на их сторону и больше всех апостолов сделал для крещения язычников. Он первым из апостолов-миссионеров избрал путь на Восток (отсюда большая близость этого духовного образа славянам, в том числе нашей России). Из 21 библейских послания апостолов 14 написано им. Одно из его посланий галатам гласит: *Нет уже [для нас] ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчин, ни женщин, ибо все вы одно во Христе Иисусе*. Он проповедовал христианство в Сирии, Малой Азии, Греции, на Кипре, Италии. Павел развивал христовы идеи духовности и доброты: *Если я говорю на языках людей и ангелов, а любви не имею, то я медь звенящая и кимвал бряцающий [а не стоящий человек]. Если я ... проник во все тайны, и обладаю всей полнотой знания и веры, ... а любви не имею, я ничто. ... Любовь великодушна, независтлива, она не превозносится, не*

гордится, не бесчинствует, не ищет своей выгоды, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется истине; она ... на всё надеется, всё переносит! (Первое послание Павла к коринфянам).

Апостол Андрей именуется Первозванным — потому, что они вместе с братом Петром первыми откликнулись на призыв Христа пойти за ним (были рыбаками, выбирали сети, когда Иисус обратился к ним: *Идите за мной! Я сделаю вас ловцами человеков*). Впоследствии Андрей забрался с проповедью новой веры дальше всех апостолов на восток — в Причерноморье, на Босфор и в Скифию. Поэтому он считается основателем Константинопольской церкви — первого оплота православия и, следовательно, духовным покровителем Руси-России (хотя версия про его путешествие к восточным славянам по Днепру, в Киев и Новгород явно легендарна). Его убили, распяв на косом кресте (который символизирован Андреевским флагом русского военного флота). В Скифии, по преданию, миссионерствовал и *апостол Филипп*. До Индии, Месопотамии и Армении дошли с проповедью христианства *апостолы Варфоломей* (по-еврейски «сын Толмая»; собственное имя Нафанаил) и *Фома* (по прозвищу Неверный — он уверовал в чудесное Воскресение Христа позже всех апостолов — только после того как не только увидал, но и потрогал его, ожившего после казни).

В первых общинах христиан преобладали униженные и угнетённые элементы Римского мира — бедняки, рабы, вольноотпущенники и т.п.; женщин было куда больше, чем мужчин (и в дальнейшем идеи Христа попадали в отдалённые от его родины страны чаще всего с поверившими в них женщинами, их малыми детьми). К сильным личностям всегда тянутся слабые (о некоторых апостолах нам почти ничего не известно, кроме их имён; должно быть, они оказались пассивными поклонниками, своего рода «массовкой» нового учения). Поскольку первые христиане отказывались поклоняться римским богам и обожествленным императорам, власти Рима сначала преследовали их (вплоть до выбрасывания на арены цирков в качестве жертв хищных зверей на гладиаторских играх). Однако со временем именно в христианстве наиболее дальновидные властители Рима разглядели идеологию, способную как-то сплотить раздираемую на части, рушащуюся империю, примирить все населявшие её племена и народы. В христианских общинах к тому времени числилось куда больше знатных и богатых лиц. Подавляя восстания в Иудее 66–73 и 132–135 гг., римляне физически истребили состоящие из евреев христианские общины в Палестине. Среди христиан стали преобладать бывшие язычники, полностью разорвавшие с иудаизмом. После кончины очередного гонителя христиан императора Диоклетиана в борьбе за престол выиграл претендент, привлёкший на свою сторону христиан — *Константин I (Великий)* (285–337). Придя к власти, он до смерти остался язычником, но в 313 г. Миланским эдиктом законодательно уравниал христианство в правах с другими религиями, издав эдикт о веротерпимости. В конце IV века новой эры очередной император *Феодосий* пошел дальше — признал христианство единственной официальной религией Римской империи, а языческие храмы приказал закрыть. Завоевав сердцевину наиболее цивилизованного тогда мира — Средиземноморье и окончательно отколовшись от иудаизма, христианство превратилось в мировую религию. Как видно, именно христианские идеи лучше всего подошли для культурной и политической экспансии наибольшего масштаба.

Священное писание христиан — Библия (по-гречески «книги») представляет собой, кроме всего прочего, своеобразный учебник жизни. Там можно найти образцы любой межличностной коллизии, примеры и советы на все случаи жизни. Первая часть Библии именуется Ветхим (т.е. прежним, старым) заветом (т.е. «завещанием» Бога людям, своего рода «их договором о намерениях и сотрудничестве»). Ветхий завет состоит из книг, отобранных христианами из иудаизма.

Новый завет включает несколько текстов («книг»). Их начали составлять уже первые поколения христиан, в I — начале II веков. А закончили их окончательную редакцию к V веку. Из множества раннехристианских сочинений руководители тогдашней церкви отобрали несколько (всего 27), наиболее адекватно, с их точки зрения, передающие смысл новой веры. Кроме четырёх Евангелий, в Новый завет вошли:

- *Деяния апостолов* (после ухода их учителя);
- *Послания апостолов* (к населению обращаемых в новую веру стран); из 21 послания 14 относятся традицией к авторству Павла, два Петра, три Иоанна Богослова, по одному Иакова и Иуды (тёзки изменника);
- *Откровение Святого Иоанна Богослова или же Апокалипсис*, — книга, пророчащая конец света и Страшный Суд Богом всех живых и мертвых к тому времени людей.

Все эти тексты дошли до нас в греческом переводе, который служил тогда международным во всём Средиземноморье. Семитские (еврейские или арамейские) оригиналы некоторых из новозаветных текстов были утрачены.

Самое краткое и, по-видимому, *древнейшее евангелие* — *от Марка*. В нём ничего не сказано о происхождении, детстве и юности учителя; повествование начинается с деятельности его непосредственного предшественника — Иоанна, прозванного Крестителем за то, что в своей пустынной пещере этот отшельник и аскет крестил (подвергал ритуальному омовению в водоёме) других желающих отойти от иудаизма. Среди прочих такое крещение принял Иисус, пришедший к реке Иордану из Галилеи. Иисус оказался «более сильным», согласно Марку, вождём еврейских протестантов по сравнению с Иоанном. Пробыв с этим последним 40 дней в пустыне и настроившись на свой подвиг, Иисус возвращается на север Палестины, в родную Галилею и начинает проповедовать исполнение ветхозаветных пророчеств («Приблизилось царство божие!», «Покайтесь!» и т.п.). Рассказано о том, как Иисус завербовал в свою веру первых сторонников — из числа простых рыбаков, промышлявших на Тивериадском озере. Как видно, эти и последующие апостолы не просто бросили все свои занятия, семьи и пошли за Христом, а присоединялись к нему время от времени, так сказать в отпускное время от своих трудовых будней. Лейтмотив этого евангелия — противостояние Христа с иудейскими ортодоксами, фарисеями и саддукеями, а также с группой сторонников Иоанна Крестителя. Наперекор своим противникам Иисус нарушает каноны иудаизма (например, не чтит субботный отдых; справляет ритуальный ужин перед Пасхой («тайную вечерю») на день раньше, чем остальные евреи); присваивает себе право отпускать людям грехи; непринуждённо общается с табуированными грешниками (типа «блудницы» Марии Магдалины). Впрочем, на открытые провокации он не поддаётся — отвергает призывы к восстанию против Рима («отдавайте цезарю цезарево, а божье — богу»), наименование себя «сыном Давидовым» (тем самым разграничивая религию и политику). Тем не менее, Христос предвидит свою незавидную участь — под конец своей земной миссии просит трёх самых любимых апостолов разделить его ночное бдение на Масличной горе на окраине

Иерусалима, обращается к богу с молитвой о спасении («... Пронеси эту чашу мимо меня!»). При описании ареста, суда, пыток и казни учителя авторы «Евангелия от Марка» приводят ряд весьма жизненных деталей, явно восходящих к очевидцам или, по крайней мере, современникам Иисуса. Так, последняя фраза Христа — цитата из ветхозаветного псалма («Боже мой, боже мой, почему ты меня оставил?») приводится не по-гречески, как остальной текст, и не на древнееврейском, как в оригинале псалма, а на родном арамейском наречии галилеянина Иисуса: «Элохй, ламма́ савахвани!»

Остальные евангелия добавляют к биографии Христа целый ряд подробностей. У большинства правоверных иудеев — современников Иисуса не могло возникнуть никакого доверия к призывам нищего сына плотника, уроженца захолустного, никому не известного Назарета. Поэтому другие евангелисты добавляют Христу солидную родословную (восходящую к самому славному для всех евреев царю Давиду, а через него — и к их общему пра-родителю Аврааму); переносят роды его матери Марии в Вифлеем (бывшую крепость того же Давида). Отца Иосифа объявляют не реальным отцом, а отчимом Христа, фиктивным супругом «девы Марии», поддержавшем версию ее «непорочного зачатия» и усыновившем потомка династии Давида. В этих Евангелиях гораздо больше рассказов о чудесах, совершённых Иисусом и цитат из его поучений, афоризмов и притч (иносказаний). Так, центральная — Нагорная проповедь подробнее всего приведена в евангелии от Матфея.

На пути к своей победе в европейско-средиземноморском мире христианство испытало не только внешние гонения, но и внутренние противоречия и расколы. И в первые века его существования, и впоследствии между его сторонниками нередко вспыхивали острые разногласия по поводу буквы и духа их учения. Наиболее существенные споры удалось преодолеть, выработав *основные догматы христианской церкви* и утвердив их на международных совещаниях руководителей христианских общин — *Вселенских соборах*. Авторы этих догматов — замечательные мыслители, писатели и политики были за это названы *отцами церкви*. Они опирались на интеллектуальные традиции античной философии, опыт разных религий Востока и Запада. Их книги примыкают к текстам Нового завета и составляют *Священное предание христианства*.

Среди *отцов христианской церкви*, признаваемых всеми её ветвями, в том числе православием, выделяются:

- *Афанасий Александрийский* (295–373), в борьбе еретиками отстаивавший единство бога-Отца и Бога-сына;
- *Василий Кесарийский*, прозванный Великим (330–379) за выдающийся вклад в организацию и защиту православия;
- его брат *Григорий Нисский* — философ-диалектик;
- *Григорий Назианин* (329–390) — церковный поэт и мыслитель;
- *Иоанн Златоуст* (350–379) — одаренный оратор-проповедник, за смелые обличения власть имущих сосланный на Кавказ;
- *Максим Исповедник* (580–662) — философ-мистик;
- *Иоанн Дамаскин* (умер около 753) — систематизатор православного учения.

Среди *представителей латинской патристики* наиболее знамениты:

- *Амвросий Медиоланский*,
- *Августин Блаженный* (к его гениальной «Исповеди» восходит современная философия экзистенциализма),
- *папа Лев Великий*.

На I Вселенском соборе в г. Никее 325 г. церковные иерархи Востока и Запада разработали *Символ веры* — краткий конспект всего христианского ве-

роучения. В 381 г. на II Вселенском соборе в Константинополе его (с поправками) утвердили. При христианском крещении символ веры читается как молитва: *Верую в единого Бога, Отца всемогущего, творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, сына Божия Единородного ... Который ради нас, людей, и ради нашего спасения сошёл с небес и воплотился от Духа святого и девы Марии и стал человеком. Распят был за нас при Понтии Пилате, пострадал и был погребён. И воскрес в третий день согласно писаниям. И возшёл на небеса и сидит по правую руку отца. И опять придёт со славой судить живых и мертвых, и царствию его не будет конца. И в Духа Святого, Господа животворящего, от Отца исходящего, которому вместе с Отцом и Сыном воздается поклонение и слава и который вещал через пророков. И в единую святую, соборную и апостольскую церковь. Исповедую единое крещение во оставление грехов. Ожидаю Воскресения мёртвых и жизни будущего века.*

Кому-то из неверующих людей этот и т.п. тексты христианства (и других религий) кажутся устаревшим, музейным экспонатом; даже бессмыслицей. Однако если подумать, то можно если не согласиться с основными тезисами христианства буквально, то по крайней мере постараться понять их логику и смысл. Символ веры сводится к следующим догматам.

1. *Единобожие*. По сравнению с политеизмом язычников, христианство относится к более культурному монотеизму. Сколько сил управляет всем сущим и могут ли они быть сведены к чему-то единому? Мир вокруг нас — сплошной хаос, или же в нем возможны моменты, островки порядка? Возможны ли подобные общие принципы в поведении людей? Если мы верим в сверхъестественное, то подчиняется ли оно одному принципу или же служит ареной вечного столкновения разных начал? (как у тех же язычников, верящих в существование множества божков).

2. *Креационизм* (латинское *creatio* — творение) — признание Бога творцом всего мира. Стоит ли за возникновением и эволюцией природы некая программа, матрица, или же эволюция полностью стихийна и бесцельна? Христианство признает Бога творцом мира. Человек — венец этого творения, он создан «по образу и подобию Божию», т.е. наделён разумом и свободной волей для выбора поступков. В итоге творения весь космос ставится в зависимость от людских деяний (этот вывод близок к идее ноосферы у современных ученых).

Адам и Ева — первые люди на Земле — поддались злу, нарушили запрет Бога и вкуси плодов с дерева познания добра и зла. За это нарушители подверглись изгнанию из рая. Так началась история человечества. Потомки Адам и Евы несут на себе печать первородного греха. Роковую цепь адских мук прерывает искупительная жертва Спасителя — Иисуса Христа.

3. *Божественная природа Иисуса Христа* — его единосущность (полное равенство Богу-Отцу и Богу — Духу Святому) и признание Святой Троицы. Распределение творческих функций между разными ипостасями (здесь по-гречески «личность») единого Божества предостерегает от упрощенных толко-

ваний религии. Христианский Бог един в трёх лицах (ипостасях), он одновременно есть и абсолют, и личность, и исходящая от них эманация святости. Божественная Троица символизируется сложением пальцев руки при крестном знамении.

4. *Историчность Христа и его апостолов, прочих библейских пророков.* Бог-Сын стал человеком, участвовал в творении мира — ведь он научил людей истинной вере, пострадал и погиб за нее. Благодаря учению Христа люди постигли замысел Бога и своими деяниями воплощают его в жизнь. Христос, точнее говоря, Богочеловек. Значит, возможен пример достойного поведения на Земле; нам есть, у кого учиться жить. Христиане верят в Спасителя всего человечества.

5. *Целостность и святость христианской церкви.* Несмотря на ее разделение на многие варианты, христианин должен придерживаться одной из них, подчиняться её правилам; понимать, что церковь как коллектив единомышленников выше и лучше отдельных своих представителей; различать общую для всех христианских конфессий суть учения Христа. Перед нами урок коллективизма, духовная прививка против эгоизма и самовольства.

6. *Крещение* — необходимый «пропуск» в христианскую религию. Этот первичный обряд развивает предыдущий тезис — солидарность, сопричастность близким тебе по духу людям здесь выражается через внешне ритуализированное поведение, обрядность. Обряды инициации (посвящения во взрослые, самостоятельные люди) осуществляются у всех народов, начиная с каменного века. Христианство, опуская нижнюю планку такого посвящения к младенчеству, подчёркивает уникальность каждой отдельной личности, независимо от пола, возраста, происхождения.

7. *Спасение — воскресение мёртвых после Страшного суда и вечная жизнь их душ в Царствии небесном* канонически верующий христианин поймет буквально, постарается избежать адских мук и заслужить райское спасение. Более широко можно понять этот тезис христианства как надежду на торжество справедливости в будущем. Судьба воздаст каждому по делам его. И пусть наши добрые дела перевесят на неких невидимых весах злые.

Христианство — проверенная веками экология души множества своих сторонников. Сегодня это самая крупная из религий мира — христиан более двух миллиардов на всех континентах Земли.

Многие догматы христианского вероучения и культа толковались отдельными группами сторонников этой религии по-разному. Те группы, которые потерпели поражение в борьбе с большинством остальных общин, получили с их стороны презрительное название — *ереси* (от греч. «отбор», «раскол»). Еретики возможны только внутри самого христианства, остальные религии с точки зрения христианства именуются *сектами*. Среди первых ересей (IV в.) выделяется учение священника из Александрии Арии, признававшего Бога-Сына не равным Богу-Отцу. После *арианства*, в V веке распространилось *несторианство*, названное по имени константинопольского патриарха Нестора. Тот настаивал на

преобладании человеческого начала в Христе. С этим не соглашались приверженцы *монофизитов*, в глазах которых Христос обладал единой — божественной природой. Каждый из этих вариантов христианства получил на какое-то время признание в отдельных регионах Востока, у тех или иных народов. Но Вселенские соборы осудили их как ереси и постепенно они потеряли своих сторонников (монофизитство сохранилось до наших дней в армяно-грегорианской церкви). В эпоху Средневековья то там, то тут возникали новые и новые ереси, под знаменами которых происходили восстания угнетённых и обездоленных слоев европейских народов (читаем об этом, например, в романе Умберто Эко «Имя розы» или новом романе Анджея Сапковского «Башня шутов» про восстание гуситов и остальную Реформацию).

Союз христианской церкви и государства (Римской империи) установился на *разделении функций государства и церкви*. Образно говоря (словами Иоанна Златоуста), «императору вверены тела, а иерею души» подданных. В гражданских и уголовных делах граждан судит государственная власть, а в вопросах нравственности и веры как представители властей, так и граждане подчиняются духовенству. Политическая практика, однако, в разные периоды, в разных странах устанавливала союз церковной и светской властей неодинаково. Это привело к существенной разнице в развитии этой религии на Западе и на Востоке Европы.

В конце IV в. Римская империя политически разделилась на Западную (Римскую) и Восточную (Византийскую). Вследствие этого, в **867 г.** произошёл разрыв между папой Римским Николаем I и Константинопольским патриархом Фотием. Это означало *раскол христианства на западное и восточное*. Раскол стал необратимым *после 1054 г.*, когда патриарх Керруларий и легат папы Льва IX Гумберт взаимно отлучили один другого от церкви (признали *схизматиками*, т.е. раскольниками). *Схизма* возвела идейный и политический барьер между православием и католицизмом. На Западе Европы, где господствовал латинский язык, образовалось *католичество* (по-гречески «всеобщая», затем «соборная», «самоуправляемая» церковь). Здесь до сих пор (в Италии, Испании, Португалии, Франции, Польше) господствует римско-католическая церковь. Римские папы долгое время боролись за превосходство своей власти над государствами латинского Запада. В результате Запад распался на множество сравнительно небольших государств, а в папской власти осталось лишь карликовое государство Ватикан.

По той же причине чрезмерных претензий папизма на международное владычество от католичества в результате *Реформации XVI века* отделился *протестантизм* (совокупность церквей, упростивших и удешевивших христианское богослужение — лютеранство, баптизм, меннониты, методисты, кальвинизм, англиканство, их варианты-секты). Разные варианты протестантизма доныне господствуют в Германии, Швейцарии, Голландии, Англии, США, ряде бывших колоний и зависимых от Запада стран. Все протестанты признали единственным источником Библию, которую они переводят на все национальные

языки. Каждый протестант обязан сам читать и истолковывать Библию, священники им практически не нужны; отменяется поклонение святым, их мощам, иконам, даже кресту; их храм по скромности своего убранству приближается к обычному дому; обряды приобретают сугубо символический смысл, несколько более значимый только для крещения и причащения; спасение души достигается у протестантов не добрыми делами, а исключительно личной верой в Бога.

На Востоке же бывшей Римской империи, где государственным языком стал греческий, утвердилось *православие* (т.е. «правильно славящее Бога», «имеющее правильный взгляд на него», ортодоксальное) или же *греко-кафолическая церковь*. И католицизм, и православие признали, что божественная и человеческая ипостаси Христа находились в равновесии. За разницей богословских взглядов (на соотношение лиц Святой Троицы) и обрядовых практик отдельных частей христианства стояли, конечно, различия в культуре, экономических и политических интересах разных государств и их социальных элит.

Православие восторжествовало первоначально в Восточно-Римской империи — Византии. Главой этой церкви выступал *патриарх* (по-гречески «родоначальник») Константинопольский. Власть патриарха над церковью не была абсолютной; авторитет общецерковного собора — собрания глав остальных церковных округов стоял выше авторитета патриарха. Кроме того, патриарх, в отличие от папы Римского, безусловно подчинялся светской власти императора. На Востоке государство почти всегда преобладало над церковью. Это помогло созданию здесь крупных и долговечных империй (вроде Византии, Руси). Свои патриархи первоначально имелись и в Иерусалиме, Александрии (Египет), Антиохии (Сирия). В православном мире с самого начала его образования допускалось богослужение не только на греческом, но и на местных языках. Поэтому православие из Византии довольно рано проникло к ее соседям — в Грузию (V в.), Болгарию и Сербию (в IX в.); а в X в., через южных славян к восточным, на Русь.

Православие исповедуют в настоящее время большая часть следующих народов: греков, болгар, сербов, македонцев, черногорцев, русских, украинских, белорусов, румын, грузин. Разумеется, православные верующие и храмы имеются и в других частях света. Всего сейчас насчитывается *15 автокефальных* (т.е. самоуправляемых) *церквей*: Константинопольская (главным образом православные греки, живущие в мусульманской Турции); Александрийская (Египет); Антиохийская (Сирия и Ливан); Иерусалимская (Палестина); Русская (расколотая после революции на Московский патриархат, заграничную — карловацкую церковь, затем еще Украинский патриархат); Кипрская; Грузинская; Сербская; Румынская; Болгарская; Элладская (Греция); Польская; Словацкая; Американская; Албанская.

Все православные церкви похожи: у них общее вероучение, порядок богослужений (в частности, пение без музыкального сопровождения); чины (патриарх, митрополит, архиепископ, епископ, диакон, священник) и одежды священ-

нослужителей; убранство храмов. Главу каждой Церкви избирает Поместный собор из всех церковных иерархов; епископа назначают (рукополагают) другие епископы; епископ, в свою очередь, рукополагает священников своей епархии (церковной провинции). Православное духовенство делится на чёрное и белое (по цвету верхнего платья). Белое — это приходские и прочие священники (им разрешено и даже предписывается жениться). Чёрное — монахи, полностью посвятившие себя Богу, — давшие обеты безбрачия, нестяжания (отказа от личной собственности), послушания (уставам монастырей). Посты епископа и более высокие могут занимать исключительно лица монашеского звания.

Православная обрядность складывается из семи таинств. Обряды называются так потому, что в эти моменты церковной жизни благодаря видимым действиям священников и верующих незримо (тайно) осуществляется действие Святого Духа. Имеются в виду такие обряды, как:

- *крещение*,
- *миропомазание*,
- *причастие (евхаристия)*,
- *покаяние (исповедь)*,
- *венчание*,
- *соборование (елеосвящение)*,

• *священство (рукоположение)*. Как видно, церковь помогает человеку пережить, осознать кульминационные моменты его жизни — рождение, взросление, брак; духовные кризисы, болезни; наконец, достойно встретить неизбежный уход из этого мира. Обратим внимание на то, что даже светские, государственные формы соответствующих ритуалов (регистрации новорожденных, браков; торжественные собрания по разным поводам; проводы в последний путь покойников копируют церковные действия по таким случаям). Например, съезды политических партий напоминают молебны; концерты по праздникам — литургии.

Православный храм — место публичного совершения обрядов, общения верующих со священством-клиром и, в конечном счете, с Богом. В восточной части храма располагается *алтарь* (греческое *alta ara* — вознесенный жертвенник). Он возвышается над полом храма на несколько ступеней. В русских храмах алтарь отделяется от остального помещения храма *иконостасом* — стеной, увешанной иконами, и оградой в виде невысокой резной решетки. В иконостасе 3 двери: центральная, двустворчатая (Царские врата); боковые (диаконские). Иконы на иконостасе размещены в соответствии с канонической иерархией: Христа Спасителя, Божией матери, архангелов, апостолов, пророков, святых. В северной части алтарной стены устанавливается *жертвенник* — стол для совершения *проскомидии*. Так называется первая часть главного богослужения — *литургии* (по-гречески именно «богослужение»). Во время литургии осуществляется таинство причащения, когда верующие едят хлеб и вино, символизирующие тело и кровь Христа (по-русски это *обедня*, а у католиков *месса*). Соответственно, на жертвенник ставятся священные сосуды (блюдо-*дискос* и чаша-

потир). Эти и прочие священнодействия христиан явно восходят к дохристианским, античным и восточным мистериям. Однако в христианстве они выступают в облагороженном — символическом, эстетизированном виде.

В средней части алтаря, напротив Царских Врат, находится *престол* — квадратный стол, на который кладется своеобразная скатерть *антиминс* — шелковый платок с изображением Иисуса во гробе, а также Евангелие и крест для причащения верующих. У престола и совершается *евхаристия*. В восточной части храма, перед иконостасом расположено невысокое возвышение — *солея*. По ее краям, у стен отгорожены *клиросы*, где во время службы располагается хор. В центре солеи небольшой выступ — *амвон*, откуда священником читается Евангелие и произносится проповедь. Перед амвоном стоит узкий столик с покатою столешницей — *аналой*. Сюда кладется праздничная икона, посвященная данному дню церковного календаря; во время службы на аналой кладутся богослужебные книги. В процессе венчания священник обводит новобрачных вокруг аналоя. Снаружи к храму примыкает (открытое или крытое) крыльцо — *паперть*. Отсюда двери ведут в западную часть храма — *притвор*. Там совершаются панихиды (заупокойные службы) и некоторые другие богослужения. В притворе стоит невысокий стол с распятием — *канунник*.

Храмы на Руси строились её государями, прочими богатыми благотворителями и общинами верующих в честь памятных событий и посвящались тому или иному святому. Скажем, храм Спаса — Христу Спасителю; Успенская церковь — в честь Успения Божией Матери; Никольская — Св. Николая Чудотворца; Александро-Невская — Св. князя Александра Ярославича; и т.д.

Календарь православной церкви — юлианский (по имени императора Юлия Цезаря), т.е. тот, что действовал ещё во времена раннего христианства. Сейчас в мире (в том числе в Российском государстве) применяется более точный астрономически григорианский календарь. Папа Григорий XIII в 1582 г. провел календарную реформу, исправив отставание счёта времени на 11 с лишним минут ежегодно. Тогда, в XVI в. это отставание составляло 10 дней, а к XX в. достигло 13 дней. Поэтому православные праздники и прочие даты обозначаются другими днями и часто месяцами (по-старому), чем это принято в государстве (по-новому). Кроме того, год церковного календаря начинается с 1 сентября (старого стиля, 14 сентября нового), т.е. с начало осени. В этот день церковь отмечает начало нового «лета», т.е. года (с рождества Богородицы). А завершается церковный год августом (Успением Божьей матери). Наконец, часть православных праздников имеют точные даты, а часть переходящие. Их даты отсчитываются от даты Пасхи и потому ежегодно меняются.

Годичный круг христианских праздников включает несколько сотен их, в том числе 12 важнейших. Самый главный среди них *Пасха* — *воскресение Христа*. Христиане празднуют его победу над смертью как залог бессмертия человеческой души. Пасха празднуется в апреле или мае, в разные воскресные дни этих месяцев. Ей предшествует самый длительный, в 40 дней Великий пост. Предыдущее пасхальному воскресенью именуется Вербным (вспоминается вход

Господень в Иерусалим, т.е. явление его народу, который приветствовал его пальмовыми ветвями; они в России заменяются ветвями вербы — символом весеннего пробуждения природы). На 40 день после Пасхи празднуется *Вознесение Господне* на небо. На 50 день после Пасхи — второй по значению праздник — *Троицы*, когда на апостолов сошёл Святой дух. Завершение первого цикла полевых работ в середине лета позволяет украсить православные храмы на Троицу ветками берёзы, цветами и травой. Суббота накануне Троицы *родительская*. В этот день положено поминать усопших родственников, посещать кладбища. В первое воскресенье после Троицы отмечается *День всех святых*, после которого с понедельника начинается Петров пост — до дня Петра и Павла 12 июня. Все указанные праздники переходные. Остальные имеют постоянные дни. *Рождество Христово* 7 января нового стиля — третий по важности православный праздник. 5 дней до него и 6 после составляют *Святки* — дни веселья, игр, посещения и приёма гостей, дарения друг другу подарков. Канун Рождества — *сочельник*. Этим днем завершается 40-дневный пост (с 28 ноября). *Крещение Господне* или же *Богоявление* 19 января нового стиля (ритуальное освящение воды). 15 февраля нового стиля *Сретенье Господне* — день, когда в младенце Иисусе старец Симеон признал мессию — спасителя мира. *Благовещение пресвятой Богородицы* 7 апреля нового стиля (архангел Гавриил сообщил деве Марии о будущем рождении Иисуса). *Преображение Господне (Спас)* 19 августа нового стиля (молившийся в этот день на горе Фаворе Иисус был озарён чудесным светом в знак его божественной природы). *Успение (кончина) Богородицы* 28 августа, *Рождество Богородицы* 21 сентября. *Воздвижение креста для распятия Иисуса* 27 сентября. Наконец, *Введение во храм Богородицы* 4 декабря нового стиля (когда она была отдана на воспитание в ветхозаветный храм Божий и там подготовлена к тому, чтобы стать матерью мессии).

Многие (все самые почитаемые) христианские праздники совпадают с рубежами времён года, изменениями в природе, которые праздновали еще язычники. Поэтому на новую обрядность сплошь и рядом накладывалась старая (скажем, осуждаемые церковью гадания на Святки или же массовый поход на кладбища на Пасху).

История православной церкви включает в себя как положительные, так и отрицательные моменты. Церковь, с одной стороны, зеркально отражает судьбы всего общества. Например, во время I, и II мировых войн одни священники уходили на фронт, в партизаны и воевали с оккупантами с оружием в руках, а другие служили для немецких захватчиков приветственные молебны. Но с другой стороны, эта же самая церковь остается одной и той же вот уже больше десяти веков — несмотря на смену культурных эпох, политических режимов, войны и мира, относительного благополучия и общественных кризисов. Человек может потерять всё — дом, семью, родину, но в своей церкви он всегда и всюду в мире найдёт приют, утешение и помощь. В меру своих сил, церковь символизирует единство нации, сближает людей, обеспечивает их взаимопомощь (через благотворительность), наполняет смыслом часть их досуга, уменьшает бремя

жизненных тягот. Перед нами своего рода общенациональный страховой фонд. Важно только, чтобы участие в церковной жизни было добровольным, а не принудительным, как в прежние времена, когда Русская Православная церковь превращалась в одно из ведомств Российского государства, участвовала в репрессиях против инакомыслящих. Апологетами политической реакции выступали обер-прокурор Святейшего Синода Георгий Победоносцев и святотатец в священнической рясе Григорий Распутин. Духовные ценности христианства отстаивали, стремились обновить выдающиеся мыслители русского народа — Владимир Соловьев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский, многие их единомышленники. С недостатками и даже пороками официального православия открыто боролись не менее выдающиеся интеллектуалы — Николай Лесков, Лев Толстой, Антон Чехов, Василий Розанов и многие другие.

* * *

Можно верить в учение Христа или не верить; верить таким, либо иным образом, но никак нельзя забывать о том, что курянин Феодосий Печерский основал Киево-Печерскую лавру; а его ученик монах Нестор стал первым историком-летописцем нашей страны; как Андрей Рублёв расписывал русские храмы; какую музыку писал для церковных служб Сергей Рахманинов, скольких умирающих воинов вернул к жизни хирург Владислав Войно-Ясенецкий (епископ Лука); о многих, очень многих других замечательных деятелях русской православной церкви, а значит — отечественной культуры. Никакую религию, тем более такую вековую, как христианство, нельзя вытеснить из жизни и сознания людей силой каких-то репрессий. Загоняя церковь в катакомбы, безбожные власти только усиливают её авторитет. И напротив, принуждая людей верить именно в эту, а не в другую религию, государство и общество лишь подрывает её влияние. Религию можно принять или обойти, только лично передумав, пережив, усвоив её лучшие уроки, преодолев омертвевшие формы её же собственных идей. Православие — это духовная философия сотен миллионов людей, из которых десятки миллионов русские. Даже если кто-то из нас не нуждается в духовной поддержке православия на каком-то этапе своей жизни, или же исповедует иную религию, он (морально и юридически) обязан с уважением относиться к этой вере своих предков и соотечественников. А верующие христиане в свою очередь оставляют право на свободную от их религии мысль и жизнь другой части своих ближних.

Текстологический практикум

М.А. Булгаков.
Мастер и Маргарита.
Золотое копье
(Евангелие от Воланда)

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. ... На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, сел в него и протянул руку в сторону. Секретарь почтительно вложил в эту руку кусок пергамента.

...

— Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

— Да, прокуратор, — ответил секретарь.

— Что же он?

— Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение, — объяснил секретарь.

Прокуратор дёрнул щекой и сказал тихо:

— Приведите обвиняемого.

И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров ввели и поставили перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью. Приведённый с тревожным любопытством смотрел на прокуратора.

Тот помолчал, потом тихо спросил по арамейски:

— Так это ты в Ершалаиме собирался царствовать? Ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?

... Человек со связанными руками несколько подался вперед и начал говорить:

— Добрый человек. Поверь мне...

Но прокуратор, по-прежнему не шевелясь и ничуть не повышая голоса, тут же перебил его:

— Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно, — и так же монотонно добавил: кентуриона Крысобоя ко мне.

... Крысобой был на голову выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что совершенно заслонил ещё невысокое солнце.

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

— Преступник называет меня «добрый человек». Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить.

И все, кроме прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который жестом показал, что арестованный должен идти за ним. Крысобоя вообще все провожали взглядами, главным образом, из-за его роста, а те, кто видел его впервые, — из-за того, что лицо Крысобоя было изуродовано: нос его в своё время был разбит ударом германской палицы.

Выведя арестованного из-под колонн в сад, Крысобой вынул их рук легионера, стоявшего у подножия бронзовой статуи, бич, и, несильно размахнувшись, ударил арестованного по плечам. Движение кентуриона было небрежно и легко, но арестованный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска сбежала с его лица и глаза обессмыслились.

— Римского прокуратора называть — игемон. Других слов не говорить. Смирно стоять. Ты понял меня или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся, но совладал с собой, краска вернулась, он перевел дыхание и ответил хрипло:

— Я понял тебя. Не бей меня.

Через минуту он вновь предстал перед прокуратором.

Прозвучал тусклый, больной голос:

— Имя?

— Моё? — торопливо отозвался арестованный, всем существом выражая готовность отвечать толково, не вызывать более гнева.

Прокуратор ответил негромко:

— Моё мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

— Иешуа, — поспешно ответил арестант.

— Прозвище есть?

— Га-Ноцри. ...

— Так ты собирався разрушить здание храма и призывал к этому народ? ...

— Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее.

Потом помолчал и добавил задумчиво:

— Я полагаю, что две тысячи лет пройдёт, пока люди разберутся в том, насколько напугали, записывая за мной. ... Ходит один с пергаментом и пишет... Однажды, заглянув в его пергамент, я ужаснулся. Ничего этого я не говорил. И прошу его — сожги этот пергамент. Но он вырвал его у меня и убежал.

— Кто такой? — спросил Пилат.

— Левий Матвей, — охотно пояснил арестант, — он был сборщиком податей, а я его встретил на дороге и разговорился с ним. Он послушал, деньги бросил на дорогу и сказал: я с тобой пойду путешествовать.

— Ершалаим, — сказал Пилат, поворачиваясь всем корпусом к секретарю, — город, в котором на Пасху не соскучишься... Сборщик податей бросил деньги на дорогу! ...

Прокуратор вдруг почувствовал, что висок его разгорается всё сильнее. По горькому опыту он знал, что вскоре вся голова его будет охвачена пожаром. Оскалив зубы, он поглядел не на арестованного, а на солнце, которое неуклонно ползло вверх, заливая Ершалаим, и подумал, что нужно было бы прогнать этого рыжего разбойника, просто крикнуть: повесить его! Его увели бы. Выгнать конвой с балкона, припадая на подагрические ноги, притащить-ся внутрь, велеть затемнить комнату, лечь, жалобным голосом позвать собаку, потребовать холодной воды из источника, пожаловаться собаке на мигрень.

Он поднял мутные глаза на арестованного и некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на проклятом ершалаимском солнцепёке стоит перед ним этот бродяга с избитым лицом и какие ненужные и глупые вопросы ещё придётся ему задавать. ...

— Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И подумал: «О боги мои, какую нелепость я говорю. И когда же кончится эта пытка на балконе?»

И он услышал голос, сказавший по-гречески:

— Истина в том, что у тебя болит голова и болит так, что ты уже думаешь не обо мне, а об яде. Потому что, если она не перестанет болеть, ты обезумеешь. И я твой палач, о чём скорблю. Тебе даже и смотреть на меня не хочется, а хочется, чтобы пришла твоя собака. Но день сегодня такой, что находиться в состоянии безумия тебе никак нельзя, и твоя голова сейчас пройдёт.

Секретарь замер, не дописав слова, и глядел не на арестанта, а на прокуратора. ... Прокуратор приподнялся со своего кресла, голову сжал руками и на обрюзгшем лице выразился ужас.

Но этот ужас он подавил своей волей. ...

— Ты как это делаешь? — вдруг спросил прокуратор и уставил на Иешуа зелёные, много видевшие глаза. Он поднёс белую руку и постучал по левому жёлтому виску.

— Я никак это не делаю этого, прокуратор, — сказал, светло улыбнувшись единственным глазом, арестант.

— Поклянись!

— Чем? — спросил молодой человек и улыбнулся пошире.

— Хотя бы жизнью твоею, — ответил прокуратор, причём добавил, что ею клясться как раз вовремя — она висит на волоске.

— Не думаешь ли ты, что ты её подвесил, игемон? — спросил юноша, — если это так, то ты ошибаешься.

— Я могу перерезать этот волосок, — тихо сказал Пилат.

— И в этом ты ошибаешься. ... Но пока ещё она висит, не будем сотрясать воздух пустыми и бессмысленными клятвами. Ты просто поверь мне — я не враг.

Секретарь искоса заглянул в лицо Пилату и мысленно приказал себе ничему не удивляться.

Пилат усмехнулся.

— Нет сомнения в том, что толпа собиралась вокруг тебя, стоило тебе раскрыть рот на базаре.

Молодой человек улыбнулся.

— А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете. ...

— А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоём, — он — добрый?

— Да, — ответил арестант, — он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и чёрств. Интересно бы знать, кто его искалечил?

— Охотно могу сообщить это, — отозвался Пилат, — ибо я был свидетелем этого. Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя. Германцы вцепились ему в шею, в руки, в ноги. Пехотный манипул попал в мешок, и если бы не врубилась с фланга кавалерийская турма, а командовал ею я, — тебе, философ, не пришлось бы разговаривать с Крысобоём. Это было бою при Индиставизо, в Долине Дев.

— Если бы с ним поговорить, — вдруг мечтательно сказал арестант, — я уверен, что он резко изменился бы. ...

— ... Итак, Марк Крысобоём, холодный и убеждённый палач, люди, которые, как я вижу, — прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, — тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырёх солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда — все они добрые люди?

— Да, — ответил арестант.

— И настанет царство истины?

— Настанет, игемон, — убежденно ответил Иешуа.

— Оно никогда не настанет! — вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся. Так много лет назад в Долине Дев кричал Пилат своим всадникам слова: «Руби их, руби! Великан Крысобоём попался!» И он ещё повысил сорванный командами голос, выкликая слова так, чтобы их слышали в саду: — Преступник! Преступник! Преступник!

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один, — ответил Иешуа, — в него я верю.

— Тогда помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем, — тут голос Пилата сел, — это не поможет. Не полагал ли ты, что римский прокуратор выпустит негодяя, произносившего бунтовщические речи против кесаря? ... Жена, дети есть?..

— Нет.

— Ненавистный город, — заговорил Пилат и потёр руки, как бы обмывая их, — лучше бы тебя зарезали накануне. Не разжимай рот! И если ты произнесёшь хотя бы одно слово, то поберегись меня!

И Пилат закричал:

— Эй! Ко мне!

Тут же в зале Пилат объявил секретарю, что он утверждает смертный приговор Синдриона, приказал Иешуа взять под стражу, кормить, беречь как зеницу ока, и Марку Крысобою сказал:

— Не бить!».

*М.А. Булгаков. Собр. соч. в 8-ми тт. Т. 4. Князь тьмы.
Ранние редакции и варианты романа «Мастер и Маргарита». СПб., 2002.*

22. ПОЛИТИКА, СВОБОДА И ДЕМОКРАТИЯ

Теоретический минимум

1. Власть и пути ее обретения:
 - а) признаки власти (по М. Фуко);
 - б) этапы и механизмы политогенеза;
 - в) государство, его определение, признаки, разновидности и функции в общественной жизни.
2. Право, его источники, нормы и порядок применения.
3. Политика, её цивилизованные и террористические механизмы. Принципы демократии.
4. Тоталитаризм и его особенности в СССР, Италии, Германии, Испании, странах «третьего мира». Замыслы и трагедия социализма. Либерализм и консерватизм, их соотношение в политической истории.
5. Правовое государство и гражданское общество. Свобода и ответственность как ценности общественной жизни.
6. Глобализация и международный терроризм в современном мире.

Литература

Лекция 22.

Учебник по политологии (любое издание).

Учебник по теории государства и права (любое издание последних лет).

Политическая теория и политическая практика. Словарь-справочник. М., 1994.

Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.

Всеобщая декларация прав человека. М., 1989.

Конституция Российской Федерации. М., 1994.

Антология мировой политической мысли. Тт. I–V. М., 1997.

Арендт Х. Происхождение тоталитаризма / Пер. с нем. М., 1998.

Арендт Х. О революции / Пер. с англ. М., 2011.

Аристотель. Политика / Пер. с древнегреч. М., 2010.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с франц. М., 1993.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

Березкина О.С. Очерки истории и теории политической наук. М., 2012.

Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5.

Большая книга гимнов, флагов и гербов стран мира / Сост. Ю.А. Ивановский. М., 2012.

Валицкий А. Философия права русского либерализма / Пер. с англ. М., 2012.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2012.

Деларю Ж. История гестапо / Пер. с франц. М., 1993.

Дриё Ла Рошель П. Фашистский социализм / Пер. с франц. СПб., 2001.

Ильин М.В., Мельвилль А.Ю. Власть // Полис. 1997. № 6.

- Кагарлицкий Б.Ю.* От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М., 2010 (Политическая теория).
- Каррер д'Анкосс Э.* Ленин / Пер. с франц. М., 2002.
- Кимлика У.* Современная политическая философия / Пер. с англ. М., 2010.
- Кола Д.* Политическая социология / Пер. с франц. М., 2001.
- Коммунизм и фашизм: братья или враги? Сб. / *С. Кара-Мурза* и др. М., 2008.
- Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / Пер. с франц. М., 2003.
- Кочеткова Л.Н.* Философский дискурс о социальном государстве. М., 2012.
- Кукатас Ч.* Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы / Пер. с англ. М., 2011.
- Искусство власти. Сб. статей в честь Н.А. Хачатурян / Под ред. *О.В. Дмитриевой*. СПб., 2007.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2001.
- Либер В.Л.* Демократия: исторические корни, содержание и тенденции развития. М., 1992.
- Макиавелли Н.* Государь / Пер. с итал. М., 2009.
- Макферсон К.Б.* Жизнь и времена либеральной демократии / Пер. с англ. М., 2011.
- Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции / Пер. с франц. М., 2008.
- Млечин Л.* Брежнев. М., 2008 («Жизнь замечательных людей»).
- Макиавелли Н.* Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия / Пер. с итал. СПб., 2008.
- Макиавелли Н.* Государь. История Флоренции / Пер. с итал. М., 2011.
- Оруэл Дж.* 1984 / Пер. с англ. М., 1989.
- Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев». Партия и власть после революции 1917 г. — 1929 г. М., 2008.
- Подорога В.А.* Апология политического. М., 2010 (Политическая теория).
- Поппер К.Р.* Нищета историцизма / Пер. с англ. М., 1993.
- Печатнов В.О.* От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008.
- Пэйн Р.* Ленин: жизнь и смерть / Пер. с англ. 3-е изд. М., 2008 («Жизнь замечательных людей»).
- Рапелли П.* Символы власти и великие династии / Пер. с итал. М., 2008.
- Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. М., 1993.
- Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л., Филатов В.П.* Феномен свободы в условиях глобализации. М., 2008.
- Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2010 (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века).
- Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
- Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / Пер. с англ. 3-е изд. М., 2012.
- Хайек Ф.А.* Дорога к рабству / Пер. с англ. М., 1992.
- Хрусталёв А.М.* Методология прикладного политического анализа. М., 2010.
- Эвола Л.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа / Пер. с итал. М., 2007.
- Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство / Под ред. *Е.Ю. Сергеева*. М., 2007.
- Ясин Е.Г.* Приживётся ли демократия в России? 2-е изд., расш. и доп. М., 2012.

Науки о политике: разделение аспектов и взаимосвязь (политология, теория государства и права, история, политическая антропология, др.).

Концепции власти в современной философии.

Символика и вещественная атрибутика власти.

Символы российской государственности.

Зоологические основы неравенства, сотрудничества, иерархии в социуме.

Агрессия и предпосылки этики в животном мире (по работам К. Лоренца).

Социобиология, значение ее выводов для социально-политической философии.

Неравенство между полами и гендерные проблемы в современном мире.

Возрастное неравенство и традиции геронтократии.

Феномен дарообмена в традиционном обществе и проблема коррупции в современной политологии.

Родо-племенные отношения и феномен трайбаллизма в современной политике.

Лидерство и лидеры в традиционном и современном обществах.

Учение М. Вебера о харизматическом лидере.

Понятие вожества и его типы.

Сущность государства (интегративные и конфликтные концепции).

Пути и формы становления государственности

Древняя Русь: от конгломерата конунгов к державе Рюриковичей.

Родовой сюзеренитет князей-Рюриковичей над Русью.

Татаро-монгольская Орда и влияние восточной деспотии на российскую государственность.

Бюрократия и ее роли в истории.

Дискуссия о политической природе античного полиса. Обычай ostracism.

Феодализм в Западной Европе: социально-политическая структура.

Кочевые империи Евразии.

Философия евразийства о российской политической традиции.

Российская империя и СССР: сходство и различия.

Тоталитаризм и его особенности в СССР.

Номенклатура: общие принципы, политические судьбы.

Языки политической власти.

Конфессиональный фактор современной политики.

Демократические и имперские тенденции в современной России.

Организованная преступность или силовое предпринимательство (Криминальные факторы российской политики 1990-х гг.)?

Ценности западной цивилизации и отечественные традиции политической жизни.

Текстологический практикум

Никколо Макиавелли Государь (1532)

1. Н. Макиавелли (1469–1527) — основоположник реалистической политологии. Его жизнь и деятельность.

2. Трактат «Государь» (Il principe, 1532) о соотношении величия государства, морали и гражданских свобод.

3 Макиавеллизм как определение откровенной политики.

Литература

Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973.

Конспект

Ключевое понятие политической философии — **власть**. Без неё невозможно ни человеческое общество в целом, ни существование отдельных коллективов людей, начиная с семьи, соседства, рабочей бригады, спортивной команды и т.п. Хотя без властных полномочий и механизмов нет никакой политики, *власть как социальное явление* гораздо древнее и шире своих государственно-политических форм. Так что в общем смысле этого слова властью можно считать любое проявление волевого воздействия субъекта социального управления на его же объект. Как минимум, это *решение* и соответствующий ему *приказ* лидера или группы руководителей. Властные импульсы адресованы так или иначе подчинённым лидерам людям и предполагают *способы контроля* за исполнением такого рода распоряжений. Подлежащие властному исполнению решения могут вырабатываться лично лидером или же коллективно с более или менее широким кругом советников, однако без возможности того или иного *принуждения* властные отношения вряд ли мыслимы. Как правило, их подкрепляют сразу несколько факторов — *авторитет* лидера, способы *поощрения* и *наказания* по результатам исполнения его планов и решений. В конечном счёте, последний и решающий аргумент власти — смерть (ослушнику, противнику) или же её символический эквивалент — изгнание из данного социума. Такой вывод сделал итальянский мыслитель Элиас Канетти.

Для понимания общественной жизни категория власти столь же важна, как понятие энергии для естествознания или денег для экономики. Природу власти изучали выдающиеся мыслители разных времен и народов. По мысли Томаса Гоббса, для людей это единственное средство достичь блага в будущем. И добавил: «Власть — это не что иное, как превосходство могущества одного над могуществом другого». Макс Вебер определил власть как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других. Простым людям бросается в глаза, прежде всего, принудительная, карательная сторона власти, а в особенности недостатки, злоупотребления, практически неизбежные при ее осуществлении. Британский политик лорд Актон ещё в 1887 г. сказал: «Власть склонна к коррупции, а абсолютная власть развращает абсолютно». Поэтому «среди того, что ведёт к деморализации человека, власть — самая постоянная и активная сила».

Однако сводить власть к вульгарному насилию сильного над слабым (скажем, родителя над малым ребёнком или же государя над рядовым подданным) будет не философским выводом, а обыденным упрощением. Власть, никогда не будучи идеальной гарантией людского благополучия, тем не менее совершенно необходима для совместного проживания людей в любом социуме.

Стратегии властвования обычно сочетаются в той или иной пропорции в рамках той или иной модели общественной жизни. Среди этих стратегий различаются:

- *насилие* — простое подавление сильным слабого;
- «*получение согласия*» (согласно Пьеру Бурдье), *соглашение* носителей и объектов властвования — разумная договорённость сторон, основанная на понимании взаимной выгоды политической иерархии; либо полученная путем целенаправленного идеологического «зомбирования»;
- «*воздействие на действие*», действие в ответ на действие (по Мишелю Фуко), т.е. тонкая смесь обмана и самообмана; в этой точке зрения учтены первые две (действие требует энергии и организации, т.е. силы с обеих сторон; участники политической игры наделены сознанием и могут оценивать плюсы и минусы политики; однако акцент тут ставится на интерактивном характере власти, которая представляет собой особый механизм или стратегию объединения людей в общество).

Признаки власти (как их выделил всё тот же М. Фуко):

- власть не есть нечто вещественное, что можно получить в готовом виде или потерять; она осуществляется в зависимости от множества факторов и пересечения массы человеческих отношений;
- отношения власти не сводятся к другим отношениям (экономическим, культурным, сексуальным и т.д.); роль власти в отношении к ним всем — продуктивная;
- отношения власти существуют внутри отдельных групп и институтов, которые являются основой общества (семья, предприятия, профессиональные корпорации и т.д.);
- отношения власти осознанные, преднамеренные, но не субъективные (порождены не просто желанием кого-то властвовать, а кого-то подчиняться); власть становится необходимой при сочетании многих массовых стратегий развития социума, отдельных его групп, а значит, и членов; авторов этих стратегий невозможно установить (хотя авторство и приписывается отдельным лицам или группировкам);
- там, где есть власть, есть и сопротивление ей (как пассивное, так и активное в виде контрстратегии).

Рычаги властвования, достаточно типичные для разных мест и времён, стоит перечислить более подробно:

- *насилие* (угроза, изгнание, физическое принуждение, лишение свободы, показательная казнь и т.п. методы) и *страх* перед ним; причём насилие порождает власть как изнутри социума, так и извне — чтобы защититься от уничтожения врагами, люди подчиняются своим лидерам;
- *поощрения* (выдачи материальных благ, денежные выплаты, подарки, ордена и др. награды, пожалования, титулы, звания и т.п.) и *наказания* (разжа-

лования, штрафы, выставление на позор, вплоть до отставки, суда и казни), материальные и символические (их диалектика);

- *идеал* — совокупность потребностей и желаний социума, иллюзия коллективного счастья;

- *авторитет* — иллюзия всемогущества тех или иных субъектов — носителей власти.

Легальность и *легитимность* как характеристики власти звучат похоже, но это не одно и то же. Легальность — соответствие существующим в данный момент законам (или обычаям, правилам). Легитимность — нечто большее, а именно, соответствие существующего порядка или института требованиям более высокого порядка (справедливости для большинства населения, национальным интересам и т.п.). Время от времени легитимность может противопоставляться легальности, что является классическим обоснованием революций и переворотов по смене политического режима. Для деспотических режимов легитимность выше законности (гениальный лидер лучше знает истинные цели и интересы общества, чем любые другие законодатели). Для демократических стран высшая легитимность сводится к легальности (соответствие политических решений нормам права). Либералы и демократы сближают легитимность и легальность, а правые и левые радикалы разводят эти понятия.

Основания легитимности: божественное право; древняя традиция; экстраординарные заслуги перед народом; выдающиеся способности лидера, особые качества элиты; коренные права человека и гражданина, гарантии их соблюдения.

Процедуры легитимизации и символы власти:

- клятва-присяга; инаугурация (лат. «посвящение в...»); коронация (возведение на престол монарха (помазанника Божия)) в европейской традиции, поднятие на ковре хана в тюркской традиции и т.п.);

- облик носителей высшей власти (регалии, форма, индивидуальный стиль одежды и поведения; эскорт, охрана и т.д.);

- символы-заместители (знамена, гербы, портреты лидеров на деньгах, фото вождей в кабинетах чиновников и прочих верноподанных, династические цвета и т.п.);

- монументы и т.п. памятники.

Символика власти уходит своими смысловыми корнями к атрибутам древних вождей — *посох*, на который старцы опирались при ходьбе, которым пастухи подгоняли стадо, превратился в *скипетр* — атрибут «пастуха человеческих стад», покровителя «паствы»; лавровые или оливковые *венки* победителей Олимпийских игр — в *корону*, символ успеха и превосходства; шкура самого удачливого охотника — в *горностаевые* и прочие *мантии* (символ достоинства, чести, правосудия); *меч* выразил соединение земли и неба, сакральной и мирской властей; .

Лидеры и лидерство, их основные уровни. Теории человеческого лидерства:

- теория характерологических черт;
- ситуационная теория;
- теория последователей.

Исторические типы лидеров, их функции. Обратное влияние группы и «свиты» на лидера.

Понятие «идеального типа» по М. Веберу (различия/абстракция).

Типология легитимного господства (авторитета, лидерства) по М. Веберу:

- традиционное — в обществах до- и раннегосударственного типа, где политические функции слиты с хозяйственными, сакральными, военными и проч.; типичная фигура — монарх и авторитет всей его династии; могущество лидера основывается на длительной традиции, памяти о прошлом (и забывании всех нововведений, неудач, отклонений); отсюда — процедура канонизации самых ярких представителей династии;

- бюрократическое — в социумах с развитой общественной дифференциацией, где социальное управление становится профессией чиновников;

- харизматическое лидерство построено на отрицании предыдущих традиций властвования новым вождем, который претендует на слияние политики и морали; здесь антропоморфизация власти выражена максимально — государство, по сути, отождествляется с его вождём, отчасти его ближайшим окружением; типичная фигура — диктатор, который вооруженной силой захватил власть или «подобрал» её в условиях социального кризиса; греч. *charisma* — дар, милость, термин ранних христиан; спорен вопрос, насколько харизматический вождь — это личность с особыми качествами, или же эти качества выдуманы пропагандой для обмана толпы; Иисус Христос, Магомет; Гитлер и Сталин, Ганди и... А Николай II и или Горбачев — нет. Авторитет харизматика может растрачиваться по мере его неудач (Наполеон I Бонапарт до и после Ватерлоо). Харизматических лидеров создают благоприятные обстоятельства, закрепляют их харизмы специальные политические структуры (партии, СМИ). Для сторонников такого вождя его поддержка дает шанс подняться на самый верх общественной пирамиды. Такой вождь ломает традиции и создает свои (титулы, должности, посты). Но этого нельзя сделать без выдающихся способностей, энергии и дисциплины. «Эмоциональное сообщество», по М. Веберу. Угроза харизматического переворота сильнее в тех режимах, где политическая традиция предполагает отдельных сильных лидеров (монархов, канцлеров, протекторов, президентов). Это Франция, Италия, Германия, Россия, страны Востока и Южной Америки. Рутинизация харизмы. Пародии на харизматиков — политические маразматика (Брежнев и т.п.).

Не всякий харизматический лидер — великий человек.

Элиты и их роли в истории человечества. Типология элит:

- аристократы;
- интеллектуалы;
- профессионалы (бюрократы; партократы; военачальники);
- богатеи (плутократы, олигархи);
- «народные заступники» (пророки, диссиденты, революционеры).

Проблема обновления элит. Работы Г. Моска, В. Парето, др. теоретиков элит.

Общественный конфликт как вечная «пружина» политики. Понятия консенсуса, общности целей и интересов, участия, партнерства всегда и везде охватывают больший или меньший, но в общем поверхностный слой политической жизни. Господствующие силы отдают на общественные нужды ровно столько, сколько может обеспечить их приход к власти и ее удержание при данных традициях и условиях социально-политической жизни. Общенародные интересы выступают, как правило, предметом партийной идеологии или предвыборной риторики. Реальная политическая жизнь сводится к более или менее мирному разрешению постоянных противоречий и конфликтов между различными финансово-промышленными группировками, региональными элитами, слоями общества.

Методы манипулирования общественным мнением разнообразны — от голого насилия при тоталитаризме, идеологического «промыывания мозгов» при авторитаризме — и до изощренных технологий обмана избирателей с помощью СМИ в условиях той или иной демократии. Власть как реальность (ответственность и правителей, и подданных) и как фальсификация (обман + страх).

Ключевое понятие политической философии — **власть**. Без неё невозможно ни человеческое общество в целом, ни существование отдельных коллективов людей, начиная с семьи, соседства, рабочей бригады и т.п. Хотя без властных полномочий и механизмов нет никакой политики, *власть как социальное явление* гораздо древнее и шире своих государственно-политических форм. Так что в общем смысле этого слова властью можно считать *любое проявление волевого воздействия субъекта социального управления на его же объект*. Как и воля вообще, властное действие предполагает преодоление разного рода препятствий — объективных и субъективных.

Минимальная структура власти предполагает:

- *решение* и соответствующий ему *приказ* лидера или группы руководителей так или иначе подчинённым им людям;
- способы *контроля* за исполнением такого рода распоряжений.

Подлежащие властному исполнению решения могут вырабатываться лично лидером или же коллективно с более или менее широким кругом советников, однако без возможности того или иного

- *принуждения* властные отношения вряд ли мыслимы. Как правило, их подкрепляют несколько факторов —

- *авторитет* лидера,
- способы *поощрения* и *наказания* по результатам исполнения его планов и решений.

В конечном счёте, последний и *решающий аргумент власти* — *смерть* (ослушнику, противнику).

Для понимания общественной жизни категория власти столь же важна, как понятие энергии для естествознания или деньги для экономики. Природу власти изучали выдающиеся мыслители разных времен и народов. По мысли Томаса Гоббса, для людей это единственное средство достичь блага в будущем. Макс Вебер определил власть как возможность индивида осуществить свою волю вопреки сопротивлению других. Простым людям бросается в глаза прежде всего принудительная, карательная сторона власти, недостатки, практически неизбежные при ее осуществлении. Британский политик лорд Актон ещё в 1887 г. сказал: «Власть склонна к коррупции, а абсолютная власть развращает абсолютно». Так что «среди того, что ведёт к деморализации человека, власть — самая постоянная и активная сила».

Чтобы понять необходимость власти, полезно разграничить её основные функции. *Основные функции власти* в социальном управлении:.

- *предвидение* таких событий, которые затронут общие интересы;
- *планирование* необходимых для большинства людей их действий;
- *анализ проблемных ситуаций*, в которые попадает общество и, вслед за тем,
- *принятие решений*, соответствующих общим нуждам;
- *координация* намерений и усилий разных групп населения, исполнителей всех рангов;
- *выработка* нужной *системы* (позитивных и негативных) *санкций* за общественно значимые поступки людей;
- *контроль и оценка эффективности результатов* общественных действий;
- *гарантии общих прав и свобод* всех подчинённых власти лиц; предупреждение и пресечение общественно опасных деяний отдельных лиц и групп; организованное *раскрытие преступлений* против личности и общества, *обеспечение наказания преступников*;
- *награждение* лиц, внёсших наибольший вклад в общее дело.

В целом можно определить власть как организованное осуществление социального управления; деятельность, направленную на поддержание и повышение уровня функционирования общественной системы; оптимальное соотношение господства и подчинения внутри и вне социума. Конечное предназначение власти — регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. В этом смысле важно подчеркнуть ее взаимный характер: она связывает воедино субъект (носителей власти) и народ (её источник), которые зависят друг от друга. Правда, властные отношения всегда несимметричны, ибо в них

преобладает субъект, которому обязан подчиняться объект. Без такого подчинения нет и власти как таковой. Но и субъект власти зависит от объекта, без которого некому будет исполнять решения и приказы. Практика социального управления знает разные степени, формы упомянутой асимметрии, с большим или меньшим креном в ту или иную сторону. Но все попытки уравнивать субъект и объект власти носят утопический характер. Неподчинение объекта (народа, значительных его частей) субъекту власти означает мятеж, революцию, и ведёт в конечном счёте к переделу власти, смене её субъекта. Или же, в крайнем случае, к подчинению социума чужой власти, а то и к его гибели.

Властные отношения возникают вместе с человеческим обществом в процессе антропогенеза. Прототипы общественной иерархии и властной организации видны в стаях животных, в особенности приматов (вспомним лекцию по этологии и социобиологии). Если у животных лидеры в стаях определяются возрастом (опытом) и физической силой, то среди людей к этим факторам добавляется их сознание, такие его качества, как воля и интеллект. В идеале все члены коллектива понимают, что без единого планирования и координации их усилий совместная жизнь, а значит и выживание просто невозможны. Власть в принципе выражает общие, коллективные интересы. Она опирается, с одной стороны, на естественное неравенство людей (по возраст, полу, умственным и физическим способностям), а с другой, — на столь же естественное равенство их прав на жизнь, часть совместного продукта и прочих жизненных ресурсов. Поодиночке люди не могут существовать. Стабильность их физического существования и прогресс культуры невозможны без укрепления и укрупнения власти, разнообразия и совершенствования её механизмов. Любая критика тех или иных проявлений власти, злоупотреблений ею, в конечном счёте направлена на усовершенствование властных отношений, а вовсе не на их отмену.

Даже *представители анархизма* (греч. *anarchia* — безвластие) выступают не против власти вообще, но стремятся отменить власть государства, заменить её на более свободную ассоциацию отдельных граждан и общин. Характерно, что анархизм был и остался не более чем утопией и на практике представил собой кратковременный и мелкомасштабный социальный эксперимент.

Так что прямо противоположная идеология *этатизма* представляется гораздо ближе к истине и общественной пользе. Правда, власть в общественном идеале должна быть уравновешена с такими своими противоположностями в контексте социального управления и действия, как права и частная инициатива личности или некой группы людей.

Соответственно, **политика** (от греч. *polis* — город-государство) в собственном смысле этого слова означает ту сферу человеческой деятельности, которая связана с приобретением власти над неким социумом и распоряжением ею. *Политическая партия* — это группа людей, работающих над тем, чтобы получить коллективный доступ к государственному управлению (занять командные посты в государстве своими представителями) и дальше этой властью распоряжаться.

Чтобы понять необходимость власти, полезно разграничить её основные функции: а) *предвидение* таких событий, которые затронут общие интересы; б) *планирование* необходимых для большинства людей их действий; в) *анализ проблемных ситуаций*, в которые попадает общество и *принятие решений*, соответствующих общим нуждам; г) *координация* намерений и усилий разных групп населения, исполнителей всех рангов; д) выработка нужной системы (позитивных и негативных) санкций за общественно значимые поступки людей; *контроль и оценка эффективности результатов* общественных действий; е) *гарантии общих прав и свобод* всех подчинённых власти лиц; предупреждение и пресечение общественно опасных деяний отдельных лиц и групп; организованное *раскрытие преступлений* против личности и общества, *обеспечение наказания преступников*; ж) *награждение* лиц, внёсших наибольший вклад в общее дело.

В целом можно определить власть как организованное осуществление социального управления; деятельность, направленную на поддержание и повышение уровня функционирования общественной системы; оптимальное соотношение господства и подчинения внутри и вне социума. Конечное предназначение власти — регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. В этом смысле важно подчеркнуть её взаимный характер: она связывает воедино субъект (носителей власти) и народ (её источник), которые зависят друг от друга. Правда, властные отношения всегда несимметричны, ибо в них преобладает субъект, которому обязан подчиняться объект. Без такого подчинения нет и власти как таковой. Но и субъект власти зависит от объекта, без которого некому будет исполнять решения и приказы. Практика социального управления знает разные степени, формы упомянутой асимметрии, с большим или меньшим креном в ту или иную сторону. Но все попытки уравнивать субъект и объект власти носят утопический характер. Неподчинение объекта (народа, значительных его частей) субъекту власти означает мятеж, революцию и ведёт в конечном счёте к переделу власти, смене её субъекта. Или же, в крайнем случае, к подчинению социума чужой власти, а то и к его гибели.

Властные отношения возникают вместе с человеческим обществом в процессе антропогенеза. Прототипы общественной иерархии и властной организации видны в стаях животных, в особенности приматов (вспомним лекцию по этологии и социобиологии). Если у животных лидеры в стаях определяются возрастом (опытом) и физической силой, то среди людей к этим факторам добавляется их сознание. В идеале все члены коллектива понимают, что без единого планирования и координации их усилий совместная жизнь, а значит и выживание просто невозможны. Власть в принципе выражает общие, коллективные интересы. Она опирается, с одной стороны, на естественное неравенство людей (по возраст, полу, умственным и физическим способностям), а с другой, — на столь же естественное равенство их прав на жизнь, часть совместного продукта и прочих жизненных ресурсов. Поодиночке люди не могут существовать. Стабильность их физического существования и прогресс культуры невоз-

можны без укрепления и укрупнения власти, разнообразия и совершенствования её механизмов. Любая критика тех или иных проявлений власти, злоупотреблений ею в конечном счете направлена на усовершенствование властных отношений, а вовсе не на их отмену. Даже *представители анархизма* (греч. *anarchia* — безвластие) выступают не против власти вообще, но стремятся отменить власть государства, заменить её на более свободную ассоциацию отдельных граждан и общин. Характерно, что анархизм был и остался не более чем утопией и на практике представил собой кратковременный и мелкомасштабный социальный эксперимент.

В первобытном и традиционном обществах *власть* осуществляется на *догосударственном, потестарном* (лат. *potestas* — власть) *уровне*. Имеется в виду, что осуществление власти тогда и там ещё не стало профессией; оно происходит параллельно с остальной жизнью людей — бытовой, трудовой, досуговой. Носители власти — главы семейств, старшины кровно-родственных или территориальных общин, военные вожди, жрецы религиозных культов и т.п. фигуры общественных лидеров пока не отделены от остального общества, их полномочия и функции присвоены им коллективным волеизъявлением и в любой момент могут быть отобраны и перераспределены опять-таки коллективной волей их подопечных. Верховным носителем власти в принципе выступает весь народ. Лидеры занимаются социальным управлением что называется на общественных началах, в свободное от другого труда (охотника, земледельца, торговца и т.д.) время.

Образцом потестарной организации служат большие патриархальные семьи, объединяющие несколько малых (парных) семейств и ведущие совместное хозяйство. Например, в Курской губернии в конце XIX в. существовала так называемая “семья Софроничей”. Три взрослых сына некоего крестьянина Софрона после его кончины не стали разъезжаться и делить свои земельные наделы, а повели хозяйство совместно. Их большая семья состояла из 42 работников, 8 малых семей и нескольких вдов. Они управлялись выборным всеми сородичами старшиной — средним, самым способным из трёх старших братьев. Он сам не занимался физическим трудом, а давал наряд остальным, проверял качество труда, вёл переговоры с внешними партнёрами их крестьянского хозяйства. Подобная социальная организация — разросшаяся и неразделённая многопоколенная семья именуется *родом*. Два рода и большее их количество образовывали *племя*. Основным принципом его организации была *экзогамия* — запрет на заключение браков внутри рода, расчет на браки между представителями разных родов этого же племени. Когда численность племени превышала ресурсы занимаемой им территории, часть соплеменников обрекалось на миграцию. На новых землях матрицировалась та же родо-племенная структура. Ведь потестарная, дополитическая организация общества невозможна для сколь-нибудь крупных масштабов территории и населения, для более эффективных технологий, нежели охотничье-собираческое хозяйство, максимум ручное земледелие или кочевое скотоводство (в этих последних случаях родо-

племенные, т.е. кровно-родственные типы социальной организации могли дополняться и заменяться территориально-соседскими). Однако обеспечить стабильный рост общества, его социально-экономический прогресс потестарная организация не в состоянии. Для этого её властные полномочия слишком слабы.

Когда общество цивилизуется и укрупняется в своих размерах неизбежен *политогенез* — зарождение органов политической власти, прежде всего государства. Промежуточные между родо-племенной и государственной стадиями формы властных отношений именуются *вождеством* (англ. chifdom). Оно предполагает прежде всего *социальную стратификацию* — разделение общества на неравноправные слои (страты); выделение некой *социальной элиты* — группы лиц, богатой и привилегированной по сравнению с рядовыми родичами или общинниками; появление дружин профессиональных воинов, дислоцированных в крепостях; наследование верховной власти родом или семьей вождя. Ход политогенеза обеспечивает наличие *прибавочного продукта* — результат труда должен устойчиво превышать затраты на него. Получающаяся прибыль идет на содержание вождей и дружины. Очень часто такую поддержку им даёт монополия на какой-то предмет торговли, выгодные торговые пути или же военные действия с их богатой добычей.

Соответственно, **политика** (от греч. polis — город-государство) в собственном смысле этого слова означает ту сферу человеческой деятельности, которая связана с приобретением государственной власти и распоряжением ею. *Политическая партия* — это группа людей, работающих над тем, чтобы получить коллективный доступ к государственному управлению (занять командные посты в государстве своими представителями) и дальше этой властью распоряжаться.

Разные *теории появления государства* подчеркивают отдельные причины завершения политогенеза. Среди них, во-первых, *эколого-демографические концепции*. Они объясняют появление государства естественным ростом численности населения в тех или иных благополучных социумах, необходимостью организовать жизнь и труд людей в условиях всё более прогрессивных технологий, крупного разделения труда (на земледелие/скотоводство, ремесло, торговлю и т.д.). Государство в этом случае расценивается как результат своего рода “общественного договора” или же социального компромисса разных групп людей, сознающих все выгоды такого объединения. В результате отлаженного разделения труда во много раз растёт его производительность, качество товаров и услуг; следовательно, заметно возрастает жизненный уровень большинства населения; повышается стабильность жизненного уклада, его способность противостоять природным катастрофам, внутри- и внешнеполитическим конфликтам. Так что в политогенезе надо отметить роль внешних вызовов социуму — отражение военной агрессии, спасение от природных бедствий. Всё это подталкивает людей к объединению в государство и ко взаимовыгодному сотрудничеству в его рамках.

Во-вторых, другой группой теоретиков политогенеза (прежде всего марксистами) подчёркивается *роль насилия*, внутреннего (элиты по отношению к остальному населению) или внешнего (захватчиков по отношению к побеждённому населению, покорение одного народа другим). В роли господствующего “класса” могут выступать разные группы — клановые, этнические, профессионально-корпоративные, конфессиональные. Государство с этой точки зрения воспринимается как победа кучки угнетателей над массой трудящихся. Политическая история превращается в перманентную борьбу классов, имеющей конечной целью периодические мятежи и революции, цель которых — передел власти внутри общества (“кто был ничем, тот станет всем”).

Вероятно, *процесс политогенеза* шёл поэтапно, отличался совместным и вариативным действием разных предпосылок и причин — и внутренних, и внешних; как мирных, так и военных; одновременно и общекультурных, и сословно-классовых. Политогенез имел также многолинейный и обратимый характер. А возникавшее в тех или иных формах государство отражало не только общенародные, но и свои собственные (сословно-корпоративные) интересы, а также интересы экономически господствующих слоев общества, откуда рекрутировалось большинство государственных служащих. Композиция тех, других и третьих интересов и задач менялась, регулировалась самой политической жизнью тех или иных стран, в разные исторические эпохи по-разному.

Основные признаки государства:

а) *территориальная организация* всего ареала проживания его подданных; границы на местности и географической карте сменили кровнородственные, этнические, конфессиональные и все прочие признаки социального объединения;

б) *публичная власть* — набранный из профессиональных чиновников *аппарат управления*, отличный и отделённый от остального народа, поставленный над ним в вопросах государственной компетенции; эту власть на постоянной основе осуществляют законодательные, исполнительные и судебные органы государства;

в) *налоги* на содержание аппарата управления и прочие общегосударственные нужды;

г) *кодифицированное* (записанное и обнародованное) *право* — свод законов и прочих распоряжений носителей государственной власти.

Условный рубеж, на котором потестарная организация сменяется государственно-политической (и в дальнейшем, до сих пор от неё отличается), относится, как видно, к *степени распределения свободы и принуждения* между личностью и общественными институтами, с которыми она сотрудничает. Разница (пусть относительная) в том, кто принимает решения: сам человек (прежде всего глава общественной “ячейки”-семьи, хозяйства, хотя бы в составе народного собрания), или уже (в пределах своей компетенции) политические органы за него (налог, военная мобилизация, подсудность и т.д. общественные обязанности носят принудительный характер лишь внутри государства). Только что

отмеченные остальные признаки государственности (его территория, аппарат власти, налоги, право и др.) в своей совокупности направлены как раз на то, что гарантировать принуждение всех граждан к безусловному исполнению утвержденных государством обязанностей. Вне государства человек вправе (если на то есть достаточно силы) отказаться от любой ответственности. Но зато ему тогда никто не гарантирует защиты его законных интересов.

Разбираемую ситуацию можно проиллюстрировать на примере такой страны, как *средневековая Исландия*. На этот первоначально необитаемый остров первопоселенцы-скандинавы бежали именно от государства, которое возникало в Швеции, Дании и Норвегии в IX в. Те, кто у себя на родине не пожелал подчиниться власти первых государей — конунгов или же потерпел поражение в борьбе за эту власть, переплывали море и обосновывались на семейных хуторах по исландскому побережью. Раз в сезон главы таких семейств с несколькими вооружёнными родичами съезжались на *тинг* — народное собрание, вече своей округи. Ежегодно проходил также общеисландский *альтинг* (теперь так называется исландский парламент). На тинге решались спорные вопросы, предъявлялись обвинения тем, кто совершил гражданские или уголовные преступления. Координаторами дискуссии выступали языческие жрецы — *годи*. В этой роли выступали наиболее опытные и авторитетные исландцы. На время тинга они превращались в «законоговорителей» — оглашали нормы обычного права, сложившегося у северных германцев в языческую эпоху. Под влиянием спорящих сторон коллегия жрецов — *годорд* присуждала один из двух видов наказания — денежный штраф (*вергольд*) в пользу пострадавшей стороны или же объявление преступника вне закона. В последнем случае после окончания тинга преступника мог безнаказанно убить кто угодно. Как правило, это были истцы прошедших только что судебных процессов — родственники и сторонники пострадавшего, осуществлявшие кровную месть. Вне тинга *годи* никакой реальной власти, кроме морального авторитета, не имел; отсутствовали и органы исполнения решений веча. Драматические истории о том, как скрывались объявленные вне закона люди, а обиженная сторона стремилась им отомстить сама или же объявляла награды за их головы, красочно описаны в знаменитых исландских сагах. Таким образом сравнительно большая страна веками существовала без государства, почти всех его атрибутов (верховой власти, полиции, тюрем, налогов и т.д.). Оценивая исландский опыт, надо учесть, специфику природных условий этого острова (узкая полоска пригодной для жизни земли по побережью). К тому же, начиная с XIV в. исландская культура начала хиреть, попала под власть сначала Норвегии, а затем Дании; пока эта страна не образовала собственного государства (в 1944 г.), которое ныне процветает. Поэтому в большинстве других природных и исторических условий государство всё-таки возникает довольно рано, как вполне закономерная форма существования цивилизованного общества. Без государства социум обречен существовать в сравнительно мелких масштабах и практически не развиваться.

Структура государства включает в себя такие типичные элементы, каковы:

- *органы законодательной и исполнительной власти*, верховной и местной;
- *вооружённые силы* для защиты и расширения государственной территории;
- *службы охраны правопорядка* (прокуратура, полиция, суды, тюрьмы, разведка и контрразведка, т.д.).

Функции государства делятся на:

- *внешние* (дипломатия, условия внешней торговли, таможенной политики; вооруженная защита его интересов, вплоть до войны и т.п. силовых акций) и
- *внутренние* (сбор налогов, их распределение на государственные и общенародные нужды; выработка законодательства; регулирование экономики; охрана общественной безопасности; координация развития культуры, образования и науки; социальное обеспечение нетрудоспособных).

Формы государственного устройства зависят от соотношения его политического центра и его же периферийных частей. С этой точки зрения государства делятся на:

- *унитарные*, территория которых делится на одинаковые по правам и обязанностям административные части, а конституцию и прочие законы вырабатывает центр;
- *федеративные* — в их составе законодательные полномочия распределены между центром и провинциями; отдельные субъекты федерации имеют собственное законодательство и верховные органы исполнительной власти (правительства); общий суверенитет федерации касается только ее внешней политики;
- *конфедеративные*, чьи субъекты полностью самостоятельные во всех сферах, кроме обороны, внешней политики, еще кое-каких функций (скажем, денежной эмиссии, почтовой службы и т.д.).

Формы правления в государстве классифицируются в зависимости от характера носителя верховной власти в нём. Это, во-первых:

- *монархия*, т.е. дословно “власть одного” правителя (короля, царя, султана, т.п.), которая может быть абсолютной и наследственной (как и сейчас во многих странах Востока), а может и конституционной (где “монарх царствует, но не управляет”; власть фактически принадлежит главе правительства, назначаемому парламентом, как в Великобритании); во-вторых:
- *республика*, т.е. дословно “общее дело” народа, который весь или через своих представителей избирает носителей верховной власти; бывает президентской, либо парламентской, в зависимости от того, в чьих руках сосредоточено больше верховной власти.

Режим государственной власти чаще всего гораздо важнее, чем принадлежность государства к тому или иному из только что отмеченных общих типов. Он характеризует формы и методы управления, порядок применения государственной власти. В связи с чем различают следующие разновидности государственности:

- *демократия*, т.е. “народовластие” — в том смысле, что государство гарантирует невмешательство в личную жизнь граждан, реально обеспечивает важнейшие права и свободы личности (устного и печатного слова, митингов и собраний, общественных движений, путешествий по своей стране и выезд за границу, т.д.);
- *авторитаризм* — существенные ограничения прав и свобод граждан в пользу государства; моральное и законодательное принуждение населения к

исполнению расширенного круга условий политической жизни (запрет оппозиционных партий и движений, цензура средств массовой информации, преследования инакомыслящих, “железный занавес” на границах, т.д.);

- *тоталитаризм* — беспредельно полный контроль государства над общественной и личной жизнью всех граждан; политика постоянного террора по отношению к населению.

Тоталитаризм (от лат. *totalis* — цельность, полнота; имеется в виду — государственной власти в одних руках) это особая разновидность *диктатуры*, которая встречается во все времена. Диктатура отличается насильственным захватом власти узкой группой лиц и соответственным правлением, которое основано на голом насилии, физическом подавлении любого сопротивления воле диктора. При диктатуре сплошь и рядом нарушаются права граждан, их произвольно лишают имущества и свободы, казнят без суда или при инсценировке такового. Однако тоталитаризм — это не обычная диктатура. Такой политический режим возникает только в XX веке. *Основные разновидности тоталитаризма* имели место в России Ленина и Сталина; Италии Б. Муссолини; Германии Гитлера. В дальнейшем близкие к тоталитаризму режимы сложились в целом ряде стран Востока (скажем, Китай Мао Дзедун или Камбоджа Пол Пота), Африки (ЮАР времен апартеида и др.) и Латинской Америки (хунты военных, вроде Чили времен Пиночета).

Главное отличие тоталитаризма состоит, по-моему, в планомерном и систематическом уничтожении части населения своего же государства. В СССР 20-х — начала 50-х гг. были обречены все “представители свергнутых революцией классов” — буржуазии, “кулаков”, офицеров “царской” армии, жандармов и полицейских, священников, члены всех политических партий, включая самих старых большевиков. В нацистской Германии истребление велось по расово-национальному признаку — в газовые камеры отправляли евреев, цыган, славян, представителей т.п. “неполноценных народов”. Вместе с тем велось уничтожение всех прочих “инакомыслящих” — тех лиц, которых власти подозревали в несогласии со своей политикой. Ежегодно, кроме смертной казни для многих тысяч людей, лишались свободы ещё десятки тысяч, а сотни тысяч репрессировались путём конфискации имущества, лишения работы по специальности, доступа к образованию, приемлемого жилья; продуктовых карточек; ссылки на глухие окраины государства. В итоге репрессии в той или иной форме коснулись практически каждой семьи, жившей при тоталитаризме.

Массовые и постоянные репрессии были необходимым условием для всех остальных признаков тоталитарного режима власти:

присвоение неограниченной власти в государстве одним лицом, фактическое *обожествление вождя*, объявление его непогрешимым и неподотчётным никому “отцом нации”, “земным богом” — спасителем и защитником всех своих граждан;

монополия на собственность, сколько-нибудь крупную, находится у государства;

насаждение одной-единственной идеологии, причем явно утопической, фантастической (коммунизма, фишизма, национал-социализма, т.п.), подавление всех конкурирующих теорий путем жестокой цензуры, политических репрессий, закрытых границ; основной принцип тоталитаризма: *всё, что не разрешено, то запрещено*;

легальное существование только *одной политической партии*, её детских, юношеских, прочих филиалов (в СССР — “октябрюта”, пионеры, комсомольцы, коммунисты, ветераны этих движений, мемориалы павших героев и даже мумии вождей);

у государства и правящей в нём партии имеется *монополия на социализацию* подрастающих поколений — все они воспитываются в одном и том же духе преданности этому режиму; *постоянный контроль за информацией*, доступной населению;

неограниченные *полномочия политической полиции* (ВЧК–НКВД–ОГПУ–КГБ в СССР; гестапо в Германии); остальные органы юстиции (прокуратура, суд, адвокатура) становятся её придатками, маскируют расправы над жертвами режима без суда и следствия; формируется и с нарастающей активностью работает *аппарат террора* (слежка за всеми гражданами, доносы секретных осведомителей, органы следствия, внесудебные органы вынесения наказания, тюрьмы и концентрационные лагеря, зоны ссылки и лишения многих прав для выживших репрессированных);

концентрация всей власти — законодательной, исполнительной и судебной в одних тех же руках (партии и полиции, которым покорно служат остальные органы государства);

обязательная для каждого гражданина *демонстрация политической лояльности*; все сферы общественной и культурной жизни целиком подчиняются политике и идеологии;

агрессивная внешняя политика — “образ врага” нужен для обоснования “железного порядка” внутри государства; экономическая, культурная и духовная изоляция страны от окружающего мира.

Тоталитаризм, как и любая диктатура, безусловно антинародный режим, поскольку он неизбежно приводит к гибели заметной части народа и ухудшению уровня жизни выживших. Ведь сущность тоталитаризма в конечном счёте сводится к подавлению личности коллективом. Выдающийся исследователь социализма и тоталитаризма Ф. Хайек так и назвал свою книгу: “Дорога к рабству”. Однако значительная часть того же самого народа как правило поддерживает этот режим, идеализирует его. Ленина и его партию поддержала часть рабочего класса и бедных крестьян, военнослужащих, деморализованных на Мировой войне; устроенный Муссолини в 1922 г. путч — поход на Рим фашистов встретил восторженную поддержку народа; Гитлер пришел к власти в 1933 г. путем довольно демократических выборов; Сталину верно служила огромная сеть советской номенклатуры, органов политической сыска и карательной системы ГУЛАГа. Покорность и даже симпатии довольно широких слоев насе-

ния к тоталитарным режимам объясняются рядом взаимосвязанных причин. Политики тоталитарного склада приходят к власти в обстановке социального кризиса, они предлагают и практикуют предельно простые и циничные меры по его преодолению (мир в обмен на территориальные уступки врагу; подавление коррупции и преступности с помощью предельно жестокой уголовной репрессии; меры социальной поддержки неимущим слоям народа за счет конфискации собственности у тех, кто ее имел). Массовые репрессии освобождали массу рабочих мест, включая руководящие посты — они замещались малообразованными выходцами из социальных низов. Главным достоинством гражданина становилась личная преданность режиму и его вождю, ради этого прощались многие грехи.

Грань между авторитарными и тоталитарными режимами подвижна и условна; в зависимости от исторических условий они могут меняться местами. Так, СССР при Хрущёве и Брежневе из тоталитаризма перешёл к авторитаризму (прекратились массовые репрессии, появились диссиденты, “самиздат”, контакты с границей, альтернативные формы социализации во внеполитических сферах — западная музыка, мода, часть запретной прежде литературы).

Авторитаризму и тоталитаризму противостоит **демократия**. У этого политического режима имеются свои собственные недостатки (которые, кстати, и приводят в отдельных случаях к ее смене другими политическими формами). Однако опыт всемирной истории показывает, что демократическая форма правления в наибольшей степени обеспечивает общественный прогресс. Одно из распространенных определений демократии принадлежит А. Линкольну: “Government of the people, by the people, for the people”, т.е. “Власть, исходящая из народа, осуществляемая народом и интересах народа”. Ценности демократии — свобода личности, соблюдение прав человека, суверенитет народа. Государство при демократии существует не ради само-го себя, а для создания наилучших условий жизни всех граждан. В соответствии с этими целями выделяются *общие черты демократических государств*:

а) *выборность основных органов государства*, прежде всего законодательных и глав верховных органов исполнительной власти;

б) *равноправие граждан*, прежде всего их избирательных прав;

в) *подчинение меньшинства большинству* после принятия государственных решений;

г) *признание народа основным источником власти* в государстве, в связи с чем при принятии важнейших законов допускается путем всеобщего волеизъявления (референдума); следствием народного суверенитета, с одной стороны, является *верховенство закона* (над личными, групповыми интересами); а с другой, *свобода личности* — всё что не запрещено законом, разрешено при демократии;

д) *разделение властей* — независимость друг от друга основных ветвей власти (законодательной от исполнительной, судебной от них обеих); сюда же

относится *свобода слова*, т.е. независимость средств массовой информации от идеологической или политической цензуры.

Все эти политические принципы могут трактоваться более или менее широко; полномочия государства и права личности могут сочетаться в разных пропорциях в зависимости от того, какие политические партии приходят к власти, какие политические теории исповедуют руководители демократического в принципе государства. Эти партии и теории тяготеют к двум основным вариантам. Это **либерализм и консерватизм**. Начиная с XX в. соответствующие партии оспаривают власть и чередуются у ее кормила в США, Великобритании, Франции и большинстве остальных стран Западного мира. Благодаря такой очередности их социально-политические и экономические системы извлекают пользу для своих стран из противоположных, но взаимосвязанных сторон общественной жизни: индивидуализма, свободы, общественной и государственной собственности, веротерпимости, международной открытости, миролюбия (либералы и демократы, т.е. политически “левые”), либо коллективизма, дисциплины, частной собственности, долга перед Отечеством, религиозности, национализма (“правые” консерваторы разного толка). Именно в такой конкуренции, при участии общественности, во имя завоевания популярности у избирателей разных по методам своей политики (но в главных целях одинаковых) партий, их лидеров и состоит демократия как политическая система.

Разумеется, политическая практика даже в условиях демократии не в состоянии полностью преодолеть недостатков и даже пороков общественного устройства. Таких, как коррупция, преступность, социальные и национальные конфликты, терроризм, финансовые кризисы и т.д. На этот счет известен афоризм У. Черчилля, утверждавшего, что демократия — далеко не лучший способ управления страной. Проблема в том, что все остальные гораздо хуже.

Именно и только в условиях демократии в какой-то степени осуществимы такие идеалы современной политики, как **гражданское общество** и **правовое государство**. Первое из этих понятий обозначает оптимальное соотношение интересов личности и государства, правильное распределение их полномочий. Суть дела тут состоит в том, что полномочия государства распространяются не на всю нашу жизнь, а только на ее часть. Выполнив установленные законом обязанности перед государством, все граждане во всем остальном остаются полностью свободны в своих мыслях и поступках. Государство не имеет право вмешиваться в нашу личную жизнь (если она не угрожает другим людям). Но для нормальной жизни людей этого мало. Кроме свободы и равенства, необходима ответственность всех сознательных граждан за поддержание их коллективных ценностей в экономике, политике, культуре. Если граждане будут равнодушны к негативным явлениям вокруг себя, этих явлений — преступности, экологического кризиса, бедности, др. — не искоренить. Поэтому гражданское общество основывается на добровольной, бескорыстной инициативе всех сознательных граждан, их благотворительной деятельности, *гражданском долге*.

Гражданское общество существует наряду с государством, не подчиняется ему, взаимодействует с ним — поддерживает его в одних случаях, критикует и поправляет в других. Здесь проявляет себя свободный индивид. Эту сферу общественной жизни составляют самые разные общественные объединения и движения (профессиональные, творческие, женские, детские, досуговые, земляческие, спортивные, экологические, потребительские и мн. др.). Если *политические партии* борются за власть в государстве и, победив на выборах, распоряжаются ею, то *общественные объединения и движения* защищают специальные интересы различных групп населения — профессий, национальностей, полов, возрастов, регионов, конфессий, т.д. Тем самым обеспечивается всё многообразие целей интересов самых разных людей, в самых разных сферах их жизни. Государство просто не в силах обеспечить их все своим вниманием.

Основа гражданского общества — частная собственность, гарантии её неприкосновенности и защиты, которые даёт правовое государство. Это последнее понятие отражает упомянутый выше принцип демократии — разделения и взаимодействия ветвей государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной). При таком состоянии государства гарантируется исполнение принятых законов; существуют механизмы борьбы с попытками обойти закон, уйти от ответственности за его нарушение.

Право — важнейший атрибут государственной организации общества. Это *совокупность законов*, т.е. прошедших компетентное обсуждение и специальную процедуру принятия правил поведения людей в типичных ситуациях их жизнедеятельности. Поведение человека, его отношения с другими людьми регулируется целой системой норм и санкций за их нарушение. В формировании такой системы социальной регуляции поведения участвует мораль, религия, другие формы культуры. Отличие норм права состоит в их принудительном характере — государство, его специальные органы (полиция, прокуратура, суды, пенитенциарная система исправительных учреждений) контролируют соблюдение законов и наказывают их нарушителей, находящихся в поле достижения закона. Тем самым право защищает жизнь и достоинство человека, пресекает произвол в его отношении.

Общие характеристики юридических законов сводятся к следующим:

- а) определённость границ правонарушения и санкции за его совершение;
- б) общеобязательность норм права для выполнения;
- в) охрана законов авторитетом и всей силой государства;
- г) презумпция невиновности подозреваемого в преступлении человека до тех пор, пока его вина не будет доказана в судебном заседании;
- д) гласность и состязательность судебного разбирательства — защита интересов обвиняемых (адвокатом) и потерпевших (прокуратурой);
- д) неотвратимость наказания за совершенные и доказанные в суде преступления.

В разных странах складывались различные типы права, традиции применения законов. Так, право делится на *прецедентное* (принятие решений судом

по аналогии с корпусом всех предыдущих решений судей этой страны — Великобритании и ее сателлитов) и *кодифицированное* (подведение конкретного нарушения закона под те или иные статьи официально утверждённого кодекса уголовного, гражданского, трудового, жилищного, семейного и т.д. права, как на Европейском континенте, в том числе в России).

В основу законодательства всех цивилизованных стран положены коренные **права и свободы человека**. В наши дни их формулируют и поддерживают, во-первых, Основные законы (Конституции) отдельных государств, а во-вторых, международные организации (ООН, ЮНЕСКО, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ, Совет Европы, т.п.). Эти права подразделяются на *личные (гражданские)* (на жизнь, достоинство личности, её свободу и неприкосновенность, частную жизнь, неприкосновенность жилища, национальную принадлежность, передвижения и места жительства, свободу совести и вероисповедания, свободы мысли и слова); *политические* (печати и распространения информации, объединения людей по их интересам, на собрания и манифестации, право избирать и быть избранным в государственные органы, участвовать в отправлении правосудия, обращаться в государственные органы с жалобами и запросами); *экономические и культурные* (частной собственности, право на труд и отдых, охрану здоровья и медицинскую помощь, получение образования, свободу творчества, на социальное обеспечение).

РАЗДЕЛ VI МЕТОДОЛОГИЯ

23. НАУКА

Теоретический минимум

1. Понятие науки и её социальные функции. Личность ученого и мотивы исследовательской деятельности.
2. Основные этапы становления современной науки.
3. Отличия научного познания, его преимущества и пределы по сравнению с прочими горизонтами познания. Медицина и фармация между наукой и практикой.
4. Определение научного метода и логической формы знания.
5. Многообразие и классификация методов научного исследования.

Литература

Лекция 23.

Щавелёв С.П. Метод практики: природа и структура. Курск, 1996 (Гл. I. “Теория, метод, методология”).

Введение в философию. М., 2003 (Разд. II. Гл. 10 «Наука»).

Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2004 (Гл. XIX. § 2 «Приемы, методы и формы научного мышления»).

Ермакова А.А. Философия. М., 2004 (Гл. VII. «Наука и техника в системе культуры...»)

Современная философия и наука: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.

Современная философия науки. Хрестоматия. М., 1994.

Лебедев С.А. Философия науки. Терминологический словарь. М., 2011.

Бахлярь Г. Избранное. Т. I. Научный рационализм. М.–СПб., 2000.

Брокман Дж. Во что мы верим, но не можем доказать. Интеллектуалы XXI века о современной науке / Пер. с англ. 2-е изд. М., 2012.

Будущее науки в XXI веке: следующие пятьдесят лет / Под ред. Дж. Брокмана. Пер. с англ. М. – Владимир, 2011.

Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М., 1987.

Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М., 2010 (ЖЗЛ).

Границы науки. М., 2000.

- Губарев В.С.* Прогулки по открытиям. Судьба науки и учёных в России. М., 2012.
- Дзюн Т.* Теория науки. М., 1983.
- Киссель М.А.* Христианская метафизика как фактор становления и прогресса науки Нового времени // Философско-религиозные истоки науки / Отв. ред. *П.П. Гайденко*. М., 1997.
- Ковчуго Е.А., Райков А.И., Ракитов А.И.* Наука, образование, инновации. М., 2007.
- Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997.
- Лебедев С.А., Ковылин Ю.А.* Философия научно-инновационной деятельности. М., 2012 (Gaudeamus).
- Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.
- Наука: возможности и границы / Отв. ред. *Е.А. Мамчур*. М., 2003.
- Наука в России: современное состояние и стратегии возрождения / Отв. ред. *Е.В. Семёнов*. М., 2004.
- Наука и технологии в России. Статистический сборник. М., 2007.
- Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. *А.Г. Аллахвердян*. М., 2005.
- Подвластная наука? Наука и советская власть. Авт.-сост. *С.С. Неретина, А.П. Огурцов*. М., 2010.
- Подкорытов Г.А.* О природе научного метода. М., 1987.
- Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. М., 1987.
- Сойфер В.Н.* Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. 4-е изд. М., 2002.
- Стёпин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992.
- Фейнман Р.* Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! Похождения удивительного человека, поведанные им Ральфу Лейтону / Пер. с англ. М., 2011.
- Швырёв В.С.* Научное познание как деятельность. М., 1984.
- Швырёв В.С.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988.
- Шеннон К.Э.* Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
- Этика и ответственность науки // Человек. 2000. № 5.
- Этос науки / Под ред. *Л.П. Киященко, Е.З. Мирской*. М., 2008.
- Юдин Б.Г.* О возможности этического измерения науки // Человек. 2000. № 5.

Текстологический практикум

Г. Селье «От мечты к открытию: как стать ученым»

1. Ганс Селье (1907–1982) — выдающийся теоретик и экспериментатор в области медицинской биологии. Его теория стресса и дистресса.
2. Интеллектуальная автобиография Г. Селье о логике и психологии научного открытия, плюсах и минусах работы учёного.

Литература

- Селье Г.* Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.
- Селье Г.* На уровне целого организма. М., 1972.
- Селье Г.* Стресс без дистресса. М., 1979; 1981.
- Селье Г.* От мечты к открытию. Как стать учёным. М., 1984.

Конспект

Образы науки в общественном мнении разнятся. Это связано с некоторыми из её настоящих характеристик, которые, однако, преувеличиваются, искажаются народной молвой, средствами массовой информации, решениями представителей власти.

Сциентизм (лат. scientia — знание) абсолютизирует роль науки в процессе познания и во всей культуре социума. Его представители полагают, что наука способна найти эффективные способы решения всех человеческих проблем. Естествознание и техника должны задавать стандарты духовной жизни, ученые и инженеры — руководить обществом. Столь завышенные оценки опираются на то бесспорное заключение, что науки, прежде всего естественные, действительно произвели переворот в жизни значительной части человечества. Однако ни сегодня, ни даже в отдалённом будущем наука не всесильна. Она облегчает жизнь людей, помогает им решить множество кардинальных проблем, однако сама по себе не гарантирует счастья и даже процветания; никогда не устранил из нашей жизни моменты кризисов, разочарования, наконец, гибели.

Наукофобия, напротив, выражает разочарование от тех надежд людей, которые наука пока не оправдала и, быть может, никогда не оправдает. Некоторых гарантий (бессмертия, обязательного счастья, равенства и т.п.) уж точно никакая наука никому не даст. Тогда люди упрекают ученых за те издержки научно-технического прогресса, вина за которые лежит не только на науке, но в большей степени на политике (включая равнодушных к политике обывателей). Вот и бранят ученых и за атомную бомбу, и за плохую экологию, и за всё плохое на свете.

Популяризация реальных достижений и перспектив науки — вот единственно достойный канал диалога ученых и остального общества. Обеим сторонам придётся потрудиться. Интеллектуалам — продумать доступное неспециалистам, увлекательное объяснение своих открытий, гипотез, замыслов. Не все учёные — хорошие писатели и тем более ораторы. Но даже у талантливых популяризаторов научного знания образуется не слишком густая аудитория. Это видно по низкому рейтингу такого рода телепрограмм, идущих обычно в ночном эфире. Масса людей жаждет не расширения своего умственного кругозора, а бездумного отдыха, «драйва». У дурацких развлекательных программ — миллиардная аудитория. Наверное, так даже правильнее, чем когда нищий СССР считали «самой читающей страной».

Общее понятие науки складывается из нескольких его вариантов — различных проекций этого исключительно сложного, исторически изменчивого общественного явления. Научоведы различают *три проекции науки*:

- как особое *направление* человеческого познания и соответствующий ему интеллектуальный продукт — особый *тип знания*;
- отдельную *профессию*, со своими условиями подготовки, правилами работы;
- целый *общественный институт*, важную подсистему цивилизованного социума. Разумеется, такое деление условно и сами ученые к нему имеют мало

отношения. Но по таким ступеням легче и лучше понять природу и миссию науки.

Прежде всего, наука представляет собой *определённый вариант* человеческого *познания* и, соответственно, *особый тип знания* о мире и о самом человеке. Исходный взгляд на природу науки произведен от более широких категорий — таких, как *информация, знание, изучение*. У науки свои способы выработки и критерии приемлемости информации о мире и человеке. Эти отличия перечисляются ниже, а пока отметим, что во всех вненаучных сферах познания знания служат тому или иному делу, той или иной практике; удовлетворяют тем или иным потребностям людей. Наука же провозглашает *самоценность знания, истины*. Она представляет собой гипертрофированную любознательность; *познание ради самого знания*. Такой она возникает в истории культуры, такой она остается и сегодня, хотя возможности применения научных знаний к практике всё время растут, как и доля прикладных научных исследований по сравнению с фундаментальными.

Понятие информации (от лат. *informatio* — ознакомление, разъяснение) получило широкое распространение в связи с появлением новых средств связи и управления во второй половине XX в. (от телефона с телеграфом и до компьютеров). С этих времен информация так или иначе отличается от родственных выражений («знания», «сведения», «данные» и т.п.). Прежде всего тем, что информация измерима количественно. Кроме того, информация в значительной степени обезличена, носит межсубъектный характер. Основы общей теории информации были заложены в книге К.Э. Шеннона и У. Уивера «Математическая теория связи» (1948). Эти авторы предложили вероятностные методы определения количества информации; ввели схему информационной связи (источник информации, передатчики, линия связи, приёмник, адресат, источник помех); сформулировали теоремы о пропускной способности, помехоустойчивости, кодировании и других характеристиках информационных процессов.

Клодом Шенноном обоснована *вероятностная теория информации*. Он предложил понимать информацию как *меру определённости* той или иной ситуации, поведения системы. Противоположностью информации в этом случае выступает *энтропия*, т.е. мера неопределённости, неупорядоченности любой системы, идущей к своему распаду. Неопределённость возникает в том случае, если по причине отсутствия или недостатка информации необходим выбор из двух или большего числа возможностей. Информация позволяет её получателю уменьшить неопределённость, организовать систему, выбрав правильный шаг. Больше информации — меньше неопределённости, легче принимать решение. Для общей теории информации не суть важно, стихийно это происходит (как в живой природе), или же сознательно (как у людей).

Основоположник кибернетики Норберт Винер распространил информационный подход на процессы управления и связи в природе, человеческом обществе и работе машин (в особенности компьютеров, специально предназначенных для накопления и переработки информации на основе ее электронного

кодирования). Важно подчеркнуть, что *информации нет без какого-то материального носителя*; что она качественно отличается в неорганической природе; в биологических системах (живых, самоуправляющихся телах); в поведении сознательных существ. Некоторые теоретики полагают, что информация присуща только живой природе с ее генетикой и сложным поведением организмов, взаимодействующих со средой обитания; ну, и конечно информация обеспечивает работу технических устройств. Другие философы считают, что информационные процессы имеют место даже в неорганической природе, хотя там взаимодействие неживых объектов носит пассивный характер.

С точки зрения теории информации человеческое сознание представляет собой один из механизмов выработки, передачи, приёма, преобразования, накопления и использования информации самого разного рода. В рамках этого подхода оставляются в стороне личностные, субъективные стороны психики людей; обращается внимание на то, что объединяет её работу с техническими устройствами обработки информации (компьютерами и т.п.). Информационные характеристики дополняют определение человеческого сознания как отражения. Правда, в деятельности Человека разумного информация как правило превращается в нечто более сложное, а именно — *знание*. Оно отличается от просто информации своим семантическим, т.е. смысловым, личностным, индивидуальным аспектом. Т.е. не количеством, а качеством, т.е. значением для человека. Одна и та же информация (скажем, завтра произойдет террористический акт в городе N) одного из нас взбудоражит, другого оставит равнодушным, а третьего даже обрадует. Эта информация останется информацией для тех сотрудников, в чьи профессиональные обязанности входит борьба с террористами.

Знание существует не только в научной, но и во многих других формах, которые в свою очередь необходимы людям. Вряд ли стоит считать науку не то, что монополистом, но и даже вечным и безусловным лидером человеческого познания — прежде всего потому, что знание обслуживает принципиально разные потребности людей, направлено на отдельные стороны бытия. На каких-то участках бытия и познания наука выступает на первый план, на каких-то — сдаёт интеллектуальные полномочия иным формам духовной культуры и материальной практики, у которых свои типы знания.

Обыденно-практическое познание связано с лично-семейным самообслуживанием индивидов; представляет собой интеллектуальную сторону неспециализированного труда. Его познавательным инструментом служит *рассудок*, а результатом — так называемый *здоровый смысл*, житейский опыт людей, которые обеспечивают им выживание в любых условиях бытия. Трудовой опыт, народная мудрость («этнонауки»), магия. Это познание можно назвать *донаучным*. К выводам науки оно почти герметично, ибо они моделируют диаметрально противоположные пласты реальности.

Профессионально-практическое познание вплетено в сложные, информационно ёмкие направления человеческой деятельности (вроде предпринима-

тельской, инженерной, педагогической, военной, врачебной, политической и т.п.); оно не может довольствоваться выводами здравого смысла, а требует гораздо более сложных — профессиональных рецептов и технологий, своеобразного *практического разума* для решения сравнительно масштабных и нестандартных задач практики; осуществления общественного прогресса. Это знание чем дальше, тем больше становится наукоёмким, но по природе своей остаётся прикладным. Ведь его задача — не обобщить, а как-то разрешить проблемную ситуацию; не просто зафиксировать нечто, а преодолеть, преобразовать нужным образом. Для науки это не характерно. Она в конечном счете носит созерцательный характер.

Духовно-практическое или же *вненаучное познание* сопровождается такие формы культуры, как мифология, религия, магия, мистика и т.п.; с их помощью человеческий дух воюет с хаосом бытия; стремится компенсировать ничтожность индивидуального существования личности апелляцией к сверхъестественным силам, вести диалог с высшими ценностями культуры; «методы» (способы) решения этого рода задач — медитация, молитва, ритуальный обряд; результатом их применения могут такие формы освоения действительности, как откровение, озарение, экстаз и т.п. акты веры. В силу своей иррациональности эти духовные явления антинаучны. Точнее, они дополнительны к выводам строгой науки. Их цель — изменение сознания конкретных людей, верующих. Для науки подобная цель стоит на последнем месте и, в сущности, не характерна.

Художественное познание осуществляется благодаря искусству, фантазии представителей его различных жанров; оно мыслит эстетическими образами, метафорами, развивая фабулу, чередуя ритмы произведений словесного, музыкального, драматического и т.п. разновидностей творчества красоты, гармонии, идеалов; самореализации личности в этом творчестве. Общий инструмент познания в искусстве — *эстетический вкус* и особая — художественная правда. Искусство создает нужное настроение, мобилизует волю к дальнейшей жизни, обогащает жизненный опыт. Девиз науки прямо противоположный: «Не плакать, не смеяться, а понимать» (Б. Спиноза).

Научно-теоретическое познание осуществляется с целью получения объективно-истинного знания о мире, принципах устройства и законах его развития; оно накапливает строго зафиксированные и проверенные факты о типичных явлениях природы и общества; пользуется точными понятиями и теориями.

Как видно, у науки и у *вненаучных вариантов познания* разные задачи. Это нисколько не умаляет значения ни науки, ни других форм освоения действительности. Интеллектуальный опыт любого социума, тем более человечества в целом складывается благодаря всем перечисленным — стратегическим направлениям познания. С определённых пор человечество, по крайней мере, его цивилизованная часть, уже не могут обходиться без науки, но её одной для удовлетворения своих духовных потребностей людям всегда будет совершенно недостаточно. Поэтому нельзя сказать, что наука — это высший уровень познания. Главным для человека в разные моменты его жизни становится такое зна-

ние, которое удовлетворяет тем или иным его жгучим потребностям: либо базовым, витально-бытовым, либо профессионально-практическим, либо духовным. В первом случае не обойтись без прописей здравого смысла и выводов народной мудрости; во втором — трудовых рецептов и инженерных технологий, в третьем — без религии, искусства, философии.

Преимущества и пределы научного познания предполагают друг друга. Общее и частное, необходимое и случайное, объективное и субъективное, личностное и социализированное в составе человеческого познания.

Достижения и опасности в историческом развитии науки.

Аксиологические (этические и др.) проблемы научно-технического прогресса. Фатальные угрозы природе, телу и духу человека в эпоху научно-технической революции (оружие массового поражения; экологическая ситуация; болезни ураганного распространения; демографические сдвиги; вторжение в геном).

До- и вненаучное знание играет определенную роль в становлении науки и даже на развитом этапе ее существования. Процедуры наблюдения, сравнения, измерения, группировки, выдвижения и проверки гипотез, умозаключения. Общечеловеческие механизмы интуиции. Научная рациональность против обыденного рассудка («здравого смысла») и практического разума.

Вера в изначальный и всеобщий порядок мира — предпосылка классической науки. Божественный промысел и закон природы. Абсурдизм буддийской философии — аналог постклассической науки. Подчинение науки богословию в эпоху Средневековья. Отделение науки от религии в Новое время.

Конфликты и диалог между представителями науки и вненаучного опыта. Обезличенность научных выводов, их принудительный характер («Платон мне друг, но истина дороже»).

Традиционные и архаичные общества отличаются в духовной сфере господством коллективной традиции. Она чрезвычайно замедляла любые инновации. Так, переход к новым материалам для изготовления орудий — от камня к кости, далее к меди, олову, железу происходил на протяжении тысячелетий. К каждому новому материалу сначала довольно долго применялись приемы, характерные для предыдущего и только затем осваивались адекватные для него способы обработки. Полет мысли был строго ограничен ритуалом, обычаем, авторитетом. Мысль шла за практикой.

Далее, *наука* может быть рассмотрена как *особый вид деятельности*, как *целая профессия*.

Мотивация деятельности ученого.

Личностные качества (*этнос*) ученого: уровень интеллекта и ощущение его самооценности, любознательность, творческий скептицизм, честолюбие (вера в себя), контактность, вкус к дискуссиям, свободное время, доля аскетизма.

Образы ученых в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве. Типы деятелей науки и аспекты их взаимодействия. Симпатии и антипатии между учеными. «Невидимый колледж» работников науки. Соотношение индиви-

дуализма и коллективизма в научно-исследовательской деятельности. Роли членов научного коллектива. Карьера ученого и его престиж в академическом сообществе. Космополитизм и национальные традиции развития науки.

Университетская и академическая наука. Источники и формы финансирования. Ученые степени и звания (западные и отечественные ранги).

Наконец, наука представляет собой целый *общественный институт*, особую *социальную организацию*. У неё есть свои органы управления и контроля, свои «генералы», «офицеры» и «солдаты».

Функции науки в современном обществе:

- мировоззренческая;
- педагогико-дидактическая;
- идеологическая;
- праксеологическая, производственная.

Если проследить **этапы становления современной науки**, лучше понимаешь ее природу и роль в истории культуры.

В зависимости от того, какой смысл вкладывается в понятие «наука», как она соотносится с другими типами человеческого знания, имеется несколько точек зрения по поводу того, *где и когда возникает наука?* При этом различаются способы построения знания и формы прогнозирования результатов деятельности.

Первая точка зрения отождествляет научное познание с любыми правильными наблюдениями и решениями людей. Тем самым возраст «науки» предельно удревляется — возводится к периоду становления человека и общества, их отделения от природы, а география «науки» делается всемирной. Ведь даже представители традиционных обществ — охотники, рыболовы, собиратели, земледельцы, скотоводы — много знают о природе, способны изготавливать весьма сложные технические конструкции. Так, уже охотники на мамонтов умели разгибать и обрабатывать их бивни, получая костяные копья в несколько метров длиной.

Точнее называть знания и умения такого рода *донаучными*. В их состав входят знания обыденные (бытовые) и практические (ремесленные). В целом донаучные знания связаны с *духовной стороной человеческого труда*, составляют *эмпирический опыт* домашней и ремесленной деятельности многих поколений людей.

На этом уровне познания изучаются те вещи и их отношения, способы их изменения, с которыми человек неизбежно сталкивается в обыденном опыте и на производстве. Знания здесь представляют собой идеализированную модель практического взаимодействия человека с вещами макромира. Скажем, математика оперировала с натуральным рядом чисел от 1 и далее. 1 обозначается вертикальной чертой; набор предметов как система единиц; затем появляются особые знаки для десятков, сотен, тысяч и т.д. Процедуры с цифрами воспроизводили процедуры образования совокупностей предметов в реальной практике — одни предметы добавляли к другим или отъединяли от других.

Этот простейший способ абстрагирования предметных отношений отражал их состояние в рамках наличной практики, он ограничивался уже освоенной представителями данной цивилизации частью действительности.

Вторая точка зрения относит появление науки к древнейшим цивилизациям на Земле. Это прежде всего такие цивилизации Востока, как Египет, Вавилония и другие центры Месопотамии, Индия, Китай; а также инки, майя, ацтеки в Мезоамерике. В этих очагах роста мировой культуры действительно были накоплены значительные знания по астрономии, медицине, строительной технике. Однако и здесь перед нами не столько наука в современном смысле этого слова, сколько специализированный, *отделившийся от физического умственный труд*. Можно именовать знания этого типа *протонаучными*, поскольку они занимали промежуточное положение между практикой и настоящей наукой будущего.

Знания древних жрецов, магов, пророков, вождей сохраняли *сугубо прикладное назначение*. Их целью было вовсе не объяснение мира как такового, а решение тех или иных утилитарных задач. Эти знания носили *фрагментарный характер*. Получение этих знаний растягивалось на века — их достигали, что называется, на ощупь, путем многих проб и ошибок. Древние знания носили *эзотерический характер* — строго охранялись от непосвященных в тайны жрецов и военных вождей. Способами познания выступали *визуальное наблюдение и мифологическая аналогия*. Донаучный способ схематизации практики остается при этом в силе. Разве что практика приобретала более специализированные формы благодаря дальним путешествиям, монументальному строительству, обслуживанию пышного двора фараона, царя, жрецов и т.п. представителей правящей элиты. Деспотические порядки на Востоке, обожествление правителя создавали духовный вакуум для развития мысли. Она догнала практику, пошла рядом с ней.

Третья точка зрения фиксирует начало рождения современной науки. *Ранняя наука* появляется в античной Греции VII–IV вв. до н.э. Можно согласиться с тем, что здесь наука начала своё формирование. Эллина создали такое общественно-политическое устройство — *полис*, которое сделало возможным развитие мысли и практики к новым вершинам.

Решающую роль в освобождении научной мысли сыграла философия — «любовь к мудрости». Первые философы исходили из правильной идеи множества возможных миров. Они снова и снова моделировали природный космос, общественное устройство, природу человека. Одни концепции вытесняли другие, боролись за внимание сограждан.

Не рецептурное описание правильного стандарта действия, а *теоретическое объяснение* некоего общего порядка.

Не диктаторский приказ, как надо поступать, а *доказательство* правильного выбора, лучшего поступка из многих возможных вариантов.

Поиск все новых знаний, их широкое публичное обсуждение сообществом интеллектуалов, а не жесткая передача в готовом виде по традиции.

Самоценность процесса познания, а не его готового результата. Культура постановки проблем, спора, логической и фактической аргументации. Мысль стала опережать практику.

Взятые для примера математические символы начинают рассматриваться не просто как прообраз предметных совокупностей, которыми оперируют в практике, а как относительно самостоятельные объекты науки — математики. У неё свои собственные задачи — выяснить все возможности «поведения» этих символов, независимо от того, отражают ли их свойства возможности сегодняшней практики. Из ранее изученных натуральных чисел строятся новые идеальные объекты. Например, применяя операцию вычитания к парам (меньшему и большему) положительных чисел, можно получить отрицательные числа. А открыв класс отрицательных чисел, математика пойдет дальше. Она распространит на них все те операции, которые открыты ей для положительных. Получится новая сторона математической действительности. А если применить операцию извлечения корня к отрицательным числам, то появится новая абстракция — «мнимое число». И на этот класс идеальных объектов в свою очередь распространятся те операции, которые применялись к натуральным числам. Так в математике применяется общенаучный гипотетико-дедуктивный метод — выдвижения гипотетических моделей реальности и их последующая проверка опытом.

Однако на стадии греко-римской античности наука ещё далеко не полностью сформировала свои устои. К визуальному наблюдению их ученые прибавили логику, но получаемые выводы никак не проверялись экспериментальным путем. Это лишало их практического применения. Античное знание оставалось спекулятивным, оторванным от практики.

Первые открытия античных математиков, астрономов, врачей, географов, историков были перемешаны с заблуждениями. Достаточно указать не геоцентризм системы мироздания у Птолемея.

Четвёртая точка зрения на время и место окончательного оформления зрелой науки современного типа — Новое время в Западной Европе (XVI–XVIII вв.). Ориентировочно от издания трактата Николая Коперника «О вращении небесных сфер» (1543) и до опубликования труда Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1767).

Научная революция Нового времени в Западной Европе. Важнейшие достижения этого этапа — изобретение опытно-экспериментального метода испытания природы и описание результатов познания на языке математики.

Пятая точка зрения обращает внимание на существенные изменения в характере научного познания, произошедшие в XX в. *Неклассическая наука* обсуждалась в одной из предыдущих лекций, посвященной изменению понятия материи в связи с квантовой теорией и другими достижениями современной физики.

Постнеклассическая наука предполагается в новейших философско-методологических исследованиях новых возможностей научного познания, свя-

занных с биотехнологиями, включая биокомпьютеры; трансгенные эксперименты; комплексную трансплантологию в медицине.

В реальной деятельности людей знания разного типа нередко объединяются. Существуют и пограничные области практики, где она больше всего зависит от теории. Яркий пример тому — медицина. **Является ли медицина самостоятельной наукой?** Или врачевание только ремесло, в котором используются данные многих наук, преимущественно естественных? Лечебное дело прошло несколько этапов «онаучивания», но вряд ли этот процесс когда-нибудь завершится.

В античности медицина относилась скорее к разряду искусств (греч. *technē*, лат. *ars* мастерство, ремесло, искусство), нежели наук (греч. *eristeme*, лат. *scientia* достоверное, научное (познание). Известный афоризм «искусство долго, жизнь коротка» («*ars longa, vita brevis*»), принадлежит знаменитому Гиппократу Косскому и относится первоначально к искусству врачевания. По свидетельству Клода Бернара, медицина не считалась наукой вплоть до начала XIX века. Однако и тот же Гиппократ, И Гален, и Везалий, и Гарвей и другие её ведущие в свои времена представители всегда без колебаний причислялись к разряду учёных.

Отличия научного познания ярче всего выясняются при его сравнении с обыденным сознанием — неспецифическим восприятием реальности. Эти два уровня человеческого сознания различаются не только по времени своего возникновения, но и по самому содержанию. Это видно в обоих основных ракурсах рассмотрения познания — как знания и как деятельности по получению знания.

Производство знаний на уровне повседневного, житейского опыта не отделено от практической деятельности человека. Знания при этом получаются попутно с физическим преобразованием объекта. Поэтому обыденное познание не требует профессиональной специальной подготовки, отличной от основной профессии человека. Столяр изучает свойства древесных пород, обрабатывая их; охотник повадки зверей, выслеживая их и т. п. Объектами познания при этом служат орудия и предметы труда. Знания фиксируются, как правило, с помощью естественного языка, часто с примесью профессионального, сословного жаргона арго. Значительная часть прикладного знания даже не вербализируется, а оседает в виде ремесленного навыка, бытовой традиции поступать так, а не иначе. Передается такое *неявное, личностное знание* путём подражания ученика мастеру. Можно сказать, что заключается это знание не в головах, а в руках, пальцах и прочей людской телесности.

Хотя такого рода стихийно-эмпирическое познание не отделено от трудовой деятельности, оно не сводится к труду целиком, но составляет его предпосылку и составную часть. Будучи только взаимосвязанными, обыденное познание и труд, однако, не тождественны. У них различные цели и результаты. Любое знание только отражает, духовно осваивает объект, а труд его материально преобразует.

Научное познание обычно не имеет дело непосредственно с самими материальными объектами, как обыденное. Современная наука в целях все более глубокого и многостороннего отражения действительности все шире прибегает к различного рода идеализациям чувственно-конкретных объектов, их свойств и отношений. Так, формулировка любого закона науки связана с целой серией допущений, предложений, которые не только соответствуют, но часто прямо противоречат непосредственному созерцанию подчиненных этому закону явлений. Упомянутый ранее Евклид при создании своей геометрии допускал, что отрезок, какой бы он ни был величины, можно разделить пополам. Классическая математика основана на предположении, что можно пересчитать весь натуральный ряд чисел. Однако опытным путем ни то, ни другое недостижимо.

Идеализация в науке состоит также в построении многочисленных абстрактных объектов. Таковы "точка", "прямая линия", "окружность" и т. п. в геометрии, "абсолютно твердое тело" и др. в физике. С помощью такого рода идеальных конструкторов исследуемое явление берется в "чистом виде", в отвлечении от каких-то реальных, но существенных в данной познавательной ситуации сторон объекта. Это позволяет выявить не менее реальные, но более существенные, закономерные свойства объектов, нежели те, которые способен постичь здравый смысл.

Абстрактность современного научного знания выражается и в его преобладающей ненаглядности. Ученые сейчас все чаще сталкиваются с принципиально ненаблюдаемыми объектами типа элементарных частиц в физике или гена в биологии.

Далее. Научное познание, в отличие от обыденного, представляет собой относительно самостоятельную форму общественной деятельности, отличную от непосредственного материального производства. Духовное производство научного знания составляет привилегию особой профессии ученого исследователя. Занятия наукой составляют основной смысл их жизни, требуют многолетней специальной подготовки.

Средства научного познания (приборы, звуковые системы, источники знания и т.д.), даже экспериментальные, отличаются по своему функциональному назначению от орудий труда. Хотя по технической оснащенности современные лаборатории нередко превосходят иные заводы. В частности, многозначность естественного языка в редких случаях удовлетворяет ученых. "Беседу" с объектами исследования и друг с другом ученые ведут на различных искусственных языках со строго фиксируемым значением и смыслом употребляемых знаков. Таковы математические, химические и проч. знаки и формулы, коды ЭВМ, латинская терминология медицины и юриспруденции, специальные термины других наук.

В отличие от обыденного, научное познание способно (и очень часто) существенно опережать практику, нередко на целые столетия. Хотя всякая наука служит прямо или косвенно практическим целям, её нельзя свести только к «злобе дня», утилитарной сиюминутной отдаче. Скажем, большинство физиче-

ских явлений оптические, электрические, радиоактивные и др. изучались научно задолго до их практического использования в технике, на производстве. Обыденное познание плетется в хвосте практики, а наука прокладывает для практики новые пути. Сознвая постоянно растущую практическую значимость науки как производительной силы, не следует близоруко путать фундаментальные и прикладные научные исследования срок, отделяющий открытие от его практического применения, для разных областей науки меняется в широких пределах. Науке приходится иметь дело с такими сферами бытия, которые практике нередко еще только предстоит освоить.

Правда, часто наука только объясняет и усовершенствует уже открытые и используемые стихийно-эмпирическим путем, на практике, закономерности. Люди разводили породистых животных задолго до Дарвина и Менделя; ориентировались по ночному небу и составляли календари гораздо раньше открытий Коперника и Кеплера.

Однако результаты обыденного и научного познания трудно сравнимы. Обыденное знание в большей или меньшей степени всегда проникнуто заблуждением, например, национально-расовыми предрассудками, религиозно-магическими догмами и т.д. Повседневный опыт зиждется на голом авторитете общественного мнения, мнимой очевидности. Научное же знание в своём идеале рационально, доказывается логически, подтверждается не ограниченным опытом индивида, общины, поколения, но более широким экспериментальным путем. На практике научного исследования, разумеется, оно в свою очередь испытывает на себе «бремя страстей человеческих», как выразился писатель. Ученый — живой человек и ему то и дело приходится преодолевать в себе зависть, злобу, страх, т.п. малопочтенные свойства характера, причём именно по внутринаучным вопросам. Таким, как оценка работы коллег, отношения с начальством и подчиненными, учителями и учениками, представителями финансовой и политической власти. Далеко не всегда ученые побеждают свои душевные слабости, гораздо чаще они им поддаются.

Здравый смысл фрагментарен и противоречив. На всякую максиму житейской мудрости найдется противоположная сентенция. Наука систематизирована и избегает формально-логических противоречий. Повседневный опыт чаще всего «управливает лишь обманчивую видимость вещей», по словам К. Маркса. Наука стремится постичь их скрытую сущность.

Научное знание постоянно развивается, интенсивно или интенсивно. В науке нет последнего слова, говорил академик Л.Д. Ландау, а есть всегда предпоследнее. Обыденное знание обновляется гораздо в меньшей степени по сравнению с научным. Наука непрестанно продвигается вперед, перечеркивая самое себя. Происхождение же большинства пословиц и поговорок, живущих в языке нашего народа до сих пор, теряется в глубине веков.

Наука фактически интернациональна. Истина, говорил математик и философ Блез Паскаль, не измеряется меридианом: «То, что истинно по ту сторону Пиренеев, не должно быть ложно по эту сторону». Национальной науки нет,

заметил А. П. Чехов, как нет национальной таблицы умножения. Вместе с тем, можно говорить о национальных школах в той или иной отрасли научных исследований и даже о национальных стилях решения одних и тех же физических, химических, биологических и т.д. проблем. Обыденное сознание в гораздо большей степени связано с национальным складом культуры и характера, с особенностями психологии отдельных социальных слоёв.

Обыденное познание, в общем, ограничивается жизненным опытом отдельного человека, его ближайшего социального окружения. Даже массовые структуры житейского опыта ходячие мнения, господствующие нравы, прописные истины хотя и разделяются целыми социальными группами, народами, но обычно трактуются весьма индивидуально, им следуют от случая к случаю.

Научное познание носит общественный, а не индивидуальный характер. Оно всегда коллективно. Трудно найти великое открытие или изобретение, сделанное одним человеком. Так, закон сохранения и превращения энергии был установлен при участии физиков Джоуля (Англия) и Ленца (Россия), инженера Кольдинга (Дания), провизора Майера и военного врача по образованию Гельмгольца (Германия), а также других ученых из разных стран.

Не случайно знаменитые Нобелевские премии по физике, химии, медицине все чаще присуждают не одному, а двум-трем ученым сразу. Так, в 1945 г. Нобелевскими лауреатами стали первооткрыватель пенициллина А. Флеминг и его коллеги Г. Флори и Э. Чейн, которые разработали технологию промышленного получения этого антибиотика.

Конечно, для научного труда далеко не всегда (хотя и все чаще) обязательно прямое объединение усилий ученых в единый исследовательский коллектив. Однако любой ученый волей-неволей входит в определенное, исторически сложившееся научное сообщество и, как правило, руководствуется принятыми в данном обществе стилем мышления, признанными эталонами решения научных проблем, обменом информацией, критикой работы своих коллег.

Итак, среди отличительных черт научного познания первыми идут:

- объективность,
- концептуальность,
- методичность,
- универсализм,
- обоснованность,
- проверяемость,
- динамизм,
- системность информации, принимаемой учеными за истину.

Перечисленные различия обыденного и научного познания все же не являются абсолютными. Эти различия не исключают моментов тождества и взаимосвязи науки и здравого смысла. Этот последний не является чем-то переходящим, отмирающим. Современная наука наступает на обыденное познание, но никогда не вытеснит его полностью. Обыденное познание выступает необходимым условием познания научного.

Наука, идеология, политика. Автономия науки в демократических условиях; ее профанация в условиях тоталитаризма и авторитаризма.

Дисциплинарное строение науки как целого постоянно усложняется.

Классификация наук. Науки о материи и науки о духе; науки о природе и науки о культуре; науки об идеях и науки о практике. Естественные, общественные (социальные и гуманитарные) и технические дисциплины.

Фундаментальная и прикладная наука. Наука и технология. Вопрос о прогностической функции науки. Изучение прошлого, настоящего и будущего (должного?).

Условность рубрик науковедческой классификации. Западная номенклатура отраслей знания («science»-«науки»; «humanities»-«гуманистики»; «ars»-«искусства»; «techné»-«техники»; «lettres»-«словесности», дословно «буквы»).

Отечественная матрица ветвей знания (по отделениям РАН и отраслевым академиям, факультетам высшей школы).

Примерная группировка направлений научного познания.

Интеллектуалистика (математика, логика, философия, богословие) как изучение чистых идей и упражнение метафизического разума. Частичное отождествление субъекта и объекта.

Естествознание (природоведение) как опыт умственного и приборного испытания природы как априорной данности (физика, химия, биология). “Аллергия” на ценности и артефакты, отчуждение субъекта и объекта.

Социальное познание как объективизированная реконструкция явлений общественной жизни (экономика, история, археология, социология, др.). Сближение субъекта и объекта, нарастание диалогизма.

Гуманитарное исследование и моделирование внутреннего мира человека (психология, лингвистика) и его системы ценностей (этика, правоведение, политология).

Культурология как вариант синтеза социального и гуманитарного знания.

Наука и паранаука. Общее понятие паранауки. Группировка паранаучных претензий. Причины появления и роста популярности паранаучных увлечений. Польза и вред от паранауки. Меры самозащиты академической общественности от паранауки.

Паранаучные версии медицины и здравоохранения. Оценка медицинского оккультизма. Знахарь и врач: общее и особенное. Народная и официальная медицина, их историческое соотношение.

Классификация форм и методов научного исследования.

Методы и формы научного познания многообразны. Их многообразие обусловливается качественным разнообразием целей и задач научного творчества с другой. Чтобы обогатить общее представление о методах, сделать картину их более конкретной, следует систематизировать многообразие методов, провести их классификацию.

В зависимости от характера изучаемого объекта могут быть образованы самые различные группы методов: методы естественных наук, методы обществен-

ных наук, методы наук о неживой природе, методы изучения экономики общества, методы изучения духовной жизни общества и т. д.

Объектами научного познания могут быть как предметы актуально пребывающие в поле восприятия исследователя, так и предметы, которых в настоящее время нет; предметы, которые были включены в прошлый опыт людей или находятся в стадии проектирования. Например, исследование внеземной цивилизации, изучение объектов ретроспективного и прогностического познания. В зависимости от характера этих объектов все методы могут быть разделены на группу методов непосредственного познания (наблюдение, измерение и т. п.) и группу методов посредственного познания (экстраполяция, актуалистический метод, исторические метод, метод предвидения и др.).

По сфере действия, широте применимости все методы можно разделить на две категории. Первую составят сугубо специальные приемы и методы, тесно связанные с характером изучаемого предмета и применяющиеся в узкой области, например, физические методы органической химии (калориметрия, кристаллохимический анализ, рефрактометрия). Вторую категорию методов составят приемы и способы исследования, применяемые во всех науках (наблюдение, эксперимент, гипотеза и т. п.).

Область применения общих методов по сравнению с частнонаучными много шире, но всеобщими их назвать нельзя. Они используются не на всех стадиях исследовательской работы, при решении не всех задач науки, применительно не ко всем объектам научного познания. Но статистике нечего делать там, где нет массовых явлений, где в предметах нет индивидуальных различий.

Общие методы по сравнению с частнонаучными менее связаны с отдельным конкретным родом исследовательской работы, сохраняют известную самостоятельность по отношению к рассматриваемому объекту. Они обусловлены не столько характером объекта, сколько особенностями познания, поэтому их принято в науке называть еще философскими или логическими методами.

Все научные методы имеют определенное познавательное значение, но выполняют в познавательном процессе различные функции. В зависимости от роли, от места в арсенале методологической вооруженности познания, можно выделить группы методов эмпирического и теоретического исследования.

Задачей эмпирического уровня познания является количественное накопление знаний (фактов, информации), первичная систематизация знаний (в форме таблиц, схем, графиков), частичное обобщение наблюдаемых фактов (в форме эмпирических законов). Соответственно этой задаче подбираются и методы: наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, описание, популярная индукция, классификация.

Задачей теоретического уровня является уже не простое движение познания, расширение его эмпирической основы, а развитие науки, ее прогресс, получение качественно новых знаний. На этом уровне достигается высший синтез знания в форме научной теории. К группе методов теоретического исследования мы относим все способы познавательной деятельности, которые обеспечивают

построение и разработку научной теории: абстракцию, идеализацию, формализацию, мысленный эксперимент, гипотезу, дедукцию, использование научных идей и принципов.

Различие между эмпирическими методами и теоретическими относительно, так как эмпирическое познание невозможно без теоретического осмысления (без гипотез и теорий) и, наоборот, теоретическое построение немыслимо без опоры на эмпирические данные. Выделяя группы методов эмпирического и теоретического исследования, следует подчеркнуть, что методы этих групп используются лишь преимущественно на определенном уровне познания. Сказать "в сущности" не значит сказать "целиком".

Всякий метод представляет собой определенную организацию познавательного действия, благодаря которой и достигается положительный результат исследования. В структурном плане одни методы отличаются от других тем, что они просты и однородны, а другие, наоборот, сложны и неоднородны. Первые отличаются еще тем, что они оригинальны (в смысле первоначальны), вторые, как правило, производные от первых. Так, логический анализ как прием познания прост, однороден, состоит как бы из одного и того же материала, а, например, структура моделирования представлена разнокачественными элементами. Моделирование включает в свой состав много самых разнообразных исследовательских приемов. Например, метод научного кино исследования использует рентгеноскопию в сочетании с электронно-оптическим преобразователем и телевидением. Специфическим в этом методе является комплекс физических приборов и технических изобретений. Но последние, взятые порознь, применяются и в других областях познания: рентгеноструктурный анализ в химии и минералогии, рентгенография в медицине, электрическая оптика различного рода микроскопических исследованиях.

Давая общую характеристику той или иной науки, обычно определяют ее предмет и метод. Но ведь оригинальных методов (таких, как эксперимент, информация) меньше, чем наук. Тогда как же получается, что каждая наука имеет свой метод? Дело в том, что любая наука не пользуется каким-то одним особым методом. Не существует, например, особого географического метода, как не существует методов химического медицинского, астрономического и т. д. Ни один из оригинальных методов не составляет специфической принадлежности только одной какой-нибудь отрасли знания. Например, при исследовании экономических отношений, по словам К. Маркса, не могут быть использованы ни микроскоп, ни химические реактивы, а то и другое должна заменить сила абстракции. Было бы неверным понимать это в смысле, что методом политэкономии является "сила абстракции". Смысл этого замечания сводится к тому, что в экономической науке применяются преимущественно теоретические методы, чем эмпирические. А «сила абстракции» применяется далеко за пределами политэкономии.

Другой пример. Метод меченых атомов (изотопных индикаторов) появился в химии. Но совершенно ясно, что его нельзя приравнивать к методу химии

как науки в целом. К тому же используется сейчас не только в химии, но и в биологии, медицине, в сельскохозяйственных исследованиях. Любая наука использует в познании целую систему приемов и способов исследования. Эту совокупность мыслительных форм и называют (в расширительном смысле) ее методом.

Приложение

Ганс Селье. От мечты к открытию Как стать учёным

Дорогой Джон!

Поскольку, как ты утверждаешь, ты хотел бы продолжить мою линию исследований, я препровождаю тебе это собрание свободных заметок, в которых я на протяжении последних тридцати пяти лет фиксировал свои впечатления о науке и ученых. ... Разумеется, я не намерен навязывать тебе свои взгляды — ты должен жить собственной жизнью. Единственное, что я прошу, — перелистать эти заметки в моменты досуга и посмотреть, нельзя ли извлечь некоторую пользу из моего опыта, принимая хорошее и отвергая плохое. ...

Когда я был молод, я воображал тебя отцом или учителем, позже — братом или женой, а теперь — сыном или учеником. Я имел счастье испытать тепло всех этих видов связей между людьми, но дары, которые они мне приносили, были неравноценными. И тем не менее я очень ценю их все, вот мне уже за пятьдесят, а я всё ещё ищу кого-нибудь вроде тебя. ...

Вопросы, которые я часто задавал, будучи новичком, и которые столь многие с тех пор задавали мне, почти всегда одни и те же. С моей непреодолимой потребностью всё классифицировать я разбил их на следующие шесть групп:

1. *Почему?* Почему вы избрали научную карьеру? Чем вы при этом руководствовались? Какое удовлетворение получаете вы от неё?

2. *Кто?* Кто должен заниматься наукой? Какие способности наиболее необходимы для этого?

3. *Что?* Что такое хорошая тема? Как оценить значимость и осуществимость темы, когда вы только начинаете ею заниматься и ещё не знаете конечного результата?

4. *Когда?* Когда лучше всего делать одно и не делать другого? Каков «порядок приоритетов» в науке?

5. *Где?* Где следует работать? Из чего формируется благоприятный климат для занятий наукой?

6. *Как?* Как следует проводить исследование после выбора темы?

Конечно, наиболее всеобъемлющей является последняя из перечисленных групп. Она включает и методы лабораторной работы, и правила разработки экспериментов и теорий, и использование логики, статистики и интуиции для критической оценки результатов. Она включает даже и ваше личное поведение в лаборатории и вне её, ваше отношение к критике, извечную борьбу между потребностью в самостоятельной работе и преимуществами коллективной. Она включает различные проблемы по организации работы, ее финансированию и подбору сотрудников и ещё многое, многое другое.

... То, что хорошо для меня, может не подойти вам; в этой области деятельности не существует общего кодекса поведения и единственно верного пути. Ученые, на мой взгляд,

самые большие в мире индивидуалисты. Все мы абсолютно разные люди и должны быть такими; все попытки подогнать нас под один шаблон заранее обречены на провал.

... В наше время большинство одаренной молодёжи, к которой обращены мои заметки, увлечены физикой, химией, космическими исследованиями и другими сферами знаний, где захватывающий дух прогресс бросает вызов возможностям интеллекта. Но я хочу спросить: что может быть благороднее и важнее, чем борьба с болезнями, старостью и смертью? ... Пока ты молод и полон сил, ты мало задумываешься о болезнях и смерти, но, проведя длительное время в больнице, ты будешь думать иначе. Когда ты увидишь больных с признаками смерти в глазах, всё прочее покажется тебе маловажным. ... Ничто так не разрушает человека, как сознание исключенности из жизни, отсутствие будущего, которое когда-то руководило каждым нашим шагом. ... Наши коллеги — физики, химики, математики, — так же, как и мы, а может быть, даже и больше, чувствуют красоту науки как таковой. Но нет ничего более достойного забот человека, чем борьба за его жизнь, за преодоление мучительности и униженности болезней и смерти. Как бы я ни старался быть объективным, отдавая должное другим профессиям, я не вижу ничего, Джон, чему бы ты мог посвятить свою жизнь и что было бы более значительным и достойным, нежели медицина. Величие покорения Вселенной, опасность разрушительной войны, последствия перенаселения нашей планеты — всё теряет смысл у постели больного, который обречён, и ты ничем не смог ему помочь. И всё потому, что ты не сумел побольше узнать о его болезни.

Hans Selye. From dream to discovery. On being scientist.

24. МЕТОД: ЭМПИРИЯ

Теоретический минимум

1. Задачи и возможности эмпирического исследования.
2. Научное наблюдение.
3. Эксперимент и его разновидности.
4. Модели и моделирование в познании.
5. Научные факты и способы их установления, обобщения (измерение, описание, сравнение и т.д.).
6. Особенности эмпирического исследования в медицине и фармации.

Литература

Лекция 24.

Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1987.

Текстологический практикум

Конспект

Форм и методов научного познания довольно много. Во-первых, потому, что объектов научного исследования масса, и она всё увеличивается по мере прорыва мысли к новым пластам реальности. Во-вторых, потому, что даже один и тот же объект учёные должны изучать с самых разных сторон. А методы дают им пути и средства для решения этих задач.

Каждый элемент методологии науки играет свою незаменимую «партию» в «оркестре», называемом «естествознание» или же «социально-гуманитарные исследования». Наиболее принципиально деление методологии на два «этажа» — **эмпирический и теоретический уровни научного исследования**. Они предполагают друг друга, тесно взаимодействуют, однако отличаются своими познавательными целями, средствами и возможностями. Задачей эмпирического познания является *количественное накопление знаний* — в форме фактов и похожей на них информации описательного, констатирующего характера. Цель фактического знания — надёжно установить наличие того или другого явления в действительности и дать его возможно более полное описание. А на уровне теоретического исследования *знания обновляются качественно*, поскольку в

этих формах они объясняют причины и законы явлений действительности, общие принципы её устройства и тенденции развития. Соответственно разности задач и возможностей эмпирии и теории подбираются разные формы и методы научного познания. Вместе с тем, различие между эмпирическим и теоретическим уровнями науки относительно. Они невозможны по отдельности. Существующие теории направляют внимание ученых-эмпириков на те или иные факты, дают способы их интерпретации. А новые факты позволяют уточнять, вырабатывать новые теории.

Научное наблюдение основывается на общечеловеческих возможностях живого созерцания мира с помощью органов чувств, но ограничиться обычной сенсорикой никак не может. Иначе мысль ученого будет точно так же, как взгляд обывателя, скользить по поверхности явлений, не проникая в их сущность и не улавливая причин, закономерностей. Цель наблюдения — проникнуть в те слои реальности, которые скрыты от повседневного сознания. Оно ведь никогда не рассмотрит столь удалённые объекты, как поверхность планеты Марса или же состав клетки органического вещества. А учёные с помощью метода наблюдения открывают человечеству такого рода картины.

Основные условия наблюдения как общенаучного метода:

- *наличие* исследовательской *цели*, связь с уже поставленной проблемой, выдвинутой гипотезой (что создает нужную наблюдателю психологическую установку, фокусирует его внимание на ожидаемых состояниях объекта);

- *выработка* соответствующего этой цели *плана*, а ещё лучше — развёрнутой *программы* осуществления наблюдения (такой алгоритм упорядочит и сократит работу наблюдателя до приемлемых размеров);

- специальная *организация* места и процесса наблюдения, в том числе с помощью приборов и прочих *технических средств*, которые усиливают естественные возможности органов чувств человека (микроскопы, бинокли, телескопы, сканеры, зонды, томографы и т.п.) — с их помощью возможно визуализировать очень мелкие, либо крупные, или же отдалённые объекты, а вместе с тем зафиксировать открывающуюся картину для наглядного доказательства и тщательного рассмотрения;

- *меры по объективизации* наблюдения, обеспечение невмешательства наблюдателя в его объект; сюда же относится *контрольное повторение* наблюдения, если таковое возможно; примером служит так называемое «включённое наблюдение» в социологии, когда исследователя внедряют в изучаемый коллектив тайком, выдавая его за обычного сотрудника; в области биологии наблюдатель принимает меры к тому, чтобы средства наблюдения не возмущали естественного поведения живых организмов; например, канадский натуралист и писатель Фарли Моуэт провёл целое лето один в тундре, наблюдая с помощью стереотрубы стаю волков в естественных условиях их обитания; постепенно серые соседи привыкли к человеку и не обращали на него внимания; его книга «Не кричи, волки!» впервые правдиво объяснила экологическую нишу волка; в физике и химии опасность наблюдения артефактов минимизируют при помощи математики и компьютерного моделирования.

- возможно более полная *регистрация результатов* наблюдения с помощью письменной речи (журнал, дневник) и специальной аппаратуры (магнитофон, фото- и киноаппараты, видеокамеры и т.п.);
- последующая *обработка данных*, полученных наблюдением; первичная (в виде графиков, таблиц, диаграмм и прочих схем) и вторичная (с помощью систематизации, описания и сравнения с другими данными — аналогичными, либо контрастными);
- *архивирование*, а в идеале *публикация* (в том числе через компьютерные сети) основных результатов наблюдения ради введения их в широкий научный оборот.

Таким образом, в науке *наблюдением называют преднамеренный, организованный и систематический процесс восприятия явлений действительности в их естественном виде с помощью органов чувств и специальных приборов*. В силу чего наблюдение служит наиболее распространенным, первичным способом сбора эмпирической информации в большинстве областей науки. С помощью наблюдения получают наиболее оригинальные и массовые, пригодные для последующей обработки данные о многих природных и общественных явлениях. Кроме того, элементы наблюдения включены в большинство остальных, более сложных методов научного исследования.

Оригинальным вариантом данного метода выступает *самонаблюдение*. К нему особенно часто прибегают в психологии, медицине и фармакологии, в силу присущего им риска невольно повредить здоровью наблюдаемого. Иван Петрович Павлов даже во время предсмертной агонии диктовал ассистентам свои ощущения... А французский врач Ален Бомбар переплыл Атлантику на резиновой лодке без запасов пищи и воды, чтобы выработать рекомендации для потерпевших кораблекрушение. Питался он пойманной рыбой, а пил выдавленный из неё сок и морскую воду (дозированно). Его книга «За бортом по своей воле» стала лучшим учебником выживания одиночек на море. Правда, здоровье самого исследователя оказалось непоправимо подорвано столь смелым опытом над своим организмом.

Кроме достоинств, у наблюдения имеются столь же естественные недостатки, а точнее ограничения:

- целый ряд объектов, интересующих ученых, не поддаются чувственному восприятию частично или полностью (прошлое и будущее, микро- и мегамиры); их изучают иными методами, где роль визуализации мала;
- очень часто наблюдение даже в принципе наблюдаемых объектов затруднено условиями среды или качествами самого объекта (животные, а тем более люди чаще всего вольно или невольно избегают наблюдения, меняются под его воздействием);
- наличие большого числа иллюзий, стереотипов и прочих помех адекватному наблюдению (скажем, масса свидетелей НЛО принимала за «пришельцев» всё, что угодно: оптические эффекты в атмосфере, вроде северного сияния; спутники, ракеты и самолеты; галлюцинации и т.д., и т.п.).

Как бы ни усложнялся процесс наблюдения в современной науке, в его основе всегда будут лежать личные способности человека, которые в данном

случае именуются наблюдательностью. Это своего рода талант, в разной степени присущий разным людям. Такая способность широко востребована и за пределами науки (в военной разведке, полиции, медицине, педагогике, спорте и тому подобных областях практики). Ничто так не поощряет наблюдательность, как любовь к соответствующему занятию, удовольствие от него.

Отсутствие способности «интеллектуального видения» превращает ученого в самозванца. О таком типе, злом гении отечественной биологии — «народном академике» Т.Д. Лысенко, погубившем первых русских генетиков, писателем В. Дудинцевым написан роман «Белые одежды». Его главный герой, талантливый ученый-селекционер Федор Дёжкин спрашивает у вышедшего на покой «академика»: «Почему вы с вашими способностями свободно мыслить не займётесь настоящей наукой?» Тот отвечает: «Белое пятно у меня, Федя, в глазу. То есть, конечно, не в глазу, а ты понимаешь, где. Я не вижу того, что называется истиной. И терпения у меня нет. Ждать, пока увижу что-нибудь. Всю жизнь ждать! В науке ж без терпения нельзя».

Следующий и, пожалуй, основной метод эмпирического познания — **эксперимент** (от латинского *experimentum* — опыт, проба, испытание). В широком, вненаучном смысле слова мы называем экспериментом любое рискованное мероприятие, где шансы на успех проблематичны. Элемент неожиданности присущ и научному эксперименту, но суть его вовсе не в этом. В качестве научного метода эксперимент требует выполнения следующих обязательных условий:

- *изолировать* изучаемый объект от влияния несущественных для данного исследования, побочных и затемняющих его суть факторов, то есть взять объект экспериментирования «в чистом виде» (химического или биологического препарата, подопытного животного, тому подобном);
- *поддерживать* нужное время, неоднократно *воспроизводить* данный объект в этих — зафиксированных и контролируемых условиях;
- *планомерно изменять* условия эксперимента в нескольких его сериях с целью получения сравнительного материала.

Таким образом, перед нами способ изучения объекта науки *в искусственных условиях*, созданных самим учёным и подконтрольным ему. Поэтому эксперимент и является *формой практики*, обладает наибольшей доказательной силой. Если опыт поставлен «чисто», то в истинности полученной в его результате информации можно не сомневаться — он обнаруживает настоящие, сущностные стороны объекта исследования. Именно с изобретением экспериментального метода естествознание стало наукой. Произошло это, напомним, в XVII веке, когда Уильям Гильберт провел первые в истории физики опыты с магнитом. Затем свои известные эксперименты поставил Галилео Галилей, а Френсис Бэкон разработал методику обобщения экспериментальных данных с помощью разных видов индукции — умозаключения от частных фактов к общему правилу.

Структура эксперимента включает в себя несколько типичных и взаимосвязанных моментов:

- предварительные теоретические соображения относительно объекта изучения или условий его обнаружения;
- конструирование этого объекта — из материала самой реальности и необходимых технических средств;

- выбор экспериментальных приборов;
- воздействие этими приборами на объект;
- варьирование условий и повторение эксперимента серийно;
- фиксация данных экспериментирования в протоколах и с помощью приборной техники;
- объяснение и сравнение результатов экспериментов с аналогичными данными других опытов.

Назначение эксперимента в научном познании по меньшей мере двояко: во-первых, получить новые факты; во-вторых, проверить некую гипотезу. В соответствии с этими задачами *эксперименты в естествознании* делятся (условно) на *качественные*, которые устанавливают сам факт существования того или иного явления, эффекта, свойства; и *количественные*, с помощью которых измеряются те или иные параметры, степени выражения, динамика таких, в принципе уже известных науке свойств.

Кроме этих двух общих *типов*, можно выделить следующие *виды экспериментов*:

- *натурный* — проводимый в естественных, только отчасти контролируемых условиях природной среды (*полевой эксперимент* — вроде курского заповедника «Стрелецкая степь», сохраняющего анклав уникального лесостепного ландшафта от антропогенного воздействия) или же специально воссозданного ее фрагмента (*эксперимент лабораторный*, вроде фармакологических опытов на животных);

- *модельный* (см. ниже о моделировании как особом методе) и, как его вариант —

- *мысленный*;

- в последнее время на первый план в большинстве отраслей науки выходит *компьютерный эксперимент*, виртуальная реальность позволяет воссоздавать не материю, а только структуру, форму, динамику того или иного процесса, явления; доказательная сила такого эксперимента ниже, чем у натурального, однако он куда быстрее, нагляднее и дешевле;

- *социальный эксперимент* в полном смысле слова невозможен. Ведь общество не столь гомогенно, как природа, и переносить данные, полученные на одном из его участков, на весь социальный организм чаще всего проблематично; к тому же, экспериментировать с людьми затруднительно по моральным соображениям, даже если они соглашались на это. За бесчеловечные эксперименты над узниками концлагерей преследовались нацисты. Однако в качестве вспомогательного приема социологии и других общественных наук, при условии соблюдения прав человека и пациента, эксперимент применяется и при изучении общественной жизни, особенно с помощью тех же компьютеров.

Моделирование как метод научного познания состоит в замене реального объекта изучения на его подобие. *Понятие модели* в науке отличается от моделей в технике и прочей практике. Там моделью называется лучший образец,

образцовая разновидность какого-то продукта (модели автомобилей и прочей техники), товара (модельная обувь и т.п.), человека (топ-модели в мире высокой моды). По-латыни *modelus* — мера, образец, норма. А в науке модель — это сознательная и обдуманная замена настоящего объекта (оригинала, прототипа) на его аналогию, более или менее точную. Научная модель копирует не весь объект, а только его часть — форму (как школьный глобус), структуру (модель атома), функцию (аппараты типа искусственной почки; подопытные животные).

Причины моделирования разнообразны. Тут и *гносеологические* — облегчение условий познания, в естественных условиях усложнённого массой побочных для исследователя обстоятельств, а то и просто недостижимого напрямую (как, скажем, Солнечная система или же элементарные частицы); и *экономические* — сбережение времени, средств и материалов (большинство моделей гораздо меньше по размеру своих оригиналов); и *моральные* — преодоление риска (возможная гибель макета не страшна людям); и *педагогические* — упрощение доказательства, преподавания научного знания ученикам (наглядные пособия в школе).

Итак, *сущность моделирования* в науке состоит в необходимом для познании упрощении его условий, когда мы вместо одного, настоящего объекта изучаем другой, который дает нам те или другие преимущества, но достаточно полно представляет собой нужные стороны первого. Иначе говоря, модель повторяет одни стороны или моменты своего оригинала и обязательно отличается от него в других аспектах.

Виды моделей различаются по своему материалу:

- *вещественные* (натуральные), заменяющие размеры, материал, иные физические параметры объектов исследования;
- *математические* (знаковые), которые воспроизводят не материю, а лишь количественные параметры явлений и процессов действительности по законам геометрии, логики, статистики;
- *компьютерные*, которые способны виртуально воспроизводить и первые, и вторые с помощью специальной техники.

Аналогия (греческое *analogos* — соответствующий, соразмерный) — теоретическая основа всякого моделирования и одновременно самостоятельный приём познания. Это умозаключение, при котором на основании сходства некоторых предметов в одних признаках делается вывод о сходстве этих же предметов и в других признаках. Допустим, аналогия света и звука в физике; аналогия антибиотиков и сульфаниламидов в фармакопее; аналогия фашизма и коммунизма в политологии; разные другие сравнения, помогающие получить новое знание. Назначение аналогии — находить неизвестные признаки, свойства некоего предмета, опираясь на ранее приобретённые знания о другом, но сходном, похожем предмете. С помощью аналогии знания переносятся с одного объекта на другой.

Логическая форма аналогии: $A \Rightarrow a, b, c, d$

$$B \Rightarrow a, b, c$$

$$B \Rightarrow d ?$$

Как видно отсюда, выводы по аналогии всегда вероятны, а не достоверны. Степень вероятности аналогии зависит от того, *сколько* признаков и *какие* именно мы перебрали, проводя ее. Поэтому бывает аналогия поверхностная, поспешная (например, сравнение России столетней давности и нынешней в фильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»), а бывает глубокая, убедительная (скажем, у разных физических явлений — света и звука действительно много общих свойств: прямолинейность распространения, отражение, преломление, интерференция и другие). Для того чтобы аналогия нас не подвела, надо сравнивать побольше признаков; следить, чтобы они были разные; стараться отбирать для сравнения существенные, а не случайные свойства в чем-то аналогичных явлений.

Факт — основной результат применения всех методов эмпирического исследования. В житейском, вненаучном смысле слово «факт» (от латинского *factum* — сделанное, совершившееся, действительное) означает нечто реальное — в противоположность предполагаемому или вымышленному. Факт в широком смысле этого слова — синоним истины, события, результата, как они представляются органам чувств и здравому смыслу человека.

В собственном, научном смысле слова фактом можно назвать не все подряд очевидные и реальные на наш взгляд события, а только те, которые установлены с помощью строгих методов эмпирического познания, о которых говорится в этой лекции. В науке факт это, во-первых, объективно установленные и поддающиеся независимой проверке, контрольному воспроизведению явления природы, общества, психики (*факт-1*). А во-вторых, зафиксированные в письменной речи, с помощью иных символов описания так строго установленных и проверенных явлений (*факт-2*). В целом же о фактах науки можно сказать, что они отражают те стороны, моменты бытия, которые уже включены в сферу человеческого познания и практики, поняты и освоены субъектом деятельности.

Разумеется, «копилка» научных фактов безразмерная. Она постоянно пополняется всё новыми и новыми данными эмпирических изысканий. Прежние факты в результате новых открытий переосмысливаются, но всё же не отвергаются; нет, они остаются необходимым фундаментом науки. В этой долговечности действительных фактов их особенность по сравнению с формами теоретического знания, о которых речь пойдет в следующей лекции. Идеи, гипотезы могут отвергаться, теории сменять друг друга, а факты, как правило, остаются в «золотом фонде» науки и практики. Если теория расходится с достоверно установленными фактами, её приходится пересматривать.

Но ограничиться фактами наука не может (это называется *эмпиризм*), потому что факты сами по себе не объясняют законов природы или общества.

Фактический материал — своего рода «сырьё», полуфабрикат научного знания в полном его объёме. Однако ещё хуже эмпиризма *схоластика*, которая занимается тем, что подгоняет факты под заранее заготовленные теоретиком схемы, отбрасывает «невыгодные», «лишние» факты. Подобное — потребительское отношение к эксперименту, другому источнику фактов недопустимо.

Как сравнительно редкое исключение в составе эмпирического знания встречаются время от времени «бракованные» факты — результат неумышленной ошибки экспериментатора, наблюдателя. В естествознании они именуются *артефактами* (латинские слова *arte* — искусственно + *factus* — сделанный), то есть образования, эффекты, возникшие при исследовании объекта вследствие воздействия на него самого исследователя, созданных им условий исследования. Так получается, когда не удастся соблюсти «чистоту» эксперимента, если в наблюдение вкрадываются непреодолимые помехи. Естествоиспытатели всячески стремятся избавиться от артефактов.

В гуманитарных же науках слово «артефакт» уже не несёт в себе отрицательного смысла — тут им обозначают все без исключения продукты культуры, любые вещи, изготовленные людьми, несущие на себе печать человеческой практики. Скажем, артефакты минувших столетий раскапывают и объясняют археологи (орудия труда, украшения, керамику и всё прочее, что осталось в культурном слое от былой жизни).

Ещё реже, но приходится сталкиваться со злонамеренной фальсификацией фактов со стороны отдельных авторов научных публикаций (например, многочисленные подделки исторических источников — вроде так называемых «Влесовых книг» или «Протоколов сионских мудрецов»). Уже не ошибка, а пустое тщеславие, либо корысть, а не то психиатрия толкают некоторых лиц на такого рода обман своих коллег и общественности. Система внутринаучной экспертизы (рецензии, защиты диссертаций, конференции) призвана фильтровать научные знания от подобных примесей фиктивных лжефактов.

Сами по себе факты, даже всесторонне проверенные по отдельности, не имеют для науки большого значения. Чтобы факты могли быть правильно осмыслены, поняты, их требуется подвергнуть определённой обработке. Она предполагает различные способы **систематизации**. Во-первых, это *классификация*, когда разные факты, отдельные случаи распределяют по разным классам (общим *типам* или более дробным *видам*) исходя из каких-то общих критериев, признаков. Классифицируя факты, ученый постигает их скрытую связь, сущность определенного класса явлений. Образцом научной классификации служит периодическая таблица химических элементов Д.И. Менделеева. В ее основу положено два признака (точнее, их изменяемость) — атомный вес и химическая индивидуальность различных веществ. Именно группировка всех известных на тот момент (63) химических элементов в систему позволила Д.И. Менделееву открыть закон, по которому свойства элементов, а также формы и свойства их соединений находятся в периодической зависимости (образуют периодическую функцию) от величины атомных весов этих элементов.

Систематизация, где за основу взяты временные параметры каких-то процессов, различного рода этапы их осуществления именуется *периодизацией*.

Периодизироваться могут только те стороны реальности, которые изменяются, а не остаются неизменными, вечными (по сравнению с историей человечества). Это прежде всего живая природа и история общества.

Наиболее сложной, но эффективной формой систематизации фактов служит их **статистическая обработка**. Именно приёмы статистики, её формулы и методики (таблицы, графики, частотные распределения, дисперсии и корреляции, остальные) позволяют раскрыть устройство и закономерности огромных множеств изучаемых фактов природы или общества, начать их теоретическое осмысление.

Медицина, а в особенности **фармация** как науки и практики разработки лекарственных препаратов, их применения ради исцеления от болезней, поддержания здоровья относится к числу эмпирических областей деятельности исследователей и технологов. Здесь теоретические знания законов и принципов естественных наук (физики, химии, биологии, их различных сочетаний; математики) многократно конкретизируются ради того, чтобы выработать способы нужного воздействия на организм и различные его патологии. Тут знания нужны ради практического эффекта поддержания или восстановления соматической или психологической нормы. Но прикладной характер медицины, наличия у неё массы нерешённых проблем и недостаточно ясных путей воздействия того или иного препарата на организм, не надо путать со знахарским лечением, при котором механизмы воздействия на организм вообще неизвестны шаману, знахарю, «экстрасенсу» и прочим самозваным целителям. Применительно к целому ряду хронических, вообще тяжёлых заболеваний знахарские способы врачевания бесполезны, а то и вредны. Будущее в борьбе с недугами — за наукоёмкой медициной и фармацией, в их союзе с искусством опытных и талантливых врачей и провизоров.

Приложение

Доктор технических наук **А.В. Фесенко**
(начальник Института криминалистики ФСБ России),
кандидат химических наук **Ю.Н. Тилькунов**
(начальник отдела того же Института);

А.Б. Беляков (руководитель Российского центра Туринской плащаницы);
кандидат химических наук **Т.П. Москвина**
(начальник управления Министерства юстиции России)

ТАЙНА СВЯТОГО ЛИКА

В 1848 г. итальянский фотограф Секондо Пиа впервые сфотографировал Туринскую плащаницу и, проявив негатив, увидел на фотопластинке позитивное изображение тела Иисуса Христа. С тех пор разгадке тайны одной из самых почитаемых реликвий христианской церкви посвящён ряд научных трудов. Какова же природа этого феномена? Можно ли объяснить появление нерукотворного образа с точки зрения физики, химии и биологии? ...

Пытаясь разгадать тайну Туринской плащаницы, специалисты изучали её фотографии, а также ткань в области изображения и вне его. Среди множества исследований наибо-

лее удачен проект STURP, осуществленный в начале 1980-х гг. группой ученых из разных стран (в основном США и Италии) под руководством американского физика Дж. Джексона. В ходе его реализации проведено комплексное изучение святыни с использованием широкого спектра неразрушающих методов. Полученные результаты изложены в подробных отчетах и монографии английского ученого Я. Вилсона «Свидетельствует плащаница» (1985). Кроме того, Дж. Джексон с коллегами провел ряд экспериментов для определения оптических характеристик загадочного изображения. В 1988 г. независимые лаборатории (в Аризоне, Оксфорде и Цюрихе) радиоуглеродным методом установил возраст ткани. Результат был неожиданным — она изготовлена не в I веке, как считалось ранее, а в XIV. ...

Опираясь только на проверенные и научно аргументированные факты, накопленные к настоящему времени, о христианской реликвии как материальном объекте в принципе можно сказать следующее.

Хранящаяся в соборе Джованни Батиста в Турине Плащаница — это длинное (4,3 x 1,1 м) полотнище со слабо проступающим на нем желтовато-коричневым отпечатком двух проекций обнаженного мужского тела (спереди и со спины), покрытого пятнами темного цвета, напоминающими подтёки и капли крови. Ткань плотностью 20 – 40 мг / кв. см. — льняная с редкими волокнами хлопка, сплетена вручную без применения каких-либо механизмов. Желтовато-коричневое изображение тела практически не проникает вглубь материи. Никаких посторонних веществ, которые могли бы его образовать, не найдено. К настоящему времени ни одна из выдвинутых гипотез выполнения такой работы не согласуется с данными экспериментальных проверок. Пятна, похожие на подтёки и капли крови, действительно являются таковыми. В отличие от изображения, они проникают вглубь ткани. На фотографии отчётливо прорисовываются лицо, волосы, кисти рук, ноги. Изображение тела негативное, пятна крови — позитивные. Негативный отпечаток человеческого тела, отсутствие на ткани посторонних веществ, возможность восстановления трёхмерной структуры человеческого тела по оптическим плотностям отдельных участков изображения делают маловероятным факт изготовления его художником. Детальный анализ отпечатка на Плащанице показывает: человека подвергли бичеванию плетями римского образца, увенчали колючими ветвями, пробили гвоздями запястья и лодыжки, нанесли рану в грудь. Всё это совпадает с евангельским описанием страданий Иисуса из Назарета. Палиноморфологический анализ выявил микроследы пребывания святыни во Франции, Италии, Испании, странах Ближнего Востока.

Вышеуказанные сведения имеют, несомненно, огромную ценность для установления истины при решении вопроса о происхождении одной из самых таинственных христианских и исторических реликвий. Вместе с тем они не проливают свет на загадку Туринской Плащаницы. Остается пока неясным природа запечатленного на ткани нерукотворного образа человека, завернутого в него перед погребением. Как уже отмечалось, все проверенные гипотезы образования отпечатка на ткани, связанные с воздействием на неё излучений различных длин волн, диффузии химических веществ, не подтвердились и не позволили экспериментально получить его воспроизведение, близкое по своим морфологическим особенностям и зрительному восприятию к изображению на Туринской Плащанице.

В своей работе мы не ставили целью проверить какую-либо гипотезу, как наши предшественники, а попытались теоретически обосновать и опытным путём изучить процессы, происходящие с волокнами льняной ткани при соприкосновении их с плотью человека, испытавшего тяжёлые физические нагрузки или подвергавшегося телесным истязаниям и похороненного в соответствии с иудейскими обычаями. Экспериментальные данные о химическом составе выделений организма при различных эмоциональных и физических нагрузках обобщены в монографии американского ученого Я. Куно «Человеческая перспирация». В состав потожировых выделений человека, кроме хлоридов, липидов и мочевины, входит значительное (до 25 %) количество кислот: высшие и низшие жирные (линолевая,

пальмитиновая, масляная, муравьиная, валериановая, каприловая и т.д.); аскорбиновая, молочная и эфиросерные кислоты, а также ароматические оксикислоты. При этом pH выделения человека может колебаться от 3 до 6. Следует отметить: наиболее кислые потожировые выделения у людей наблюдались после тяжёлой физической и эмоциональной нагрузки, а также через несколько дней после мытья, ибо к процессу их закисления подключается микрофлора кожи, разрушающая липиды с образованием летучих кислот, в первую очередь изовалериановой, масляной и других.

А теперь давайте вспомним, как в древней Палестине хоронили распятого римлянами человека. Согласно еврейским традициям, тело убитого неевреем иудея предавали земле в тот же день; его не обмывали и не облачали в саван, а клали вместе с остатками одежды на кусок льняной ткани, второй же половиной покрывали. При дефиците времени (если это была, например, пятница) покойника могли просто присыпать землёй (учитывая почвенный покров Палестины, — песком с небольшим содержанием глины и гумуса). Таким образом, не исключено, что снятое с креста кровоточащее тело, покрытое потожировыми выделениями с $\text{pH} = 3$, по крайней мере сутки пролежало завернутым в кусок льняной ткани, присыпанным землёй. Затем его перезахоронили. ... Окровавленная материя наверняка хранилась ранними христианами как реликвия. Учитывая жестокие гонения, которые римляне обрушили на них в ту эпоху (включая массовые казни, в том числе и распятия), таких погребальных полотнищ, сохраняющих наглядное свидетельство о мученической смерти подвижников новой религии, могло быть достаточно много. Но благодаря стечению обстоятельств до наших дней дошло лишь одно — Туринская Плащаница.

Обратимся теперь к появлению нерукотворного образа. Основными компонентами любой ткани из растительных волокон являются целлюлоза и лигнин. Химические свойства последнего таковы, что под воздействием кислот и нагревания он превращается в сложное по составу и структуре вещество (смесь полимеров различной природы) со значительным количеством карбонильных и карбоксильных групп. Под влиянием температуры практические бесцветный лигнин становится желто-коричневым, а при сильном нагревании — тёмно-коричневым (кстати, воздействие кислотного и термального факторов могут быть значительно разделены во времени, однако суть описанных процессов от этого не меняется). В правильности сказанного может убедиться любой желающий. Достаточно нанести на светлую льняную или хлопковую ткань раствор даже слабой кислоты (лимонной, аскорбиновой, яблочной и других), не говоря уже о более сильных — минеральных, а затем через любой промежуток времени утюгом или в жарочном шкафу сильно нагреть материю до лёгкого пожелтения. В результате на месте попадания кислот появятся желто-коричневые пятна. То же самое наблюдается на бумагах низкого качества, содержащих большое количество лигнина. ... В подтверждение сказанного мы провели многочисленные эксперименты по определению возможности получения изображений различных рельефных поверхностей и частей тела человека контактным методом. При этом на макет наносили исследуемое вещество или смесь веществ, затем его покрывали льняной или хлопковой тканью, сверху насыпали песок до такого уровня, чтобы на 2–3 см скрыть самую высшую точку рельефа. Все это выдерживали при 20–30 °C в течение определённого времени (от 1 до 24 часов). Далее материю изымали и после выдержки при комнатной температуре от 1 часа до 1 месяца помещали в термошкаф, где подвергали тепловому воздействию в течение нескольких часов при температуре 120–180 °C, пока ткань заметно не желтела. В качестве исследуемых веществ мы применяли натуральные потожировые выделения человека, а также модельные смеси кислот, содержащихся в них. ... В результате мы получили негативные изображения жёлто-коричневого цвета различных объёмных элементов. ...

Механизм образования рисунка на ткани, скорее всего, не просто контактный, а контактно-диффузионный. Иными словами, для образования чёткого отпечатка, по-видимому, более предпочтителен переход «красящего» вещества с оригинала на подложку не за счёт

адгезии (прилипания), а благодаря испарению, диффузии и последующей сорбции (закреплению) его паров. ... Спектры поглощения и флюоресценции отпечатка практически не отличаются от полученных с Туринской Пещаницы.

Основной результат настоящей работы — установление механизма образования нерукотворного образа и объяснение его естественными причинами, подчиняющимися известным законам природы.

Что же касается идентификации образа Христа и изображения на Пещанице, то в настоящее время ... подобная идентификация практически невозможна. ... Поскольку не существует ни одного идентификационного признака Иисуса Христа, то установить или опровергнуть это принципиально невозможно. Но для человечества (и, в частности, для науки) важно не то, чьё тело обвивала Пещаница — Христа или другого погибшего аналогичным образом человека. Главное — она доносит до нас из глубины веков свидетельства не только страдания и смерти, но и вечной победы духа над смертью и забвением.

Наука в России. М., 2003. № 1–2.

25. МЕТОД: ТЕОРИЯ

Теоретический минимум

1. Проблема, гипотеза, теория, закон как формы научного знания.
2. Методы обоснования научной теории: анализ и синтез, абстрагирование, идеализация.
3. Индукция и дедукция.
4. Системно-структурный подход и принцип историзма.
5. Формализация и математизация.
6. Компьютеры, информационные системы и возможности искусственного интеллекта.

Литература

Лекция 25.

Барт Р. Философские технологии. Структурализм / Пер. с франц. М., 2008.

Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М., 2011 (Philosophy).

Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2003.

Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1995.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М., 1991.

Шалютин И.С. «Искусственный интеллект». Гносеологический аспект. М., 1985.

Текстологический практикум

Т.С. Кун. Структура научных революций

1. Разные модели развития науки в философии XX века.
2. Т.С. Кун — историк и теоретик науки. Основные положения его концепции научных парадигм, «нормальной науки» и революций в развитии научного познания.
3. Критическое обсуждение концепции Т.С. Куна в западной методологии науки. Альтернативные версии П. Фейерабенда, И. Лакатоса и других представителей «постпозитивизма».

Литература

Конспект

Полученные с помощью эмпирических методов исследования факты представляют собой своеобразное сырьё, полуфабрикат научной информации. Для того чтобы понять значение фактов, сделать из них нужные выводы, эмпирические данные подлежат теоретическому осмыслению. При этом происходит отделение общего от единичного, существенного от второстепенного, закономерного от случайного. Тем самым мышление учёного восходит от представлений к понятиям и суждениям о своем предмете. Теоретическое познание позволяет выяснить причины явлений природы и общества, предсказать их будущие состояния. Тем самым научная теория прямо или косвенно ориентирует практику человеческих действий.

Формы теоретизации научного знания располагаются по основным ступеням мысленного проникновения в сущность тех или иных событий, явлений, процессов.

Проблема (греческое «преграда», «трудность», «задача») — исходная форма теоретического познания. Она представляет собой словесное, вообще знаковое выражение некоего затруднения в процессе познания, описание «белого пятна» в используемой научным сообществом информации. Чаще всего проблему определяют как «знание о незнании». Следует подчеркнуть, что проблеме в научном смысле этого термина составляет не индивидуальный и даже не коллективный пробел в знаниях, а всеобщая для учёных и тем самым для человечества преграда в изучении, понимании достаточно фундаментального, массовидного феномена. Решение настоящей проблемы поначалу никому не известно.

К данной категории близки понятия вопроса, задачи. *Вопрос*, как правило, элементарнее проблемы, которая обычно состоит из серии взаимосвязанных вопросов. А *задача* представляет собой проблему, уже подготовленную к решению; когда знание и незнание по каким-то вопросам соотнесены между собой и заданы правила преодоления незнания. В задаче, корректно поставленной, сформулирована *проблемная ситуация*, в которой оказалось то или иное направление исследований.

Умение видеть, а тем более правильно формулировать новые проблемы — важная для учёного способность. По тому, какие проблемы избирает отдельный исследователь, руководитель научного коллектива, видна мера их таланта. Большинство учёных старается избегать слишком широких, глобальных проблем, которые непосильны большинству рядовых работников науки. За столь масштабные задачи чаще всего берутся признанные лидеры научных школ, гениальные ветераны естествознания или обществоведения. Или самонадеянные дилетанты, безуспешно штурмующие вечные «проблемы» типа создания вечно-го двигателя или панацеи, физической природы шаровой молнии или «тунгусского метеорита», массу похожих псевдопроблем. С другой стороны, учёному небезопасно всю жизнь решать только мелкие, проходные задачи, что остаются уделом посредственностей, аутсайдеров среди сообщества учёных.

Гипотеза (греческое «основание», «предположение») представляет собой ещё не доказанное теоретическое знание. Оно касается возможности существования тех или иных явлений, их причин, либо природы, тенденций развития. Надо подчеркнуть, что отнюдь не любая догадка, не всякое предположение представляет собой гипотезу в научном смысле слова. К ней предъявляется целый ряд методологических требований:

- соответствовать уже имеющимся теориям (или оговаривать разногласия с той или иной из них);
- объяснять по возможности все относящиеся к ней факты;
- предсказывать новые факты, будущие события, возможные эффекты;
- допускать прямую или косвенную проверку, желательно экспериментальную.

Основным способом превращения научной гипотезы в теорию служит *гипотетико-дедуктивный метод*. Он предполагает выдвижение следствий, вытекающих из сформулированной гипотезы (предсказание новых, до тех пор неизвестных фактов), а затем их экспериментальную проверку (получение таких фактов на практике). Например, когда Д.И. Менделеев на основании измерения атомных весов, валентности 65 известных на тот момент химических элементов предложил их периодическую зависимость, эта гипотеза была вскоре подтверждена благодаря открытию новых, предсказанных менделеевской таблицей элементов, а затем искусственным созданием несуществующих в природе веществ, материалов.

Конечно, далеко не все гипотезы успешно преодолевают научную и практическую проверку. Многие из них отбраковываются как несостоятельные, недостаточные. Происходит конкуренция гипотез по тому или иному вопросу. Так называемые *рабочие гипотезы* заранее обрекаются учёными на замену более состоятельными версиями, но — в будущем. Пока нет достаточного количества данных, рабочая гипотеза помогает их накоплению, стимулирует процесс исследования. Самые удачные гипотезы после всесторонней проверки становятся теориями. По самым сложным проблемам науки, тем вопросам, которые касаются далекого прошлого или будущего, гипотезы надолго, если не навсегда обречены оставаться гипотезами (как, например, о появлении жизни на Земле или происхождении нашей Вселенной).

Теория (греческое «рассмотрение», «исследование») — высшая форма выражения научного знания. Она отличается тем, что вбирает в себя и согласует между собой все остальные знания по какому-то кругу явлений — и факты, и законы, и принципы. Любая научная дисциплина складывается из суммы нескольких, многих теорий. Их число растёт по мере развития науки. Новые теории, как правило, дополняют прежние; нередко новая теория ограничивает действие старой, превращает её выводы в частный случай более широких выводов. В редких случаях старая теория отбрасывается полностью, переходит в архив науки.

Следует иметь в виду многозначность слова «теория». В силу важности теоретического знания для познания и практики у него имеются несколько дополнительных, расширительных значений в языке. Во-первых, *теорией* нередко называется любое знание (идеи, информация вообще) в отличие от *практики* (реальных событий, поступков). Во-вторых, теорией считается *доказанное*, обоснованное знание в противоположность гипотезе как некоему *предположению*, допущению. Повторю, что теория — это вполне доказанная гипотеза. В-третьих, теория как знание *описательное*, констатирующее некую реальность противопоставляется *методу* как знанию *предписывающему*, заставляющего субъекта совершать правильные действия. Наконец, в-четвертых, теория представляет собой *высшую* форму систематизации научного знания, вбирающую в себя и располагающую все остальные, вышеперечисленные его формы — факты, принципы, законы и прочие. Именно это последнее значение термина «теория» мы обсуждаем сейчас.

Структура научной теории включает в себя:

- эмпирический базис (совокупность фактов, опытно-экспериментальных данных, которые эта теория объясняет);
- концептуальное ядро (отдельные элементы объяснения этих фактов — принципы, аксиомы, постулаты, идеи, с помощью которых формулируется *идеализированный объект теории*);
- логика развития (правила выводы следствий из положений теории, порядок умозаключений в связи с ней);
- выводы (общие законы, которые открыла и доказала данная теория).

Функции научной теории схожи с теми, что реализовывала предшествовавшая ей гипотеза, только в превосходной степени. А именно:

- возможно более полно охватывать определенную область действительности;
- давать её явлениям исчерпывающее для сегодняшней науки объяснение;
- допускать независимую проверку своих выводов в эксперименте или вообще на практике;
- предсказывать появление новых событий в данной области.

Опорным элементом любой научной теории являются входящие в нее законы. **Понятие закона** здесь берётся отнюдь не в юридическом смысле, а в смысле определённой характеристики объективной действительности и, соответственно, наших знаний о ней. *Законом природы* (или общества, человеческого бытия) называется определённый *тип взаимосвязи между явлениями* и процессами внешнего мира. А именно, закономерной можно считать связь:

- *общую* (ей подчиняется определённое множество явлений);
- *устойчивую* (закон при определённых условиях действует обязательно и стандартно);

• *объективную* (закон действует независимо от людей, их воли и мыслей). Зафиксированные в числовой и иной знаковой форме связи такого рода становятся *законами науки*.

По характеру своего действия изучаемые наукой *законы* делятся на *динамические и статистические*. Первые обнаруживают себя как связи однозначные, которым подчиняются все объекты и явления в соответствующей области (допустим, законы движения и тяготения, открытые И. Ньютоном). Второй тип законов прокладывает себе путь вопреки массе отклонений, как некая тенденция, которой подчиняются далеко не все, а какая-то часть явлений определенного рода (такие закономерности обнаружили в микромире; подобным образом действуют законы общественного развития, экономики и тому подобных).

К числу наиболее распространенных методов доказательства законов, вообще обоснования теорий относятся **анализ и синтез**. Анализ по-гречески означает «разложение», «расчленение» (некоего целого на части). А синтез — «сочетание», «соединение» (частей в одно целое). В данном случае имеются в виду умственные операции, благодаря которым исследователь концентрирует свое внимание на отдельных составляющих, сторонах, моментах интересующего его явления природы или общества. А затем мысленно воссоздает картину целого с учётом полученных аналитическим путем знаний его частей. Благодаря чередованию, сочетанию этих методов познания (которые постоянно питают информацией друг друга) любое сложное явление воспроизводится не поверхностно, не отвлеченно, а как совокупность важнейших своих сторон, свойств и отношений. Скажем, психолог, работающий с пациентом, изучает сначала отдельные сферы его психики — эмоциональную, волевую, уровень интеллекта, этапы биографии, чтобы затем оценить степень психического здоровья, либо невротизма личности.

Индукция и дедукция — два важнейших типа умозаключений, которые совершает исследователь. По-латыни индукция означает *наведение* (в данном случае, применительно к логике человеческого мышления — наведение мысли частными соображениями к обобщающему выводу). Обычно индукцию определяют как умозаключение от частного (отдельных примеров, единичных случаев, разрозненных фактов) к общему (заключению, принципу). Действительно, индуктивным путем осуществляется перенос знаний, концентрация информации об отдельных предметах или признаках, моментах вплоть до общей картины всего их класса, более или менее масштабного положения. Скажем, пронаблюдав поведение человека в нескольких жизненных ситуациях, в разных условиях, можно вернее судить, что он собой представляет как личность. Бывает, что индуктивное умозаключение (по аналогии) и не обобщает, а переводит нашу мысль от одной идеи к другой, равной ей по объему знания. Главное в любой индукции — её вероятностный характер, большая или меньшая проблематичность выводов, сделанных с её помощью.

Напротив, дедукция представляет собой *выведение* — частного следствия из общего правила, отдельного вывода из универсальной предпосылки. Это путь мысли от общего к частному. Так, зная, что все металлы электропроводны, мы допускаем применение в качестве проводника тока меди или вольфрама.

У каждого из этих способов познания есть своя сильная и слабая стороны. Достоинство логической индукции прежде всего в том, что она, как правило, дает нам новое знание, пополняет информационный фонд науки. Большие или малые открытия делаются исключительно индуктивным путем. Однако постоянная трудность при пользовании индукцией — это, повторю, неполная достоверность, большая или меньшая вероятность её выводов. Ведь очень редко бывает так, что все без исключения случаи, стороны изучаемого явления оказались учтены субъектом познания. Гораздо чаще количество таких признаков очень, если не бесконечно велико. И учёный вынужден делать общий вывод на основании рассмотрения какой-то части изучаемого феномена, т.е. пользоваться неполной индукцией. Поэтому точнее определить индукцию как *вероятностное умозаключение*. Индуктивный вывод всегда проблематичен. Вопрос в том — насколько, как свести возможность ошибки при нем к минимуму.

По степени вероятности индуктивного вывода он может быть двух типов. *Популярная (произвольная) индукция* делается через простое перечисление нескольких случайно отобранных признаков при отсутствии противоречащих им случаев. Тут всегда велик риск ошибиться, рано или поздно столкнуться с таким противоречащим случаем. Например, плохо успевающий по физике ученик убежден, что все металлы твёрдые (пока не разобьёт ртутный термометр). *Научная (строгая) индукция* требует:

- *увеличение* числа обобщаемых случаев, признаков (вплоть до статистически выразительного числа);
- *разнообразие* этих случаев, сторон рассматриваемого явления;
- отбор не первых попавшихся, а *существенных* признаков, важных сторон объекта;
- установление *причинно-следственной связи* между сопоставляемыми признаками.

Образцом научной индукции может служить постановка диагноза опытным врачом.

Что касается познавательной роли дедукции, то она сводится к развёртыванию, конкретизации знания; распространению уже установленных путем научной индукции общих выводов на новые проявления, отдельные области действительности. При условии, что исходные посылки дедуктивного вывода верны, а в ходе такого умозаключения соблюдены законы логики (о них шла речь в одной из предыдущих лекций), то вывод, полученный дедуктивным путем, гарантируется достоверным. Однако степень его новизны относительна. С помощью дедукции мы скорее уясняем истинное значение уже имеющихся в распоряжении науки данных, конкретизируем сферу их применимости.

Абстрагирование и конкретизация — ещё два общенаучных пути научной мысли. С их помощью осуществляются и уже отмеченные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция), и многие другие исследовательские приемы. *Абстракция* по-латыни значит «отвлечение» (одного от другого, части от целого). Благодаря абстракции происходит мысленное *выделение существенного* в изучаемом объекте. Мысль исследователя концентрируется на чём-то одном, ведь охватить разом все стороны любого явления просто невозможно. Благодаря абстракции отдельные свойства, стороны, моменты природы или общества превращаются в уме в самостоятельные (идеальные) образования, *абстрактные конструкторы*. Их примерами могут служить все научные категории (вроде *валентности, энергии, этноса, темперамента, цены товара, любви* и разных прочих, столь же широких по объёму). По отдельности отражённые абстракциями качества не встречаются на самом деле, но их независимое мышление позволяет понять самое главное в гораздо более сложных явлениях и процессах реальной действительности; миновать случайные, второстепенные, лишние для данной науки стороны тех же самых явлений. Абстрактное мышление обобщает массу отдельных случаев вплоть до главного принципа, общего закона, которым все эти случаи так или иначе подчиняются. Тем самым раскрывается скрытая от внешнего впечатления сущность вещей.

Напротив, *конкретизация* по-латыни означает «сгущение», «уплотнение». В рассматриваемом плане имеется в виду концентрация знаний, информации об изучаемом нами объекте. С помощью этого приёма познания мы возвращаем нашу мысль к реальности, на самом деле существующим предметам, их естественной целостности. В свете раскрытых путем абстракции общих выводов конкретно мыслящий исследователь характеризует отдельные области познания, определенные события. К примеру, с позиций теории рудных месторождений геолог оценивает запасы полезных ископаемых на данной территории.

Идеализация в науке добавляет к абстрактным соображениям об отдельных сторонах реальности допущения того, чего в действительности на самом деле нет. Но без подобных допущений, мысленных прибавлений к реальной картине природы или общества никак не возможно понять их сущность, законы и правила. Скажем, в самой природе нет никакого идеального газа, абсолютно твердого тела или простого равноускоренного движения. Есть различные газовые смеси, в разной степени проницаемые тела и движение вопреки силе трения, атмосферного давления и т.п. явления. Но благодаря идеальным объектам, выстроенным мыслью ученых, становится возможным не только понять, но и технически смоделировать те или иные процессы, объекты в природе или обществе.

Формализация в процессе научного исследования представляет собой построение и использование в процессе познания *искусственных языков*. Таким путем уточняется содержание знания — благодаря строгой форме его символического выражения, записи или иного кодирования. В составе человеческого знания велика доля смысловых противоречий, интуитивных допущений, не

проверенных еще на опыте. В обыденном познании и общении для выражения знаний хватает национального языка, естественных для него слов и предложений. Однако выразить с их помощью результаты научного исследования невозможно. Для этой цели создается особый — искусственный язык. Он отличается от естественного тем, что: а) каждый термин формализованного языка имеет строго определенное значение; б) сочетание терминов происходит по заранее определенным правилам логики этого языка и никак иначе. Поэтому применение формализованного языка дает ученым однозначные, бесспорные результаты.

Кроме точности, языки науки (химическая символика, математические формулы, программы компьютеров и т.п. лингвистические системы) обладают следующими преимуществами: интернациональный характер (принимаются обычно международными конвенциями ученых той или иной специальности); компактность записи, возможность машинной обработки и хранения в виртуальной форме; недоступность лицам, не прошедшим специальной подготовки (например, латынь аптечных рецептов и тому подобные знаковые системы).

У формализации знания имеются пределы, разные в разных областях науки. Легче и полнее формализуются знания естественнонаучные и технические, нежели социальные и гуманитарные. Имеются в принципе неформализуемые явления нашей жизни (подумайте над их примерами). Чаще всего в составе научного знания информация до известной степени формализованная (выраженная в символах, цифрах, формулах) сочетается с данными на естественном языке (в этой последней роли международного посредника все чаще фигурирует упрощенный английский).

Системно-структурный подход в познании предполагает изучение только организации, устройства некоего объекта или процесса, без обращения к составляющей его материи, не воспроизводя его бытия полностью. Таким путем мысль ученого различает самые важные характеристики реальности, которые выражены в следующих понятиях:

система — такое объединение нескольких предметов, явлений, благодаря которому они получают новое, дополнительное качество, не сводимое ни к каждому из них по отдельности, ни к их механической сумме;

элемент — такая часть системы, без которой она не может существовать как таковая, объединение ее частей лишается системного качества;

структура — порядок (закон) связи элементов в системе, их пространственный и временной порядок расположения и существования;

функция — направление воздействия системы на другие системы, их соотношения друг с другом.

Структурализм как особое направление философии и науки получил за вторую половину XX века широкое применение в целом ряде дисциплин, особенно лингвистике, литературоведении, этнографии. Представители этого направления оставляют без внимания элементы изучаемых наукой и преобразуемых практикой систем. Эти элементы бесконечно разные и свести их к общему

знаменателю бывает проблематично. Структуралисты же обращают внимание на устойчивые структуры, благодаря которым организуются в системы и живут, функционируют самые разные явления природы, жизни и культуры — химические соединения, биоценозы, произведения искусства, конструкции языка, научные идеи, политические идеологии. При таком подходе *синхрония* (изучение сходства одновременно существующих феноменов) преобладает над *диахронией* (изучением последовательной смены явлений внутри некоего процесса).

Одним из основателей структурализма и в философской теории, и в конкретно-научной практике выступил французский антрополог *Клод Леви-Строс* (1908 г. р.). В его исследованиях мифов и ритуалов разных первобытных народов выявлена общая структура мифологического мышления (хотя эти народы никогда и никак не контактировали между собой). Одним из принципов этой структуры выступает *бинарная оппозиция* — когда две стороны одного целого одновременно и предполагают, дополняют, и отрицают, вытесняют друг друга (что похоже на *диалектическое противоречие* в духе Гегеля и Маркса).

Француз *Ролан Барт* (1915–1980) и итальянец *Умберто Эко* распространили структурализм на литературоведение и семиотику. Они предложили понимать любые явления культуры как разновидности текстов, письма, т.е. определённые системы знаков. При этом структурами можно считать не любые последовательности знаков, а лишь такие, с помощью которых определяется качественный облик явления. Так, красный цвет сам по себе не выражает запрета. Эту функцию он приобретает лишь в связи с зелёным и желтым цветами светофора. Точное описание элементов и структур природы, общества, культуры открывает новые горизонты их познания.

* * *

Итак, теоретический уровень познания — своеобразная вершина «эвереста» науки. Достигнув такой вершины, мысль учёного лучше видит новые цели своего движения.

Олег Куваев
Территория
Роман

«Новый год проскочил незаметно. Обошлось без шума, пальбы и выпивки. Над управлением висело «время отчётов». В начале января Баклаков выбросил в мусорную корзину заготовленные наброски глав. Стопкой сложил полевые книжки. Требовалось начать всё сначала. Складывая книжки, он быстро просматривал их. Раздавленный между страницами комар, срыв карандашной строчки, следы дождя на покоробленной странице, случайно попавшая травинка — запахи, мечтания, озноб, усталость, долг, мысль, лето.

Он положил перед собой карту Монголового. Гурин прав: плоская, без мечты и фантазий карта. Фиолетовое поле триаса. Предположительно палеозойский массив на востоке. На

юге зелёная в галочках полоса эффузивов Кетунгского нагорья. Красные в крестиках овалы гранитов. Красные линии разломов, трещин земной коры.

Он смотрел на карту, зажав уши. На плоском цветном листе бумаги существовал четырёхмерный мир во взаимосвязи перемещений земных пластов, дробящих его трещин, взрывы глубинных магм, буйное сумасшествие вулканических извержений. Когда? Как? Вопросы «почему?» на было. Этот вопрос относился лишь к золоту. О золоте после. Он должен представить себе историю. Разломы? Почему-то мысль его всё время возвращалась к разломам. По ним проходят перевалы в хребтах, к ним приурочены речные долины, сбросовые обрывы хребтов. По ним проникает магма, они формируют рельеф. Зачем ему разломы? О них тоже после. Он взял чистый бланк карты и стал, ещё не зная цели, переносить на неё красными линиями разломы, те, что наблюдал он сам, и те, что нанёс на карту Монголов. Те, что отметил Дамер. Пунктиром на намечал разломы, которые просились предположительно по связи перевалов, речных долин — логике местности... Из управления он ушёл последним, в первом часу ночи. Весь следующий день он ходил по берегу бухты. Пытался обрести силу в моральной уверенности.

Вечером, по дороге в управление, он зашёл за табаком в магазин. Он наладил отличную смесь: три пачки «Трубки мира» на одну большую «Капитанского». Вахтёрша пропустила его безропотно, хотя он не был ни в каких списках. Дело шло к весне. Вахтёрши за зиму привыкали в их ритму работы.

В кабинете он зажёл настольную лампу, взял стопу заготовленных ранее отчётов и положил перед собой обзорную карту Территории. Вдруг подумал, что нет смысла тонуть ему сейчас в море фактов. Все эти отчёты он читал по пять раз и знает приложенные к ним карты. Не лучше ли просто подумать? Разломы! Он вытащил из тумбочки плитку, поставил на неё жароупорную колбу, взятую в управленческой лаборатории. Сейчас будет чай. А впереди — ночь. Сила пророков в их моральной уверенности. Нельзя сейчас прятаться за мелочи. Он должен дать основу. Детали будут потом.

Стены кабинета тонули в полумраке. Он нагнул отражатель настольной лампы так, чтобы свет падал лишь на середину стола. В темноте высились стеллажи с образцами. Каждый камушек перешупан своими руками, доставлен на своём горбу. Почему молчат камушки?

Баклаков взял лист бумаги, ручку и вдруг, вместо задуманного списка вопросов, начал писать письмо. ... Когда он кончил письмо, то совершенно ясно понял, зачем ему требовались разломы. Если они формируют речные долины, то в зоне пересечения древних разломов коренное ложе долины будет иным — углублённым, или смещённым в сторону, или более широким. Именно в зоне пересечения разломов может прятаться россыпь в уготованной для неё ловушке. Россыпь не по всей долине, а там, где долину пересекает другой разлом. Как они не поняли этого с Монголовым летом? Почему не проверили на шурфах?

Он быстро перенёс на бланковую карту разломов, сделанную им накануне, все гранитные массивы. Золото есть — вездесущие «знаки». Это факт. Оно принесено гранитами. Это тоже факт. Но ни в одном из гранитных массивов никто не вил рудного золота — это третий факт. Следовательно, были «специальные» золотоносные граниты, полностью разрушенные к текущему времени? Или золото содержалось в верхних частях существующих гранитных массивов? Верхние части срезаны эрозией. Или есть особый тип гранитов, ещё нам пока неизвестный? Он без перехода принялся писать докладную записку... Карта-гипотеза, отчёт-гипотеза уже существовали для Баклакова. Он видел эту карту и знал текст отчёта. Он писал легко. ... Баклаков посмотрел на часы. Было три часа ночи. ... Двумя пальцами он перестукал свою докладную, на ходу шлифуя формулировки. ... Он вышел на улицу. Вдохнул колючий воздух. Голова гудела от названий рек, перевалов, массивов, горных вершин.

В эту ночь он обрёл главное — интуицию и уверенность. Он знал, что он прав. ...

— Сегодня была хорошая ночь. Если верить Копкову, я уменьшил количество зла на земле, — сказал Баклаков».

XXVI. ПАРАНАУКА

Теоретический минимум

1. Общее определение и различные оценки паранауки.
2. Генеалогия паранауки.
3. Разновидности «аномальных феноменов».
4. Причины популярности и когнитивные основы паранауки.
5. Паранаучная «тень» над медициной и фармацевцией.

Литература

В защиту разума. Против агрессии шарлатанства и паранормальных верований в российскую культуру начала XXI века / Материалы международного симпозиума «Наука, паранаука и паранормальные верования». М., 2003.

Кругляков Э.П. «Учёные» с большой дороги. М., 2001.

Леглер В.А. Наука, квазинаука, лженаука // Вопросы философии. 1993. № 2.

Лиственная Е. Маги и целители XXI века. Главные идеи, афоризмы, малоизвестные факты. М., 2008.

Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Пер. с англ. М., 2001.

Мартишина Н.И. Когнитивные основания паранауки. Омск, 1996.

Грант Дж. Отвергнутая наука. Самые невероятные теории, гипотезы, предположения / Пер. с англ. М., 2012.

Подкорытов Г.А., Щавелёв С.П. Какова же роль скептицизма в познании? // Философские науки. 1979. № 5.

Проблемы борьбы с лженаукой // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 10.

Сердюков Ю.М. Альтернатива паранауке. М., 2005.

Стёпин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. 2000. № 1.

Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М., 2007.

Эниология как паранаука / Сост. В. Надеждина. Минск, 2012.

Текстологический практикум

Литературные сказки братьев Стругацких 1960-х гг. о романтике научного поиска и разных препонах на путях такового

1. Классики советской фантастики братья А.Н. и Б.Н. Стругацкие — учёные и писатели.
2. НИИ, КБ, КПСС, КГБ — советские реалии научно-технического прогресса. Мотивы занятия наукой у персонажей сказочных повестей.
3. Типы ученых и лжеучёных в штатах НИИЧАВО.
4. Наука и практика: «сообщающиеся сосуды» или «железный занавес»?

5. Роль юмора в жизни и работе учёных.

Литература

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. Повесть-сказка для научных работников младшего возраста; Сказка о тройке (1-й экз.); Сказка о тройке (2-й экз.). Фантастические повести. М., 1997 («Миры братьев Стругацких»).

Темы рефератов и докладов

Скептицизм и его мировоззренческое значение.

Мистика в традициях духовной культуры человечества.

Алхимия как феномен средневековой культуры.

Астрология — «блудная дочь мудрой астрономии» — в прошлом и настоящем.

Гомеопатия как направление современной медицины.

Валеология и её научно-практические претензии.

Теософия: божественная мудрость или психоз шарлатанов?

Е.П. Блаватская (1831–1891) и ее «Теософское общество»: проект «универсальной религии» и его итоги.

Парапсихология: претензии и независимая экспертиза.

Хилеры — предел абсурдизации экзотической «медицины».

«Доктор» Мулдашев и его «экспедиции» в новомодную сказку.

Академик РАН математик А.Т. Фоменко и его «новая хронология» истории человечества: возражения историков.

Определение паранауки (от греч. *para* — около, за пределами, вопреки) предложено мной лет пятнадцать назад ³⁹. Имелись в виду многочисленные «эффекты» во внешнем мире и в психике, отвергаемые современной наукой как принципиально невозможные в теории, отсутствующие в эмпирии, а нередко и крайне вредные на практике. Прошедшие годы укрепили меня в мысли о том, что перед нами своего рода *модернизированная мифология*, то есть *иллюзорные формы человеческого сознания*, которые, тем не менее, обслуживают некие реальные вчерашние, сегодняшние и завтрашние потребности личности и социума.

Разумеется, кроме собственно паранаучных, общественное сознание нашего времени демонстрирует множество других типов и видов иррациональности — от вполне канонической религиозности до всяческого мракобесия, от чарующего душу высокого искусства до «зомбирующей» её же фольклорной по

³⁹ См.: Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994. С. 198–213 («Практический разум против заблуждений»).

С тех пор увидели свет новые специальные исследования данного феномена, выполненные с научно-философских позиций: Мартишина Н.И. Когнитивные основания паранауки. Автореф. дисс. ... докт. филос. н. Екатеринбург, 1997; Её же. Когнитивные основания паранауки. Омск, изд-во ОмГУ, 1996; Её же. Наука и паранаука в духовной жизни современного человека. Омск, 1997; Дубровский Д.И. Паранаука, парапрактика и измененные состояния массового сознания // Здравый смысл. 1997. № 2; Пружинин Б.И. Ratio servus // Вопросы философии. 2004. № 12; некоторые другие.

типу «попсы». *Критерий паранаучности* по сравнению со всеми остальными до- и вненаучными формами сознания усматривается в претензиях её адептов на официальное признание со стороны учёных и публики. Цирковой фокусник или жрец какой-то религии не претендуют на лавры академика, у них своя стезя. Представители же паранауки убеждают нас, что их версии тех или иных явлений природы или общества не фантастика, а столь же реальные феномены, как и признанные официальной наукой. Якобы именно эти аномальные явления интереснее всего прочего для исследования и полезнее всего для жизни людей. Итак, перед нами старинное, по крайней мере средневековое мракобесие, приукрашенное новыми словечками; худшего сорта мистицизм, но маскирующийся под настоящее знание, именующий себя наукой.

Попытками оправдать паранауку служат такие уловки, каковы:

- *квазинаучная терминология*, камуфлирующая фантастическое содержание в глазах неискущённых образованием лиц (например, не летающий или плавающий дракон, как в добрых старых сказках, а НЛО («пришельцы») или «выживший динозавр» в озере Лох-Несс; не леший или баба Яга, а «снежный человек» (реликтовый антропоид); не фольклорный домовой, а «полтергейст»; не гипноз, а «кодирование»; не гадание на кофейной гуще, а «проскопия»; не магия, а «телекинез»; не нимб святого, но «аура»; не «снятие порчи», а «очищение организма от «шлаков»»; и масса тому подобных пустых словечек);

- *имитация* методических приёмов и логических *аргументов* — применительно к таким феноменам, абсурдность которых по большей части видна настоящему учёному с первого взгляда и в особом доказательстве не нуждается (поскольку противоречит всему позитивному опыту академического сообщества и не находит ни одного опытно-экспериментального подтверждения).

Известный журнал «Science» публикует своего рода антирейтинг неподтвердившихся «открытий» истекшего года. За 2004 г. среди «худших достижений» неудачливых исследователей разных стран выделяются следующие. Гран-при — за китайцами, предполагавшими вывести помидорный куст с килограммовыми плодами за счет обучения энергией в открытом космосе... Приз «Антизнаменитость» достался знахарю из Ботсваны, заявившему гомеопатическое средство против СПИДа. Доктор Дж. Маккейт из Англии предложила людям есть хлорофилл, дабы насыщать свою кровь кислородом, и была признана самым безграмотным человеком с учёной степенью. «Производители худшего научного товара» двинули на рынок презервативы со специальной мазью для местной анестезии. Вместо обещанного патентом продления оргазма наступали обморожения кожи. И т.д., и т.п. (Российская газета. 8 февраля. 2005. № 24. С. 14). Эти антипремии присуждаются ежегодно.

- Самоуправное *копирование институциональных структур* академического типа — самозванные «исследователи» сами себя увенчивают званиями, степенями, премиями; открывают «институты», «академии», «школы»; публикуют свои «труды» и периодические издания; размещают сайты и порталы в Интернете; проводят симпозиумы и конгрессы; регистрируют свои собственные «открытия»; носят мантии; присваивают тому подобные аксессуары кастового знания.

Ярким образцом «мутирования» внешней атрибутики науки служит индустрия присуждения уже не просто общественных, а прямо поддельных «наград» некоторым её представителям. За определённую сумму (от сотни-другой до тысяч долларов) кое-кто разживается бумажкой о том, что он «человек года», «человек десятилетия», «золотой рыцарь»,

«хрустальный глобус», член «Нью-Йоркской академии наук», «Международного биографического центра в Кембридже»; и т.п. Так, из Мосгорсправки (на Тверской улице нашей столицы) сделали «Международную академию информатизации», куда сегодня завербовано уже более 15000 «членов» (перемножьте их на сумму денежных взносов). Из ленинградской партийной школы вышли «Академия гуманитарных наук», «Петровская академия наук и искусств». Из Московской ВПШ — «социальный университет», из Московской комсомольской школы — «гуманитарный университет». Не попавшие в настоящие — государственные академии наши коллеги довольствуются тем, что за свои собственные деньги покупают дипломы «Академии» «естественных» «наук» или же разных других «академий». Воистину, бесконечны людское тщеславие и хитрости мошенников.

Кроме уже названных, заслуживают упоминания и такие *отличительные черты паранауки*:

- упорное *сопротивление* независимой экспериментальной проверке, игнорирование её результатов;
- *аллергия на критику* (наивное сравнение её с давними гонениями инквизиции на передовых учёных; преследованиями генетики в СССР — в действительности, именно академик В.И. Вавилов категорически отрицал теоретически абсурдные претензии «народного академика» Т.Д. Лысенко на «воспитание» полезных растений);
- противоречие фактически доказанным научным теориям, извечная для человечества *мечта о невозможном*;
- *агрессивная реклама* своей реалистичности и эффективности (вполне по законам рыночной психологии, но отнюдь не академической науки);
- беззастенчивая *конкуренция* с легитимными способами познания и практики;
- тотальность претензий на истину и пользу; *сенсационность* заявок на «открытия» и «изобретения».

Отношение к паранауке в обществе раскладывается на несколько вариантов. Отличаясь и от религии (трансцендентального по своей сути восприятия мира), и от искусства (условной по определению имитации жизни), паранаука в тех или иных своих вариантах выглядит популярным суррогатом той или другого. Поэтому в её отношении имеются не только принципиально *критическая позиция* (представленная, в частности, в настоящей лекции), но и сочувственные (хотя и не прямо апологетические) варианты определения её же.

Романтическая версия объявляет о появлении на наших глазах новой науки, открывающей передовые горизонты познания, преодолевающей консерватизм официальной науки. Будущее познания, якобы, за непризнанными пока «гениями» вроде Фоменки с Мулдашевым...

Либеральный вариант отношения к паранауке отводит ей роль альтернативного горизонта познания, относит её к широкому спектру вненаучных способов восприятия мира, дополнительные к научной картине мира. Дескать, пускай публика развлекается телевизионными да газетными сенсациями о новоявленных «чудесах» — кому от этого плохо? Настоящая наука — удел узкой касты специалистов. А сенсации несут факел знания в массы...

Безразличное игнорирование якобы ученых характерно для большинства ученых настоящих. Им просто нет дела до всевозможных невежд. Зачем отвлекаться от профессиональных занятий на общение по бесполезным поводам?

В каждом из намеченных подходов, как видно, содержится та или иная доля истины по обсуждаемому предмету, которая может повышаться, либо понижаться применительно к тем или иным его сторонам. Ведь мир паранормального исключительно пёстр и сложен. Одни «эффекты» оттуда безусловно безумны, другие вполне невинны, третьи даже любопытны. Соответственно названным позициям может меняться терминология. Тогда паранаука называется то *лже-*, *квази-*, *антинаукой*, то *около-*, *внеаучным знанием*.

Некоторые паранаучные увлечения вроде бы безобидны, а убогим людям даже полезны (лучше читать чудака (или расчётливого обманщика?)) Мулдашева о поисках живых циклопов в Гималаях, нежели скучать или пьянствовать). Но другие акции в принципе того же сорта прямо угрожают социуму и его культуре. Прежде всего это касается оккультной «медицины», усугубляющей страдания множества доверчивых или отчаявшихся пациентов. Но паранаучную «ниву возделывают» не только экзотические знахари. Так называемые «чёрные археологи» всё активнее разоряют культурный слой — невосполнимый источник научной информации о прошлом. Перекраивающие историю разных стран шарлатаны завалили книжный рынок привлекательными обложками своих диких опусов. В общем, поглощение огромных денег спекулянтами на сверхъестественном уводит средства от реального решения жизненных проблем. Немало паранаучных проектов прямо нацелены на получение бюджетных или спонсорских денег (вроде разного рода чудесного «оружия» или чудесного же «лекарства», «контактов» с «пришельцами» или поиска кладов).

Классификация паранаучных заблуждений возможна как по историческим, так и по логическим соображениям. *Генеалогия паранауки* включает в себя такие широко известные в истории культуры человечества духовно-практические проекты, каковы:

- *первобытная мифология* (как наивно-антропоморфное восприятие мира) и её практическая часть — *магия* (колдовство, то есть символическое «воздействие» на мир с помощью придуманных сверхъестественных сил);
- *мантика* (гадания о будущем по типу «самоорганизующегося прогноза»), в том числе по руке — *хиромантия*; по почерку — *графология*; *френология* — диагностика характера по конфигурации черепа; и т.д.), основанные на преувеличении соматической корреляции психологического типа личности;
- *медицинский оккультизм* (знахарское врачевание, где извечно перемежались шарлатанство и психотерапия, опытные навыки и плацебо-эффект);
- *алхимия* (инструментальные попытки трансмутации вещества и создания панацеи);
- *астрология* (предопределение индивидуальной судьбы по расположению небесных тел) («глупая дочь мудрой астрономии»);

- *спиритизм* (общение с душами умерших людей при посредстве медиумов), *теософия* (опять же претензии на общение с потусторонним миром);

- *религиозные секты тоталитарного типа* (типа «сайентология» Дж. Рона Хаббарда т.п.), претендующие на теоретическое обоснование своих жизненных доктрин;

- *прочие варианты* мистики, оккультизма и эзотерики.

Сколько бы ни разоблачали эти и им подобные интеллектуальные забавы здравомыслящие эксперты, люди продолжают проявлять к ним массовый интерес, конца которому не видно несмотря ни на какой научно-технический прогресс. В глубинах массового сознания средневековые с его «охотой на ведьм» и услугами колдунов никогда, похоже, не закончится.

С теоретической точки зрения возможен *вариант классификации паранормальных «феноменов» по степени их абсурдности*:

- те «явления», которых *нет* в природе и *быть не может* по её определению официальной наукой (спиритизм и т.п.);

- объекты, *может быть* существующие, а может быть, и нет с точки зрения настоящей науки, но заведомо преувеличенные паранаукой («экстрасенсорика», «биополя», «реликтовые антропоиды» и т.д.);

- *реальные явления, искажённо* воспринимаемые паранаукой (вроде так называемая «уфологии» отражает целый спектр техногенных эффектов, оптических иллюзий, прямых подлогов);

- события *прошлого*, от которых почти ничего не сохранилось (погибшие цивилизации, отдельные виды палеоживотных и т.п.);

- прогнозируемые *в будущем* эффекты, о которых пока слишком мало известно (искусственный интеллект?);

- *рабочие гипотезы* официальной науки, провоцирующие движение научной мысли («параллельные миры» в физике; «полый земной шар»; т.п.);

- *альтернативные гипотезы*, чья цель — усилить аргументацию официальных теорий (отрицание дарвинизма (во имя модной «теории катастроф»), теории относительности и т.п.);

- *тривиальные повторы* некоторых рекомендаций настоящей науки, чаще всего психологии или медицины, но с заявкой на приоритет, открытие чего-то нового («как перестать беспокоиться и начать жить» — как будто до сих пор никто этого не знает, а если узнает, то сразу успокоится...).

По мере появления современных отраслей естественнонаучного и гуманитарного познания практически у каждой из них появляется своя паранаучная «тень»: у *астрономии* — *уфология* («контакты» с представителями внеземных цивилизаций); у *физики* — *телекинез* (претензии перемещать материальные предметы силой мысли); у *биологии* — так и не зафиксированное лабораторно «биополе»; у *психологии* — парапсихология, то есть *экстрасенсорика* (передача информации по нематериальным каналам); у *истории* — «новая хронология» академика (математика) Фоменко; у *археологии* — наделение реальных памят-

ников далекого прошлого волшебными свойствами (чего стоит «алтайская принцесса» — мумия скифской женщины, повторного погребения которой требуют от археологов «шаманы»); масса т.п. фальсификаций прошлого в националистических или же просто честолюбивых целях; и т.д.

Многие паранаучные авантюры претендуют на междисциплинарность (один из последних примеров связан с «путешествиями» хитрого или психически больного хирурга-офтальмолога из Уфы Мулдашева, который ищет в горах Тибета наших предков-«атлантов» 90-метрового роста и с третьим глазом во лбу...). Ещё больше ненаучных проектов технического свойства, сулящих чудеса на бытовой практике (какие-то сказочные по своей целебности пирамиды, «структурированная» вода, медные браслеты, ионизаторы воздуха и прочая, и прочая). Вечная идея чудесного исцеления выглядит так привлекательно в упаковке физических и биологических терминов!..

Заметим, что успехи настоящих наук ни в коей мере не снижают, а скорее активизируют представителей паранауки, расширяют её доверчивую аудиторию среди обывателей. Степень абсурдности и нахальности паранаук варьируется в широких пределах — от экстравагантных, но рабочих гипотез внутри настоящей науки (вроде совсем недавно экспериментально отвергнутых гипотез «параллельных миров» и «суперструн» в физике), через общедоступные имитации человекознания (типа примитивной «дианетики» Рона Хаббарда), вплоть до клинического бреда псевдоцелителей (наподобие печально известных у нас Джуны, Чумака, Кашпировского и иже с ними). Когда «белый маг» Лонго на экранах телевизоров «оживлял» труп, большинство зрителей поверили в это... С такой массовой аудиторией современным колдунам безработица не грозит.

Предпосылки и причины паранаучных увлечений многообразны, они резонируют и сочетают в себе вечные и обновляемые факторы.

На поверхности чаще всего лежит *болезненное тщеславие* аутсайдеров профессиональной науки, не находящихся в себе физических и нравственных сил для усидчивой многолетней работы и потому пробавляющихся дешёвыми выдумками. За это их ближайшее окружение почитает их «талантами», а им того и надо («эффект павлина»).

За этим небезобидным психозом стоят, им питаются более практичные вещи: *большой бизнес* в области книготорговли, всех средств массовой информации; «откат» крупных денежных средств из бюджета (мифические «торсионные поля» выдоили из министерства обороны РФ \$ миллионы в 1990-е годы) или из карманов доверчивых потребителей парапрактических услуг (бесчисленные врачеватели без диплома, в абсолютном большинстве — шарлатаны).

Благодатную почву для расцвета тех же феноменов предоставляют *иррациональные компоненты массового сознания*, чей так называемый здравый смысл задан макромиром и эволюцией животных в его условиях. А наука, начиная с Нового времени, работает в совершенно других мирах так или иначе идеализированной реальности. Сюда же добавляются *недостатки школьного образования*; приток в политику, науку и образование «интеллигентов в первом

поколении», то есть по сути малограмотных людей с дипломами о высшем образовании и даже учёными степенями.

Таким образом, *причины популярности паранауки* хотя и различны, но переплетаются друг с другом. Среди них:

- *социальные* (переходные периоды цивилизационных кризисов, недостатки среднего и высшего образования, элитарность академической науки);
- *социально-психологические* (иррациональные моменты обыденного сознания — вера в чудо, жажда нового; кризис идеологической идентичности; сенсационные достижения официальной науки);
- *индивидуально-психологические* (суррогат духовной активности для интеллектуалов-неудачников);
- *клинико-психиатрические* (навязчивые состояния акцентуированных личностей, психозы, фобии и мании);
- *экономические* (бизнес на газетной, книжной, кино- и телепродукции; др. товарах экзотического назначения; коррупция в области распределения бюджетных средств);
- *эстетические* (модернизированный городской фольклор — былички о чудесах, детские страшилки).

В целом паранаука маркирует собой пережиточные и кризисные моменты и этапы общественного сознания. Как и всякая болезнь, она помогает организму до какой-то степени преодолеть кризис, но ценой потери тех или иных жизненных перспектив. Вторичные очаги заболевания, в данном случае духовного, социокультурного, обнаруживаются, когда паранаучные взгляды переносятся из СМИ в область средней и даже высшей школы, в среду профессиональной науки по разным каналам. Налицо целый набор факторов (как объективных, так и субъективных) частичной вульгаризации учебного процесса и даже научной деятельности в паранаучном духе:

- усложнение современных научных исследований, всё дальше уходящих от так называемого «здорового смысла», сложившегося в условиях доиндустриальных цивилизаций; с каждым десятилетием всё сложнее становится передавать молодым поколениям всю совокупность главных выводов науки — преподаватели сами не успевают их усваивать, а значительная часть учащихся не готова их воспринять (легче отвергать Дарвина, чем сдать зачет по дарвинизму и экзамен по генетике);
- демократизация образования так или иначе снижает его качественный уровень и, вместе с тем, облегчает доступ в школу, среднюю и высшую, разного рода духовным суррогатам (вроде валеологии или парапсихологии);
- консервация пережиточных слоев массового сознания у значительной части современных школьников и студентов поощряется вполне естественной у молодежи тягой к новизне, экзотичности, новой корпоративности, которую охотно удовлетворяют представители паранауки (зачем напрягаться в анатомическом классе или химической лаборатории как это делали наши отцы и деды, когда можно порассуждать о «тибетской медицине»);

- экспансия конкурирующих с наукой за духовное лидерство среди молодежи форм общественного сознания — традиционных и нетрадиционных религий, похожих на них общественных движений (так называемых толкинистов, исторических реконструкторов и т.п.), искусства фэнтези; фанатиков компьютерных игр; т.п.;

- недооценка опасности, даже игнорирование квазинауки представителями официальной науки (публичному дезавуированию своих интеллектуальных противников уделяют внимания главным образом те представители Академии наук или университетов, кто сам выглядит чудаковато); даже переход на позиции паранауки некоторых представителей науки профессиональной (по клиническим, социальным, иным причинам). Впрочем, с недавних пор при Российской академии наук работает специальная Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований ⁴⁰.

Данные социологических опросов ВЦИОМ населения РФ за 1990-е – начало 2000-х гг. свидетельствуют о массовом и устойчивом спросе на паранаучные продукты: среди наших сограждан верят в возможность общения с душами умерших 11 %; верят в телекинез 22 %; верят в возможность «наводить порчу», в колдовство 35 %; верят в передачу мыслей на расстоянии, в гадание о будущем 42 %; верят в приметы 49 %; верят в чудотворные иконы, амулеты, исцеляющие тяжелые недуги 61 %; верят в преимущество экзотической медицины (шаманы, хилеры, другие знахари) 68 %.

Настоящие учёные и специалисты-практики обязаны по мере сил разоблачать шарлатанов от науки, активно формировать у населения научное мировосприятие мира и человека. Особенно актуально такое наступление на самозванных «исследователей» в области медицины и фармации, где претензии «целителей» без дипломов могут принести смертельный вред доверчивым пациентам.

Хотя остановить наступление лженаучных доктрин на общественное сознание никогда не удастся (в силу прежде всего качественной разницы научного и вненаучного типов знания, изменения самих критериев научности), минимизировать вторжение паранауки на общественную арену, прежде всего в академический и университетский миры необходимо для сохранения их работоспособности. Пути отпора новоявленным суевериям представляются зеркально противоположными отмеченным выше причинам постоянной регенерации казалось бы уже опровергнутой вместе с алхимией или астрологией паранауки. Среди «противоядий», которые можно рекомендовать относительно фальсификаторов науки, сочетаются и полное их игнорирование, и юмористическое высмеивание, и обстоятельное опровержение в средствах массовой информации, и юридическое преследование наиболее опасных шарлатанов. Тут как в медицине

⁴⁰ См. полезнейший труд председателя этой комиссии: *Кругляков Э.П. «Учёные» с большой дороги.* М., «Наука», 2001. 320 с.

— всех болезней никогда не вылечить, но бороться с ними врачи не прекращают.

Приложение

А. и Б. Стругацкие

Сказка о тройке

*История непримиримой борьбы за повышение трудовой дисциплины,
против бюрократизма, за высокий моральный уровень,
против обезлички, за здоровую критику и здоровую самокритику,
за личную ответственность каждого, за образцовое содержание отчётности
и против недооценки собственных сил*

... Перекосившись набок под тяжестью огромного чёрного футляра, вкатился сухопарый старичок в толстовке и в военных галифе с оранжевым кантом. ... Я сразу узнал этого старичка — он неоднократно бывал в нашем институте, и во многих других институтах он тоже бывал, а однажды я видел его в приёмной заместителя министра тяжёлого машиностроения, где он сидел первым в очереди, терпеливый, чистенький, пылающий энтузиазмом. Старичок он был неплохой, безвредный, но, к сожалению, не мыслил себя вне научно-технического творчества. ...

Он снял с футляра крышку, под которой оказалась громоздкая старинная пишущая машинка, извлёк из кармана моток провода, воткнул один конец куда-то в недра машинки, затем огляделся в поисках розетки и, обнаружив, разматал провод и воткнул вилку.

— Вот, извольте видеть, так называемая эвристическая машина, — сказал старичок. — Точный электронномеханический прибор для отвечания на любые вопросы, а именно — на научные и хозяйственные. Как она у меня работает? Не имея достаточно средств и будучи отфутболиваем различными бюрократами, она у меня пока не полностью автоматизирована. Вопросы задаются устным образом, я их печатаю и ввожу таким образом к ей внутрь, довожу, так сказать, до её сведения. Отвечание еёное, опять через неполную автоматизацию, печатаю снова я. В некотором роде посредник, хе-хе! Так что, ежели угодно, прошу.

Он встал за машинку и шикарным жестом перекинул тумблер. В недрах машины загорелась неоновая лампочка.

... — А что это там у вас за лампа? — подозрительно спросил Фарфуркис.

Старичок ударил по клавишам, потом быстро вырвал из машинки листок бумаги и рысцой поднёс его Фарфуркис. Фарфуркис прочитал вслух:

— «Вопрос: что у нея... гм... у нея внутри за лпч...?» Лэпэчэ... Кэпэдэ, наверное? Что ещё за лэпэчэ?

— Лампочка, значит, — сказал старичок, хихикая и потирая руки. — Кодиреем помаленьку. — Он вырвал у Фарфуркиса листок и побежал обратно к своей машинке. — Это, значит, был вопрос, — произнёс он, загоня листок под валик. — А сейчас посмотрим, что она ответит...

Члены Тройки с интересом следили за его действиями. ...

— Вот, извольте, ответ.

Фарфуркис прочитал: — У мене внутри... гм... не... неонка». Гм. Что это такое — неонка?

— Айн секунд! — воскликнул изобретатель, выхватив листок и вновь побежал к машинке.

Дело пошло. Машина дала безграмотное объяснение, что такое неонка, затем она ответила Фарфуркису, что пишет «внутри» согласно правилам грамматики, а затем...

Фарфуркис: Какой такой грамматики?

Машина: А нашей русской грмтк.

... Лавр Федотович: Грррм... Какие будут предложения?

Машина: Признать мене за научный факт.

Старичок бегал и печатал с невероятной быстротой. ...

Хлебоввводов (раздражённо). Я так работать не могу. Чего он взад-вперёд мотается, как жёсть на ветру?

Машина. Ввиду стремления.

Хлебоввводов. Да уберите вы от меня ваш листок! Я вас ни про чего не спрашиваю, можете вы это понять?

Машина. Так точно. Могу.

До Тройки наконец дошло, что если они хотят кончить когда-нибудь сегодняшнее заседание, им надлежит воздержаться от вопросов, в том числе и риторических. ...

— Есть предложение, — тщательно подбирая слова, сказал Фарфуркис. — Пусть научный консультант произведёт экспертизу и доложит своё мнение.

Лавр Федотович поглядел на Выбегаллу и величественно наклонил голову. Выбегало встал. Выбегало любезно осклабился. Выбегало прижал правую руку к сердцу. Выбегало заговорил.

— Эта... — сказал он, — неудобно, Лавр Федотович, может получиться. Как-никак, а же суизан рекомедатель сет нобль вё⁴¹. Пойдут разговоры ... эта... кумовство, мол, протексион... А между тем случай очевидный, достоинства налицо, рационализация ... эта... осуществлена в ходе эксперимента... Не хотелось бы подставлять под удар доброе начинание, гасить инициативу народа. Лучше будет что? Лучше будет, если экспертизу произведёт лицо незаинтересованное... эта... постороннее. Вот тут среди представителей наблюдается Привалов Александр Иванович... (Я вздрогнул). Компетентный товарищ по электронным машинам. И незаинтересованный. Пусть он. ...

Я осмотрел агрегат и сказал:

— Ну, хорошо... Имеет место пишущая машинка «ремингтон» выпуска тысяча девятьсот шестого года в сравнительно хорошем состоянии. ... — Я поймал умоляющий взгляд старикашки, вздохнул и пощёлкал тумблером. — Короче говоря, ничего нового данная печатающая конструкция, к сожалению, не содержит. Содержит только очень старое...

— Внутри! — прошелестел старичок. — Внутри смотрите, где у неё анализатор и думатель...

— Анализатор... — сказал я. — Нет здесь анализатора. Серийный выпрямитель — есть, тоже старинный. Неоновая лампочка обыкновенная. Тумблер. Хороший тумблер, новый. Та-ак... Ещё имеет место шнур. Очень хороший шнур, совсем новый... Вот, пожалуй, и всё. ... Описанная машинка «ремингтон» в соединении с выпрямителем, неоновой лампочкой, тумблером и шнуром не содержит ничего необъяснённого.

— А я? — вскричал старичок. ...

— Нет, конечно... — промямлил я. — Прodelана большая работа... Ну пусть человек работает, раз ему интересно... Я только говорю, что необъяснённого ничего нет... А вообще-то даже остроумно...».

1967

Вопросы для повторения раздела VI

Когда, где и почему возникает наука типа современного типа?

Ко всем ли типам человеческого знания применим термин «наука»?

⁴¹ Я — рекомедатель этого благородного старика.

Насколько применим в медицине «метод» проб и ошибок?

Из истории физики, химии или биологии приведите образцы учёных-экспериментаторов и учёных-теоретиков.

Чем наблюдение как научный метод отличается от повседневного восприятия; скажем, от созерцания окрестностей туристом?

Насколько непредсказуемы результаты научного эксперимента?

Каких гарантий требует эксперимент в фармакологии и медицине?

Дайте определение следующих понятий, базовых для заключительного раздела этого курса философии:

- наука;
- метод;
- методология;
- наблюдение;
- аналогия;
- моделирование;
- абстрагирование;
- идеализация;
- формализация;
- факт;
- идея;
- гипотеза;
- теория;
- фальсификация;
- закон;
- принцип;
-
-
-
- паранормальное;
-
-
-

Об авторе

Сергей Павлович Щавелёв — доктор философских наук (1994), доктор исторических наук (2002), профессор (1994), заведующий кафедрой философии (с 1992 г.) Курского государственного медицинского университета.

Автор монографий:

- Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с.;
- Метод практики: природа и структура. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1996. 133 с.;
- Профессиональное мышление провизора. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1999 (в соавторстве с *И.М. Раздорской*);
- «Синяя птица» повседневности. Этюды к антропологии обыденного сознания. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2002. 125 с.;
- Анализ повседневности. М., Канон +, 2004. 432 с. (в соавторстве с *И.Т. Касавиным*);
- Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южно-русского края. Вып. 1. Предпосылки и становление региональной историографии. 136 с.; Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1997. 141 с.; Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлёт и разгром (1920-е – 1950-е гг.). Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2002. 217 с.;
- Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1998. 121 с., илл. (В соавторстве); Изд. 2-е, испр. и доп. (в печати);
- Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1998. 281 с., илл.;
- Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1–7. Курск, 1997–2005 (В соавторстве с *А.Т. Хроленко* и др.);
- Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X – XVII вв. Курск, изд-во «Учитель», 1999. 291 с., илл. (В соавторстве с *А.В. Зориным, А.И. Раздорским*);
- Феодосий Печерский – курянин // Преподобный Феодосий Печерский. Жизнеописание. М.–Курск, «Союз», 2002. С. 72–155, 173–182.

Учебного пособия для высшей медицинской школы:

Очерки истории фармации. Вып. 1. Рождение целителя и его аптеки: древние цивилизации. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2006. 200 с. (В соавторстве с *И.М. Раздорской*).

Автор статей в журналах и альманахах: Проблемы студенческого научного движения (Варшава); Философские науки, Вопросы философии, Эпистемология и философия науки; Вопросы истории, Российская археология, Государство и право, Московский журнал, Архив русской истории (Москва); Археология, Ruthenica (Киев); Сумская старина (Сумы); Деснинские древности, Проблемы славяноведения, Русский сборник (Брянск); Летопись, Сеймские берега, Архивная находка, Курск. Краеведческий словарь-справочник, Порубежье, Большая курская энциклопедия (Курск).

Разделов в сборниках научных трудов Санкт-Петербургского, Минского, Белгородского, Воронежского, Мордовского, Новгородского, Омского, Ставропольского, Ярославского университетов; Брянского, Курского, Липецкого, Сумского, Черниговского педагогических университетов; Государственного Исторического музея; Институтов РАН — Археологии; Славяноведения.

Участник многих научных конференций, в том числе: VI Международного конгресса славянской археологии (Новгород Великий, 1996); I и IV Российских Философских конгрессов (Санкт-Петербург, 1997; Москва, 2005); «60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова» (Москва, 1999); «125 лет археологического исследования Гнёздова» (Москва, Государственный Исторический музей); «Философия XX века: школы и концепции. К 60-летию философского факультета СПбГУ» (Санкт-Петербург, 2000); «Ритуальное пространство культуры» (Санкт-Петербург, 2001); «Иерархия и власть в истории цивилизаций» (Санкт-Петербург, 2002); I Кондаковских чтений (Белгород, 2004); Международного полевого археологического семинара (Чернигов – Шестовица, 2003, 2006); Международной научной конференции «Археологическое изучение Центральной России» (Липецк, 2006).

См. о нём: Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 111.

ПРОСПЕКТ СЛЕДУЮЩИХ ТОМОВ

ТОМ ВТОРОЙ

VII. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- 27. Древняя мудрость
- 28. Дух Средневековья
- 29. Мыслители Нового времени
- 30. Заветы Просвещения
- 31. Метафизика Германии
- 32. Русская мысль
- 33. Духовные традиции Востока
- 34. Властители дум XX столетия

ТОМ ТРЕТИЙ

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦИИ

- 35. Теории болезней и практики врачевания
- 36. Здоровье, лекарство, аптека